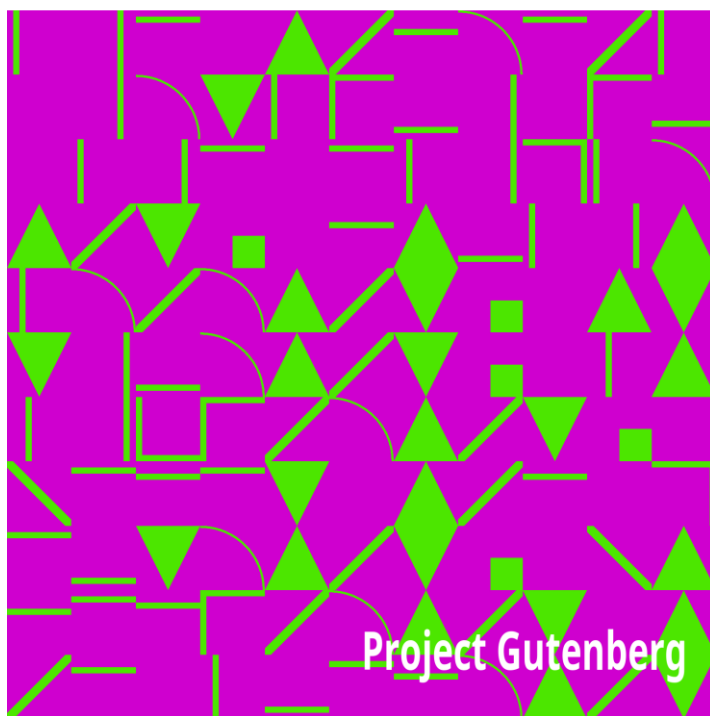

Древняя история египтян, карфагенян, ассирийцев, вавилонян, мидян и персов, македонцев и греков (том 1 из 6)

Шарль Роллин

The Ancient History of the Egyptians,
Carthaginians, Assyrians, Babylonians,
Medes and Persians, Macedonians and

Charles Rollin

The Project Gutenberg eBook of The Ancient History of the Egyptians, Carthaginians, Assyrians, Babylonians, Medes and Persians, Macedonians and Grecians (Vol. 1 of 6).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Ancient History of the Egyptians, Carthaginians, Assyrians, Babylonians, Medes and Persians, Macedonians and Grecians (Vol. 1 of 6)

Автор: Шарль Роллин

Дата выхода: 11 апреля 2009 [eBook #28558]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE ANCIENT HISTORY OF THE EGYPTIANS, CARTHAGINIANS, ASSYRIANS, BABYLONIANS, MEDES AND PERSIANS, MACEDONIANS AND GRECIANS (VOL. 1 OF 6) ***

The Ancient History Of The Egyptians, Carthaginians, Assyrians, Babylonians, Medes and Persians, Macedonians and Grecians

Шарль Роллин

Поздний директор Парижского университета

Профессор красноречия в Королевском колледже

И член Королевской академии

О надписях и изящной словесности

Переведено с французского

В шести томах

Том I.

Новое издание

Иллюстрированное картами и другими гравюрами

Лондон

Напечатано для Лонгмана и Ко, Дж. М. Ричардсона,
Hamilton And Co., Hatchard And Son, Simpkin And Co,

Rivingtons, Whittaker And Co., Allen And Co,
Nisbet And Co., J. Bain, T. And W. Boone, E. Hodgson,
Т. Бампус, Смит, Элдер и Ко, Дж. Кейпс, Л. Бут,
Бигг и сын, Хоулстон и Ко, Х. Уошборн,
Бикетс и Буш, Уоллер и сын, Кембридж,
Уилсон и сыновья, Йорк, Г. и Дж. Робинсон, Ливерпуль,
и А. и К. Блэк, Эдинбург.

1850

Содержание

- Предисловие.
- Книга первая. Древняя история египтян.
- Часть первая. Описание Египта.
- Глава I. Фиваида.
- Глава II. Средний Египет, или Гептаномис.
- Глава III. Нижний Египет.
- Часть вторая. О нравах и обычаях египтян.
- Глава I. О царях и правительстве.
- Глава II. О жрецах и религии египтян.
- Глава III. О египетских воинах и войне.
- Глава IV. Об их искусствах и науках.
- Глава V. О земледельцах, пастухах и ремесленниках.
- Глава VI. О плодородии Египта.
- Часть третья. История царей Египта.
- Книга вторая. История карфагенян.
- Часть первая. Характер, нравы, религия, правительство.
- Часть вторая. История карфагенян.
- Глава I. Основание Карфагена.
- Глава II. История Карфагена.
- Книга третья. История ассирийцев.
- Глава I. Первая империя ассирийцев.
- Глава II. Вторая Ассирийская империя, Ниневия и Вавилон.
- Глава III. История царства мидов.
- Глава IV. История лидийцев.
- Карты.
- Сноски

Шарль Роллин. Родился в 1661 году. Умер в 1741 году.

[Примечание переводчика: Французский оригинал этой работы был опубликован в 1730-38 гг. Перевод выполнен Робертом Линамом].

Письмо, написанное преподобным доктором ФРЭНСИСОМ АТТЕРБЕРИ, покойным лордом-епископом Рочестера, М. Роллину в знак одобрения этой работы.

Reverende atque Eruditissime Vir,

Cum, monente amico quodam, qui juxta ædes tuas habitat, scirem te Parisios revertisse; statui salutatum te ire, ut primùm per valetudinem liceret. Id officii, ex pedum infirmitate aliquandiu dilatum, cùm tandem me impleturum sperarem, frustrà fui; domi non eras. Restat, ut quod coràm exequi non potui, scriptis saltem literis præstem; tibi que ob ea omnia, quibus à te auctus sum, beneficia, grates agam, quas habeo certè, et semper habiturus sum, maximas.

Reverà munera ilia librorum nuperis à te annis editorum egregia ac perhonorifica mihi visa sunt. Multi enim facio, et te, vir præstantissime, et tua omnia quæcunque in isto literarum genere perpolita sunt; in quo quidem Te cæteris omnibus ejusmodi scriptoribus facilè antecellere, atque esse eundem et dicendi et sentiendi magistrum optimum, prorsùs existimo; cùmque in excolendis his studiis aliquantulum ipse et operæ et temporis posuerim, liberè tamen profiteor me, tua cum legam ac relegam, ea edoctum esse à te, non solùm quæ nesciebam prorsus, sed etiam quæ antea didicisse mihi visus sum. Modestè itaque nimium de opere tuo sentis, cùm juventuti tantùm instituendæ elaboratum id esse contendis. Ea certè scribis, quæ à viris istiusmodi rerum haud imperitis, cum voluptate et fructu legi possunt. Vetera quidem et satis cognita revocas in memoriam; sed ita revocas, ut illustres, ut ornes; ut aliquid vetustis adjicias quod novum sit, alienis quod omnino tuum: bonasque picturas bonâ in luce collocando efficis, ut etiam iis, à quibus sæpiissimè conspectæ sunt, elegantiores tamen solito appareant, et placeant magis.

Certè, dum Xenophontem sæpiùs versas, ab illo et ea quæ à te plurimis in locis narrantur, et ipsum ubique narrandi modum videris traxisse, stylique Xenophontei nitorem ac venustam simplicitatem non imitari tantùm, sed planè assequi: ita ut si Gallicè scisset Xenophon, non aliis ilium, in eo argumento quod tractas, verbis usurum, non alio prorsùs more scripturum judicem.

Hæc ego, haud assentandi causâ, (quod vitium procul à me abest,) sed verè ex animi sententiâ dico. Cùm enim pulchris à te donis ditatus sim, quibus in eodem, aut in alio quopiam doctrinæ genere referendis imparem me sentio, volui tamen propensi erga te animi gratique testimonium proferre, et te aliquo saltem munusculo, etsi perquam dissimili, remunerari.

Perge, vir docte admodùm et venerande, de bonis literis, quæ nunc neglectæ passim et spretæ jacent, benè mereri: perge juventatem Gallicam (quando illi solummodò te utilem esse vis) optimis et præceptis et exemplis informare.

Quod ut facias, annis ætatis tuæ elapsis multos adjiciat Deus! iisque decurrentibus sanum te præstet atque incolumem. Hoc ex animo optat ac vovet

Tui observantissimus
ФРАНЦИСК РОФФЕНСИС.

Pransurum te mecum post festa dixit mihi amicus ille noster qui tibi vicinus est. Cùm statueris tecum quo die adfuturus es, id illi significabis. Me certè annis malisque debilitatum, quandocunque veneris, domi invenies.

6° Кал. Янв. 1731.

Письмо, написанное достопочтенным доктором ФРЭНСИСОМ АТТЕРБЕРИ, покойным лордом-епископом Рочестерским, М. Роллину в знак одобрения этого труда.

Преподобный и высокоученый сэр,

Когда друг, живущий неподалеку от вас, сообщил мне, что вы вернулись в Париж, я решил дождаться вас, как только позволит мое здоровье. После того как подагра помешала мне в

течение некоторого времени, я надеялся, наконец, засвидетельствовать вам свое почтение в вашем доме, и отправился туда, но обнаружил, что вас нет дома. Поэтому я должен сделать то в письменном виде, чего не мог сделать лично, и выразить вам свою признательность за все те милости, которые вы сообразовали оказать мне, и прошу вас заверить, что я всегда буду сохранять самое благодарное чувство.

И действительно, я считаю книги, которые вы недавно опубликовали, подарками огромной ценности и такими, которые делают мне очень большую честь. Ибо я питаю глубочайшее почтение, превосходнейший господин, как к вам, так и ко всему, что исходит от столь искусной руки, как ваша, в том виде обучения, к которому вы относитесь; и я должен верить, что вы не только превосходите всех других писателей, но в то же время являетесь лучшим мастером хорошо говорить и думать; И я охотно признаюсь, что, хотя я потратил некоторое время и усилия на культивирование этих исследований, когда я читал ваши тома снова и снова, я был наставлен вами в вещах, о которых я не только был совершенно невежественен, но, казалось, сам узнал раньше. Поэтому вы слишком скромно оцениваете свою работу, когда заявляете, что она предназначена исключительно для обучения молодежи. То, что вы пишете, несомненно, может быть прочитано с удовольствием и улучшено людьми, не знакомыми с образованием того же рода. Ибо, хотя вы обращаетесь к древним фактам и вещам, достаточно известным, вы делаете это таким образом, что иллюстрируете, приукрашиваете их; все еще добавляя что-то новое к старому, что-то полностью свое к трудам других: помещая хорошие картины в хорошем свете, вы заставляете их выглядеть с необычным изяществом и более возвышенной красотой даже для тех, кто видел и изучал их больше всего.

В своей частой переписке с Ксенофонтом вы, несомненно, извлекли из него как то, о чем вы рассказываете во многих местах, так и повсюду его манеру изложения; вы, кажется, не только подражали, но и достигли сияющей элегантности и прекрасной простоты стиля этого автора: так что если бы Ксенофонт преуспел во французском языке, он, по моему мнению, не использовал бы других слов и не написал бы другим способом по предмету, который вы рассматриваете, чем это сделали вы.

Я говорю это не из лести (которая отнюдь не является моим пороком), а исходя из моих истинных чувств и мнения. Поскольку вы обогатили меня вашими прекрасными подарками, которые, как я знаю, я не в состоянии отплатить ни тем же, ни другим видом учености, я был готов засвидетельствовать свою благодарность и привязанность к вам и хотя бы немного отплатить вам, хотя и крайне неравноценно.

Продолжайте, почтеннейший господин, заслуживать благосклонности здоровой литературы, которая ныне повсеместно пренебрегается и презирается. Продолжайте воспитывать молодежь Франции (поскольку ее польза будет вашей единственной целью) на лучших заповедях и примерах.

Чтобы вы могли добиться этого, да будет угодно Богу прибавить много лет к вашей жизни, а в течение их сохранить вас в здравии и безопасности. Это искреннее желание и молитва

Вашего покорнейшего слуги,
ФРЭНСИС РОФФЕН.

P.S. - Наш друг, ваш сосед, сказал мне, что вы намерены пообедать со мной после праздников. Когда вы определитесь с днем, будьте добры сообщить ему об этом. Когда бы вы ни приехали, вы непременно застанете дома такого слабого от возраста и болезней человека, как я.

Предисловие.

О пользе светской истории, особенно в отношении религии.

Изучение светской истории вряд ли заслуживало бы серьезного внимания и значительного времени, если бы оно ограничивалось лишь знанием древних событий и неинтересным исследованием эпох, когда каждое из них произошло. Нас мало волнует, что когда-то существовали такие люди, как Александр, Сезар, Аристид или Катон, и что они жили в тот или иной период; что империя ассирийцев уступила место империи вавилонян, а та - империи медяков и персов, которые сами были покорены македонцами, а те - римлянами.

Но нам очень важно знать, какими методами были основаны эти империи; какими ступенями они поднялись до того возвышенного уровня величия, которым мы так восхищаемся; что составляло их истинную славу и благополучие; и каковы были причины их упадка и падения.

Не менее важно внимательно изучать нравы разных народов, их гений, законы и обычаи, и особенно знакомиться с характером и нравами, талантами, добродетелями и даже пороками тех, кем они управляли, и чьи хорошие или плохие качества способствовали величию или упадку государств, над которыми они стояли во главе.

Таковы великие задачи, которые ставит перед собой древняя история; заставляя пройти, как бы в обзоре перед нами, все королевства и империи мира; и в то же время всех великих людей, которые так или иначе были заметны; тем самым обучая нас, скорее примером, чем наставлением, искусству империи и войны, принципам правления, правилам политики, максимам гражданского общества и поведению в жизни, которое подходит для всех возрастов и условий.

В то же время мы приобретаем еще одно знание, которое не может не привлечь внимания всех людей, имеющих вкус и склонность к учености; я имею в виду то, как [pg ii] изобретались, культивировались и совершенствовались искусства и науки. Там мы обнаруживаем и прослеживаем глазом их происхождение и прогресс; и с восхищением замечаем, что чем ближе мы подходим к тем странам, которые когда-то были населены сынами Ноя, тем в большем совершенстве мы находим искусства и науки; тогда как они, кажется, либо пренебрегаются, либо забываются пропорционально удаленности народов от них; так что, когда люди пытались возродить эти искусства и науки, они были вынуждены вернуться к источнику, откуда они первоначально проистекали.

В этом месте я даю лишь мимолетное представление об этих предметах, хотя они так важны, потому что я уже подробно рассматривал их в другом [месте](#)¹.

Но еще один объект, бесконечно более важный, требует нашего внимания. Ибо хотя профанная история повествует лишь о народах, впитавших в себя все нелепости суеверного культа и предавшихся всем нарушениям, на которые стала способна человеческая природа

после грехопадения первого человека, тем не менее она повсеместно провозглашает величие Всемогущего, Его силу, Его справедливость и, прежде всего, восхитительную мудрость, с которой Его провидение управляет вселенной.

Если убежденность в этой последней истине возвышала, по замечанию [Цицерона](#)², римлян над всеми другими народами, то мы можем, подобным образом, утверждать, что ничто не дает истории большего превосходства над многими другими отраслями литературы, чем видеть почти на каждой ее странице драгоценные следы и блестящие доказательства этой великой истины, а именно. что Бог распоряжается всеми событиями как верховный Владыка и Суверен; что только Он определяет судьбу королей и продолжительность существования империй; и что Он передает управление королевствами от одного народа к другому за несправедливые дела и нечестие, совершенные в [них](#)³.

Мы открываем для себя эту важную истину, возвращаясь к самой отдаленной древности и к истокам профанной истории; я имею в виду рассеяние потомства Ноя по нескольким странам земли, где они поселились. Свобода, случай, интересы, любовь к определенным странам и подобные мотивы были, на первый взгляд, единственными причинами различных выборов, которые делали люди в этих разнообразных миграциях. Но [pg iii] Писания сообщают нам, что среди проблем и смятения, последовавших за внезапной сменой языка потомков Ноя, Бог незримо председательствовал на всех их советах и обсуждениях; что ничто не совершалось иначе, как по назначению Всемогущего; и что только Он [направлял](#)⁴ и улаживал дела всего человечества в соответствии с велениями Своего милосердия и справедливости: "Господь рассеял их оттуда по лицу земли"⁵.

Действительно, Бог даже в те ранние века проявлял особое внимание к народу, который однажды должен был стать Его собственностью. Он указал на страну, которую предназначил для них; Он заставил владеть ею другой трудолюбивый народ, который прилагал все усилия, чтобы возделывать и украшать ее и улучшать будущее наследство израильтян. Затем он закрепил в этой стране такое же количество семей, какое должно было поселиться в ней, когда сыны Израиля в назначенное время вступят во владение ею; и не допустил, чтобы кто-либо из народов, на которые не распространялось проклятие, произнесенное Ноем над Ханааном, вступил в наследство, которое должно было полностью перейти к израильтянам. Quando dividebat Altissimus gentes, quando separabat filios Adam, constituit terminos populorum juxta numerum filiorum Israel.⁶ Но это особое отношение Бога к Его будущему народу не мешает тому, что Он имеет к остальным народам земли, как видно из многих мест Писания, которые учат нас, что вся череда веков присутствует перед Ним; что ничто не совершается во всей вселенной, кроме как по Его назначению; и что Он руководит несколькими событиями в ней из века в век. Tu es Deus conspекtor seculorum. A seculo usque in seculum respicis.⁷

Поэтому мы должны считать неоспоримым принципом, основой и фундаментом изучения светской истории, что провидение Всемогущего от вечности назначило создание, продолжительность и разрушение царств и империй, а также в отношении общего плана всей вселенной, известного только Богу, который составляет порядок и удивительную гармонию ее отдельных частей; как, в частности, в отношении народа Израиля, так и еще более [pg iv] в отношении Мессии и создания Церкви, которая есть Его великое дело, цель и замысел всех Его других дел, и всегда присутствует перед Его взором; Notum à seculo est Domino opus suum.⁸

Бог дал нам возможность открыть в Священном Писании часть отношения нескольких народов земли к Его собственному народу; и то небольшое, что было открыто, проливает

великий свет на историю этих народов, о которых мы будем иметь лишь очень несовершенное представление, если не прибегнем к помощи вдохновенных писателей. Только они показывают и высвечивают тайные мысли князей, их бессвязные проекты, их глупую гордость, их нечестивые и жестокие амбиции: они раскрывают истинные причины и скрытые источники побед и поражений, величия и упадка наций, подъема и гибели государств; и учат нас тому, что является главной пользой, которую можно извлечь из истории, - суждению, которое Всевышний составляет о князьях и империях, и, следовательно, тому, какое представление мы сами должны о них иметь.

Не говоря уже о Египте, который сначала служил колыбелью (если мне будет позволено такое выражение) святого народа, а затем был для него суровой тюрьмой и огненной [печью](#)⁹, и, наконец, местом самых удивительных чудес, которые Бог когда-либо совершал в пользу Израиля: не говоря уже о Египте, могущественные империи Ниневии и Вавилона служат тысячей доказательств истины, о которой здесь говорится.

Их самые могущественные монархи, Тиглат-Пилесер, Шалманезер, Сеннахериб, Навуходоносор и многие другие, были в руке Божьей как множество инструментов, которые Он использовал, чтобы наказать проступки Своего народа. "Он возвестил народам издалека и прокричал им от края земли, чтобы они пришли и приняли приказ его".¹⁰ Он сам вложил меч в их руки и ежедневно назначал их походы. Он вдохнул мужество и пыл в их воинов, сделал их армии неутомимыми в труде и непобедимыми в бою, наводил ужас и страх везде, куда бы они ни направили свои шаги.

Стремительность их завоеваний должна была позволить им разглядеть невидимую руку, которая ими руководила. Но, говорит один из этих [царей](#)¹¹ от имени остальных: "Силой руки моей я сделал это и мудростью моей, ибо я [pg v] благоразумен: И я удалил пределы народа, и расхитил сокровища его, и низложил жителей, как доблестный человек. И рука моя нашла, как гнездо, богатство народа, и как собирают яйца, которые остались, так я собрал всю землю, и не было ни одного, кто бы шевельнул крылом, или открыл рот, или подглядел".¹²

Но этот монарх, столь величественный и мудрый в своих собственных глазах, каким он предстал в глазах Всевышнего? Только как подчиненный агент, слуга, посланный своим господином: "жезл гнева его и посох в руке его".¹³ Божий замысел заключался в том, чтобы наказывать, а не истреблять его детей. Но Сеннахериб "имел в сердце своем погубить и истребить все народы".¹⁴ Чем же закончится это состязание между замыслами Бога и замыслами этого князя? В то время, когда он воображал, что уже овладел Иерусалимом, Господь одним ударом рассеивает все его гордые надежды, уничтожает за одну ночь сто четыре десятка и пять тысяч его войск и, надев "крючок на нос его и узду на уста его",¹⁶ (словно дикому зверю), ведет его обратно в его собственные владения, покрытые позором, через среду тех народов, которые всего лишь немного раньше видели его во всей его гордости и надменности.

Навуходоносор, царь Вавилона, предстает еще более явственно управляемым Провидением, которому он сам совершенно чужд, но которое руководит всеми его рассуждениями и определяет все его действия.

Придя во главе своего войска к двум дорогам, одна из которых вела в Иерусалим, а другая - в Равву, главный город аммонитян, этот царь, не зная, в какую из них ему лучше ударить, некоторое время спорит сам с собой и наконец бросает жребий. Бог заставляет жребий пасть на Иерусалим, чтобы исполнить угрозы, которые он произнес над этим городом: разрушить его, сжечь храм и отвести его жителей в [плен](#)¹⁷.

На первый взгляд можно было бы предположить, что этот царь побуждался к осаде Тира только из политических соображений, чтобы не оставлять после себя столь мощный и хорошо укрепленный город; однако высшая воля предписала осаду Тира¹⁸. Бог задумал, с одной стороны, смирить гордыню царя Итобала, который, воображая себя мудрее Даниила, [pg vi] славу которого распространил по всему Востоку; и, приписывая своему редкому и необыкновенному благоразумию размеры своих владений и богатство, убедил себя, что он "бог и сидит на месте Божиим"¹⁹.¹⁹ С другой стороны, он также намеревался покарать роскошь, сладострастие и гордыню тех надменных купцов, которые считали себя морскими царями и властителями над коронованными головами; и особенно бесчеловечную радость тирийцев, которые рассматривали падение Иерусалима (соперника Тира) как свое собственное возвеличивание. Таковы были мотивы, побудившие самого Бога привести Навуходоносора в Тир и заставить его исполнить, хотя и неосознанно, свои повеления. Idcirco esse ego adducam ad Tyrum Nabuchodonosor.

Чтобы вознаградить этого монарха, чье войско Всемогущий заставил "сослужить великую службу против Тира"²⁰ (это слова самого Бога), и компенсировать вавилонским войскам тяжкие испытания, которые они перенесли во время тринадцатилетней осады, "Я отдам, - говорит Господь Бог, - землю Египетскую Навуходоносору, царю Вавилонскому; и он возьмет ее множество, и возьмет добычу ее, и это будет платой для его войска"²¹.²²

Тот же Навуходоносор, желая обессмертить свое имя величием своих подвигов, решил усилить славу своих завоеваний пышностью и великолепием, украсив столицу своей империи помпезными зданиями и самыми роскошными украшениями. Но в то время как множество обожающих его придворных, которым он оказывал высочайшие почести и раздавал огромные богатства, заставляют все места звучать его именем, формируется августейший сенат из бдительных духов, которые взвешивают на весах истины действия царей и выносят им приговор, от которого невозможно отмахнуться. Вавилонский царь предстает перед этим трибуналом, где председательствует Верховный судья, который к бдительности, от которой ничто не может ускользнуть, добавляет святость, не допускающую ни малейшего нарушения. Vigil et sanctus. В этом трибунале все поступки Навуходоносора, вызывавшие восхищение и удивление публики, подвергаются тщательной проверке, а в глубинах его сердца ищут самые сокровенные мысли. Чем закончится это грозное расследование? В тот самый момент, когда Навуходоносор, прогуливаясь по своему дворцу и с тайным самодовольством вспоминая свои подвиги, свое величие и великолепие, говорит себе: "Не этот ли великий [pg vii] Вавилон я построил для дома царства, по силе моей и для чести моего величия?"²³ в это самое мгновение, когда, тщетно льстя себе, что он держит свою власть и царство только от себя, он узурпировал место Всевышнего: голос с неба произносит приговор и объявляет ему, что "царство его отступило от него, чтобы он был изгнан от людей и чтобы жилище его было с полевыми зверями, пока он не узнает, что Всевышний правит царствами людей и дает их, кому хочет"²⁴.

Этот трибунал, который вечно собирается, хотя и невидим для смертных глаз, вынес подобный приговор тем знаменитым завоевателям, тем героям языческого мира, которые, подобно Навуходоносору, считали себя единственными авторами своей возвышенной судьбы; независимыми от авторитетов любого рода и не обладающими высшей властью.

Как Бог назначил одних князей орудиями Своего возмездия, так Он сделал других раздатчиками Своей благодати. Он назначил Кира избавителем своего народа и, чтобы тот мог достойно выполнять столь славную функцию, наделил его всеми качествами, присущими величайшим полководцам и князьям, и дал ему то прекрасное образование, которым так восхищались язычники, хотя не знали ни автора, ни истинной причины его получения.

Мы видим в светской истории масштабы и стремительность его завоеваний, неустрашимость его мужества, мудрость его взглядов и замыслов; его величие души, его благородную щедрость; его поистине отеческую привязанность к своим подданным; и, с их стороны, благодарные ответные чувства любви и нежности, которые заставляли их считать его скорее своим защитником и отцом, чем своим господином и государем. Мы находим все эти подробности в светской истории, но не видим ни тайного принципа стольких возвышенных качеств, ни скрытой пружины, приводящей их в движение.

Но Исаия раскрывает их и выражает словами, подходящими к величию и величественности Бога, вдохновившего его. Он представляет этого всемогущего Бога армий как ведущего [pg viii] Кира за руку, шествующего перед ним, ведущего его от города к городу и от провинции к провинции; "покоряя пред ним народы, развязывая чресла царей, разбивая вдребезги ворота медные, разрубая в прах решетки железные", разрушая стены и укрепления городов и предоставляя ему во владение "сокровища тьмы и сокровенные богатства тайных мест" ²⁵.

Пророк также рассказывает нам о причинах и мотивах всех этих удивительных событий. ²⁶ Именно для того, чтобы наказать Вавилон и избавить Иуду, Всемогущий ведет Кира шаг за шагом и дает успех всем его предприятиям. "Я воздвиг его в праведности и направлю все пути его, - ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего". ²⁷ Но этот князь настолько слеп и неблагодарен, что не знает своего господина и не помнит своего благодетеля. "Я назвал тебя, хотя ты не знал меня; я опоясал тебя, хотя ты не знал меня" ²⁸.

Люди редко составляют для себя правильное представление об истинной славе и обязанностях, необходимых для царской власти. Только Писание дает нам верное представление о них, причем делает это удивительным образом, изображая очень большое и сильное дерево, верхушка которого достигает небес, а ветви простираются до пределов земли. ²⁹ Поскольку листва его очень обильна и усыпана плодами, оно составляет украшение и благолепие окружающих его равнин. Она дает благодарную тень и надежное убежище для всякого зверя: животные, как дикие, так и прирученные, надежно укрываются под ней, птицы небесные обитают в ее ветвях, и она дает пищу всем живым существам.

Может ли быть более справедливое или более поучительное представление о царской должности, чье истинное величие и прочная слава заключаются не в том блеске, помпезности и великолепии, которыми она окружена; не в том почтении и внешнем почитании, которые воздают ей подданные и которые справедливо причитаются ей; но в реальных услугах и прочных преимуществах, которые она обеспечивает народам, чью поддержку, защиту, безопасность и убежище она образует (как по своей природе, так и по учреждению) в то же время, что она является плодотворным источником благословений любого рода; особенно в отношении бедных и слабых, которые должны находить под сенью и защитой королевской власти сладкий мир и спокойствие, не прерываемое и не нарушаемое; в то время как сам монарх жертвует своей легкостью и в одиночку переживает те бури и штормы, от которых он укрывает всех остальных?

[pg ix]

Мне кажется, что я наблюдаю этот благородный образ и исполнение этого великого плана (за исключением религии) в правительстве Кира, картину которого дал нам Ксенофонт в своем прекрасном предисловии к истории этого принца. Там он указал множество народов, которые, хотя и отделенные друг от друга огромными пространствами страны и еще более широким разнообразием своих нравов, обычаев и языка, были, однако, объединены одними

и теми же чувствами уважения, почтения и любви к князю, чье правление они желали, если возможно, сохранить навсегда, настолько они были счастливы и спокойны при нем.³⁰

Этому милому и благотворному правительству мы противопоставим представление, которое дают нам священные писания о тех монархах и завоевателях, которыми так хвалилась древность, и которые, вместо того чтобы сделать счастье человечества единственным предметом своей заботы, не руководствовались никакими другими мотивами, кроме интересов и честолюбия. Святой Дух представляет их под символами чудовищ, порожденных волнением моря, буйством, смятением и ударами волн одна о другую; под образом жестоких диких зверей, которые сеют ужас и опустошение повсюду и вечно насыщаются кровью и резней; медведей, львов, тигров и леопардов.³¹ Как сильна и выразительна эта окраска!

Тем не менее, именно от таких разрушительных моделей часто заимствуются правила и максимы воспитания, которые обычно даются детям великих людей; именно на этих опустошителей народов, на эти бичи человечества они хотят сделать их похожими. Внушая им чувства безграничного честолюбия и любовь к ложной славе, они становятся (если воспользоваться выражением из Писания) "молодыми львами; они учатся ловить добычу и пожирать людей, опустошать города, превращать земли и их жир в запустение шумом своего рева".³² А когда этот молодой лев вырастает, Бог говорит нам, что шум его подвигов и слава его побед - это не что иное, как страшный рев, который наполняет все места ужасом и опустошением.

Приведенные мною до сих пор примеры из истории египтян, ассирийцев, вавилонян и персов достаточно убедительно доказывают верховную власть, которую Бог осуществляет над всеми империями; и отношения, которые Он счел нужным установить [pg x] между остальными народами земли и Своим особым народом. Та же истина так же ярко проявляется при царях Сирии и Египта, преемниках Александра Македонского, между историей которых и историей евреев при Маккавеях всем известна тесная связь.

К этим событиям я не могу не добавить еще одно, которое, хотя и общеизвестно, но оттого не менее примечательно; я имею в виду взятие Иерусалима Титом. Войдя в город и осмотрев все его укрепления, этот князь, хотя и язычник, увидел всемогущую руку Бога Израилева и в порыве восхищения воскликнул: "Ясно, что Всемогущий сражался за нас и изгнал иудеев из этих башен; ведь ни предельная человеческая сила, ни все двигатели мира не смогли бы этого сделать".³³

Помимо видимой и осязаемой связи священной и светской истории, существует и другая, более тайная и отчетливая связь с Мессией, к пришествию которого Всемогущий, чьи дела всегда были на виду, готовил человечество издавна, даже через то состояние невежества и распущенности, в которое он заставил его погрузиться на протяжении четырех тысяч лет. Именно для того, чтобы человечество осознало необходимость наличия Посредника, Бог позволил народам ходить своими путями, в то время как ни свет разума, ни веления философии не могли рассеять облака заблуждений или исправить их развращенные наклонности.

Когда мы смотрим на величие империй, величие князей, славные деяния великих людей, порядок гражданских обществ и гармонию различных членов, из которых они состоят, мудрость законодателей и ученость философов, то кажется, что земля не представляет для глаз человека ничего, кроме великого и великолепного; тем не менее в глазах Бога она была такой же бесплодной и невозделанной, как и в первый момент творения. "Земля была БЕСФОРМЕННА И ПУСТА".³⁴ Это мало что говорит: она была полностью загрязнена и нечиста (читатель заметит, что я говорю здесь о язычниках) и представлялась Богу лишь

пристанищем и пристанищем неблагодарных и вероломных людей, как это было во время потопа. "Земля развратилась пред Богом и наполнилась беззакониями" ³⁵.

Тем не менее Суверенный арбитр вселенной, который по велению Своей мудрости распоряжается и светом, и тьмой и знает, как сдерживать стремительный поток [pg xi] человеческих страстей, не допустил бы, чтобы человечество, доведенное до крайней степени развращения, выродилось в абсолютное варварство и огрубело, в некотором роде, за счет исчезновения первых принципов закона природы, как это наблюдается у некоторых диких народов. Такое препятствие слишком сильно замедлило бы быстрый прогресс, обещанный Им первым проповедникам учения Его Сына.

Он издали направил в умы людей лучи нескольких великих истин, чтобы подготовить их к восприятию других, более важных. Он подготовил их к восприятию Евангелия с помощью наставлений философов; и именно с этой целью Бог позволил языческим профессорам рассмотреть в своих школах несколько вопросов и утвердить несколько принципов, почти родственных религии, и привлечь внимание человечества блеском своих диспутов. Хорошо известно, что философы во всех своих трудах доказывают существование Бога, необходимость Провидения, управляющего миром, бессмертие души, конечную цель человека, награду добрым и наказание злым, природа тех обязанностей, которые составляют основу общества, характер добродетелей, лежащих в основе морали, таких как благоразумие, справедливость, стойкость, воздержание и другие подобные истины, которые, хотя и не способны направить людей к праведности, все же были полезны, чтобы рассеять некоторые тучи и рассеять некоторые неясности.

В результате того же провидения, которое издали готовило пути Евангелия, когда Мессия явился во плоти, Бог объединил почти все народы на греческом и латинском языках и подчинил одному монарху от океана до Евфрата все народы, не объединенные языком, чтобы дать более свободный ход проповеди апостолов. Изучение светской истории, если к нему приступить с рассудительностью и зрелостью, должно навести нас на эти размышления и указать нам на способ, которым Всемогущий делает земные империи подвластными установлению Царства Своего Сына.

Это также должно научить нас ценить все то, что больше всего блещит в глазах мира и способно его ослепить. Доблесть, стойкость, умение управлять, глубокая политика, заслуги в магистратуре, способность к самым заумным наукам, красота гения, изысканность вкуса и совершенство во всех искусствах: Вот объекты, которые нам демонстрирует светская история, которые вызывают наше восхищение, а зачастую и зависть. Но в то же время эта история должна напоминать нам, что Всемогущий с момента сотворения мира потакает своим врагам [pg xii] всеми теми блестящими качествами, которые мир почитает и о которых часто произносит самые высокие хвалебные речи; в то время как, напротив, он часто отказывает в них своим самым верным слугам, которых он наделяет талантами бесконечно более высокой природы, хотя люди не знают их ценности и не желают их иметь. "Счастлив тот народ, который находится в таком положении: Да, счастлив тот народ, чей Бог - Господь" ³⁶.

Я завершу эту первую часть моего предисловия размышлением, которое естественным образом вытекает из сказанного. Поскольку несомненно, что все эти великие люди, которыми так хвалится профанная история, были настолько несчастны, что не знали истинного Бога и были противны Ему; поэтому нам следует быть осторожными и осмотрительными в похвалах, которые мы воздаем им. Святой Остин в своих "Извлечениях" рассказывает в том, что воздал столько похвал Платону и последователям его философии,

"потому что они, - говорит он, - были нечестивцами, чье учение во многих пунктах противоречило учению Иисуса Христа" [37](#).

Однако мы не должны думать, что святой Остин считает незаконным восхищаться и восхвалять все, что есть прекрасного в поступках или истинного в максимах язычников. Он лишь советует нам исправлять все, что ошибочно, и одобрять все, что в них согласуется с правильностью и справедливостью. [38](#) Он аплодирует римлянам во многих случаях, и особенно в своей книге *De Civitate Dei*, [39](#) которая является одним из последних и лучших его произведений. Там он показывает, что Всевышний возвел их в победители над народами и правители значительной части земли благодаря мягкости и справедливости их правления (ссылаясь на счастливые времена Республики); таким образом, одаривая добродетели, которые были просто человеческими, наградами того же рода, которыми тот народ, слепой в этом вопросе, хотя и столь просвещенный в других, был так несчастен, что довольствовался ими. Святой Остин, таким образом, осуждает не сами похвалы, воздаваемые язычникам, а лишь их избыток.

Студенты должны заботиться, и особенно мы, которые по долгу своей профессии обязаны постоянно знакомиться с языческими авторами, о том, чтобы не проникнуться их духом; не проникнуться, незаметно для себя, их чувствами, [pg xiii] воздавая слишком большие похвалы их героям; не предаваться излишества, которые язычники действительно не считали таковыми, поскольку они не были знакомы с добродетелями более чистого рода. Некоторые люди, чьей дружбой я дорожу, как и должен, и чью образованность и суждения я высоко ценю, нашли этот недостаток в некоторых частях моей работы, о методе преподавания и изучения *Belles Lettres* и т. д.; и считают, что я слишком усердствовал в восхвалениях, которые я даю прославленным людям язычества. Я действительно признаю, что выражения в этих случаях иногда бывают слишком сильными и слишком неосторожными: однако я полагал, что я обеспечил надлежащее исправление этого с помощью намеков, которые я перемежал в этих четырех томах; и поэтому было бы только потерей времени повторять их; не говоря уже о том, что я изложил в разных местах принципы, которые Отцы Церкви устанавливают в этом вопросе, заявляя, вместе со Св. Остином, что без истинного благочестия, то есть без искреннего поклонения истинному Богу, не может быть истинной добродетели; и что не может быть такой добродетели, объектом которой является мирская слава; эта истина, говорит этот отец, признается всеми, кто вдохновлен истинным и твердым благочестием. *Illud constat inter omnes veraciter pios, neminem sine verâ pietate, id est, veri Dei vero cultu, veram posse habere virtutem; nec eam veram esse, quando gloriæ servit humanæ.* [40](#)

Когда я заметил, что у Персея не хватило решимости покончить с [собой](#) [41](#), я не претендую тем самым на оправдание практики язычников, считавших самоубийство законным, а просто рассказываю об одном случае и о том, какое суждение вынес по этому поводу Паулюс Эмилий. Если бы я лишь намекнул пару слов против этого обычая, это исключило бы всякую ошибку и не оставило бы места для порицания.

Остракизм, применявшийся в Афинах против людей с самыми высокими заслугами; воровство, попустительствовавшее, как выясняется, Ликургу в Спарте; равенство товаров, установленное в одном и том же городе властью государства, и тому подобные вещи могут представлять некоторую трудность. Однако я обращаю более пристальное внимание на эти [детали](#) [42](#), когда ход истории приведет меня к ним, и с удовольствием воспользуюсь теми сведениями, которые мне сообщат ученые и непредубежденные люди.

В работе, подобной той, которую я сейчас предлагаю публике, предназначенной скорее для обучения молодежи, от всей души хотелось бы [pg xiv] пожелать, чтобы не было ни одной мысли или выражения, которые могли бы способствовать насаждению ложных или опасных принципов. Когда я впервые взялся за написание настоящей истории, я выдвинул эту максиму, важность которой я прекрасно осознаю, но далек от мысли, что я всегда ее соблюдал, хотя это и было моим намерением; и поэтому в этом, как и во многих других случаях, я буду нуждаться в снисхождении читателя.

Поскольку я пишу в основном для молодых людей и для тех, кто не собирается проводить очень глубокие исследования древней истории, я не буду отягощать эту работу эрудицией, которая могла бы быть естественно введена в нее, но не соответствует моей цели. Мой замысел состоит в том, чтобы, продолжая изложение древней истории, извлечь из греческих и латинских авторов все, что я сочту наиболее полезным и занимательным в отношении событий и наиболее поучительным в отношении размышлений.

Я хотел бы в то же время избежать сухого бесплодия эпитомов, которые не передают уму никакой четкой идеи, и утомительной точности длинных историй, которые утомляют терпение читателя. Я понимаю, что между этими двумя крайностями трудно удержаться; и хотя в двух частях истории, из которых состоит этот первый том, я сократил значительную часть того, что мы встречаем у древних авторов, они все равно могут показаться слишком длинными: но я боялся испортить происшествия, слишком усердствуя в краткости. Однако вкус публики будет моим руководством, которому я постараюсь соответствовать в дальнейшем.

Я был настолько счастлив, что не разочаровал публику в своей первой попытке.⁴³ Я желаю, чтобы настоящая работа была столь же успешной, но не смею возлагать на нее столь большие надежды. Предметы, которые я там рассматривал, а именно: вежливая литература, поэзия, красноречие, любопытные и отрывочные фрагменты истории, дали мне возможность ввести в нее от древних и современных авторов все самое прекрасное, трогательное, тонкое и справедливое, что касается как мысли, так и выражения. Красота и справедливость самих вещей, которые я предлагал читателю, делали его более снисходительным к манере, в которой они были ему представлены; кроме того, разнообразие предметов восполняло недостаток тех изяществ, которых можно было ожидать от стиля и композиции".

[pg xv]

Но в настоящей работе у меня нет такого же преимущества, поскольку выбор сюжетов не полностью зависит от моего усмотрения. В связной истории автор часто вынужден рассказывать о многих вещах, которые не всегда очень интересны, особенно в отношении происхождения и подъема империй; и эти части обычно переполнены терниями и предлагают очень мало цветов. Однако в продолжении будут представлены материалы более приятного характера и события, которые сильнее привлекут внимание читателя; и я позабочусь о том, чтобы использовать ценные материалы, которые предоставят лучшие авторы. Тем временем я должен попросить читателя помнить, что в обширном и прекрасном регионе глаз не везде встречает золотые урожаи, улыбающиеся луга и плодоносящие сады; но через разные промежутки времени он видит дикие и менее обработанные участки земли. И, если воспользоваться другим сравнением, приведенным [Плинием](#)⁴⁴, одни деревья весной бурно распускают бесчисленное множество цветов, которые этим богатым нарядом (великолепие и живость красок которого очаровывают глаз) возвещают о счастливом изобилии в более поздний период: тогда как другие [деревья](#)⁴⁵, менее нарядные, хотя и приносят хорошие плоды, не обладают ароматом и красотой цветения и, кажется, не

разделяют радости оживающей природы. Читатель легко применит этот образ к сочинению истории.

Чтобы украсить и обогатить свою собственную, я буду настолько бесхитростным, что признаюсь, что не стесняюсь и не стыжусь брать винтовки со всех сторон, и что я часто не цитирую авторов, у которых я переписываю, из-за свободы, которую я иногда беру на себя, чтобы сделать некоторые незначительные изменения. Я наилучшим образом использовал солидные размышления, содержащиеся во второй и третьей частях "Всеобщей истории"⁴⁶ епископа Мо, которая является одной из самых прекрасных и самых полезных книг на нашем языке. Большую помощь мне также оказала "Связь Ветхого и Нового Завета" ученого декана Придо, в которой он проследил и прояснил, в восхитительной манере, детали, относящиеся к древней истории. Я буду так же свободно обращаться со всем, что попадется мне на пути, что может соответствовать моему замыслу и способствовать совершенствованию моего труда".

[pg xvi]

Я очень хорошо понимаю, что использование чужих трудов не так уж полезно для репутации человека, и что это в некотором роде отказ от имени и качества автора. Но я не слишком люблю этот титул; и буду чрезвычайно доволен и сочту себя очень счастливым, если смогу заслужить имя хорошего компилятора и снабдить моих читателей сносной историей; которые не будут слишком заботиться о том, является ли она моим собственным оригинальным сочинением или нет, если только они будут довольны ею.

Я не могу определить точное количество томов, которые составит этот труд, но убежден, что их будет не менее десяти или двенадцати.⁴⁷ Студенты, при весьма умеренном прилежании, могут легко пройти этот курс истории за год, не прерывая других занятий. Согласно моему плану, мой труд должен быть отдан в высшую форму, кроме одной. Молодые люди этого класса способны получать удовольствие и совершенствоваться от этой истории; и я бы не позволил им приступать к истории римлян, пока они не изучат риторику.

Было бы полезно и даже необходимо дать некоторое представление о древних авторах, из которых я извлек факты, о которых здесь рассказываю. Но сам ход истории, естественно, даст мне возможность упомянуть о них.

Между тем, возможно, не будет лишним обратить внимание на суеверное легкоеверие, в котором упрекают большинство этих авторов, говоря о предзнаменованиях, благоприятных обстоятельствах, чудесах, снах и оракулах. И действительно, нас шокирует, что писатели, столь благоразумные во всех других отношениях, возводят в ранг закона то, что они должны рассказывать об этих деталях со скрупулезной точностью; и серьезно останавливаются на утомительных деталях пустяковых и нелепых церемоний, таких как полет птиц по правую или левую руку, знаки, обнаруженные в дымящихся внутренностях зверей, большая или меньшая прозорливость кур при клевании кукурузы, и тысяча подобных нелепостей.

Надо признаться, что здравомыслящий читатель не может без изумления видеть среди древних людей, пользовавшихся высочайшей репутацией за мудрость и знания; полководцев, которые меньше всего поддавались влиянию народных мнений и лучше всех понимали, как необходимо пользоваться благоприятными моментами; мудрейшие советы принцев, прекрасно владевших искусством управления; августейшие собрания серьезных сенаторов; Одним словом, самые могущественные и самые ученые народы во все века; видеть, говорю я, все это столь безотчетно слабым, чтобы [pg xvii] поставить в зависимость от этих пустяков и нелепых соблюдения решение величайших дел, таких как объявление войны,

дача сражения или достижение победы, решений, которые имели величайшее значение и от которых часто зависела судьба и благополучие королевств.

Но в то же время мы должны быть настолько справедливы, чтобы признать, что их нравы, обычаи и законы не позволили бы людям в эти века отказаться от соблюдения этих обычаев: Воспитание, наследственные традиции, передающиеся с незапамятных времен, всеобщая вера и согласие разных народов, наставления и даже примеры философов - все это, говоря, делало рассматриваемые обычаи почтенными в их глазах, и эти церемонии, какими бы абсурдными они ни казались нам и какими бы действительно ни были сами по себе, составляли часть религии и общественного культа древних.

Эта религия была ложной, а поклонение - ошибочным; но принцип ее был похвальным и основанным на природе; поток был испорчен, но фонтан был чист. Человек, которому помогает только его собственный свет, не видит ничего дальше настоящего момента. Будущее для него - это бездна, невидимая для самой острой, самой пронзительной проницательности, и в ней нет ничего, на чем он мог бы с уверенностью зафиксировать свои взгляды или сформировать свои решения. Он одинаково слаб и бессилён в отношении исполнения своих замыслов. Он чувствует, что полностью зависит от верховной власти, которая распоряжается всеми событиями с абсолютной властью, и которая, несмотря на все его усилия и мудрость наилучших согласованных планов, создавая лишь самые незначительные препятствия и малейшие разочарования, делает невозможным осуществление его мер.

Эта неясность и слабость вынуждают его прибегнуть к высшему знанию и силе: он вынужден, как в силу своих насущных потребностей, так и в силу сильного желания преуспеть во всех своих начинаниях, обратиться к Тому, Кто, как он чувствует, оставил за Собой знание будущего и власть распоряжаться им так, как Он считает нужным. Соответственно, он возносит молитвы, дает обеты и приносит жертвы, чтобы, по возможности, убедить Божество явить себя либо во сне, либо в оракулах, либо в других знаках, которые могут проявить его волю; он полностью убежден, что ничто не может произойти иначе, как по божественному назначению, и что величайший интерес человека - знать эту высшую волю, чтобы сообразовывать с ней свои действия.

Этот религиозный принцип зависимости от Верховного Существа и почитания его естественен для человека: он запечатлен глубоко в его сердце; о нем ему напоминает внутреннее ощущение его крайней нужды и все предметы, которые его окружают; [pg xviii] и можно утверждать, что это вечное обращение к Божеству - одна из главных основ религии и самая крепкая связь, которой человек соединен со своим Творцом.

Те, кому выпало счастье познать истинного Бога и быть избранным Его народом, никогда не отказывались обращаться к Нему во всех своих нуждах и сомнениях, чтобы получить Его помощь и узнать Его волю. Он, соответственно, ручался открыть им Себя, наставлять их с помощью явлений, снов, оракулов и пророчеств, а также защищать их чудесами самого удивительного рода.

Но те, кто был настолько слеп, чтобы подменить истину ложью, обращались за помощью к вымышленным и обманчивым божествам, которые не могли ответить на их ожидания и воздать им почести, воздаваемые смертными, иначе, чем ошибками и иллюзиями, а также обманчивой имитацией поведения истинного Бога.

Отсюда возникло тщетное наблюдение за снами, которые из суеверного легковерия они принимали за спасительные предупреждения Небес; неясные и двусмысленные ответы

оракулов, под покровом которых духи тьмы скрывали свое невежество и, искусно скрывая двусмысленность, оставляли себе возможность уклониться или ухитриться, каким бы ни было событие. Именно этому обязаны предсказания будущего, которые, как полагали люди, они должны были найти во внутренностях зверей, в полете и пении птиц, в аспекте планет, в случайных происшествиях и в капризе случая; эти ужасные проделки, которые наполняли ужасом целый народ и которые, как считалось, ничто не могло изгладить, кроме траурных церемоний, а иногда и пролития человеческой крови: в общем, те черные изобретения магии, те заблуждения, чары, колдовство, вызов призраков и многие другие виды гаданий.

Все, о чем я здесь рассказал, было общепринятым обычаем, который соблюдался языческими народами в целом; и этот обычай был основан на принципах той религии, о которой я вкратце рассказал. Мы имеем убедительное доказательство этого в том отрывке из [Киропедии](#)⁴⁸, где Камбиз, отец Кира, дает молодому принцу столь благородные наставления; наставления, замечательно приспособленные для формирования великого полководца и великого царя. Он увещевает его, прежде всего, оказывать величайшее почтение богам и не предпринимать ни одного предприятия, важного или незначительного, не обратившись к ним и не посоветовавшись с ними; Он предписывает ему почитать жрецов и авгуров, как [pg xix] их служителей и толкователей их воли, но при этом не доверять им так безоглядно и слепо, как если бы он сам не научился всему, что касается науки гадания, авгуров и предзнаменований. Причина, которую он приводит для подчинения и зависимости, в которой короли должны жить по отношению к богам, и пользы, получаемой от консультаций с ними во всех делах, заключается в следующем: Какими бы проницательными ни были люди в обычном течении дел, их взгляды всегда очень узки и ограничены в отношении будущего; в то время как божество одним взглядом охватывает все эпохи и события. "Поскольку боги, - говорит Камбиз своему сыну, - вечны, они одинаково знают все - прошлое, настоящее и грядущее". Что касается смертных, которые к ним обращаются, то они дают полезные советы тем, к кому благоволят, чтобы те не оставались в неведении относительно того, за что им следует или не следует браться. Если замечено, что божества не дают одинаковых советов всем людям, мы не должны этому удивляться, поскольку никакая необходимость не обязывает их заботиться о благополучии тех, к кому они не ручаются оказывать свою благосклонность".

Такова была доктрина самых ученых и самых просвещенных народов в отношении различных видов гадания; и неудивительно, что авторы, писавшие историю этих народов, считали своим долгом дать точное описание таких подробностей, которые составляли часть их религии и культа, и часто были в некотором роде душой их обсуждений и нормой их поведения. Поэтому по этой же причине я счел, что не следует полностью опускать в последующей истории то, что относится к этой теме, хотя я и отступил от нее в значительной степени.

Архиепископ Ашер - мой обычный гид в хронологии. В истории карфагенян я обычно выделяю четыре эры: Год от сотворения мира, который, для краткости, я обозначаю так: А.М.; год основания Карфагена и Рима; и, наконец, год до рождения нашего Спасителя, который я полагаю 4004-м годом мира; в этом я следую Ашеру и другим, хотя они полагают, что это было на четыре года раньше.

Теперь мы приступим к предоставлению читателю надлежащей предварительной информации об этой работе, в соответствии с порядком ее выполнения.

Чтобы узнать, каким образом были основаны государства и королевства, разделившие вселенную; какими путями [pg xx] они поднялись до того уровня величия, о котором

повествует история; какими узами были объединены семьи и города, чтобы составить единое тело или общество и жить вместе по одним и тем же законам и под общей властью; Необходимо проследить, как все происходило в младенчестве и в те века, когда человечество, рассеянное по разным регионам (после смешения языков), начало заселять землю.

В эти ранние века каждый отец был верховным главой своей семьи; арбитром и судьей всех споров и разногласий, которые могли возникнуть в ней; естественным законодателем своего маленького общества; защитником и покровителем тех, кто в силу своего рождения, воспитания и слабости находился под его защитой и опекой, и чьи интересы отцовская нежность делала для него такими же дорогими, как и его собственные.

Но хотя эти господа пользовались независимой властью, они использовали ее с мягкостью и отеческой заботой. Не ревнуя к своей власти, они не управляли с надменностью и не принимали решений тиранически. Поскольку в силу необходимости они были вынуждены привлекать свою семью к домашним делам, они также созывали их вместе и спрашивали их мнение по важным вопросам. Таким образом, все дела решались согласованно и на общее благо.

Законы, которые отцовская бдительность устанавливала в этом маленьком домашнем сенате, диктовались не иначе, как для содействия общему благосостоянию; согласовывались с детьми, достигшими зрелости, и принимались нижестоящими с полного и свободного согласия; религиозно хранились и сохранялись в семьях как наследственная политика, которой они были обязаны своим миром и безопасностью.

Но разные мотивы порождали разные законы. Один человек, обрадованный рождением первенца, решил выделить его среди своих будущих детей, выделив ему более значительную долю имущества и наделив его большим авторитетом в семье. Другой, более заботясь об интересах любимой жены или дорогой дочери, которую он хотел пристроить в этом мире, считал себя обязанным обеспечить их права и увеличить их преимущества. Одинокое и безрадостное состояние, в которое попадет жена, если станет вдовой, более близко затрагивало другого мужчину и заставляло его заранее позаботиться о пропитании и комфорте женщины, составляющей его счастье. Из этих и других подобных взглядов возникли различные обычаи народов, а также их права, которые бесконечно разнообразны.

По мере того как каждая семья увеличивалась, рождая [pg xxi] детей и вступая в брак с другими семьями, они расширяли свои маленькие владения и образовывали, неощутимыми степенями, города и поселки.

Со временем эти общества стали очень многочисленными, а семьи разделились на различные ветви, каждая из которых имела своего главу, чьи различные интересы и характеры могли нарушить общее спокойствие; возникла необходимость поручить одному человеку управление всем, чтобы объединить всех этих вождей или глав под единой властью и поддерживать общественный мир единообразным управлением. Представление, которое люди все еще сохраняли об отцовском правлении, и счастливые последствия, которые они испытали от него, побудили их выбрать из числа самых мудрых и добродетельных людей того, в ком они заметили самый нежный и отеческий нрав. Ни честолюбие, ни корысть не играли ни малейшей роли в этом выборе; только честность, репутация добродетели и справедливости решали в таких случаях и отдавали предпочтение самым [достойным](#)⁴⁹.

Чтобы придать блеск вновь обретенному достоинству и дать им возможность лучше исполнять законы, а также полностью посвятить себя общественному благу, защищать

государство от вторжений соседей и фракций недовольных граждан, им был присвоен титул короля, воздвигнут трон и вложен в руки скипетр; Им воздавали почести, назначали офицеров и стражу для охраны их лиц, давали дань, наделяли их всеми полномочиями для отправления правосудия и вооружали для этого мечом, чтобы сдерживать несправедливость и карать преступления.

Поначалу каждый город имел своего короля, который, будучи более заинтересованным в сохранении своего господства, чем в его расширении, ограничивал свои амбиции пределами своей страны.⁵⁰ Но почти неизбежная вражда между соседями, ревность к более могущественному королю, буйный и беспокойный дух, воинственный нрав, жажда обогащения или демонстрация способностей порождали войны, которые часто заканчивались полным подчинением побежденных, чьи города переходили во владение победителя и неощутимо увеличивали его владения. Таким образом, первая победа прокладывала путь ко второй, а [pg xxii] делала принца более могущественным и предприимчивым, несколько городов и провинций объединялись под властью одного монарха и образовывали королевства большей или меньшей протяженности, в зависимости от степени пылкости, с которой победитель продвигал свои [завоевания](#)⁵¹.

Но среди этих князей находились и такие, чьи амбиции были слишком велики, чтобы ограничиваться одним королевством, они переходили все границы и распространялись повсеместно, как поток или океан; они поглощали королевства и народы и воображали, что слава состоит в том, чтобы лишать князей их владений, которые не причинили им ни малейшего вреда; чтобы огнем и мечом проникать в самые отдаленные страны и оставлять повсюду кровавые следы своего продвижения! Таково было происхождение тех знаменитых империй, которые охватывали большую часть мира.

Князья использовали победу по-разному, в зависимости от своих склонностей или интересов. Некоторые, считая себя абсолютными хозяевами побежденных и полагая, что достаточно потворствуют им, щадя их жизни, лишали их, а также их детей, их владений, их страны и их свободы; подвергали их жесточайшему плену; использовали их в тех искусствах, которые необходимы для поддержания жизни, в самых низких и подневольных должностях в доме, в мучительных работах в поле; часто заставляли их, подвергая самому бесчеловечному обращению, копать шахты и рыться в недрах земли, только чтобы насытить свою алчность; таким образом, человечество разделилось на свободных и рабов, господ и кабальеро.

Другие ввели обычай перевозить целые народы в новые страны, где селили их и давали им земли для возделывания.

Другие князья, более мягкие, довольствовались тем, что обязывали побежденные народы покупать свои свободы и пользоваться своими законами и привилегиями ежегодной данью, взимаемой с них для этой цели; иногда они позволяли королям мирно сидеть на своих тронах при условии, что те будут платить им какую-то дань.

Но те из этих монархов, которые были самыми мудрыми и умелыми политиками, сочли за благо установить некое равенство между народами, недавно завоеванными, и другими своими подданными, предоставив первым почти все права и привилегии, которыми пользовались другие: и таким образом великое множество народов, рассеянных по разным и далеким странам, составили в какой-то мере один город, по крайней мере один народ.

Таким образом, я дал общее и краткое представление о человечестве, [pg xxiii] из самых ранних памятников, которые история сохранила по этому вопросу; подробности я

постараюсь изложить при рассмотрении каждой империи и нации. Я не буду касаться ни истории евреев, ни истории римлян.

История карфагенян, ассирийцев и лидийцев, помещенная во втором томе, подтверждается лучшими авторитетами; но крайне необходимо рассмотреть географию, нравы и обычаи различных народов, о которых здесь идет речь; и прежде всего религию, нравы и институты персов и греков, поскольку они показывают их гений и характер, которые мы можем назвать в какой-то мере душой истории. Ибо обращать внимание только на факты и даты, ограничивая ими наше любопытство и исследования, означало бы подражать неосмотрительности путешественника, который, посещая многие страны, довольствуется тем, что знает их точное расстояние друг от друга, и рассматривает только положение нескольких мест, их здания и одежду людей; не давая себе ни малейшего труда поговорить с жителями, чтобы узнать их гений, манеры, нравы, законы и правительство. Гомер, чьим замыслом было дать в лице Улисса образец мудрого и умного путешественника, говорит нам в самом начале своей "Одиссеи", что его герой очень точно информировал себя о нравах и обычаях нескольких народов, чьи города он посещал; в этом ему должен подражать каждый, кто занимается изучением истории.

Поскольку Азия в дальнейшем станет главной сценой истории, к которой мы приступаем, не будет лишним дать читателю общее представление о ней, чтобы он мог хотя бы ознакомиться с ее наиболее значительными провинциями и городами.

Северная и восточная части Азии менее известны в древней истории.

На севере находятся азиатская Сарматия и азиатская Скифия, которые соответствуют Тартарии.

Сарматия расположена между рекой Танаис, разделяющей Европу и Азию, и рекой Рха, или Волгой. Скифия делится на две части: одна - по эту, другая - по другую сторону горы Имаус. Наиболее известные нам народы Скифии - саки и массагеты.

Самые восточные части - СЕРИКА, КАТАЙ; СИНАРСКАЯ ОБЛАСТЬ, КИТАЙ, и ИНДИЯ. Эта последняя страна была известна в древности лучше, чем две предыдущие. Она была разделена на две части: одна, по эту сторону Ганга, включала в себя территорию между этой рекой и Индом, которая сейчас составляет владения [pg xxiv] Великого Могола; другая часть была по ту сторону Ганга.

Остальная часть Азии, о которой в истории упоминается гораздо больше, может быть разделена на пять или шесть частей, если рассматривать ее с востока на запад.

I. Верхняя Азия, которая начинается у реки Инд. Главные провинции: ГЕДРОСИЯ, КАРМАНИЯ, АРАХОСИЯ, ДРАНГИАНА, БАКТРИАНА, столицей которой была Бактра; СОГДИАНА, МАРГИАНА, ГИРКАНИЯ, близ Каспийского моря; ПАРФИЯ, МЕДИЯ, ее главный город Экбатана; ПЕРСИЯ - города Персеполис и Элимаис; СУЗИАНА - город Сузы; АССИРИЯ - город Ниневия, расположенный на реке Тигр; МЕСОПОТАМИЯ - между Евфратом и Тигром; ВАВИЛОНИЯ - город Вавилон на реке Евфрат.

II. Азия между ПОНТОМ ЭВКСИНСКИМ и КАСПИЙСКИМ МОРЕМ. В ней можно выделить четыре провинции. 1. Колхида, река Фазис и горы Кавказа. 2. ИБЕРИЯ. 3. АЛБАНИЯ; две последние провинции теперь входят в состав Грузии. 4. Большая Армения. От меньшей ее отделяет Евфрат, от Месопотамии - гора Тавр, а от Ассирии - гора Нифат. Ее города - Артаксата и Тигранокерта, через нее протекает река Аракс.

III. Малая Азия. Ее можно разделить на четыре или пять частей в соответствии с различным положением ее провинций.

1. Северная, на берегу Понта Эвксинского; Понт, под тремя разными названиями. Его города: Трапезус, недалеко от которого живут люди, называемые халибами или халдеями; Фемискира, город на реке Фермодон, знаменитый тем, что был обителью амазонок. Пафлагония, Вифиния, города которой - Никея, Пруса, Никомидия, Халкидон напротив Константинополя и Гераклея.

2. На запад, к берегам Эгейского моря; Мисия, которых две. Малая, в которой находились Кизик, Лампсак, Парий, Абидос напротив Сестоса, от которого ее отделяют только Дарданеллы; Дарданум, Сигем, Илион, или Троя; и почти на противоположной стороне маленький остров Тенедос. Реки: Эсеп, Граник и Симуа. Гора Ида. Эту область иногда называют Малой Фригией, частью которой является Трояда.

Большая Мисия. Антандрос, Траянополь, Адрамитиум, [pg xxv] Пергам. Напротив этой Мисии находится остров ЛЕСБОС, городами которого являются Метимна, где родился знаменитый Арион, и Митилена, давшая всему острову современное название Метелина.

Эолия. Элея, Кумæ, Фокея.

Иония. Смирна, Клазомены, Теос, Лебед, Колофон, Эфес, Приена, Милет.

Кария. Лаодикия, Антиохия, Магнезия, Алабанда. Река Меандр.

Дорис. Галикарнас, Книдос.

Напротив этих четырех последних стран находятся острова Хиос, Самос, Патмос, Кос, а ниже, к югу, Родос.

3. На юг, вдоль Средиземного моря;

Ликия, города которой - Телмесс, Патара. Река Ксанф. Здесь начинается гора Тавр, которая тянется по всей длине Азии и носит разные названия, в зависимости от стран, через которые она проходит.

Памфилия. Перга, Аспендус, Сида.

Киликия. Селевкия, Кориций, Тарс, на реке Циднус. Напротив Киликии находится остров Кипр. Города: Саламис, Аматус и Пафос.

4. Вдоль берегов Евфрата, продвигаясь на север;

Малая Армения. Комана, Арабиза, Мелитене, Сатала. Река Мелас, впадающая в Евфрат.

5. Внутренняя часть страны:

Каппадокия; ее города: Неокесария, Комана Понтика, Севастия, Себастиополис, Диокесария, Кесария, называемая иначе Мазака, и Тиана.

Ликаония и Исаврия. Икония, Исаврия.

Писидия. Селевкия и Антиохия Писидийская.

Лидия. Города: Фиатир, Сардис, Филадельфия. Реки: Каистр и Гермус, в которую впадает Пактол. Горы Сипилус и Тмолус.

Большая Фригия. Синнада, Апатия.

IV. Сирия, ныне называемая Сурия, при римских императорах называвшаяся Востоком, главными провинциями которой являются,

1. ПАЛЕСТИНА, под которой иногда понимают всю Иудею. Ее городами являются Иерусалим, Самария и Кесария Палестинская. Ее омывает река Иордан. Палестиной называлась также земля Ханаанская, простиравшаяся вдоль Средиземного моря; главными городами ее были Газа, Аскалон, Азот, Аккарон и Гат.

2. Финикия, городами которой были Птолемаис, Тир, Сидон и Берит. Горы - Либан и Антилибан.

[pg xxvi]

3. Сирия, называемая так правильно, или Антиохия; ее города: Антиохия, Апатия, Лаодикия и Селевкия.

4. КОМАГЕНА. Город Самосата.

5. КЕЛЕСИРИЯ. Города: Зеугма, Фапсак, Пальмира и Дамаск.

V. АРАВИЯ ПЕТРЕЙА. Города: Петра и Бостра. Гора Казий. ДЕЗЕРТА. ФЕЛИКС.

О религии.

Можно заметить, что во все века и во всех странах несколько народов мира, какими бы различными и противоположными ни были их характеры, наклонности и нравы, всегда объединялись в одном существенном пункте: в присущем им мнении о поклонении Высшему Существу и о внешних формах, призванных продемонстрировать эту веру. В какой бы стране мы ни бросили взгляд, мы найдем жрецов, алтари, жертвоприношения, праздники, религиозные церемонии, храмы или места, посвященные религиозному поклонению. Среди каждого народа мы обнаруживаем благоговение и трепет перед Божеством, почтение и почести, воздаваемые ему, и открытое признание полной зависимости от него во всех своих начинаниях, во всех своих нуждах, во всех своих невзгодах и опасностях. Не имея возможности самостоятельно проникнуть в будущее и обеспечить успех, они обращаются к Божеству с помощью оракулов и других подобных методов, а также заслуживают его защиты молитвами, обетами и подношениями. По их мнению, именно этот верховный авторитет обеспечивает нерушимость самых торжественных договоров. Именно она дает санкцию на их клятвы; и к ней относятся проклятия, наказывающие за такие преступления и преступления, которые ускользают от знания и власти людей. Во всех своих личных делах, путешествиях, поездках, браках, болезнях они по-прежнему обращаются к божеству. С него начинается и им заканчивается любая трапеза. Ни одна война не объявляется, ни одна битва не ведется, ни одно предприятие не затевается без предварительной просьбы о помощи; слава успеха постоянно приписывается публичными актами благодарения и приношением самых ценных трофеев, которые они не перестают выделять как принадлежащие по праву Божеству.

В отношении основания этой веры не существует никаких разногласий. Если несколько человек, развращенных ложной философией, время от времени осмеливаются выступить против этой доктрины, они немедленно отвергаются голосом общественности. Они остаются в одиночестве, не создавая партий и не образуя сект: вся тяжесть государственной власти падает [pg xxvii] на них; на их головы назначается цена; в то время как они повсеместно считаются отвратительными людьми, бичом гражданского общества, с которыми преступно иметь какую-либо торговлю.

Столь общее, столь единообразное, столь вечное согласие всех народов вселенной, которое не смогли ослабить или изменить ни предрассудки страстей, ни ложные рассуждения некоторых философов, ни авторитет и пример отдельных князей, может исходить только из первого принципа, составляющего часть природы человека; из внутреннего чувства, заложенного в его сердце Автором его бытия; и из первоначальной традиции, столь же древней, как сам мир.

Таков был источник и происхождение религии древних; она была поистине достойна человека, если бы он был способен сохранять чистоту и простоту этих первых принципов; но заблуждения ума и пороки сердца, эти печальные последствия разложения человеческой природы, странным образом обезобразили ее первоначальную красоту. Еще есть слабые лучи, несколько ярких искр света, которые всеобщая испорченность не смогла полностью погасить; но они не способны рассеять глубокую тьму мрака, который царит почти повсеместно и не представляет собой ничего, кроме абсурда, глупости, экстравагантности, разнузданности и беспорядка; одним словом, отвратительного хаоса безумных излишеств и огромных пороков.

Может ли что-то быть более восхитительным, чем эти принципы, изложенные Цицероном? Что прежде всего мы должны быть убеждены в существовании Верховного Существа, которое руководит всеми событиями в мире и распоряжается всеми вещами как суверенный владыка и арбитр: что именно ему люди обязаны всеми благами, которыми они наслаждаются; что он проникает в самые тайные уголки наших сердец и знает обо всем, что в них происходит: что он относится к праведным и нечестивым в соответствии с их заслугами; что истинное средство приобрести его благосклонность и быть приятным в его глазах - это не использование богатства и великолепия в поклонении ему, а представление его с чистым и непорочным сердцем и обожание его с нелицемерным и глубоким почитанием.

Столь возвышенные и религиозные чувства были результатом размышлений немногих, кто занимался изучением сердца человека и прибегал к первым принципам [pg xxviii] его института, от которого они до сих пор сохранили некоторые ценные реликвии. Но вся система их религии, тенденция их общественных праздников и церемоний, суть языческой теологии, единственными учителями и профессорами которой были поэты, сам пример богов, чьи бурные страсти, скандальные приключения и отвратительные преступления воспевались в их гимнах или одах и предлагались в какой-то мере для подражания, а также для поклонения людей; все это, конечно, было очень плохим средством для просвещения умов людей и формирования в них добродетели и нравственности.

Примечательно, что в величайших торжествах языческой религии и в их самых священных и почитаемых мистериях, далеких от восприятия чего-либо, что может рекомендовать добродетель, благочестие или выполнение самых необходимых обязанностей обычной жизни, мы находим власть законов, властная сила обычаев, присутствие магистратов, собрание всех государственных чинов, пример отцов и матерей - все это сговорилось, чтобы

приучить целый народ с младенчества к нечистому и святотатственному поклонению под именем и в некотором роде под санкцией самой религии; как мы вскоре увидим в продолжении.

После этих общих рассуждений о язычестве пришло время перейти к конкретному рассказу о религии греков. Я сведу этот предмет, хотя он и бесконечен сам по себе, к четырем статьям, а именно: 1. Праздники. 2. Оракулы, предзнаменования и гадания. 3. Игры и сражения. 4. Публичные зрелища и представления в театре. В каждой из этих статей я буду рассматривать только то, что покажется наиболее достойным любопытства читателя и имеет самое непосредственное отношение к данной истории. Я не буду говорить ничего о жертвоприношениях, так как уже дал достаточное представление о них в другом [месте](#)⁵³.

О праздниках.

В нескольких городах Греции, и особенно в Афинах, отмечалось бесконечное количество праздников, из которых я опишу только три самых известных: Панафиней, праздники Вакха и Элевсиса.

Панафиней.

Этот праздник отмечался в Афинах в честь Минервы, богини-покровительницы этого города, которой она дала свое [имя](#)⁵⁴, так же как и празднику, о котором мы говорим. Его учреждение [pg xxix] было древним, и сначала он назывался Афиней; но после того как Тесей объединил несколько городов Аттики в один город, он стал называться Панафиней. Эти праздники были двух видов, большие и меньшие, которые отмечались почти с одинаковыми церемониями; меньшие - ежегодно, а большие - по истечении каждого четвертого года.

На этих праздниках выставлялись скачки, гимнастические состязания, состязания на призы музыки и поэзии. Десять комиссаров, избранных от десяти племен, председательствовали на этом празднике, чтобы регулировать формы и распределять награды между победителями. Праздник продолжался несколько дней.

Утром первого дня устраивался пеший забег, в котором каждый из бегунов нес в руке зажженный факел, которым они постоянно обменивались друг с другом, не прерывая бега. Они стартовали из Керамика, одного из пригородов Афин, и пересекли весь город. Приз получал тот, кто первым добегал до цели, не погасив факела. После обеда они проезжали тот же путь верхом на лошадях.

За скачками следовали гимнастические или атлетические состязания. Местом для этих упражнений служили берега Илисса, небольшой реки, которая протекает через Афины и впадает в море у Пирея.

Перикл впервые учредил музыкальный приз. На этом диспуте пели дифирамбы Гармодию и Аристогитону, которые ценой своей жизни избавили Афины от тирании Писистратидов; затем к ним добавили панегирик Фрасибулу, который изгнал тридцать тиранов. Приз вызвал жаркие споры не только среди музыкантов, но и среди поэтов, и было очень почетно быть объявленным победителем в этом состязании. Сообщается, что Эсхил умер от горя, увидев, что приз был присужден Софоклу, который был намного моложе его.

За этими упражнениями следовала общая процессия, в которой с большой помпой и церемонией несли парус, расшитый золотом, на котором были изображены воинственные деяния Палласа против титанов и гигантов. Этот парус был прикреплен к судну, носившему имя богини. Судно, оснащенное парусами и тысячей весел, было проведено от Керамика до

храма в Элевсисе не лошадьми или тягловыми животными, а скрытыми в его днище машинами, которые приводили весла в движение и заставляли судно скользить.

Шествие было торжественным и величественным. Во главе его шли старики, которые несли в руках оливковые ветви, [pg xxx] θαλλοφόροι, и они были выбраны за симметрию их фигуры, и энергичность их цвета лица. В том же снаряжении их сопровождали афинские матроны в солидном возрасте.

Второй класс составляли рослые и крепкие мужчины. Они были вооружены со всех сторон, имели пряжки и копья. За ними шли чужеземцы, населявшие Афины, с мотыгами - орудиями для обработки земли. Далее следовали афинские женщины того же возраста, за ними - чужеземцы своего пола с сосудами в руках для черпания воды.

Третий класс составляли молодые люди обоих полов, отобранные из лучших семей города. Юноши были одеты в жилеты, на головах у них были короны, и они пели особый гимн в честь богини. Служанки несли корзины, κατήφοροι, в которых находилась священная утварь, приличествующая церемонии, покрытая завесой, чтобы скрыть ее от глаз зрителей. Человек, которому вверялись эти священные вещи, должен был соблюдать строгое воздержание в течение нескольких дней, прежде чем прикоснуться к ним или раздать их афинским [девственницам](#)⁵⁵; или, как говорит Демосфен, вся его жизнь и поведение должны были быть образцом добродетели и чистоты. Для молодой женщины было высокой честью быть избранной на столь благородную и величественную должность, и невыносимым оскорблением - быть признанной недостойной ее. Мы увидим, что Гиппарх нанес это оскорбление сестре Гармодия, что крайне возмутило заговорщиков против Писистратидов. За этими афинскими девами следовали иностранные молодые женщины, которые несли зонтики и сиденья для них.

Дети обоих полов завершали пышное шествие.

Во время этой величественной церемонии ῥαψῳδοί были назначены петь некоторые стихи Гомера; явное доказательство того, как высоко ценились произведения этого поэта, даже в том, что касалось религии. Гиппарх, сын Писистрата, первым ввел этот обычай.

Я уже отмечал в другом [месте](#)⁵⁶, что во время гимнастических игр на этом празднике глашатай провозгласил, что афинский народ наградил прославленного врача Гиппократу золотым венцом в благодарность за большие заслуги, которые он оказал государству во время моровой язвы.

На этом празднике афинский народ поставил себя и всю республику под защиту Минервы, богини-покровительницы [pg xxxi] своего города, и просил у нее всяческого процветания. Со времен Марафонской битвы в этих публичных актах поклонения прямо упоминались платейцы, и они во всем объединялись с афинским народом.

[Праздники Вакха.](#)

Поклонение Вакху было перенесено из Египта в Афины, где в честь этого бога было установлено несколько праздников; два из них, особенно примечательные по сравнению со всеми остальными, назывались большим и малым праздниками Вакха. Последние были своего рода подготовкой к первым и отмечались в открытом поле около осени. Они получили название Ленея, от греческого [слова](#)⁵⁷, означающего винный пресс. Великие праздники обычно назывались Дионисиями, от одного из имен этого [бога](#)⁵⁸, и отмечались весной в городе.

На каждом из этих праздников публику развлекали играми, зрелищами и драматическими представлениями, которые проходили при огромном стечении народа и с большим великолепием, как будет показано далее: в то же время поэты оспаривали поэтический приз, представляя на суд специально выбранных для этого арбитров свои произведения, трагические или комические, которые затем представлялись на суд народа.

Эти праздники продолжались много дней. Те, кто был посвящен, имитировали все, что поэты считали нужным изобразить в образе бога Вакха. Они покрывали себя шкурами диких зверей, носили в руках тирсы - пику с накрученными на нее листьями плюща; имели барабаны, рога, трубы и другие инструменты, чтобы производить шум; на голове носили венки из плюща, виноградных веток и других священных для Вакха деревьев. Одни изображали Силена, другие - Пана, третьи - сатиров, и все они были одеты в соответствующие маскарадные костюмы. Многие из них сидели на ослах, другие тащили за собой [козлов](#)⁵⁹ для жертвоприношений. Мужчины и женщины, нелепо одетые таким образом, днем и ночью появлялись на публике, и, имитируя пьянство и танцуя с самыми непристойными жестами, толпами бегали по горам и лесам, неистово крича и завывая; Женщины особенно казались более неистовыми, чем мужчины, и, совершенно лишившись рассудка, в своем [неистовом](#)⁶⁰ припадке зывали к богу, праздник которого они отмечали, [pg xxxii] с громкими криками; εὐοῖ Βάκχῃ, или ὦ Ἴακχῃ, или Ἰόβακχῃ, или Ἰὼ Βάκχῃ.

За этим отрядом вакханок следовали девственницы из самых знатных семей города, которых называли καινῆφοροι за то, что они несли на голове корзины, покрытые виноградными листьями и плющом.

К этим церемониям добавились и другие, непристойные до крайности и достойные бога, который решил удостоиться такой чести. Зрители поддались преобладающему настроению и были охвачены тем же неистовым духом. Не было видно ничего, кроме танцев, пьянства, разврата и всего того, что самая отъявленная разнузданность может представить себе как грубое и отвратительное. И все это целый народ, считавшийся мудрейшим во всей Греции, не только терпел, но и восхищался и практиковал. Я говорю "целый народ", потому что Платон, говоря о вакханалиях, прямо заявляет, что видел, как весь город Афины напился в один момент.⁶¹

Ливий сообщает [нам](#)⁶², что эта разнузданность вакханалий тайно проникла в Рим, и там под покровом ночи совершались самые ужасные беспорядки, а неприкосновенная тайна, которую обязаны были соблюдать все посвященные в эти нечистые и отвратительные таинства, соблюдалась под самыми страшными предписаниями. Сенат, узнав об этом, пресек эти святотатственные праздники самыми суровыми наказаниями и изгнал тех, кто их практиковал, сначала из Рима, а затем из Италии. Эти примеры показывают нам, насколько ошибочное представление о религии, прикрывающее величайшие преступления священным именем Божества, способно ввести в заблуждение человеческий разум.⁶³

Праздник Элевсиса.

Во всей языческой древности нет ничего более знаменитого, чем праздник Цереры Элевсинской. Церемонии этого праздника назывались "мистериями", поскольку, по словам Павсания, они были настолько выше всех остальных, насколько боги выше людей. Их происхождение и учреждение приписывают самой Церере, которая в царствование Эрехтея, прибыв в Элевсис, небольшой город в Аттике, в поисках своей дочери Прозерпины, которую унес Плутон, и обнаружив, что страна [pg xxxiii] страдает от голода, придумала кукурузу как средство от этого зла, которым она наградила жителей. Она не только научила их пользоваться кукурузой, но и наставила их в принципах порядочности, благотворительности,

вежливости и [человеколюбия](#)⁶⁴ ; отсюда ее таинства получили название Θεομοφóρiα и Initia. Этим первым счастливым урокам баснословная античность приписывает вежливость, учтивость и городскость, столь замечательные среди афинян.

Эти мистерии делились на меньшие и большие, из которых первые служили подготовкой ко вторым. Малые торжественно проводились в месяце Антестерион, что соответствует нашему ноябрю; великие - в месяце Боэдромион, что соответствует августу. К этим мистериям допускались только афиняне, но каждый из них, каждого пола, возраста и состояния, имел право быть принятым. Все чужестранцы были абсолютно исключены, так что Геракл, Кастор и Поллукс должны были быть приняты в афиняне, чтобы быть допущенными к ним; это, однако, распространялось только на меньшие мистерии. Я буду рассматривать главным образом великие, которые праздновались в Элевсисе.

Те, кто требовал посвящения в них, обязаны были перед приемом очиститься в меньших мистериях, купаясь в реке Илисс, произнося определенные молитвы, принося жертвы, и, прежде всего, живя в строгом воздержании в течение определенного предписанного им промежутка времени. Это время уходило на обучение принципам и элементам священной доктрины великих мистерий.

Когда наступало время посвящения, их приводили в храм; чтобы внушить большее благоговение и ужас, церемонию проводили ночью. По этому случаю происходили удивительные вещи. Они видели видения и слышали необычные голоса. Внезапное сияние рассеяло мрак этого места и, тут же исчезнув, добавило к мраку новые ужасы. Явления, раскаты грома, землетрясения усиливали ужас и изумление; в то время как человек, которого должны были впустить, переполненный ужасом и вспотевший от страха, с трепетом слушал, как ему читали таинственные тома, если в таком состоянии он вообще был способен слышать. Эти ночные обряды порождали множество [pg xxxiv] расстройств, которые суровый закон молчания, налагаемый на посвященных, не давал о себе знать, как замечает святой Григорий Назианзен.⁶⁵ Что может суеверие повлиять на разум человека, когда однажды его воображение разгорится? Председатель этой церемонии назывался Иерофантом. Он носил особую привычку, и ему не разрешалось жениться. Первым, кто исполнял эту функцию, и кого наставляла сама Церера, был Эвмолп; от него его преемники стали называться Эвмолпидами. У него было три коллеги: один нес [факел](#)⁶⁶ , другой - [глашатай](#)⁶⁷ , чьей обязанностью было произносить определенные таинственные слова, и третий - прислуживал у алтаря.

Кроме этих должностных лиц, один из главных магистратов города был назначен следить за тем, чтобы все церемонии этого праздника соблюдались в точности. Он назывался [царем](#)⁶⁸ и был одним из девяти архонтов. В его обязанности входило возносить молитвы и приносить жертвы. Народ дал ему четырех [помощников](#)⁶⁹ , одного из которых выбрали из рода Эвмолпидов, второго - из рода Сериков, а двух последних - из двух других родов. Кроме того, у него было еще десять служителей, которые помогали ему в исполнении его обязанностей, и особенно в принесении жертв, откуда они и получили свое [название](#)⁷⁰.

Афиняне очень рано посвящали своих детей обоих полов в эти таинства и считали преступным позволить им умереть, не получив такого преимущества. По их общему мнению, эта церемония обязывала их вести более добродетельную и регулярную жизнь; она рекомендовала им особое покровительство богинь (Цереры и Прозерпины), служению которым они посвящали себя, и обеспечивала им более совершенное и определенное счастье на том свете; тогда как, напротив, те, кто не был посвящен, помимо зла, которого они должны были ожидать в этой жизни, были обречены, после их спуска в нижние тени, вечно

прозябать в грязи, нечистотах и экскрементах. Киник Диоген ни во что не [верил](#)⁷¹, и когда его друзья пытались убедить его избежать такого несчастья, пройдя посвящение перед смертью, он сказал: "Что, - сказал он, - Агесилай и Эпаминондас будут лежать среди грязи и навоза, в то время как самые мерзкие афиняне, поскольку они прошли посвящение, займут самые выдающиеся места в регионах блаженных?" Сократ не был более легковверным; он не хотел быть посвященным в эти тайны, что, возможно, было одной из причин, по которой его религия вызывала подозрения.

[pg xxxv]

Без этой квалификации никто не допускался в храм [Цереры](#)⁷²; Ливий рассказывает о двух акарнанцах, которые в один из праздничных дней последовали за толпой в храм, но по ошибке и без злого умысла оба были преданы смерти без пощады. Разглашение секретов и тайн этого праздника также считалось тяжким преступлением. В связи с этим Диагор Мелиан был проскрибирован, и за его голову была назначена награда. Поэт Эсхил едва не лишился жизни за то, что слишком вольно говорил о нем в некоторых своих трагедиях. Опала Алкивиада проистекала из той же причины. Тот, кто нарушал эту тайну, избегал ее как проклятый и отлученный от церкви.⁷³ Павсаний в нескольких отрывках, где он упоминает храм в Элевсисе и проводимые там церемонии, останавливается и заявляет, что не может продолжать, потому что ему запретил сон или видение.⁷⁴

Этот праздник, самый знаменитый из светской древности, продолжался девять дней. Он начинался пятнадцатого числа месяца Боздромион. После некоторых предшествующих церемоний и жертвоприношений в первые три дня, на четвертый вечером начиналось шествие "корзины", которую клали на открытую колесницу, медленно запряженную [волами](#)⁷⁵, а за ней следовала длинная вереница афинских женщин. Все они несли в руках таинственные корзины, наполненные различными предметами, которые они тщательно скрывали и покрывали пурпурной вуалью. Эта церемония символизировала корзину, в которую Прозерпина положила цветы, которые она собирала, когда Плутон схватил и унес ее.

Пятый день назывался днем "факелов", потому что ночью мужчины и женщины бегали с ними, подражая Церере, которая, зажегши факел у костра на горе Этна, бродила с места на место в поисках своей дочери.

[pg xxxvi]

Шестой день был самым знаменитым из всех. Он назывался Иакх, то есть Вакх, сын Юпитера и Цереры, чья статуя, увенчанная миртом и держащая в руке факел, выносилась с большой церемонией. Процессия начиналась у Керамикуса и, пройдя через главные места города, продолжалась до Элевсиса. Путь, ведущий к нему, назывался "священным путем" и пролегал по мосту через реку Кефис. Эта процессия была очень многочисленной и обычно состояла из тридцати тысяч человек.⁷⁶ Храм Элевсиса, где она заканчивалась, был достаточно велик, чтобы вместить всю эту толпу; Страбон говорит, что его размеры были равны размерам театров, которые, как всем известно, могли вместить гораздо большее количество людей.⁷⁷ Весь путь вновь оглашался звуками труб, кларионов и других музыкальных инструментов. В честь богинь пели гимны, сопровождаемые танцами и другими необычными знаками ликования. Обычным был путь через священный путь и через Кефис, но после того, как лакедемоняне во время Пелопоннесской войны укрепили Декелию, афиняне были вынуждены совершать шествие по морю, пока Алкивиад не восстановил древний обычай.

Седьмой день был отмечен играми и гимнастическими боями, в которых победитель награждался мерой ячменя; несомненно, потому, что именно в Элевсисе богиня впервые обучилась способу выращивания этого зерна и его использованию. Два последующих дня были заняты какими-то особыми церемониями, ничем не примечательными и не важными.

Во время этого праздника запрещалось, под страхом очень больших наказаний, арестовывать кого бы то ни было, чтобы заключить его в тюрьму, или представлять судьям какие-либо жалобы. Праздник регулярно отмечался каждый пятый год, то есть после четырехлетней революции, и история не упоминает, чтобы он когда-либо прерывался, за исключением случая взятия Фив Александром Македонским.⁷⁸ Афиняне, которые в то время собирались праздновать великие мистерии, были так сильно потрясены разрушением этого города, что не могли решиться в таком общем несчастье устроить праздник, который не дышал ничем, кроме веселья и ликования. Он продолжался до времен христианских императоров.⁷⁹ Валентиниан отменил бы его, если бы Пртекстат, проконсул Греции, не представил в самых живых и трогательных выражениях всеобщую скорбь, которую отмена этого праздника [pg xxxvii] бы вызвать в народе; на основании этого он был сохранен. Предполагается, что он был окончательно подавлен Феодосием Великим, как и все остальные языческие торжества.

Об авгурах, оракулах и т. д.

Ничто так часто не упоминается в древней истории, как оракулы, предзнаменования и гадания. Ни одна война не велась, ни одна колония не решалась, ни одно важное дело, ни государственное, ни частное, не предпринималось без предварительной консультации с богами. Этот обычай был повсеместно установлен среди египетского, ассирийского, греческого и римского народов; что, несомненно, доказывает, как уже было замечено, что он произошел от древней традиции и имел свое начало в религии и поклонении истинному Богу. Не подлежит сомнению и то, что Бог до потопа являл свою волю человечеству различными способами, как и впоследствии своим людям: иногда в своей собственной личности и живым голосом, иногда через служение ангелов или пророков, вдохновленных им самим, а в другое время в виде явлений или во сне. Когда потомки Ноя рассеялись по разным регионам, они унесли с собой эту традицию, которая сохранилась повсюду, хотя и была изменена и испорчена тьмой и невежеством идолопоклонства. Никто из древних не настаивал больше, чем Ксенофонт, на необходимости советоваться с богами во всех случаях с помощью предзнаменований и оракулов; и он обосновывает эту необходимость, как я уже не раз отмечал в других местах, на основе принципа, выведенного из самого утонченного разума и проницательности. В нескольких местах он говорит о том, что человек сам по себе очень часто не знает, что для него выгодно или вредно; что, не будучи способным проникнуть в будущее, настоящее само ускользает от него; он настолько узок и близорук во всех своих взглядах, что малейшие препятствия могут сорвать его величайшие замыслы; что только Божество, которому подвластны все века, может дать ему определенное знание о будущем: что никакое другое существо не в силах способствовать успеху его предприятий; и что есть основания полагать, что он просветит и защитит тех, кто обожает его с самой чистой привязанностью, кто обращается к нему во все времена с величайшим постоянством и верностью, и советуется с ним с наибольшей искренностью и честностью.

Об авгурах.

Какой упрек человеческому разуму, что столь светлый [pg xxxviii] принцип породил абсурдные рассуждения и жалкие представления в пользу науки авгуров и прорицателей и послужил поводом для слепой преданности самым нелепым пагубам: Они должны были

ставить важнейшие государственные дела в зависимость от того, будет ли птица петь по правую или по левую руку; от прожорливости кур, клюющих зерно; от осмотра внутренностей зверей; от того, будет ли печень целой и в хорошем состоянии, которая, по их словам, иногда полностью исчезала, не оставляя никаких следов и признаков того, что она когда-либо существовала! К этим суеверным приметам можно добавить случайные встречи, слова, произнесенные случайно, а затем превратившиеся в добрые или дурные предвестия; предсказания, прорицания, чудовища, затмения, кометы; все необычные явления, все непредвиденные случайности, а также бесконечное множество химер подобного рода.

Как могло случиться, что так много великих людей, прославленных полководцев, способных политиков и даже ученых философов поддались столь абсурдным фантазиям? В частности, Плутарха, столь достойного в других отношениях, можно пожалеть за его рабское следование бессмысленным обычаям языческого идолопоклонства и нелепое доверие к снам, знамениям и чудесам. В своих трудах он рассказывает, что долгое время воздерживался от употребления яиц из-за одного сна, с которым он не считал нужным знакомить нас [подробнее](#)⁸⁰.

Самые мудрые из язычников хорошо знали, как оценивать искусство гадания, и часто говорили о нем друг с другом и даже публично, с величайшим презрением и в манере, наилучшим образом приспособленной для того, чтобы разоблачить его нелепость. Серьезный цензор Катон считал, что один прорицатель не может смотреть на другого без смеха. Ганнибал был поражен простодушием Прусия, которому он посоветовал дать бой, когда тот отвлекся от него осмотром внутренностей жертвы. "Что, - сказал он, - ты больше доверяешь печени зверя, чем такому старому и опытному капитану, как я?" Марцелл, который пять раз был консулом и авгуром, сказал, что он открыл способ, как не попасть впросак из-за зловещего полета птиц, а именно: держать себя закрытым в своей подстилке.

Цицерон объясняется по поводу авгуров без обиняков и умолчаний. Никто не был способен говорить об этом более уместно, чем он сам (как отмечает М. Морин в своей диссертации на ту же тему). Поскольку он был принят в коллегию авгуров, он ознакомился с их [pg xxxix] самыми заумными секретами и имел все возможности полностью посвятить себя их науке. То, что он это сделал, достаточно очевидно из двух оставленных им книг о гадании, в которых, можно сказать, он исчерпал эту тему. Во второй, где он опровергает своего брата Квинта, выступавшего на стороне авгуров, он борется и побеждает его ложные рассуждения с такой силой и в то же время с такой утонченной и деликатной язвительностью, что нам остается только мечтать; и он доказывает доказательствами, каждое из которых убедительнее другого, ложность, противоречивость и невозможность этого искусства. Но что очень удивительно, посреди всех своих аргументов он пользуется случаем, чтобы порицать генералов и магистратов, которые в важных случаях презирали прогностику; и утверждает, что ее использование, как бы сильно оно ни было, по его собственному мнению, злоупотреблением, тем не менее, должно быть уважаемо, из уважения к религии и предрассудкам [людей](#)⁸¹.

Все, что я до сих пор говорил, имеет тенденцию доказывать, что язычество было разделено на две секты, почти одинаково враждебные религии; одна из них суеверно и слепо почитала авгуров, другая - нерелигиозно презирала и высмеивала их.

Принцип первых, основанный, с одной стороны, на невежестве и слабости человека в делах жизни, а с другой - на предвидении Божества и его всемогущем провидении, был верен; но следствия, выведенные из него в пользу авгуров, ложны и абсурдны. Они должны были бы доказать, что это несомненно, что само Божество установило эти внешние знаки для

обозначения своих намерений и что оно обязало себя пунктуально следовать им во всех случаях: но в их системе ничего этого не было. Таким образом, эти предзнаменования и гадания были следствием и изобретением невежества, опрометчивости, любопытства и слепых страстей человека, который осмелился допрашивать Бога и обязывать его давать ответы на каждое праздное воображение и несправедливое предприятие.

Другие, не придавая значения ни одному из предписаний науки авгуров, не переставали, однако, соблюдать ее тривиальные церемонии в рамках политики, чтобы с помощью суеверия лучше подчинить себе умы людей и примирить их со своими целями: Но [pg xl] презрение к предсказаниям и внутреннее убеждение в их ложности привели их к неверию в Божественное Провидение и презрению к самой религии, считая ее неотделимой от многочисленных нелепостей такого рода, что делало ее смешной и, следовательно, недостойной здравогомыслящего человека.

И те, и другие вели себя так, потому что, заблуждаясь относительно Творца и злоупотребляя светом природы, который мог бы научить их познавать и обожать Его, они были заслуженно преданы собственной тьме и порочному разуму; и если бы нас не просветила истинная религия, мы и в наши дни предали бы тем же суевериям.

Оракулы

Ни одна страна не была более богата оракулами и не была более плодovита, чем Греция. Я ограничусь теми, которые были наиболее известны.

Оракул Додоны, города молоссов в Эпире, был очень знаменит; там Юпитер давал ответы либо голосистыми [дубами](#)⁸², либо голубями, у которых тоже был свой язык, либо звонкими медными тазами, либо устами жрецов и жриц.

Оракул Трофония в Беотии, хотя он был не более чем героем, пользовался большой славой.⁸³ После многих предварительных церемоний, таких как омовение в реке, жертвоприношения, питье воды, называемой Лет, из-за ее свойства заставлять людей забывать обо всем, жертвователи спускались в его пещеру по маленьким лестницам, через очень узкий проход. Внизу была еще одна маленькая пещера, вход в которую также был очень маленьким. Там они ложились на землю, держа в каждой руке определенный состав меда, который они непременно должны были носить с собой. Ноги их были поставлены в отверстие маленькой пещеры; не успели они это сделать, как почувствовали, что их втягивает туда с огромной силой и скоростью. Там им открылась будущность, но не всем одинаково. Одни видели, другие слышали чудеса. Оттуда они вернулись совершенно одурманенные и в беспамятстве, и их усадили в кресло [pg xli] Мнемосины, богини памяти; не без ее помощи, чтобы восстановить в памяти, после сильного переутомления, то, что они видели и слышали; признать, что они вообще что-то видели или слышали. Павсаний, который сам консультировался с этим оракулом и прошел через все эти церемонии, оставил наиболее полное его описание; к нему Плутарх добавляет некоторые особые обстоятельства,⁸⁴ которые я опускаю, чтобы избежать утомительной краткости.

Храм и оракул Бранхидов в окрестностях Милета, названный так от Бранха, сына Аполлона, был очень древним и пользовался большим уважением у всех ионийцев и дорийцев Азии.⁸⁵ Ксеркс, вернувшись из Греции, сжег этот храм, после того как жрецы передали ему его сокровища. Взамен этот князь предоставил им возможность поселиться в самых отдаленных уголках Азии, чтобы обезопасить их от мести греков. После окончания войны милезийцы восстановили этот храм с великолепием, которое, по словам Страбона, превосходило все остальные храмы Греции. Когда Александр Македонский сверг Дария, он полностью

разрушил город, где поселились жрецы Бранхиды, которым в то время фактически владели их потомки, наказав в детях святотатственное вероломство их отцов.

Тацит рассказывает нечто весьма необычное, хотя и не очень вероятное, об оракуле в Кларосе, городе в Ионии, в Малой Азии, недалеко от Колофона.⁸⁶ "Германик, - говорит он, - отправился посоветоваться с Аполлоном в Кларос. Ответы там дает не женщина, как в Дельфах, а мужчина, выбранный из определенной семьи, почти всегда из Милета. Достаточно сообщить ему число и имена тех, кто приходит к нему за советом. После этого он удаляется в пещеру и, испив воды из источника, находящегося в ней, дает ответы в стихах на то, что у людей на уме, хотя часто бывает невежественным и не умеет сочинять в меру. Говорят, что он предсказал Германику его внезапную смерть, но в темных и двусмысленных выражениях, согласно обычаю оракулов".

Я опускаю множество других оракулов, чтобы перейти к самому известному из них. Совершенно очевидно, что я имею в виду оракул Аполлона в Дельфах. Там ему поклонялись под именем Пифий, что происходит от змея Пифона, которого он убил, или от греческого слова, означающего "спрашивать", *πιθεσθαι*, потому что люди приходили туда, чтобы посоветоваться [pg xlii] ним. Отсюда дельфийская жрица стала называться Пифией, а проводимые там игры - Пифийскими играми.

Дельфы были древним городом Фокисы в Ахайе. Он стоял на склоне и примерно посередине горы Парнас, был построен на небольшом участке ровной земли и окружен обрывами, которые укрепили его без помощи искусства.

Диодор [рассказывает](#)⁸⁷, что на Парнасе была полость, из которой поднимался выдох, заставлявший коз танцевать и скакать, и опьянявший мозг. Пастух, приблизившись к ней из желания узнать причины столь необычного эффекта, был немедленно охвачен сильным возбуждением тела и произнес слова, которых, без сомнения, сам не понимал, но которые, однако, предсказывали будущее. Другие проделали тот же эксперимент, и вскоре слухи об этом распространились по всем соседним странам. К полости больше не подходили без благоговения. Было решено, что в выдохе содержится нечто божественное. Для восприятия его воздействия была назначена жрица, а на отверстие поставили треножник, названный латинянами Кортиной, возможно, из-за покрывавшей его [кожи](#)⁸⁸. Отсюда она произносила свои оракулы. Вокруг этой пещеры незаметно вырос город Дельфы, и был возведен храм, который со временем стал очень величественным. Репутация этого оракула почти стерлась или, по крайней мере, намного превзошла репутацию всех остальных.

Сначала одной пифии было достаточно, чтобы отвечать на вопросы тех, кто приходил посоветоваться с оракулом, поскольку их было не так уж много, но со временем, когда она приобрела всеобщую известность, вторую назначили устанавливать треножник поочередно с первой, а третью выбрали, чтобы она сменяла ее в случае смерти или болезни. Кроме них, при пифии в святилище находились и другие помощники, из которых самые значительные назывались [пророками](#)⁸⁹; их делом было следить за жертвоприношениями и инспектировать их. Им передавались из уст в уста или в письменном виде просьбы вопрошающих; они же давали ответы, как мы увидим в дальнейшем.

Не следует путать пифию с дельфийской сивиллой. Древние представляли ее как женщину, которая странствовала из страны в страну, изрекая свои предсказания. Она была одновременно Сибиллой Дельф, Эритреи, Вавилона, Кумæ и многих других мест, поскольку жила во всех них.

Пифия не могла пророчествовать, пока не опьянела от выдоха из святилища Аполлона. Этот чудодейственный [pg xliii] пар не всегда и не во всех случаях оказывал такое действие. Бог не всегда находился в вдохновенном настроении. Сначала он давал о себе знать лишь раз в год, но в конце концов его уговорили посещать пифию каждый месяц. Не все дни были подходящими, и в некоторые из них не разрешалось обращаться к оракулу. В эти злополучные дни Александру Македонскому было дано прорицание, достойное упоминания. Он отправился в Дельфы, чтобы посоветоваться с богом, в то время, когда жрица сделала вид, что задавать ему вопросы запрещено, и не хотела входить в храм. Александр, всегда горячий и настойчивый, взял ее за руку, чтобы заставить войти, когда она воскликнула: "Ах, сын мой, тебе нельзя противиться!" или "Сын мой, ты непобедим!"⁹⁰, на что он заявил, что не будет иметь другого прорицания, и остался доволен полученным.

Пифия, прежде чем взойти на треножник, долго готовилась к этому, совершая жертвоприношения, очищения, трехдневный пост и многие другие обряды. Свое приближение бог обозначил шевелением лавра, стоявшего перед воротами храма, который при этом содрогнулся до самого основания.

Как только божественный пар,⁹¹ подобно пронизывающему огню, распространился по внутренностям жрицы, ее волосы встали дыбом на голове, взгляд стал диким, изо рта пошла пена, внезапная и сильная дрожь охватила все ее тело, со всеми симптомами рассеянности и безумия.⁹² Она произнесла, с перерывами, несколько слов, почти невнятных, которые пророки тщательно собрали и расположили в определенном [pg xliv] порядке и связи. После того как она некоторое время находилась на треножнике, ее возвращали в ее келью, где она обычно оставалась много дней, чтобы оправиться от усталости; и, как говорит [Лукан](#)⁹³, внезапная смерть часто была либо наградой, либо наказанием за ее энтузиазм:

Numinis aut poena est mors immatura recepti,

Aut pretium.

При пророках были поэты, которые превращали оракулы в стихи, часто довольно плохие и дававшие повод заметить, что очень удивительно, что Аполлон, возглавлявший хор муз, должен вдохновлять свою жрицу не лучше. Но Плутарх сообщает нам, что стихи оракула сочинял не бог. Он воспламенил воображение Пифии и зажег в ее душе тот живой свет, который открыл ей все будущее. Слова, которые она произносила в пылу своего энтузиазма, не имея ни способа, ни связи, а лишь пускаясь, если можно так выразиться, со дна желудка или, [скорее](#)⁹⁴, из живота, были бережно собраны пророками, которые затем передали их поэтам, чтобы те переложили их в стихи. Аполлон предоставил их собственному гению и природным талантам; можно предположить, что так же он поступил и с Пифией, когда она сама сочиняла стихи, что случалось, хотя и не часто, но все же иногда. Содержание оракула было внушено Аполлоном, способ его выражения принадлежал жрице: оракулы, однако, часто излагались в прозе.

Общими характеристиками оракулов были [двусмысленность](#)⁹⁵, неясность и конвертируемость (если можно так выразиться), так что один ответ мог соответствовать нескольким различным, а иногда и прямо противоположным событиям. С помощью этой хитрости деймоны, которые сами по себе не способны знать будущее, скрывали свое невежество и забавляли легкое верие языческого мира. Когда Крѣз собрался вторгнуться к медам, он обратился к дельфийскому оракулу с вопросом об успехе этой войны, и получил ответ, что, перейдя реку Халис, он разрушит великую империю. Какую империю - свою или своих врагов? Ему оставалось только гадать; но каким бы ни было событие, оракул не мог не оказаться [pg xlv] правым. Столько же можно сказать и об ответе того же бога Пирру:

Aio te, Æacida, Romanos vincere posse.

Я повторяю его на латыни, потому что двусмысленность, которая в равной степени подразумевает, что Пирр мог победить римлян, а римляне Пирра, не устоит в переводе. Под покровом таких двусмысленностей бог ускользал от всех трудностей и никогда не был в проигрыше.

Следует, однако, признать, что иногда ответ оракула был ясным и косвенным. Я уже рассказывал в истории Крёза об уловке, которую он использовал, чтобы убедиться в правдивости оракула, а именно: потребовал от него через своего посла, что он делает в определенное время, указанное заранее. Дельфийский оракул ответил в стихах, что он заставляет черепаху и ягненка быть помещенными в медный сосуд, что и было на самом деле. Император Траян устроил подобное испытание богу в Гелиополе, послав ему запечатанное письмо,⁹⁶ на которое потребовал ответа.⁹⁷ Оракул ничего не ответил, только велел доставить ему чистую бумагу, хорошо сложенную и запечатанную. Получив его, Траян был поражен, увидев ответ, настолько соответствующий его собственному письму, в котором, как он знал, он ничего не писал. Благодаря удивительной способности демонов почти мгновенно переноситься с места на место, они могли давать два ответа, о которых я говорил, и предсказывать в одной стране то, что они видели в другой; таково мнение [Тертуллиана](#)⁹⁸.

Признавая, что некоторые оракулы точно сопровождались предсказанными событиями, мы можем поверить, что Бог, чтобы наказать слепое и святотатственное легкое верие язычников, иногда позволял деймонам иметь представление о грядущих событиях и предсказывать их достаточно ясно. Такое поведение Бога, хотя оно и намного выше человеческого понимания, часто подтверждается в Священном Писании.

Возникал вопрос, следует ли приписывать оракулы, упоминаемые в светской истории, действиям демонов, [pg xlv] или только злобе и самозванству людей. Ван Дейл, голландский врач, придерживался последнего мнения, а месье Фонтенель, будучи молодым человеком, принял его, будучи убежденным (говоря его собственными словами), что для истинности христианства безразлично, были ли оракулы следствием действия духов или серий самозванства. Отец Балтус, иезуит, профессор Священного Писания в Страсбургском университете, опроверг их обоих в очень солидном трактате, где он неопровержимо доказывает, опираясь на единодушный авторитет Отцов, что демоны были настоящими агентами в оракулах. С такой же силой и успехом он нападает на опрометчивость и самонадеянность врача-анабаптиста, который, ставя под сомнение способности и проницательность этих святых врачей, втайне пытался уничтожить то высокое представление, которое все истинные верующие должны иметь об этих великих лидерах Церкви, и обесценить их почтенный авторитет, который является столь большой проблемой для всех, кто отстает от принципов древней традиции. Если в чем-либо и была определенность и единообразие, так это в этом вопросе; ибо все Отцы Церкви и церковные писатели всех веков утверждают и подтверждают, что дьявол был автором идолопоклонства в целом и оракулов в частности.

Это мнение не мешает нам верить, что жрецы и жрицы часто были виновны в мошенничестве и самозванстве при ответах на оракулы. Ибо разве не дьявол является отцом и князем лжи? В греческой истории мы не раз видели, как дельфийская жрица развращала себя подарками. Именно из этих побуждений она убедила лакедемонян помочь афинскому народу изгнать тридцать тиранов; по ее приказу Демарат был лишен царского достоинства, чтобы освободить место для Клеомена; она же подбросила оракул, чтобы поддержать

самозванство Лисандра, когда тот попытался изменить порядок наследования трона Спарты. И я склонен полагать, что Фемистокл, прекрасно понимавший важность действий против персов на море, вдохновил бога на ответ, который тот дал: "Защищаться деревянными стенами". Демосфен, убежденный в том, что оракулы часто внушаются под влиянием страсти или интереса, и не без оснований подозревая, что Филипп поручил им говорить в его пользу, смело [заявил](#)⁹⁹, что пифия "филиппика";" и призывал афинян и фиванцев помнить, что Перикл и Эпаминондас, вместо того чтобы слушать и развлекаться легкомысленными ответами оракулов, этих праздных [pg xlvii] жупелов низких и трусливых людей, при выборе и осуществлении своих мер руководствовались только разумом.

Тот же отец Балтус с таким же успехом рассматривает и второй спорный момент, а именно прекращение действия оракулов. Мистер Вандейл, чтобы с некоторой выгодой противостоять истине, столь славной для Иисуса Христа, ниспровергателя идолопоклонства, фальсифицировал смысл Отцов, заставив их сказать, "что оракулы прекратились именно в момент рождения Христа". Ученый апологет Отцов показывает, что все они утверждают, что оракулы прекратились после рождения нашего Спасителя и проповеди Его Евангелия; не внезапно, а по мере того, как Его спасительные доктрины становились известны человечеству и завоевывали его позиции в мире. Это единодушное мнение Отцов подтверждается неопровержимыми свидетельствами большого числа язычников, которые согласны с ними относительно времени прекращения прорицаний.

Какой честью для христианской религии было это молчание, наложенное на оракулов победой Иисуса Христа! Каждый христианин обладал этой силой. Тертуллиан в одной из своих "Апологий" [100](#) предлагает язычникам провести эксперимент и соглашается, чтобы христианин был предан смерти, если он не заставит этих прорицателей признать себя дьяволами. Лактанций сообщает нам, что каждый христианин мог заставить их замолчать одним лишь крестным знамением. [101](#) И всему миру известно, что когда Юлиан Отступник был в Дафне, пригороде Антиохии, чтобы посоветоваться с Аполлоном, бог, несмотря на все принесенные ему жертвы, оставался немым и обрел дар речи только для того, чтобы ответить тем, кто поинтересовался причиной его молчания, что они должны приписать это погребению некоторых тел поблизости. Это были тела христианских мучеников, среди которых было тело святого Вавилы.

Этот триумф христианской религии должен заставить нас осознать наши обязательства перед Иисусом Христом и в то же время понять, в какой тьме пребывало все человечество до его пришествия. Мы видели среди карфагенян отцов и матерей, более жестоких, чем дикие звери, бесчеловечно отдающих своих детей и ежегодно обезлюживающих свои города, уничтожая самых энергичных из своей молодежи, повинуюсь кровавым велениям своих оракулов и ложных богов. [102](#) Жертвы [pg xlviii] выбирались без учета ранга, пола, возраста или состояния. Такие кровавые казни назывались жертвоприношениями и были призваны задобрить богов. "Какое большее зло, - восклицает Лактанций, - могли они причинить в своем жесточайшем неудовольствии, чем лишить своих поклонников всякого чувства человечности, заставить их перерезать горло собственным детям и осквернить свои святотатственные руки столь отвратительным отцеубийством?"

Тысяча обманов и самозванств, открыто обнаруженных в Дельфах и в других местах, не открыли людям глаза и несколько не уменьшили авторитет оракулов; который просуществовал более двух тысяч лет и был вознесен на немыслимую высоту даже в умах величайших людей, самых глубоких философов, самых могущественных принцев и вообще среди самых цивилизованных народов, которые больше всего ценили свою мудрость и политику. О том, как их ценили, можно судить по великолепию Дельфийского храма и

огромным богатствам, накопленным в нем благодаря суеверному легковерию народов и монархов.

Храм в Дельфах был сожжен около пятьдесят восьмой Олимпиады, и Амфикионы, эти знаменитые судьи Греции, взяли на себя заботу о его восстановлении.¹⁰³ Они договорились с архитектором о цене в триста талантов, что составляет девятьсот тысяч ливров.¹⁰⁴ Эту сумму должны были предоставить города Греции. Жители Дельф облагали четвертую часть этой суммы налогом и собирали пожертвования во всех частях, даже в чужих странах, на эти нужды. Амасис, в то время царь Египта, и греки, жившие в его стране, внесли значительные суммы. Алкмеониды, могущественная афинская семья, взяли на себя руководство строительством и сделали его более величественным за счет значительных собственных дополнений, чем было предложено в модели.

Гигес, царь Лидии, и Крёс, один из его преемников, обогатили Дельфийский храм невероятным количеством подарков. Многие другие князья, города и частные лица по их примеру, подражая друг другу, нагромодили в нем треножники, вазы, столы, щиты, короны, колесницы и статуи из золота и серебра всех размеров, одинаково бесконечные по количеству и стоимости. Подарки из золота, которые один только Крёс сделал этому храму, составили, по словам Геродота¹⁰⁵, до 254 талантов, то есть около 762 000 французских ливров¹⁰⁶; [pg xlix] и, возможно, столько же из серебра. Большинство этих подарков существовало во времена Геродота. Диодор Сикулус¹⁰⁷, добавив к ним подарки других принцев, называет их сумму в десять тысяч талантов, или тридцать миллионов ливров¹⁰⁸.

Среди золотых статуй, освященных Крёсом в храме Дельф, была и статуя его женщины-пекаря, которая была установлена по следующему поводу:¹⁰⁹ Алятта, отец Крёза, женившись на второй жене, от которой у него были дети, задумала избавиться от своего зятя, чтобы корона перешла к ее потомству. Для этого она попросила женщину-пекаря подсыпать яд в буханку, которую должны были подать к столу молодого принца. Женщина, пораженная ужасом преступления (в котором она не должна была принимать никакого участия), сообщила о нем Крёзусу. Отравленный каравай был подан собственным детям королевы, и их смерть обеспечила корону законному наследнику. Взойдя на трон, он в благодарность своей благодетельнице воздвиг ей статую в храме Дельф. Но, спрашивается, мог ли человек столь низкого положения заслужить столь великую честь? Плутарх отвечает на этот вопрос утвердительно; и, по его словам, с гораздо лучшим титулом, чем многие из столь восхваляемых завоевателей и героев, которые приобрели свою славу только убийствами и опустошениями.

Не стоит удивляться, что такие огромные богатства должны были искушать жадность человечества и подвергать Дельфы частым разграблениям. Не говоря уже о более древних временах, Ксеркс, вторгшийся в Грецию с миллионной армией, попытался захватить трофеи этого храма. Через сто лет после этого финикийцы, ближайшие соседи Дельф, несколько раз грабили их. Та же богатая добыча была единственным мотивом вторжения галлов в Грецию при Бренне. Бог-хранитель Дельф, если верить историкам, иногда защищал этот храм удивительными чудесами, а иногда, то ли от бессилия, то ли от недостатка ума, терпел разграбление. Когда Нерон посетил этот храм, столь знаменитый во всей вселенной, и нашел в нем пятьсот изящных медных статуй знаменитых людей и богов, по его вкусу посвященных Аполлону (золотые и серебряные, несомненно, исчезли при его приближении), он приказал снять их и, погрузив на свои корабли, повез с собой в Рим.

Те, кто желает получить более подробные сведения об оракулах и богатствах храма в Дельфах, могут ознакомиться с некоторыми диссертациями на эту тему, напечатанными в "Мемуарах Академии изящной словесности" ¹¹⁰, которыми я, по своему обыкновению, хорошо воспользовался.

Об играх и поединках.

Игры и поединки были частью религии и участвовали почти во всех праздниках древних, и по этой причине им должно быть уделено место в этой работе. Независимо от того, рассматриваем ли мы их происхождение или замысел их учреждения, мы не будем удивлены тем, что они были так распространены в наиболее управляемых государствах.

Геракл, Тесей, Кастор и Поллукс, величайшие герои древности были не только их учредителями или восстановителями, но и считали славным участвовать в их осуществлении и достойным преуспевать в этом. Эти покорители чудовищ и общих врагов человечества не считали зазорным для себя стремиться к победам в этих боях; и новые венки, которыми обвешивались их брови при праздновании этих игр, не умаляли блеска тех, которые они приобрели раньше. Поэтому самые знаменитые поэты сделали эти сражения темой своих стихов; красота их поэзии, увековечивая их самих, казалось, обещала вечную славу тем, чьи победы они праздновали. Отсюда возникло то необычайное стремление, которое одушевляло всю Грецию, идти по стопам этих древних героев и, подобно им, прославлять себя в публичных сражениях.

Можно привести и более вескую причину, которая кроется в самой природе этих боев и людей, которые их использовали, для их распространенности. Греки, по природе своей воинственные и в равной степени стремившиеся к формированию тела и ума своей молодежи, ввели эти упражнения и приложили к ним почести, чтобы подготовить молодых людей к военной профессии, укрепить их здоровье, сделать их сильнее и выносливее, приучить их к усталости и сделать их смелыми в ближнем бою, в котором, поскольку огнестрельное оружие тогда было неизвестно, победа обычно доставалась силе тела. Эти атлетические упражнения заменили те, что были в ходу среди нашей знати, такие как танцы, фехтование, езда на лошади и т. д.; но они не ограничивались изящной миной, красотой фигуры и лица; они были направлены на то, чтобы соединить силу с очарованием лица.

[pg li]

Правда, эти упражнения, столь прославленные их основателями и столь полезные в тех целях, которые они изначально предполагали, ввели публичные мастера, которые обучали им молодых людей и, практикуя их с успехом, публично демонстрировали и выставляли напоказ свое мастерство. Такие люди занимались исключительно этим искусством и, доведя его до крайности, превратили в своего рода науку, добавляя правила и утонченности; часто бросая вызов друг другу из тщеславного подражания, пока в конце концов не выродились в профессию людей, которые, не имея никаких других занятий или достоинств, выставляли себя напоказ для развлечения публики. В этом отношении наши танцмейстеры ничем не отличаются от них, чьим естественным и первоначальным предназначением было обучение молодежи грациозной походке и хорошей речи; но теперь мы видим, как они выходят на сцену и исполняют балеты в одежде комедиантов, капризничая, прыгая, скача и совершая множество странных неестественных движений. В дальнейшем мы увидим, какого мнения были мудрейшие из древних о своих исповедуемых бойцах и мастерах борьбы.

В Греции проводились четыре игры. Олимпийские, названные так от Олимпии, иначе Пизы, города Элиды в Пелопоннесе, возле которого они проводились по истечении каждых четырех лет в честь Юпитера Олимпийского. Пифийские, священные Аполлону [Пифию](#)¹¹¹, названные так от убитого им змея Пифона; они праздновались в Дельфах каждые четыре года. Немейские, получившие свое название от Немейи, города и леса в Пелопоннесе, которые были учреждены или восстановлены Гераклом после того, как он убил льва Немейского леса. Торжественные церемонии проводились каждые два года. И, наконец, Истмийские, которые отмечались на Коринфском перешейке каждые четыре года в честь Нептуна. Их восстановил [Тесей](#)¹¹², и они продолжались даже после разрушения Коринфа. Чтобы люди могли присутствовать на этих публичных играх в большей безопасности и спокойствии, во всей Греции на время их проведения было объявлено о приостановке вооружения и прекращении военных действий.

На этих играх, которые проводились с невероятным великолепием и собирали огромное количество зрителей и участников со всех концов, наградой победителям служил простой венок. В Олимпийских играх он состоял из дикой оливы. В Пифийских - из лавра. В Немейских - из зеленой [петрушки](#)¹¹³, а в Истмийских - из той же [pg lii] травы в сушеном виде. Учредители этих игр хотели, чтобы отсюда следовало, что только честь, а не подлый и подлый интерес, должна быть мотивом великих поступков. На что только не были способны люди, привыкшие действовать исключительно из столь славного принципа! В Персидской [войне](#)¹¹⁴ мы видели, как Тигран, один из самых значительных полководцев в армии Ксеркса, услышав описание призов на греческих играх, с изумлением воскликнул, обращаясь к Мардонию, который командовал войском: "Небось, против каких людей ты нас ведешь? Нечувствительные к интересам, они сражаются только ради славы!"¹¹⁵ Это восклицание, хотя и было расценено Ксерксом как эффект презренного страха, изобиловало смыслом и рассудительностью.

По тому же принципу римляне, одаривая в других случаях золотыми коронами огромной стоимости, упорно продолжали дарить только венок из дубовых листьев тому, кто спас жизнь [гражданина](#)¹¹⁶. "О нравы, достойные вечной памяти!" - восклицал Плиний, рассказывая об этом похвальном обычае, - "О величие, истинно римское, которое не назначит иной награды, кроме почестей, за сохранение гражданина! Услуга, действительно, выше всякой награды; тем самым они в достаточной мере подтверждают свое мнение, что преступно спасать жизнь человека из корысти и интереса!" *O mores æternos, qui tanta opera honore solo donaverint; et cùm reliquas coronas auro commendarent, salutem civis in pretio esse noluerint, clarâ professione servari quidem hominem nefus esse lucri causâ!*

Среди всех греческих игр олимпийские занимали бесспорно первое место, и на то было три причины. Они были посвящены Юпитеру, величайшему из богов, учреждены Гераклом, первым из героев, и отмечались с большей пышностью и великолепием, при большом стечении зрителей, собранных со всех концов, чем все остальные.

Если верить [Павсанию](#)¹¹⁷, женщинам запрещалось присутствовать на них под страхом смерти; а во время их проведения было предписано, чтобы ни одна женщина не приближалась к месту проведения игр и не переходила на ту сторону реки Алфей. Лишь одна женщина осмелилась нарушить этот закон и, замаскировавшись, пробралась среди тех, кто тренировал борцов. Ее судили за это преступление, и она понесла бы наказание, предусмотренное законом, если бы судьи, учитывая мнение ее отца, брата и сына, которые все были победителями [pg liii] Олимпийских игр, не простили ее проступок и не спасли ей жизнь.

Этот закон вполне соответствовал нравам греков, среди которых дамы были очень сдержанны, редко появлялись на публике, имели отдельные апартаменты, называемые гинекеями, и никогда не ели за столом с мужчинами, когда присутствовали посторонние. Допускать их на некоторые игры, такие как борьба и панкратий, в которых бойцы сражались обнаженными, было, конечно, несовместимо с приличиями.

Тот же Павсаний в другом месте рассказывает [нам118](#), что жрица Цереры занимала почетное место на этих играх, и что девственницам не отказывали в праве присутствовать на них. Со своей стороны, я не могу понять причину такой непоследовательности, которая действительно кажется невероятной.

Греки считали, что победа в этих играх ни с чем не сравнима. Они смотрели на нее как на совершенство славы и не считали, что смертным позволено желать чего-то большего. Цицерон уверяет нас, [119](#) что у них это было не менее почетно, чем консульское достоинство в его первоначальной великолепии у древних римлян. А в другом месте он говорит, [120](#) что победить в Олимпии, по мнению греков, было едва ли не более великим и славным, чем получить честь триумфа в Риме. Гораций говорит о такой победе в еще более сильных выражениях. Он не боится сказать, [121](#) что "она возвышает победителя над человеческой природой; они были уже не людьми, а богами".

Далее мы увидим, какие необычные почести воздавались победителю, одной из наиболее значимых из которых было датирование года его именем. Ничто не могло более эффективно стимулировать их усилия и заставить их не обращать внимания на расходы, чем уверенность в увековечивании их имен, которые во все будущие века будут занесены в их анналы и стоять впереди всех законов, принятых в тот же год, что и победа. К этому мотиву можно добавить радость от осознания того, что их восхваление будет воспето самыми известными поэтами и станет предметом разговора на самых прославленных собраниях; ведь [\[pg liv\]](#) эти оды пелись в каждом доме и составляли часть любого развлечения. Что может быть более мощным стимулом для народа, у которого не было иной цели, кроме человеческой славы?

В этой главе я ограничусь Олимпийскими играми, которые продолжались пять дней, и опишу, как можно короче, несколько видов боев, из которых они состояли. Месье Буретт рассмотрел эту тему в нескольких диссертациях, напечатанных в "Мемуарах Академии изящных искусств", где чистота, доходчивость и элегантность стиля сочетаются с глубокой эрудицией. Я не стесняюсь использовать в своих целях богатства моих братьев; и в том, что я уже сказал об Олимпийских играх, я очень свободно воспользовался замечаниями покойного аббата Массье об одах Пиндара.

Бои, которые имели наибольшую долю в торжественности публичных игр, были бокс, борьба, панкратий, метание диска или квоита, а также скачки. К ним можно добавить упражнения в прыжках, метании дротика и трохея или колеса; но поскольку они не были важными и не пользовались большой репутацией, я довольствуюсь тем, что только упомянул их в этом месте. Для того чтобы лучше систематизировать особенности этих игр и упражнений, необходимо начать с рассказа об атлетах, или бойцах.

Атлеты, или бойцы.

Термин *Athletæ* происходит от греческого слова ἄθλος, означающего труд, борьбу. Так называли тех, кто занимался спортом с намерением побороться за призы в общественных играх. Искусство, с помощью которого они готовились к этим поединкам, называлось гимнастическим, от *Athletæ's practising naked*.

Те, кто был предназначен для этой профессии, с самого раннего возраста часто посещали Гимназии или Палестры, которые были своего рода академиями, содержащимися для этой цели за государственный счет. В этих заведениях молодые люди находились под руководством различных мастеров, которые использовали самые эффективные методы, чтобы приучить их тела к нагрузкам во время общественных игр и подготовить их к боям. Режим, в котором они находились, был очень жестким и суровым. Сначала они питались только сушеными фигами, орехами, мягким сыром и грубым тяжелым хлебом, называемым *μάζα*. Им было категорически [pg lv] запрещено употреблять вино и предписывалось воздержание; Гораций выражает это так: [122](#)

Qui studet optatam cursu contingere metam

Multa tulit fecitque puer, sudavit et alsit,

Abstinuit venere et vino.

Кто в олимпийской гонке приз получит,

С ранней юности переносит усталость и боль,

Избыток жары и холода часто испытывал,

Нежность любви прогонял и бокал отвергал.

Святой Павел, используя сравнение, взятое из "Атлета", увещевает коринфян, возле города которых проходили Истмийские игры, к трезвой и покаянной жизни. "Те, кто стремится к победе, - говорит он, - умеренны во всем: Они делают это, чтобы получить тленный венец, а мы - нетленный". Тертуллиан использует ту же мысль, чтобы ободрить мучеников. [123](#) Он приводит сравнение с тем, что надежды на победу заставляли терпеть Атлета. Он повторяет суровые и болезненные упражнения, которым они были вынуждены подвергаться; постоянный отказ и принуждение, в которых они провели лучшие годы своей жизни; добровольное лишение себя всего, что было наиболее приятным и благодарным для их страстей. Правда, атлеты не всегда соблюдали столь суровый режим, но в конце концов заменили его изнеженностью и праздностью, крайне далекими от него.

Перед [упражнениями](#) [124](#) атлеты натирались маслами и мазями, чтобы сделать свое тело более гибким и энергичным. Сначала они пользовались поясом с прикрепленным к нему фартуком или платком для более приличного вида во время схваток; но когда один из бойцов проиграл победу из-за того, что этот покров свалился, этот случай послужил поводом пожертвовать скромностью ради удобства и отказаться от фартука на будущее. Атлеты оставались голыми только в некоторых упражнениях, таких как борьба, бокс, панкратий и бег на ногах. В течение десяти месяцев они проходили в Гимназии нечто вроде послушничества, чтобы усердно заниматься различными упражнениями; и это они делали в присутствии тех, кого любопытство или праздность заставляли смотреть на них. Но когда приближалось празднование Олимпийских игр, атлеты, которые должны были выступать на них, выполняли двойные упражнения.

[pg lvi]

Прежде чем их допускали к бою, требовались другие доказательства; что касается рождения, то никто, кроме греков, не мог быть принят. Также необходимо было, чтобы их манеры были безупречными, а состояние свободным. Ни один иностранец не допускался к бою на Олимпийских играх; и когда Александр, сын Аминта, царя Македонского, явился

оспаривать приз, его соперники, не считаясь с царским достоинством, воспротивились его приему как македонца, а следовательно, варвара и чужеземца; и судьи не могли убедить его принять, пока он не доказал в надлежащей форме, что его семья происходит от аргивян.

Лица, председательствовавшие на играх, назывались агонотетами, атлотетами и элланодиками: они записывали имя и страну каждого чемпиона, а при открытии игр глашатай объявлял имена участников. Затем их заставляли принести клятву, что они будут неукоснительно соблюдать законы, предписанные для каждого вида боя, и не будут делать ничего, что противоречило бы установленным порядкам и правилам игр. Мошенничество, хитрость и чрезмерное насилие были категорически запрещены, а поговорка, столь распространенная в других странах,¹²⁵ что безразлично, победить ли врага обманом или доблестью, была изгнана из этих боев. Обращение бойца, сведущего во всех тонкостях своего искусства, умеющего ловко смещаться и уклоняться, искусно и тонко подставлять противника под удар и использовать самые незначительные преимущества, здесь не следует путать с трусливой и подлой хитростью того, кто, не обращая внимания на предписанные законы, использует самые нечестные средства, чтобы победить своего соперника. Те, кто оспаривал приз в нескольких видах поединков, тянули жребий, определяя свое первенство в них.

Настало время свести наших чемпионов к ударам и рассказать о различных видах борьбы, в которых они упражнялись.

Борьба.

Борьба - одно из самых древних упражнений, о которых нам известно, она практиковалась еще во времена патриархов, о чем свидетельствует борьба ангела с Иаковом.¹²⁶ Иаков так энергично выдержал атаку ангела, что тот, поняв, что не может сбросить столь грубого борца, был вынужден сделать его хромым, коснувшись сухожилия его бедра, которое тут же сократилось.

[pg lvii].

Борьба у греков, как и у других народов, поначалу практиковалась просто, без особого искусства и естественным образом; вес тела и сила мышц играли в ней большую роль, чем умение и мастерство. Тесей был первым, кто свел его к методу и отточил по правилам искусства. Он же первым основал общественные школы, называемые Палестрами, где у молодых людей были наставники, обучавшие их этому искусству.

Борцов, прежде чем они начинали борьбу, растирали по всей поверхности, а затем помазывали маслами, что придавало силу и гибкость их конечностям. Но поскольку это средство, делая кожу слишком скользкой, мешало им крепко держаться друг за друга, они устраняли это неудобство, иногда катаясь в пыли Палестры, иногда бросая друг на друга мелкий песок, хранившийся для этой цели в *Xystæ*, или портиках Гимназии.

Подготовленные таким образом, борцы приступили к схватке. Их ставили двое против двоих, а иногда одновременно боролись несколько пар. В этом бою вся цель и замысел борцов заключались в том, чтобы повалить противника на землю. Для этого использовались как сила, так и искусство: они захватывали друг друга за руки, тянули вперед, толкали назад, использовали множество искривлений и скручиваний тела; зацепляли конечности друг за друга, захватывали за шею, делали глотки, сжимали руки, боролись, наваливались со всех сторон, поднимали с земли, сталкивали головы, как бараны, и скручивали друг другу шеи. Самым значительным преимуществом в искусстве борца было овладение ногами

противника, падение которого являлось непосредственным следствием. Поэтому Плавт в своем "Псевдолусе", говоря о вине, говорит: "Он опасный борец, так как в любой момент подставляет пятки".¹²⁷ Греческие термины *υποσκελίζειν* и *πτερνίζειν*, а также латинское слово *supplantare*, похоже, подразумевают, что одно из этих искусств состояло в том, чтобы наклониться и захватить противника под подошвы его ног, а затем поднять их вверх, чтобы он упал.

Таким образом, атлеты боролись стоя, и схватка заканчивалась падением одного из соперников. Но когда случалось, что упавший борец увлекал за собой своего противника, либо искусством, либо случайностью, схватка продолжалась на песке, антагонисты кувыркались и переплетались друг с другом тысячей различных способов, пока один из них не оказывался сверху, заставлял другого просить четверти и признавал [pg lviii] себя побежденным. Был и третий вид борьбы, называемый *Ἀκροχειρισμός*, потому что атлеты использовали в нем только руки, не захватывая тело, как в других видах; и это упражнение служило прелюдией к более серьезному бою. Оно заключалось в переплетении пальцев и сжатии их со всей силой, в толкании друг друга, соединяя ладони вместе, в скручивании пальцев, запястий и других суставов руки без помощи других членов; победа доставалась тому, кто заставлял своего противника просить четверти.

Бойцы должны были сразиться три раза подряд и по меньшей мере дважды бросить своих противников, прежде чем приз будет присужден им.

Гомер описывает борьбу Аякса и Улисса, Овидий - Геракла и Ахелая, Лукан - Геракла и Антея, а Стаций в своей "Фиваиде" - Тидея и [Агиллея](#)¹²⁸.

Самыми известными борцами среди греков были Мило из Кротоны, историю которого я подробно описал в другом месте, и Полидамас. Последний, в одиночку и без оружия, убил разъяренного льва на горе Олимп, подражая Гераклу, которого он предложил себе в качестве образца для подражания в этом деле. В другой раз, схватив быка за одну из его задних ног, он не смог освободиться, не оставив в руках копыта. Он мог удерживать колесницу позади, в то время как кучер тщетно бил лошадей кнутом, чтобы заставить их идти вперед. Дарий Нот, царь Персии, услышав о его огромной силе, захотел увидеть его и пригласил в Сузы. Три воина из гвардии этого царя и из той группы, которую персы называли "бессмертными" и считали самой воинственной из своих войск, получили приказ напасть на него. Наш чемпион сразился с ними и убил всех троих.

О боксе, или цестусе.

Бокс - это бой на ударах кулаком, откуда и пошло его название. Бойцы прикрывали кулаки наступательным оружием, называемым цестом, а головы - кожаной шапочкой, чтобы защитить виски и уши, которые наиболее подвержены ударам, и ослабить их силу. Цестус был своего рода перчаткой, сделанной из кожаных ремней и покрытой латунью, свинцом или железом. Они служили для [pg lix] укрепления рук сражающихся и для усиления жестокости их ударов.

Иногда атлеты сразу же переходили к самым жестоким ударам и начинали свое наступление самым яростным образом. Иногда целые часы уходили на то, чтобы изводить и утомлять друг друга, постоянно вытягивая руки, делая удары друг друга неэффективными и пытаясь таким спаррингом отбиться от своего противника. Но когда они дрались с особой яростью, то целились главным образом в голову и лицо, которые они старались защищать, уклоняясь от ударов или парируя их. Когда один из бойцов бросался на другого со всей своей силой и

мощью, они удивительным образом уклонялись от атаки, ловким поворотом корпуса сбрасывая неосторожного противника и лишая его победы.

Как бы ни были ожесточены бойцы друг против друга, их изнеможение от продолжительности боя часто приводило их к необходимости заключить перемирие; тогда бой приостанавливался по взаимному согласию на несколько минут, которые использовались для восстановления усталости и вытирания пота, в котором они купались; после чего они возобновляли бой, пока один из них, опустив руки от слабости и слабости, не объяснял, что он больше не может поддерживать бой или усталость, и желал четвертования, что означало признание себя побежденным.

Бокс был одним из самых грубых и опасных гимнастических боев, потому что, помимо опасности стать калек, бойцы рисковали жизнью. Иногда они падали замертво или умирали на песке, хотя это случалось редко, разве что побежденный слишком долго не признавал своего поражения: все же нередко они выходили из боя с таким обезображенным лицом, что потом их было нелегко узнать; они уносили с собой печальные следы своего энергичного сопротивления, такие как синяки и ушибы лица, потеря глаза, выбитые зубы, сломанные челюсти или еще какие-нибудь более значительные переломы.

У поэтов, как латинских, так и греческих, мы находим несколько описаний этого вида боя. У Гомера - бой Эпея и Эвриала; у Феокрита - бой Поллукса и Амика; у Аполлония Родия - тот же бой Поллукса и Амика; у Вергилия - бой Дареса и Энтелла; у Статия и Валерия Флакка - бой нескольких других бойцов¹²⁹.

[pg lx]

О панкратиис.

Панкратион был назван так от двух греческих слов,¹³⁰ которые означают, что для успеха в нем необходима вся сила тела. Она объединяла бокс и борьбу в одном поединке, заимствуя от одного манеру борьбы и бросков, а от другого - искусство наносить удары и успешно уклоняться от них. В борьбе не разрешалось наносить удары руками, в боксе - захватывать друг друга на манер борцов; но в Панкратиисе не только разрешалось использовать все захваты и приемы борьбы, но и руки, и ноги, и даже зубы и ногти могли быть использованы для победы над противником.

Этот бой был самым грубым и опасным. Один панкратиаст на Олимпийских играх (его называли Аррихион или Аррахон), видя, что его противник почти задушил его, вцепившись ему в горло, в то же время, когда он держал его за ногу, сломал один из пальцев на ноге своего врага, что заставило его просить четвертования в тот самый момент, когда сам Аррихион скончался. Агонотеи увенчали Аррихиона, хотя он был мертв, и провозгласили его победителем. Филострат оставил нам очень живое описание картины, на которой изображен этот бой.

О дискусе, или квоите.

Диск был разновидностью квоита круглой формы, сделанный иногда из дерева, но чаще из камня, свинца или другого металла, например, железа или латуни. Тех, кто использовал это упражнение, называли дискоболами, то есть метателями диска. Эпитет *κτωράδιος*, означающий "несущий на плечах", данный этому инструменту Гомером, достаточно ясно показывает, что он имел слишком большой вес, чтобы переносить его с места на место

только в руках, и что плечи были необходимы для поддержки такой ноши в течение любого периода времени.

Цель этого упражнения, как и почти всех других, заключалась в том, чтобы взбодрить тело и сделать мужчин более способными выдерживать вес и использовать оружие. На войне они часто были вынуждены нести такие грузы, которые кажутся чрезмерными в наши дни: провизию, фашины, палисады; или при возведении стен, когда, чтобы сравнять их высоту, несколько осаждающих взбирались друг другу на плечи.

Атлеты, бросая диск, становились в [pg lxi] позу, наиболее приспособленную для придания силы броску; то есть они выдвигали вперед одну ногу, на которую опирались всем весом своего тела. Затем они брали в руки диск и, вращая его несколько раз почти горизонтально, чтобы придать ему силу, бросали его с помощью совместной силы рук, кистей и тела, которые участвовали в энергичном броске. Побеждал тот, кто дальше всех бросал диск.

Самые знаменитые художники и скульпторы древности, пытаясь передать естественные позы дискоболов, оставили потомкам множество шедевров в своих видах искусства. Квинтилиан очень высоко оценивает подобную статую, выполненную с бесконечной тщательностью и старанием знаменитым Мироном: "Что может быть более законченным, - говорит он, - или более удачно выражать мускульные деформации тела при упражнении Discus, чем Discobolus Мирона?"¹³¹

Пятиборье.

Греки дали это название упражнению, состоящему из пяти других. По общему мнению, этими пятью упражнениями были борьба, бег, прыжки, метание дротика и дискус. Считается, что решение по этому виду боя принималось в один день, а иногда и в то же утро, и что для получения приза, который был один, требовалось, чтобы боец победил во всех этих упражнениях.

Упражнения в прыжках и метании копья, из которых первое заключалось в прыжке на определенную длину, а второе - в попадании копьем в цель на определенном расстоянии, способствовали формированию воина, делая его ловким и активным в бою и искусным в метании копья и дротика.

Гонки.

Из всех упражнений, которые атлеты культивировали с таким усердием и старанием, чтобы иметь возможность выступать на публичных играх, бег занимал первое место. Олимпийские игры обычно открывались состязаниями, и поначалу их торжественно проводили без каких-либо других упражнений.

Место, где атлеты упражнялись в беге, греки обычно называли стадионом, как и то, где они вели серьезные споры за приз. Поскольку списки или [pg lxii] дистанции для этих игр сначала были длиной всего в один [стадион](#)¹³², они получили свое название от своей меры и назывались стадионом, будь то точно такой длины или гораздо большей. Под этим названием подразумевалось не только пространство, на котором бежали атлеты, но и то, которое вмещало зрителей гимнастических игр. Место, где состязались атлеты, называлось Скаммой, так как оно лежало ниже остальной части стадиона, по обе стороны которого и на оконечности шел подъем или своего рода терраса, покрытая сиденьями и скамьями, на которых сидели зрители. Самыми примечательными частями стадиона были его вход, середина и край.

Вход на поле, откуда стартовали участники, поначалу был обозначен лишь линией, проведенной по песку от края до края стадиона. Со временем ее заменили своеобразным барьером, который представлял собой веревку, натянутую перед лошадьми или людьми, которые должны были бежать. Иногда это была деревянная рейка. Открытие этого барьера служило сигналом к старту скакунов.

Середина стадиона была примечательна только тем, что там устанавливались призы, предназначенные для победителей. Святой [Златоуст133](#) приводит прекрасное сравнение из этого обычая. "Как судьи, - говорит он, - на скачках и других играх выставляют посреди стадиона, для обозрения чемпионов, венцы, которые они должны получить; так и Господь устами пророков Своих поставил посреди поля призы, которые Он предназначает для тех, кто имеет мужество бороться за них".

В конце стадиона находились ворота, где заканчивались пешие заезды, а колесницы и кони должны были несколько раз обежать его без остановки, а затем завершить заезд, вернувшись в другой конец списков, откуда они стартовали.

Существовало три вида гонок: колесничные, конные и пешие. Я начну с последней, как наиболее простой, естественной и древней.

[pg lxiii]

1. Пешие скачки.

Бегуны, сколько бы их ни было, выстраивались в линию, определив места по жребию. Пока они ждали сигнала к старту, они практиковали в качестве прелюдии различные движения, чтобы пробудить свою активность и сохранить свои конечности податливыми и в хорошем настроении.¹³⁴ Они поддерживали себя в тонусе небольшими прыжками и небольшими экскурсиями, которые были своего рода испытанием их скорости и ловкости. По сигналу они летели к цели со стремительностью, за которой едва ли мог уследить глаз, и только это решало победу. Ведь законы агонистов запрещали под страхом позора добиваться ее любым нечестным способом.

В простом забеге протяженность стадиона пробегалась только один раз, по окончании которого приз доставался победителю, то есть тому, кто приходил первым. В забеге под названием Δίαυλος участники пробегали вдвое большее расстояние, то есть, достигнув цели, возвращались к барьеру. К ним можно добавить третий вид, называемый Δολιχός, который был самым длинным из всех, как следует из его названия, и состоял из нескольких диаулов. Иногда он состоял из двадцати четырех стадий взад и вперед, поворачиваясь двенадцать раз вокруг ворот.

В древние времена были бегуны, как среди греков, так и среди римлян, которые прославились своей быстротой. Плиний рассказывает [нам135](#), что Фидиппид считал невероятным пробежать за два дня одиннадцать сорока [стадий136](#) между Афинами и Лакедемоном, до Анистиса из последнего места, а Филонид, бегун Александра Великого, прошел двенадцать сотен [стадий137](#) за один день, от Сикиона до Элиса. Этих бегунов называли ἡμιερδρόμοις [pg lxiv], как мы находим в том отрывке Геродота, где упоминается Фидиппид.¹³⁸ В консульство Фонтея и Випсана, в царствование Нерона, мальчик девяти лет пробежал семьдесят пять тысяч [шагов139](#) между полуднем и ночью. Плиний добавляет, что в его время в цирке были бегуны, которые пробегали сто шестьдесят тысяч [шагов140](#). Наше удивление такой непомерной скоростью возрастет, (продолжает он)¹⁴¹ если мы подумаем, что когда Тиберий отправился в Германию к своему брату Друзию, находившемуся тогда при

смерти, он не смог прибыть туда менее чем за четыре с половиной часа, хотя расстояние составляло всего двести тысяч шагов, [142](#) и он трижды менял свою повозку, [143](#) и ехал с величайшим усердием.

2. О скачках.

Скачки на одной лошади с всадником были менее знамениты среди древних, однако они имели своих поклонников среди самых значительных лиц и даже самих царей и сопровождалась необыкновенной славой для победителя. Пиндар в своей первой оде празднует победу такого рода, одержанную Иеро, царем Сиракуз, которому он дает титул Κέλῆς, то есть "Победитель в конном беге"; это название было дано лошадям, на которых был только один всадник, Κέλῆτες. Иногда всадник вел за уздечку другую лошадь, и тогда лошади назывались Desultorii, а их наездники Desultores, потому что после нескольких поворотов на стадионе они меняли лошадей, ловко перепрыгивая с одной на другую. В этом случае требовалась удивительная сноровка, особенно в эпоху, когда еще не было стремени, а у лошадей не было седел, что еще больше усложняло прыжок. Среди африканских войск были также [конники144](#), называемые десулторес, которые перепрыгивали с одной лошади на другую, когда того требовал случай; как правило, это были нумидийцы.

3. Гонки на колесницах.

Этот вид скачек был самым известным из всех упражнений, использовавшихся в играх древних, и именно в нем больше всего почестей доставалось победителям; этому не стоит удивляться [pg lxv], если мы рассмотрим, откуда он возник. Очевидно, что оно возникло из постоянного обычая принцев, героев и великих людей сражаться в бою на колесницах. Гомер приводит бесконечное множество подобных примеров. Если признать этот обычай, то естественно предположить, что героям было очень выгодно, чтобы их возницы были как можно более искусны в вождении, поскольку их успех в значительной степени зависел от умения водителей. Поэтому в древности эту должность доверяли только людям, обладающим высочайшей репутацией. Отсюда возникло похвальное стремление превзойти других в искусстве управления колесницей и своего рода необходимость много практиковаться в этом, чтобы добиться успеха. Высокое положение людей, которые пользовались колесницами, облагораживало, как это всегда бывает, свойственное им упражнение. Другие упражнения были приспособлены для рядовых воинов и всадников, как борьба, бег и скачки на одной лошади; но использование колесниц в поле всегда было зарезервировано для принцев и генералов армий.

Поэтому все, кто выставлял себя на Олимпийских играх, чтобы оспорить приз в гонках на колесницах, были людьми значительными либо по своему богатству, либо по своему рождению, либо по своим занятиям, либо по своим великим деяниям. Цари сами стремились к этой славе, полагая, что титул победителя в этих играх едва ли уступает титулу завоевателя, а олимпийская пальма добавляет новое достоинство к великолепию трона. Оды Пиндара сообщают нам, что Гелон и Иеро, цари Сиракуз, придерживались такого мнения. Дионисий, правивший там долгое время после них, вознес те же амбиции гораздо выше. Филипп Македонский запечатлел эти победы на своих монетах и, казалось, был доволен ими не меньше, чем теми, что были одержаны над врагами его государства. Всему миру известен ответ Александра Македонского по этому поводу. [145](#) Когда друзья спросили его, не хочет ли он оспаривать приз за скачки на этих играх? "Да", - ответил он, - "если бы цари были моими антагонистами". Это говорит о том, что он не пренебрег бы этими состязаниями, если бы в них участвовали достойные его соперники.

Колесницы, как правило, запрягались двумя или четырьмя лошадьми, стоящими по бокам; *bigæ, quadrigæ*. Иногда вместо лошадей запрягали мулов, и тогда колесница называлась *ἄπλήνη*. Пиндар в пятой оде своей первой книги прославляет некоего Псаумиса, одержавшего тройную победу: одну - на колеснице, запряженной четверкой лошадей, *τεθρίππων* другую - на колеснице, запряженной мулами, *ἄπλήνη*; третью - на одной лошади, *κέλητι*, о чем свидетельствует название оды.

[pg lxvi].

Эти колесницы по сигналу стартовали вместе из места под названием Карсерес. Их места были определены по жребию, что не было безразличным обстоятельством для победы; поскольку они должны были объехать границу, колесница слева была ближе, чем справа, и, следовательно, должна была пройти больший путь. Из нескольких отрывков у Пиндара, и особенно из одного у Софокла, который я скоро процитирую, следует, что они двенадцать раз объезжали стадион. Тот, кто приходил первым в двенадцатом круге, становился победителем. Главное искусство состояло в том, чтобы занять лучшую площадку у поворота границы: ведь если возница подъезжал к ней слишком близко, он рисковал разбить колесницу вдребезги; если же он держался слишком далеко от нее, ближайший противник мог проскочить между ними и оказаться впереди.

Очевидно, что эти гонки на колесницах не могли проходить без определенной опасности; поскольку [движение146](#) колес было очень быстрым, и при повороте необходимо было прижиматься к границе, малейшая ошибка в управлении могла разбить колесницу на части и опасно ранить возницу. Пример этого мы находим в "Электре" Софокла, который дает восхитительное описание гонки на колесницах с десятью участниками. Притворный Орест на двенадцатом и последнем круге, который должен был решить победу, имея только одного противника, остальные были выбывшими, так неудачно сломал одно из колес о бордюр, и, упав с сиденья, запутавшись в поводьях, лошади с силой потащили его вперед и разорвали на куски. Но такое случалось крайне редко. Чтобы избежать такой опасности, Нестор дал следующие наставления своему сыну Антилоху, который собирался оспаривать приз в гонках на [колесницах147](#). "Сын мой, - говорит он, - подгони своих коней как можно ближе к меже; для этого, всегда наклоняя свое тело над колесницей, садись слева от своих соперников и, подбадривая коня справа, давай ему повод, в то время как ближний конь, крепко держась, поворачивает к меже так близко, что кажется, что неф колеса пасется на ней; но берегись наезжать на камень, чтобы не ранить своих коней и не разбить колесницу на куски".

Отец Монфокон упоминает об одной трудности, по его мнению, имеющей большое значение, в отношении мест тех, кто боролся за приз в гонках на колесницах. Все они стартовали с одной линии и в одно время, и пока [pg lxvii] не имели преимущества друг перед другом; но тот, кому выпал жребий занять первое место, находясь ближе к границе в конце карьера и имея лишь небольшой компас для описания поворота вокруг нее, должен был проделать меньший путь, чем второй, третий, четвертый и т. д. особенно когда колесницы были запряжены четверками лошадей, что занимало большее пространство между первой и остальными и заставляло их делать больший круг при повороте. Это преимущество двенадцать раз вместе, как и должно было случиться, если учесть, что стадион нужно было объехать двенадцать раз, давало такое превосходство первому, что, казалось, гарантировало ему безоговорочную победу над всеми его соперниками. Мне кажется, что быстрота лошадей в сочетании с ловкостью погонщика могла бы перевесить эти шансы, либо опередив первого, либо заняв его место, если не в первом, то хотя бы в некоторых из последующих кругов; ведь не следует думать, что в ходе гонки антагонисты всегда продолжали двигаться в том же порядке, в котором стартовали. Они часто менялись местами

за короткий промежуток времени, и в этом разнообразии и переменчивости заключалось все развлечение зрителей.

Не требовалось, чтобы те, кто стремился к победе, входили в списки и лично управляли своими колесницами. Достаточно было быть зрителями игр или даже посылать туда своих лошадей; но в любом случае необходимо было предварительно записать имена тех, за кого должны были бежать лошади, как в заездах колесниц, так и в одиночных скачках.

Когда город Потидея сдался Филиппу, три курьера принесли ему известия: первое - что иллирийцы были разбиты в великой битве его полководцем Парменио; второе - что он унес приз за скачки на Олимпийских играх; и третье - что царица родила сына. Плутарх, похоже, намекает, что Филипп был одинаково рад каждому из этих [обстоятельств](#)¹⁴⁸.

Иеро послал лошадей в Олимпию, чтобы они бежали за призом, и приказал воздвигнуть для них великолепный павильон.¹⁴⁹ По этому случаю Фемистокл томил греков, убеждая их снести павильон тирана, который отказал ему в помощи против общего врага, и помешать его лошадям бежать вместе с остальными. Не похоже, что на этот протест обратили внимание; в одной из од Пиндара, написанных в честь Гиеро, говорится, что он выиграл приз в конных состязаниях.

Никто и никогда так не стремился стать великим [pg lxviii] в общественных играх Греции, как Алкивиад,¹⁵⁰ в которых он отличился самым великолепным образом, благодаря большому количеству лошадей и колесниц, которые он держал только для скачек. Никогда не было ни частного лица, ни царя, который послал бы, как он, на Олимпийские игры сразу семь колесниц, на которых он вез первый, второй и третий призы; такой чести никто до него не удостоивался. Знаменитый поэт Еврипид прославил эти победы в оде, фрагмент которой сохранился у Плутарха. Победитель, совершив роскошное жертвоприношение Юпитеру, устроил великолепный пир для бесчисленного множества зрителей, собравшихся на играх. Нелегко понять, как богатства частного лица должно хватить на столь огромные расходы: но Антистен, ученый Сократа, который рассказывает о том, что он видел, сообщает нам, что многие города союзников, подражая друг другу, снабжали Алкивиادا всем необходимым для поддержания такого невероятного великолепия; конные экипажи, лошади, палатки, жертвоприношения, самая изысканная провизия, самые тонкие вина; словом, все, что было необходимо для поддержания его стола или поезда. Этот отрывок примечателен, ибо тот же автор уверяет нас, что так поступал не только Алкивиад на Олимпийских играх, но и во всех своих военных походах и путешествиях по суше и морю. "Куда бы ни отправлялся Алкивиад, - говорит он, - он использовал четыре союзных города в качестве своих слуг. Эфес снабжал его палатками, не уступающими по великолепию персидским; Хиос заботился о его лошадях; Кизикум поставлял ему жертвоприношения и провизию для стола; Лесбос давал ему вино и все остальное, что требовалось для его дома".

Говоря об Олимпийских играх, я не должен упускать из виду, что дамы допускались к спору за приз наравне с мужчинами, и многие из них его получали. Киниска, сестра Агесилая, царя Спарты, первой открыла этот новый путь к славе для своего пола и была провозглашена победительницей в гонке колесниц с четырьмя лошадьми.¹⁵¹ Эта победа, примеров которой до тех пор не было, не преминула быть отпразднованной со всем возможным великолепием.¹⁵² В Спарте в честь Киниски был воздвигнут великолепный [памятник](#)¹⁵³, а лакедемоняне, хотя в остальном они были мало восприимчивы к чарам поэзии, назначили поэта, чтобы передать потомкам этот новый триумф и увековечить память о нем стихотворной надписью. Она сама посвятила медную колесницу, запряженную четверкой лошадей, в [pg lxix] храме в [Дельфах](#)¹⁵⁴, на которой был изображен и возница; несомненное

доказательство того, что она управляла ею не сама. Со временем к ней было приложено изображение Киниски, нарисованное знаменитым Апеллесом, и все это было украшено множеством надписей в честь этой спартанской героини¹⁵⁵.

О почестях и наградах, оказанных победителям.

Эти почести и награды были нескольких видов. Аплодисменты зрителей в честь победителей были лишь прелюдией к предназначенным им наградам. Эти призы представляли собой различные венки из дикой оливы, сосны, петрушки или лавра, в зависимости от места проведения игр. К этим коронам всегда прилагались пальмовые ветви, которые победители несли в правой руке; этот обычай, по словам [Плутарха](#)¹⁵⁶, возник (возможно) из-за свойства пальмы проявлять новую силу, чем больше усилий прилагается, чтобы раздавить или согнуть ее, и является символом мужества и стойкости чемпиона, получившего приз. Так как победитель мог быть победителем не один раз в одних и тех же играх, а иногда и в один и тот же день, он мог получить несколько корон и пальм.

Когда победитель получал корону и пальму, глашатай, предваряемый трубой, проводил его через стадион и громко объявлял имя и страну победителя, который проходил в таком виде перед народом, а тот при виде его удваивал свои восклицания и аплодисменты.

Когда он вернулся в свою страну, народ вышел ему навстречу и провел его в город, украшенного всеми знаками победы и верхом на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Он вошел в город не через ворота, а через специально проделанный в стенах пролом. Перед ним несли зажженные факелы, а за ними следовал многочисленный поезд, чтобы оказать честь процессии.

Атлетический триумф почти всегда завершался пирами, которые устраивались для победителей, их родственников и друзей либо за счет общества, либо частными лицами, которые веселили не только свои семьи и друзей, но зачастую и большую часть зрителей. [Алкивиад](#)¹⁵⁷, принеся жертву олимпийскому Юпитеру, что всегда было первой заботой победителя, угощал все собрание. То же самое делал и Леофрон, как сообщает Афиней [pg lxx]; ¹⁵⁸ который добавляет, что Эмпедокл из Агригентума, победив на тех же играх и не имея возможности, будучи пифагорейцем, угостить народ мясом или рыбой, заставил быка сделать пасту, состоящую из мирры, ладана и всевозможных специй, куски которой раздавались всем присутствующим.

Одной из самых почетных привилегий, предоставляемых атлетическим победителям, было право первенства на публичных играх. В Спарте был обычай брать их с собой в военные походы, чтобы они сражались рядом с ним и были его охраной, что с полным основанием считалось очень почетным. Другой привилегией, в которой преимущество сочеталось с честью, было то, что они до конца жизни содержались за счет своей страны. Чтобы эти расходы не стали слишком обременительными для государства, [Солон](#)¹⁵⁹ уменьшил пенсию победителя в Олимпийских играх до пятисот [драхм](#)¹⁶⁰; в Истмийских - до [ста](#)¹⁶¹; в остальных - пропорционально. Победитель и его страна рассматривали эту пенсию не столько как облегчение нужды чемпиона, сколько как знак чести и отличия. Они также освобождались от всех гражданских должностей и работ.

По окончании игр одной из первых забот магистратов, председательствовавших на них, было занесение в общественный реестр имен и стран атлетов, получивших призы, а также указание вида боя, в котором они одержали победу. Гонки на колесницах имели преимущество перед всеми остальными играми. Поэтому историки, датирующие события по

олимпиадам, такие как Фукидид, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сикул и Павсаний, почти всегда указывают олимпиаду по имени и стране победителей в этой гонке.

Восхваление победивших атлетов было у греков одной из главных тем их лирической поэзии. Мы видим, что все оды четырех книг Пиндара посвящены этому, каждая из которых берет свое название от игр, в которых прославили себя бойцы, чьи победы эти поэмы празднуют. Поэт, действительно, часто обогащает свой материал, призывая на помощь чемпиону, неспособному в одиночку вызвать весь необходимый энтузиазм, богов, героев и принцев, имеющих хоть какое-то отношение к его теме; и чтобы поддержать полеты воображения, которым он предается. До Пиндара поэт Симонид практиковал [pg lxxi] такую же манеру письма, перемежая восхваления богов и героев с восхвалениями чемпионов, чьи победы он воспевал. По этому поводу [рассказывают162](#), что один из победителей в боксе, по имени Скопас, договорившись с Симонидом о написании поэмы о его победе, поэт, по обычаю, воздав высшие похвалы чемпиону, в длинном отступлении изложил честь Кастора и Поллукса. Скопас, внешне удовлетворенный выступлением Симонида, заплатил ему, однако, только третью часть оговоренной суммы, отослав его за остальным к Тындаридам, которых он так хорошо прославил. И в самом деле, они ему хорошо заплатили, если верить продолжению; на пиру, устроенном чемпионом, когда гости были за столом, к Симониду подошел слуга и сказал, что у дверей стоят два человека, покрытые пылью и потом, и хотят поговорить с ним со всей поспешностью. Едва он успел выйти из комнаты, чтобы пойти к ним, как крыша обрушилась и придавила чемпиона вместе со всеми его гостями насмерть.

Скульптура объединилась с поэзией, чтобы увековечить славу чемпионов. Статуи победителям, особенно на Олимпийских играх, воздвигались в том самом месте, где они были коронованы, а иногда и в месте их рождения; обычно это делалось за счет их страны. Среди статуй, украшавших Олимпию, были статуи нескольких детей десяти или двенадцати лет, которые в этом возрасте получили приз на Олимпийских играх. Такие памятники ставили не только чемпионам, но и лошадям, чьей стремительности они были обязаны агонистической короной: [Павсаний163](#) упоминает об одном из них, воздвигнутом в честь кобылы по имени Аура, история которой достойна повторения. Фидолас, ее всадник, упал в начале скачки, но кобыла продолжала бежать так же, как если бы он был у нее на спине. Она обогнала всех остальных, а при звуках труб, которые обычно звучали в конце скачки, чтобы подбодрить участников, удвоила свою бодрость и мужество, повернула вокруг ворот и, словно почувствовав, что одержала победу, предстала перед судьями игр. Элеяне объявили Фидола победителем и разрешили воздвигнуть памятник ему и кобыле, которая так хорошо ему служила.

[pg lxxii]

Различные вкусы греков и римлян в отношении публичных зрелищ.

Прежде чем закончить эти заметки о боях и играх, столь ценимых у греков, я прошу у читателя разрешения сделать одно размышление, которое может послужить объяснением разницы в характере греков и римлян в отношении этого предмета.

Самым распространенным развлечением последних, на котором представительницы прекрасного пола, по природе своей нежные и сострадательные, присутствовали толпами, были бои гладиаторов и людей с медведями и львами; Во время которых крики раненых и умирающих, а также обильное истечение человеческой крови представляли собой благодарное зрелище для целого народа, который доставлял своим жестоким глазам дикое

удовольствие видеть, как люди убивают друг друга в холодной крови; а во времена гонений - разрывание на части стариков и младенцев, женщин и нежных девственниц, чей возраст и слабость способны возбудить сострадание в самых жестоких сердцах.

В Греции эти бои были совершенно неизвестны и появились в некоторых городах только после их подчинения римскому народу. Афиняне же, отличительными чертами которых были благожелательность и человеколюбие, никогда не допускали их в свой [город](#)¹⁶⁴; а когда было предложено ввести бои гладиаторов, чтобы они не превзошли в этом коринфян, "Сначала сбросьте, - крикнул один [афинянин](#)¹⁶⁵ из среды собрания, - сбросьте алтарь, воздвигнутый более тысячи лет назад нашими предками в честь Милосердия".

Следует признать, что в этом отношении поведение и мудрость греков бесконечно превосходили поведение и мудрость римлян. Я говорю о мудрости язычников. Убежденные в том, что народ, слишком сильно управляемый объектами чувства, чтобы быть достаточно развлеченным и убаженным удовольствиями разума, может быть восхищен только чувственными объектами, оба народа старались отвлечь их играми и зрелищами, и такими внешними ухищрениями, которые должны были воздействовать на чувства; в учреждении которых каждый проявлял и следовал своей особой склонности и предрасположенности.

Римляне, получившие военное образование и привыкшие к сражениям, всегда сохраняли, несмотря на вежливость, которой [pg lxiii] они щеголяли, нечто от своей древней свирепости; поэтому пролитая кровь и убийства, демонстрируемые на публичных представлениях, не только не внушали им ужаса, но и служили им благодарным развлечением.

Наглая помпезность триумфов проистекала из того же источника и утверждала не меньшую бесчеловечность. Чтобы получить эту честь, нужно было доказать, что в бою было убито восемь или десять тысяч человек. Трофеи, которые везли с такой пышностью, свидетельствовали о том, что бесконечное множество достойных семейств было доведено до крайних страданий. Бесчисленные отряды пленников, еще несколько дней назад бывшие свободными людьми, часто отличались честью, достоинствами и добродетелью.

Изображение городов, взятых во время войны, объясняло, что они разграбили, разворовали и сожгли самые богатые города, а их жителей либо уничтожили, либо обратили в рабство. Короче говоря, не было ничего более бесчеловечного, чем тащить королей и принцев в цепях перед колесницей римского гражданина и оскорблять их несчастья и унижения таким публичным образом.

Триумфальные арки, воздвигнутые при императорах, где враги представали с цепями на руках и ногах, могли происходить только от надменной свирепости нрава и бесчеловечной гордости, которая получала удовольствие от увековечивания позора и горя подвластных народов.

Радость греков после победы была гораздо скромнее.¹⁶⁶ Они воздвигали трофеи, правда, из дерева, вещества недолговечного, которое время скоро истребляет; и их запрещалось обновлять. Причина этого у Плутарха достойна восхищения.¹⁶⁷ После того как время уничтожило и стерло следы раздора и вражды, разделявшие народы, было бы излишеством одиозной и варварской вражды думать о том, чтобы восстановить их, чтобы увековечить память о древних ссорах, которые не могли быть слишком быстро похоронены в тишине и забвении. Он добавляет, что трофеи из камня и латуни, которые с тех пор заменяют деревянные, не делают чести тем, кто ввел этот обычай.

Мне приятно видеть скорбь, изображенную на лице [Агесилая168](#) после значительной победы, когда большое число его врагов, то есть греков, осталось на поле боя, и слышать, как он со вздохами и стонами произносит эти слова, столь полные умеренности и человеколюбия: "О несчастная Греция, лишить себя стольких храбрых граждан и уничтожить [pg lxiv] тех, кого было достаточно, чтобы покорить всех варваров!"

Тот же дух умеренности и гуманности преобладал в публичных зрелищах греков. В их праздниках не было ничего скорбного или печального. Все в этих праздниках было направлено на радость, дружбу и гармонию, и в этом заключалось одно из величайших преимуществ, которое принесло Греции проведение этих игр. Республики, разделенные расстоянием между странами и разнообразием интересов, имея возможность время от времени встречаться в одном и том же месте, в разгар ликования и празднеств, строже привязывались друг к другу, стимулировали друг друга против варваров и общих врагов их свободы и улаживали свои разногласия при посредничестве какого-нибудь нейтрального государства в союзе с ними. Один и тот же язык, манеры, жертвоприношения, упражнения и богослужения - все это объединяло несколько маленьких греческих государств в одну большую и грозную нацию и сохраняло среди них одинаковый нрав, одинаковые принципы, одинаковое рвение к свободе, одинаковое пристрастие к искусствам и наукам.

О призах остроумия, а также о зрелищах и представлениях в театре.

В заключение этой главы я отложил еще один вид состязаний, который вовсе не зависит от силы, активности и речи тела и может быть с полным основанием назван борьбой умов; в нем ораторы, историки и поэты испытывали свои способности и представляли свои произведения на суд и осуждение публики. Подражание в этом виде спора было тем более живым и пылким, что победа, о которой идет речь, могла справедливо считаться бесконечно превосходящей все другие, поскольку она затрагивает человека более близко, основывается на его личных и внутренних качествах и решает заслуги его интеллектуальных способностей, а к этим преимуществам мы склонны стремиться с наибольшей живостью и страстью и меньше всего склонны отказываться от славы в пользу других.

Для писателей, которые обычно любят славу и аплодисменты, было большой честью и в то же время самым разумным удовольствием знать, как объединить в свою пользу голоса столь многочисленного и избранного собрания, как на Олимпийских играх; в нем присутствовали все лучшие гении Греции и все, кто был наиболее способен судить о превосходстве [pg lxxv] того или иного произведения. Этот театр был в равной степени открыт для истории, красноречия и поэзии.

Геродот читал свою [историю169](#) на Олимпийских играх всей Греции, собравшейся на них, и был услышан с такими овациями, что имена девяти Муз были даны девяти книгам, составляющим его труд, и народ восклицал, где бы он ни проходил: "Вот он, написавший нашу историю и так прекрасно воспевавший наши славные успехи в борьбе с варварами!"

Все, кто присутствовал на играх, заставили после этого все уголки Греции восклицать имя и славу этого прославленного историка.

Лукиан, который пишет о факте, о котором я рассказал, добавляет, что по примеру Геродота многие софисты и риторы отправлялись в Олимпию, чтобы читать агитации своих сочинителей, считая это самым коротким и верным способом приобрести большую репутацию за короткое время.

Плутарх сообщает, [170](#) что Лисий, знаменитый афинский оратор, современник Геродота, произнес речь на Олимпийских играх, в которой поздравил греков с примирением друг с другом и с тем, что они объединились, чтобы ослабить власть Дионисия-тирана, как с величайшим делом, которое они когда-либо совершали.

О том, как стремились поэты отличиться на этих торжественных играх, можно судить по поступку самого Дионисия. [171](#) Этот принц, имевший глупое тщеславие считать себя самым превосходным поэтом своего времени, назначил чтецов, называемых по-гречески *ῥαψωδοί* (рапсодисты), чтобы они прочитали несколько произведений его сочинения в Олимпии. Когда они начали произносить стихи царственного поэта, сильные и слаженные голоса чтецов вызвали глубокую тишину, и сначала они были выслушаны с величайшим вниманием, которое по мере продолжения все уменьшалось и превратилось наконец в откровенный лошадиный смех и улюлюканье; настолько жалкими казались стихи. Он утешал себя за этот позор победой, одержанной через некоторое время на празднике Вакха в Афинах, на котором была представлена трагедия его [сочинения](#)[172](#).

Споры поэтов на Олимпийских играх были ничто по сравнению с пылом и подражанием, царившими в Афинах; это все, что осталось сказать по этому вопросу, и поэтому я закончу на этом, воспользовавшись случаем, чтобы дать моим читателям в то же время краткий обзор зрелищ и представлений театра древних.

[pg lxxvi]

Те, кто хотел бы получить более полную информацию по этому вопросу, найдут его подробное изложение в труде, недавно обнародованном преподобным отцом Брумои, иезуитом; труде, который изобилует глубокими знаниями и эрудицией, а также совершенно новыми размышлениями, вытекающими из природы поэм, о которых в нем идет речь. Я буду широко использовать это произведение, часто не цитируя его, что со мной не редкость.

Необыкновенное пристрастие афинян к сценическим развлечениям. Подражание поэтов в оспаривании призов в этих представлениях. Краткое представление о драматической поэзии.

Ни один народ не проявлял такого пыла и страсти к театральным развлечениям, как греки, и особенно афиняне. Причина очевидна: ни один народ не проявлял такого размаха гениальности, не доводил до такой степени любовь к красноречию и поэзии, вкус к наукам, справедливость чувств, изящество слуха и деликатность во всех тонкостях языка. Бедная женщина, продававшая в Афинах травы, узнала в Феофрасте чужеземца по одному слову, которое он с умилением использовал при выражении своих мыслей. [173](#) Простой народ знает наизусть трагедии Еврипида. Гений каждого народа проявляется в том, как люди проводят время, и в их удовольствиях. Большим занятием и удовольствием афинян было развлекаться остроумными произведениями и оценивать драматические пьесы, которые публично ставились несколько раз в год, особенно на праздниках Вакха, когда трагические и комические поэты спорили за приз. Первые представляли по четыре своих пьесы за раз, за исключением Софокла, который не считал нужным продолжать столь трудоемкое занятие и ограничился одним представлением, когда оспаривал приз.

Государство назначало судей, которые определяли достоинства трагических или комических пьес до их представления на празднествах. Они исполнялись перед ними в присутствии народа, но, несомненно, без особой подготовки. Судьи отдавали свои голоса, и то представление, которое набрало наибольшее количество голосов, объявлялось победителем, получало корону как таковую и было представлено со всей возможной

пышностью за счет республики. Это, однако, не исключало таких произведений, которые относились лишь ко второму или третьему классу. Лучшее не [pg lxxvii] всегда пользовалось предпочтением; ибо какие времена были свободны от партий, капризов, невежества и предрассудков? Илиан¹⁷⁴ очень сердится на судей, которые в одном из таких споров отдали Еврипиду лишь второе место. Он обвиняет их в том, что они судили либо не имея возможности, либо поддавшись на подкуп. Легко представить, какое тепло и подражание вызывали у поэтов эти споры и публичные награждения, и насколько они способствовали совершенству, до которого Греция довела драматические представления.

Драматическая поэма представляет самих людей, говорящих и действующих на сцене: в эпосе, напротив, поэт только рассказывает о различных приключениях своих героев. Естественно, что прекрасные описания событий, в которых заинтересованы знаменитые люди и целые народы, вызывают у нас восторг; отсюда и возникла эпическая поэма. Но мы испытываем совсем другое удовольствие, когда слышим самих этих людей, когда являемся свидетелями их самых тайных чувств, слушателями и зрителями их решений, предприятий, счастливых или несчастливых событий, сопутствующих им. Читать и видеть действие - совершенно разные вещи; нас бесконечно больше трогает то, что происходит, чем то, что мы просто читаем. Наши глаза, как и наш разум, обращены в одно и то же время. Зритель, приятно обманутый имитацией, так близко приближенной к жизни, принимает картину за оригинал и считает объект реальным. Так родилась драматическая поэзия, включающая в себя трагедию и комедию.

К ним можно добавить сатирическую поэму, получившую свое название от сатиров, сельских богов, которые всегда были ее главными героями, а не от "сатиры", разновидности оскорбительной поэзии, которая не имеет никакого сходства с ней и возникла гораздо позже. Сатирическая поэма не была ни трагедией, ни комедией, а чем-то средним между ними, участвующим в характере каждой из них. Поэты, оспаривавшие приз, обычно добавляли одну из этих пьес к своим трагедиям, чтобы смягчить серьезность и торжественность одной из них весельем и приятностью другой. До нас дошел лишь один пример этой древней поэмы - "Циклоп" Еврипида.

В этой главе я ограничусь трагедией и комедией; обе они зародились у греков, которые смотрели на них как на плоды своего собственного роста, которых у них никогда не могло быть достаточно. Афины отличались необычайным аппетитом такого рода. Эти две поэмы, которые долгое время объединялись под общим названием трагедии, [pg lxxviii] получили там такие усовершенствования, которые в конце концов подняли их до наивысшего совершенства.

Происхождение и развитие трагедии. Поэты, преуспевшие в ней в Афинах; Эсхил, Софокл и Еврипид.

До Фесписа было много трагических и комических поэтов; но поскольку они не внесли никаких изменений в первоначальную грубую форму этой поэмы, а Феспис был первым, кто внес в нее какие-либо улучшения, его принято считать ее изобретателем. До него трагедия была не более чем нагромождением шутовских историй в комическом стиле, перемежающихся с пением хора в честь Вакха; ведь именно праздникам этого бога, отмечавшимся во время сбора винограда, трагедия обязана своим рождением.

Трагедия, информативная и грубая в своем роде,

Не что иное, как простое песнопение, в котором все танцуют,

Et du dieu des raisins entonnant les louanges,
и он не может одеть плодовитых продавцов.

Là, le vin et la joie éveillant les esprits,

А умение напевать букет - это уже цена.

Бесформенная и грубая трагедия возникла,
Простой хор, скорее безумный, чем мудрый;

За плодовитый урожай танцующая толпа

Пьяную песнь богу винограда ревела:

Дикое веселье и вино поддерживали неистовую ноту,

И лучший певец получал приз - козла. [175](#)

Феспис внес в нее несколько изменений, которые Гораций описывает вслед за Аристотелем в своем "Искусстве поэзии". [Первое176](#) - он стал возить своих актеров в повозке, тогда как раньше они пели на улицах, куда бы их ни привел случай. Другой способ - намазывать лица вином, вместо того чтобы действовать без маскировки, как вначале. Он также ввел среди хора персонажа, который, чтобы дать актерам время отдохнуть и перевести дух, повторял приключения какой-нибудь знаменитой личности; этот пересказ в конце концов уступил место сюжетам трагедии.

[pg lxxix]

Thespis fut le premier, qui barbouillé de lie,

Promena par les bourgs cette heureuse folie,

И актеры, что в масках, запрягали в могилу,

Amusa les passans d'un spectacle nouveau. [177](#)

Первая "Феспис", измазанная салом и лишенная искусства,

Благодарную глупость из телеги изверг;

И когда его пошлые актеры ехали,

Зрелище было новое, и очаровывало зияющие ряды.

А.М. 3440. Ant. J.C. 564.

Феспис жил во времена Солона. [178](#) Этот мудрый законодатель, увидев исполнение его пьес, выразил свою неприязнь, ударив посохом о землю; он опасался, что эти поэтические выдумки и пустые истории из простого театрального представления вскоре превратятся в важные дела и будут играть слишком большую роль во всех общественных и частных делах.

А.М. 3464. Ant. J.C. 540.

Не так легко изобрести, как усовершенствовать чужие изобретения. Изменения, внесенные Фесписом в трагедию, дали возможность Эсхилу внести новые и более значительные. Он родился в Афинах в первый год шестидесятой Олимпиады. Он взял на себя воинское

ремесло в то время, когда афиняне насчитывали почти столько же героев, сколько и граждан. Он участвовал в сражениях при Марафоне, Саламине и Платее, где выполнил свой долг.

3514 Г. Н.Э. Ant. J.C. 490.

Но его склонность позвала его в другое место и заставила вступить на другой путь, где можно было приобрести не меньшую славу, и где у него вскоре не осталось конкурентов. Будучи гением высшего порядка, он взялся реформировать, а точнее, создать заново трагедию, изобретателем и отцом которой он, как следствие, всегда признавался. Отец Брумой в диссертации, изобилующей остроумием и здравым смыслом, объясняет, каким образом Эсхил почерпнул истинную идею трагедии из эпических поэм Гомера. Сам поэт говорил, что его произведения - это остатки праздников, которые Гомер устраивал в "Илиаде" и "Одиссее".

Поэтому при нем трагедия приобрела новую форму. Он дал [маски179](#) своим актерам, украсил их мантиями и шлейфами, а [pg lxxx] заставил их носить бускеты. Вместо повозки он возвел театр умеренной высоты и полностью изменил их стиль, который из веселого и бурлескного, как вначале, стал величественным и серьезным.

Eschyle dans le chœur jetta les personnages:

D'un masque plus honnête habilla les visages:

Sur les ais d'un théâtre en public exhaussé

Fit paroître l'acteur d'un brodequin chaussé.[180](#)

У Эсхила хор научился новому изяществу:

Он закрывал приличными масками лицо актера,

И научил его в кустах ступать по сцене,

И воздвиг театр на радость веку.

Но это была лишь внешняя часть или тело трагедии. Ее душа, которая была самым важным и существенным дополнением Эсхила, заключалась в живости и духе действия, поддерживаемого введенными им диалогами действующих лиц драмы; в искусной работе над сильными страстями, особенно над ужасом и жалостью, которые, попеременно поражая и волнуя душу скорбными или ужасными предметами, вызывают благодарное удовольствие и восторг от этих неприятностей и эмоций; в выборе темы, великой, благородной, интересной и удерживаемой в должных границах единством времени, места и действия: словом, в поведении и расположении всего произведения, которое, благодаря порядку и гармонии своих частей и счастливой связи своих происшествий и интриг, держит ум зрителя в напряжении до самой катастрофы, а затем возвращает ему спокойствие и отпускает с удовлетворением.

Хор был установлен еще до Эсхила, поскольку он один или почти один составлял то, что тогда называлось трагедией. Поэтому он не исключил его, а, наоборот, счел нужным включить в состав, чтобы он пел как хор между актами. Таким образом, он заполнял промежутки отдыха и был своего рода лицом драмы, занятым [либо181](#) в даче полезных советов и [pg lxxxi] наставлений, в отстаивании партии невинности и добродетели, в хранении тайн и мщении за нарушенную религию, либо в поддержании всех этих характеров

одновременно, согласно Горацию. Корифей, или главное лицо хора, говорил за всех остальных.

В одной из пьес Эсхила, называемой "Эвмениды", поэт изображает Ореста в нижней части сцены, окруженного фуриями, усыпленными Аполлоном. Их вид, должно быть, был чрезвычайно ужасен, так как рассказывают, что после их пробуждения и бурного появления на сцене театра, где они должны были выступать в качестве хора, у некоторых женщин от неожиданности случился выкидыш, а несколько детей умерли от испуга. В то время хор состоял из пятидесяти актеров. После этого несчастного случая он был сокращен до пятнадцати по прямому закону, а впоследствии - до двенадцати.

Я заметил, что одним из изменений, внесенных Эсхилом в трагедию, была маска, которую носили его актеры. Эти драматические маски не имели никакого сходства с нашими, которые закрывают только лицо, но были своего рода футляром для всей головы, и которые, помимо черт лица, изображали бороду, волосы, уши и даже украшения, используемые женщинами в своих головных уборах. Эти маски менялись в зависимости от того, какие пьесы ставились. Эта тема подробно рассматривается в диссертации М. Боиндина, помещенной в "Мемуарах Академии изящных искусств".¹⁸²

Я никогда не мог понять, как я уже отмечал в другом [месте](#)¹⁸³, говоря о произношении, как маски могли так долго сохраняться на сцене древних; ведь, конечно, их нельзя было использовать, не омрачив в значительной степени дух действия, который в основном выражается в лице, месте и зеркале того, что происходит в душе. Разве не бывает так, что кровь, в зависимости от того, как ее приводят в движение различные страсти, иногда покрывает лицо внезапным и скромным румянцем, иногда воспаляет его жаром гнева и ярости, иногда отступает, оставляя его бледным от страха, а в других случаях распространяет по нему спокойствие и умиротворенность? Все эти привязанности ярко выражены в чертах лица. Маска лишает черты лица этого [pg lxxxii] энергичного языка, а также той жизни и души, благодаря которым оно является верным толкователем всех чувств сердца. Поэтому я не удивляюсь замечанию Цицерона о действиях Росция.¹⁸⁴ "Наши предки, - говорит он, - были лучшими судьями, чем мы. Они не могли полностью одобрить даже самого Росция, когда он выступал в маске".

A.M. 3509. Ant. J.C. 495.

Эсхил единолично владел славой на сцене, и почти все голоса были в его пользу, когда появился молодой соперник, чтобы поспорить с ним за пальму первенства. Это был Софокл. Он родился в Колоносе, городе в Аттике, во втором году семьдесят первой Олимпиады. Его отцом был кузнец, или тот, кто держал людей этого ремесла для работы на себя. Его первое сочинение было шедевром.

A.M. 3534. Ant. J.C. 470.

Когда по случаю того, что Кимон нашел кости Тесея и привез их в Афины, был назначен спор между трагическими поэтами, Софокл вошел в списки вместе с Эсхилом и выиграл у него приз. Древний победитель, обремененный до того времени приобретенными венками, счел их потерянными из-за неудачи последнего и с отвращением удалился в Сицилию к царю Иеро, защитнику и покровителю всех ученых, попавших в немилость в Афинах. Там он вскоре умер весьма необычным образом, если верить Суидасу. Когда он спал в поле с обнаженной головой, орел, приняв его лысую корону за камень, спустил на него черепаху, которая его и убила. Из девяноста или, по крайней мере, семидесяти трагедий, написанных им, до наших дней дошло только семь.

Трагедии Софокла также лучше избежали повреждений времени, хотя их насчитывается сто семнадцать, а по мнению некоторых - сто тридцать. Он сохранил до глубокой старости всю силу и бодрость своего гения, как явствует из одного обстоятельства его истории. Его дети, недостойные столь великого отца, под предлогом того, что он лишился рассудка, вызвали его к судьям, чтобы получить постановление, согласно которому его имущество должно быть отобрано у него и передано в их руки. Он не прибегал ни к какой другой защите, кроме чтения трагедии, которую он в то время сочинял, под названием "Дип в Колоносе", и судьи были так очарованы, что он единогласно выиграл свое дело; а его дети, которых ненавидело все собрание, не получили ничего по своему иску, кроме позора и бесчестья, вызванных столь вопиющей неблагодарностью. Он был двадцать раз коронован как победитель. Одни говорят, что он умер во время повторения "Антигоны", так как [pg lxxxiii] не хватило сил восстановить дыхание, после бурных попыток произнести длинный период до конца; другие, что он умер от радости, когда его объявили победителем, вопреки его ожиданиям. На его могиле установили фигуру улья, чтобы увековечить имя Пчела, которое было дано ему за сладость его стихов: отсюда, вероятно, и пошло представление о том, что пчелы садились на его губы, когда он лежал в колыбели.

A.M. 3599. Ant. J.C. 405.

Он умер на девяностом году жизни, в четвертый год девяносто третьей Олимпиады, пережив на шесть лет Еврипида, который был не так стар, как он сам.

A.M. 3524. Ant. J.C. 480.

Последний родился в первый год семьдесят пятой Олимпиады в Саламине, куда его отец Мнесарх и мать Клито удалились, когда Ксеркс готовился к своей великой экспедиции против Греции. Сначала он занялся философией и, среди прочих, взял себе в учителя знаменитого Анаксагора. Но опасность, которой подвергался этот великий человек, едва не ставший жертвой своих философских догматов, склонила его к изучению поэзии. Он обнаружил в себе гений к драме, неизвестный ему вначале, и использовал его с таким успехом, что вошел в число великих мастеров, о которых мы говорили. Его [работы](#)¹⁸⁵ в достаточной мере свидетельствуют о глубоком отношении к философии. Они изобилуют прекрасными моральными нормами, и именно с этой точки зрения Сократ в свое время и Цицерон много позже [него](#)¹⁸⁶ так высоко ценили Еврипида.

Нельзя не восхититься чрезвычайной деликатностью афинской публики в некоторых случаях и ее заботой о сохранении благоговения перед моралью, добродетелью, порядочностью и справедливостью. Удивительно наблюдать, с какой теплотой они единодушно осуждали все, что казалось им не соответствующим, и призывали поэта к ответу за это, несмотря на то, что у него было вполне обоснованное оправдание, поскольку он высказывал подобные чувства только людям, заведомо порочным и движимым самыми несправедливыми страстями.

Еврипид вложил в уста Беллерофона напыщенный панегирик богатству, который завершался такой мыслью: "Богатство - высшее благо рода человеческого и не без основания вызывает восхищение богов и людей". Весь театр кричал против этих выражений; и он был бы прямо изгнан, если бы не пожелал, чтобы приговор [pg lxxxiv] был отсрочен до окончания пьесы, в которой защитник богатства несчастно погибал.

Ему грозили серьезные неприятности из-за ответа, который он вложил в уста Ипполита. Кормилица Федры заявила ему, что он дал нерушимую клятву хранить ее тайну. "Язык мой, верно, произнес эту клятву, - ответил он, - но сердце мое не дало на нее согласия". Это легкомысленное различие показалось всему народу явным презрением к религии и святости

клятвы, которое стремилось изгнать всякую искренность и добросовестность из общества и жизненного общения.

Не менее пагубна и другая максима¹⁸⁷, выдвинутая Этеоклом в трагедии "Финикийцы" и постоянно звучавшая в устах Сезара: "Если справедливость и можно нарушить, то только когда речь идет о троне; в других отношениях пусть ее почитают должным образом". По словам Цицерона, в Этеокле, а точнее, в Еврипиде, в высшей степени преступно делать исключение именно в этом пункте, где такое нарушение является наивысшим преступлением, которое только можно совершить. Этеокл - тиран и говорит как тиран, оправдывая свое несправедливое поведение ложной максимой; и не странно, что Сезар, который был тираном по натуре и столь же несправедливым, должен придавать большое значение чувствам принца, на которого он так сильно походил. Но что примечательно в Цицероне, так это то, что он обрушивается на самого поэта и вменяет ему в преступление то, что он выдвинул на сцену столь пагубный принцип.

Ликург, оратор¹⁸⁸, живший во времена Филиппа и Александра Македонского, чтобы оживить дух трагических поэтов, от имени народа воздвиг три медные статуи Эсхилу, Софоклу и Еврипиду; приказав переписать их произведения, он назначил их тщательно хранить в государственных архивах, откуда их время от времени брали для чтения; игрокам не разрешалось представлять их на сцене.

Читатель, несомненно, ожидает, что после того, что было сказано о трех поэтах, которые изобрели, усовершенствовали и довели [pg lxxxv] трагедию до совершенства, я укажу на особые достоинства их стиля и характера. Для этого я должен обратиться к отцу Брумою, который сделает это гораздо лучше, чем это в моих силах. Установив в качестве несомненного принципа, что эпическая поэма, то есть Гомер, указала путь трагическим поэтам, и продемонстрировав с помощью размышлений, взятых из человеческой природы, на каких принципах и с помощью каких степеней это счастливое подражание было доведено до конца, он переходит к описанию трех вышеупомянутых поэтов в самых живых и ярких красках.

Сначала трагедия получила от Эсхила, ее изобретателя, гораздо более возвышенный стиль, чем "Илиада", то есть *magnum loqui*, о котором упоминал Гораций. Возможно, Эсхил, имевший полное представление о величии языка трагедии, вознес его слишком высоко. Это не гомеровская труба, а нечто большее. Его напыщенная, раздутая, гигантская дикция напоминает скорее удары барабанов и крики битвы, чем благородную гармонию труб. Возвышенность и величие его гения не позволяли ему говорить на языке других людей, так что его Муза, казалось, скорее ходила на ходулях, чем в санях его собственного изобретения.

Софокл гораздо лучше понимал истинное совершенство драматического стиля: поэтому он более тщательно копирует Гомера и сочетает в своей дикции ту медовую сладость, за которую его прозвали "Пчелой", с серьезностью, которая придает его трагедии скромный вид матроны, вынужденной, по выражению Горация, с достоинством появляться на публике.

Стиль Еврипида, хотя и благородный, менее удален от привычного, и он, кажется, затронул скорее патетику и элегантность, чем нервозность и возвышенность.

Как Корнель, говорит в другом месте отец Брумой, открыв для себя путь, совершенно новый и неизвестный древним, похож на орла, возвышающегося в облаках, из-за возвышенности, силы, непрерывности и стремительности своего полета; И, как Расин, копируя древних в совершенно своей манере, подражает лебедю, который то плывет по воздуху, то поднимается, то снова опускается с изяществом движений и грацией, свойственной ему

самому; так и Эсхил, Софокл и Еврипид, каждый из них имеет свою особенность и метод. Первый, как изобретатель и отец трагедии, похож на поток, стремительно несущийся по скалам, лесам и обрывам; второй - на канал, [189](#) который течет [pg lxxxvi] нежно через восхитительные сады; третий - на реку, которая не следует своим течением по постоянной линии, но любит поворачивать и извиваться своей серебряной волной по цветущим лугам и сельским сценам.

Так отец Брумоя характеризует трех поэтов, которым афинская сцена обязана своим совершенством в трагедии. [Эсхил](#)[190](#) вывел ее из первоначального хаоса и путаницы и придал ей некоторый блеск; но она все еще сохраняла грубую незавершенность, свойственную начальным произведениям, которые, как правило, несовершенны с точки зрения искусства и метода. Софокл и Еврипид бесконечно увеличили достоинство трагедии. Стиль первого, как уже отмечалось, более благородный и величественный, второго - более нежный и патетический; каждый из них совершенен в своем роде. При таком разнообразии характеров трудно решить, какой из них наиболее совершенен. Ученые всегда расходились во мнениях на этот счет; так же как мы расходимся в настоящее время в отношении двух поэтов нашего [народа](#)[191](#), чьи трагедии прославили нашу сцену и не уступают афинской.

Я заметил, что нежность и патетика отличают сочинения Еврипида, чему доказательством был Александр Ферейский, самый жестокий из тиранов. Этот варвар, увидев "Троаду" Еврипида, был так тронут ею, что покинул театр до окончания пьесы, заявив, что ему стыдно, что его видят плачущим над бедами Гекубы и Андромахи, который никогда не проявлял ни малейшего сострадания к своим собственным гражданам, которых он перебил такое количество.

Когда я говорю о нежном и патетическом, я не имею в виду страсть, которая размягчает сердце до женственности, и которая, к нашему упреку, почти одна или, по крайней мере, больше, чем любая другая страсть, принята на нашей сцене, хотя отвергнута древними и осуждена окружающими нас народами с величайшей репутацией за их гений, вкус к наукам и вежливое обучение. У древних двумя великими принципами, приводящими в движение страсти, были ужас и [жalousть](#)[192](#). И действительно, поскольку мы, естественно, относим все к себе или к своим собственным интересам, когда мы видим, как люди [pg lxxxvii] возвышенного положения или добродетели опускаются под тяжестью больших бедствий, страх перед подобными несчастьями, которыми, как мы знаем, со всех сторон наполнена человеческая жизнь, охватывает нас, и из тайного порыва самолюбия мы обнаруживаем, что чувствительно сопереживаем бедам других: кроме того, общая [природа](#)[193](#) с остальными представителями нашего рода делает нас чувствительными ко всему, что с ними случается. Если внимательно изучить эти две страсти, то окажется, что они являются наиболее глубоко присущими, активными, обширными и общими привязанностями души; они охватывают все сословия людей, великих и малых, богатых и бедных, любого возраста и состояния. Поэтому древние, привыкшие советоваться с природой и брать ее за руководство во всем, с полным основанием считали ужас и сострадание душой трагедии, и что эти привязанности должны в ней преобладать. Любовная страсть среди них не ценилась и редко присутствовала в их драматических произведениях, хотя у нас принято считать, что без нее они не могут существовать.

Нам стоит труда вкратце рассмотреть, каким образом эта страсть, которая всегда считалась слабостью и пороком в величайших персонажах, получила такую опору на нашей сцене. Корнель, который первым довел французскую трагедию до совершенства и за которым последовали все остальные, обнаружил, что вся нация увлечена чтением романов и мало склонна восхищаться чем-либо, не похожим на них. Желая угодить своим зрителям, которые

в то же время были его судьями, он старался тронуть их так, как они привыкли, и, вводя любовь в свои сцены, приблизить их к преобладающему вкусу эпохи к романтике. Из того же источника возникло то множество происшествий, эпизодов и приключений, которыми переполнены и затемнены наши трагические произведения; это противоречит вероятности, которая не допускает такого количества необычных и удивительных событий в течение четырех-двадцати часов; это противоречит простоте античной трагедии; и это приспособлено для того, чтобы скрыть, собрав так много различных объектов, бесплодность гения поэта, больше нацеленного на чудесное, чем на вероятное и естественное.

И греки, и римляне предпочитали ямбический стих героическому в своих трагедиях; не только потому, что первый имеет вид достоинства, лучше приспособленный к сцене, но, хотя он и приближается к прозе, сохраняет достаточно воздуха поэзии, чтобы радовать слух; и все же его слишком мало, чтобы навести зрителей [pg lxxxviii] на мысль о поэте, который вообще не должен появляться в представлениях, где должны говорить и действовать другие люди. Месье Дасье высказывает очень справедливое размышление на эту тему. Он говорит, что несчастье нашей трагедии в том, что у нее почти нет других стихов, кроме тех, что она имеет с эпической поэзией, элегией, пасторалью, сатирой и комедией; в то время как ученые языки имеют большое разнообразие стихосложения.

Это неудобство весьма очевидно в нашей трагедии, которая, следовательно, вынуждена терять из виду природу и вероятность, поскольку обязывает героев, принцев, королей и королев выражаться в напыщенной манере в их привычных разговорах, которые было бы смешно пытаться использовать в реальной жизни. Высказывание самых бурных страстей в едином каденции, с помощью полустий и рифм, несомненно, было бы утомительным и оскорбительным для слуха, если бы очарование поэзии, изящество выражения, дух чувств и, возможно, в большей степени, чем все они, непреклонная сила обычая, не подчинили в какой-то мере наш разум и не завесили наши суждения.

Поэтому греки не случайно предложили использовать ямб в своей трагедии. Кажется, сама природа продиктовала им этот вид стиха. Под руководством того же безошибочного проводника они выбрали для хора другой стих, более подходящий к движениям танца и вариациям песни; ведь поэзия здесь должна была сиять во всем своем блеске, в то время как простой разговор между реальными актерами был приостановлен. Хор украшал представление и расслаблял публику, а потому требовал более возвышенных стихов и номеров, чтобы поддержать его, когда он соединялся с музыкой и танцами.

Старая, средняя и новая комедии.

В то время как трагедия в Афинах достигала совершенства, комедия, второй вид драматической поэзии, которым до этого времени пренебрегали, стала культивироваться с большим вниманием. Природа была общим родителем обеих. Нас чувствительно трогают опасности, беды, несчастья, словом, все, что связано с жизнью и поведением выдающихся людей, и это породило трагедию. А нам не менее интересно знать приключения, поведение и недостатки равных нам, что дает нам повод посмеяться и повеселиться за чужой счет. Отсюда берет свое начало комедия, которая представляет собой изображение частной жизни. Ее цель - разоблачать недостатки и пороки на сцене, [pg lxxxix] и, прикрепляя к ним насмешки, делать их презренными; и, следовательно, наставлять, отвлекая. Поэтому в комедии должна преобладать насмешка (или, выражаясь другим словом, приятность).

В разные времена этот вид развлечений принимал в Афинах три различные формы, что зависело как от гения поэтов, так и от влияния правительства, которое вносило в него различные изменения.

Старая комедия, названная так [Горацием194](#) и датируемая им временем после Эсхила, сохранила кое-что от своей первоначальной грубости и той вольности, с которой она привыкла бросать грубые шутки и поносить зрителей из повозки Фесписа. Став регулярным в своем плане и достойным большого театра, он, тем не менее, не научился быть более сдержанным. В нем представлялись реальные события, имена, одежда, жесты и сходство в масках тех, кого считали нужным принести в жертву всеобщим насмешкам. В государстве, где считалось правильной политикой разоблачать всех, кто носил в себе отпечаток честолюбия, необычности или безнравственности, комедия взяла на себя привилегию проповедовать, исправлять и советовать людям их самые важные интересы. В городе, где царила такая свобода или, скорее, разнузданность, как в Афинах того времени, не щадили никого. Генералы, магистраты, правительство, сами боги были отданы на волю сатирической жилки поэта; и все было хорошо принято, если комедия была увлекательной, а аттическая соль не была недостаточной.

В одной из этих [комедий195](#) не только жрец Юпитера решает оставить службу, потому что богу больше не приносят жертв, но и сам Меркурий приходит в голодном состоянии искать счастья среди людей и предлагает служить носильщиком, сатлером, приставом, проводником, привратником, словом, в любом качестве, лишь бы не возвращаться на небо. В другом [196](#) случае те же боги, доведенные до крайности голодом из-за того, что птицы построили в воздухе город, в котором они лишены провизии, а дым от благовоний и жертвоприношений не может подниматься на небо, назначают трех послов от имени Юпитера, чтобы заключить с птицами договор о примирении на тех условиях, которые они одобряют. Зал аудиенции, где принимают трех голодных богов, представляет собой кухню, хорошо укомплектованную превосходной дичью всех сортов. Здесь Геракл, пораженный запахом жареного [pg xc] мяса, который, по его мнению, изысканнее и питательнее благовоний, просит разрешения поселиться здесь, поворачивать вертел и помогать повару при случае. Другие произведения Аристофана изобилуют еще более сатирическими и суровыми ударами по главным богам.

Меня не очень удивляет, что поэт оскорбляет богов и относится к ним с величайшим презрением, поскольку от них ему нечего бояться; но я не перестаю удивляться тому, что он вывел на сцену самых известных и могущественных людей Афин и осмелился напасть на само правительство, без всякого уважения и сдержанности.

Клеон, вернувшийся с триумфом, вопреки общим ожиданиям, из похода на Сфакторию, считался в народе величайшим полководцем той эпохи. Аристофан, чтобы выставить в истинном свете этого дурного человека, который был сыном кожевника и сам был кожевником и чье возвышение объяснялось исключительно его дерзостью и наглостью, был настолько смел, что сделал его предметом [комедии197](#), не поколебавшись его силой и влиянием: но он был вынужден играть роль самого Клеона и впервые появился на сцене в этом образе; ни один из комедиантов не осмелился представить его и подвергнуть себя гнев столь грозного противника. Его лицо было измазано винным ливером, потому что не нашлось мастера, который решился бы сделать маску, похожую на Клеона, как это обычно делалось, когда на сцену выводили людей. В этом произведении он упрекает его в растрате государственных сокровищ, в неистовой страсти к взяткам и подаркам, в хитрости при обольщении народа и отказывает ему в славе действия в Сфактерии, которую он приписывает главным образом тому, что в нем участвовал его коллега.

В "Ахарнях" он обвиняет Ламаха в том, что тот стал полководцем скорее благодаря подкупу, чем заслугам. Он вменяет ему в вину молодость, неопытность и праздность; в то же время он и многие другие, кого он скрытно называет, обращают в свою пользу награды, полагающиеся только за доблесть и реальные заслуги. Он упрекает республику в том, что они предпочитают молодых граждан старшим в управлении государством и командовании армиями. Он прямо говорит им, что, когда будет заключен мир, ни Клеоним, ни Гипербол, ни многие другие подобные болваны, упомянутые поименно, не будут иметь никакого участия в государственных делах; они всегда готовы обвинить своих сограждан в преступлениях и обогатиться за счет таких доносов.

[pg xci].

В своей комедии под названием "Осы", подражаемой Расином в его "Плайдэрах", он разоблачает безумную страсть народа к судебным преследованиям и процессам, а также огромную несправедливость, часто совершаемую при вынесении приговора и вынесении решения.

Поэт, [198](#) обеспокоенный тем, что республика упорно стремится к несчастной экспедиции в Сицилию, старается возбудить в народе отвращение к столь разорительной войне и внушить ему желание мира, в котором заинтересованы как победители, так и побежденные, после многолетней войны, одинаково пагубной для каждой из сторон и способной повлечь за собой разорение всей Греции.

Ни одно из произведений Аристофана не объясняет лучше его смелость, когда он говорит о самых деликатных делах государства в переполненном театре, чем его комедия под названием "Лисистрата". У одного из главных афинских магистратов была жена с таким именем, которая, как предполагается, взяла себе за правило принуждать Грецию к заключению мира. Она рассказывает, как во время войны женщины, расспрашивая своих мужей о результатах их советов и о том, не решились ли они заключить мир со Спартой, не получали никаких ответов, кроме повелительных взглядов и приказов заниматься своими делами; что, однако, они ясно понимали, до какого низкого состояния опустилось правительство; что они взяли на себя смелость мягко увещевать своих мужей о печальных последствиях их необдуманных решений, но их смиренные представления не имели другого эффекта, кроме как оскорбить и разъярить их: В конце концов, будучи подтверждены общим мнением всей Аттики, что в государстве больше нет ни мужчин, ни руководителей для управления делами, и терпение их совсем истощилось, женщины сочли нужным и целесообразным взять управление на себя и сохранить Грецию, хочет она того или нет, от глупости и безумия своих решений. "Со своей стороны, она заявляет, что овладела городом и казной, чтобы, - говорит она, - помешать Писандру и его единомышленникам, четверемстам администраторам, возбуждать смуту, согласно их обычаю, и грабить народ, как обычно." (Далее она доказывает, что только женщины способны поправить дела, приводя этот нелепый аргумент; что если допустить, что дела находятся в таком состоянии недоумения и путаницы, то только этот пол, привыкший распутывать их нити, может их исправить, так как он лучше всех владеет необходимыми обращением, терпением и сдержанностью. Афинские политики [pg xcii] таким образом уступают женщинам, которые представлены в смешном свете только для того, чтобы обратить насмешки на своих мужей, занимавшихся управлением государством.

Эти отрывки из Аристофана, взятые почти слово в слово из отца Брумоя, показались мне очень подходящими, чтобы дать представление о характере этого поэта и о гении древней комедии, которая, как мы видим, была сатирой самого острого и сурового рода,

присвоившей себе независимость от уважения к лицам, и для которой не было ничего святого. Неудивительно, что Цицерон осуждает столь разнузданную и необузданную вольность. Она, говорит он, [199](#) могла бы быть терпимой, если бы подвергала нападкам только плохих граждан и подстрекательских ораторов, которые пытались поднять беспорядки в государстве, таких как Клеон, Клеофон и Гипербол; Но когда Перикл, много лет управлявший государством и в войне, и в мире с одинаковой мудростью и властью (он мог бы добавить и Сократа, объявленного Аполлоном мудрейшим из людей), выводится на сцену, чтобы быть осмеянным публикой, это все равно, как если бы наш Плавт или Невий напали на Сципионов, или Цецилий осмелился бы поносить Марка Катона в своих пьесах.

Эта свобода еще более оскорбительна для нас, родившихся и живущих под монархическим правлением, которое отнюдь не способствует разнузданности. Но, не намереваясь оправдывать поведение Аристофана, которое, конечно, непростительно, я думаю, чтобы правильно судить о нем, нужно отбросить предрассудки рождения, наций и времен и представить, что мы живем в те далекие века в чисто демократическом государстве. Мы не должны думать, что Аристофан был малозначительным человеком в своей республике, как это обычно делают комические писатели в наши дни. Царь Персии имел о нем совсем другое представление. [200](#) Известна история о том, что во время аудиенции греческих послов он первым делом спросил о некоем комическом поэте (имеется в виду Аристофан), который привел в движение всю Грецию и дал такие действенные советы против него. Аристофан делал это на сцене, а Демосфен - впоследствии в общественных собраниях. Упреки поэта были не менее одушевленными, чем у оратора. В своих комедиях он произносил [pg xciii] те же чувства, которые имел право произносить с общественной трибуны. Они были адресованы тому же народу, по тем же государственным поводам, тем же средствам достижения успеха и тем же препятствиям на пути их осуществления. В Афинах весь народ был государем, и каждый из них имел равную долю в верховной власти. Об этом они постоянно думали, об этом любили рассуждать сами и слушать мнения других. Государственные дела были делом каждого человека, о которых они желали быть полностью осведомленными, чтобы знать, как вести себя в случае войны или мира, которые часто возникали, и решать свою собственную судьбу, а также судьбу своих союзников или врагов. Отсюда возникла вольность комических поэтов обсуждать государственные дела в своих представлениях. Народ был настолько далек от того, чтобы обижаться на это или на то, как эти писатели обращались с главными лицами государства, что считал, что их свобода в какой-то мере заключается в этом.

Три [поэта](#) [201](#) особенно преуспели в старой комедии: Эвполис, Кратин и Аристофан. Последний - единственный из них, чьи произведения дошли до нас целиком; из огромного числа сочиненных им пьес сохранилось всего одиннадцать. Он жил в эпоху, когда Греция изобиловала великими людьми, и был современником Сократа и Еврипида, которых он пережил. Во время Пелопоннесской войны он проявил себя в наибольшей степени; не столько как писатель, развлекающий народ своими комедиями, сколько как цензор правительства, призванный реформировать государство и быть почти арбитром своей страны.

Его восхищают элегантность, острота и счастье выражения, или, одним словом, аттическая соль и дух, которых никогда не мог достичь римский язык, и за которые [Аристофан](#) [202](#) [pg xciv] более других греческих авторов. Его особым достоинством была насмешка. Никто и никогда не касался того, что было смешным в персонажах, которых он хотел разоблачить с таким успехом, и не знал лучше, как передать это во всей силе другим. Но нужно было бы жить в его времена, чтобы судить об этом. Тонкая соль и дух древней язвительности, по

словам отца Брумая, испарились с течением времени, и то, что от нее осталось, стало для нас плоским и тусклым; хотя самая острая часть сохранит свою силу во все века.

Два существенных недостатка справедливо вменяются в вину этому поэту, которые очень сильно затемняют, если не полностью стирают, его славу. Это низкая буффонада и грубая непристойность; и напрасно пытались предложить в оправдание первого из этих недостатков характер его аудитории, основная часть которой состояла из бедных, невежественных и отбросов народа, которым, однако, было так же необходимо угодить, как ученым и богатым. Развращенный вкус низших слоев населения, которые когда-то изгнали Кратина и его компанию, потому что его сцены не были достаточно грубо комичны для них, не является оправданием для Аристофана, так как Менандр смог найти искусство изменить этот постылый вкус, введя вид комедии, не совсем такой скромный, как намекает Плутарх, но гораздо менее развратный, чем любой до его времени.

Грубые непристойности, которыми изобилуют все комедии Аристофана, не имеют никакого оправдания; они лишь показывают, до какой степени дошли распущенность зрителей и развращенность поэта. Если бы он даже пропитал их максимальным остроумием, чего, однако, не произошло, привилегия смеяться самому или заставлять смеяться других была бы слишком дорого куплена за счет приличий и хороших манер²⁰³. И в этом случае можно сказать, что лучше бы вообще не иметь остроумия, чем так плохо им пользоваться.²⁰⁴ Ф. Брумой заслуживает большой похвалы за то, что, давая общее представление о сочинениях Аристофана, он позаботился о том, чтобы завесить те их части, которые могли бы оскорбить скромность. Хотя такое поведение является неотъемлемым правилом религии, оно не всегда соблюдается теми, кто больше всего кичится своей эрудицией и иногда предпочитает звание ученого званию христианина.

Старая комедия просуществовала до времен Лисандра, который, став хозяином Афин, изменил форму или [ργ χςν] правления и передал его в руки тридцати главных граждан. Сатирическая вольность театра была для них оскорбительна, и поэтому они решили положить ей конец. Причина такого изменения очевидна и подтверждает ранее высказанные размышления о привилегии, которой обладали поэты, безнаказанно критикуя лиц, стоящих во главе государства. Вся власть в Афинах тогда принадлежала тиранам. Демократия была упразднена. Народ больше не принимал никакого участия в управлении. Они больше не были князьями; их суверенитет истек. Право высказывать свое мнение и голосовать по государственным делам прекратилось; они не смели ни сами, ни через поэтов порицать настроения и поведение своих господ. Называть людей по именам на сцене было запрещено, но поэтическая недоброжелательность вскоре нашла секрет, как ускользнуть от намерений закона и загладить вину за ограничения, наложенные на нее необходимостью использовать вымышленные имена. Тогда она занялась выявлением того, что было смешного в известных персонажах, которые она копировала в жизнь, и с этого момента приобрела двойное преимущество - удовлетворять тщеславие поэтов и злобу зрителей более изысканным образом: одним доставляло нежное удовольствие заставлять зрителей угадывать их смысл, а другим - не ошибаться в своих предположениях и приписывать правильные имена представленным персонажам. Такова была комедия, называемая впоследствии Средней комедией, о которой есть несколько примеров у Аристофана.

Она продолжалась до времен Александра Македонского, который, полностью обеспечив себе империю Греции поражением фиванцев, положил конец разнузданности поэтов, которая росла с каждым днем. Отсюда родилась Новая комедия, которая была лишь

имитацией частной жизни и не принесла на сцену ничего, кроме вымышленных имен и придуманных приключений.

Chacun peint avec art dans ce nouveau miroir,

Он живет с удовольствием или не хочет видеть.

L'avare des premiers rit du tableau fidèle

D'un avare souvent tracé sur son modèle;

Et mille fois un fat, finement exprimé,

Méconnut le portrait sur lui-même formé.

В этом новом бокале, пока каждый рассматривал себя,

Он сидел с наслаждением, хотя сам был разыгран:

Скупец ухмылялся, а скупость рисовала,

И не думал, что верное сходство - его собственное;

Ни один дурак не мог найти его собственного дорогого себя,

Но видел тысячу других [дураков](#)²⁰⁵.

[pg xcvi]

Эту комедию правильно называть "тонкой", она принадлежит Менандру. Из ста восьмидесяти, а точнее, восьмидесяти пьес, сочиненных им, по словам Суидаса, все из которых, как говорят, перевел Теренций, сохранилось лишь несколько фрагментов. О достоинствах оригиналов можно судить по совершенству копий. Квинтилиан, говоря о Менандре, не побоялся сказать,²⁰⁶ что красотой своих произведений и высотой своей репутации он затмил или, скорее, стер славу всех других писателей в той же мере. В другом месте он [замечает](#)²⁰⁷, что его собственное время не было столь справедливым к его заслугам, как должно было бы быть, что было уделом многих других; но он был достаточно компенсирован благосклонным мнением потомков. И действительно, Филемон, комический поэт, процветавший примерно в тот же период, хотя и старше Менандра, был предпочтен перед ним.

[Описанный театр древних.](#)

Я уже отмечал, что Эсхил был первым основателем стационарного и долговечного театра, украшенного соответствующими декорациями. Сначала он, как и амфитеатры, состоял из деревянных досок, сиденья в которых возвышались одно над другим; но однажды они сломались из-за слишком большого веса, и афиняне, чрезмерно увлеченные драматическими представлениями, были побуждены этим случаем возвести те превосходные сооружения, которым впоследствии с таким великолепием подражали римляне. То, что я скажу о них, имеет почти такое же отношение к римским, как и к афинским театрам, и полностью взято из диссертации М. Боиндина о театре [древних](#)²⁰⁸, который рассмотрел эту тему в самом полном объеме.

Театр древних был разделен на три основные части, каждая из которых имела свое особое название. Часть, предназначенная для актеров, называлась в целом сценой, или помостом; часть, предназначенная для зрителей, называлась театром, который, должно быть, имел

огромные размеры,²⁰⁹ так как в Афинах он мог вместить более тридцати тысяч человек; и оркестром, который у греков был местом, предназначенным [pg xcvi] пантомимы и танцовщиц, хотя в Риме он был предназначен для сенаторов и весталок.

Театр имел полукруглую форму с одной стороны и квадратную - с другой. Пространство, заключенное в полукруг, отводилось для зрителей, сиденья которых располагались одно над другим до самого верха здания. Квадратная часть перед ним отводилась актерам, а в промежутке между ними располагался оркестр.

Большие театры имели три ряда портиков, возвышавшихся один над другим, которые составляли корпус здания, и в то же время три разных этажа для сидений. С самого высокого из этих портиков женщины наблюдали за представлением, защищенные от непогоды. Остальная часть театра была непокрытой, и все действия на сцене происходили под открытым небом.

Каждый из этих этажей состоял из девяти рядов сидений, включая площадку, которая отделяла их друг от друга и служила проходом из стороны в сторону. Но поскольку эта площадка и проход занимали место двух скамеек, сидеть можно было только на семи, и поэтому в каждой истории было семь рядов сидений. Их высота составляла от пятнадцати до восемнадцати дюймов, а ширина - вдвое больше, так что зрителям было где расположиться в свое удовольствие, не стесняясь ногами сидящих над ними людей, поскольку для них не было предусмотрено никаких подножек.

Каждый из этих этажей скамей был разделен двумя различными способами: по высоте - местами для посадки, называемыми римлянами *Præcinctiones*, а по окружности - несколькими лестницами, свойственными каждому этажу, которые пересекали их по прямой линии, направляясь к центру театра, и придавали форму клиньев количеству мест между ними, отчего они и назывались *Cunei*.

За этими сиденьями располагались крытые галереи, по которым народ вливался в театр через большие квадратные отверстия, устроенные для этой цели в стенах рядом с сиденьями. Эти отверстия назывались *Vomitoria*, от множества людей, толпившихся через них на своих местах.

Поскольку актеров не было слышно в самых дальних уголках театра, греки придумали, как восполнить этот недостаток, увеличить силу голоса и сделать его более отчетливым и внятным. Для этого они изобрели некие большие медные сосуды, которые располагались под сиденьями театра таким образом, чтобы все звуки ударяли в ухо с большей силой и отчетливостью.

Оркестр располагался, как я уже отмечал, между [pg xcvi] двумя другими частями театра, одна из которых была круглой, а другая квадратной, он принимал форму каждой из них и занимал пространство между ними. Он был разделен на три части.

Первая, самая значительная, называлась оркестром, от греческого слова²¹⁰, означающего "танцевать". Он предназначался для пантомим и танцовщиц, а также для всех подчиненных актеров, игравших между актами и в конце представлений.

Вторая называлась *θυλέη*, так как была квадратной, в виде алтаря. Здесь обычно размещался хор.

А в третьем греки расположили свою музыкальную группу. Они называли ее ὑποσκήνιον, потому что она располагалась в нижней части главной части театра, которой они дали общее название сцены.

Я опишу здесь эту третью часть театра, называемую сценой; она также подразделялась на три различные части.

Первая, самая значительная, правильно называлась сценой и дала название всему этому отделу. Она занимала весь фронт здания от края до края и была местом, отведенным для декораций. По краям у этого фасада было два небольших крыла, с которых свисал большой занавес, который опускался, чтобы открыть сцену, и поднимался между актами, когда в представлении возникала необходимость в этом.

Второе отделение, называемое греками безразлично προσκήνιον и λотεῖον, а римлянами proscenium и pulpitum, представляло собой большое открытое пространство перед сценой, на котором актеры исполняли свои роли и которое с помощью декораций представляло либо общественную площадь или форум, либо обычную улицу, либо деревню; но место, представляемое таким образом, всегда находилось под открытым небом.

Третье отделение - часть, отведенная за кулисами и называемая греками παρασκήνιον. Здесь актеры одевались, а декорации хранились под замком. Там же хранились и машины, которыми древние изобиловали в своих театрах.

Поскольку крыша была только над портиками и зданием сцены, над остальной частью театра нужно было натянуть паруса, прикрепленные шнурами к мачтам, чтобы укрыть зрителей от солнечного зноя. Но поскольку это приспособление не предотвращало жару, вызванную потоотделением и дыханием столь многочисленного собрания, древние позаботились о том, чтобы смягчить ее с помощью своеобразного дождя; Поставляя воду для этих целей над портиками, [pg xcix] которая, падая в виде росы через бесконечное множество мелких пор, скрытых в статуях, которыми изобилует театр, не только распространяла вокруг себя благодарную прохладу, но и самые ароматные выдохи вместе с ней; ведь эта роса всегда была благоуханной. Когда представления прерывались бурей, зрители уходили в портики, расположенные позади мест в театре.

Любовь афинян к подобным представлениям невозможно выразить. Их глаза, их уши, их воображение, их понимание - все разделяли это удовольствие. Ничто не доставляло им такого чувствительного удовольствия в драматических представлениях, трагических или комических, как удары, направленные на дела общества; то ли чистая случайность, то ли обращение поэтов, которые умели примирить самые отдаленные темы с делами республики. Таким образом, они вникали в интересы народа, успокаивали его страсти, утверждали его притязания, оправдывали, а иногда и осуждали его поведение, питали его приятными надеждами, наставляли его в его долге в определенных приятных обстоятельствах; в результате они часто не только приобретали аплодисменты зрителей, но и кредит и влияние в общественных делах и советах: поэтому театр стал таким благодарным и таким интересным для народа. Именно таким образом, по мнению некоторых авторов, Еврипид искусно приспособил свою трагедию "[Паламед](#)" к приговору, вынесенному Сократу, и на ярком античном примере показал невинность философа, угнетенного злобой, поддерживаемой властью и фракцией.

Случайность часто служила поводом для внезапных и непредвиденных заявлений, которые по своей очевидности были очень приятны народу. По поводу этого стиха Эсхила, восхваляющего Амфиарая,

-- "Желание его

Не казаться, а быть великим и добрым",

вся публика поднялась и единодушно применила его к Аристиду.²¹² То же самое произошло с Филопеменом на Немейских играх. Как только он вошел в театр, на сцене запели такие стихи:

-- Он пришел, кому мы обязаны

Свободой, благороднейшим благом.

[pg c]

Все греки устремили свои взоры на Филопемена,²¹³ и хлопаньем в ладоши и радостными восклицаниями выражали свое почтение герою.

Точно так же в Риме, во время изгнания Цицерона,²¹⁴ когда некоторые стихи Аксия,²¹⁵ упрекавшие греков в неблагодарности за изгнание Теламона, были повторены Эзопом, лучшим актером своего времени, они вызвали слезы на глазах всего собрания.

По другому, хотя и совсем иному поводу, римский народ обратился к Помпею Великому с такими стихами:

'Это наше несчастье сделало тебя великим;²¹⁶

и затем, обращаясь к народу;

Придет время, когда вы будете поздно сожалеть

О столь великой власти, доверенной в такие руки;

Зрители заставляли актера повторять эти стихи несколько раз.

Увлечение театральными представлениями - одна из главных причин упадка, вырождения и разложения афинского государства.

Сравнивая счастливые времена Греции, когда Европа и Азия гремели лишь славой афинских побед, с более поздними эпохами, когда власть Филиппа и Александра Македонского в какой-то мере обратила ее в рабство, мы удивляемся странным переменам в этой республике. Но самое существенное - это исследование причин и хода этого упадка; и эти причины М. де Туррейль замечательно обсудил в элегантно предисловии к своему переводу ораций Демосфена.

Он отмечает, что в Афинах больше не было следов той мужественной и энергичной политики, которая в равной степени способна планировать хорошие и возвращать плохие успехи. Вместо этого осталась лишь непоследовательная возвышенность, склонная испаряться в напыщенных постановлениях. Это были уже не те афиняне, которые при угрозе нашествия варваров разрушали свои дома, чтобы построить из древесины корабли, и чьи женщины забивали камнями до смерти жалкого уродца, предлагавшего умиротворить великого царя данью или данью. Любовь к легкости и удовольствиям [pg ci] почти полностью вытеснила любовь к славе, свободе и независимости.

Перикл, этот великий человек, настолько абсолютный, что те, кто ему завидовал, считали его вторым Писистратом, был первым автором этого вырождения и разложения. Стремясь примирить благосклонность народа, он постановил, что в дни, когда проводились игры или

жертвоприношения, среди них должно распределяться определенное количество оболлов; а в собраниях, где обсуждались государственные дела, каждый человек должен был получать определенное денежное вознаграждение за свое присутствие. Таким образом, члены республики впервые увидели, что они продают свою заботу об управлении государством и причисляют к подневольному труду самые благородные функции суверенной власти.

Нетрудно было предвидеть, чем закончится столь чрезмерное злоупотребление, и для его исправления было предложено учредить фонд для поддержки войны, а также признать тяжким преступлением совет использовать его на другие цели, но, несмотря на это, злоупотребления не прекращались. Поначалу это казалось терпимым, пока гражданин, содержащийся за государственный счет, старался заслужить его, выполняя свой долг на поле боя в течение девяти месяцев подряд. Каждый должен был служить в свой черед, а кто не справлялся, считался дезертиром без всякого различия; но в конце концов число нарушителей стало противоречить закону, а безнаказанность, как это обычно бывает, умножила их число. Люди, привыкшие к восхитительному пребыванию в городе, где постоянно происходили пиры и игры, испытывали непобедимое отвращение к труду и усталости, которые считали недостойными свободнорожденных мужчин.

Поэтому необходимо было найти развлечение для этого праздного народа, чтобы заполнить огромную пустоту неактивной, бесполезной жизни. Отсюда и возникло их пристрастие, а точнее, неистовство, к публичным зрелищам. Смерть Эпаминондаса, которая, казалось бы, сулила им величайшее преимущество, нанесла последний удар по их гибели и разрушению. "Их мужество, - говорит [Юстин217](#), - не выдержало этого прославленного фиванца. Освободившись от соперника, который поддерживал их подражание, они погрузились в вялую леность и слабоволие. Средства на вооружение на суше и на море вскоре стали тратиться на игры и пиры. Морское и солдатское жалованье распределялось между праздными горожанами. Нервный и роскошный образ жизни одурманивал все груди. Представления в театре предпочитались упражнению в [pg cii] лагере. Доблесть и военные знания полностью игнорировались. Великие полководцы не ценились, в то время как хорошие поэты и прекрасные комедианты вызывали всеобщие аплодисменты".

Подобная экстравагантность позволяет легко понять, какими толпами народ стекался на драматические представления. Поскольку на их украшение не жалели средств, на содержание театра тратились непомерные суммы. "Если, - говорит [Плутарх218](#), - точно подсчитать, во сколько афинянам обошлось каждое представление, то окажется, что расходы на вакханалии, финикийцев, Эдипа, Антигону, Медею и Электру (трагедии, написанные Софоклом или Еврипидом) были больше, чем те, которые были затрачены на защиту свободы и сохранение Греции против варваров". Это дало спартанцу справедливый повод воскликнуть, увидев смету огромных сумм, вложенных в эти состязания трагических поэтов, и чрезвычайные усилия, предпринятые магистратами, которые их [проводили219](#), "что народ должен быть лишен разума, чтобы так горячо и серьезно относиться к столь легкомысленным вещам. Ибо, - добавил он, - игры должны быть только играми; и нет ничего более неразумного, чем покупать короткое и пустяковое развлечение за столь высокую цену. Удовольствия такого рода согласуются только с общественными ликованиями и сезонами празднеств и предназначены для того, чтобы отвлекать людей в часы досуга; но они ни в коем случае не должны вмешиваться в государственные дела и необходимые расходы правительства".

В конце концов, говорит Плутарх в уже цитированном мною отрывке, какую пользу принесли Афинам эти трагедии, хотя ими так хвастался народ и восхищался весь остальной мир? Я нахожу, что благоразумие Фемистокла оградило город крепкими стенами; что тонкий вкус и

великолепие Перикла улучшили и украсили его; что благородная стойкость Мильтиада сохранила его свободу; и что умеренное поведение Кимона приобрело ему империю и правительство всей Греции. Если мудрая и ученая поэзия Еврипида, возвышенная дикция Софокла, возвышенный бускин Эсхила принесли городу Афины равные преимущества, избавив его от надвигающихся бедствий или приумножив его славу, я готов (продолжает он), чтобы драматические произведения были поставлены в один ряд с победными трофеями, поэтический театр - с полем битвы, а сочинения поэтов - с великими подвигами полководцев. Но что это будет за [pg ciii] сравнение? С одной стороны, несколько писателей, увенчанных венками из плюща и волочащих за собой козла или быка, - награды и жертвы, назначенные им за успехи в трагической поэзии; с другой - целая вереница прославленных полководцев, окруженных основанными ими колониями, захваченными городами и покоренными народами. Не для увековечивания побед Эсхила и Софокла, а в память о славных битвах при Марафоне, Саламине, Эвримедоне и многих других, греки ежемесячно с такой пышностью отмечают множество праздников.

Вывод, который делает из этого Плутарх и в котором мы должны с ним согласиться,²²⁰ состоит в том, что для афинян было высшим благоразумием предпочитать удовольствие долгу, любовь к театру - любви к родине, пустяковые зрелища - государственным делам и тратить на бесполезные расходы и драматические развлечения средства, предназначенные для содержания флотов и армий. Македонский, до тех пор малоизвестный и незначительный, хорошо знал, как воспользоваться афинской леностью и [слабоволием](#)²²¹; а Филипп, обученный самими греками, среди которых он в течение нескольких лет успешно занимался военным искусством, не заставил себя долго ждать, прежде чем дал Греции хозяина и подчинил ее игу, как мы увидим в дальнейшем.

Теперь я открою перед читателем совершенно новую сцену, не лишенную любопытства и внимания. Мы видели, как два государства, не имеющие большого значения, - Медия и Персия - под руководством Кира распространились далеко и широко, подобно потоку или пожару, и с удивительной быстротой завоевали и покорили множество провинций и царств. Теперь мы увидим, как эта огромная империя приводит в движение народы, находящиеся под ее властью: персов, мидян, финикийцев, египтян, вавилонян, индийцев и многих других; и обрушивается со всеми силами Азии и Востока на маленькую страну, весьма незначительную по площади и лишенную всякой иностранной помощи; я имею в виду Грецию. Когда, с одной стороны, мы видим столько народов, объединенных вместе, такие приготовления к войне, которые велись в течение нескольких лет с таким усердием; бесчисленные армии на море и на суше, и такие флоты, которые море едва могло вместить; а с другой [pg civ] стороны - два слабых города, Афины и Лакедемон, покинутые всеми своими союзниками и предоставленные почти полностью самим себе; разве мы не имеем оснований полагать, что эти два маленьких города будут полностью разрушены и поглощены столь грозным врагом, и что от них не останется и следа? И все же мы увидим, что они окажутся победителями, и своим непобедимым мужеством, а также несколькими сражениями, которые они выиграют как на море, так и на суше, заставят Персидскую империю отбросить все мысли о том, чтобы когда-либо снова направить оружие против Греции.

История войны между персами и греками проиллюстрирует истинность этой сентенции, что не от численности, а от доблести войск и поведения генералов зависит успех военных походов. Читатель восхитится удивительным мужеством и бесстрашием великих людей, стоявших во главе греческих дел, которых ни весь мир, движущийся против них, не мог ослабить, ни величайшие несчастья не могли смутить; которые взяли с горсткой людей

выступить против бесчисленных армий; которые, несмотря на такое чудовищное неравенство сил, смели надеяться на успех; кто даже вынужден был объявить победу на стороне заслуг и добродетели; и научил все последующие поколения, какие бесконечные ресурсы можно найти в благоразумии, доблести и опыте; в рвении к свободе и нашей стране; в любви к нашему долгу; и во всех чувствах благородных и щедрых душ.

За этой войной персов против греков последует другая, но совсем иного рода, чем первая. В последней почти не будет никаких действий, кроме тех, что на первый взгляд малозначительны и, кажется, недостойны любопытства читателя, любящего великие события; в этой он встретит лишь частные ссоры между отдельными городами или небольшими содружествами; несколько незначительных осад (за исключением осады Сиракуз, одной из самых важных в древней истории), хотя некоторые из этих осад были недолгими; несколько сражений между армиями, где численность была небольшой, а крови пролито мало. Чем же эти войны так прославились в истории? Саллюст сообщает нам об этом в таких словах: "Действия афинян, несомненно, были велики; и все же я полагаю, что они были несколько меньше, чем слава хочет, чтобы мы о них думали". [pg cv] Но поскольку Афины изобиловали благородными писателями, деяния этой республики прославляются во всем мире как самые славные; и галантность героев, которые их совершали, имела счастье считаться столь же непревзойденной, как и красноречие тех, кто их описывал ["222](#).

Саллюст, хотя и ревнует к славе, которую римляне приобрели благодаря ряду выдающихся деяний, которыми изобилует их история, все же отдает справедливость в этом отрывке грекам, признавая, что их подвиги были действительно великими и прославленными, хотя и несколько уступали, по его мнению, их славе. Что же это за чужой и заимствованный блеск, который афинские деяния получили от красноречия своих историков? В том, что вся вселенная согласна считать их величайшими и славнейшими из когда-либо совершенных: *Per terrarum orbem Atheniensium facta PRO MAXIMIS CELEBRANTUR*. Все народы, обольщенные и очарованные красотами греческих авторов, считают, что подвиги этого народа превосходят все, что когда-либо совершалось любым другим народом. Такова, по словам Саллюстия, услуга, которую греческие авторы оказали афинянам, прекрасно описав их деяния; и очень жаль нас, что наша история, за неимением подобной помощи, оставила незаписанными тысячи блестящих поступков и прекрасных изречений, которые были бы выставлены в самом выгодном свете писателями древности и оказали бы большую честь нашей стране.

Но, как бы то ни было, следует признать, что мы не всегда можем судить о ценности поступка или заслугах участвовавших в нем людей по важности события. Именно в таких осадах и сражениях, как мы находим в истории Пелопоннесской войны, поведение и способности полководца становятся по-настоящему заметными. Соответственно, можно заметить, что именно во главе небольших армий и в странах, не отличающихся большими размерами, наши лучшие полководцы прошлого века проявили свои выдающиеся способности и показали себя не хуже самых знаменитых полководцев древности. В действиях такого рода случайность не играет никакой роли и не покрывает никаких оплошностей, которые совершаются. Все решает благоразумие генерала. Он поистине является душой сил, которые не действуют и не движутся, кроме как по его указанию. Он видит все, что происходит, и присутствует везде. Ничто не ускользает от его бдительности и внимания. Приказы отдаются своевременно, и своевременно выполняются. Уловки, стратагемы, ложные марши, настоящие или притворные атаки, лагеря, деkamпы - словом, все зависит только от него.

По этой причине чтение греческих историков, таких [pg cvi] как Фукидид, Ксенофонт и Полибий, приносит молодым офицерам неоценимую пользу; Потому что эти историки,

которые также были прекрасными полководцами, вникают во все детали событий, о которых они рассказывают, и ведут читателей, как бы за руку, через все осады и сражения, которые они описывают; показывая им на примере величайших полководцев древности и как бы предвосхищая опыт, каким образом должна вестись война.

Не только в отношении военных подвигов греческая история дает нам такие прекрасные образцы. Мы найдем там знаменитых законодателей, способных политиков, магистратов, рожденных для управления, людей, преуспевших во всех искусствах и науках, философов, которые зашли в своих исследованиях так далеко, как это было возможно в те ранние века, и которые оставили нам такие максимы морали, которые могли бы заставить многих христиан покраснеть.

Если добродетели тех, кто прославлен в истории, могут служить нам образцами в ведении нашей жизни, то их пороки и недостатки, с другой стороны, не менее достойны того, чтобы предостерегать и наставлять нас; и строгое уважение, которое историк обязан уделять истине, не позволит ему преуменьшать последнее, опасаясь затмить блеск первого. То, что я предлагаю здесь, также не противоречит правилу, установленному Плутархом по тому же вопросу в его предисловии к жизни [Кимона](#)²²³. Он требует, чтобы выдающиеся деяния великих людей были представлены в полном свете; что же касается недостатков, которые иногда могут ускользнуть от них по страсти или неожиданности, или в которые они могут быть втянуты необходимостью дел, рассматривая их скорее как определенную степень совершенства, недостающую их добродетели,²²⁴ чем как пороки или преступления, происходящие от какого-либо разложения сердца; Такие недостатки, как эти, он хотел бы, чтобы историк, из сострадания к слабости человеческой природы, которая не производит ничего совершенно совершенного, довольствовался лишь легким касанием; подобно тому, как искусный художник, когда ему нужно нарисовать прекрасное лицо, в котором он находит какой-нибудь небольшой недостаток или изъян, не подавляет его полностью и не считает себя обязанным изображать его со строгой точностью, потому что одно испортило бы красоту картины, а другое - сходство. Само сравнение, которое использует Плутарх, показывает, что он говорит лишь о незначительных и простительных недостатках. Но что касается действий несправедливости, насилия и жестокости, то их нельзя скрывать или маскировать ни под каким предлогом; и мы не можем предположить, что в [pg cvii] истории должна быть допущена та же привилегия, что и в живописи, которая изобрела профиль, чтобы изобразить боковое лицо принца, потерявшего глаз, и таким образом гениально скрыть столь неприятное уродство.²²⁵ История, важнейшим правилом которой является искренность, ни в коем случае не допускает подобных поблажек, поскольку это лишило бы ее величайшего преимущества.

Стыд, позор, бесчестие, ненависть и общественные порицания, которые неизменно сопутствуют преступным и жестоким действиям, не в меньшей степени должны возбуждать ужас перед пороком, чем слава, которая неизменно сопутствует хорошим поступкам, должна внушать нам любовь к добродетели. А это, по словам Тацита, две цели, которые должен ставить перед собой каждый историк, разумно выбирая то, что наиболее необычно как в добре, так и в зле, чтобы вызвать в обществе почтение к добродетели, которое справедливо ей причитается, и породить еще большее отвращение к пороку из-за вечного позора, который ему [сопутствует](#)²²⁶.

История, которую я пишу, содержит слишком много примеров последнего рода. Что касается персов, то из того, что говорится об их царях, станет ясно, что эти принцы, чья власть не имеет иных границ, кроме границ их воли, часто предаются всем своим страстям; что нет ничего труднее, чем противостоять иллюзиям собственного величия и лживости тех,

кто его окружает; что свобода удовлетворять все свои желания и безнаказанно творить зло - опасное положение; что самые лучшие натуры с трудом могут противостоять такому искушению; что, даже начав свою карьеру благоприятно, они незаметно портятся под влиянием мягкости и женственности, гордости и отвращения к искренним советам; И редко случается, чтобы они были достаточно мудры, чтобы понять, что, когда они оказываются возвышенными над всеми законами и ограничениями, они больше всего нуждаются в умеренности и мудрости, как по отношению к себе, так и по отношению к другим; и что в такой ситуации они должны быть вдвойне мудрыми и вдвойне сильными, чтобы своим разумом установить границы внутри власти, которая не имеет их вне.

Что касается греков, то Пелопоннесская война покажет жалкие последствия их кишечной раздробленности и роковые эксцессы, к которым их привела жажда господства: сцены несправедливости, неблагодарности и вероломства, вместе [pg cviii] открытым нарушением договоров или подлыми ухищрениями и недостойными уловками, чтобы уклониться от их исполнения. Здесь будет показано, как скандально лакедемоняне и афиняне унижались перед варварами, чтобы выпросить у них денежные пособия: Как позорно великие освободители Греции отказались от славы всех своих прошлых трудов и подвигов, опустившись до уровня надменных и наглых сатрапов и последовательно, с подражанием, обращаясь за защитой к общему врагу, которого они так часто побеждали; и каким образом они использовали полученные от них пособия для угнетения своих древних союзников и расширения своих собственных территорий несправедливыми и насильственными методами.

С обеих сторон, а иногда и в одном и том же человеке, мы обнаружим удивительную смесь хорошего и плохого, добродетелей и пороков, славных поступков и подлых чувств; и иногда, возможно, мы будем готовы спросить себя, могут ли это быть одни и те же люди и один и тот же народ, о которых рассказывают столь разные вещи, и возможно ли, чтобы такой яркий и сияющий свет и такие густые облака дыма и тьмы исходили из одного источника?

Персидская история охватывает сто семнадцать лет, во время правления шести царей Персии: Дария, первого из названных, сына Гистаспеса; Ксеркса первого; Артаксеркса, прозванного Лонгиманом; Ксеркса второго; Согдиана (эти два последних царствовали очень недолго); и Дария второго, обычно называемого Дарием Нотом. Эта история начинается в 3483 году мира и продолжается до 3600 года. Поскольку весь этот период естественным образом делится на две части, я также разделю его на две отдельные книги.

Первая часть, состоящая из девяноста лет, простирается от начала царствования Дария Первого до сорок второго года Артаксеркса, того же года, в котором началась Пелопоннесская война; то есть от 3483 года мира до 3573 года. Эта часть содержит главным образом различные предприятия и походы персов против Греции, которые никогда не порождали более великих людей и великих событий, никогда не демонстрировали более выдающихся или более прочных добродетелей. Здесь можно увидеть знаменитые сражения при Марафоне, Фермопиле, Артемисии, Саламине, Платее, Микале, Эвримедоне и т. д. Здесь наиболее выдающиеся полководцы Греции продемонстрировали свою храбрость: Мильтиад, Леонид, Фемистокл, Аристид, Кимон, Павсаний, Перикл, Фукидид и др.

Чтобы читателю было легче вспомнить, что происходило [pg cix] течение этого времени среди евреев, а также среди римлян, история обоих народов которых совершенно чужда истории персов и греков, я изложу в нескольких словах основные эпохи, относящиеся к ним.

Эпохи еврейской истории.

В это время народ Божий был возвращен из вавилонского плена в Иерусалим под руководством Зоровавеля. Ашер считает, что историю Есфири следует отнести к царствованию Дария. Израильтяне, находясь под защитой этого царя и воодушевленные искренними увещаниями пророков Аггея и Захарии, наконец-то закончили строительство храма, которое было прервано на долгие годы кознями их врагов. Артаксеркс был не менее благосклонен к иудеям, чем Дарий: прежде всего он послал в Иерусалим Ездру, который восстановил общественное богослужение и соблюдение закона; затем Неемию, который заставил построить стены вокруг города и укрепил его от нападений соседей, завидовавших его возрождающемуся величию. Считается, что Малахия, последний из пророков, был современником Неемии или пророчествовал вскоре после него.

Этот отрезок священной истории длится от царствования Дария I до начала царствования Дария Нофа, то есть от 3485 года мира до 3581 года. После этого Писание полностью умолкает, вплоть до времени Маккавеев.

Эпохи римской истории.

Первый год правления Дария I был 233-м по счету со дня постройки Рима. На троне тогда находился Таркин Гордый, который примерно через десять лет после этого был изгнан, когда консульское правление было заменено царским. В последующий период произошла война с Порсенной, создание народных трибунов, отступление Кориолана к вольскам и последовавшая за этим война, войны римлян с латинами, венедами, вольсками и другими соседними народами, смерть Виргиния при децемвирате, споры между народом и сенатом о браках и консульстве, что привело к созданию военных трибунов вместо консулов. [pg cx] Этот период времени заканчивается в 323 году от основания Рима.

Вторая часть, состоящая из двадцати семи лет, простирается от 43-го года Артаксеркса Лонгимана до смерти Дария Нота, то есть от 3573 года мира до 3600 года. Она содержит первые девятнадцать лет Пелопоннесской войны, продолжавшейся двадцать семь лет, местом которой были Греция и Сицилия, и в которой греки, до этого одерживавшие победу над варварами, обратили оружие друг против друга. Среди афинян отличились Перикл, Никиас и Алкивиад, среди лакедемонян - Брасидас, Гилипп и Лисандр.

Рим по-прежнему будоражат различные споры между сенатом и народом. Ближе к концу этого периода, примерно на 350-м году существования Рима, римляне устроили осаду Веджи, которая продолжалась десять лет.

2900 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1104.

Я уже отмечал, что через восемьдесят лет после взятия Трои Гераклиды, то есть потомки Геракла, вернулись в Пелопоннес и стали хозяевами Лакедемона, где совместно правили два брата, Эврисфен и Прокл, сыновья Аристодема.

Геродот отмечает,²²⁷ что эти два брата всю жизнь враждовали между собой и что почти все их потомки унаследовали подобную склонность к взаимной ненависти и антипатии; так верно, что суверенная власть не терпит партнерства и что двух царей всегда слишком много для одного царства! Однако после смерти этих двоих потомки обоих продолжали совместно размахивать скипетром, и, что очень примечательно, эти две ветви просуществовали почти девятьсот лет, с момента возвращения Гераклидов в Пелопоннес и до смерти Клеомена, и

поставляли Спарте царей без перерыва, причем в целом регулярно сменяя друг друга от отца к сыну, особенно в старшей ветви семьи.

Происхождение и положение элотов, или гелотов.

Когда лакедемоняне впервые начали селиться в Пелопоннесе, они встретили сильное сопротивление со стороны жителей страны, которых они вынуждены были покорять одного за другим силой оружия или принимать в свой союз на легких [pg sxi] и справедливых условиях, с наложением небольшой дани. [Страбон228](#) рассказывает о городе Элос, расположенном недалеко от Спарты, который, подчинившись игу, как и другие, открыто взбунтовался и отказался платить дань. Агис, сын Эврисфена, недавно занявший трон, понимал опасную тенденцию этого первого восстания и поэтому немедленно выступил с войском против него вместе с Соусом, своим коллегой. Они осадили город, который после довольно долгого сопротивления был вынужден сдаться по собственному желанию. Этот принц счел нужным показать им такой пример, чтобы утратить всех их соседей и удержать их от подобных попыток, и в то же время не отвратить их умы слишком жестоким обращением; по этой причине он не предал никого из них смерти. Он пощадил жизни всех жителей, но в то же время лишил их свободы и обратил всех в рабство. С тех пор они были заняты на всех подлых и подневольных работах, а обращение с ними было крайне жестоким. Этих людей называли элотами, или гелотами. Со временем их число значительно увеличилось, и лакедемоняне, несомненно, дали такое же название всем людям, которых они привели в одинаковое рабское состояние. Поскольку сами они были не склонны к труду и полностью зависимы от войны, они оставили обработку своих земель этим рабам, выделив каждому из них определенный участок земли, продукцию которого они должны были ежегодно отвозить своим хозяевам, которые старались, используя всевозможные злоупотребления, сделать их иго еще более тяжким и невыносимым. Это была, конечно, очень плохая политика, которая могла привести лишь к тому, что в самом сердце государства появлялось огромное количество опасных врагов, готовых по любому поводу взяться за оружие и взбунтоваться. Римляне поступили более благоразумно: они включили завоеванные народы в свое государство, присоединив их к свободе своего города, и таким образом превратили их из врагов в братьев и сограждан.

Ликург, лакедемонский законодатель

Эвритион, или Эврипон, как его называют другие, сменил Соуса.[229](#) Чтобы завоевать расположение своего народа и сделать свое правление приятным, он счел нужным в некоторых вопросах отступить от абсолютной власти, которую осуществляли цари его предшественников: это сделало его имя настолько дорогим для подданных, [pg sxii] что все его потомки стали называться Эвритионидами. Но эта расслабленность породила в Спарте ужасную неразбериху и беспредельную разнузданность, и долгое время приводила к бесконечным бедам. Народ стал настолько наглым, что ничто не могло его сдерживать. Если преемники Эвритиона пытались восстановить свою власть силой, они становились одиозными; если же по покладистости или слабости они предпочитали открещиваться, то их мягкость приводила лишь к презрению; таким образом, порядок был упразднен, а законы перестали соблюдаться. Эти смуты ускорили смерть отца Ликурга, которого звали Евномий и который был убит во время восстания. Полидект, его старший сын и преемник, вскоре умер без детей, и все ожидали, что царем станет Ликург. Он и в самом деле был таковым, пока беременность жены его брата была неопределенной; но как только это выяснилось, он объявил, что царство принадлежит ее ребенку, если тот окажется сыном, и с этого момента он взял на себя управление государством, как опекун своего нерожденного племянника, под

титолом Продикоса, который лакедемоняне давали опекунам своих царей. Когда ребенок родился, Ликург взял его на руки и воскликнул, обращаясь к присутствующим: *"Вот, владыки Спарты, ваш новорожденный царь!"* И в то же время он посадил младенца на царское место и назвал его Харилай, из-за радости, которую народ выразил по поводу его рождения. Во втором томе этой истории читатель найдет все, что касается истории Ликурга, его реформ и прекрасных законов, которые он установил в Спарте. В это время царем в старшей ветви рода был Агесилай.

Война между аргивянами и лакедемонянами.

Через некоторое время после этого, в царствование Феопомпа, между аргивянами и лакедемонянами вспыхнула война из-за небольшой страны, называемой Тиреей, которая лежала на границе двух государств и на которую каждое из них претендовало по [праву](#)²³⁰. Когда обе армии были готовы вступить в бой, обе стороны, чтобы избежать кровопролития, договорились, что спор будет решаться тремя сотнями самых храбрых мужчин, выбранных из их армий, и что земля, о которой идет речь, станет собственностью победившей стороны. Чтобы оставить сражающимся больше пространства для боя, обе армии [pg sxiii] отошли на некоторое расстояние. Тогда эти великодушные чемпионы, обладавшие мужеством двух могучих армий, смело выступили навстречу друг другу и сражались с такой решимостью и яростью, что все, кроме трех человек, двое со стороны аргивян и один со стороны лакедемонян, лежали мертвыми на месте; и только ночь разлучила их. Оба аргивянина, считая себя победителями, поспешили в Аргос, чтобы сообщить эту новость; один лакедемонянин, по имени Отриад, вместо того чтобы отступить, разделался с мертвыми телами аргивян и, отнеся их оружие в лагерь лакедемонян, остался на своем посту. На следующий день обе армии вернулись на поле боя. Обе стороны одинаково претендовали на победу: аргивяне - потому, что в живых осталось больше их чемпионов, чем у противника; лакедемоняне - потому, что двое оставшихся в живых аргивян бежали, а их единственный воин остался хозяином поля боя и унес добычу врага; короче говоря, они не могли решить спор, не вступив в новое сражение. Здесь фортуна оказалась на стороне лакедемонян, и небольшая территория Тиреи стала призом за их победу. Но Отириад, не в силах вынести мысли о том, что ему придется пережить своих храбрых товарищей, а также о том, что после их смерти он будет видеть Спарту, покончил с собой на том же поле боя, где они сражались, решив, что у него с ними одна судьба и одна могила.

Войны между мессенцами и лакедемонянами.

Между мессенцами и лакедемонянами было не менее трех войн, все они были очень жестокими и кровопролитными. Мессения была страной в Пелопоннесе, на западе, недалеко от Спарты: она была очень сильной и управлялась своими царями.

Первая Мессенская война.

А.М. 3261. Ant. J.C. 743.

Первая Мессенская война длилась двадцать лет и разразилась во второй год девятой Олимпиады.²³¹ Лакедемоняне утверждали, что получили от мессенцев несколько значительных обид, и среди прочих - то, что их дочерей изнасиловали жители Мессении, когда они, по обычаю, отправились в храм, стоявший на границе двух народов; а также убийство Телекиса, их царя, которое было [pg sxiv] следствием предыдущего оскорбления. Вероятно, истинной причиной войны могло быть желание расширить свое владычество и захватить столь удобную для них территорию. Но как бы то ни было, война разразилась в

царствование Полидора и Феопомпа, царей Спарты, в то время, когда должность архонта в Афинах была еще десятилетней.

Эвфес, тринадцатый потомок Геракла, был тогда царем Мессении.²³² Он передал командование своей армией Клеоннису. Лакедемоняне начали кампанию с осады Амфеи, маленького, незначительного города, который, однако, по их мнению, очень хорошо подходил им в качестве места для военных складов. Город был взят штурмом, а все жители преданы мечу. Этот первый удар лишь воодушевил мессенцев, показав им, чего им следует ожидать от врага, если они не будут энергично защищаться. Лакедемоняне, в свою очередь, дали клятву не складывать оружие и не возвращаться в Спарту, пока не станут хозяевами всех городов и земель, принадлежащих мессенцам: так сильно они рассчитывали на свою силу и доблесть.

Состоялось два сражения, в которых потери с обеих сторон были почти равны.²³³ Но после второго мессенцы сильно пострадали от недостатка провизии, что вызвало большое дезертирство в их войсках и, наконец, привело к моровой язве.

Тогда они обратились к дельфийскому оракулу, который велел им, чтобы утихомирить гнев богов, принести в жертву девственницу царской крови. Аристомен, происходивший из рода Эпитидов, принес в жертву собственную дочь. Тогда мессенцы, сообразив, что если они оставят гарнизоны во всех своих городах, то крайне ослабят свою армию, решили оставить их все, кроме Итома, небольшого местечка, расположенного на вершине одноименного холма, около которого они разбили лагерь и укрепились. В таком положении они провели семь лет, в течение которых не происходило ничего, кроме легких стычек с обеих сторон; лакедемоняне не решались за все это время вызвать противника на бой.

Они почти отчаялись в том, что им удастся покорить их: не было ничего, кроме обязательства клятвы, которой они связали себя, что заставляло их продолжать столь обременительную войну. Больше всего их беспокоило опасение, что отсутствие жен в течение стольких лет, которое может продолжаться еще много лет, разрушит их семьи дома и Спарта останется без граждан.²³⁴ Чтобы предотвратить это несчастье, они отправили домой тех своих солдат, которые пришли в армию после принесения вышеупомянутой клятвы, и не побрезговали проституировать своих жен в их объятиях. Дети, появившиеся от этого незаконного совокупления, назывались Парфениями - так их называли, чтобы обозначить позорность их рождения. Как только они выросли, не выдержав такого позорного отличия, они с единого согласия изгнали себя из Спарты и под руководством Фаланта отправились в Тарентум в Италии, изгнав оттуда древних жителей²³⁵.

Наконец, на восьмом году войны, который был тринадцатым годом царствования Эвфая, произошла ожесточенная и кровопролитная битва под Итомом.²³⁶ Эвфей пронзил батальоны Феопомпа со слишком большим для царя пылом и стремительностью. Он получил множество ран, несколько из которых были смертельными. Он упал и, казалось, испустил дух. Тогда с обеих сторон были предприняты удивительные по мужеству усилия: с одной - чтобы унести царя, с другой - чтобы спасти его. Клеоннис убил восемь спартанцев, которые тащили его за собой, и лишил их оружия, которое отдал на хранение некоторым из своих солдат. Сам он получил несколько ран, все - в переднюю часть тела, что служит несомненным доказательством того, что он никогда не поворачивался спиной к своим врагам. Аристомен, сражаясь по тому же поводу и с той же целью, убил пятерых лакедемонян, чьи трофеи он также унес с собой, не получив ни одной раны. Короче говоря, царь был спасен и унесен мессенцами, и, весь изувеченный и окровавленный, он выразил великую радость, что не потерпел поражения. После окончания битвы Аристомен встретил

Клеонниса, который из-за своих ран не мог идти ни сам, ни с помощью тех, кто протягивал ему руки. Поэтому он взвалил его на плечи, не выпуская из рук, и понес в лагерь.

Как только наложили первую повязку на раны мессенского царя и его офицеров, среди мессенцев возник новый спор, который велся с не меньшей горячностью, чем предыдущий, но был совсем другого рода и все же являлся следствием другого. Речь шла о присуждении приза славы тому, кто больше всех отличился [pg cxvi] своей доблестью в недавнем сражении. У них давно установился обычай публично провозглашать после битвы имя человека, проявившего наибольшую храбрость. Ничто не могло быть более подходящим для того, чтобы воодушевить офицеров и солдат, вдохновить их на решимость и неустрашимость и подавить естественный страх перед смертью и опасностью. По этому случаю в списки были внесены два прославленных чемпиона - Клеоннис и Аристомен.

Царь, несмотря на свое слабое состояние, в сопровождении главных офицеров своей армии, председательствовал в совете, где должен был решаться этот важный спор. Каждый соперник отстаивал свою точку зрения. Клеоннис основывал свои притязания на огромном количестве убитых им врагов и на множестве ран, полученных им во время сражения, которые были столькими несомненными свидетельствами мужества, с которым он встретил смерть и опасность; тогда как состояние, в котором Аристомен вышел из схватки, без ран и без ранений, казалось, показывало, что он очень берег свою персону, или, в крайнем случае, могло доказать, что он был более удачлив, но не более храбр или мужественен, чем он сам. Что же касается того, что он нес его на плечах в лагерь, то этот поступок, конечно, может служить доказательством крепости его тела, но не более того; да и спор сейчас, говорит он, идет не о силе, а о доблести.

Единственное, в чем упрекали Аристомена, так это в том, что он не был ранен; поэтому он ограничился только этим: "Меня, - говорит он, - называют удачливым, потому что я вышел из битвы без ран. Если бы это было следствием моей трусости, я заслуживал бы другого эпитета, чем удачливый, и, вместо того чтобы быть допущенным к оспариванию приза, должен был бы подвергнуться суровости законов, карающих трусов. Но то, что мне ставят в вину как преступление, на самом деле является моей величайшей славой. Ибо, если мои враги, пораженные моей доблестью, не осмелились напасть на меня или противостоять мне, то не малая заслуга в том, что я заставил их бояться меня; или, если, пока они занимались мной, у меня в то же время была сила, чтобы разрубить их на части, и умение, чтобы защититься от их нападений, то я должен был быть одновременно и доблестным, и благоразумным. Ибо тот, кто в разгар боя может подвергать себя опасностям с осторожностью и безопасностью, показывает, что он одновременно превосходит и ум, и тело. Что же касается мужества, то ни один из живущих не может упрекнуть Клеонниса в его недостатке; но, ради его чести, мне жаль, что он, похоже, не испытывает благодарности".

После окончания этих речей вопрос был [pg cxvii] поставлен на голосование. Вся армия замерла в напряжении и с нетерпением ждал решения. Ни один спор не может быть таким теплым и интересным, как этот. Это не соревнование за золото или серебро, а исключительно за честь. Наградой добродетели является чистая бескорыстная слава. Здесь судьи не подозревают. Поступки соревнующихся по-прежнему говорят за них. Сам король в окружении своих офицеров председательствует и выносит решение. Свидетелями выступает целая армия. Поле битвы - это трибунал без предвзятости и кабалы. Короче говоря, все голоса сошлись в пользу Аристомена и присудили ему приз.

Эвфес умер через несколько дней после решения этого дела.²³⁷ Он царствовал тринадцать лет и все это время вел войну с лакедемонянами. Так как он умер без детей, он оставил

мессенцам право выбрать себе преемника. Клеоннис и Дамис были кандидатами против Аристомена, но его избрали царем, отдав предпочтение им. Когда он был на троне, он не побрезговал предоставить двум своим соперникам главные должности в государстве; все они были сильно привязаны к общественному благу, даже больше, чем к собственной славе; конкуренты, но не враги, эти великие люди были движимы ревностью к своей стране, и не были ни друзьями, ни противниками друг другу, но заботились о ее сохранении.

В этом вопросе я придерживаюсь мнения покойного меэе [Буавина-старшего](#)²³⁸ и воспользовался его ученой диссертацией о фрагменте Диодора Сикула, с которым мир был мало знаком. Он предполагает и доказывает в ней, что царь, о котором говорится в этом фрагменте, - Евфей; и что Аристомен - это тот же самый, кого Павсаний называет Аристомедом, по обычаю древних, которых часто называли двумя разными именами.

Аристомен, иначе называемый Аристомедом, царствовал около семи лет и был одинаково уважаем и любим своими подданными. Война продолжалась все это время.²³⁹ В конце своего правления он победил лакедемонян, взял их царя Теопомпа и в честь Юпитера из Итомы принес в жертву триста человек, среди которых их царь был главной жертвой. Вскоре после этого Аристомед принес себя в жертву на могиле своей дочери в соответствии с ответом оракула. Его преемником стал Дамис, но без титула царя.

[pg cxviii].

После его смерти мессенцы никогда не добивались успеха в своих делах, но оказались в очень жалком и безнадежном положении.²⁴⁰ Доведенные до последней крайности и совершенно лишенные провизии, они оставили Итоме и бежали к ближайшим союзникам. Город был немедленно разрушен, а другая часть страны покорилась. Их заставили принести клятву никогда не покидать партию лакедемонян и не восставать против них: очень бесполезная мера предосторожности, которая только добавила бы к их мятежу вину за лжесвидетельство. Их новые хозяева не облагали их данью, но довольствовались тем, что обязывали их приносить на спартанский рынок половину урожая кукурузы, которую они собирали каждый раз. Кроме того, было оговорено, что мессенцы, как мужчины, так и женщины, должны присутствовать в трауре на похоронах царей и главных граждан Спарты; лакедемоняне, вероятно, рассматривали это как знак зависимости и своего рода дань уважения своему народу.

А.М. 3281. Ant. J.C. 723.

Так закончилась первая Мессенская война, продолжавшаяся двадцать лет.

Вторая Мессенская война.

Снисходительность, с которой лакедемоняне относились к мессенцам вначале, была недолгой.²⁴¹ Когда они убедились, что вся страна покорилась, и решили, что народ не способен причинить им новые неприятности, они вернулись к своему естественному характеру - наглости и надменности, которые часто перерастали в жестокость, а иногда даже в свирепость. Вместо того чтобы относиться к побежденным с добротой, как к друзьям и союзникам, и пытаться мягкими методами завоевать тех, кого они покорили силой, они, казалось, намеревались только усугубить свое иго и заставить их почувствовать всю тяжесть подчинения. Они обложили их тяжелыми налогами, отдали их на откуп сборщикам этих налогов, не слушали их жалоб, не оказывали им никакой справедливости, относились к ним с презрением, как к гнусным рабам, и совершали против них самые чудовищные злодеяния.

Человек, рожденный для свободы, никогда не может примириться с рабством: самое мягкое рабство приводит его в ярость и провоцирует на бунт. Чего же можно было ожидать от такого жестокого рабства, как то, под которым стонали мессенцы? После того как [pg sxix] с большими [неудобствами](#)²⁴² терпели его около сорока лет, они решили сбросить иго и вернуть себе древнюю свободу.

A.M. 3320. Ant. J.C. 684.

Это было в четвертый год двадцать третьей Олимпиады: должность архонта в Афинах стала тогда ежегодной, а в Спарте царствовали Анаксандр и Анаксидам.

Первой заботой мессенцев было укрепить себя за счет союза с соседними народами. Они, как оказалось, были склонны присоединиться к их мнению, поскольку оно соответствовало их собственным интересам. Ведь они не без зависти и опасений смотрели на возвышающийся среди них столь могущественный город, который, казалось, явно стремился распространить свое господство на все остальные. Поэтому жители Элиды, аргивяне и сикионцы, выступили на стороне мессенцев. Но прежде чем их силы соединились, произошла битва между лакедемонянами и мессенцами. Во главе последних стоял Аристомен, второй из этого [рода](#)²⁴³. Он был полководцем неустрашимой храбрости и больших военных способностей. В этой схватке лакедемоняне были разбиты. Аристомен, чтобы сначала создать у врага выгодное мнение о своей храбрости, зная, какое влияние она оказывает на успех будущих предприятий, дерзнул ночью войти в Спарту и на воротах храма Минервы, называемого Халкиозкос, повесить щит, на котором была надпись, означавшая, что это подарок Аристомена богине из трофеев лакедемонян.

Эта бравада действительно поразила лакедемонян. Но еще больше их встревожила грозная лига, созданная против них. Дельфийский оракул, к которому они обратились, чтобы узнать, какими средствами им удастся добиться успеха в этой войне, посоветовал им послать в Афины за полководцем и подчиниться его советам и поведению. Это был очень неприятный шаг для такого надменного города, как Спарта. Но страх навлечь на себя недовольство бога прямым неповиновением преобладал над всеми другими соображениями. Поэтому они отправили посольство к афинянам. Афинский народ был в некотором недоумении от этой просьбы. С одной стороны, они не жалели, что лакедемоняне воюют с соседями, и отнюдь не желали дать им хорошего полководца: с другой стороны, они боялись [pg sxx] послушаться бога. Чтобы выйти из затруднительного положения, они предложили лакедемонянам Тиртея. Он был поэтом по профессии, обладал оригинальным умом и неприятной внешностью, так как был хромым. Несмотря на эти недостатки, лакедемоняне приняли его как полководца, посланного им самим Небом. Поначалу успех не оправдал их ожиданий: они проиграли три сражения подряд.

Цари Спарты, обескураженные столькими разочарованиями и потерявшие всякую надежду на успех в будущем, твердо решили вернуться в Спарту и снова отправиться домой со своими войсками. Тиртеус горячо возражал против этого замысла и в конце концов склонил их к своему мнению. Он обратился к войскам и повторил им несколько стихов, которые он сочинил с этим намерением и над которыми изрядно потрудился. Сначала он попытался утешить их за прошлые потери, которые он приписывал не их вине, а лишь несчастью или судьбе, которую не в силах преодолеть никакая человеческая мудрость. Затем он представил им, как позорно для спартанцев бежать от врага, и как славно для них было бы погибнуть с мечом в руках, если так распорядилась судьба, сражаясь за свою страну. Затем, как будто все опасности исчезли, а боги, полностью удовлетворенные и умиротворенные их последними бедствиями, полностью перешли на их сторону, он поставил победу перед их

глазами как настоящую и несомненную, и как будто она сама приглашала их к битве. Все древние авторы,²⁴⁴ которые хоть раз упоминали о стиле и характере поэзии Тиртея, отмечают, что она была полна некоего огня, пыла и энтузиазма, который воспламенял умы людей, возвышал их над собой, внушал им что-то великодушное и воинственное, гасил всякий страх и опасения перед опасностью или смертью и заставлял их полностью сосредоточиться на сохранении своей страны и собственной славы.²⁴⁵ Стихи Тиртея действительно произвели такой эффект на солдат в этот раз. Все они в один голос желали выступить против врага. Став безразличными к своей жизни, они не думали ни о чем, кроме как о том, чтобы обеспечить себе честь погребения. Для этого все они повязали на правую руку веревки, на которых были написаны имена их самих и их отцов, чтобы, если им случится быть убитыми в сражении и [pg sxxi] их лица так изменятся от времени или несчастных случаев, что их нельзя будет различить, по этим знакам можно было бы узнать, кто из них кто. Солдаты, решившие умереть, очень доблестны. Это проявилось в последовавшем сражении. Она была очень кровопролитной, победу долго оспаривали обе стороны, но в конце концов мессенцы сдались. Когда после этого Тиртеус отправился в Спарту, его приняли с величайшими знаками отличия и включили в число граждан.

Победа в этом сражении не положила конец войне, которая длилась уже три года. Аристомен, собрав остатки своего войска, удалился на вершину труднодоступной горы, которая называлась Ира. Завоеватели попытались взять это место штурмом, но храбрый принц защищался там в течение одиннадцати лет, совершая самые необыкновенные подвиги. В конце концов он был вынужден покинуть это место, только благодаря неожиданности и предательству, после того как защищал его как лев. Те из мессенцев, которые попали в руки лакедемонян по этому случаю, были низведены до состояния гелотов. Остальные, видя разорение своей страны, ушли и поселились в Занкле, городе на Сицилии, который впоследствии получил свое название от этого народа и стал называться Мессана; то же самое место, которое в наши дни называется Мессина. Аристомен, проводив одну из своих дочерей на Родос, которую он выдал замуж за тамошнего тирана, думал отправиться в Сарды, чтобы остаться с Ардисом, царем лидийцев, или в Экбатаны, к Фраортесу, царю медян; но смерть помешала осуществлению всех его замыслов.

3334 Г. Н.Э. Ant. J.C. 670.

Вторая Мессенская война длилась четырнадцать лет и закончилась в первый год двадцать седьмой Олимпиады.

Была и третья война между этим народом и лакедемонянами, которая началась во время и по случаю сильного землетрясения, случившегося в Спарте. Об этой войне мы расскажем в следующем месте.

История, о которой мне предстоит рассказать в этой работе, относится к преемникам Александра и охватывает период в двести девяносто три года, от смерти этого монарха и начала правления Птолемея, сына Лагуса, в Египте до смерти Клеопатры, когда это царство стало римской провинцией при императоре Августе.

История представит нашему взору ряд всех преступлений, которые обычно возникают из-за неумеренных амбиций; сцены ревности и вероломства, измены, неблагодарности и вопиющих злоупотреблений [pg sxxii] суверенной властью; жестокость, нечестивость, полное забвение естественных чувств порядочности и чести, с нарушением всех законов человеческих и божественных, предстанут перед нами. Мы не увидим ничего, кроме смертельных раздоров, разрушительных войн и страшных революций. Люди, изначально дружившие, воспитанные вместе, уроженцы одной страны, соратники в одних и тех же

опасностях и орудия в совершении одних и тех же подвигов и побед, вступят в сговор, чтобы ценой своей крови разнести в клочья империю, которую они все вместе создавали. Мы увидим, как полководцы Александра принесут в жертву собственным амбициям мать, жен, братьев, сестер этого принца, не щадя даже тех, кому они сами были обязаны жизнью или отдали ее. Мы больше не увидим тех славных времен Греции, которые когда-то были столь плодотворны великими людьми и великими примерами; а если нам и доведется обнаружить какие-то следы и остатки их, то они будут напоминать лишь отблески молний, проносящихся по быстрому пути и привлекающих внимание только благодаря глубокой тьме, которая предшествует и следует за ними.

Я признаю себя достаточно осведомленным о том, как жаль писателя, вынужденного изображать человеческую природу в таких красках и чертах, которые ее позорят и которые не могут не вызывать отвращения и тайного страдания в умах тех, кто становится зрителем такой картины. История теряет все самое интересное и способное доставить удовольствие и назидание, когда она может производить эти эффекты, только внушая уму ужас перед преступными действиями и представляя бедствия, которые обычно следуют за ними и должны рассматриваться как их справедливое наказание. Трудно привлечь внимание читателя на сколько-нибудь значительное время к предметам, которые вызывают только его негодование, и было бы оскорбительно для него, если бы казалось, что он желает отговорить его от избытка неумеренных страстей, на которые он считает себя неспособным.

Как можно вызвать интерес к повествованию, в котором нет ничего, кроме однообразного ряда пороков и великих преступлений, и которое заставляет вдаваться в подробности действий и характеров людей, рожденных для бедствия рода человеческого, и само имя которых не должно быть передано потомкам? Можно даже подумать, что опасно знакомить умы всего человечества с непрерывными сценами слишком успешного беззакония и подробно описывать несправедливый успех, который ждал этих прославленных преступников, чье долгое процветание, часто сопровождавшееся привилегиями и наградами [pg sxxiii] добродетели, может быть расценено как обвинение Провидения людьми слабого ума.

Эта история, которая, похоже, окажется очень неприятной по причинам, о которых я только что упомянул, станет еще более неприятной из-за неясности и путаницы, в которую будут вовлечены некоторые операции, и которую будет трудно, если вообще возможно, исправить. Десять или двенадцать полководцев Александра вели между собой военные действия, чтобы разделить империю после его смерти и закрепить за собой какую-то часть, большую или меньшую, этого огромного тела. То притворяясь друзьями, то объявляя себя врагами, они постоянно создавали различные партии и лиги, которые должны были существовать не дольше, чем это соответствовало интересам каждого отдельного человека. Македония меняла своего хозяина пять или шесть раз за очень короткий промежуток времени; каким же образом можно сохранить порядок и проницательность в таком огромном разнообразии событий, которые постоянно пересекаются и накладываются друг на друга?

Кроме того, меня больше не поддерживают никакие древние авторы, способные провести меня через эту тьму и путаницу. Диодор полностью покинет меня, после того как некоторое время был моим проводником; и ни один другой историк не появится, чтобы занять его место. Не останется ни одного правильного ряда дел; несколько событий не могут быть расположены в какой-либо регулярной связи друг с другом; невозможно будет указать ни мотивы принятых решений, ни характер главных действующих лиц в этой сцене неясности. Я считаю себя счастливым, когда Полибий или Плутарх оказывают мне помощь. В моем рассказе о преемниках Александра, чьи операции, возможно, являются наиболее сложной и

запутанной частью древней истории, Ашер, Придо и Вайан будут моими обычными проводниками; и во многих случаях я буду переписывать только из Придо; но, при всех этих вспомогательных средствах, я не обещаю пролить столько света на эту историю, сколько я мог бы пожелать.

После более чем двадцатилетней войны число главных соперников сократилось до четырех: Птолемея, Кассандра, Селевка и Лисимаха; империя Александра была разделена на четыре фиксированных царства, в соответствии с предсказанием Даниила, по торжественному договору, заключенному между сторонами. Три из этих царств, Египет, Македония, Сирия или Азия, будут иметь регулярную череду монархов, достаточно четкую и ясную; но четвертое, включавшее Фракию, часть Малой Азии и некоторые соседние провинции, будет подвержено ряду колебаний.

[pg cxxiv]

Так как царство Египетское было тем, которое подвергалось наименьшим изменениям, потому что Птолемей, который был установлен там правителем после смерти Александра, сохранил владение им с тех пор и оставил его своим потомкам: поэтому мы будем считать этого принца основой нашей хронологии, и наши несколько эпох должны быть установлены от него.

Четвертый том содержит события за сто двадцать лет правления первых четырех царей Египта: Птолемея, сына Лагуса, который царствовал тридцать восемь лет; Птолемея Филадельфа, который царствовал сорок лет; Птолемея Эвргета, который царствовал двадцать пять лет; и Птолемея Филопатора, чье правление продолжалось семнадцать лет.

Чтобы пролить свет на содержащуюся в ней историю, я, прежде всего, изложу основные события в хронологическом сокращении.

В качестве предисловия я должен попросить читателя сопровождать меня в некоторых размышлениях, которые не ускользнули от мессы Боссюэ, в отношении Александра. Этот принц, самый знаменитый и прославленный завоеватель во всей истории, был последним монархом своего рода. Македония, его древнее царство, которым его предки управляли столько веков, была захвачена со всех сторон как вакантное наследство; и после того как она долго была добычей сильнейших, она, наконец, перешла к другой семье. Если бы Александр продолжал мирно жить в Македонии, величие его империи не возбуждало бы честолюбия его военачальников, и он мог бы передать скипетр своих предков своим потомкам; но поскольку он не установил никаких границ своей власти, он способствовал разрушению своего дома, и мы увидим истребление его семьи, без малейших следов их в истории. Его завоевания вызвали огромное количество крови, а его полководцы получили повод убивать друг друга. Таковы были последствия хваленой храбрости Александра, или, скорее, той жестокости, которая, прикрываясь честолюбием и славой, сеяла опустошение, огнем и мечом проносилась по целым провинциям без малейшего повода и проливали кровь множества людей, которые никогда не причиняли ему вреда.

Однако мы не должны думать, что Провидение оставило эти события на волю случая; но, поскольку оно тогда готовило все к приближающемуся появлению Мессии, оно бдительно следило за тем, чтобы объединить все народы, которые должны были быть сначала просвещены Евангелием, использованием одного и того же языка, который был языком Греции; и то же самое Провидение сделало так, что они должны были выучить этот иностранный язык, подчинив их [pg cxv] таким мастерам, которые не говорили ни на каком другом. Таким образом, Божество посредством этого языка, который стал более

распространенным и универсальным, чем любой другой, облегчило проповедь апостолов и сделало ее более единообразной.

Раздел империи Александра Македонского между полководцами этого князя сразу после его смерти не продолжался долгое время и едва ли имел место, если не считать Египта, где впервые утвердился Птолемей и на троне которого он всегда держался, не признавая над собой никакого начальства.

А.М. 3704. Ant. J.C. 300.

Только после битвы при Ипсе во Фригии, в которой Антигон и его сын Деметрий, прозванный Полиоркетом, потерпели поражение, а первый лишился жизни, этот раздел был полностью урегулирован и закреплён. Затем империя Александра была разделена на четыре царства по торжественному договору, как и было предсказано Даниилом. Птолемию достались Египет, Ливия, Аравия, Келесирия и Палестина. Кассандр, сын Антипатра, получил Македонию и Грецию. Лисимах получил Фракию, Вифинию и некоторые другие провинции по ту сторону Геллеспонта и Босфора. А Селевку досталась Сирия и вся та часть Большой Азии, которая простиралась по ту сторону Евфрата и до реки Инд.

Из этих четырех царств Египет и Сирия существовали почти без перерыва, в одних и тех же семьях, через длинную череду принцев. Царство Македонии имело несколько правителей из разных семей. Фракийское царство в конце концов разделилось на несколько ветвей и перестало составлять единое целое, благодаря чему все следы регулярной преемственности прекратились.

I. Египетское царство.

В царстве Египта было четырнадцать монархов, включая Клеопатру, после смерти которой эти владения стали провинцией Римской империи. Все эти принцы носили общее имя Птолемей, но каждый из них также отличался особой фамилией. Они также носили прозвище Лагиды, от Лагуса, отца того Птолемея, который первым воцарился в Египте. Четвертый и пятый тома содержат истории шести из этих царей, и я укажу здесь их имена и продолжительность их правления, первое из которых началось сразу после смерти Александра Македонского.

3680 Г. Н.Э.

Птолемей Сотер. Царствовал тридцать восемь лет и несколько месяцев.

[pg cxvvi].

3718 Г. Н.Э.

Птолемей Филадельф. Царствовал сорок лет, включая два года правления при жизни отца.

3758.

Птолемей Эвргет, двадцать пять лет.

3783.

Птолемей Филопатор, семнадцать лет.

3800.

Птолемей Эпифан, двадцать четыре года.

3824.

Птолемей Филометор, тридцать четыре года.

II. Сирийское царство.

В Сирийском царстве было двадцать семь царей; очевидно, что их царствования часто были очень короткими, и некоторые из этих принцев взошли на трон через кровь своих предшественников.

Их обычно называют Селевкидами, от Селевка, который первым воцарился в Сирии. История насчитывает шесть царей с этим именем и тринадцать, которые называются именем Антиоха; но все они отличаются разными фамилиями. Другие из них носили разные имена, а последний, Антиох XIII, назывался то Епифаном, то Азиатом, то Коммагеном. В свое правление Помпей превратил Сирию в римскую провинцию, которой, согласно Евсевию, управляли цари в течение двухсот пятидесяти лет.

Царей Сирии, сведения о правлении которых содержатся в четвертом и пятом томах, всего восемь.

3704 Г. Н.Э.

Селевк Никатор. Царствовал двадцать лет.

3724.

Антиох Сотер, девятнадцать лет.

3743.

Антиох Теос, пятнадцать лет.

3758.

Селевк Каллиник, двадцать лет.

3778.

Селевк Церавн, три.

3781.

Антиох Великий, тридцать шесть.

3817.

Селевк Филопатор, двенадцать лет.

3829.

Антиох Эпифан, брат Селевка Филопатора, одиннадцать лет.

III. Македонское царство.

3707 Г. Н.Э.

Македония часто меняла своих хозяев после торжественного раздела между четырьмя князьями. Кассандр умер через три или четыре года после раздела, оставив трех сыновей. Филипп, старший, умер вскоре после отца. Двое других претендовали на корону, но так и не смогли ею воспользоваться: оба умерли вскоре после этого без потомства.

3710.

Деметрий Полиоркет, Пирр и Лисимах стали хозяевами всей или большей части Македонии; [pg sxxviii] иногда вместе, а иногда по отдельности.

3723 Г. Н.Э.

После смерти Лисимаха Селевк овладел Македонией, но недолго наслаждался ею.

3724.

Птолемей Церавн, убив предыдущего царевича, захватил царство и владел им очень недолго, погибнув в битве с галлами, которые вторглись в эту страну.

3726.

Сосфен, победивший галлов, недолго царствовал в Македонии.

3728.

Антигон Гонатас, сын Деметрия Полиоркета, получил мирное владение Македонским царством и передал его своим потомкам, процарствовав тридцать четыре года.

3762.

Ему наследовал его сын Деметрий, который царствовал десять лет, а затем умер, оставив сына по имени Филипп, которому было всего два года.

3772.

Антигон Досон царствовал двенадцать лет в качестве опекуна юного принца.

3784.

Филипп, после смерти Антигона, взошел на престол в возрасте четырнадцати лет и царствовал более сорока лет.

3824.

Его сын Персей стал его преемником и царствовал около одиннадцати лет. Он был побежден и взят в плен Павлом Эмилием, и Македония, в результате этой победы, была присоединена к провинциям Римской империи.

IV. Царство Фракия, Вифиния и т. д.

Это четвертое царство, состоящее из нескольких отдельных провинций, весьма удаленных друг от друга, не имело преемственности князей и недолго просуществовало в своем первом состоянии; Лисимах, который первым получил его, был убит в сражении после

двадцатилетнего правления, а вся его семья была истреблена убийствами, его владения были расчленены и больше не составляли одного царства.

Кроме провинций, которые были разделены между полководцами Александра, были и другие, которые либо образовались раньше, либо были возведены в различные государства, независимые от греков, чья власть со временем значительно возросла.

Цари Вифинии

3686.

В то время как Александр расширял свои завоевания на востоке, Зифет заложил основы царства [pg sxxviii] Вифинии. Неизвестно, кем был этот Зипетус, разве что [Павсаний](#)²⁴⁶, исходя из его имени, предполагает, что он был фракийцем. Его преемники, однако, более известны.

3726 Г. Н.Э.

Никомед I. Этот принц пригласил галлов помочь ему против его брата, с которым он вел войну.

Прусий I.

3820.

Прусий II, по прозвищу Охотник, при дворе которого Ганнибал укрылся и помогал ему советами в войне с Евменом II, царем Пергама.

Никомед II. был убит своим сыном Сократом.

Никомед III. получил помощь римлян в войне с Митридатом и после смерти завещал им царство Вифиния в знак благодарности, благодаря чему эти территории стали римской провинцией.

Цари Пергама

Поначалу это царство включало в себя лишь одну из самых маленьких провинций Мизии, расположенную на побережье Эгейского моря, напротив острова Лесбос.

3721 Г. Н.Э. Ant. J.C. 283.

Его основал Филетар, евнух, служивший под началом Докима, командующего войсками Антигона. Лисимах доверил ему сокровища, хранившиеся в замке города Пергама, и после смерти князя он стал хозяином и их, и города. Он управлял этим маленьким государством в течение двадцати лет, а затем оставил его своему племяннику Эвмену.

3741 Г. Н.Э. Ant. J.C. 263.

Евмен I расширил свое княжество, присоединив к нему несколько городов, которые он отнял у царей Сирии, победив в битве Антиоха, сына Селевка. Он царствовал двадцать два года.

3763 Г. Н.Э. Ant. J.C. 241.

Ему наследовал Аттал I., его двоюродный брат-германец, который принял титул царя после завоевания галатов и передал его своим потомкам, которые пользовались им до третьего

поколения. Он помогал римлянам в войне с Филиппом и умер после сорокатрехлетнего царствования. Он оставил четырех сыновей.

3807 Г. Н.Э. Ant. J.C. 197.

Его преемником стал Евмен II, старший сын, основавший знаменитую библиотеку в Пергаме. Он царствовал тридцать девять лет и оставил корону своему брату Атталу, в качестве опекуна одного из своих сыновей, [pg sxxix], которого он имел от Стратоники, сестры Ариаратеса, царя Каппадокии. Римляне значительно расширили его владения после победы над Антиохом Великим.

3845 Г. Н.Э. Ant. J.C. 159.

Аттал II. женился на вдове своего брата Стратонике и проявлял исключительную заботу о племяннике, которому он оставил корону, после того как носил ее двадцать один год.

3866 Г. Н.Э. Ant. J.C. 138.

Аттал III, прозванный Филометором, отличался варварским и экстравагантным поведением. Он умер, процарствовав пять лет, и завещал свои богатства и владения римлянам.

3871 Г. Н.Э. Ant. J.C. 133.

Аристоник, претендовавший на престол, пытался отстоять свои притязания перед римлянами, но Пергамское царство после четырехлетней войны было превращено в римскую провинцию.

Цари Понта.

3490 Г. Н.Э. Ant. J.C. 514.

Понтийское царство в Малой Азии было в древности отделено от Персидской монархии Дарием, сыном Гистасписа, в пользу Артабаза, который, как утверждают некоторые историки, был сыном одного из тех персидских владык, которые составили заговор против волхвов.

Понт - область Малой Азии, расположенная частично вдоль побережья Эвксинского моря (Понт Эвксинский), от которого и происходит его название. Он простирается от реки Галис до Колхиды. Со времен Артабаза в этой стране царствовало несколько князей.

3600 Г. Н.Э. Ant. J.C. 404.

Шестым монархом был Митридат I, которого правильно считать основателем Понтийского царства, и его имя носили все его преемники.

3641 Г. Н.Э. Ant. J.C. 363.

Ему наследовал его сын Ариобарзанес, который управлял Фригией при Артаксерксе Мнемоне: он царствовал двадцать шесть лет.

A.M. 3667. Ant. J.C. 337.

Его преемником был Митридат II. Антигон, заподозрив во сне, что он благоволит Кассандру, решил его уничтожить, но тот избежал опасности бегством. Этот царевич был назван Κτιστής, или *Основатель*, и царствовал тридцать пять лет.

3702 Г. Н.Э. Ant. J.C. 302.

Сменивший его Митридат III присоединил к своим владениям Каппадокию и Пафлагонию и царствовал тридцать шесть лет.

После правления двух других царей на престол взошел Митридат IV, великий [pg sxxx] дед Митридата Великого, который взял в жены дочь Селевка Каллиника, царя Сирии, от которой у него родилась Лаодикия, бывшая замужем за Антиохом Великим.

3819 Г. Н.Э. Ant. J.C. 185.

Ему наследовал его сын Фарнак, у которого были разногласия с царями Пергама. Он стал хозяином Синопа, который впоследствии превратился в столицу Понтийского царства.

После него царствовал Митридат V., по имени Эвргет, первый, кого называли другом римлян, потому что он помогал им против карфагенян в третьей Пунической войне.

3880 Г. Н.Э. Ant. J.C. 124.

Ему наследовал его сын Митридат VI, по имени Евпатор. Это тот самый великий Митридат, который вел столь долгую войну с римлянами: он царствовал шестьдесят шесть лет.

Цари Каппадокии.

Страбон сообщает нам,²⁴⁷ что Каппадокия была разделена на две сатрапии, или правительства, при персах, как и при македонцах. Приморская часть Каппадокии составляла Понтийское царство, а другие районы - собственно Каппадокию, или Большую Каппадокию, которая простиралась вдоль горы Тавр и на большое расстояние за ней.

3682 Г. Н.Э. Ant. J.C. 322.

Когда полководцы Александра разделили между собой провинции его империи, Каппадокией управлял принц по имени Ариаратес. Пердикка напал на него и победил, после чего был убит.

Через некоторое время после этого события его сын Ариаратес вновь вступил в царство своего отца и утвердился в нем настолько прочно, что оставил его своим потомкам.

Большинство его преемников носили то же имя и займут свое место в дальнейшей истории.

Каппадокия после смерти Архелая, последнего из ее царей, стала провинцией Римской империи, как и остальная Азия примерно в то же время.

Цари Армении.

Армения, обширная страна Азии, простиравшаяся по обе стороны Евфрата, была завоевана персами; после этого она [pg sxxxi] вместе с остальной империей перешла к македонцам, а в конце концов попала в руки римлян. В течение долгого времени им управляли собственные цари, самым значительным из которых был Тигран, взявший в жены дочь великого понтийского царя Митридата и также участвовавший в длительной войне с римлянами. Это царство много лет находилось между Римской и Парфянской империями, то завися от одной, то от другой, пока, наконец, римляне не стали его хозяевами.

Цари Эпира.

Эпир - провинция Греции, отделенная от Фессалии и Македонии горой Пинд. Самым могущественным народом этой страны были молоссы.

Цари Эпира претендовали на происхождение от Пирра, сына Ахилла, который обосновался в этой стране, и называли себя Эакидами, от Эака, деда Ахилла.

Родословная последних царей, которые были единственными государями этой страны, о которых сохранились какие-либо сведения, приводится авторами по-разному и, следовательно, должна быть сомнительной и [неясной](#)²⁴⁸.

Аримбас вззошел на престол после долгой череды царей, и поскольку он был еще очень молод, эпирские властители, понимавшие, что благосостояние народа зависит от правильного воспитания принцев, отправили его в Афины, которые были резиденцией и центром всех искусств и наук, чтобы он приобрел в этой прекрасной школе знания, необходимые для формирования ума царя. Там он научился искусству правления, и поскольку он превзошел всех своих предков в способностях и знаниях, то в результате был бесконечно более почитаем и любим своим народом, чем они.²⁴⁹ Вернувшись из Афин, он издал законы, учредил сенат и магистратуру и определил форму правления.

Неоптолем, чья дочь Олимпия вышла замуж за македонского царя Филиппа, благодаря влиянию своего зятя получил равную долю в царской власти со старшим братом Аримбасом. После смерти Аримбаса его преемником должен был стать его сын Иацид, но Филипп имел еще достаточно влияния, чтобы добиться его изгнания из царства молосцами, которые установили Александра, сына Неоптолема, единственным монархом Эпира.

[pg cxxxii]

Александр взял в жены Клеопатру, дочь Филиппа, и отправился с войском в Италию, где погиб в стране брутиев.

Затем на престол вззошел Эакид и без соратников воцарился в Эпире. Он взял в жены Фтию, дочь фессалийца Менона, от которой имел двух дочерей, Дейдамию и Троию, и одного сына, знаменитого Пирра.

Когда он шел на помощь Олимпии, его войска взбунтовались против него, осудили его на изгнание и перебили большинство его друзей. Пирр, который тогда был еще младенцем, счастливо избежал этой расправы.

Неоптолем, принц крови, но чье происхождение малоизвестно, был посажен на трон жителями Эпира.

Пирр, отозванный своими подданными в возрасте двенадцати лет, сначала разделил власть с Неоптолемом, но затем, лишив его сана, стал править один.

3733 Г. Н.Э. Ant. J.C. 271.

В этой истории речь пойдет о различных приключениях этого принца. Он умер в городе Аргосе, когда пытался стать его хозяином.

Его сын Геленус некоторое время царствовал после него в Эпире, который впоследствии был присоединен к Римской империи.

Тираны Гераклеи.

Гераклея - город в Понте, основанный в древности беотийцами, которые отправили колонию в эту страну по приказу оракула.

Когда афиняне, покорив персов, обложили города Греции и Малой Азии данью для снаряжения и содержания флота, предназначенного для защиты общей свободы, жители Гераклеи, в силу своей привязанности к персам, были единственным народом, который отказался согласиться на столь справедливое [пожертвование](#)²⁵⁰. Поэтому Ламах был послан против них и опустошил их территории; но сильная буря уничтожила весь его флот, и он увидел себя брошенным на милость этого народа, чья врожденная свирепость, естественно, могла усилиться из-за сурового обращения, которому они подверглись в последнее время. Но они не прибегли к другой мести, кроме [доброты](#)²⁵¹; они снабдили его провизией и войсками для возвращения и были готовы [pg sxxxiii] рассматривать грабежи, совершенные в их стране, как выгодные для них, если за это они смогут обратить вражду афинян в дружбу.

3640 Г. Н.Э. Ant. J.C. 364.

Через некоторое время после этого события население Гераклеи подняло сильное волнение против богатых граждан и сенаторов, которые, безрезультатно обратившись за помощью сначала к афинянину Тимофею, а затем к фиванцу Эпаминонду, были вынуждены призвать на свою защиту сенатора Клеарха, которого сами изгнали; но его изгнание не улучшило его нравов и не сделало его лучшим гражданином, чем он был прежде. Поэтому он решил подчинить город своим интересам, чтобы подчинить его своей власти. С этой целью он открыто выступил в защиту народа, добился того, что его наделили высшей должностью в магистратуре, и за короткое время принял на себя суверенную власть. Став таким образом исповедуемым тираном, он не нашел ни одного вида насилия, к которому не прибег бы против богачей и сенаторов, чтобы насытить свою алчность и жестокость. В качестве образца он выбрал Дионисия Тирана, который в то же время установил свою власть над сиракузянами.

После тяжелого и бесчеловечного рабства, длившегося двенадцать лет, двое молодых граждан, которые были учениками Платона и были обучены его наставлениям, составили заговор против Клеарха и убили его; но, хотя они освободили свою страну от тирана, тирания все еще продолжала существовать.

А.М. 3652. Ant. J.C. 352.

Тимофей, сын Клеарха, занял его место и продолжал его дело в течение пятнадцати [лет](#)²⁵².

А.М. 3667. Ant. J.C. 337.

Его сменил брат Дионисий, которому грозила опасность лишиться власти из-за Пердикки; но так как последний был вскоре уничтожен, Дионисий заключил дружбу с Антигоном, которому он помогал против Птолемея в Кипрской [войне](#)²⁵³.

Он взял в жены Амастриду, вдову Кратера и дочь Оксиатра, брата Дария. Этот союз придал ему столько мужества, что он принял титул царя и расширил свои владения за счет нескольких мест, которые он захватил на границе Гераклеи.

3700 Г. Н.Э. Ant. J.C. 304.

Он умер за два или три года до битвы при Ипсусе, после тридцатитрехлетнего правления, оставив двух сыновей и дочь под опекой и регентством Амастриды.

[pg cxxxiv]

Эта принцесса была счастлива в своем правлении благодаря привязанности, которую питал к ней Антигон. Она основала город и назвала его своим именем; в него она переселила жителей трех других городов, а после смерти Антигона обвенчалась с [Лисимахом](#)²⁵⁴.

Цари Сиракуз.

3735 Г. Н.Э. Ant. J.C. 269.

Иеро и его сын Иероним царствовали в Сиракузах; первый - пятьдесят четыре года, второй - всего один год.

A.M. 3789. Ant. J.C. 215.

Сиракузы вернули себе свободу после смерти последнего, но продолжали действовать в интересах карфагенян, которых Иероним заставил их принять.

A.M. 3791. Ant. J.C. 213.

Его поведение заставило Марцелла приступить к осаде этого города, который он взял в следующем году. Я подробнее остановлюсь на истории этих двух царей в другом месте.

Другие цари.

Несколько царей также правили на Киммерийском Босфоре, а также во Фракии, Кирене в Африке, Пафлагонии, Колхиде, Иберии, Албании и множестве других мест; но их история очень неопределенна, и их преемственность не отличается регулярностью.

Совсем иначе обстоят дела с царством парфян, которые, как мы увидим в дальнейшем, превратились в столь могущественную монархию, что стали грозными даже для Римской империи. Царство бактрийцев получило свое начало примерно в тот же период: Я расскажу о каждом из них в соответствующих местах.

[pg cxxxv]

Каталог изданий основных греческих авторов, цитируемых в этой работе.

ГЕРОДОТ. Francof. An. 1608.

ФУКИДИД. Apud Henricum Stephanum, An. 1588.

КСЕНОФОНТ. Lutetiæ Parisiorum, apud Societatem Græcarum Editionum, An. 1625.

POLYBIUS. Parisiis, An. 1609.

DIODORUS SICULUS. Hanoviæ, Typis Wecheliani, An 1604.

ПЛУТАРХ. Lutetiæ Parisiorum, apud Societatem Græcanum Editionum, An. 1624.

STRABO. Lutetiæ Parisiorum, Typis regiis, An. 1620.

ATHENÆUS. Lugdani, An. 1612.

ПАВСАНИЙ. Hanoviæ, Typis Wecheliani, An. 1613.

АППИАН АЛЕКСАНДР. Apud Henric. Stephan. An. 1592.

ПЛАТОН. Ex novâ Joannis Serrani interpretatione. Apud Henricum Stephanum, An. 1578.

ARISTOTELES. Lutetiæ Parisiorum, apud Societatem Græcarum Editionum, An. 1619.

ИСОКРАТ. Apud Paulum Stephanum, An. 1604.

ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ. Apud Henricum Stephanum, An. 1594.

ДЕМОСФЕН. Francof. An. 1604.

АРРИАНУС. Lugd. Batav. An. 1704.

[pg 001]

Книга первая. Древняя история египтян.

Часть первая. Описание Египта: с рассказом обо всем самом любопытном и примечательном в этой стране.

В древности Египет включал в себя, в пределах не очень большой территории, огромное количество городов,²⁵⁵ и невероятное множество жителей.

На востоке он ограничен Красным морем и Суэцким перешейком, на юге - Эфиопией, на западе - Ливией, а на севере - Средиземным морем. Нил протекает с юга на север через всю страну, его длина составляет около двухсот лиг. С каждой стороны эта страна окружена грядой гор, которые очень часто оставляют между подножием холмов и рекой Нил участок земли длиной не более половины дня пути,²⁵⁶ а иногда и меньше.

С западной стороны равнина местами становится шире и простирается на двадцать пять или тридцать лиг. Наибольшая ширина Египта - от Александрии до Дамьетты - составляет около пятидесяти лиг.

Древний Египет можно разделить на три основные части: Верхний Египет, иначе называемый Фиваида, который был самой [pg 002] южной частью; Средний Египет, или Гептаномис, названный так из-за семи номов или районов, которые он содержал; Нижний Египет, который включал то, что греки называют Дельтой, и всю страну до Красного моря, и вдоль Средиземного моря до Риноколуры, или горы Казий. При Сесострисе весь Египет стал единым царством и был разделен на тридцать шесть правительств, или номов: десять в Фивах, десять в Дельте и шестнадцать в стране между ними²⁵⁷.

Города Сиена и Элефантина отделяли Египет от Эфиопии, а во времена Августа были границами Римской империи: *Claustra olim Romani Imperii*, Tacit. Annal. Lib. ii. cap. 61.

Глава I. Фивы.

Фивы, от которых Фивы получили свое название, могли бы соперничать с самыми благородными городами во вселенной. Ее сто ворот, прославленные Гомером²⁵⁸, известны повсеместно, и она получила фамилию Гекатомпилос, чтобы отличить ее от других Фив в Беотии. Его население было пропорционально его размерам, и, согласно истории, он мог выслать сразу двести колесниц и десять тысяч воинов у каждых своих ворот.²⁵⁹ Греки и римляне отмечали его великолепие и величие, хотя видели его только в руинах; настолько величественными были останки этого города.²⁶⁰

В Фиваиде, который сейчас называется Саид, были обнаружены храмы и дворцы, которые до сих пор сохранились почти целиком, украшенные бесчисленными колоннами и статуями.²⁶¹ Особенно восхищает один дворец, остатки которого, кажется, существовали только для того, чтобы затмить славу самых помпезных сооружений. Четыре аллеи, простирающиеся дальше, чем может видеть глаз, и ограниченные с каждой стороны сфинксами, сделанными из материалов столь же редких и необычных, сколь и поразительных размеров, служат проходами к четырем портикам, высота которых поражает воображение. И даже те, кто дал нам описание этого удивительного сооружения, не успели обойти его вокруг, и не уверены, что видели больше половины: однако то, что они успели увидеть, было удивительно". Зал [pg 003], который, по всей видимости, стоял посреди этого величественного дворца, поддерживали сто двадцать колонн, шесть сажений в окружности, соразмерной высоты, и перемежались с обелисками, которые столько веков не могли разрушить. В этом здании живопись проявила все свое искусство и великолепие. Сами краски, на которых быстрее всего сказывается влияние времени, все еще остаются среди руин этого удивительного сооружения и сохраняют свою красоту и блеск; так счастливо египтяне могли запечатлеть характер бессмертия на всех своих произведениях. Страбон, который был на том месте, описывает храм, который он видел в Египте, очень похожий на тот, о котором я говорил²⁶².

Тот же автор, описывая диковинки Фиваиды²⁶³, говорит об очень известной статуе Мемнона, останки которой он видел. Говорят, что эта статуя, когда лучи восходящего солнца впервые осветили ее утром, издала членораздельный звук.²⁶⁴ И действительно, Страбон сам был свидетелем этого; но потом он сомневается, исходил ли звук от статуи.

Глава II. Средний Египет, или Гептаномис.

Столицей этой части Египта был Мемфис. В этом городе было много величественных храмов, в том числе храм бога Аписа, которого здесь почитали особым образом. О нем я расскажу позже, как и о пирамидах, которые стояли по соседству с этим местом и сделали его таким знаменитым. Мемфис располагался на западном берегу Нила.

Большой Каир, который, похоже, стал преемником Мемфиса, построен на другом берегу этой реки.²⁶⁵ Каирский замок - одна из величайших диковинок в Египте. Он стоит на холме за городом, имеет скалу для своего основания и окружен стенами огромной высоты и прочности. В замок можно подняться по вырубленному в скале пути, который настолько легок, что по нему без труда поднимаются груженные лошади и верблюды. Самая большая

редкость в этом замке - колодец Иосифа, названный так либо потому, что египтянам приятно приписывать все самое примечательное у них этому великому человеку, либо потому, что такая традиция сохранилась в стране. Это, по крайней мере, доказывает, что данная работа очень древняя; и она, безусловно, достойна великолепия самых могущественных царей Египта. Этот колодец имеет как бы два этажа, вырубленных в твердой скале на огромную глубину. Спуск к резервуару с водой, расположенному между двумя колодцами, осуществляется по лестнице шириной семь или восемь футов, состоящей из двухсот двадцати ступеней, и так устроенной, что волы, используемые для подъема воды, спускаются вниз со всей мыслимой легкостью, спуск почти не ощущается. Вода в колодец поступает из источника, который является практически единственным во всей стране. Волы постоянно вращают колесо с веревкой, к которой прикреплены несколько ведер. Вода из первого и самого нижнего колодца по каналу поступает в резервуар, который образует второй колодец, откуда она таким же образом набирается до верха, а затем по трубам подается во все части замка. Поскольку жители страны считают этот колодец очень древним, и в нем действительно много от античной манеры египтян, я подумал, что он может заслужить место среди диковинок Древнего Египта.

Страбон рассказывает о похожем механизме, который с помощью колес и шкивов поднимал воду Нила на вершину очень высокого холма; с той разницей, что вместо волов для вращения колес использовались сто пятьдесят [рабов266](#).

Часть Египта, о которой мы сейчас говорим, славится несколькими редкостями, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Я упомяну только основные, такие как обелиски, пирамиды, лабиринт, озеро Мёрис и Нил.

РАЗДЕЛ. I. ОБЕЛИСКИ. Египет, по-видимому, ставил своей главной задачей возведение памятников для потомков. Его обелиски и по сей день являются главным украшением Рима, благодаря своей красоте и высоте; а римская держава, отчаявшись сравняться с египтянами, сочла за честь позаимствовать памятники их царей.

[pg 005]

Обелиск - это четырехугольный, конический, высокий шпиль или пирамида, поднятая перпендикулярно и заканчивающаяся острием, чтобы служить украшением какой-либо открытой площади; очень часто он покрыт надписями или иероглифами, то есть мистическими знаками или символами, используемыми египтянами для сокрытия и маскировки их святынь и тайн их теологии.

Сесострис воздвиг в городе Гелиополе два обелиска из очень твердого камня, привезенного из каменоломен Сиены, на краю Египта.[267](#) Каждый из них был высотой в сто двадцать локтей, то есть тридцать сажений, или сто восемьдесят футов.[268](#) Император Август, сделав Египет провинцией империи, приказал перевезти эти два обелиска в Рим, один из которых впоследствии был разбит на куски. Он не осмелился сделать такую же попытку с третьим, который был чудовищных размеров.[269](#) Он был сделан в царствование Рамсеса: говорят, что на его вырубку было потрачено двадцать тысяч человек. Констанций, более смелый, чем Август, приказал перевезти его в Рим. Там до сих пор можно увидеть два таких обелиска, а также еще один высотой в сто локтей, или двадцать пять сажений, и диаметром в восемь локтей, или две сажени. Кай Цезарь привез его из Египта на корабле такой странной формы, что, по словам Плиния, подобного ему никогда не [видели270](#).

Подобными обелисками изобиловали все районы Египта; по большей части они были вырублены в каменоломнях Верхнего Египта, где некоторые из них и сейчас можно увидеть в

полуготовом виде. Но самое замечательное обстоятельство заключается в том, что древние египтяне должны были обладать искусством и умом, чтобы прорыть даже в самой каменоломне канал, по которому вода Нила текла во время его затопления; оттуда они затем поднимали колонны, обелиски и статуи на плотах,²⁷¹ соразмерно их весу, чтобы доставить их в Нижний Египет. А поскольку страна была повсюду изрезана каналами, было мало мест, куда нельзя было бы с легкостью доставить эти огромные тела, хотя их вес сломал бы любой другой механизм.

[pg 006]

РАЗДЕЛ. II. ПИРАМИДЫ. ПИРАМИДА - это твердое или полое тело, имеющее большое и, как правило, квадратное основание и заканчивающееся [острием](#)²⁷².

В Египте было три пирамиды, более известные, чем остальные, одна из которых справедливо причислена к семи чудесам света; они стояли недалеко от города Мемфиса. Здесь я остановлюсь только на самой большой из трех. Эта пирамида, как и остальные, была построена на скале, имела квадратное основание, вырубленное снаружи в виде множества ступеней и постепенно уменьшающееся к вершине. Она была сложена из камней огромного размера, наименьшие из которых достигали тридцати футов, вытесанных с удивительным искусством и покрытых иероглифами. По мнению нескольких древних авторов, каждая сторона была восемьсот футов в ширину и столько же в высоту. Вершина пирамиды, которая для тех, кто смотрел на нее снизу, казалась точкой, представляла собой прекрасную платформу, сложенную из десяти или двенадцати массивных камней, а каждая сторона этой платформы - шестнадцать или восемнадцать футов в длину.

М. де Шазель из Академии наук, который специально посетил это место в 1693 году, приводит следующие размеры:

Сторона квадратного основания 110 сажений; фронты - равносторонние треугольники, и поэтому площадь основания составляет 12100 квадратных сажений; высота перпендикуляра - 77-3/4 сажени; твердое содержимое - 313590 кубических сажений. На этой работе постоянно было занято сто тысяч человек, и каждые три месяца их сменяло столько же. Десять полных лет ушло на то, чтобы вытесать камни в Аравии или Эфиопии и доставить их в Египет; и еще двадцать лет - на строительство этого огромного сооружения, внутри которого было бесчисленное множество комнат и апартаментов. На пирамиде египетскими иероглифами были указаны суммы, которые стоили только чеснок, лук-порей, лук и другие овощи такого рода для рабочих; все это составляло шестнадцать сотен талантов серебра,²⁷³ то есть четыре миллиона пятьсот тысяч французских ливров; отсюда легко догадаться, какой огромной должна была быть сумма всех расходов.

Таковы знаменитые египетские пирамиды, которые своей фигурой, равно как и размерами, превозмогли повреждения времени [pg 007] и варваров. Но какие бы усилия ни прилагали люди, их ничтожество всегда будет проявляться. Эти пирамиды были гробницами; и до сих пор в центре самой большой из них можно увидеть пустой склеп, вырубленный из цельного камня, глубиной и шириной около трех футов, а длиной чуть больше шести футов.²⁷⁴ Таким образом, вся эта суеда, все эти расходы, все труды стольких тысяч людей в течение стольких лет закончились тем, что принц получил в этой огромной и почти безграничной громаде небольшой склеп длиной в шесть футов. Кроме того, цари, построившие эти пирамиды, не имели возможности быть похороненными в них, и поэтому не смогли насладиться усыпальницей, которую они построили. Общественная ненависть, которую они вызывали из-за своей неслыханной жестокости к подданным, возлагая на них столь тяжелые задачи,

послужила причиной того, что их погребли в каком-то безвестном месте, чтобы их тела не подвергались ярости и мести населения.

Это последнее обстоятельство, на которое историки обратили особое внимание, учит нас, какое суждение мы должны вынести об этих сооружениях, которыми так хвастались [древние](#)²⁷⁵. Справедливо отметить и почитать благородный гений, которым египтяне обладали в архитектуре; гений, который побуждал их с самых ранних времен, еще до того, как у них появились образцы для подражания, стремиться во всем к величественному и великолепному; стремиться к настоящей красоте, ни на йоту не отступая от благородной простоты, в которой заключается высшее совершенство этого искусства. Но какое представление мы должны составить о тех князьях, которые считали чем-то великим возведение множеством рук и с помощью денег огромных сооружений с единственной целью сделать свое имя бессмертным; и которые не гнушались уничтожать тысячи своих подданных, чтобы удовлетворить свою тщеславную славу! Они сильно отличались от римлян, которые стремились увековечить себя произведениями великолепными, но в то же время общественно полезными.

Плиний в нескольких [словах](#)²⁷⁶ дает нам справедливое представление об этих пирамидах, называя их глупой и бесполезной демонстрацией богатства египетских царей: *Regum pecuniæ otiosa ac stulta ostentatio*. И добавляет, что по справедливому наказанию память о них [pg 008] погребена в забвении; историки не согласны между собой относительно имен тех, кто первым воздвиг эти тщетные памятники: *Inter eos non constat à quibus factæ sint, justissimo casu oblitteratis tantæ vanitatis auctoribus*. Одним словом, по справедливому замечанию Диодора, промыслы зодчих этих пирамид не менее ценны и похвальны, чем замыслы египетских царей - презренны и смешны.

Но что нас должно больше всего восхищать в этих древних памятниках, так это истинное и постоянное свидетельство мастерства египтян в астрономии, то есть в науке, которая, кажется, не может быть доведена до совершенства, кроме как путем долгого ряда лет и большого количества наблюдений. М. де Шазель, измерив великую пирамиду, обнаружил, что четыре ее стороны повернуты точно к четырем четвертям света и, следовательно, показывают истинный меридиан этого места. А поскольку такое точное положение, по всей вероятности, было специально выбрано теми, кто нагромоздил эту огромную массу камней более трех тысяч лет назад, из этого следует, что за столь долгий промежуток времени не произошло никаких изменений в небесах в этом отношении, а также (что равнозначно) в полюсах Земли или меридианах. Это замечание М. де Фонтенель приводит в своем хвалебном отзыве о М. де Шазелле.

СЕКТА. III. ЛАБИРИНТ. То, что было сказано о суждении, которое мы должны составить о пирамидах, можно применить и к лабиринту, который, как уверяет Геродот, видевший его, был еще более удивительным, чем пирамиды.²⁷⁷ Он был построен на южной оконечности озера Мёрис, о котором мы еще упомянем, недалеко от города Крокодилов, того же самого, что и Арсиноя. Это был не столько один дворец, сколько великолепная громада, состоящая из двенадцати дворцов, расположенных в ряд и сообщающихся друг с другом. Пятнадцать сотен комнат, перемежающихся террасами, располагались вокруг двенадцати залов и не открывали выхода тем, кто приходил их осмотреть. Такое же количество зданий находилось под землей. Эти подземные сооружения были [pg 009] предназначены для погребения царей, а также (кто может говорить об этом без путаницы и без сожаления о человеческой слепоте!) для содержания священных крокодилов, которым народ, столь мудрый в других отношениях, поклонялся как богам.

Для того чтобы посетить комнаты и залы лабиринта, людям, как читатель, конечно, догадывается, необходимо было принять ту же предосторожность, которую Ариадна заставила принять Тесея, когда он был вынужден отправиться сражаться с Минотавром в лабиринте на Крите. Вергилий описывает это следующим образом:...

Ut quondam Cretâ fertur labyrinthus in altâ

Parietibus textum cæcis iter ancipitémque

Mille viis habuisse dolum, quâ signa sequendi

Falleret indeprencus et irremeabilis error.[278](#)

Híc labor ille domûs, et inextricabilis error.

Dædalus, ipse dolos tecti ambagésque resolvit,

Cæca regens filo vestigia.[279](#)

И как критский лабиринт древний,

С палочными путями и множеством извилистых складок,

Запутывал усталые ноги, не давая покоя,

В круглой ошибке, не дающей покоя:

Недалеко от этого места он попал в чудесный лабиринт;

Тысяча дверей, тысяча извилистых путей.

СЕКТА. IV. ОЗЕРО МЁРИС.[280](#) Самым благородным и замечательным из всех сооружений или работ царей Египта было озеро Мёрис: соответственно, Геродот считает его значительно превосходящим пирамиды и лабиринт. Поскольку Египет был более или менее плодородным в зависимости от разливов Нила, и поскольку во время этих разливов слишком большой или слишком малый подъем воды был одинаково губелен для земель, царь Мёрис, чтобы предотвратить эти два неудобства и исправить, насколько это было в его силах, неровности Нила, счел нужным призвать искусство на помощь природе; и так было вырыто озеро, которое впоследствии получило его имя. Озеро это имело в окружности около трех тысяч шестисот стадий, то есть около ста восьмидесяти французских лиг, и глубину в триста футов[281](#). Две пирамиды, на каждой из которых была установлена колоссальная статуя, восседающая на троне, подняли свои головы на высоту трехсот футов посреди озера, в то время как их основания занимали такое же пространство под водой; доказательство того, что они были возведены до заполнения полости, и [pg 010] демонстрация того, что озеро такой огромной протяженности было делом рук человека в правление одного принца. Вот что рассказывают несколько историков об озере Мёрис по свидетельству жителей страны. А месье Боссюэ, епископ Мо, в своем труде по всеобщей истории рассказывает обо всем этом как о факте. Со своей стороны, я признаюсь, что не вижу в этом ни малейшей вероятности. Разве можно представить, что озеро в сто восемьдесят лиг в окружности могло быть вырыто в правление одного принца? Каким образом и куда могла быть доставлена взятая из него земля? Что побудило египтян потерять поверхность такой большой земли? Каким образом они могли заполнить этот огромный участок излишними водами Нила? Можно привести множество других возражений. Поэтому, на мой взгляд, мы должны следовать за Помпонием Мела, древним географом; тем более что его рассказ подтверждают несколько современных путешественников. Согласно этому автору, это озеро составляет всего двадцать тысяч

шагов, то есть семь или восемь французских лиг в окружности. *Moëris, aliquando campus, nunc lacus, viginti millia passuum in circuitu patens.*²⁸²

Это озеро сообщалось с Нилом большим каналом, длиной более четырех [лиг](#)²⁸³ и шириной пятьдесят футов. Большие шлюзы открывали или закрывали канал и озеро в зависимости от случая.

Плата за их открытие или закрытие составляла пятьдесят талантов, то есть пятьдесят тысяч французских крон.²⁸⁴ Рыбная ловля на этом озере приносила монарху огромные суммы; но главная его польза была связана с переполнением Нила. Когда он поднимался слишком высоко и мог привести к фатальным последствиям, шлюзы открывали, и воды, получив свободный проход в озеро, покрывали земли не дольше, чем это было необходимо для их обогащения. Напротив, когда паводок был слишком мал и грозил голодом, из озера с помощью стоков выпускали достаточное количество воды, чтобы полить земли. Таким образом исправлялись неровности Нила; Страбон отмечает, что в его время, при Петронии, правителе Египта, когда уровень разлива Нила составлял двенадцать локтей, наступало очень большое изобилие; и даже когда он [pg 011] поднимался только до восьми локтей, недостаток почти не ощущался в стране; несомненно, потому, что воды озера восполняли недостаток воды при разливе с помощью каналов и стоков.

РАЗДЕЛ. V. НАВОДНЕНИЯ НИЛА. Нил - величайшее чудо Египта. Поскольку там редко идут дожди, эта река, орошающая всю страну своими регулярными наводнениями, восполняет этот недостаток, принося в качестве ежегодной дани дожди других стран, что заставило одного поэта гениально сказать: "Египетские пастбища, как бы велика ни была засуха, никогда не просят Юпитера о дожде".

Te propter nullos tellus tua postulat imbres,

*Arida nec pluvio supplicat herba Jovi.*²⁸⁵

Чтобы умножить столь благотворную реку, Египет был разрезан на множество каналов, длина и ширина которых соответствовали различным условиям и потребностям земель. Нил приносил плодородие повсюду своими благотворными потоками; соединял города один с другим, а Средиземное и Красное моря; поддерживал торговлю внутри страны и за рубежом и укреплял царство против врагов; так что он был одновременно питателем и защитником Египта.

Поля были отданы ему; а города, возведенные с огромным трудом и стоявшие как острова посреди вод, с радостью взирали на равнины, которые Нил переполнял и в то же время обогащал.

Таково общее представление о природе и действии этой реки, столь знаменитой среди древних. Но чудо, столь поразительное само по себе и служившее предметом любопытства и восхищения ученых во все века, требует более конкретного описания, в котором я буду максимально краток.

1. Истоки Нила Древние помещали истоки Нила в горах Луны (как их обычно называют), в 10-м градусе южной широты. Но наши современные путешественники обнаружили, что они находятся в 12-м градусе северной широты; таким образом они отрезали около четырех или пятисот лиг от русла, которое древние придавали этой реке. Она вытекает у подножия большой горы [pg 012] в королевстве Годжам в Абиссинии из двух источников, или глаз, если говорить на языке этой страны, одно и то же слово на арабском означает глаз и фонтан. Эти источники находятся в тридцати шагах друг от друга, каждый из них размером с один из

наших колодцев или каретное колесо. Нил разрастается множеством впадающих в него речушек и, пройдя через Эфиопию очень извилистым путем, впадает наконец в Египет.

2. Катаракты Нила - так называются некоторые участки Нила, где вода падает с отвесных скал.²⁸⁶ Эта река, которая сначала плавно скользила по обширным пустыням Эфиопии, прежде чем войти в Египет, проходит мимо катарактов. Затем она внезапно, вопреки своей природе, становится бурной и неистовой в тех местах, где ее сдерживают; наконец, преодолев все препятствия на своем пути, она низвергается с вершины некоторых скал на дно с таким громким шумом, что его слышно за три лиги.

Жители страны, привыкшие за долгую практику к этому виду спорта, представляют здесь путешественникам зрелище, которое скорее пугает, чем развлекает. Двое из них садятся в маленькую лодку: один направляет ее, другой сбрасывает воду. После того как они долго выдерживали натиск бушующих волн, ловко управляя своей лодкой, их уносит стремительный, как стрела, поток. Испуганный зритель воображает, что их поглотит пропасть, в которую они падают; когда Нил, вернувшись в свое естественное русло, снова обнаруживает их на значительном расстоянии, на своих гладких и спокойных водах. Это рассказ Сенеки, который подтверждают наши современные путешественники.

[pg 013]

3. Причины наводнений Нила Древние придумали много тонких причин для большого увеличения Нила, как можно видеть у Геродота, Диодора Сикула и Сенеки.²⁸⁷ Но теперь это уже не является предметом спора: почти все признают, что наводнения Нила вызваны большими дождями, которые выпадают в Эфиопии, откуда эта река течет. В результате этих дождей Нил разбухает до такой степени, что сначала Эфиопия, а затем Египет переполняются водой; и та река, которая сначала была просто большой, поднимается, как море, и охватывает всю страну.

Страбон отмечает,²⁸⁸ что древние только догадывались, что разливы Нила происходят из-за дождей, которые в большом количестве выпадают в Эфиопии; но добавляет, что с тех пор несколько путешественников были очевидцами этого; Птолемей Филадельф, который был очень любопытен во всем, что касалось искусств и наук, послал туда способных людей, чтобы специально исследовать этот вопрос и выяснить причину столь необычного и замечательного эффекта.

4. Время и продолжительность наводнений.- Геродот, а за ним Диодор Сикул и некоторые другие авторы утверждают, что Нил начинает разбухать в Египте во время летнего солнцестояния, то есть примерно в конце июня, и продолжает расти до конца сентября, а затем постепенно уменьшается в течение октября и ноября, после чего возвращается в свое русло и возобновляет свой обычный ход.²⁸⁹ Этот рассказ очень хорошо согласуется с мнением всех современных ученых и в действительности основан на естественной причине наводнений, а именно на дождях, которые выпадают в Эфиопии. Согласно постоянным свидетельствам тех, кто был на месте, эти дожди начинаются в апреле и продолжаются в течение пяти месяцев, до конца августа и начала сентября. Увеличение Нила в Египте должно, следовательно, начинаться через три недели или месяц после того, как дожди начнут выпадать в Абиссинии; и, соответственно, путешественники отмечают, что Нил начинает подниматься в мае, но сначала так медленно, что, вероятно, еще не выходит из берегов. Наводнение происходит не раньше конца июня и длится три последующих месяца, согласно Геродоту.

[pg 014]

Я должен обратить внимание тех, кто обращается к оригиналам, на противоречие в этом месте между Геродотом и Диодором, с одной стороны, и между Страбоном, Плинием и Солинусом, с другой. Последние сильно сокращают продолжительность наводнения и полагают, что Нил отходит от земли через три месяца или сто дней. И что еще более затрудняет дело, так это то, что Плиний, похоже, основывает свое мнение на свидетельстве Геродота: *In totum autem revocatur Nilus intra ripas in Librá, ut tradit Herodotus, centesimo die*. Я оставляю на усмотрение ученых разрешение этого противоречия.

5. Высота наводнений.²⁹⁰ Справедливая высота наводнения, согласно Плинию, составляет шестнадцать локтей.²⁹⁰ Когда она поднимается до двенадцати или тринадцати, возникает угроза голода; когда же она превышает шестнадцать, возникает опасность. Следует помнить, что локоть равен полутора футам. Император Юлиан в письме к Эктицию, префекту Египта,²⁹¹ отмечает, что высота разлива Нила составляла пятнадцать локтей 20 сентября 362 года. Древние не вполне согласны друг с другом, равно как и современные, относительно высоты разлива; но разница не очень значительна и может происходить: 1. от несоответствия между древними и современными мерами, которые трудно оценить с твердой и определенной точки зрения; 2. от небрежности наблюдателей и историков; 3. от реальной разницы в увеличении Нила, которая была не столь велика, чем ближе он подходил к морю.

Поскольку богатство Египта зависело от разлива Нила, все обстоятельства и различные степени его увеличения были тщательно изучены; и с помощью длинного ряда регулярных наблюдений, проводившихся в течение многих лет, само разлитие определяло, какой урожай может принести следующий год²⁹². Цари установили в Мемфисе меру, на которой отмечали эти различные приросты; отсюда извещали весь остальной Египет, жители которого благодаря этому заранее знали, чего они могут опасаться [pg 015] или обещать себе от урожая. Страбон говорит о колодце на берегу Нила возле города Сиена, сделанном для этой цели²⁹³.

Тот же обычай соблюдается и по сей день в Большом Каире. Во дворе мечети стоит столб, на котором отмечены степени повышения уровня Нила, и каждый день во всех частях города глашатаи объявляют, как высоко он поднялся. Дань, выплачиваемая Великому синьору за земли, регулируется в зависимости от наводнения. День, когда он поднимается на определенную высоту, считается большим праздником и отмечается фейерверками, пиршествами и всеми проявлениями народного ликования; и в самые отдаленные века разливы Нила всегда сопровождалась всеобщей радостью во всем Египте, который был источником его счастья.

Язычники приписывали разливы Нила своему богу Серапису; столб, на котором было отмечено увеличение, религиозно хранился в храме этого идола.²⁹⁴ Император Константин приказал перенести его в Александрийскую церковь, египтяне распространили сообщение, что Нил больше не будет подниматься из-за гнева Сераписа; но река разлилась и увеличилась, как обычно, в последующие годы. Юлиан Отступник, ревностный защитник идолопоклонства, заставил заменить этот столб в том же храме, из которого он был снова удален по повелению Феодосия.

6. Каналы Нила и спиральные насосы - Божественное Провидение, дав Египту столь благодатную реку, не предполагало, что его жители будут бездействовать и пользоваться столь великим благословением, не прилагая к этому никаких усилий. Естественно предположить, что, поскольку Нил не мог сам по себе покрыть всю страну, пришлось приложить немало труда, чтобы облегчить разливы земель, и прорыть бесчисленные каналы,

чтобы провести воды во все уголки. Деревни, стоящие густо на берегах Нила на возвышенностях, имеют каждая свои каналы, которые открываются в нужное время, чтобы пустить воду в страну. Более отдаленные деревни также имеют свои каналы, вплоть до самых окраин королевства. Таким образом, вода последовательно доставляется в самые отдаленные места. Людям не разрешается прорубать каналы для приема вод, пока [pg 016] реки не достигнет определенной высоты; не разрешается также открывать их все сразу, потому что в противном случае одни земли будут слишком сильно переполнены, а другие недостаточно покрыты. Они начинают открывать их в Верхнем, а затем в Нижнем Египте, согласно правилам, предписанным в валике или книге, в которой точно указаны все меры. Таким образом, воду берегут с такой тщательностью, что она распространяется по всем землям. Страны, которые переполняет Нил, так обширны, лежат так низко, а количество каналов так велико, что считается, что из всех вод, которые текут в Египет в июне, июле и августе, до моря не доходит и десятой части.

Но так как, несмотря на все эти каналы, в изобилии остаются возвышенные земли, которые не могут получить выгоду от переполнения Нила; эту нужду удовлетворяют спиральные насосы, которые вращают воли, чтобы влить воду в трубы, по которым она поступает в эти земли. Диодор говорит о подобном двигателе, изобретенном Архимедом во время его путешествия в Египет, который называется *Cochlea Ægyptia*.²⁹⁵

7. Плодородие, вызванное Нилом - Нет в мире страны, где почва была бы более плодородной, чем в Египте; это происходит исключительно благодаря Нилу. Ибо в то время как другие реки, разливаясь, смывают и истощают живительную влагу, Нил, напротив, благодаря превосходной слизи, которую он приносит с собой, откармливает и обогащает их таким образом, что в достаточной степени компенсирует то, что было потеряно в результате предыдущего урожая.²⁹⁶ Земледелец в этой стране никогда не устает держать плуг или разбивать комья земли. Как только Нил отступает, ему ничего не остается делать, как разворошить землю и присыпать ее небольшим количеством песка, чтобы уменьшить ее твердость; после этого он засеивает ее с большой легкостью и почти без затрат. Через два месяца после этого она покрывается всеми видами кукурузы и бобовых. Египтяне обычно сеют в октябре и ноябре, по мере схода вод; а урожай собирают в марте и апреле.

Одна и та же земля приносит в один год три или четыре разных [pg 017] вида урожая. Сначала сеют огурцы и латук, затем кукурузу, а после сбора урожая - несколько видов бобовых, характерных для Египта. Поскольку солнце в этой стране очень жаркое, а дожди выпадают крайне редко, естественно предположить, что земля скоро бы пересохла, а кукуруза и бобовые сгорели от столь палящего зноя, если бы не каналы и водохранилища, которыми изобилует Египет и которые, отводя стоки, в достаточной мере обеспечивают водой и освежают поля и сады.

Не меньший вклад вносит Нил и в кормление скота, который является еще одним источником богатства Египта. Египтяне начинают выгонять их на пастбище в ноябре, и они пасутся до конца марта. Словами не передать, насколько богаты их пастбища и насколько тучными становятся отары и стада (которые, благодаря мягкости воздуха, находятся на улице днем и ночью) за очень короткий срок. Во время разлива Нила их кормят сеном и скошенной соломой, ячменем и бобами, которые являются их обычной пищей.

Невозможно, говорит Корнель де Брюин в своих "Путешествиях"²⁹⁷, не заметить восхитительное провидение Бога по отношению к этой стране, который посылает в определенный сезон такое большое количество дождей в Эфиопию, чтобы оросить Египет,

где дождей почти не бывает, и который таким образом заставляет самую сухую и песчаную почву стать самой богатой и плодородной страной во вселенной.

Следует также отметить, что (как говорят жители) в начале июня и в течение четырех последующих месяцев постоянно дуют северо-восточные ветры, чтобы сдерживать воды, которые в противном случае уходили бы слишком быстро, и не давать им сбрасываться в море, вход в которое эти ветры как бы отгораживают от них. Древние не упустили это обстоятельство.

То же самое Провидение, чьи пути чудесны и бесконечно разнообразны, проявило себя совершенно иначе в Палестине, сделав ее чрезвычайно [плодовитой](#)²⁹⁸; не дождями, которые выпадают в течение года, как обычно в других местах; не особым затоплением, как Нил в Египте; но посылая постоянные дожди в два сезона, когда Его [pg 018] народ был послушен Ему, чтобы они лучше осознали свою постоянную зависимость от Него. Сам Бог через Своего слугу Моисея повелевает им размышлять об этом: "Земля, в которую вы идете, чтобы овладеть ею, не та земля Египетская, из которой вы вышли, где вы сеяли семя ваше и поливали ее ногою вашею, как сад трав; но земля, в которую вы идете, чтобы овладеть ею, есть земля холмов и долин, и пьет воду от дождя небесного" ²⁹⁹.²⁹⁹ После этого Бог обещает давать Своему народу, пока он будет оставаться послушным Ему, "первый" и "второй дождь": первый осенью, чтобы поднять кукурузу, а второй весной и летом, чтобы она росла и созревала.

8. Различные виды, открывающиеся с берегов Нила... Не может быть прекраснее зрелища, чем Египет в два времени года. Ибо если человек поднимается на какую-нибудь гору или на одну из самых больших пирамид Большого Каира в июле и августе, он видит огромное море, в котором появляется множество городов и деревень, с несколькими проходами, ведущими из одного места в другое; все это перемежается рощами и фруктовыми деревьями, видны только их верхушки; все это образует восхитительную перспективу.³⁰⁰ Этот вид ограничен горами и лесами, которые заканчиваются на максимальном расстоянии, которое может обнаружить глаз, самым прекрасным горизонтом, который только можно себе представить. Напротив, зимой, то есть в январе и феврале, вся страна похожа на одну сплошную сцену прекрасных лугов, зелень которых, украшенная цветами, очаровывает глаз. Со всех сторон зритель видит стада и отары, рассеянные по всем равнинам, и бесконечное количество земледельцев и садоводов. Воздух благоухает от огромного количества цветов на апельсиновых, лимонных и других деревьях; он настолько чист, что лучше и приятнее не найти в мире; так что природа, будучи мертвой во всех других климатах, кажется живой только для столь восхитительного обиталища.

9. Канал, образованный Нилом, через который осуществлялось сообщение между двумя морями... Канал, через который [pg 019] осуществлялось сообщение между Красным морем и Средиземным, должен занять здесь место, поскольку он не был одним из наименьших преимуществ, которые Нил обеспечил Египту.³⁰¹ Сесострис, или, по мнению других, Псамметих, первым разработал проект и начал эту работу. Нехо, преемник последнего принца, выложил на нее огромные суммы и нанял огромное количество людей. Говорят, что в ходе работ погибло более шести десятков тысяч египтян. Он отказался от нее, напуганный оракулом, который сказал ему, что таким образом он откроет дверь для варваров (так они называли всех чужеземцев), чтобы войти в Египет. Работу продолжил Дарий, первый из этого рода; но и он отказался от нее, когда ему сказали, что, поскольку Красное море лежит выше Египта, оно утопит всю страну. Но при Птолемах канал был наконец закончен, и они с помощью шлюзов открывали или закрывали его по мере необходимости. Он начинался недалеко от Дельты, возле города Бубастус. Его ширина составляла сто локтей, то есть

двадцать пять сажений, так что по нему легко могли пройти два судна; глубина была достаточной, чтобы пропустить самые большие корабли, а длина составляла около тысячи стадий, то есть более пятидесяти лиг. Этот канал был очень полезен для торговли Египта. Но сейчас он почти засыпан, и от него почти ничего не осталось.

Глава III. Нижний Египет.

Теперь я расскажу о Нижнем Египте. Его форма, напоминающая треугольник, или дельту, Δ, послужила поводом для того, чтобы он носил последнее название, которое является названием одной из греческих букв. Нижний Египет образует своего рода остров; он начинается в том месте, где Нил разделяется на два больших канала, через которые он впадает в Средиземное море: устье с правой стороны называется Пелузийским, а другое - Канопическим, от двух городов, расположенных по соседству, Пелузиума и Канопуса, которые теперь называются Дамietta и Розетта. Между этими двумя крупными ветвями есть еще пять менее значимых. Этот остров - самая возделываемая, самая плодородная и самая богатая часть Египта. Его главными городами (очень древними) были Гелиополь, Гераклеополь, Наукратис, Саис, Танис, Канопус, Пелузий; а в последние [pg 020] времена - Александрия, Никополь и т. д. Израильтяне поселились в стране Танис.

В [Саисе](#)³⁰² находился храм, посвященный Минерве, которая, как предполагают, была тождественна Исиде, со следующей надписью: "Я есть то, что было, есть и будет; и ни один смертный еще не пробился сквозь завесу, окутывающую меня".

Гелиополис, то есть город солнца, был назван так из-за великолепного храма, посвященного этой планете.³⁰³ Геродот и другие авторы после него рассказывают некоторые подробности о Финиксе и этом храме, которые, если они правдивы, действительно были бы очень удивительными. Если верить древним, в мире никогда не бывает только одного вида птиц. Он выводится в Аравии, живет пять или шестьсот лет и размером с орла. Его голову украшает блестящий и самый красивый гребень, перья на шее золотистого цвета, а остальные - пурпурного, хвост белый, с примесью красного, а глаза сверкают, как звезды. Когда он стареет и видит, что его конец приближается, он строит гнездо из дерева и ароматных специй, а затем умирает. Из его костей и костного мозга вырастает червь, из которого формируется еще один Phoenix. Первой его заботой является торжественное отпевание родителя, для чего он делает шар в форме яйца с большим количеством благовоний мирры, настолько тяжелый, насколько он может унести, которые он часто набрасывает заранее; затем он делает в нем отверстие, куда кладет тело своего родителя, и тщательно закрывает его миррой и другими благовониями. После этого он взваливает драгоценный груз на плечи и, долетев до алтаря Солнца в городе Гелиополисе, сжигает его.

Геродот и Тацит оспаривают истинность некоторых обстоятельств этого рассказа, но, похоже, считают его правдивым в целом. Плиний, напротив, в самом начале своего рассказа о нем достаточно ясно намекает, что считает все это басней; таково же мнение и всех современных авторов.

Эта древняя традиция, хотя и основанная на явной неправде, все же ввела почти во все языки обычай давать название phoenix всему необычному и [pg 021] редкому в своем роде: Rara avis in terris, говорит [Ювенал](#)³⁰⁴, говоря о том, что трудно найти женщину, совершенную во всех отношениях. А Сенека говорит то же самое о хорошем [мужчине](#)³⁰⁵.

То, что говорят о лебедях, а именно, что они никогда не поют, кроме как в моменты смерти, и что тогда они воют очень мелодично, также основано лишь на вульгарной ошибке; и все же это используется не только поэтами, но и ораторами, и даже философами. О mutis quoque piscibus donatura cysni, si libeat, sonum,³⁰⁶ - говорит Гораций Мельпомене. Цицерон сравнивает прекрасную речь, которую Красс произнес в сенате за несколько дней до своей смерти, с мелодичным пением умирающего лебедя: Illa tanquam cysnea fuit divini hominis vox et oratio. De Orat. l. iii. n. 6. А Сократ говорил, что добрые люди должны подражать лебедям, которые, постигая тайным инстинктом и своего рода прорицанием, какая польза в смерти, умирают с пением и радостью: Providentes quid in morte boni sit, cum cantu et voluptate moriuntur. Tusc. Qu. l. i. n. 73. Я подумал, что это небольшое отступление может быть полезно для молодежи; а теперь вернемся к моей теме.

Именно в Гелиополе бык под именем Мневис почитался как бог.³⁰⁷ Камбиз, царь Персии, проявил свою святотатственную ярость в этом городе; он сжег храмы, разрушил дворцы и уничтожил самые ценные памятники древности в нем. До сих пор можно увидеть некоторые обелиски, избежавшие его ярости; другие были привезены оттуда в Рим, украшением которого они являются и по сей день.

Александрия, построенная Александром Македонским, от которого она получила свое название, почти не уступала по великолепию древним городам Египта. Она находится в четырех днях пути от Каира и раньше была главной торговой точкой всего Востока. Товары выгружались в [Портус-Муриус](#)³⁰⁸, городе на западном побережье Красного [моря](#)³⁰⁹, откуда их на верблюдах доставляли в город Фиваиды, называемый Кофт, а затем везли вниз по Нилу в Александрию, куда купцы съезжались со всех концов.

[pg 022]

Хорошо известно, что торговля на Востоке во все времена обогащала тех, кто ею занимался. Именно она была главным источником огромных сокровищ, которые собрал Соломон и которые позволили ему построить великолепный Иерусалимский храм. Завоевав Идумею, Давид стал хозяином Элата и Эсионгебера, двух городов, расположенных на восточном берегу Красного моря.³¹⁰ Из этих двух портов,³¹¹ Соломон посылал флоты в Офир и Таршиш, которые всегда возвращали огромные богатства.³¹² Этот транспорт, после того как им некоторое время пользовались сирийцы, отвоевавшие Идумею, перешел от них в руки тирийцев. Они доставляли все свои товары через Риноколуру (город-порт на море между Египтом и Палестиной) в Тир, откуда распространяли их по всему западному миру.³¹³ Таким образом, тирийцы чрезвычайно обогатились под властью Персидской империи, благодаря благосклонности и защите монархов которой они полностью владели этой торговлей. Но когда Птолемеи стали хозяевами Египта, они вскоре привлекли всю эту торговлю в свое царство, построив Беренику и другие порты на западной стороне Красного моря, принадлежащие Египту; и основали свой главный торговый центр в Александрии, которая таким образом стала городом величайшей торговли в мире. Там она продолжалась в течение многих веков; и вся торговля, которую западные части мира с того времени вели с Персией, Индией, Аравией и восточными берегами Африки, полностью осуществлялась через Красное море и устье Нила, пока не был открыт путь, чуть более двухсот лет назад, для плавания в те края у мыса Доброй Надежды. После этого португальцы некоторое время были хозяевами этой торговли, но теперь она полностью захвачена англичанами и голландцами. Этот краткий рассказ о восточно-индийской торговле со времен Соломона до наших дней заимствован у доктора [Прайдо](#)³¹⁴.

Для удобства торговли недалеко от Александрии, на острове, называемом Фарос, была построена башня, носившая то же [pg 023] имя.³¹⁵ На вершине этой башни поддерживался огонь, чтобы освещать корабли, плававшие ночью у тех опасных берегов, которые были полны песков и шельфов, откуда все другие башни, предназначенные для того же использования, получили свое название, как, например, Фаро ди Мессина и т.д. Знаменитый архитектор Сострат построил ее по приказу Птолемея Филадельфа, который потратил на нее восемьсот талантов.³¹⁶ Она считалась одним из семи чудес света. Некоторые, по ошибке, похвалили этого принца за то, что он разрешил архитектору вписать в надпись, которая была закреплена на башне, свое имя вместо собственного.³¹⁷ Она была очень короткой и простой, в соответствии с манерой древних. *Sostratus Cnidius Dexiphanis F. Diis Servatoribus pro navigantibus*: то есть Сострат Цнидий, сын Дексифана, к божествам-покровителям, для использования мореплавателями. Но, конечно, Птолемей, должно быть, очень недооценивал тот вид бессмертия, который обычно так любят принцы, чтобы страдать от того, что его имя не упоминается в надписи на сооружении, способном увековечить его. То, что мы читаем у Лукиана по этому поводу, лишает Птолемея скромности, которая действительно была бы очень неуместна здесь.³¹⁸ Этот автор сообщает нам, что Сострат, чтобы впоследствии присвоить себе всю славу этого благородного сооружения, вырезал на мраморе надпись со своим именем, которую затем покрыл известью, а на ней написал имя царя. Известь вскоре заплесневела, и этот способ, вместо того чтобы обеспечить архитектору честь, которой он себя тешил, лишь открыл будущим векам его подлое мошенничество и нелепое тщеславие.

Богатство не привело в этот город, как это обычно бывает во всех местах, роскошь и разврат, так что александрийское сладострастие вошло в поговорку³¹⁹. В этом городе также усердно культивировались искусства и науки, свидетельством чему служит величественное здание, называемое Музеем, где собирались литераторы и содержались за государственный счет, и знаменитая библиотека, которая была значительно увеличена Птолемеем Филадельфом; [pg 024] и которая, благодаря великолепию царей, его преемников, в конце концов насчитывала семьсот тысяч томов. Во время войны Сезара с александрийцами часть этой библиотеки (расположенной в Брухионе,³²⁰), состоявшей из четырехсот тысяч томов, была, к несчастью, уничтожена огнем.³²¹

Часть вторая. О нравах и обычаях египтян.

Египет всегда считался всеми древними самой известной школой мудрости и политики, а также источником, из которого черпалось большинство искусств и наук. Это царство отдавало свои самые благородные труды и лучшие искусства на улучшение человечества; и Греция настолько понимала это, что ее самые прославленные люди, такие как Гомер, Пифагор, Платон, даже ее великие законодатели, Ликург и Солон, и многие другие, о которых нет необходимости упоминать, отправились в Египет, чтобы завершить свое обучение и почерпнуть из этого источника все самое редкое и ценное в каждом виде знаний. Сам Бог дал этому царству славное свидетельство, когда, восхваляя Моисея, сказал о нем, что "он был научен всей мудрости египтян"³²².

Чтобы дать некоторое представление о нравах и обычаях Египта, я ограничусь главным образом следующими сведениями: его цари и правительство; жрецы и религия; воины и война; науки, искусства и ремесла.

Читатель не должен удивляться, если иногда он обнаружит в обычаях, о которых я рассказываю, некое противоречие. Это обстоятельство объясняется либо различием стран и народов, которые не всегда следовали одним и тем же обычаям, либо разным образом мышления историков, которых я копирую.

[pg 025]

Глава I. О царях и правительстве.

Египтяне были первым народом, который правильно понял правила правления. Столь серьезный народ сразу же понял, что истинная цель политики - сделать жизнь легкой, а народ - счастливым.

Царство было наследственным, но, по словам [Диодора](#)³²³, египетские князья вели себя не так, как это обычно бывает в других монархиях, где князь не признает иного правила для своих действий, кроме собственного произвола и удовольствия. Но здесь цари находились в большей зависимости от законов, чем их подданные. У них было несколько особых, выработанных прежним монархом, которые составляли часть того, что египтяне называли священными книгами. Таким образом, все было улажено древним обычаем, и они никогда не стремились жить иначе, чем их предки.

Ни раб, ни иностранец не допускались к непосредственной службе у принца; такая должность была слишком важна, чтобы поручать ее кому-либо, кроме тех, кто отличался родовитостью и получил самое прекрасное образование; чтобы, поскольку они могли свободно приближаться к царской особе днем и ночью, он мог услышать от таких квалифицированных людей ничего, что не подобало бы царскому величеству; и чтобы ему не внушали никаких чувств, кроме тех, которые были благородными и великодушными. Ибо, добавляет Диодор, очень редко можно увидеть, чтобы короли впадали в какие-либо порочные излишества, если только приближенные не одобряют их нарушения или не служат орудием их страстей.

Цари Египта свободно разрешали предписывать им не только качество и пропорции того, что они ели и пили (что было обычным делом в Египте, все жители которого были трезвенниками, а воздух внушал бережливость), но даже то, что все их часы и почти все действия должны быть подчинены законам.

Утром на рассвете, когда голова наиболее ясна, а мысли наиболее беспорядочны, они читали несколько полученных писем, чтобы составить более справедливое и ясное представление о делах, которые должны были быть рассмотрены в этот день.

[pg 026]

Как только они были одеты, они отправились на ежедневное жертвоприношение, совершаемое в храме; там, окруженные всем двором, с жертвами, поставленными перед алтарем, они помогали в молитве, произносимой вслух первосвященником, в которой он просил у богов здоровья и всех других благословений для царя, потому что он управлял своим народом с милосердием и справедливостью и сделал законы своего царства правилом и нормой своих действий. Первосвященник долго перечислял достоинства царя, отмечая, что он был религиозен по отношению к богам, приветлив с людьми, умерен, справедлив, великодушен, искренен, враг лжи, либерален, владел своими страстями, карал преступления с величайшей мягкостью, но безгранично вознаграждал за заслуги. Далее он

говорил о проступках, в которых могут быть виновны короли, но в то же время предполагал, что они никогда не совершают их, разве что по неожиданности или по незнанию; и порицал тех своих министров, которые давали им дурные советы, скрывали или утаивали правду. Таковы были методы передачи наставлений своим королям. Считалось, что упреки только ожесточат их, а самым действенным способом внушить им добродетель будет указание на их долг в похвалах, соответствующих смыслу законов и произнесенных в торжественной обстановке перед богами. После окончания молитв и жертвоприношений царю зачитывали из священных книг советы и деяния великих людей, чтобы он мог управлять своими владениями в соответствии с их правилами и поддерживать законы, которые сделали его предшественников и их подданных такими счастливыми.

Я уже отмечал, что законы предписывали царю как количество, так и качество того, что он ел или пил: на его столе не было ничего, кроме самой обычной пищи, потому что еда в Египте была предназначена не для того, чтобы щекотать нёбо, а для того, чтобы удовлетворять природные потребности. Можно было бы заключить, (замечает историк), что эти правила были установлены не законодателем, а каким-нибудь умелым врачом, заботившимся только о здоровье принца. Та же простота наблюдалась и во всем остальном; у Плутарха мы читаем о храме в Фивах, на одном из столбов которого были начертаны проклятия в адрес того царя, который первым ввел в Египте изобилие и роскошь.³²⁴

[pg 027]

Главной обязанностью царей и их самой важной функцией является отправление правосудия по отношению к своим подданным. Соответственно, цари Египта уделяли больше внимания этой обязанности; они были убеждены, что от этого зависит не только удобство и комфорт отдельных людей, но и счастье государства, которое будет скорее стадом разбойников, чем царством, если слабые будут беззащитны, а сильные, благодаря своему богатству и влиянию, смогут безнаказанно совершать преступления.

Тридцать судей были выбраны из главных городов, чтобы сформировать орган для отправления правосудия во всем королевстве. Принц, заполняя эти вакансии, выбрал тех, кто был наиболее известен своей честностью, а во главе их поставил того, кто отличался знанием и любовью к законам и пользовался самым всеобщим уважением. Им были назначены доходы, чтобы, освободившись от домашних забот, они могли посвятить все свое время исполнению законов. Поддерживаемые щедростью принца, они безвозмездно отправляли правосудие, на которое народ имеет естественное право и которое должно быть одинаково открыто для всех, причем в некотором смысле для бедных больше, чем для богатых, поскольку последние находят опору в самих себе, тогда как состояние первых подвергает их большему риску и поэтому громче взывает к защите законов. Чтобы уберечься от неожиданности, в собраниях этих судей дела решались письменно. Боялись ложного красноречия, которое ослепляет разум и приводит в движение страсти. Истина не могла быть выражена слишком просто, поскольку только она должна была иметь силу в суждениях; ведь только в ней богатые и бедные, сильные и слабые, ученые и невежды должны были находить облегчение и безопасность. Президент этого сената носил золотой, украшенный драгоценными камнями воротник, на котором висела фигура слепого, называемая эмблемой истины. Когда президент надевал этот ошейник, это воспринималось как сигнал к началу работы. Он прикасался им к той стороне, которая должна была выиграть его дело, и это было формой вынесения приговора.

Самым замечательным обстоятельством в законах египтян было то, что каждый человек с младенчества воспитывался [pg 028] строжайшем их соблюдении. Новый обычай в Египте

был своего рода чудом.³²⁵ Там все шло по старому руслу; и точность, с которой соблюдались малые дела, сохраняла и более важные; поэтому ни один народ не сохранял свои законы и обычаи дольше, чем египтяне.

Умышленное убийство каралось смертью,³²⁶ независимо от состояния убитого, будь он свободнорожденный или другой. В этом гуманность и справедливость египтян превосходили гуманность и справедливость римлян, которые предоставляли хозяину абсолютную власть жизни и смерти над своим рабом. Император Адриан, правда, отменил этот закон; по его мнению, злоупотребления такого рода должны быть исправлены, пусть их древность или авторитет и были столь велики.

Лжесвидетельство также каралось [смертью](#)³²⁷, потому что это преступление посягает как на богов, чье величие попирается, когда их имя приводится к ложной клятве, так и на людей, когда нарушаются самые крепкие узы человеческого общества, а именно искренность и правдивость.

Ложный обвинитель осуждался на наказание, которое должен был понести обвиняемый, если бы обвинение было [доказано](#)³²⁸.

Тот, кто пренебрег или отказался спасти жизнь человека при нападении на него, если в его силах было помочь ему, наказывался так же строго, как [убийца](#)³²⁹, но если несчастного нельзя было спасти, преступник должен был, по крайней мере, подвергнуться доносу; и за любое пренебрежение такого рода назначались наказания. Таким образом, подданные охраняли и защищали друг друга, а все общество объединялось против козней злодеев.

Ни один человек не мог быть бесполезным для государства;³³⁰ но каждый обязан был внести свое имя и место жительства в публичный реестр, который оставался в руках магистрата, и описать свою профессию и средства к существованию. Если он давал ложную информацию о себе, его немедленно предавали смерти.

Для предотвращения заимствования денег, родителя лениности, [pg 029] мошенничества и сутяжничества, царь Асихис издал очень разумный закон.³³¹ Самые мудрые и лучше всего регулируемые государства, как Афины и Рим, всегда находили непреодолимые трудности в создании справедливого средства, чтобы сдерживать, с одной стороны, жестокость кредитора в требовании займа, а с другой - хитрость должника, который отказывается или пренебрегает выплатой своих долгов. В этом случае Египет поступил мудро и, не нанося никакого ущерба личной свободе своих жителей и не разоряя их семьи, преследовал должника постоянным страхом позора в случае, если он окажется нечестным. Ни одному человеку не разрешалось занимать деньги, не заложив кредитору тело своего отца, которое каждый египтянин бальзамировал с особой тщательностью и благоговейно хранил в своем доме (как будет показано далее), а потому мог легко переносить с места на место. Но было в равной степени нечестиво и позорно не выкупить вскоре столь драгоценный залог; и тот, кто умирал, не выполнив эту обязанность, лишался обычных почестей, воздаваемых мертвым.³³²

Диодор отмечает ошибку, допущенную некоторыми греческими [законодателями](#)³³³. Они запрещают, например, отнимать (для уплаты долгов) лошадей, плуги и другие орудия земледелия, которыми пользуются крестьяне; считая бесчеловечным доводить этих бедняков таким обеспечением до невозможности погасить свои долги и добыть хлеб: Но в то же время они позволяли кредитору заключать в тюрьму самих крестьян, которые только и могли пользоваться этими орудиями, что подвергало их тем же неудобствам и в то же время

лишало правительство людей, которые принадлежат ему и необходимы, которые работают на общественное благо и над которыми ни один частный человек не имеет никакого права.

Многоженство было разрешено в Египте, за исключением жрецов, которые могли жениться только на одной женщине.³³⁴ Каково бы ни было состояние женщины, была ли она свободной или рабыней, ее дети считались свободными и законными.

[pg 030]

Один обычай, который практиковался в Египте, показывает, в какую глубокую тьму погрузились народы, наиболее прославленные своей мудростью; это брак братьев с сестрами, который не только был разрешен законами, но даже в какой-то мере проистекал из их религии, из примера и практики тех их богов, которые были наиболее древними и повсеместно почитаемыми в Египте, то есть Осириса и Исиды³³⁵.

Там очень уважали старость.³³⁶ Молодые обязаны были вставать за стариками и при каждом удобном случае уступать им самое почетное место. Спартанцы заимствовали этот закон у египтян.

Добродетелью, пользовавшейся наибольшим уважением у египтян, была благодарность. Слава о том, что они были самыми благодарными из всех людей, показывает, что они были лучше всех других народов приспособлены к общественной жизни. Благодеяния являются опорой согласия, как общественного, так и личного. Тот, кто признает благодеяния, любит их оказывать; а при изгнании неблагодарности удовольствие делать добро остается настолько чистым и привлекательным, что человек не может быть к нему равнодушен. Но египтяне особенно гордились тем, что проявляли свою благодарность именно по отношению к своим царям. Они почитали их при жизни, как многие видимые представления Божества; а после смерти оплакивали их, как отцов своей страны. Эти чувства уважения и нежности проистекали из твердого убеждения, что само Божество посадило их на трон, поскольку оно так сильно отличало их от всех остальных смертных; и что цари несли в себе самые благородные черты Верховного Существа, поскольку в их лицах были соединены сила и воля делать добро другим.

Глава II. О жрецах и религии египтян.

Жрецы в Египте занимали второе место после царей. Они обладали большими привилегиями и доходами; их земли были освобождены от всех поборов; некоторые следы этого мы видим в книге Бытия, где [pg 031] сказано: "Иосиф сделал закон над землей Египта, чтобы фараону принадлежала пятая часть, кроме земли только жрецов, которая не стала фараоновой"³³⁷.

Князь обычно почитал их за большую долю в своем доверии и управлении, потому что они, из всех его подданных, получили лучшее образование, приобрели наибольшие знания и были наиболее сильно привязаны к царской особе и благу общества. Они были в одно и то же время хранителями религии и наук; этим обстоятельством объяснялось то огромное уважение, которое оказывали им как туземцы, так и иностранцы, с которыми они одинаково советовались по самым священным вопросам, касающимся тайн религии, и по самым глубоким предметам в нескольких науках.

Египтяне претендуют на звание первых учредителей праздников и шествий в честь богов.³³⁸ Один праздник отмечался в городе Бубастус, куда съезжались со всех концов Египта, и на нем присутствовало до семидесяти тысяч человек, кроме детей. Другой, названный

праздником огней, отмечался в Саисе. Все люди во всем Египте, которые не отправлялись в Саис, обязаны были освещать свои окна.

В разных странах в жертву приносились разные животные, но во всех жертвоприношениях соблюдалась одна общая церемония, а именно: возложение рук на голову жертвы с одновременным произнесением проклятий и моление богов отвести на эту жертву все бедствия, которые могут угрожать [Египту](#)³³⁹.

Именно Египту Пифагор обязан своим излюбленным учением о метемпсихозе или переселении душ.³⁴⁰ Египтяне верили, что после смерти людей их души переселяются в другие человеческие тела, а если они были порочны, то заключаются в тела нечистых или дурных зверей, чтобы искупить в них свои прошлые проступки, и что после переворота, длившегося несколько веков, они снова оживляют другие человеческие тела.

Жрецы владели священными книгами, в которых содержались как принципы управления, так и тайны божественного поклонения. И то и другое было необычайно [pg 032] в символах и загадках, которые под этими завесами делали истину более почтенной и сильнее возбуждали любопытство людей.³⁴¹ Фигура Гарпократа в египетских святилищах с пальцем у рта, казалось, намекала, что там заключены тайны, знание которых было открыто очень немногим. То же самое подразумевали и сфинксы, располагавшиеся у входа во все храмы. Хорошо известно, что пирамиды, обелиски, колонны, статуи, словом, все общественные памятники, как правило, украшались иероглифами, то есть символическими письменами; будь то неизвестные вульгарному человеку иероглифы или фигуры животных, под которыми скрывался скрытый и параболический смысл. Так, заяц означал живое и пронзительное внимание, поскольку это существо обладает очень тонким слухом.³⁴² Статуя судьи без рук и с глазами, устремленными в землю, символизировала обязанности тех, кто должен был осуществлять судебные функции.³⁴³

Чтобы полностью рассказать о религии египтян, потребуется целый том. Но я ограничусь двумя статьями, которые составляют ее основную часть; это поклонение различным божествам и церемонии, связанные с похоронами.

РАЗДЕЛ. I. ПОКЛОНЕНИЕ РАЗЛИЧНЫМ БОЖЕСТВАМ - никогда не было народа более суеверного, чем египтяне; у них было великое множество богов, различных порядков и степеней, которых я опускаю, поскольку они относятся скорее к басням, чем к истории. Среди остальных в этой стране повсеместно почитались два, а именно Осирис и Исида, которые считаются солнцем и луной; и действительно, поклонение этим планетам породило идолопоклонство.

Кроме этих богов, египтяне поклонялись огромному количеству зверей: быку, собаке, волку, ястребу, крокодилу, [ибису](#)³⁴⁴, кошке и т. д. Многие из этих зверей были предметом суеверия только в отдельных городах; и пока один народ поклонялся одному виду животных как богам, его соседи считали тех же животных отвратительными. Это было причиной постоянных войн, которые велись между одним городом и другим; и причиной тому была ложная политика одного из их царей, который, чтобы лишить их возможности [pg 033] и средств для заговора против государства, старался отвлечь их внимание, вовлекая их в религиозные состязания. Я называю эту политику ложной и ошибочной, потому что она прямо противоречит истинному духу правительства, цель которого состоит в том, чтобы объединить всех его членов в строжайших узах и сделать так, чтобы вся его сила заключалась в совершенной гармонии нескольких его частей.

Каждый народ очень ревностно относился к своим богам. "Среди нас, - говорит [Цицерон](#)³⁴⁵, - очень часто можно видеть, как грабят храмы и уносят статуи, но никогда не было известно,

чтобы в Египте кто-либо надругался над крокодилом, ибисом или кошкой; жители Египта скорее перенесли бы самые жестокие мучения, чем были бы виновны в таком святотатстве". За добровольное убийство одного из этих животных полагалась смерть, и даже карался тот, кто убил ибиса или кошку, с умыслом или без него.³⁴⁶ Диодор рассказывает об инциденте,³⁴⁷ свидетелем которого он сам был во время своего пребывания в Египте. Один римлянин по неосторожности и без умысла убил кошку, и возмущенные жители прибежали к его дому; ни власть царя, который немедленно отрядил своих стражников, ни ужас перед именем римлянина не смогли спасти несчастного преступника. А египтяне так почитали этих животных, что во время сильного голода предпочитали есть друг друга, а не питаться своими воображаемыми божествами.

Из всех этих животных бык Апис, которого греки называли Эпафом, был самым знаменитым.³⁴⁸ Ему воздвигали величественные храмы; ему воздавали необыкновенные почести при жизни и еще большие после смерти. Египет тогда погрузился во всеобщий траур. Его похороны были проведены с такой пышностью, которую трудно представить. В царствование Птолемея Лагуса, когда бык Апис умер от старости,³⁴⁹ погребальная пышность, помимо обычных расходов, составила до пятидесяти тысяч французских крон.³⁵⁰ После того как последние почести были возданы умершему богу, следующей заботой было обеспечить ему [pg 034] преемника; и для этой цели был обследован весь Египет. Его узнавали по определенным признакам, которые отличали его от всех других животных этого вида; на лбу должно было быть белое пятно в виде полумесяца, на спине - фигура орла, на языке - жука. Как только его нашли, траур сменился радостью, и во всех частях Египта не было слышно ничего, кроме празднеств и ликований. Нового бога привезли в Мемфис, чтобы он принял свой сан, и там установили с большим количеством церемоний. Далее читатель узнает, что Камбиз по возвращении из неудачной экспедиции в Эфиопию, обнаружив, что все египтяне в восторге от открытия их нового бога Аписа, и думая, что это было сделано в качестве оскорбления его несчастий, убил в первом порыве своей ярости молодого быка, который таким образом лишь на короткое время насладился своей божественностью.

Очевидно, что золотой телец, установленный израильянами у горы Синай, был вызван их пребыванием в Египте и являлся подражанием богу Апису, как и те, которые впоследствии были установлены Иеровоамом (прожившим значительное время в Египте) на двух окраинах Израильского царства.

Египтяне, не довольствуясь воскурениями животным, довели свою глупость до такого предела, что стали приписывать божественность мякоти и корням своих садов. За это их гениально упрекает сатирик:

Кто не слышал, как называют царства Египта,

Какие боги-чудовища создавали ее неистовые сыновья?

Здесь Ибис горланит с хорошо выращенными змеями, там

Крокодил внушает религиозный страх:

Где статуя Мемнона волшебные струны вдохновляет

Вокальными звуками, что подражают лире;

И Фивы, таковы, судьба, твои катастрофические повороты!

Теперь над пышными руинами скорбит;

Бог-обезьяна, о котором не скажешь!

Поражает взор созерцателя золотым блеском:

К богам здесь голубое чешуйчатое стадо Тритона,

Предпочитает речное потомство:

В городах власть Дианы пренебрегаема,

Где псам ее возвышаются храмы:

И если ты порей или лук ешь, не время

Не искупит святотатственного преступления.

Религиозные нации и блаженные обители,

Где все сады усыпаны богами.³⁵¹

[pg 035]

Удивительно видеть, как народ, который кичится своим превосходством над всеми другими в отношении мудрости и образованности, слепо предается самым грубым и нелепым суевериям. В самом деле, читать о животных и мерзких насекомых, которым воздавалось религиозное поклонение, которые помещались в храмы и содержались с большой осторожностью и за огромные [деньги](#)³⁵²; читать, что те, кто убивал их, наказывались смертью; что эти животные бальзамировались и торжественно помещались в гробницы, отведенные для них обществом; Слышать, что эта экстравагантность доходила до таких пределов, что лук-порей и лук признавались божествами, к ним обращались в случае необходимости, от них зависели помощь и защита; это абсурд, в который мы, находясь на таком расстоянии, едва ли можем поверить; и все же они имеют свидетельства всей древности. "Вы входите, - говорит Лукиан,³⁵³ - в великолепный храм, каждая часть которого сверкает золотом и серебром. Внимательно ищешь бога, а тебя обманывают аист, обезьяна или кошка"; "справедливая эмблема, - добавляет этот автор, - слишком многих дворцов, хозяева которых далеко не самые яркие их украшения".

Почитание животных египтянами объясняется несколькими [причинами](#)³⁵⁴.

Первая взята из сказочной истории. Утверждается, что боги во время восстания против них людей бежали в Египет и там скрывались под видом различных животных, что и послужило причиной поклонения, которое впоследствии воздавалось этим животным.

Второе объясняется пользой, которую эти животные приносят человечеству:³⁵⁵ вола - своим трудом, овца - шерстью и молоком, собаки - охотой, а [pg 036] - охраной домов, поэтому бог Ану비스 изображался с собачьей головой: ибису, птице, очень похожей на аиста, поклонялись, потому что он отгонял крылатых змей, которыми Египет в противном случае был бы сильно заражен; крокодилу, земноводному, то есть живущему как на суше, так и в воде, удивительной силы и [размеров](#)³⁵⁶, поклонялись, потому что он защищал Египет от набегов диких арабов; ихневмона обожали, потому что он предотвращал слишком большой рост крокодилов, который мог оказаться губительным для Египта. Животное, о котором идет речь, оказывает стране эту услугу двумя способами. Во-первых, оно следит за временем, когда крокодил отсутствует, и разбивает его яйца, но не ест их. Во-вторых, когда крокодил спит на берегу Нила (а он всегда спит с открытой пастью), ихневмон, спрятавшийся в иле, сразу прыгает ему в пасть, добирается до внутренностей, которые разгрызает; затем, пронзив

брюхо, кожа которого очень нежная, он благополучно спасается бегством и таким образом, благодаря своему обращению и ловкости, возвращается победителем над столь ужасным животным.

Философы, не удовлетворившись причинами, которые были слишком ничтожны, чтобы объяснить такие странные абсурды, позорящие языческую систему и вызывающие тайный стыд, со времен установления христианства предполагали третью причину поклонения, которое египтяне оказывали животным, и заявляли, что оно приносилось не самим животным, а богам, символами которых они являются. Плутарх в своем трактате, где он рассматривает претензии Исиды и Осириса, двух самых известных божеств египтян, говорит следующее:³⁵⁷ "Философы почитают образ Бога везде, где находят его, даже в неодушевленных существах, и, следовательно, больше в тех, которые имеют жизнь. Поэтому мы должны одобрять не тех, кто поклоняется этим животным, а тех, кто с их помощью возносится к Божеству; их следует рассматривать как многочисленные зеркала, в которые природа смотрит и в которых Высшее Существо проявляет себя удивительным образом; или как многочисленные инструменты, которые он использует, чтобы внешне проявить свою непостижимую мудрость. Поэтому если люди, [pg 037] для украшения статуй, соберут все золото и драгоценные камни в мире, поклонение не должно относиться к статуям, ибо Божество не существует ни в искусно подобранных красках, ни в хрупкой материи, лишенной чувства и движения". Плутарх говорит в том же трактате³⁵⁸, что "как солнце и луна, небо, земля и море являются общими для всех людей, но имеют разные имена в соответствии с различием народов и языков; точно так же, хотя существует только одно Божество и одно провидение, управляющее вселенной, которое имеет несколько подчиненных ему служителей, люди дают Божеству, которое является одним и тем же, разные имена и воздают ему разные почести, в соответствии с законами и обычаями каждой страны".

Но достаточно ли этих размышлений, предлагающих самое рациональное обоснование идолопоклонства, чтобы скрыть его нелепость; можно ли назвать возвышением божественных атрибутов в подходящей манере, чтобы направить поклоняющегося на восхищение и поиск их изображения в зверях самых мерзких и презренных видов, таких как крокодилы, змеи и кошки? Разве это не унижает и не оскорбляет Божество, о котором даже самые глупые люди обычно имеют гораздо более великое и возвышенное представление?

И даже эти философы не всегда были столь справедливы, чтобы восходить от разумных существ к их невидимому Автору. Писание говорит нам, что эти мнимые мудрецы за свою гордость и неблагодарность заслужили, чтобы "предаться уму непокорному, и, исповедуя себя мудрыми, сделаться глупцами, потому что изменили славу нетленного Бога в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и гадам"³⁵⁹.³⁵⁹ Чтобы показать, чем является человек, когда он предоставлен самому себе, Бог позволил этому народу, который довел человеческую мудрость до величайшей высоты, стать театром, в котором разыгрывалось самое нелепое и абсурдное идолопоклонство. А с другой стороны, чтобы продемонстрировать всемогущую силу своей благодати, он превратил страшные пустыни Египта в земной рай, заселив их в назначенное его провидением время бесчисленными толпами прославленных отшельников, чья пылкая набожность и строгое покаяние сделали столько чести христианской религии. Я не могу [pg 038] не удержаться, чтобы не привести здесь знаменитый пример этого; и я надеюсь, что читатель извинит такое отступление.

"Великим чудом Нижнего Египта, - пишет аббат Флери в своей "Церковной истории"³⁶⁰, - был город Оксиринх, населенный монахами как внутри, так и снаружи, так что они были многочисленнее других его жителей. Общественные здания и храмы идолов были превращены в монастыри, и их также было больше, чем частных домов. Монахи жили даже

над воротами и в башнях. У народа было двенадцать церквей, в которых он мог собираться, не считая ораторий, принадлежащих монастырям. В этом городе было двадцать тысяч девственниц и десять тысяч монахов, каждая часть которого днем и ночью возносила хвалу Богу. По приказу магистрата у ворот были выставлены часовые, которые должны были замечать всех странников и бедняков, прибывающих в город; а жители соревновались между собой, кто первым примет их, чтобы иметь возможность проявить к ним свое гостеприимство".

СЕКТА. II. ЦЕРЕМОНИИ ЕГИПЕТСКИХ ПОХОРОН... Теперь я вкратце расскажу о похоронных церемониях египтян.

Почести, которые во все века и народы воздавались телам умерших, и религиозная забота, которую всегда проявляли к гробницам, как кажется, внушают всеобщее убеждение, что тела помещались в гробницы только как депозит или доверие.

Мы уже отмечали при упоминании пирамид, с каким великолепием строились усыпальницы в Египте, ведь помимо того, что они возводились как множество священных памятников, призванных передать в будущие времена память о великих князьях, они также считались особняками, где тело должно было оставаться в течение долгой череды веков: тогда как обычные дома назывались трактирами, в которых люди должны были останавливаться только как путешественники, и то в течение жизни, которая была слишком короткой, чтобы привлечь их привязанность.

Когда умирал кто-либо из семьи, все родственники и друзья оставляли свои обычные привычки, надевали траур и [pg 039] воздерживались от ванн, вина и всевозможных лакомств. Траур продолжался сорок или семьдесят дней, вероятно, в зависимости от качества человека.

Тела бальзамировали тремя различными способами.³⁶¹ Наиболее пышное бальзамирование устраивалось для людей высокого ранга, и расходы на него составляли талант серебра, или три тысячи французских ливров.³⁶²

В этой церемонии было задействовано много рук.³⁶³ Одни втягивали мозг через ноздри с помощью инструмента, изготовленного для этой цели. Другие опорожняли кишки и кишечник, прорезая отверстие в боку эфиопским камнем, острым как бритва; после этого полости заполнялись духами и различными пахучими снадобьями. Поскольку это извлечение (которое обязательно сопровождалось некоторыми расчленениями) казалось в какой-то степени жестоким и бесчеловечным, люди, занятые этим, убегали, как только операция заканчивалась, и их преследовали камнями стоящие рядом. Но с теми, кто бальзамировал тело, обошлись с честью. Они наполняли его миррой, корицей и всевозможными пряностями. Через некоторое время тело обматывали газонными филями, которые склеивали между собой чем-то вроде очень тонкой резинки, а затем покрывали корочкой из самых изысканных благовоний. Говорят, что таким образом вся фигура тела, все черты лица и даже волоски на веках и бровях сохранялись в своем естественном совершенстве. Забальзамированное таким образом тело передавалось родственникам, которые закрывали его в своеобразный открытый сундук, точно соответствующий размеру трупа; затем они ставили его вертикально у стены либо в своих усыпальницах (если таковые имелись), либо в своих домах. Эти забальзамированные тела - то, что мы сейчас называем мумиями, - до сих пор привозят из Египта и находят в шкафах любопытных. Это показывает, как заботились египтяне о своих мертвых. Их благодарность к умершим родственникам была бессмертной. Дети, видя тела своих предков, сохраненные таким образом, вспоминали о тех добродетелях, за которые их чествовало общество, и возбуждали в себе любовь к тем

законам, которые эти прекрасные люди оставили для их безопасности. [pg 040] Мы видим, что часть этих церемоний была совершена во время похорон Иосифа в Египте.

Я уже говорил, что общество признавало добродетели умерших людей, потому что, прежде чем они могли быть допущены в священное убежище гробницы, они проходили торжественное испытание. И это обстоятельство в египетских похоронах - одно из самых примечательных, которые можно найти в древней истории.

У язычников было утешением для умирающего человека оставить после себя доброе имя; они считали, что это единственное человеческое благо, которого смерть не может нас лишить. Но египтяне не допускали, чтобы похвалы воздавались всем умершим без разбора. Такую честь можно было получить только из уст народа. Собрание судей собралось на другом берегу озера, которое они пересекли в лодке. Тот, кто сидел за штурвалом, на египетском языке назывался Хароном, и это послужило первым толчком для Орфея, который был в Египте, а после него и для других греков, чтобы придумать вымысел о лодке Харона. Как только человек умирал, его приводили на суд. Выслушивался общественный обвинитель. Если он доказывал, что умерший вел плохую жизнь, его память осуждалась, а сам он лишался погребения. Люди восхищались силой законов, которые распространялись даже на могилу; и каждый, пораженный позором, нанесенным умершему, боялся опозорить свою память и свою семью. Но если умерший не был осужден ни за какое преступление, его хоронили с почестями.

Еще более удивительным обстоятельством этого публичного дознания над умершими было то, что сам трон не был защитой от него. Царей щадили при жизни, потому что в этом было заинтересовано общественное спокойствие; но их положение не освобождало их от суда над мертвыми, и даже некоторые из них были лишены погребения. Этому обычаю подражали израильтяне. В Писании мы видим, что плохие цари не были погребены в памятниках своих предков. Эта практика подсказывала князьям, что если при жизни их величие делает их недоступными для людского суда, то в конце концов они будут подвержены ему, когда смерть низведет их на один уровень с подданными.

[pg 041]

Поэтому, когда об умершем человеке выносился благоприятный приговор, следовало приступить к церемонии погребения. В панегирике не упоминалось о его рождении, поскольку каждый египтянин считался благородным. Справедливыми и истинными считались только те похвалы, которые относились к личным заслугам покойного. Его восхваляли за то, что в юные годы он получил прекрасное образование, а в более зрелом возрасте - за то, что культивировал благочестие по отношению к богам, справедливость по отношению к людям, мягкость, скромность, умеренность и все другие добродетели, составляющие хорошего человека. Затем все люди просили богов принять умершего в собрание праведников и сделать его причастным к их вечному блаженству вместе с ними.

В заключение этой статьи о похоронных церемониях не лишним будет обратить внимание учеников на то, как по-разному древние обращались с телами умерших. Одни, как мы видели у египтян, выставляли их на обозрение после бальзамирования и таким образом сохраняли их для последующих веков. Другие, как римляне, сжигали их на погребальной куче, а третьи - клали в землю.

Забота о сохранении тел без помещения их в гробницы вредит человеческой природе в целом и тем людям в частности, к которым этот обычай должен высказывать уважение; ведь он слишком наглядно демонстрирует их жалкое состояние и уродство; поскольку, какие бы

меры ни принимались, зрители видят лишь меланхоличные и жуткие останки того, чем они когда-то были. В обычае сжигать мертвые тела есть что-то жестокое и варварское, ведь так поспешно уничтожаются останки некогда дорогих нам людей. Обычай погребения, безусловно, самый древний и религиозный. Он возвращает земле то, что было у нее отнято, и подготавливает нашу веру в повторное воссоздание наших тел из того праха, из которого они были созданы вначале.

Глава III. О египетских войнах и войне.

Профессия воина пользовалась большим уважением у египтян. После священнических родов самыми прославленными, как и у нас, были те, кто посвятил себя военной жизни. Они отличались не [pg 042] только почестями, но и широкими льготами. Каждому солдату полагалось двенадцать аруре, то есть участок пахотной земли, почти равный половине французского акра,³⁶⁴ освобожденный от всех налогов и податей. Кроме этой привилегии, каждый солдат получал ежедневное довольствие в размере пяти фунтов хлеба, двух фунтов мяса и кварты вина.³⁶⁵ Этого довольствия было достаточно, чтобы содержать часть семьи. Такие поблажки делали их более привязанными к личности своего принца и интересам своей страны и более решительными в защите того и другого; как отмечает Диодор,³⁶⁶ считалось несовместимым с хорошей политикой и даже здравым смыслом поручать защиту страны людям, которые не были заинтересованы в ее сохранении.

Четыреста тысяч солдат находились на постоянном [довольствии](#)³⁶⁷; все они были уроженцами Египта и были обучены строжайшей дисциплине. Суровое и строгое воспитание приучило их к усталости войны. Существует искусство формировать тело так же, как и ум. Это искусство, утраченное из-за нашей лени, было хорошо известно древним, и особенно египтянам. Гонки на ногах, лошадях и колесницах проводились в Египте с удивительной ловкостью, и мир не смог бы показать лучших наездников, чем египтяне. Писание в нескольких местах положительно отзываясь об их [кавалерии](#)³⁶⁸.

Военные законы легко сохранялись в Египте, потому что сыновья получали их от своих отцов; военное ремесло, как и все другие, передавалось от отца к сыну. Те, кто бежал в бою или обнаруживал какие-либо признаки трусости, отличались только каким-либо особым знаком бесчестия; считалось более целесообразным сдерживать их побуждениями чести, чем ужасами наказания.³⁶⁹

Но, несмотря на это, я не стану утверждать, что египтяне были воинственным народом. Мало пользы от регулярных и хорошо оплачиваемых войск, если армии [pg 043] в мире и используются только в шуточных боях; только война и настоящие сражения формируют солдата. Египет любил мир, потому что любил справедливость, и содержал солдат только для своей безопасности. Его жители, довольствуясь страной, которая изобиловала всеми вещами, не имели честолюбивых мечтаний о завоеваниях. Египтяне расширили свою репутацию совсем другим способом, отправив колонии во все части света, а вместе с ними законы и вежливость. Они побеждали благодаря мудрости своих советов и превосходству своих знаний, и эта империя разума казалась им более благородной и славной, чем та, что достигается оружием и завоеваниями. Но, тем не менее, Египет породил прославленных завоевателей, как будет показано далее, когда мы перейдем к рассмотрению его царей.

Глава IV. Об искусстве и науках.

Египтяне обладали изобретательским гением, но направляли его только на полезные проекты. Их Меркурии наполнили Египет чудесными изобретениями и почти не оставили его в неведении относительно того, что могло бы способствовать развитию разума или обеспечить легкость и счастье. Первооткрыватели любого полезного изобретения получали, как живые, так и мертвые, вознаграждение, достойное их полезных трудов. Именно это освятило книги двух Меркуриев и наложило на них печать божественного авторитета. Первые библиотеки появились в Египте; названия, которые они носили, вызвали желание войти в них и погрузиться в тайны, которые они содержали. Их называли *лекарством от болезней души*³⁷⁰, и очень справедливо, потому что там душу излечивали от невежества, самого опасного и порождающего все остальные недуги.

Поскольку их страна была ровной, а небо всегда безмятежным и безоблачным, египтяне были одними из первых, кто наблюдал за движением планет. Благодаря этим наблюдениям они стали определять *год*³⁷¹ по ходу солнца; как отмечает Диодор [pg 044], их год, начиная с самой отдаленной древности, состоял из трехсот шестидесяти пяти дней и шести часов. Чтобы упорядочить имущество своих земель, которые каждый год покрывались разливом Нила, они были вынуждены прибегать к геодезическим работам, и это впервые научило их геометрии. Они были великими наблюдателями природы, которая в таком безмятежном климате и под таким интенсивным солнцем была энергичной и плодovitой.

Изучая и применяя ее, они изобрели или усовершенствовали науку физики. Больные не были предоставлены произволу и капризам врача. Он был обязан следовать установленным правилам, которые были наблюдениями старых и опытных практиков и записаны в священных книгах. Пока эти правила соблюдались, врач не отвечал за успех; в противном случае выкидыш стоил ему жизни. Этот закон, правда, сдерживал дерзость эмпириков, но затем он мог помешать новым открытиям и не дать искусству достичь своего справедливого совершенства. Каждый врач, если верить *Геродоту*³⁷², ограничивал свою практику лечением только одной болезни; один лечил глаза, другой - зубы и так далее.

Мы уже говорили о пирамидах, лабиринте и бесконечном количестве обелисков, храмов и дворцов, чьи драгоценные останки до сих пор вызывают у зрителя восхищение, и в которых, казалось, соперничали великолепие воздвигших их князей, мастерство рабочих, богатство украшений, рассыпанных по каждой их части, и справедливая пропорция и прекрасная симметрия частей, в которых заключалась их величайшая красота; произведения, во многих из которых живость красок сохранилась и по сей день, несмотря на грубую руку времени, которая обычно умерщвляет или уничтожает их: Все это, говорю я, показывает, до какого совершенства дошли в Египте архитектура, живопись, скульптура и все другие искусства.

Египтяне были невысокого мнения о гимнастических упражнениях, которые не способствовали бодрости тела или укреплению *здоровья*³⁷³, а также о музыке, которую они [pg 045] считали развлечением не только бесполезным, но и опасным, и пригодным только для того, чтобы утомлять *разум*³⁷⁴.

Глава V. Об их мужьях, пастухах и ремесленниках.

Мужья, пастухи и ремесленники составляли три класса низшей жизни в Египте, но, тем не менее, пользовались большим уважением, особенно мужья и пастухи.³⁷⁵ Политическое тело требует превосходства и подчинения нескольких его членов; ибо как в естественном теле

глаз, можно сказать, занимает первое место, но его блеск не бросается с презрением на ноги, руки или даже на те части, которые являются менее почетными. Подобным образом, среди египтян жрецы, воины и ученые отличались особыми почестями; но все профессии, вплоть до самых низких, имели свою долю в общественном почете, потому что презирать любого человека, чей труд, каким бы ничтожным он ни был, был полезен для государства, считалось преступлением.

Более веская причина, чем вышеизложенная, могла бы с самого начала внушить им эти чувства справедливости и умеренности, которые они так долго сохраняли. Поскольку все они происходили от общего отца [Хама376](#), память об их еще недавнем происхождении, запечатлевшаяся в умах всех в те первые века, установила среди них некое равенство и наложила, по их мнению, печать благородства на каждого человека, происходившего из общего рода. Действительно, разница в условиях и презрение, с которым относятся к людям самого низкого ранга, объясняются лишь удаленностью от общего корня; это заставляет нас забыть, что самый жалкий плебей, если проследить его происхождение до истоков, в равной степени благороден с людьми самого высокого ранга и титулов.

Как бы то ни было, ни одна профессия в Египте не считалась постылой или подлой. Благодаря этому искусства достигали своего наивысшего совершенства. Честь, которая их лелеяла, сочеталась со всеми помыслами и заботами об их совершенствовании. Каждый человек имел свой образ жизни, определенный ему законами, и он [pg 046] передавался от отца к сыну. Две профессии в одно и то же время или смена того, к чему человек был рожден, никогда не допускались. Таким образом, люди становились более способными и опытными в тех профессиях, которыми они всегда занимались с младенчества; и каждый человек, добавляя свой собственный опыт к опыту своих предков, был более способен достичь совершенства в своем конкретном искусстве. Кроме того, этот полезный институт, издревле существовавший во всем Египте, гасил всякое неуместное честолюбие и учил каждого человека сидеть, довольствуясь своим положением, не стремясь к более возвышенному, из интереса, тщеславия или легкомыслия.

Из этого источника исходило множество изобретений для совершенствования всех искусств, для того чтобы сделать жизнь более удобной, а торговлю - более легкой. Когда-то я не мог поверить, что Диодор был серьезен в том, что он рассказывает о промышленности [египтян377](#), а именно, что этот народ нашел способ, с помощью искусственной плодovitости, высиживать яйца без участия курицы; но все современные путешественники утверждают, что это факт, который, безусловно, заслуживает нашего исследования и, как говорят, практикуется также в Европе. Их знакомые сообщают нам, что египтяне кладут яйца в печи, которые нагреваются до такой степени и в такой пропорции к естественному теплу курицы, что цыплята, полученные таким способом, столь же сильны, как и те, которые вылупляются естественным путем. Время года, подходящее для этой операции, - с конца декабря по конец апреля; в остальные месяцы жара в Египте слишком сильная. За эти четыре месяца в печи откладывается до трехсот тысяч яиц, которые, хотя и не все удачно, тем не менее производят огромное количество птицы с легкостью. Искусство заключается в том, чтобы придать печам должную степень нагрева, которая не должна превышать установленной пропорции. Около десяти дней уходит на разогрев печей, и почти столько же - на высиживание яиц. Очень интересно, говорят путешественники, наблюдать за вылуплением этих цыплят, некоторые из которых сначала показывают только голову, другие - только половину тела, а третьи снова выходят из яйца: эти последние, как только вылупятся, прокладывают себе путь над не вылупившимися яйцами и представляют собой увлекательное [pg 047] зрелище. Корнель ле Бруин в своих "Путешествиях" [378](#) собрал

наблюдения других путешественников по этому поводу. Плиний также упоминает об этом;³⁷⁹ но из его слов следует, что египтяне в древности использовали для высиживания яиц теплый навоз, а не печи.

Я уже говорил, что в Египте очень почитались земледельцы, особенно те, кто ухаживал за стадами, за исключением некоторых районов, где последние не терпели бедствий.³⁸⁰ Именно этим двум профессиям Египет был обязан своим богатством и изобилием. Удивительно размышлять о том, какие преимущества египтяне своим искусством и трудом извлекли из страны, не имеющей больших размеров, но чья почва стала удивительно плодородной благодаря разливам Нила и трудолюбию жителей.

Так будет всегда с каждым королевством, чьи правители направляют все свои действия на благо общества. Возделывание земель и разведение скота будут неисчерпаемым фондом богатства во всех странах, где, как в Египте, эти прибыльные занятия поддерживаются и поощряются государственными и политическими принципами: и мы можем считать несчастьем, что в настоящее время они находятся в столь общем пренебрежении; хотя именно благодаря им самые возвышенные сословия (как мы их считаем) обеспечены не только предметами первой необходимости, но даже роскошью жизни. "Ибо, - пишет аббат Флери в своем замечательном труде "О нравах израильтян", где подробно рассматривается тема, о которой я говорю, - именно крестьянин кормит гражданина, магистрата, джентльмена, церковника; и какие бы хитрости и ремесла ни использовались для превращения денег в товары, а их снова в деньги; все же в конечном итоге все должно быть получено из продуктов земли и животных, которых она кормит и питает. Тем не менее, когда мы сравниваем различные положения людей в жизни, мы отдаем низшее место земледельцу: и у многих людей богатый гражданин, изнуренный ленью, бесполезный для общества и лишенный всяких достоинств, имеет предпочтение, [pg 048] только потому, что у него больше денег, и он живет более легкой и приятной жизнью.

"Но давайте представим себе страну, где нет столь большой разницы между этими условиями; где жизнь дворянина состоит не в праздности и ничегонеделании, а в тщательном сохранении своей свободы, то есть в должном подчинении законам и конституции; в том, что человек живет в своем имении, не завися ни от кого, и довольствуется малым, наслаждаясь свободой, а не большим, ценой подлых и низменных потворств: Страна, где леность, слабоволие и незнание необходимых для жизни вещей вызывают справедливое презрение; где удовольствия ценятся меньше, чем здоровье и телесная сила: в такой стране для репутации человека будет гораздо полезнее пахать и содержать стада, чем тратить все свои часы на шатание с места на место, на азартные игры и дорогие развлечения."

Но нам не нужно прибегать к содружеству Платона, чтобы найти примеры людей, которые вели такую полезную жизнь. Так жила большая часть человечества на протяжении почти четырех тысяч лет; и не только израильтяне, но и египтяне, греки и римляне, то есть народы, наиболее цивилизованные и прославленные оружием и мудростью. Все они внушают уважение, которое следует уделять сельскому хозяйству и разведению скота: одно из них (не говоря уже о пеньке и льне, столь необходимых для нашей одежды) снабжает нас кукурузой, фруктами и бобовыми не только обильным, но и вкусным питанием; а другое, помимо поставки изысканного мяса для покрытия наших столов, почти единственное дает жизнь мануфактуре и торговле, благодаря шкурам и тканям, которые оно предоставляет.

Князья обычно желают, и их интересы, конечно, требуют этого, чтобы крестьянин, который в прямом смысле слова несет на себе жар и бремя дня и платит столь большую долю

национальных налогов, встречал благосклонность и поощрение. Но добрые и благие намерения князей слишком часто терпят поражение из-за ненасытной и беспощадной алчности тех, кто назначен собирать их доходы. История донесла до нас [pg 049] прекрасное изречение Тиберия на этот счет. Префект Египта, увеличив ежегодную дань провинции и, несомненно, с целью оказать услугу императору, перечислил ему гораздо большую сумму, чем было принято; этот принц, который в начале своего правления думал или, по крайней мере, говорил справедливо, ответил, "что его цель - не пасти, а стричь овец" [381](#).

Глава VI. О плодородии Египта.

В этой главе я расскажу только о некоторых растениях, свойственных Египту, и об изобилии кукурузы, которую он производил.

Папирус. Это растение, от корня которого отходит множество треугольных стеблей высотой в шесть или семь локтей. Древние писали сначала на пальмовых [листьях](#) [382](#) ; затем на внутренней стороне коры деревьев, откуда происходит слово *liber*, или книга; после этого на столах, покрытых воском, на которых знаки оттискивались инструментом под названием стилус, остроконечным с одного конца, чтобы писать, и плоским с другого, чтобы стирать написанное; что дало повод для следующего выражения Горация:

Sæpe stylum vertas, iterum quæ digna legi sint

Scripturus:

Sat. lib. i. x. ver. 72.

Часто меняй свой стиль, если хочешь писать

Вещи, которые выдержат второе прочтение.

Смысл этой фразы в том, что нельзя ожидать хорошего исполнения без многочисленных подчисток и исправлений. Наконец была введена [бумага](#) [383](#) , которую делали из коры папируса, разделенной на тонкие чешуйки или листья, очень подходящие для письма; этот папирус также назывался библус.

Nondum flumineas Memphis contexere byblos

Новерат.

Лукан.

Мемфис еще не умел складываться в листья.

Водяной Библос.

[pg 050]

Плиний называет ее замечательным изобретением, [384](#) столь полезным для жизни, что оно сохраняет память о великих деяниях и увековечивает тех, кто их совершил. Варро приписывает это изобретение Александру Македонскому, когда он строил Александрию; но его заслуга заключалась лишь в том, что он сделал бумагу более распространенной, поскольку изобретение было гораздо более древним. Тот же Плиний добавляет, что Евмен, царь Пергама, заменил пергамент бумагой, подражая Птолемею, царю Египта, чью библиотеку он стремился превзойти этим изобретением, имевшим преимущество перед

бумагой. Пергамент - это шкура овцы, выделанная и пригодная для письма. Он был назван пергаментом от Пергама, чьи цари имели честь его изобрести. Все древние манускрипты написаны либо на пергаменте, либо на пергаменте, который представляет собой телячью кожу, гораздо более тонкую, чем обычный пергамент. Очень любопытно видеть белую тонкую бумагу, сделанную из грязных тряпок, подобранных на улицах. Растение папирус было также полезно для изготовления парусов, снастей, одежды, покрывал и т. д.³⁸⁵

Лен. Лен - растение, кора которого, наполненная волокнами или нитями, используется для изготовления тонкого льна. Способ изготовления этого льна в Египте был замечательным и доведен до такого совершенства, что нити, которые из него вытягивали, были почти слишком малы для наблюдения самого острого глаза. Священники всегда одевались в льняные одежды, и никогда - в шерстяные; и все знатные люди обычно носили льняные одежды. Этот лен составлял значительную часть египетской торговли, и огромное его количество экспортировалось в другие страны. В производстве льна в Египте было занято огромное количество рабочих рук, особенно женщин, как явствует из отрывка Исаяи, в котором пророк угрожает Египту засухой столь ужасного характера, что она должна прервать всякий труд. "Более того, все, работающие с тонким льном, и все, плетущие сети, будут смущены".³⁸⁶ Также мы находим в Писании, что одним из последствий града, обрушенного Моисеем на Египет, было уничтожение всего льна, который в то время был сплетен.³⁸⁷ Эта буря была в марте.

[pg 051]

Биссус. Это был другой вид льна, очень тонкий и нежный, который часто окрашивался в пурпурный цвет.³⁸⁸ Он был очень дорог, и никто, кроме богатых и состоятельных людей, не мог позволить себе носить его. Плиний, который отводит первое место асбестону или асбестину (то есть негорючему льну), ставит бисус в следующий ряд; и говорит, что "из него делали платья и украшения для дам".³⁸⁹ Из Священного Писания следует, что ткани из этого тонкого льна привозили в основном из Египта: "виссон с вышивкой из Египта"³⁹⁰.

Я не обращаю внимания на лотос, очень распространенное растение, пользующееся большим спросом у египтян, из ягод которого в прежние времена делали хлеб. В Африке был еще один лотос, давший название лотофагам, или лотоседам, потому что они питались плодами этого дерева, имевшими, если верить Гомеру, столь восхитительный вкус, что заставляли тех, кто их ел, забывать все сладости родной страны³⁹¹, как это, к своему огорчению, обнаружил Улисс по возвращении из Трои.

В целом можно сказать, что египетские бобовые и фрукты были превосходны и, как замечает Плиний³⁹², могли бы в одиночку прокормить жителей, настолько они были превосходны по качеству и так велики по изобилию. И действительно, рабочие люди тогда почти ничем другим не питались, о чем свидетельствуют те, кто был занят на строительстве пирамид.

Кроме этих сельских богатств, Нил, благодаря своей рыбе и жирности почвы для откорма скота, поставлял на столы египтян самую изысканную рыбу всех видов и самую сочную мякоть. Именно это заставило израильтян так сильно сожалеть о потере Египта, когда они оказались в пустыне: "Кто, - говорили они [pg 052] пронзительным и в то же время мятежным тоном, - даст нам плоть в пищу? Мы помним плоть, которую мы ели в Египте свободно; огурцы и дыни, и лук, и порей, и гарлик.³⁹³ Мы сидели у горшков с плотью и ели хлеб досыта."³⁹⁴

Но великое и несравненное богатство Египта проистекало из его кукурузы, которая даже в условиях почти всеобщего голода позволяла ему поддерживать все соседние народы, что особенно ярко проявилось во времена правления Иосифа. В более поздние века он был

ресурсом и самым надежным зернохранилищем Рима и Константинополя. Хорошо известно, как клевета, возведенная на святого Афанасия, а именно то, что он угрожал в будущем предотвратить ввоз кукурузы в Константинополь из Александрии, разозлила императора Константина на этого святого епископа, потому что он знал, что его столица не может просуществовать без кукурузы, которую привозят в нее из Египта. Та же причина побуждала всех римских императоров так заботиться о Египте, который они считали кормилицей мировой метрополии.

Тем не менее, та же самая река, которая позволила этой провинции прокормить два самых густонаселенных города в мире, иногда приводила даже сам Египет к самому ужасному голоду: удивительно, что мудрое предвидение Иосифа, который в плодотворные годы предусмотрел сезоны бесплодия, не должно было научить этих столь хвастливых политиков принимать подобные меры предосторожности против изменений и непостоянства Нила. Плиний в своем панегирике Траяну с удивительной силой описывает крайности, до которых довел страну голод в правление этого принца, и его щедрое избавление от него. Читатель не откажется прочесть здесь выдержку из него, в которой больше внимания будет уделено мыслям Плиния, чем его выражениям.

"Египтяне, - пишет Плиний, - превозносили себя тем, что для производства кукурузы им не нужны ни дождь, ни солнце, и полагавшие, что могут с уверенностью оспаривать призыв изобилия у самых плодовитых стран мира, были обречены на неожиданную засуху и фатальное бесплодие, поскольку большая часть их территорий была опустошена и оставлена без воды Нилом, [pg 053] затопление которого является источником и надежным мерилем их изобилия. Тогда они обратились к своему принцу с просьбой о помощи, которую привыкли ожидать только от своей реки. "395 Задержка с получением помощи была не более той, что потребовалась курьеру, чтобы доставить печальную новость в Рим; и можно было предположить, что это несчастье постигло их только для того, чтобы еще ярче продемонстрировать щедрость и доброту Сезара. Это было древнее и общее мнение, что наш город не мог просуществовать без провизии, получаемой из Египта.396 Этот тщеславный и гордый народ хвастался, что, будучи завоеванным, он, тем не менее, кормит своих завоевателей; что с помощью своей реки, изобилие или недостаток были полностью в их собственном распоряжении. Но теперь мы вернули Нилу его собственные урожаи и отдали ему провизию, которую он нам прислал. Пусть египтяне на собственном опыте убедятся, что они нам не нужны и являются лишь нашими вассалами. Пусть они знают, что их корабли привозят нам не столько провизию, в которой мы нуждаемся, сколько дань, которую они нам должны. И пусть они никогда не забывают, что мы можем обойтись без них, но они никогда не смогут обойтись без нас". Эта плодотворнейшая провинция была бы разорена, если бы не носила римских цепей. В своем государе египтяне нашли избавителя и отца. Пораженные видом своих амбаров, наполненных без всякого труда, они не могли понять, кому обязаны этим чужеземным и безвозмездным изобилием. Голод народа, хоть и находящегося на таком расстоянии от нас, но так быстро прекратившегося, лишь дал ему почувствовать преимущество жизни под властью нашей империи. Может быть, в другие времена Нил и распространял на Египет больше изобилия, но никогда - больше славы.397 Пусть Небо, удовлетворившись этим доказательством терпения народа и щедрости принца, навсегда вернет Египту его древнее плодородие!"

Упрек Плиния египтянам за их тщеславную и глупую [pg 054] гордыню в отношении разливов Нила указывает на одну из их самых характерных черт и напоминает мне о прекрасном отрывке из Иезекииля, где Бог так обращается к фараону, одному из их царей: "Вот Я против тебя, фараон, царь Египетский, великий дракон, лежащий посреди рек своих, который

говорит: река моя - моя, и я сделал ее для себя "398."398 Бог уловил невыносимую гордость в сердце этого царевича: чувство безопасности и уверенности в том, что разливы Нила полностью зависят от влияния небес; как будто счастливые последствия этих разливов были вызваны только его собственными заботами и трудами или трудами его предшественников: "Река моя, и я создал ее".

Прежде чем завершить эту вторую часть, посвященную нравам египтян, я считаю необходимым обратить внимание моих читателей на различные отрывки из истории Авраама, Иакова, Иосифа и Моисея, которые подтверждают и иллюстрируют часть того, что мы встречаем у светских авторов по этому вопросу. Там они увидят совершенную политику, царившую в Египте, как при дворе, так и во всем царстве; бдительность принца, который был в курсе всех дел, имел регулярный совет, избранное число министров, постоянно поддерживаемую и дисциплинированную армию, как конную, так и пешую, и вооруженные колесницы; интенданты во всех провинциях; надсмотрщики или хранители государственных амбаров; мудрые и точные раздатчики хранящегося в них зерна; двор, состоящий из великих офицеров короны, капитана его гвардии, главного виночерпия, хозяина его кладовой; словом, все то, что составляет домашнее хозяйство принца и великолепный двор. Но прежде всего читатель восхитится страхом, с которым относились к угрозам Бога, контролера всех действий и судьи самих царей, и ужасом, который египтяне испытывали к прелюбодеянию, признанному преступлением столь отвратительным, что только оно могло навлечь гибель на весь народ399.

[pg 055]

Часть третья. История царей Египта.

Ни одна часть древней истории не является более туманной и неопределенной, чем история первых царей Египта. Эта гордая нация, с гордостью воображавшая свою древность и благородство, считала за счастье затеряться в бездне бесконечных веков, которые, казалось, уносили ее притязания в вечность. По словам его собственных историков400 , сначала боги, а затем полубоги или герои управляли им последовательно, на протяжении более чем двадцати тысяч лет. Но абсурдность этого тщетного и сказочного утверждения легко обнаружить.

После богов и полубогов правителями или царями в Египте становились люди, о которых Манефо оставил нам тридцать династий или княжеств. Этот Манефо был египетским первосвященником и хранителем священных архивов Египта, получившим греческое образование: он написал историю Египта, которую, как он утверждал, извлек из трудов Меркурия и других древних мемуаров, хранившихся в архивах египетских храмов. Он составил эту историю во времена правления и по приказу Птолемея Филадельфа. Если допустить, что его тридцать династий сменяют друг друга, то они составляют временной ряд, насчитывающий более пяти тысяч трехсот лет, вплоть до царствования Александра Македонского; но это явная подделка. Кроме того, у Эратосфена401 , приглашенного в Александрию Птолемеем Эвргелом, мы находим каталог тридцати восьми фиванских царей, все они отличаются от тех, о которых пишет Манефо. Разъяснение этих трудностей потребовало от ученых больших усилий и труда. Наиболее эффективный способ примирить

такие противоречия - предположить, как и почти все современные авторы, что цари этих различных династий правили не последовательно друг за другом, а многие из них в одно и то же время и в разных странах Египта. В Египте было четыре главных династии: Фиванская, Тинская, Мемфисская и Танисская. Я не буду [pg 056] здесь приводить читателям список царей, правивших в Египте, о большинстве из которых мы имеем только переданные нам имена. Я обращаю внимание только на то, что кажется мне наиболее подходящим, чтобы дать молодежи необходимый свет на эту часть истории, ради которой я в основном и взялся за это дело; и я ограничусь главным образом мемуарами, оставленными нам Геродотом и Диодором Сикулом, относительно египетских царей, даже не сохраняя скрупулезно точность преемственности, по крайней мере в ранней части монархии, которая очень неясна; и не претендуя на примирение этих двух историков. Их цель, особенно Геродота, заключалась не в том, чтобы представить нам точный ряд царей Египта, а лишь в том, чтобы указать на тех князей, чья история показалась им наиболее важной и поучительной. Я буду следовать тому же плану и надеюсь, что меня простят за то, что я не вовлеку ни себя, ни своих читателей в лабиринт почти неразрешимых трудностей, от которых едва ли смогут освободиться самые способные, когда они будут претендовать на то, чтобы следовать ряду истории и сводить ее к фиксированным и определенным датам. Любопытные могут ознакомиться с учеными [трусами402](#) , в которых этот предмет рассматривается во всем его объеме.

Должен заметить, что Геродот, опираясь на доверие египетских жрецов, с которыми он консультировался, приводит множество оракулов и необычных происшествий, которые, хотя он и рассказывает о них как о многочисленных фактах, благоразумный читатель легко обнаружит, что они действительно таковыми являются - то есть вымыслами.

Древняя история Египта насчитывает 2158 лет и естественным образом делится на три периода.

Первый начинается с установления египетской монархии Менесом или Мисраимом, сыном [Чама403](#) , в 1816 году мира; и заканчивается разрушением этой монархии Камбизом, царем Персии, в 3479 году мира. Этот первый период насчитывает 1663 года.

Второй период перемежается с персидской и греческой историей и длится до смерти Александра Македонского, которая произошла в 3681 году, и, следовательно, включает 202 года.

[pg 057]

Третий период - это период, когда в Египте была образована новая монархия Лагидами, или Птолемеями, потомками Лага, до смерти Клеопатры, последней царицы Египта, в 3974 году; и этот последний период охватывает 293 года.

Теперь я буду рассматривать только первый период, оставив два других для тех эр, к которым они относятся.

А.М. 1816. Ant. J.C. 2188.

Цари Египта - МЕНЕС. Историки единодушно считают, что Менес был первым царем Египта. Утверждается, и небезосновательно, что он тождественен Мисраиму, сыну Чама.

Чам был вторым сыном Ноя. Когда семья последнего после экстравагантной попытки построить Вавилонскую башню рассеялась по разным странам, Чам удалился в Африку; несомненно, именно ему впоследствии поклонялись как богу под именем Юпитера Аммона. У него было четверо детей: [Чус404](#) , Мисраим, Фут и Ханаан. Чус поселился в Эфиопии,

Мисраим - в Египте, который обычно называется в Писании по его имени и по имени его отца [Чама](#)⁴⁰⁵; Фут завладел той частью Африки, которая лежит к западу от Египта, а Ханаан - страной, которая впоследствии носила его имя. Ханаанеи - это, несомненно, тот самый народ, который греки почти всегда называют финикийцами, и это иностранное название не может быть объяснено ничем, кроме забвения истинного.

Я возвращаюсь к Мисраиму.⁴⁰⁶ Его считают одним и тем же с Менесом, которого все историки объявляют первым царем Египта, учредителем поклонения богам и церемоний жертвоприношений.

Бусирис, спустя несколько веков после него, построил знаменитый город Фивы и сделал его резиденцией своей империи. В другом месте мы уже отмечали богатство и великолепие этого города. Этого принца не следует путать с Бусирисом, столь печально известным своими жестокостями.

Осимандиас. Диодор очень подробно описывает множество великолепных зданий, возведенных этим [царем](#)⁴⁰⁷; одно из [pg 058], украшенное скульптурами и картинами изысканной красоты, изображало его экспедицию против бактрийцев, народа Азии, на который он напал с четырьмястами тысячами пеших и двадцатью тысячами конных. В другой части здания было представлено собрание судей, председатель которого носил на груди изображение Истины с закрытыми глазами, а сам был окружен книгами - эмблема, обозначающая, что судьи должны быть прекрасно осведомлены о законах и беспристрастны в их исполнении.

Здесь же был изображен царь, приносящий в жертву богам золото и серебро, которые он ежегодно извлекал из шахт Египта, на сумму в шестнадцать миллионов.⁴⁰⁸

Недалеко от него находилась великолепная библиотека, самая древняя из упоминаемых в истории. Ее название или надпись на фасаде гласила: "Кабинет, или сокровищница, лекарств от болезней души". Рядом с ней были установлены статуи, изображающие всех египетских богов, каждому из которых царь делал соответствующие подношения; таким образом он, казалось, хотел сообщить потомкам, что его жизнь и правление были увенчаны благочестием по отношению к богам и справедливостью по отношению к людям.

Его мавзолей отличался необычайным величием; он был окружен золотым кругом в локоть шириной и 365 локтей в окружности; каждый из них показывал восход и заход солнца, луны и остальных планет. Ведь еще при этом царе египтяне делили год на двенадцать месяцев, каждый из которых состоял из тридцати дней; к ним они прибавляли каждый год пять дней и шесть часов.⁴⁰⁹ Зритель не знал, чем больше восхищаться в этом величественном памятнике: богатством материалов или гением и мастерством художников.

Ухорей, один из преемников Осимандиаса, построил город Мемфис.⁴¹⁰ Этот город имел 150 футов, или более семи лиг в окружности, и стоял в точке Дельты, в той части, где Нил разделяется на несколько рукавов или потоков. К югу от города он воздвиг возвышенную насыпь. Справа и слева он вырыл очень глубокие рвы для приема реки. Они были облицованы камнем и подняты, [pg 059] возле города, с помощью сильных причин; все это предназначалось для защиты города от наводнений Нила и вторжений врагов. Город, так выгодно расположенный и так сильно укрепленный, что он был почти ключом Нила, и благодаря этому командовал всей страной, вскоре стал обычной резиденцией египетских царей. Он сохранял эту честь до тех пор, пока Александрия не была построена Александром Македонским.

МАЙРИС. Этот царь создал знаменитое озеро, которое носило его имя и о котором уже упоминалось,

A.M. 1920. Ant. J.C. 2084.

Египет долгое время управлялся местными князьями, когда чужеземцы, называемые царями-пастухами (Hycsos на египетском языке) из Аравии или Финикии, вторглись и захватили большую часть Нижнего Египта и сам Мемфис; но Верхний Египет остался непокоренным, и Фиванское царство просуществовало до правления Сесостриса. Эти иноземные князья правили около 260 лет.

2084 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1920.

При одном из этих князей, называемом в Писании [фараоном411](#) (имя, общее для всех царей Египта), Авраам прибыл туда со своей женой Саррой, которая подвергалась большой опасности из-за своей изысканной красоты; достигнув слуха князя, она была отнята им у Авраама, на том основании, что она не была его женой, а только его сестрой.

A.M. 2179. Ant. J.C. 1825.

ФЕТМОС, или Амос, изгнав царей-пастухов, воцарился в Нижнем Египте.

A.M. 2276. Ant. J.C. 1728.

Спустя долгое время после его правления Иосиф был привезен в Египет в качестве раба некоторыми измаильскими купцами, продан Потифару и, благодаря ряду удивительных событий, получил верховную власть, будучи возведен на главную должность в царстве. Я не буду останавливаться на его истории, поскольку она известна всем. Но я должен обратить внимание на одно замечание Юстина (эпитомиста Трога [Помпея412](#), превосходного историка эпохи Августа), а именно. что Иосиф, младший из детей Иакова, которого его братья из зависти продали иностранным купцам, будучи наделен с [неба413](#) толкованием снов и знанием будущего, своим необыкновенным благоразумием сохранил [pg 060] Египет от голода, которым он грозил, и был чрезвычайно ласков с царем.

A.M. 2298. Ant. J.C. 1706.

Иаков также отправился в Египет со всей своей семьей, которая встретила самое доброе отношение со стороны египтян, пока важные заслуги Иосифа были свежи в их памяти. Но после его смерти, говорится в [Писании414](#), "восстал новый царь, который не знал Иосифа".

A.M. 2427. Ant. J.C. 1577.

РАМСЕС-МИАМУН, по мнению архиепископа Ашера, было именем этого царя, который в Писании называется фараоном. Он царствовал шестьдесят шесть лет и жесточайшим образом угнетал израильтян. "Он поставил над ними надсмотрщиков, чтобы они тяготили их своим бременем, и они построили для фараона [города-сокровищницы415](#), Пифом и Раамсес, и египтяне заставили сынов Израилевых служить с жестокостью, и они сделали их жизнь горькой от тяжелого рабства, в растворе и в кирпиче, и во всякой службе в поле; вся их служба, где они заставляли их служить, была с жестокостью. "[416](#) У этого царя было два сына, Аменофис и Бусирис.

A.M. 2494. Ant. J.C. 1510.

Старший из них, Аменофис, стал его преемником. Он был тем фараоном, при котором израильтяне вышли из Египта и утонули при переходе через Красное море.

Отец Турнемин считает Сесостриса, о котором мы сейчас поговорим, фараоном, который поднял гонения на израильтян и угнетал их самыми мучительными трудами. Это в точности соответствует рассказу Диодора об этом царевиче, который использовал в своих египетских работах только иностранцев; так что мы можем отнести памятное событие перехода через Красное море к его сыну [Ферону417](#), а характеристика нечестивости, приписываемая ему Геродотом, значительно усиливает вероятность этой гипотезы. План, которого я предполагаю придерживаться в этой истории, позволяет мне не вдаваться в хронологические рассуждения.

Диодор, говоря о Красном [море418](#), сделал одно замечание, очень достойное нашего внимания; предание (говорит этот историк) передавалось через весь народ, от отца к [pg 061] сыну, в течение многих веков, что однажды необыкновенный прилив высушил море, так что было видно его дно; и что бурный поток сразу после этого вернул воды в их прежнее русло. Очевидно, что здесь содержится намек на чудесный переход Моисея через Красное море; и я делаю это замечание специально для того, чтобы уведомить молодых студентов, что они не должны пропускать при чтении авторов эти драгоценные остатки древности, особенно когда они, как этот отрывок, имеют какое-либо отношение к религии.

Архиепископ Ашер говорит, что Аменофис оставил двух сыновей, одного из которых звали Сесотис или Сесострис, а другого Армаис. Греки называют его Белусом, а двух его сыновей - Египтом и Данаем.

[Сесострис419](#) был не только одним из самых могущественных царей Египта, но и одним из величайших завоевателей, которыми может похвастаться античность. Его отец, по вдохновению ли, по капризу или, как говорят египтяне, по авторитету оракула, задумал сделать своего сына завоевателем. Он сделал это на египетский манер, то есть великим и благородным способом. Все дети мужского пола, родившиеся в один день с Сесострисом, по приказу царя были доставлены ко двору. Здесь их воспитывали так, как если бы они были его собственными детьми, с той же заботой, что и о Сесострисе, с которым они воспитывались. Он не мог дать ему ни более верных министров, ни офицеров, которые бы более ревностно желали успеха его оружию. Главной частью их воспитания было приучение их с младенчества к тяжелой и трудоемкой жизни, чтобы в один прекрасный день они могли с легкостью переносить военные тяготы. Им никогда не давали есть, пока они не пробегут пешком или верхом значительную дистанцию. Охота была их самым распространенным занятием.

[Илиан отмечает420](#), что Сесостриса обучал Меркурий, который наставлял его в политике и искусстве управления. Этот Меркурий - тот, кого греки называли Трисмегистом, то есть трижды великим. Египет, его родная страна, обязан ему изобретением почти всех искусств. Две книги, выходящие под его именем, обладают столь очевидной новизной, что подделка уже не вызывает сомнений. Был еще один Меркурий [pg 062], который также был очень известен среди египтян своими редкими знаниями; и гораздо более древний, чем тот, о котором мы говорили. Ямблик, египетский жрец, утверждает, что у египтян было принято прикреплять имя Гермеса или Меркурия ко всем новым книгам или изобретениям, которые предлагались публике.

Когда Сесострис достиг зрелого возраста, отец отправил его против аравийцев, чтобы он приобрел военные знания. Здесь молодой принц научился переносить голод и жажду и покорил народ, который до этого никогда не был покорен. Юноши, получившие образование вместе с ним, сопровождали его во всех походах.

Привыкший к военным трудам, он был отправлен отцом испытать судьбу на западе. Он вторгся в Ливию и покорил большую часть этой огромной страны.

2513 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1491.

СЕСОСТРИС. Во время этой экспедиции умер его отец, оставив его способным на величайшие предприятия. Он задумал не что иное, как покорение всего мира. Но прежде чем покинуть свое королевство, он позаботился о своей внутренней безопасности, завоевав сердца подданных щедростью, справедливостью, популярным и услужливым поведением. Не менее тщательно он старался завоевать расположение своих офицеров и солдат, которых он хотел заставить быть готовыми пролить последнюю каплю своей крови на его службе; он был убежден, что все его предприятия будут безуспешными, если армия не будет привязана к его персоне всеми узами уважения, привязанности и интереса. Он разделил страну на тридцать шесть правительств (называемых Номи) и наделил их заслуженными и наиболее достойными верности людьми.

Тем временем он провел необходимые приготовления, собрал войска и возглавил их офицерами, отличавшимися величайшей храбростью и репутацией, которые были взяты в основном из числа молодых людей, получивших у него образование. Таких офицеров у него было семнадцать сотен, и все они были способны вселить в его войска решимость, любовь к дисциплине и рвение к службе своему принцу. Его армия состояла из шестисот тысяч пеших и двадцати четырех тысяч конных, а также двадцати семи тысяч вооруженных колесниц.

Он начал свою экспедицию с вторжения в Эфиопию, расположенную [pg 063] югу от Египта. Он сделал ее данницей и обязал народы, населяющие ее, ежегодно поставлять ему определенное количество черного дерева, слоновой кости и золота.

Он снарядил флот из четырехсот кораблей и, приказав ему продвигаться к Красному морю, стал хозяином островов и городов, лежащих на берегах этого моря. Сам же он, возглавив свое сухопутное войско, с удивительной быстротой захватил и покорил Азию и продвинулся в Индию дальше, чем это когда-либо делали Геракл, Вакх и впоследствии сам Александр, ибо он покорил страны за Гангом и продвинулся до самого океана. Отсюда можно судить, насколько неспособны были сопротивляться ему соседние страны. Скифы, вплоть до реки Танаис, а также Армения и Каппадокия были покорены. Он оставил колонию в древнем царстве Колхос, расположенном к востоку от Черного моря, где с тех пор сохранились египетские обычаи и нравы. Геродот видел в Малой Азии, от одного моря до другого, памятники своих побед. В нескольких странах можно было прочесть следующую надпись, выгравированную на столбах: "Сесострис, царь царей и владыка владык, покорил эту страну силой своего оружия". Такие столбы были найдены даже во Фракии, а его империя простиралась от Ганга до Дуная. Во время его походов одни народы храбро защищали свои свободы, а другие уступали их, не оказывая ни малейшего сопротивления. Это неравенство он обозначал иероглифическими фигурами на памятниках, воздвигнутых для увековечивания памяти о его победах, в соответствии с египетской практикой.

Нехватка провизии во Фракии остановила ход его завоеваний и не позволила ему продвинуться дальше в Европу. В этом завоевателе, который ни разу не подумал, как другие, о сохранении своих приобретений, но довольствовался славой покорения и опустошения стольких народов; после того как он в течение девяти лет производил дикий хаос по всему миру, он ограничился почти древними пределами Египта, за исключением нескольких соседних провинций, ибо мы не находим никаких следов или следов этой новой империи ни при нем, ни при его преемниках.

Поэтому он вернулся, нагруженный добычей побежденных народов, ведя за собой бесчисленное множество пленников, и покрытый большей славой, чем любой из его предшественников; той славой, о которой столько языков и перьев трубят в своих похвалах; которая заключается в захвате большого количества провинций враждебным путем и часто приводит к бесчисленным бедствиям. Он награждал своих офицеров и солдат с поистине королевским великолепием, соразмерно их званию и заслугам. Он сделал своим удовольствием и долгом поставить сподвижников своей победы в такое состояние, которое позволило бы им наслаждаться в оставшиеся дни спокойным и легким отдыхом, справедливым вознаграждением за их прошлые труды.

Что касается его самого, то, всегда заботясь о своей репутации, а еще больше о том, чтобы сделать свою власть выгодной для своих подданных, он использовал покой, который позволял ему мир, для возведения сооружений, которые могли бы больше способствовать обогащению Египта, чем увековечению его имени; сооружений, в которых искусство и промышленность рабочих вызывали большее восхищение, чем огромные суммы, которые были на них потрачены.

Сто знаменитых храмов, воздвигнутых как многочисленные памятники благодарности богам-покровителям всех городов, были первыми, а также наиболее яркими свидетельствами его побед; и он позаботился о том, чтобы в надписях на них было указано, что эти могучие работы были завершены без обременения кого-либо из его подданных. Он сделал своей славой то, что был нежен с ними и использовал только пленников в этих памятниках своих завоеваний. Писание отмечает нечто подобное, когда говорит о постройках Соломона.⁴²¹ Но особенно он гордился тем, что украсил и обогатил храм Вулкана в Пелузиуме в знак признательности за защиту, которую, как ему казалось, оказал ему этот бог, когда по возвращении из похода его брат задумал уничтожить его в этом городе вместе с женой и детьми, поджег квартиру, где он тогда лежал.

Его великим делом было возведение во всех частях Египта значительного числа высоких берегов или молв, на которых строились новые [pg 065] города, чтобы они служили защитой для людей и зверей во время разливов Нила.

От Мемфиса до самого моря он прорыл по обеим сторонам реки множество каналов для удобства торговли и перевозки провизии, а также для установления легкой связи между наиболее удаленными друг от друга городами. Помимо преимуществ в движении, Египет благодаря этим каналам стал недоступен для конницы своих врагов, которые до этого так часто досаждали ему постоянными набегами.

Он сделал еще больше. Чтобы обезопасить Египет от набегов ближайших соседей, сирийцев и аравийцев, он укрепил все восточное побережье от Пелусия до Гелиополя, то есть на протяжении более семи [лиг](#)⁴²².

Сесострис мог бы считаться одним из самых прославленных и хвастливых героев древности, если бы блеск его воинственных деяний, равно как и мирных добродетелей, не был запятнан жадной славой и слепой любовью к собственному величию, которые заставили его забыть, что он человек. Цари и вожди покоренных народов приходили в установленное время, чтобы выразить почтение своему победителю и заплатить ему положенную дань. Во всех остальных случаях он обращался с ними достаточно гуманно и великодушно. Но когда он отправлялся в

храм или въезжал в свою столицу, он заставлял этих принцев запрягать в свою машину по четыре в ряд, вместо лошадей; и он ценил себя за то, что его таким образом влекли владыки и государи других народов. Меня больше всего удивляет, что Диодор относит это глупое и бесчеловечное тщеславие к числу самых ярких поступков этого принца.

Ослепнув от старости, он умер от собственных рук, процарствовав тридцать три года и оставив после себя бесконечно богатое царство. Его империя, тем не менее, не вышла за пределы четвертого поколения. Но еще сохранились, вплоть до царствования Тиберия, великолепные памятники, свидетельствующие о масштабах Египта при [Сесострисе423](#) и огромных даях, которые ему [платили424](#).

[pg 066]

Теперь я возвращаюсь к некоторым фактам, которые имели место в этот период, но которые были опущены, чтобы не прерывать нить истории, и теперь я лишь едва упомяну о них.

A.M. 2448.

Примерно в ту эпоху, о которой идет речь, египтяне расселились по разным уголкам земли. Колония, которую Кекропс вывел из Египта, построила двенадцать городов, или, скорее, столько же городов, из которых он составил Афинское царство.

A.M. 2530.

Мы видели, что брат Сесостриса, называемый греками Данаем, задумал убить его по возвращении в Египет после завоевания. Но, потерпев поражение в своем ужасном замысле, он был вынужден бежать. После этого он удалился в Пелопоннес, где захватил царство Аргос, основанное около четырехсот лет назад Инахом.

2533 Г. Н.Э.

Бусирис, брат Аменофиса, столь печально известный древним своими жестокостями, в это время осуществлял свою тиранию на берегах Нила и варварски убивал всех иностранцев, которые высаживались в его стране: это было, вероятно, во время отсутствия Сесостриса.

2549 Г. Н.Э.

Примерно в то же время Кадм привез из Сирии в Грецию изобретение букв. Некоторые утверждают, что эти знаки или буквы были египетскими и что сам Кадм был уроженцем Египта, а не Финикии; а египтяне, которые приписывают себе изобретение всех искусств и могут похвастаться большей древностью, чем любой другой народ, приписывают своему Меркурию честь изобретения букв. Большинство ученых сходятся во мнении, [425](#) что Кадм перенес в Грецию финикийские или сирийские буквы, и что эти буквы были такими же, как и гебраистские; гебраисты, которые составляли лишь небольшую нацию, были объединены под общим названием сирийцев. Иосиф Скалигер в своих примечаниях к "Хронике" Евсевия доказывает, что греческие буквы и те из латинского алфавита, которые образовались на их основе, происходят от древних финикийских букв, которые тождественны самаритянским и использовались евреями до вавилонского плена. Кадм перенес [pg 067] в Грецию только шестнадцать [букв426](#), восемь других были добавлены позже.

Я возвращаюсь к истории египетских царей, которых в дальнейшем буду располагать в том же порядке, что и Геродот.

A.M. 2517. Ant. J.C. 1547.

ФЕРОН сменил Сесостриса на царстве, но не в славе. [Геродот427](#) рассказывает только об одном его поступке, который показывает, как сильно он выродился из религиозных чувств своего отца. Во время чрезвычайного разлива Нила, превышавшего восемнадцать локтей, этот принц, разгневанный диким хаосом, который он произвел, бросил в реку копье, как будто намереваясь таким образом наказать ее за дерзость; но сам был немедленно наказан за свою нечестивость, если верить историку, потерей зрения.

A.M. 2800. Ant. J.C. 1204.

ПРОТЕЙ.[428](#) Он был родом из Мемфиса, где во времена [Геродота429](#) все еще стоял его храм, в котором была часовня, посвященная Венере-страннице. Есть предположение, что этой Венерой была Елена. В царствование этого монарха троянец Парис, возвращавшийся домой с похищенной им Еленой, был загнан бурей в одно из устьев Нила, называемое Канопик, и оттуда доставлен к Протею в Мемфис, который в самых резких выражениях упрекнул его в подлом вероломстве и вине за кражу жены своего хозяина, а вместе с ней и всего имущества в его доме. Он добавил, что единственной причиной, по которой он не наказал его [pg 068] смертью (как того заслуживало его преступление), было то, что египтяне были осторожны и не марали свои руки в крови чужеземцев: что он сохранит Елену со всеми богатствами, которые были привезены с ней, чтобы вернуть их законному владельцу; что касается его самого (Париса), то он должен либо покинуть свои владения через три дня, либо ожидать, что с ним будут обращаться как с врагом. Приказ короля был выполнен. Парис продолжил плавание и прибыл в Трою, где его пристально преследовало греческое войско. Греки потребовали от троянцев выдать Елену, а вместе с ней и все сокровища, награбленные ее мужем. Троянцы ответили, что ни Елены, ни ее сокровищ в их городе нет. И в самом деле, неужели, говорит Геродот, Приам, столь мудрый старый князь, предпочел бы видеть, как на его глазах уничтожают его детей и страну, вместо того чтобы дать грекам справедливое и разумное удовлетворение, которого они желали? Но им было бесполезно клятвенно утверждать, что Елены нет в их городе; греки, будучи твердо убеждены, что их обманули, упорно продолжали не верить: божество, продолжает тот же историк, решило, что троянцы, полностью разрушив свой город и империю, должны преподать испуганному миру этот урок:[430](#) - [что](#) великие преступления влекут за собой столь же великие и значительные наказания от оскорбленных богов. Менелай, вернувшись из Трои, остановился при дворе царя Протея, который вернул ему Елену со всеми ее сокровищами. Геродот доказывает на основании некоторых отрывков из Гомера, что путешествие Париса в Египет не было неизвестно этому поэту.

РАМПСИНИТ. То, что рассказывает [Геродот431](#) о сокровищнице, построенной этим царем, который был самым богатым из всех своих предшественников, и о его сошествии в ад, настолько отдаёт романтикой и вымыслом, что не заслуживает упоминания здесь.

До правления этого царя в Египте существовала хотя бы тень справедливости и умеренности, но в два последующих царствования их место заняли насилие и жестокость.

ХЕОПС и КЕФРЕН.[432](#) Эти два принца, которые были настоящими братьями по сходству своих манер, похоже, [pg 069] соревновались друг с другом, кто из них больше отличится, проявляя неприкрытую нечестивость по отношению к богам и варварскую бесчеловечность по отношению к людям. Хеопс царствовал пятьдесят лет, а его брат Кефрен - пятьдесят шесть лет после него. Все время своего долгого правления они держали храмы закрытыми и запрещали приносить жертвы под страхом жесточайших наказаний. С другой стороны, они угнетали своих подданных, нанимая их на самые тяжелые и бесполезные работы, и приносили в жертву жизни бесчисленных толп людей, только чтобы удовлетворить

бессмысленное стремление увековечить их имена сооружениями огромной величины и безграничных расходов. Примечательно, что величественные пирамиды, которыми так долго восхищался весь мир, стали следствием безбожия и безжалостной жестокости этих принцев.

Микерин.⁴³³ Он был сыном Хеопса, но по характеру был противоположен своему отцу. Он не только не пошел по его стопам, но и возненавидел его поведение и предпринял совершенно иные меры. Он снова открыл храмы богов, восстановил жертвоприношения, сделал все, что было в его силах, чтобы утешить своих подданных и заставить их забыть о прошлых страданиях; он считал себя поставленным над ними не для чего иного, как для осуществления справедливости и для того, чтобы они вкусили все блага справедливого и мирного правления. Он выслушивал их жалобы, осушал их слезы, облегчал их страдания и считал себя не столько господином, сколько отцом своего народа. Это обеспечило ему всеобщую любовь. Египет оглашался его похвалами, а его имя вызывало почитание во всех местах.

Естественно было бы заключить, что столь благоразумное и гуманное поведение должно было привлечь к Микерину покровительство богов. Но все произошло далеко не так. Его несчастья начались со смерти любимой и единственной дочери, в которой заключалось все его счастье. Он приказал воздать ее памяти чрезвычайные почести, которые продолжались и во времена Геродота. Этот историк сообщает нам, что в городе Саис у гробницы этой принцессы днем возжигали изысканные благовония, а ночью постоянно горела лампада.

Оракул сказал ему, что его правление продлится всего [pg 070] семь лет. И когда он пожаловался на это богам и спросил, почему столь долгое и благополучное правление было даровано его отцу и дяде, одинаково жестоким и нечестивым, а его собственное, которое он так старался сделать справедливым и мягким, насколько это было возможно для него, должно быть столь коротким и несчастным; Ему ответили, что таковы причины этого, что такова была воля богов - угнетать и страшать Египет в течение ста пятидесяти лет в наказание за его преступления; и что его правление, которое должно было быть подобно правлению предыдущих монархов, продолжаться пятьдесят лет, было сокращено из-за его слишком большой мягкости. Мицерин также построил пирамиду, но по размерам она значительно уступала пирамиде его отца.

Асихис.⁴³⁴ Он издал закон о займах, который запрещал сыну брать деньги в долг, не предоставив в качестве залога мертвое тело отца. Закон добавлял, что если сын не позаботится выкупить тело отца, вернув заем, то и он сам, и его дети навсегда лишатся права на погребение.

Он ценил себя за то, что превзошел всех своих предшественников, построив пирамиду из кирпича, более величественную, если верить этому царю, чем все до сих пор виденные. По приказу основателя на ней была выгравирована следующая надпись. НЕ СРАВНИВАЙ МЕНЯ С ПИРАМИДАМИ, ПОСТРОЕННЫМИ ИЗ КАМНЯ; Я НАСТОЛЬКО ЖЕ ПРЕВОСХОЖУ ИХ, НАСКОЛЬКО ЮПИТЕР ПРЕВОСХОДИТ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ [богов](#)⁴³⁵.

Если мы предположим, что шесть предыдущих царствований (точная продолжительность некоторых из них не установлена Геродотом) составляют сто семьдесят лет, то до правления Сабаха Эфиопа останется промежуток почти в триста лет. В этот промежуток я помещаю несколько обстоятельств, описанных в Священном Писании.

А.М. 2991. Ant. И.К. 1013.

ФАРАОН, царь Египта, отдал свою дочь в жены Соломону, царю Израильскому, который принял ее в той части Иерусалима, которая называется городом Давида, пока не построил ей дворец⁴³⁶.

СЕСАХ или Шишак, иначе называемый Сесонхис. [стр. 071].

А.М. 3026. Ant. J.C. 978.

Именно к нему бежал Иеровоам, чтобы избежать гнева Соломона, который намеревался убить его.⁴³⁷ Он пробыл в Египте до смерти Соломона, а затем вернулся в Иерусалим, где, встав во главе мятежников, отвоевал у Реховоама, сына Соломона, десять колен, над которыми провозгласил себя царем.

3033 Г. Н.Э. Ant. J.C. 971.

Этот Сесах в пятый год царствования Ровоама выступил в поход против Иерусалима, потому что Иудеи прогневались на Господа. Он пришел с двенадцатью сотнями боевых колесниц и шестьюдесятью тысячами коней.⁴³⁸ Он привел с собой бесчисленное множество людей, которые все были ливийцами,⁴³⁹ троглодитами и эфиопами. Он овладел всеми сильнейшими городами Иудеи и дошел до Иерусалима. Тогда царь и князья Израиля, смирившись, умоляли Бога Израилева о защите; Бог сказал им через своего пророка Шемаию, что, поскольку они смирились, он не уничтожит их полностью, как они того заслуживали, но что они должны быть слугами Сесаха, "чтобы они знали разницу между службой ему и службой царствам страны".⁴⁴⁰ Сесах удалился из Иерусалима, разграбив сокровища дома Господня и царского дома; он унес с собой все, "и даже триста золотых щитов, которые сделал Соломон".

А.М. 3063. Ant. J.C. 941.

ЗЕРАХ, царь Эфиопии и, несомненно, Египта в то же время, выступил с войной против Асы, царя Иуды.⁴⁴¹ Его войско состояло из миллиона человек и трехсот боевых колесниц. Аса выступил против него и выстроил свою армию в боевой порядок, полностью полагаясь на Бога, Которому он служил: "Господи, - говорит он, - тебе нечем помочь ни со многими, ни с теми, у кого нет силы. Помогите нам, Господи, Боже наш, ибо мы уповаем на Тебя и во имя Твое идем против этого множества; Господи, Ты Бог наш, да не одолеет Тебя человек". Молитва, вознесенная с такой сильной верой, была услышана. Бог поразил эфиопов ужасом; [pg 072] они бежали, и все были безвозвратно побеждены, будучи "истреблены пред Господом и пред воинством Его".

Анис.⁴⁴² Он был слеп, и при нем САБАХ, царь Эфиопии, ободренный прорицанием, вошел в Египет с многочисленным войском и овладел им. Он царствовал с большим милосердием и справедливостью. Вместо того чтобы предавать смерти преступников, приговоренных к ней судьями, он заставлял их ремонтировать мостовые, на которых располагались соответствующие города, к которым они принадлежали. Он построил несколько великолепных храмов, и среди прочих - один в городе Бубаст, о котором Геродот дает длинное и изящное описание. После пятидесятилетнего царствования, назначенного оракулом, он добровольно удалился в свое старое царство Эфиопию, а трон Египта оставил Анису, который в это время скрывался в болотах.

А.М. 3279. Ant. J.C. 725.

Считается, что этот Сабах был одним и тем же с Со, к помощи которого обратился израильский царь Хошея против ассирийского царя [Шалманезера443](#).

Сифон. Царствовал четырнадцать лет.

3285 Г. Н.Э. Ant. J.C. 719.

Это тот же Севех, сын Сабакона, или Со, эфиопа, который так долго царствовал над Египтом. Этот принц, далекий от выполнения функций царя, стремился к выполнению функций жреца; он посвятил себя в жрецы Вулкана. Полностью отдавшись суеверию, он пренебрег защитой своего королевства силой оружия; не обращая внимания на военных людей, из твердого убеждения, что ему никогда не понадобится их помощь; поэтому он был настолько далек от стремления завоевать их расположение, что лишил их привилегий и даже лишил их доходов от тех земель, которые им даровали его предшественники.

Вскоре он почувствовал их недовольство во время внезапно вспыхнувшей войны, от которой он избавился исключительно благодаря чудесной защите, если верить Геродоту, который перемежает свой рассказ об этой войне множеством сказочных подробностей. Санахариб (так Геродот называет этого принца), царь аравийцев и ассирийцев, вошел в Египет с многочисленным войском, египетские офицеры и солдаты отказались [pg 073] выступить против него. Верховный жрец Вулкана, доведенный до крайности, обратился к своему богу, который велел ему не унывать, а смело идти на врага с теми немногими солдатами, которых он мог собрать. Сетон послушался. К нему присоединилось небольшое число купцов, ремесленников и прочих отбросов населения, и с этой горсткой людей он отправился в Пелузий, где Санахариб разбил свой лагерь. На следующую ночь в лагерь ассирийцев ворвалось огромное количество крыс, которые перегрызли все тетивы их луков и щитов, сделав их неспособными к какой-либо защите. Обезоруженные таким образом, они были вынуждены бежать и отступили, потеряв большую часть своих сил. Вернувшись домой, Сетон приказал установить в храме Вулкана свою статую, держащую в правой руке крысу, и начертать на ней такие слова: "Пусть тот, кто увидит меня, научится почитать БОГОВ" [444](#).

Совершенно очевидно, что эта история, приведенная здесь Геродотом, является переделкой той, что рассказывается во второй книге Царств. Там мы видим, [445](#) что Сеннахериб, царь ассирийцев, покорив все соседние народы и став хозяином всех остальных городов Иудеи, решил осадить Езекию в Иерусалиме, своей столице. Служители этого святого царя, несмотря на его противодействие и уговоры пророка Исаии, обещавшего им от имени Бога надежную и верную защиту, если они будут уповать только на Него, тайно послали за помощью к египтянам и эфиопам. Их армии, объединившись, в назначенное время отправились на помощь Иерусалиму, но были встречены и побеждены ассирийцами в упорном сражении. Он преследовал их до Египта и полностью опустошил страну. По возвращении оттуда, в ту самую ночь, когда он должен был предпринять общий штурм Иерусалима, который тогда казался потерянным для всех надежд, ангел-разрушитель произвел страшный хаос в стане ассирийцев; уничтожил огнем и мечом сто четыреста пять тысяч человек и доказал, очевидно, что у них были большие основания полагаться, как и у Езекии, на обещание Бога Израилева.

[pg 074]

Это реальный факт. Но поскольку это не было почетно для египтян, они постарались обратить его в свою пользу, скрывая и искажая его обстоятельства. Тем не менее, следы этой истории, хотя и сильно изуродованные, все же должны быть высоко оценены, поскольку исходят от историка столь великой древности и авторитета, как Геродот.

Пророк Исая не однократно предсказывал, что эта экспедиция египтян, которая была согласована, казалось бы, с таким благоразумием, проведена с величайшим мастерством и в которой были объединены силы двух могущественных империй, чтобы облегчить положение евреев, будет не только бесполезна для Иерусалима, но даже губительна для самого Египта, чьи сильнейшие города будут взяты, территории разграблены, а жители всех возрастов и полов уведены в плен. См. 18, 19, 20, 30, 31 и т. д. главы его пророчества.

Архиепископ Ашер и декан Придо полагают, что именно в этот период произошло разрушение знаменитого города Но-Амон,⁴⁴⁶ о котором говорит пророк Нахум. Этот пророк говорит,⁴⁴⁷ что "она была унесена, что ее маленькие дети были разбиты на куски в верхней части всех улиц, что враги бросали жребий о ее почетных людях, и что все ее великие люди были связаны цепями". Он отмечает, что все эти несчастья постигли город, когда Египет и Эфиопия были его силой; что, по-видимому, достаточно четко относится к тому времени, о котором мы здесь говорим, когда Таракка и Сетон объединили свои силы. Однако это мнение не лишено трудностей и опровергается некоторыми учеными мужами. Мне достаточно лишь намекнуть об этом читателю.

До правления Сифона египетские жрецы исчисляли триста сорок одно поколение ^{мужчин}⁴⁴⁸, что составляет одиннадцать тысяч триста сорок лет; три поколения относятся к ста годам. Такое же количество жрецов и царей. Последние, будь то боги или люди, сменяли друг друга без перерыва под [pg 075] именем Пиромис, египетским словом, означающим добродетельный и хороший. Египетские жрецы показали Геродоту триста сорок одну деревянную колоссальную статую этих Пиромидов, расставленных в порядке в большом зале. Такова была глупость египтян - потерять себя в далекой древности, на которую не смел претендовать ни один другой народ.

A.M. 3299. Ant. J.C. 705.

ТАРАККА. Именно он вместе с Сетоном и эфиопской армией освободил Иерусалим.⁴⁴⁹ После смерти Сетона, просидевшего на троне четырнадцать лет, на него вззошел Таракка и царствовал восемнадцать лет. Он был последним эфиопским царем, царствовавшим в Египте.

После его смерти египтяне, не сумев договориться о престолонаследии, два года находились в состоянии анархии, в течение которых среди них происходили большие беспорядки и смуты.

3319 Г. Н.Э. Ant. J.C. 685.

Наконец⁴⁵⁰ двенадцать главных вельмож, сговорившись между собой, захватили царство и разделили его между собой на столько же частей. Они договорились, что каждый должен управлять своим округом с равной силой и властью и что никто не должен пытаться вторгнуться в чужие владения или захватить их. Они сочли необходимым заключить это соглашение и скрепить его самыми страшными клятвами, чтобы уклониться от предсказания оракула, который предрекал, что тот из них, кто принесет жертву Вулкану из медной чаши, получит власть над Египтом. Они царствовали вместе пятнадцать лет в полном согласии, и чтобы оставить потомкам знаменитый памятник своего согласия, они совместно и на общие средства построили знаменитый Лабиринт, который представлял собой громаду здания, состоящего из двенадцати больших дворцов, с таким же количеством сооружений под землей, как и над ней. Я уже рассказывал об этом лабиринте в другом месте.

Однажды, когда двенадцать царей участвовали в торжественном и периодическом жертвоприношении в храме Вулкана, жрецы, подав каждому из них золотую чашу для возлияния, не досчитались одной; тогда [Псамметих451](#) без всякого умысла [pg 076] восполнил недостаток этой чаши своим медным шлемом (ведь каждый носил такой) и с ним совершил обряд возлияния. Это происшествие поразило остальных царей и напомнило им о предсказании оракула, о котором говорилось выше. Поэтому они сочли необходимым обезопасить себя от его попыток и с единого согласия изгнали его в болотистые районы Египта.

После того как Псамметих прожил там несколько лет, ожидая благоприятного случая отомстить за нанесенное ему оскорбление, курьер принес ему известие, что в Египте высадились на берег мужественные люди. Это были греческие солдаты, карийцы и ионийцы, выброшенные на берег Египта бурей, полностью покрытые шлемами, кирасами и другим вооружением из меди. Псамметих сразу же вспомнил оракул, который ответил ему, что на помощь ему придут медные люди с морского побережья. Он не сомневался, что предсказание исполнилось. Поэтому он заключил договор с этими чужеземцами, заручился их обещаниями остаться с ним, собрал другие войска и поставил во главе их этих греков; дав бой одиннадцати царям, он победил их и остался единственным владельцем Египта.

3334 Г. Н.Э. Ant. J.C. 670.

ПСАММЕТИХ. Поскольку этот князь был обязан своим сохранением ионийцам и карийцам, он поселил их в Египте (из которого до сих пор были исключены все иностранцы) и, наделив их достаточными землями и фиксированными доходами, заставил забыть о своей [родине452](#). По его приказу египетские дети были отданы под их опеку для изучения греческого языка; по этому случаю и с помощью этого средства египтяне начали переписываться с греками; и с этого времени египетская история, которая до тех пор была перемешана с напыщенными баснями благодаря уловкам жрецов, начинает, по словам Геродота, излагаться с большей правдой и достоверностью.

Как только Псамметих был посажен на трон, он вступил в войну с царем Ассирии по вопросу о границах двух империй. Эта война продолжалась долго. С тех пор как Сирия была завоевана [pg 077] ассирийцами, Палестина, единственная страна, разделявшая два царства, была предметом постоянных разногласий; так же как впоследствии между Птолемеями и Селевкидами. Они вечно боролись за нее, и ее попеременно завоевывал более сильный. Псамметих, видя себя мирным обладателем всего Египта и восстановив древнюю форму [правления453](#), решил, что ему пора позаботиться о своих границах и защитить их от ассирийцев, его соседей, чье могущество росло с каждым днем. С этой целью он вошел в Палестину во главе армии.

Возможно, к началу этой войны следует отнести случай, описанный [Диодором454](#); египтяне, спровоцированные тем, что сам царь выставил греков на правом фланге, отдав им предпочтение, оставили службу, численностью до двухсот тысяч человек, и ушли в Эфиопию, где нашли выгодное поселение.

Как бы то ни было, Псамметих вошел в Палестину, [455](#) где его продвижение было остановлено Азотом, одним из главных городов страны, который доставил ему столько хлопот, что он был вынужден осаждать его двадцать девять лет, прежде чем смог взять его. Это самая долгая осада, упоминаемая в древней истории.

В древности это была одна из пяти столиц филистимлян. Египтяне, овладев им за некоторое время до этого, укрепили его с такой тщательностью, что он стал их сильнейшим оплотом с

этой стороны. Сеннахериб не мог войти в Египет, пока не овладел этим [городом456](#), который был взят Тартаном, одним из его генералов. Ассирийцы владели им до сих пор, и только после долгой осады, о которой только что говорилось, египтяне вернули его себе.

В этот [период457](#) скифы, покинув берега Палус Мейотис, вторглись в Медию, победили царя Киаксара и лишили его всей Верхней Азии, которой они владели в течение двадцати восьми лет. Они продвинули свои завоевания в Сирии вплоть до границ Египта. Но Псамметих, выйдя им навстречу, своими подарками и уговорами добился такого успеха, что они [pg 078] не продвинулись дальше, и тем самым избавил свое царство от этих опасных врагов.

До его [правления458](#) египтяне считали себя древнейшим народом на земле. Псамметиху захотелось доказать это самому, и для этого он применил весьма необычный эксперимент. Он приказал (если мы можем доверять этому сообщению), чтобы двое детей, недавно родившихся у бедных родителей, были воспитаны (в деревне) в лачуге, которая должна была быть постоянно закрыта. Они были отданы на попечение пастуха (другие говорят, няньки, у которой были вырезаны языки), который должен был кормить их козьим молоком; ему было велено, чтобы никто не входил в эту хижину и чтобы он сам не произнес ни единого слова в слух этих детей. По истечении двух лет, когда пастух однажды зашел в хижину, чтобы покормить детей, они оба закричали, протянув руки к своему приемному отцу: "Бекко, бекко". Пастух, удивленный тем, что услышал совершенно новый для него язык, который они потом часто повторяли, послал об этом королю, который приказал привести детей к нему, чтобы он сам был свидетелем истинности того, что ему сказали; и, соответственно, оба они начали в его присутствии заикаться, издавая вышеупомянутые звуки. Теперь оставалось только выяснить, какой народ употребляет это слово; и оказалось, что фригийцы называют этим именем хлеб. С этого времени им была предоставлена честь древности, или, скорее, первенства, которую сами египтяне, несмотря на свою ревность к ней и долгие века, в течение которых они обладали этой славой, были вынуждены им уступить. Поскольку этим детям приносили коз, чтобы они могли питаться их молоком, а историки не говорят, что они были глухими, некоторые считают, что они могли выучить слово *bes* или *beccos*, подражая крику этих существ.

Псамметих умер в 24-й год Иосии, царя Иудеи, и ему наследовал его сын Нехао.

3388 Г. Н.Э. Ant. J.C. 616.

Нехао.[459](#) Этот царевич часто упоминается в Писании под именем фараона-Нехо.[460](#)

[pg 079]

Он попытался соединить Нил с Красным морем, проложив канал от одного до другого. Расстояние, разделяющее их, составляет не менее тысячи стадий.[461](#) После того как сто двадцать тысяч рабочих погибли при этой попытке, Нехао был вынужден отказаться от нее; оракул, с которым он советовался, ответил, что этот новый канал откроет варварам (так египтяне называли все другие народы) проход для вторжения в Египет.

Нехао был более успешен в другом предприятии.[462](#) Искусные финикийские мореплаватели, которых он взял к себе на службу, отплыв от Красного моря, чтобы открыть берега Африки, успешно обогнули ее, а на третий год после своего отплытия вернулись в Египет через Гибралтарский пролив. Это было очень необычное путешествие в эпоху, когда компас еще не был известен. Оно было совершено за двадцать одно столетие до того, как португалец Васко де Гама (открыв мыс Доброй Надежды в 1497 году) обнаружил тот самый способ плавания в Индию, которым эти финикийцы пришли оттуда в Средиземное море.

Вавилоняне и мидяне, разрушив Ниневию, а вместе с ней и империю ассирийцев, стали настолько грозными, что навлекли на себя зависть всех соседей.⁴⁶³ Нехао, встревоженный опасностью, во главе мощной армии двинулся к Евфрату, чтобы остановить их продвижение. Иосия, царь Иудеи, столь известный своим необычайным благочестием, заметив, что тот проезжает через Иудею, решил воспротивиться его проходу. С этой целью он собрал все силы своего царства и расположился в долине Мегиддо (город по эту сторону Иордана, принадлежащий колену Манассии и названный Геродотом Магдолом). Нехао сообщил ему через глашатая, что его предприятие не направлено против него, что у него есть другие враги, и что он начал эту войну во имя Бога, который был с ним; по этой причине он посоветовал Иосии не беспокоиться об этой войне, опасаясь, как бы она не обернулась против него. Однако Иосия не поддался [pg 080] этим доводам: он понимал, что голый марш столь мощной армии через Иудею полностью разорит ее. Кроме того, он опасался, что победитель после поражения вавилонян обрушится на него и лишит его части владений. Поэтому он выступил в поход, чтобы сразиться с Нехао, но не только был повержен им, но и, к несчастью, получил рану, от которой умер в Иерусалиме, куда он приказал себя отнести.

Нехао, воодушевленный этой победой, продолжил свой поход и продвинулся к Евфрату. Он разбил вавилонян, взял Кархемиш, большой город в этой стране, и, обеспечив себе владение им с помощью сильного гарнизона, вернулся в свое царство, пробыв в нем три месяца.

Во время похода на родину он узнал, что Иехоаза провозгласили царем в Иерусалиме, не спросив предварительно его согласия, и приказал ему встретиться с ним в Рибле в Сирии.⁴⁶⁴ Не успел несчастный царевич прибыть туда, как по приказу Нехао его заковали в цепи и отправили пленником в Египет, где он и умер. Оттуда, продолжая свой поход, он прибыл в Иерусалим, где посадил на трон Елиакима (называемого им Иехониякимом), еще одного из сыновей Иосии, вместо своего брата, и обложил землю ежегодной данью в сто талантов серебра и один талант золота.⁴⁶⁵ Сделав это, он с триумфом вернулся в Египет.

Геродот, упоминая об экспедиции этого [царя](#)⁴⁶⁶ и победе, одержанной им при [Магдоле](#)⁴⁶⁷ (как он ее называет), говорит, что после этого он взял город Кадитис, который он представляет расположенным в горах Палестины и равным по величине Сардису, столице в то время не только Лидии, но и всей Малой Азии: это описание может подойти только к Иерусалиму, который был расположен так, как описано выше, и был тогда единственным городом в тех краях, который можно было сравнить с Сардисом. Кроме того, из Писания следует, что Нехао после своей победы стал хозяином этой столицы Иудеи, ибо он был там лично, когда передавал корону Иехонии. Само название Кадитис, которое на иврите означает Святой, явно обозначает город Иерусалим, как доказал ученый декан Придо.⁴⁶⁸

A.M. 3397. Ant. J.C. 607.

Набополассар, царь Вавилона, заметив, что после взятия Нехао Кархемиша вся Сирия и Палестина отказались от его верности, а годы и немощи не позволят ему лично выступить против мятежников, соединил с собой в империи своего сына Навуходоносора, или Навуходоносора, и послал его во главе войска в эти страны. Этот молодой принц победил армию Нехао у реки Евфрат, отвоевал Кархемиш и привел в подданство восставшие провинции, как и предсказывал Иеремия.⁴⁶⁹ Таким образом, он лишил египтян всего, что им принадлежало,⁴⁷⁰ от маленькой [речки](#)⁴⁷¹[472](#) Египта до Евфрата, который охватывал всю Сирию и Палестину.

Нехао умер, процарствовав шестнадцать лет, и оставил царство своему сыну.

3404 Г. Н.Э. Ant. J.C. 600.

Псаммис. Его правление длилось всего шесть лет, и история не оставила нам ничего памятного о нем, кроме того, что он совершил поход в [Эфиопию](#)⁴⁷³.

Именно к этому князю элейцы отправили великолепное посольство после того, как учредили Олимпийские игры. Они установили все правила и устроили все обстоятельства [pg 082], связанные с ними, с такой тщательностью, что, по их мнению, ничто не казалось недостаточным для их совершенства, и сама зависть не могла найти в них недостатка. Однако они желали не столько иметь свое мнение, сколько заслужить одобрение египтян, которые считались самыми мудрыми и рассудительными людьми в мире.⁴⁷⁴ Тогда царь собрал мудрецов своего народа. После того как было выслушано все, что можно было сказать в пользу этого учреждения, элеатов спросили, допускаются ли на эти игры граждане и иностранцы без различия; на что был дан ответ, что они открыты для всех. На это египтяне ответили, что правила справедливости соблюдались бы более строго, если бы к этим поединкам допускались только иностранцы, потому что судьям при присуждении победы и приза было очень трудно не склониться в пользу своих сограждан.

А.М. 3410. Ant. J.C. 594.

Априс. В Писании его называют фараоном-Хофрой. Он сменил своего отца Псаммиса и царствовал двадцать пять [лет](#)⁴⁷⁵.

В первые годы своего правления он был столь же удачлив, как и любой из его предшественников. Он направил свои силы против острова Кипр, осадил город Сидон с моря и суши, взял его и стал хозяином всей Финикии и [Палестины](#)⁴⁷⁶.

Столь стремительный успех до невероятной степени воодушевил его сердце и, как сообщает Геродот, так раздул в нем гордыню и самолюбие, что он хвастался, будто не во власти самих богов свергнуть его; так велико было представление, которое он создал себе о прочном утверждении собственной власти. Именно с учетом этих высокомерных представлений Иезекииль вложил в свои уста следующие нечестивые слова: "Река моя - моя собственная, и я сделал ее для себя"⁴⁷⁷. Но впоследствии истинный Бог доказал ему, что у него есть хозяин и что он всего лишь человек; и Он задолго до этого угрожал ему через Своих пророков всеми бедствиями, которые Он намеревался навлечь на него, чтобы наказать его за его гордыню.

[pg 083]

Вскоре после вступления Хофры на престол Седекия, царь Иудеи, отправил к нему посольство и заключил с ним союз, а на следующий год, нарушив клятву верности, которую он дал вавилонскому царю, открыто восстал против [него](#)⁴⁷⁸.

Несмотря на то, что Бог так часто запрещал Своему народу прибегать к помощи египтян или доверять этому народу; несмотря на неоднократные бедствия, которые происходили после различных попыток получить от них помощь; они все еще считали этот народ своим самым надежным убежищем в опасности и, соответственно, не могли не обратиться к нему. Так они уже поступали в царствование святого царя Езекии, что послужило поводом для обращения Бога к Своему народу устами Его пророка Исаии: "Горе тем, которые ходят в Египет за помощью, и держатся коней, и уповают на колесницы, потому что их много; но они не смотрят на святого Израилева и не ищут Господа. Египтяне - люди, а не Бог, и кони их - плоть, а не дух; когда Господь прострет руку Свою, то и тот, кто помогает, падет, и тот, кого удерживают, падет, и они вместе погибнут".⁴⁷⁹ Но ни пророк, ни царь не были услышаны, и

ничто, кроме самого рокового опыта, не могло открыть им глаза и заставить их ясно увидеть истину Божьих угроз.

Иудеи вели себя точно так же и в этом случае. Седекия, несмотря на все увещевания Иеремии об обратном, решил заключить союз с египетским монархом, который, превозносясь успехами своего оружия и будучи уверенным, что ничто не устоит перед его силой, объявил себя защитником Израиля и обещал избавить его от тирании Навуходоносора. Но Бог, оскорбленный тем, что смертный осмелился вторгнуться на его место, так заявил о себе другому пророку: "Сын человеческий, обрати лицо твое к фараону, царю Египетскому, и пророчествуй против него и против всего Египта. Говори и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я против тебя, фараон, царь Египетский, великий дракон, лежащий посреди рек своих, который говорит: река моя - моя собственная, и я сделал ее для себя. Но Я вложу [pg 084] крючки в челюсти твои "[480](#) и т. д. Сравнив его с тростником, который ломается под человеком, опирающимся на него, и ранит его руку, Бог добавляет: "Вот, Я наведу на тебя меч и истреблю из тебя людей и зверей; земля Египетская опустеет, и узнают, что Я Господь, потому что он сказал: река Моя, и Я сделал ее "[481](#).

Седекия был далек от того, чтобы верить этим предсказаниям. Когда он услышал о приближении египетской армии и увидел, что Навуходоносор снял осаду Иерусалима, ему показалось, что его избавление завершилось, и он предвкушал триумф. Однако его радость была недолгой, так как египтяне, видя, что халдеи наступают, не решились встретиться с таким многочисленным и хорошо дисциплинированным войском.

A.M. 3416. Ant. J.C. 588.

Поэтому они ушли в свою страну, оставив несчастного Седекию подвергаться всем опасностям войны, в которую они сами его втянули.[483](#) Навуходоносор снова сел перед Иерусалимом, взял и сжег его, как пророчествовал Иеремия.

3430 Г. ПО СТАРОМУ СТИЛЮ. Ant. J.C. 574.

Через много лет после этого на Априса (фараона Хофру) обрушились наказания, которыми угрожал ему Бог.[484](#) Кирены, греческая колония, обосновавшаяся в Африке, между Ливией и Египтом, захватив и разделив между собой большую часть страны, принадлежавшей ливийцам, заставили эти народы, лишенные таким образом власти, броситься в объятия этого князя и просить его о защите. Тотчас же Априс послал в Ливию могучую армию, чтобы противостоять киринийцам; но эта армия была разбита и почти разорвана на части, и египтяне решили, что Априс послал ее в Ливию только для того, чтобы уничтожить ее и таким образом получить возможность управлять своими подданными без всякого контроля. Эти размышления побудили египтян сбросить иго принца, которого они теперь считали своим врагом. Но Априс, узнав о восстании, послал Амасиса, одного из своих [pg 085] офицеров, чтобы подавить его и заставить мятежников вернуться в подданство. Но как только Амасис начал обращаться к ним, они возложили на его голову шлем в знак возвышенного достоинства, на которое собирались его возвести, и провозгласили его царем. Приняв корону, Амасис остался с мятежниками и подтвердил их мятеж.

Априс, еще более разгневанный этим известием, послал Патарбемиса, еще одного из своих великих офицеров и одного из главных владык своего двора, арестовать Амасиса и привести его к нему; Но Патарбемис, не сумев увести Амасиса из среды мятежной армии, которой он был окружен, по возвращении Априс обошелся с ним самым позорным и бесчеловечным образом: ему отрезали нос и уши по приказу этого принца, который не задумывался, что только недостаток власти помешал ему исполнить поручение. Столь варварское злодеяние,

совершенное над столь высокопоставленным человеком, настолько возмутило египтян, что большая их часть присоединилась к мятежникам, и восстание стало всеобщим. Теперь Априс был вынужден удалиться в Верхний Египет, где он продержался несколько лет, в течение которых Амасис стал хозяином остальных его владений.

Смуты, отвлекаявшие Египет, предоставили Навуходоносору благоприятную возможность вторгнуться в это царство, и сам Бог вдохновил его на это решение. Этот принц, который был орудием Божьего гнева (хотя сам того не знал) против народа, который он решил покарать, незадолго до этого взял Тир, где он сам и его армия столкнулись с невероятными трудностями. Чтобы воздать им за труды, Бог отдал Египет в их руки. Удивительно слышать, как Сам Творец раскрывает Свои замыслы на этот счет. В Писании найдется немного отрывков, более примечательных, чем этот, или дающих более ясное представление о верховной власти, которую Бог осуществляет над всеми князьями и царствами земли: "Сын человеческий, (говорит Всемогуший Своему пророку Иезекиилю) Навуходоносор, царь Вавилонский, оказал войску своему великую услугу против Тира: каждая голова [pg 086] была облысевшая, и каждое плечо было ободранное; [485](#) но ни он не получил жалованья, ни войско его, [486](#) за ту услугу, которую он оказал против него. Итак, так говорит Господь Бог: Вот, Я отдам землю Египетскую Навуходоносору, царю Вавилонскому, и он возьмет множество ее, и возьмет добычу ее, и возьмет ее, и это будет жалованьем для войска его. Я дал ему землю Египетскую за труд его, которым он служил против нее, потому что они работали для Меня, говорит Господь Бог". [487](#) Другой пророк говорит: "Он облечется в землю Египетскую, как пастух облачается в одежду свою, и выйдет оттуда с миром". [488](#) Таким образом, он нагрузит себя добычей и покроет свои плечи и плечи своего стада всеми трофеями Египта. Благородные выражения! Они показывают, с какой легкостью вся власть и богатство царства уносятся, когда Бог назначает переворот, и переходят, подобно одежде, к новому владельцу, которому остается только взять ее и одеться в нее.

Поэтому вавилонский царь, воспользовавшись раздорами, которые вызвало в этом царстве восстание Амасиса, отправился туда во главе своей армии. Он покорил Египет от Мигдола или Магдола, города на границе царства, до Сиена, противоположной оконечности, где оно граничит с Эфиопией. Везде, куда бы он ни приходил, он производил ужасное опустошение, убивал множество жителей и производил такой страшный хаос в стране, что ущерб не мог быть восстановлен в течение сорока лет. Набуходоносор, нагрузив свою армию добычей и завоевав все царство, договорился с Амасисом и, оставив его своим наместником, вернулся в Вавилон.

Априс (фараон Хофра), оставив место, где он скрывался, двинулся к морскому побережью (вероятно, [pg 087] со стороны Ливии) и, наняв войско из карийцев, ионийцев и других иноземцев, выступил против Амасиса, с которым дал сражение близ Мемфиса; но, будучи побежден, Априс был взят в плен, отведен в город Саис и там задушен в собственном [дворце](#) [489](#).

Всевышний устами своих пророков дал удивительное описание ряда обстоятельств этого могущественного события. Именно Он сокрушил могущество Априса, некогда столь грозное, и вложил меч в руку Навуходоносора, чтобы тот мог наказать и смирить этого надменного князя. "Я, - говорит он, - против фараона, царя Египетского, и сокрушу руки его, которые были сильны, но теперь сокрушены; и меч выпадет из руки его". [490](#)- "А Я укреплю руки царя Вавилонского и вложу меч Мой в руку его". [491](#)- "И узнают, что Я Господь". [492](#)

Он перечисляет города, которые должны были пасть жертвой победителей: Патрос, Зоан, Нет (называемый в Вульгате Александрией), Син, Авен, Фибесет и т.д. [493](#)[494](#).

Особенно он обращает внимание на несчастный конец царя, который должен был быть предан своим врагам. Так говорит Господь: "Вот, Я отдам Фараона-Хофру, царя Египетского, в руки врагов его и в руки тех, кто ищет его жизни" [495](#).

Наконец, он объявляет, что в течение сорока лет египтяне будут угнетены всеми видами бедствий и доведены до такого плачевного состояния, "что не будет больше князя в земле Египетской" [496](#). Вскоре после истечения этих сорока лет Египет стал провинцией Персидской империи, которой его цари, хотя и уроженцы этой страны, были подчинены, и таким образом началось исполнение предсказания. Оно полностью исполнилось после смерти Нектанебуса, последнего царя египетского происхождения, в 3654 году н.э.

[pg 088]

С тех пор Египтом постоянно управляли иностранцы. После гибели персидской монархии он последовательно переходил под власть македонцев, римлян, сарацин, мамалуков и, наконец, турок, которые владеют им и по сей день.

Бог был не менее пунктуален в исполнении своих пророчеств в отношении тех из своего народа, которые, вопреки его запрету, удалились в Египет после взятия Иерусалима и заставили Иеремию пойти с [ними](#) [497](#). Как только они достигли Египта и прибыли в Тахпанес (или Танис), пророк, спрятав в их присутствии (по повелению Бога) камни в гроте, который находился рядом с царским дворцом, объявил им, что Навуходоносор скоро прибудет в Египет и что Бог установит его трон именно в этом месте; Что этот князь опустошит все царство, огнем и мечом пронесется по всем местам; что они сами попадут в руки этих жестоких врагов, когда одна часть их будет истреблена, а остальные уведены в плен в Вавилон; что лишь очень небольшое число спасется от всеобщего опустошения и будет наконец восстановлено в своей стране. Все эти пророчества исполнились в назначенное время.

A.M. 3435. Ant. J.C. 569.

Амасис. После смерти Априса Амасис стал мирным хозяином Египта и правил им сорок лет. Он был, по словам Платона, уроженцем города [Саис](#) [498](#).

Так как он был низкого происхождения, то в начале своего царствования не встретил никакого уважения, а только презрение со стороны своих подданных. [499](#) Он не был безучастен к этому, но, тем не менее, считал своим интересом усмирить их нравы управлением и обращением, и завоевать их привязанность мягкостью и разумом. У него была золотая цистерна, в которой он сам и те, кто был допущен к его столу, омывали ноги: он расплавил ее и отлил из нее статую, а затем выставил нового бога для всеобщего поклонения. Народ толпами спешил поклониться статуе. Король, собрав народ, сообщил ему о гнусном использовании этой статуи, которая, тем не менее, теперь была [pg 089] объектом его религиозных поклонов: обращение было легким и имело желаемый успех; народ впредь оказывал королю все уважение, приличествующее величию.

Он всегда посвящал все утро государственным делам, принимал прошения, давал аудиенции, выносил приговоры и проводил свои советы; остальная часть дня отводилась на удовольствия; и поскольку Амасис в часы развлечений был чрезвычайно весел и, казалось, переходил все границы, его придворные взяли на себя смелость указать ему на неуместность такого поведения, на что он ответил, что невозможно, чтобы ум был всегда серьезен и сосредоточен на делах, как невозможно, чтобы лук всегда оставался [согнутым](#) [500](#).

Именно этот царь обязал жителей каждого города записывать свои имена в книгу, которую вел для этой цели магистрат, с указанием профессии и образа жизни. Солон включил этот обычай в число своих законов.

Он построил множество великолепных храмов, особенно в Саисе, месте своего рождения. Геродот особенно восхищался часовней, сложенной из одного камня, которая была двадцать один [локоть501](#) по фронту, четырнадцать в глубину и восемь в высоту; внутри она была не так велика; ее привезли из Элефантины, и две тысячи человек три года трудились, чтобы доставить ее по Нилу.

Амасис очень уважал греков. Он предоставил им большие привилегии и разрешил тем из них, кто хотел поселиться в Египте, жить в городе Наукратис, столь известном своей гаванью. Когда обсуждался вопрос о восстановлении сгоревшего храма в Дельфах и расходы на него оценивались в триста [талантов502](#), Амасис выделил дельфийцам весьма значительную сумму на погашение их квоты, составлявшей четвертую часть всей суммы.

Он заключил союз с киренаиками и женился на жене из их числа.

Это единственный царь Египта, который завоевал остров Кипр и сделал его своим данником.

При нем Пифагор прибыл в Египет, будучи рекомендован [pg 090] этому монарху знаменитым Поликратом, тираном Самоса, который вступил в дружбу с Амасисом и о котором мы еще упомянем. Во время своего пребывания в Египте Пифагор был посвящен во все таинства этой страны; жрецы наставляли его во всем, что было самым заумным и важным в их религии. Именно здесь он проникся своей доктриной метемпсихоза, или переселения душ.

Во время похода, в ходе которого Кир завоевал столь большую часть мира, Египет, несомненно, был покорен, как и остальные провинции; Ксенофонт положительно заявляет об этом в начале своей "Киропедии", или "Учреждения этого царя".[503](#) Вероятно, после того как сорок лет запустения, предсказанные пророком, истекли, Египет начал постепенно восстанавливать силы, Амасис сбросил иго и вернул себе свободу.

Соответственно, мы видим, что одной из первых забот Камбиса, сына Кира, после того как он вззошел на престол, было доставить оружие в Египет. Когда он прибыл туда, Амасис был уже мертв, и его сменил сын Псамменит.

3479 Г. Н.Э. Ant. J.C. 525.

ПСАММЕНИТ. Камбиз, одержав победу, преследовал врага до Мемфиса, осадил город и вскоре взял его; однако он отнесся к царю с милосердием, даровал ему жизнь и назначил почетную пенсию; но, получив сведения, что тот втайне согласовывает меры, чтобы вновь занять свой трон, он предал его смерти. Псамменит царствовал всего шесть месяцев: весь Египет немедленно подчинился победителю. Подробности этой истории будут изложены более подробно, когда я перейду к истории Камбиса.

На этом заканчивается череда египетских царей. С этого времени история этого народа, как уже отмечалось, смешивается с историей персов и греков, вплоть до смерти Александра. В этот период в Египте возникнет новая монархия, основанная Птолемеем, сыном Лагуса, которая продлится до Клеопатры, то есть около трехсот лет. Я буду рассматривать каждый из этих предметов в рамках нескольких периодов, к которым они относятся.

Книга вторая. История карфагенян.

Часть первая. Характер, нравы, религия и правительство карфагенян.

РАЗДЕЛ. I. КАРФАГЕН ОБРАЗОВАЛСЯ ПО ОБРАЗЦУ ТИРА, КОЛОНИЕЙ КОТОРОГО БЫЛ ЭТОТ ГОРОД. Карфагеняне были обязаны тирийцам не только своим происхождением, но и нравами, языком, обычаями, законами, религией, а также тем, что в значительной степени способствовали развитию торговли, что явствует из всего дальнейшего изложения. Они говорили на одном языке с тирийцами, а те - на одном с хананеями и израильтянами, то есть на древнееврейском, или, по крайней мере, на языке, который полностью произошел от него. Их имена обычно имели определенное значение:⁵⁰⁴ так, Ханно означало милостивый, щедрый; Дидо - приветливая или любимая; Софонисба - та, которая верно хранит секреты своего мужа. Из религиозных побуждений они также присоединяли имя Бога к своему собственному, в соответствии с гением евреев. Ганнибал, который отвечает Ханании, означает Ваал, [или Господь] был милостив ко мне. Асдрубал, отвечающий Азарию, подразумевает, что Господь будет нам помощником. Так же обстоит дело и с другими именами: Адгербал, Махарбал, Мастанабал и т. д. Слово Рœni, от которого происходит пунический язык, совпадает с [pg 092] Phœni, или Phœnicians, потому что они первоначально пришли из Phœnicia. В "Энуле" Плавта есть сцена, написанная на пуническом языке, которая очень заинтересовала ученых.⁵⁰⁵

Но еще более примечателен строгий союз, который всегда существовал между финикийцами и карфагенянами. Когда Камбиз решил начать войну с последними, финикийцы, составлявшие главную силу его флота, прямо сказали ему, что не могут служить ему против своих соотечественников; это заявление заставило принца отказаться от своего замысла.⁵⁰⁶ Карфагеняне, со своей стороны, никогда не забывали о стране, из которой они пришли и которой они обязаны своим происхождением. Они регулярно каждый год отправляли в Тир корабль с подарками в качестве ренты или благодарности своей древней стране; ежегодно карфагеняне приносили жертвы богам-покровителям Тира, считая их своими покровителями.⁵⁰⁷ Они никогда не отказывались посылать туда первые плоды своих доходов и десятину с трофеев, захваченных у врагов, в качестве подношений Гераклу, одному из главных богов Тира и Карфагена. Тирийцы, чтобы уберечь от Александра (осаждавшего их город) то, что они ценили превыше всего, то есть своих жен и детей, отправили их в Карфаген, где, хотя в то время, когда жители последнего были вовлечены в яростную войну, их принимали и развлекали с такой добротой и щедростью, какой можно было ожидать от самых нежных и богатых родителей. Такие непрерывные свидетельства горячей и искренней благодарности делают нации больше чести, чем самые великие завоевания и самые славные победы.

РАЗДЕЛ. II. РЕЛИГИЯ КАРФАГЕНЯН. Из нескольких отрывков истории Карфагена следует, что его полководцы считали непрямым долгом начинать и заканчивать все свои предприятия поклонением богам. Гамилькар, отец великого Ганнибала, прежде чем враждебно войти в Испанию, принес жертву богам; а его сын, следуя его примеру, прежде чем покинуть

Испанию и выступить в поход против Рима, дошел до Кадиса, чтобы воздать [pg 093] обеты, которые он дал Гераклу, и принести новые, если этот бог будет к нему [благосклонен](#)⁵⁰⁸. После битвы при Каннах, сообщив карфагенянам радостную весть, он рекомендовал им прежде всего вознести торжественную благодарственную молитву бессмертным богам за несколько одержанных им [побед](#)⁵⁰⁹.

Не только отдельные люди гордились тем, что при каждом удобном случае проявляли эту религиозную заботу о почитании божества; очевидно, это был гений и склонность всего народа.

Полибий передал нам мирный договор, заключенный между Филиппом, сыном Деметрия, царем Македонии, и карфагенянами, в котором ярко выражено огромное уважение и почитание последних к божеству и присущее им убеждение в том, что боги участвуют в делах человеческих и руководят ими, а особенно в торжественных договорах, заключенных от их имени и в их [присутствии](#)⁵¹⁰. В нем упоминаются пять или шесть различных порядков божеств; и это перечисление представляется весьма необычным в таком публичном документе, как мирный договор, заключенный между двумя народами. Я приведу здесь слова историка, которые дадут читателю некоторое представление о карфагенской теологии. "Этот договор был заключен в присутствии Юпитера, Юноны и Аполлона; в присутствии деймона или гения (δαίμωνος) карфагенян, Геракла и Иолая; в присутствии Марса, Тритона и Нептуна; в присутствии всех богов-единомышленников карфагенян, солнца, луны и земли, рек, лугов и вод, всех тех богов, которые владеют Карфагеном: "Что же мы должны теперь сказать о подобном инструменте, в котором должны быть представлены ангелы-покровители и святые царства?

У карфагенян было два божества, которым они воздавали особое поклонение и которые заслуживают того, чтобы о них упомянули в этом месте.

Первой была богиня Селестия, называемая также Уранией, то же самое с луной, к которой обращались в больших бедствиях, особенно в засуху, чтобы получить дождь: эта [pg 094] очень девственная Селестия, говорит [Тертуллиан](#)⁵¹¹, обещательница дождя, *Ista ipsa Virgo Cœlestis pluviarum pollicitatrix*. Тертуллиан, говоря об этой богине и об Эскулапе, бросает язычникам того времени вызов, действительно дерзкий, но в то же время очень славный для дела христианства; он объявляет, что любой христианин, который первым придет, должен заставить этих ложных богов публично признаться, что они всего лишь дьяволы; и соглашается, что этот христианин будет немедленно убит, если он не добьется такого признания из уст этих богов. *Nisi se dæmones confessi fuerint Christiano mentiri non audentes, ibidem illius Christiani procacissimi sanguinem fundite*". Святой Остин также часто упоминает это божество. "Что теперь, - говорит [он](#)⁵¹², - стало с Клестисом, чья империя когда-то была столь велика в Карфагене?" Это, несомненно, то самое божество, которое Иеремия называет царицей [небесной](#)⁵¹³ и к которому иудейские женщины относились с таким почтением, что давали обеты, сжигали фимиам, возносили жертвы и своими руками пекли для нее пироги, *ut faciant placentas reginæ cœli*; и от которого они хвастались, что получили всевозможные благословения, пока регулярно воздавали ей это поклонение; тогда как, когда они этого не делали, на них обрушивались всевозможные несчастья.

Вторым божеством, которому карфагеняне особенно поклонялись и в честь которого приносили человеческие жертвы, был Сатурн, известный в Писании под именем Молох; это поклонение перешло из Тира в Карфаген. Филон цитирует отрывок из Санхониатона, из которого следует, что цари Тира в случае больших опасностей приносили в жертву своих сыновей, чтобы утихомирить гнев богов, и что один из них этим действием снискал себе

божественные почести и стал почитаться как бог под именем планеты Сатурн; несомненно, именно этому обязана басня о том, что Сатурн пожирает своих собственных детей. Частные лица, желая предотвратить какое-либо большое бедствие, использовали тот же метод; подражая своим князьям, они были настолько суеверны, что те, у кого не было детей, покупали детей бедняков, чтобы не лишать их достоинства такого жертвоприношения. Этот обычай долгое время преобладал у финикийцев и ханаанеев, от которых израильтяне [pg 095] заимствовали его, хотя небеса прямо запрещали. Сначала этих детей бесчеловечно сжигали либо в огненной печи, как в долине Хиннон, столь часто упоминаемой в Писании, либо заключали в пылающую статую Сатурна. Крики этих несчастных жертв заглушались непрерывным шумом барабанов и труб.⁵¹⁴ Матери⁵¹⁵ считали своей заслугой и частью своей религии смотреть на это варварское зрелище с сухими глазами и без единого стога; если же слеза или вздох вырывались из их уст, жертва становилась менее угодной богу, и все последствия ее были полностью утрачены. Эта сила духа или, скорее, дикое варварство доходило до такого предела, что даже матери старались объятиями и поцелуями заглушить плач своих [детей](#)⁵¹⁶, чтобы жертва, принесенная с неподобающим изыщством и среди слез, не была неуживчива богу: *Blanditiis et osculis comprimebant vagitum, ne flebilis hostia immolaretur.*⁵¹⁷ После этого они довольствовались тем, что заставляли своих детей проходить через огонь; как следует из нескольких мест Писания, в котором они часто погибали.

Карфагеняне сохранили варварский обычай приносить человеческие жертвы своим [богам](#)⁵¹⁸ вплоть до разрушения своего [города](#)⁵¹⁹, и это действие следовало бы назвать скорее святотатством, чем жертвоприношением. *Sacrilegium veriùs quàm sacrum*. Оно было приостановлено лишь на несколько лет из-за опасения, что они навлекут на себя гнев и оружие Дария I. [pg 096] царя Персии, который запретил им приносить человеческие жертвы и есть собачью плоть; но вскоре они возобновили эту ужасную практику, поскольку в царствование Ксеркса, преемника Дария, Гелон, тиран Сиракуз, одержав значительную победу над карфагенянами в Сицилии, среди прочих условий мира, которые он им навязал, включил эту статью:⁵²⁰ а именно. "Не приносить больше человеческих жертв Сатурну". И, несомненно, практика карфагенян именно в этом случае заставила Гелона прибегнуть к этой предосторожности. Ибо во время всего сражения, длившегося с утра до ночи, Гамилькара, сын Ганно, их полководец, постоянно приносил богам жертвы из живых людей, которых в большом количестве бросали на пылающую кучу; и, видя, что его войска разбиты и обращены в бегство, он сам бросился в нее, чтобы не уцелеть от собственного позора и погасить, говорит святой Амвросий, своей кровью этот святотатственный огонь, когда обнаружит, что он не принес ему [пользы](#)⁵²¹⁵²².

Во время моровой [язвы](#)⁵²³ они приносили в жертву своим богам множество детей, не испытывая жалости к нежному возрасту, который возбуждает сострадание у самых жестоких врагов; таким образом, они искали средство от своих бед в самой вине и пытались умиротворить богов самым шокирующим варварством.

Диодор [рассказывает](#)⁵²⁴ о случае такой жестокости, который поражает читателя ужасом. В то время, когда Агафокл только собирался осадить Карфаген, его жители, видя, в какое крайнее положение они попали, приписали все свои несчастья справедливому гневу Сатурна, потому что вместо благородных детей, которых обычно приносили ему в жертву, вместо них были обманом подменены дети рабов и чужеземцев. Чтобы искупить это преступление, в жертву Сатурну были принесены двести детей из лучших семейств Карфагена; кроме того, около трехсот граждан, [pg 097] чувствуя свою вину в этом мнимом преступлении, добровольно принесли себя в жертву. Диодор добавляет, что в городе стояла

медная статуя Сатурна, руки которой были обращены вниз, так что, когда на них клали ребенка, он сразу же падал в углубление, где находилась раскаленная печь.

Можно ли это, говорит [Плутарх525](#), назвать поклонением богам? Можно ли сказать, что мы имеем о них благородное представление, если полагаем, что они довольны резней, жаждут человеческой крови и способны требовать или принимать такие жертвы? Религия, говорит этот благоразумный [автор526](#), находится между двумя камнями, одинаково опасными для человека и вредными для божества, то есть между нечестием и суеверием. Один из них, из аффекта свободомыслия, не верит ничему; а другой, из слепой слабости, верит всему. Нечестие, чтобы избавиться от ужаса, который его гнетет, отрицает само существование богов: а суеверие, чтобы успокоить свои страхи, капризно выдумывает богов, которых делает не только друзьями, но и покровителями и образцами преступлений. Не лучше ли, говорит он [далее527](#), было бы карфагенянам иметь в качестве законодателей Крития или Диагора, которые изначально были открытыми и нескрываемыми атеистами, чем устанавливать столь неистовую и нечестивую религию? Могли ли тифоны и гиганты (явные враги богов), если бы они одержали над ними победу, установить более отвратительные жертвоприношения?

Таковы были чувства, которые язычник испытывал по отношению к этой части карфагенского культа. Действительно, трудно поверить, что человечество способно на такое безумие и неистовство. Люди, как правило, не вынашивают идей, столь разрушительных для всего, что природа считает самым священным, как приносить в жертву, убивать детей собственными руками и бросать их в холодной крови в раскаленные печи! Чувства, столь противоестественные и варварские, но принятые целыми народами, и даже самыми цивилизованными, финикийцами, карфагенянами, галлами, скифами и даже греками и римлянами, и освященные обычаем в течение долгого ряда веков, могли быть внушены только тем, кто был убийцей от начала; и кто не жаждет ничего, кроме унижения, страданий и гибели человека.

[pg 098]

СЕКТА. III. ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ КАРФАГЕНА. Карфагенское правительство было основано на принципах самой совершенной мудрости; и [Аристотель528](#) с полным основанием относит эту республику к числу тех, которые пользовались наибольшим уважением у древних и могли служить образцом для других. Он обосновывает свое мнение размышлением, которое делает большую честь Карфагену, отмечая, что с момента его основания и до его времени (то есть более пятисот лет) ни одна значительная смута не нарушала мира, ни один тиран не подавлял свободу этого государства. Действительно, смешанные правительства, такие как карфагенское, где власть была разделена между знатью и народом, подвержены двум неудобствам: либо они перерастают в злоупотребление свободой из-за волнений населения, как это часто случалось в Афинах и во всех греческих республиках, либо в угнетение общественной свободы тиранией знати, как в Афинах, Сиракузах, Коринфе, Фивах и в самом Риме при Силле и Сезаре. Поэтому Карфагену стоит отдать должное, если заметить, что он нашел искусство, благодаря мудрости своих законов и гармонии различных частей своего правительства, избегать в течение столь долгого ряда лет двух скал, которые так опасны и на которые так часто разбиваются другие.

Хотелось бы, чтобы какой-нибудь древний автор оставил нам точное и регулярное описание обычаев и законов этой знаменитой республики. За неимением такой помощи мы можем дать нашим читателям лишь путаное и несовершенное представление о них, собрав несколько отрывков, которые разбросаны вверх и вниз по авторам. Кристофер Хендрих оказал услугу ученому миру в этом отношении, и его [работа529](#) оказала мне большую услугу.

Правительство [Карфагена530](#) , как и Спарты и Рима, объединяло три различные власти, которые противостояли друг другу и оказывали взаимную помощь. Этими властями были: власть двух верховных магистратов, называемых [суффетами531](#); [pg 099] власть сената; и власть народа. Впоследствии к ним добавился трибунал ста, который пользовался большим авторитетом и влиянием в республике.

Власть суффетов была только годовой, и их власть в Карфагене соответствовала власти консулов в Риме.[532](#) Авторы часто называют их царями, диктаторами, консулами, поскольку они выполняли функции всех трех. История не сообщает нам о способе их избрания. Они имели право собирать [сенат533](#) , в котором председательствовали, предлагали темы для обсуждения и собирали [голоса534](#) , а также председательствовали на всех дебатах по важным вопросам. Их власть не ограничивалась городом и не сводилась к гражданским делам: иногда они командовали армиями. По истечении срока полномочий суффеты становились преторами, что было значительной должностью, поскольку, помимо привилегии председательствовать в некоторых делах, давало им право предлагать и принимать новые законы, а также призывать к ответу получателей государственных доходов, как следует из того, что Ливий [рассказывает535](#) о Ганнибале по этому поводу и о чем я расскажу в продолжении.

Сенат. Сенат, состоявший из людей почтенных по возрасту, опыту, рождению, богатству и особенно заслугам, составлял государственный совет и был, если можно так выразиться, душой государственных обсуждений. Их число точно не известно: должно быть, оно было очень велико, так как сто человек были выбраны из него для формирования отдельного собрания, о котором я сразу же буду иметь случай рассказать. В сенате обсуждались все важные дела, читались письма генералов, выслушивались жалобы провинций, принимались послы, решался вопрос о мире или войне, как это часто бывает.

Когда настроения и голоса были единодушны, сенат [pg 100] принимал верховное решение, и апелляция к нему не допускалась.[536](#) Если же мнения расходились, и сенат не мог прийти к согласию, дело передавалось на рассмотрение народа, на который возлагалась власть принимать решения. Читатель легко поймет великую мудрость этого постановления и то, как удачно оно было приспособлено для подавления раздоров, достижения гармонии, укрепления и подтверждения добрых советов; такое собрание чрезвычайно ревностно относилось к своей власти, и его нелегко было уговорить передать ее в другие руки. Когда после проигранной битвы в Африке, в конце второй Пунической войны, в сенате были зачитаны условия мира, предложенные победителем; Ганнибал, заметив, что один из сенаторов возражает против них, в самых решительных выражениях заявил, что, поскольку на карту поставлена безопасность республики, сенаторам крайне важно быть единодушными в своих решениях, чтобы не допустить подобных дебатов перед народом; и он добился своего. Это, несомненно, заложило в младенчестве республики основу власти сената и подняло его авторитет на столь большую высоту. И тот же автор в другом [месте538](#) отмечает, что пока сенат управлял делами, государство управлялось с большой мудростью и было успешным во всех своих предприятиях.

Народ... Из всего сказанного до сих пор следует, что даже во времена Аристотеля, который дает столь прекрасную картину и столь благородно восхваляет правительство Карфагена, народ самопроизвольно оставлял заботу о государственных делах и главное управление ими сенату, и именно это делало республику столь могущественной. Но впоследствии все изменилось. Народ, возмущившись своим богатством и завоеваниями и забыв, что этими благами он обязан благоразумному поведению сената, захотел иметь свою долю в управлении и присвоил себе почти всю власть. С этого времени государственные дела стали

вестись исключительно кабалами и группировками, и это Полибий называет одной из главных причин разорения Карфагена.

Трибунал сотни. Это был орган, состоявший [pg 101] из ста четырех человек, хотя часто, для краткости, их называли просто "сотней". Согласно Аристотелю, в Карфагене они были такими же, как эфоры в Спарте; отсюда следует, что они были учреждены для уравнивания власти знати и сената, но с той разницей, что эфоров было всего пять человек, и они занимали свои должности только год, тогда как эти были вечными и насчитывали до ста человек.

А.М. 3609. A. Carth. 487.

Считается, что эти центумвиры - то же самое, что и сто судей, упомянутых Юстином⁵³⁹, которые были выведены из сената и назначены для расследования поведения своих генералов. Непомерная власть семьи Маго, которая, захватив главные дела государства и армии, тем самым единолично руководила и управляла всеми делами, послужила поводом для этого учреждения. Оно было задумано как ограничение власти их генералов, которая, пока армии находились в поле, была почти безграничной и абсолютной; но благодаря этому учреждению она стала подчиняться законам, поскольку их генералы были обязаны давать отчет о своих действиях перед этими судьями по возвращении из похода: *Ut hoc metu ita in bello imperia cogitarent, ut domi iudicia legesque respicerent.*⁵⁴⁰ Из этих ста четырех судей пятеро обладали особой юрисдикцией, превосходящей юрисдикцию остальных; но неизвестно, как долго длилась их власть. Этот совет из пяти человек был похож на совет из десяти человек в венецианском сенате. Вакансию в его составе мог заполнить только он сам. Они также имели право выбирать тех, кто входил в совет ста. Их власть была очень велика, и по этой причине на эту должность не избирали никого, кроме людей с выдающимися заслугами; не считалось правильным назначать за это какое-либо жалование или вознаграждение; один мотив общественного блага считался достаточной связью, чтобы привлечь честных людей к добросовестному и верному исполнению своего долга. Полибий в своем рассказе о взятии Сципионом Нового Карфагена⁵⁴¹ четко различает два порядка магистратуры, установленные в Старом Карфагене; он говорит, что среди пленных, взятых в Новом Карфагене, были два магистрата, принадлежавшие к органу или собранию стариков, ἔκ τῆς Γερουσίας: так он называет совет ста; [pg 102] и пятнадцать из сената, ἔκ τῆς Συγκλήτου. Ливий упоминает⁵⁴² только пятнадцать сенаторов; но в другом месте он называет стариков и говорит, что они составляли самый почтенный совет правительства и имели большой авторитет в сенате. *Carthaginenses-Oratores ad pacem petendam mittunt triginta seniorum principes. Id erat sanctius apud illos concilium, maximaque ad ipsum senatum regendum vis.*⁵⁴³

Учреждения, хотя и созданные с величайшей мудростью и справедливой гармонией частей, вырождаются, пусть и незаметно, в беспорядок и самую разрушительную разнузданность. Эти судьи, которые законным исполнением своей власти наводили ужас на нарушителей, и великие столпы правосудия, злоупотребляя своей почти неограниченной властью, стали столькими мелкими тиранами".

А.М. 3082. A. Carth. 682.

Мы увидим подтверждение этому в истории великого Ганнибала, который во время своего преторства, после возвращения в Африку, употребил все свое влияние, чтобы исправить столь ужасные злоупотребления; и сделал власть этих судей, которая прежде была вечной, только ежегодной, примерно через двести лет после первого основания трибунала ста.

Аристотель, среди прочих рассуждений о карфагенском правительстве, отмечает в нем два больших недостатка, которые, по его мнению, противоречат взглядам мудрого законодателя и принципам разумной политики.

Первым из этих недостатков было наделение одного и того же человека разными обязанностями, что считалось в Карфагене доказательством необыкновенных заслуг. Но Аристотель считает эту практику крайне вредной для общественного благосостояния. Ибо, говорит этот автор, человек, занимающийся только одним делом, гораздо лучше справляется с его выполнением; ведь тогда дела рассматриваются с большей тщательностью и быстрее [pg 103] отправляются. Мы никогда не видим, продолжает наш автор, ни на море, ни на суше, одного и того же офицера, командующего двумя разными корпусами, или одного и того же лоцмана, управляющего двумя кораблями. Кроме того, благосостояние государства требует, чтобы места и привилегии были разделены, чтобы возбудить подражание среди людей с заслугами: в то время как предоставление их одному человеку слишком часто ослепляет его столь выдающимся предпочтением и всегда наполняет других завистью, недовольством и ропотом".

Второй недостаток, на который обратил внимание Аристотель в карфагенском правительстве, состоял в том, что для достижения первых должностей требовался определенный доход (помимо заслуг и благородного происхождения), а значит, бедность могла исключить людей самых возвышенных достоинств, что он считает большим злом в правительстве. Ибо тогда, говорит он, когда добродетель полностью игнорируется, а деньги всесильны, поскольку все достигается с их помощью, восхищение и желание богатства захватывают и развращают все общество. К этому следует добавить, что когда магистраты и судьи вынуждены платить большие суммы за свою работу, они, кажется, имеют право возмещать их себе".

Я полагаю, что во всей античности не найдется ни одного примера, который бы свидетельствовал о том, что должности в государстве или в судебных инстанциях продавались. Поэтому под расходами, о которых говорит Аристотель, чтобы поднять людей на должности в Карфагене, несомненно, следует понимать подарки, которые дарили, чтобы получить голоса избирателей: эта практика, как отмечает Полибий, была очень распространена в Карфагене, где никакая выгода не считалась позором.⁵⁴⁴ Поэтому неудивительно, что Аристотель осуждает практику, последствия которой, как совершенно очевидно, могут оказаться фатальными для правительства.

Но если он утверждал, что главные занятия государства должны быть одинаково доступны и богатым, и бедным, как он, видимо, намекает, то его мнение опровергается общей практикой мудрейших республик; ведь они, нисколько не унижая и не унижая бедности, считали, что в этом случае предпочтение должно быть отдано богатству; поскольку следует полагать, что богатые получили лучшее образование, обладают более благородными чувствами, более недоступны для разврата и менее склонны к низменным поступкам; [pg 104] и что даже состояние их дел делает их более привязанными к правительству, более расположенными поддерживать в нем мир и порядок и более заинтересованными в подавлении всего, что может склонить к смуте и мятежу".

Аристотель, завершая свои размышления о Карфагенской республике, с большим удовлетворением отмечает господствовавший там обычай: время от времени отправлять колонии в разные страны и таким образом обеспечивать своих граждан удобными

поселениями. Это обеспечивало нужды бедных, которые наравне с богатыми являются членами государства, и избавляло Карфаген от толп ленивых, праздных людей, которые были его позором и часто оказывались опасными для него: это предотвращало волнения и восстания, удаляя таким образом людей, которые обычно их вызывают; и которые, будучи всегда недовольными в своих нынешних условиях, всегда готовы к новшествам и беспорядкам.

СЕКТА. IV. ТОРГОВЛЯ КАРФАГЕНА, ПЕРВЫЙ ИСТОЧНИК ЕГО БОГАТСТВА И МОГУЩЕСТВА.- Торговля, строго говоря, была занятием Карфагена, особым предметом его промышленности, а также его особенной и преобладающей характеристикой. Она составляла величайшую силу и главную опору этого содружества. Одним словом, мы можем утверждать, что власть, завоевания, слава и кредит карфагенян проистекали из их торговли. Расположенная в центре Средиземноморья и простирающая свои руки на восток и запад, их торговля охватывала весь известный мир и доставляла его к берегам Испании, Мавритании, Галлии и за проливы и Геркулесовы столбы. Они плавали во все страны, чтобы по дешевке покупать излишества каждого народа, которые, по желанию других, становились предметами первой необходимости, и продавали их по самым дорогим ценам. Из Египта карфагеняне вывозили лен, бумагу, кукурузу, паруса и канаты для кораблей; с побережья Красного моря - пряности, ладан, благовония, золото, жемчуг и драгоценные камни; из Тира и Финикии - пурпур и багрянец, богатые ткани, гобелены, дорогую мебель, различные диковинные и изысканные произведения искусства: Одним словом, они привозили из разных стран все, что может обеспечить потребности или [pg 105] способствовать удобству, роскоши и наслаждениям жизни. Они привозили из западных частей света в обмен на перевозимые туда предметы железо, олово, свинец и медь: продавая эти различные товары, они обогащались за счет всех народов и вводили их в своего рода контрибуцию, которая была тем надежнее, чем спонтаннее она была.

Став таким образом факторами и агентами всех народов, они сделали себя владыками моря, которое удерживало восток, запад и юг вместе и было необходимым каналом их связи, так что Карфаген стал общим городом и центром торговли всех тех народов, которые море отделяло друг от друга.

Самые знатные люди города не стеснялись заниматься торговлей. Они занимались ею так же усердно, как и самые простые горожане, и их огромное богатство не делало их менее любящими усердие, терпение и труд, которые необходимы для его приумножения. Этому они были обязаны своей морской империей, великолепием своей республики, тем, что могли спорить за первенство с самим Римом, и своим возвышенным положением, которое заставило римлян вести кровавую и сомнительную войну в течение сорока лет, чтобы смирить и покорить этого надменного соперника. Короче говоря, Рим, даже одержав победу, считал, что Карфаген нельзя полностью уничтожить иным способом, кроме как лишив этот город средств, которые он еще мог извлечь из своей торговли, благодаря которой он так долго мог противостоять всей мощи этой могущественной республики.

Однако неудивительно, что Карфаген, вышедший из величайшей школы торговли в мире, я имею в виду Тир, должен был увенчаться таким быстрым и непрерывным успехом. Те самые суда, на которых его основатели были доставлены в Африку, впоследствии использовались ими в торговле. Они начали создавать поселения у берегов Испании, в тех портах, где выгружали свои товары. Легкость, с которой они основали эти поселения, и удобства, с которыми они встретились, вдохновили их на завоевание этих обширных областей; и через некоторое время Новый Карфаген, или Новый Карфаген, дал карфагенянам империю [pg 106] в этой стране, почти равную той, которой они пользовались в Африке.

Раздел. V. Рудники Испании, второй источник богатства и могущества Карфагена. Диодор справедливо [замечает](#)⁵⁴⁵, что золотые и серебряные рудники, найденные карфагенянами в Испании, были неисчерпаемым фондом богатства, который позволил им вести столь долгие войны с римлянами. Туземцы долгое время не знали об этих сокровищах, скрытых в недрах земли, по крайней мере, об их пользе и ценности. Финикийцы воспользовались этим незнанием и, обменивая малоценные товары на этот драгоценный металл, скопили безграничное богатство. Когда карфагеняне стали хозяевами страны, они зарылись в землю гораздо глубже, чем прежние жители Испании, которые, вероятно, довольствовались тем, что могли собрать на поверхности; а римляне, лишив карфагенян Испании, воспользовались их примером и извлекли огромный доход из этих золотых и серебряных рудников.

Труд, затраченный на то, чтобы добраться до этих рудников и выкопать из них золото и серебро, был невероятным.⁵⁴⁶ Ведь жилы этих металлов редко появлялись на поверхности; их нужно было искать и проследживать через страшные глубины, где очень часто потоки воды останавливали рудокопов и, казалось, лишали их всякого будущего. Но скупость не менее терпелива в преодолении трудностей, чем изобретательность в поиске средств. С помощью насосов, которые Архимед изобрел еще в Египте, римляне впоследствии выгнали воду из этих ям и полностью их осушили. Бесчисленные толпы рабов погибли в этих шахтах, вырытых для обогащения их хозяев, которые обращались с ними с величайшим варварством, заставляли их работать тяжелыми ударами и не давали им передышки ни днем, ни ночью".

Полибий, которого цитирует [Страбон](#)⁵⁴⁷, говорит, что в его время на рудниках близ Нова-Карфаго было занято до сорока тысяч человек, которые ежедневно приносили римлянам [pg 107] двадцать пять тысяч драхм, или восемьсот пятьдесят девять фунтов семь шиллингов и шесть [пенсов](#)⁵⁴⁸.

Мы не должны удивляться тому, что карфагеняне вскоре после величайших поражений вновь отправляли на поле боя свежие и многочисленные армии, снаряжали могучие флоты и поддерживали за огромные деньги в течение многих лет войны, которые они вели в далеких странах. Но нам должно показаться удивительным, что римляне были способны делать то же самое; они, чьи доходы были очень незначительны до тех великих завоеваний, которые подчинили им самые могущественные нации; и у которых не было никаких средств ни от торговли, которой они были абсолютно чужды, ни от золотых или серебряных рудников, которые очень редко находили в Италии, если они там были; и расходы на которые должны были, по этой самой причине, поглощать всю прибыль. Римляне, ведя экономную и простую жизнь, заботясь об общественном благосостоянии и любя свою страну, обладали средствами, которые были не менее готовыми и надежными, чем карфагенские, но в то же время гораздо более почетными для их нации.

СЕКТА. VI. Война... Карфаген следует рассматривать как торговую и в то же время воинственную республику. Его гений и характер правления заставляли его заниматься торговлей; и он стал воинственным, сначала из-за необходимости карфагенян защищаться от соседних народов, а затем из-за желания расширить свою торговлю и империю. Эта двойная идея дает нам, на мой взгляд, истинный план и характер карфагенской республики. Мы уже говорили о ее торговле.

Военная мощь карфагенян заключалась в их союзах с царями, в данниках, от которых они получали людей и деньги, в некоторых войсках, собранных из собственных граждан, и в наемных солдатах, купленных в соседних государствах, без необходимости самим взыскивать или использовать их, потому что они уже были хорошо дисциплинированы и приучены к усталости войны; они выбирали в каждой стране такие войска, которые имели

наибольшие заслуги и репутацию. [pg 108] Из Нумидии они черпали легкую, смелую, стремительную и неутомимую кавалерию, которая составляла главную силу их армий; с Балеарских островов - самых искусных пращников в мире; из Испании - стойкую и непобедимую пехоту; с побережья Генуи и Галлии - войска, отличавшиеся признанной доблестью; и из самой Греции - солдаты, пригодные для всех видов военных действий, для поля или гарнизонов, для осады или защиты городов.

Таким образом, карфагеняне сразу же отправили мощные армии, состоящие из солдат, которые были цветком всех армий во вселенной, не опустошая ни свои поля, ни города новыми сборами, не приостанавливая производства и не нарушая мирного ремесла, не прерывая торговлю и не ослабляя флот. С помощью продажной крови они овладевали провинциями и королевствами и делали другие народы орудием своего величия и славы, не тратя на это ничего, кроме своих денег, да и те получали от торговли с иностранными народами.

Если карфагеняне в ходе войны и несли какие-то потери, то они были лишь как многие посторонние происшествия, которые лишь пасли тело государства, но не наносили глубоких ран в недрах или сердце республики. Эти потери быстро возмещались суммами, вытекающими из процветающей торговли, а также из вечной войны, благодаря которой правительство постоянно пополнялось новыми запасами для покупки наемных войск, готовых по первому зову. А благодаря обширности побережья, которым владели карфагеняне, им было легко за короткое время набрать достаточное количество моряков и гребцов для работы своих флотов, а также приобрести способных лоцманов и опытных капитанов для их управления.

Но поскольку эти части случайно оказались вместе, их не связывали никакие естественные, интимные или необходимые узы. Никакие общие и взаимные интересы не объединяли их так, чтобы образовать прочное и неизменное тело. Ни один человек в этих наемных армиях не был искренне заинтересован в успехе мероприятий или в процветании государства. Они не действовали с таким же рвением, не подвергали себя опасностям [pg 109] с такой же решимостью за республику, которую они считали чужой и которая, следовательно, была им безразлична, как они сделали бы это для своей родной страны, счастье которой зависит от нескольких членов, составляющих ее.

При больших неудачах цари, заключившие союз с [карфагенянами](#)⁵⁴⁹, могли легко отстраниться от своих интересов либо из-за ревности, которую естественно вызывает величие более могущественного соседа, либо из-за надежды получить больше преимуществ от нового друга, либо из-за страха быть вовлеченным в несчастья старого союзника.

Народы-контрибуторы, нетерпеливые под тяжестью и позором ига, навязанного им на шею, обычно льстили себя надеждой найти менее тяжелое иго при смене хозяина; или же, если рабство было неизбежно, выбор был для них безразличен, как видно из многих примеров в ходе этой истории.

Наемники, привыкшие оценивать свою верность по величине или продолжительности жалованья, были готовы при малейшем недовольстве или ожидании более значительного жалованья дезертировать к врагу, с которым они только что сражались, и повернуть оружие против тех, кто пригласил их на помощь.

Таким образом, величие карфагенян, поддерживаемое только этими иностранными подпорками, было потрясено до основания, когда они были отняты. А если к этому добавлялся еще и перерыв в торговле (которая была их единственным ресурсом), вызванный

проигрышем в морском сражении, они считали себя на краю гибели и впадали в уныние и отчаяние, как это, очевидно, произошло в конце первой Пунической войны.

Аристотель в трактате, где он показывает преимущества и недостатки карфагенского правительства, не находит недостатков в том, что оно не держало наготове ничего, кроме иностранных войск; поэтому вполне вероятно, что карфагеняне не впадали в эту практику до тех пор, пока не прошло много времени. Но восстания, преследовавшие Карфаген в последние годы его существования, видимо, научили его граждан, что никакие страдания не сравнимы с теми, которые испытывает правительство, поддерживаемое только [pg 110] иностранцами; ведь от них нельзя ожидать ни усердия, ни безопасности, ни послушания.

Но с Римской республикой дело обстояло иначе. Поскольку у римлян не было ни торговли, ни денег, они не могли нанимать войска, чтобы продвигать свои завоевания с такой же быстротой, как карфагеняне: но затем, поскольку они приобретали все изнутри себя, и поскольку все части государства были тесно объединены, они имели более надежные ресурсы в больших несчастьях, чем карфагеняне. По этой причине после битвы при Каннах они ни разу не подумали заключить мир, как это сделали карфагеняне в менее опасной ситуации.

Кроме того, у карфагенян было войско (не очень многочисленное), набранное из числа их собственных граждан; это была своего рода школа, в которой цветок их знати и те, чьи таланты и честолюбие побуждали их стремиться к первым достоинствам, обучались зачаткам военного искусства. Из их числа отбирались все генералы, которые ставились во главе различных частей своих войск и получали главное командование в армиях. Этот народ был слишком ревнив и подозрителен, чтобы нанимать иностранных генералов. Но они не были так недоверчивы к собственным гражданам, как Рим и Афины; ведь карфагеняне, наделив их огромной властью, не уберегли от злоупотреблений, которые они могли бы совершить для угнетения своей страны. Командование армиями не было ни ежегодным, ни ограниченным каким-либо сроком, как в двух вышеупомянутых республиках. Многие генералы занимали свои должности в течение многих лет, либо до окончания войны, либо до конца жизни; хотя они по-прежнему отвечали за свое поведение перед содружеством и могли быть отозваны, когда реальная вина, несчастье или высшие интересы кабалы предоставляли для этого возможность.

РАЗДЕЛ. VII. ИСКУССТВА И НАУКИ. Нельзя сказать, что карфагеняне полностью отказались от славы, которую приносит учеба и знания. Отправка Масиниссы, сына могущественного царя, [550](#) за образованием, дает нам основание полагать, что в Карфагене была отличная школа. Великий Ганнибал, [551](#) который во всех отношениях был украшением [pg 111] этого города, не был незнаком с вежливой литературой, как будет показано далее. [Mago552](#), еще один знаменитый полководец, оказал Карфагену столько же чести своим пером, сколько и победами. Он написал двадцать восемь томов по земледелию, которые римский сенат так почитал, что после взятия Карфагена, подарив африканским принцам найденные там библиотеки (еще одно доказательство того, что образование не было полностью изгнано из Карфагена), они приказали перевести эти книги на [латынь553](#), хотя Катон уже написал свои книги на эту тему. Сохранилась греческая версия трактата, составленного Ганноном на пуническом [языке554](#), в котором рассказывается о путешествии, совершенном им (по приказу сената) с большим флотом вокруг Африки с целью основания различных колоний в этой части света. Считается, что этот Ганно более древний, чем одноименный человек, живший во времена Агафокла.

Клитомас, которого на пуническом языке называли Асдрубал, был великим философом.⁵⁵⁵ Он сменил знаменитого Карнеада, учеником которого был, и поддерживал в Афинах честь академической секты. Цицерон говорит,⁵⁵⁶ что он был более рассудительным человеком и любил учиться, чем карфагеняне. Он написал несколько книг⁵⁵⁷, в одной из которых он написал сочинение, чтобы утешить несчастных граждан Карфагена, которые из-за разорения своего города попали в рабство.

Я мог бы причислить к писателям, украсившим Африку, или, скорее, поставить во главе их знаменитого Теренция; он сам по себе способен отразить бесконечную честь своей страны славой своих произведений, если, конечно, Карфаген, место его рождения, не должен считаться его страной в меньшей степени, чем Рим, где он получил образование и приобрел ту чистоту стиля, ту тонкость и элегантность, которые снискали ему восхищение всех последующих веков. Предполагается,⁵⁵⁸ что он был унесен в младенчестве или, по крайней мере, [pg 112] совсем маленьким нумидийцами во время их вторжения на карфагенские территории, во время войны, которая велась между этими двумя народами с момента окончания второй и до начала третьей Пунической войны. Он был продан в рабство Терентию Лукану, римскому сенатору; тот, дав ему прекрасное образование, предоставил ему свободу и назвал его своим именем, как это было принято в то время. Его связывала очень тесная дружба со вторым Сципионом Африканским и Лелием, и в Риме было принято говорить, что он пользовался помощью этих двух великих людей при написании своих произведений. Поэт, не пытаясь замаять столь выгодную для него информацию, сделал из нее достоинство. Сохранилось только шесть его комедий. Некоторые авторы, опираясь на Суетония (автора его жития), утверждают, что во время возвращения из Греции, куда он совершил путешествие, он потерял сто восемь комедий, переведенных им у Менандра, и не смог пережить несчастный случай, который, естественно, должен был постигнуть его в разумной степени; но этот случай не очень хорошо обоснован. Как бы то ни было, он умер в 594 году в Риме, при консулах Кнея Корнелия Долабеллы и М. Фульвия, в возрасте тридцати пяти лет, и, следовательно, родился он anno 560.

Несмотря на все сказанное, следует признать, что в Карфагене всегда была большая нехватка ученых людей, так как за семьсот лет он не дал и трех-четырех известных писателей. Хотя карфагеняне вели переписку с Грецией и наиболее цивилизованными народами, это не побуждало их заимствовать их знания, поскольку они были чужды их взглядам на торговлю и коммерцию. Красноречие, поэзия, история, похоже, были малоизвестны среди них. Карфагенского философа ученые считали своего рода вундеркиндом. Что же тогда думали об астрономе или геометре? Я не знаю, в каком почете в Карфагене была физика, столь полезная для жизни, или юриспруденция, столь необходимая для общества.

Поскольку произведения остроумия обычно находились в таком пренебрежении, образование молодежи должно было быть очень несовершенным и неотшлифованным. В Карфагене обучение и знания [pg 113] молодежи по большей части сводились к письму, арифметике, ведению книг, покупке и продаже товаров, словом, ко всему, что связано с торговлей. Но вежливое обучение, история и философия не пользовались среди них особым уважением. В более поздние годы они были даже запрещены законами, которые прямо запрещали любому карфагенянину изучать греческий язык, чтобы не дать ему право вести опасную переписку с врагом, как по письму, так и из уст в уста⁵⁵⁹.

Чего же можно было ожидать от такого склада ума? Соответственно, среди них никогда не наблюдалось той элегантности поведения, той легкости и благодушия манер, тех чувств добродетели, которые обычно являются плодами либерального образования во всех цивилизованных странах. Немногочисленные великие люди, которых произвела на свет эта

нация, должны были, таким образом, быть обязаны своими достоинствами красоте своего гения, необычности своих талантов и долгому опыту, без какой-либо большой помощи со стороны воспитания и образования. Поэтому заслуги величайших людей Карфагена были омрачены большими недостатками, низкими пороками и жестокими страстями; и редко можно встретить среди них выдающуюся добродетель без какого-либо изъяна; добродетель благородного, великодушного и приятного рода, подкрепленную просвещенными и устойчивыми принципами, подобную которой можно встретить среди греков и римлян. Читатель поймет, что я говорю здесь только о языческих добродетелях, причем в соответствии с тем представлением, которое сложилось о них у язычников.

Я встречаю так же мало памятников их мастерства в искусствах менее благородных и необходимых, как живопись и скульптура. Правда, я обнаружил, что они награбили у завоеванных народов множество произведений обоих этих видов; но не похоже, чтобы они сами создали их.

Из всего сказанного нельзя не заключить, что движение было преобладающей склонностью и особенностью карфагенян; что оно составляло, в некотором роде, [pg 114] основу государства, душу содружества и великую пружину, которая давала движение всем их предприятиям. Карфагеняне в целом были искусными купцами; они занимались исключительно торговлей; их возбуждало желание наживы, и они не ценили ничего, кроме богатства; они направляли все свои таланты и возлагали главную славу на его накопление; хотя в то же время они почти не знали, для какой цели оно предназначено, и как использовать его благородным или достойным образом.

СЕКТА. VIII. ХАРАКТЕР, МАНЕРЫ И КАЧЕСТВА КАРФАГЕНЯН. - Перечисляя различные качества, которые Цицерон⁵⁶⁰ приписывает разным народам в качестве их отличительных черт, он объявляет, что у карфагенян это ремесло, мастерство, обращение, промышленность, хитрость, calliditas; которые, несомненно, проявляются на войне, но еще более заметны в остальном их поведении; и к ним присоединяется другое качество, которое имеет очень близкое отношение к ним, но еще менее авторитетно. Хитрость и коварство естественным образом ведут к лжи, двуличию и нарушению веры; а они, приучая разум к меньшей щепетильности в выборе средств для осуществления своих замыслов, готовят его к самым подлым обманам и самым вероломным действиям. Это также было одной из характерных черт карфагенян⁵⁶¹; она была настолько известна, что для обозначения любой выдающейся нечестности было принято называть ее пунической верой, fides Punica; а для обозначения ловкого, лживого нрава не было выражения более подходящего и эмфатического, чем это: карфагенская склонность, Punicum ingenium.

Чрезмерная жажда накопления богатства и неумеренная любовь к наживе, как правило, давали в Карфагене повод к совершению низких и несправедливых поступков. Об этом свидетельствует один-единственный пример. Во время перемирия, заключенного Сципионом по настоятельным просьбам карфагенян, несколько римских судов, прибитых бурей к берегам Карфагена, были захвачены [pg 115] приказу сената и народа,⁵⁶² которые не могли допустить, чтобы столь заманчивая добыча ускользнула от них. Они были полны решимости добыть деньги, хотя способ их приобретения был столь скандальным.⁵⁶³ Жители Карфагена даже во времена святого Остина (как сообщает нам этот отец) показали по одному случаю, что они все еще сохранили часть этой черты.

Но это были не единственные недостатки и изъяны карфагенян.⁵⁶⁴ В их нраве и гении было что-то суровое и дикое, надменное и властное, своего рода свирепость, которая в первых порывах страсти была глуха и к разуму, и к увещаниям, и впадала в жестокость, доходящую

до крайних пределов насилия. Люди, трусливые и смиряющиеся под страхом, были горды и жестоки в своих порывах; в то же время, когда они трепетали перед своими магистратами, их в свою очередь боялись их жалкие вассалы. В этом мы видим разницу, которую образование делает между одним народом и другим. Афиняне, чей город всегда считался центром образованности, по природе своей были ревнивы к своей власти, и ими было трудно управлять; но все же запас доброты и гуманности заставлял их сострадать несчастьям других и быть снисходительными к ошибкам своих лидеров. Однажды Клеон попросил собрание, в котором он председательствовал, разойтись, потому что, как он сказал, ему нужно принести жертву и развлечь друзей. Народ лишь посмеялся над этой просьбой и тут же разошелся. Такая вольность, говорит Плутарх, в Карфагене стоила бы человеку жизни.

Подобные размышления Ливий высказывает и в отношении Теренция Варро.⁵⁶⁵ Этот полководец по возвращении в Рим после битвы при Каннах, проигранной из-за его дурного поведения, был встречен лицами всех государственных рангов на некотором расстоянии от Рима и [pg 116] поблагодарил их за то, что он не отчаивался в своем содружестве; который, говорит историк, если бы он был полководцем карфагенян, должен был бы ожидать самого сурового наказания: *Cui, si Carthaginensium ductor fuisset, nihil recusandum supplicii foret.* Действительно, в Карфагене был учрежден суд, где генералы должны были дать отчет о своем поведении, и все они несли ответственность за события войны. Неудача каралась как преступление против государства, и если генерал проигрывал сражение, то по возвращении он почти наверняка заканчивал свою жизнь на виселице. Таков был яростный, жестокий и варварский нрав карфагенян, которые всегда были готовы пролить кровь как своих граждан, так и чужеземцев. Неслыханные пытки, которым они подвергли Регула, служат наглядным доказательством этого утверждения, а их история снабдит нас такими примерами, которые нельзя читать без ужаса.

Часть вторая. История карфагенян.

Промежуток времени между основанием Карфагена и его гибелью насчитывает семьсот лет и может быть разделен на две части. Первая, самая длинная и наименее известная (как это обычно бывает с началом всех государств), длится до первой Пунической войны и занимает пятьсот семьдесят два года. Вторая, которая заканчивается разрушением Карфагена, содержит всего сто восемнадцать лет.

Глава I. Основание Карфагена и его возвышение до первой Пунической войны.

Карфаген в Африке был колонией Тира, самого известного в то время торгового города в мире. Тир [pg 117] задолго до этого пересадил в эту страну другую колонию, которая построила [Утику](#)⁵⁶⁶, ставшую знаменитой после смерти второго Катона, которого по этой причине обычно называют Катон Утическим (*Cato Uticensis*).

Авторы сильно расходятся во мнениях относительно эпохи основания Карфагена.⁵⁶⁷ Примирить их - дело трудное и не очень существенное; по крайней мере, согласно изложенному мной плану, достаточно знать, в течение нескольких лет, время, когда был построен этот город.

Карфаген просуществовал немногим более семисот лет.⁵⁶⁸ Он был разрушен в консульство Кн. Лентула и Л. Муммия, в 603-й год Рима, 3859-й год мира и за 145 лет до Рождества Христова. Поэтому основание его можно отнести к 3158 году мира, когда Иоас был царем Иуды, за 98 лет до основания Рима и за 846 до нашего Спасителя.

Основание Карфагена приписывают Элизе, тирийской принцессе, более известной под именем Дидо.⁵⁶⁹ Ее прадедом был Итобал, царь Тира, отец знаменитой Иезавели, называемой в Писании Этбаалом. Она вышла замуж за своего ближайшего родственника Ацербаса, называемого иначе Сихарбасом и Сихеем, чрезвычайно богатого принца, а Пигмалион, царь Тира, был ее братом. Этот принц предал Сихея смерти, чтобы иметь возможность завладеть его огромными богатствами, Дидо избежала жестокой алчности своего брата, тайно уйдя со всеми сокровищами своего умершего мужа. После долгих скитаний она наконец высадилась на побережье Средиземного моря, в заливе, где стояла Утика, и в [pg 118] стране Африки, правильно называемой так, удаленной почти на [пятнадцать](#)⁵⁷⁰ миль от Туниса, столь знаменитого в это время своими корсарами; там она поселилась со своими немногочисленными последователями, купив несколько земель у жителей [страны](#)⁵⁷¹.

Многие из окрестных жителей, привлеченные перспективой наживы, отправились туда, чтобы продать этим новоприбывшим все необходимое для жизни, и вскоре после этого объединились с ними. Эти жители, собранные таким образом из разных мест, вскоре стали очень многочисленными. Граждане Утики, считая их своими соотечественниками и выходцами из одного общего рода, отправили посланцев с весьма значительными подарками и убеждали их построить город на том месте, где они впервые поселились. Коренные жители страны, из почтения и уважения, которое они часто проявляли к чужеземцам, сделали то же самое со своей стороны. Таким образом, все сговорилось с мнением Дидоны, и она построила свой город, который был обложен ежегодной данью африканцам за землю, на которой он стоял, и назван [Карфада](#)⁵⁷² или Карфаген, имя, которое на финикийском и еврейском языках (имеющих большое сходство) означает "Новый город". Говорят, что при рытье фундамента была найдена лошадиная голова, что считалось добрым предзнаменованием и предвестием будущего воинственного гения этого [народа](#)⁵⁷³.

Впоследствии за этой принцессой ухаживал гетульский царь Иарбас, угрожая в случае отказа войной. Дидо, [pg 119] связавшая себя клятвой не соглашаться на второй брак, будучи не в силах нарушить веру, которую она присягнула Сихею, хотела получить время для размышлений и умиротворить маны своего первого мужа жертвоприношением. Приказав воздвигнуть сваю, она взошла на нее и, вынув кинжал, который прятала под одеянием, заколола себя [им](#)⁵⁷⁴.

Вергилий сильно изменил эту историю, предположив, что Эней, его герой, был современником Дидо, хотя между ним и Дидоной был промежуток почти в три столетия; Карфаген был построен через триста лет после разрушения Трои. Эта вольность вполне оправдана для поэта, который не связан скрупулезной точностью историка; и мы с большим основанием восхищаемся рассудительностью, которую он проявил в своем плане, когда, чтобы заинтересовать римлян (для которых он писал) своей темой, он придумал ввести в нее непримиримую ненависть, существовавшую между Карфагеном и Римом, и гениально вывести ее происхождение из очень далекого основания этих двух соперничающих городов.

Карфаген, чье начало, как мы уже заметили, было очень слабым, незаметно увеличился в размерах в стране, где был основан. Но его владычество недолго ограничивалось Африкой. Этот честолюбивый город распространил свои завоевания на Европу, захватил Сардинию,

стал хозяйкой значительной части Сицилии, подчинил себе почти всю Испанию и, разослав во все концы мощные колонии, более шестисот лет пользовался владычеством на морях; и образовала государство, которое было [pg 120] способно оспаривать первенство у величайших империй мира, благодаря своему богатству, своей торговле, многочисленным армиям, грозным флотам и, прежде всего, храбрости и умению своих капитанов. Даты и обстоятельства многих из этих завоеваний малоизвестны. Я лишь вкратце расскажу о них, чтобы дать моим читателям возможность составить некоторое представление о странах, которые будут часто упоминаться в ходе этой истории.

Завоевания карфагенян в Африке. Первые войны карфагенян были направлены на освобождение от ежегодной дани, которую они обязались платить африканцам за уступленную им территорию.⁵⁷⁵ Такое поведение не делает им чести, поскольку поселение было предоставлено им при условии уплаты дани. Можно было бы предположить, что они хотели скрыть неясность своего происхождения, отменив это доказательство. Но в данном случае им это не удалось. На стороне африканцев была справедливость, и они, соответственно, процветали; война закончилась выплатой дани.

После этого карфагеняне выступили с оружием в руках против мавров и нумидийцев и одержали множество побед над теми и другими.⁵⁷⁶ Ободренные этими счастливыми успехами, они полностью избавились от дани, которая доставляла им столько беспокойства,⁵⁷⁷ и завладели значительной частью Африки.

Примерно в это время между Карфагеном и Киринеей возник большой спор о границах их владений. Киринея была очень мощным городом, расположенным на берегу Средиземного моря, у Большого Сиртиса, и построенным лакедемонянином [Баттисом](#)⁵⁷⁸.

С каждой стороны было решено, что двое юношей должны отправиться в путь одновременно из любого города, а место их встречи должно быть общей границей обоих государств. Карфагеняне (это были два брата по имени Филэни) поспешили; а их противники, притворившись, что была использована нечестная игра и что братья отправились раньше назначенного времени, отказались придерживаться соглашения [pg 121], если только братья (чтобы снять подозрение в нечестной сделке) не согласятся быть похороненными заживо на том месте, где они встретились. Они согласились на это предложение, и карфагеняне воздвигли на том месте два алтаря в память о них и воздали им божественные почести в своем городе; с тех пор это место стало называться Филейскими алтарями, *Agæ Philænorum*⁵⁷⁹, и служило границей Карфагенской империи, которая простиралась от этого места до Геркулесовых столбов.

Завоевания карфагенян в Сардинии и т. д. - История не сообщает нам точно ни о времени, когда карфагеняне вошли в Сардинию, ни о том, как они овладели ею. Этот остров был очень полезен для них и во время всех их войн обильно снабжал их провизией.⁵⁸⁰ От Корсики его отделяет только пролив шириной около трех лиг. Столицей южной и наиболее плодородной ее части был Каралис или Каларис, ныне называемый Кальяри. По прибытии карфагенян туземцы удалились в горы в северных частях острова, которые почти недоступны, и оттуда враг не мог их вытеснить.

Карфагеняне захватили также Балеарские острова, которые сейчас называются Майорка и Менорка. Порт Магон (*Portus Magonis*) на последнем острове был назван так от имени Маго, карфагенского полководца, который первым использовал и укрепил его. Неизвестно, кем был этот Маго, но весьма вероятно, что он был братом Ганнибала.⁵⁸¹ Эта гавань и по сей день является одной из самых значительных в Средиземноморье.

Эти острова поставляли карфагенянам самых искусных пращников в мире, которые оказывали им большую услугу в сражениях и осадах.⁵⁸² Они метали большие камни весом более фунта, а иногда бросали свинцовые пули,⁵⁸³ с такой силой, что они пробивали даже самые крепкие шлемы, щиты и кирасы; и были так ловки в прицеливании, [pg 122] что почти никогда не попадали в цель. Жителей этих островов с младенчества приучали к обращению с пращей; для этого их матери клали на сук высокого дерева кусок хлеба, предназначенный для завтрака детей, которым не давали ни кусочка, пока они не спускали его с помощью пращи. От этого греки называли эти острова Балеарами и Гимнасиями,⁵⁸⁴ потому что их жители так рано упражнялись в метании камней.⁵⁸⁵

Завоевания карфагенян в Испании Прежде чем перейти к описанию этих завоеваний, я считаю нужным дать моим читателям некоторое представление об Испании.

Испания делится на три части: Бетика, Лузитания, Тарраконенсис.⁵⁸⁶

Бетика, названная так от реки [Бетис](#)⁵⁸⁷, была южной частью Испании и включала в себя нынешнее королевство Гранада, Андалусию, часть Новой Кастилии и Эстремадуру. Кадис, который древние называли Гадесом и Гадирой, - город, расположенный на небольшом одноименном острове на западном побережье Андалусии, примерно в девяти лигах от Гибралтара. Известно, что Геракл, дойдя в своих завоеваниях до этого места, остановился, полагая, что подошел к краю света.⁵⁸⁸ По обычаю той эпохи он воздвиг здесь два столба в память о своих победах. Это место навсегда сохранило свое название, хотя время [pg 123] разрушило эти столбы. Авторы расходятся во мнениях относительно места, где были воздвигнуты эти столбы. Бетика была самой плодородной, самой богатой и самой густонаселенной частью Испании.⁵⁸⁹ В ней было двести городов, а населяли ее турдетаны, или турдули. На берегах Бетиса стояли три больших города: Кастуло - у истоков, Кордуба - ниже, родина Лукана и двух сенеков, и, наконец, Гиспалис.⁵⁹⁰

Лузитания ограничена на западе океаном, на севере - рекой [Дурий](#)⁵⁹¹, а на юге - рекой [Анас](#)⁵⁹². Лузитания - это то, что сейчас называется Португалией, а также часть Старой и Новой Кастилии.

Тарраконенсис охватывал остальную часть Испании, то есть королевства Мурсия и Валентия, Каталонию, Аррагон, Наварру, Бискайю, Астурию, Галлию, королевство Леон и большую часть обеих Кастилий. [Таррако](#)⁵⁹³, очень значительный город, дал название этой части Испании. Совсем рядом с ним находился Барсино.⁵⁹⁴ Его название дает основание предполагать, что он был построен Гамилькарсом по фамилии Барка, отцом великого Ганнибала. Самыми известными народами Тарраконенсиса были кельтиберы, жившие за рекой Ибер;⁵⁹⁵ кантабры, где сейчас находится Бискайя; карпетаны, столицей которых был Толедо; оретаны и т.д.

Испания, изобилующая золотыми и серебряными рудниками и населенная воинственной расой людей, имела достаточно поводов для возбуждения алчности и честолюбия карфагенян, которые были скорее меркантильными, чем воинственными, в силу самого гения и конституции их республики. Они, несомненно, знали, что их предки-финикийцы (как рассказывает Диодор)⁵⁹⁶, пользуясь счастливым неведением испанцев относительно огромных богатств, скрытых в недрах их земель, сначала отобрали у них эти драгоценные сокровища в обмен на малоценные товары. Они также предвидели, что если им удастся однажды покорить эту страну, то она в изобилии снабдит их хорошо дисциплинированными войсками для покорения других народов, что и произошло в действительности.

Карфагеняне впервые высадились в Испании, чтобы помочь жителям Кадиса, захваченного испанцами.⁵⁹⁷ Этот город был колонией Тира, так же как Утика и Карфаген, и даже более древним, чем любой из них. Построив его, тирийцы установили там поклонение Геркулесу и воздвигли в его честь великолепный храм, ставший знаменитым в последующие века. Успех этой первой экспедиции карфагенян вызвал у них желание перенести свое оружие в Испанию.

Точно неизвестно, в какой период они вошли в Испанию и как далеко распространились их первые завоевания. Вероятно, вначале они шли медленно, поскольку карфагенянам пришлось иметь дело с очень воинственными народами, которые защищались с большой решимостью и отвагой. Они также не смогли бы осуществить свой замысел, как отмечает [Страбон](#)⁵⁹⁸, если бы испанцы (объединившись в одно тело) образовали одно государство и взаимно помогали друг другу. Но поскольку каждый район, каждый народ были полностью отделены от своих соседей и не имели с ними ни малейшей связи, карфагеняне были вынуждены покорять их один за другим. Это обстоятельство, с одной стороны, привело к потере Испании, а с другой - затянуло войну и сделало завоевание страны гораздо более трудным.⁵⁹⁹ Поэтому было замечено, что хотя Испания была первой провинцией, которую римляне захватили на континенте, она была последней, которую они покорили;⁶⁰⁰ и полностью подчинилась их власти только после энергичного сопротивления в течение 200 лет.

Из рассказов Полибия и Ливия о войнах Гамилькара, Асдрубала и Ганнибала в Испании, которые вскоре будут упомянуты, следует, что до этого периода оружие карфагенян не добилося значительных успехов в этой стране и что большая часть Испании была тогда непокоренной. Но через двадцать лет они завершили завоевание почти всей страны.

[pg 125]

В то время, когда Ганнибал отправился в Италию, все побережье Африки, от Филенорум Арæ, у великого Сиртиса, до Геркулесовых столбов, было подвластно карфагенянам.⁶⁰¹ Пройдя через проливы, они завоевали все западное побережье Испании, вдоль океана, вплоть до Пиренейских холмов. Побережье Средиземного моря было почти полностью ими покорено; там они построили Карфагену и были хозяевами всей страны вплоть до реки Ибер, которая ограничивала их владения. Таковы были в то время масштабы их империи. В центре страны некоторые народы, правда, сопротивлялись всем их усилиям и не могли быть покорены ими.

Завоевания карфагенян в Сицилии. - Войны, которые карфагеняне вели в Сицилии, более известны. Здесь я расскажу о тех, что велись со времен правления Ксеркса, который впервые побудил карфагенян принести оружие в Сицилию, до первой Пунической войны. Этот период охватывает около двухсот двадцати лет, то есть с 3520 по 3738 год мира. В начале этих войн Сиракузы, самый значительный и самый могущественный город Сицилии, наделили Гелона, Гиеро и Фрасибула (трех братьев, сменивших друг друга) суверенной властью. После их смерти в городе установилась демократия или народное правительство, которое просуществовало более шестидесяти лет. С этого времени в Сиракузах правили два Дионисия, Тимoleon и Агатокл. После этого Пирр был приглашен в Сицилию, но владел ею всего несколько лет. Таково было управление Сицилией во время войн, о которых я собираюсь рассказать. Они дадут нам много информации о могуществе карфагенян в то время, когда они начали воевать с римлянами.

Сицилия - самый большой и значительный остров Средиземноморья. Он имеет треугольную форму, и по этой причине его называли Тринакрия и Трикетра. Восточная сторона, обращенная к Ионическому или Греческому морю, простирается от мыса [Пачинум](#)⁶⁰² до

Пелорума.⁶⁰³ Самые известные города на этом побережье - Сиракузы, Тауромениум и Мессана. Северное побережье, обращенное в сторону Италии, простирается от мыса Пелорум до мыса [pg 126] Лилибея.⁶⁰⁴ Наиболее известные города на этом побережье - Миле, Гимера, Панорм, Эрикс, Мотия, Лилибея. Южное побережье, расположенное напротив Африки, простирается от мыса Лилибея до Пахинума. Самые примечательные города на этом побережье - Селинус, Агригентум, Гела и Камарина. Этот остров отделен от Италии проливом, который имеет не более полутора миль в длину и называется Фаро или Мессинским проливом, из-за его близости к этому городу. Путь из Лилибея в Африку составляет 1500 [фуронгов](#)⁶⁰⁵, то есть около семидесяти пяти [лиг](#)⁶⁰⁶.

A.M. 3501. A. Carth. 343. Рим, 245. Ant. J.C. 503.

Период, когда карфагеняне впервые проникли с оружием в Сицилию, точно не известен.⁶⁰⁷ Мы уверены лишь в том, что они уже владели какой-то ее частью в то время, когда заключили договор с римлянами; в тот же год, когда цари были изгнаны, а вместо них назначены консулы, то есть за двадцать восемь лет до вторжения Ксеркса в Грецию. В этом договоре, который является первым из упоминаемых нами договоров, заключенных между этими двумя народами, говорится об Африке и Сардинии, которыми владели карфагеняне; в то время как в договорах, касающихся Сицилии, речь идет только о тех частях острова, которые были им подчинены. В этом договоре четко оговорено, что ни римляне, ни их союзники не должны плавать за Справедливый [мыс](#)⁶⁰⁸, который находился совсем рядом с Карфагеном; и что те купцы, которые будут прибегать в этот город для торговли, будут платить только определенные пошлины, которые в нем [установлены](#)⁶⁰⁹.

Из того же договора следует, что карфагеняне особенно старались исключить римлян из всех подвластных им стран, а также из знания о том, что в них происходит; как будто карфагеняне, даже [pg 127] то время, были возмущены растущей мощью римлян; и уже таили в своей груди тайные семена ревности и недоверия, которые однажды должны были вылиться в долгие и жестокие войны, во взаимную ненависть и вражду, которую ничто не могло погасить, кроме гибели одной из враждующих держав.

A.M. 3520. Ant. J.C. 484.

Через несколько лет после заключения первого договора карфагеняне заключили союз с персидским царем Ксерксом.⁶¹⁰ Этот царевич, стремившийся лишь к полному уничтожению греков, которых он считал своими непримиримыми врагами, полагал, что ему не удастся добиться успеха в своем предприятии без помощи Карфагена, чье могущество было грозным даже в то время. Карфагеняне, которые всегда держали в уме свою задумку захватить остатки Сицилии, с жадностью ухватились за благоприятную возможность, которая представилась им теперь, чтобы завершить ее захват. Поэтому был заключен договор, по которому карфагеняне должны были со всеми своими силами вторгнуться в Сицилию и Италию, где жили греки, а Ксеркс должен был лично выступить в поход против самой Греции.

Подготовка к этой войне длилась три года. Сухопутная армия насчитывала не менее трехсот тысяч человек. Флот состоял из двух тысяч военных кораблей и до трех тысяч небольших грузовых судов. Гамилькар, самый опытный полководец своего времени, отплыл из Карфагена с этим грозным войском. Он высадился в [Палермо](#)⁶¹¹ и, освежив свои войска, направился к Гимере, городу, расположенному неподалеку от Палермо, и осадил его. Командовавший в нем Терон, видя, что ему приходится очень несладко, послал к Гелону, который овладел Сиракузами. Тот немедленно прилетел к нему на помощь с пятьюдесятью тысячами пеших и пятью тысячами конных. Его прибытие вселило новое мужество в осажденных, которые с этого времени стали очень энергично обороняться.

Гелон был искусным воином и прекрасно владел хитростью. К нему привели курьера, который был отправлен из Селинуса, города в Сицилии, с письмом для Гамилькара, чтобы сообщить [pg 128] ему день, когда он может ожидать конницу, которую он требовал от них. Гелон отобрал столько же своих войск и отправил их из своего лагеря в условленное время. Впустив их в лагерь противника, как прибывших из Селина, они бросились на Гамилькара, убили его и подожгли его корабли. В этот критический момент Гелон со всеми своими силами атаковал карфагенян, которые поначалу оказали галантное сопротивление. Но когда им принесли весть о смерти их полководца и они увидели свой флот в огне, их мужество покинуло их, и они бежали. И тут началась страшная резня: было убито до ста пятидесяти тысяч человек. Остальная часть армии, отступив туда, где у них не было ничего необходимого, не смогла долго обороняться и была вынуждена сдаться по собственному желанию. Это сражение произошло в тот самый день, когда произошла знаменитая битва при Фермопилах, в которой триста [спартанцев612](#), жертвуя своими жизнями, оспаривали у Ксеркса вход в Грецию.

Когда в Карфаген пришло печальное известие о полном поражении армии, оцепенение, горе и отчаяние повергли весь город в такое смятение и тревогу, которые не поддаются никакому выражению. Считалось, что враг уже у ворот. Карфагеняне при больших неудачах всегда теряли мужество и впадали в противоположную крайность. Немедленно они отправили к Гелону депутацию, в которой просили мира на любых условиях. Он выслушал их посланцев с большим человеколюбием. Полная победа, которую он одержал, отнюдь не сделала его надменным и непримиримым, а лишь усилила его скромность и снисходительность даже к врагам. Поэтому он заключил с ними мир без каких-либо условий, кроме выплаты двух [тысяч613](#) талантов на покрытие военных расходов. Кроме того, он обязал их построить два храма, где должен храниться договор об этом мире и постоянно выставляться на всеобщее обозрение. Карфагеняне не сочли это дорогой ценой за мир, который был так необходим для их дел и на который они едва ли могли надеяться [pg 129]. Гисго, сын Гамилькара, в соответствии с несправедливым обычаем карфагенян приписывать полководцу неудачи в войне и возлагать на него вину за это, был наказан за несчастье отца и отправлен в изгнание. Остаток своих дней он провел в Селинусе, городе на Сицилии.

Вернувшись в Сиракузы, Гелон созвал народ и предложил всем гражданам явиться с оружием в руках. Он сам вошел в собрание, безоружный и без своей охраны, и рассказал обо всем, что произошло в его жизни. Его речь не прерывалась ничем, кроме публичных свидетельств благодарности и восхищения. Его не считали тираном и угнетателем свободы своей страны, его считали ее благодетелем и освободителем; все единодушно провозгласили его королем, а корона после его смерти была передана двум его братьям.

A.M. 3592. A. Carth. 434. A. Rom. 336. Ant. J.C. 412.

После памятного поражения афинян под Сиракузами, где погиб Никий со всем своим [флотом614](#), сегестанцы, выступившие на стороне афинян против сиракузян, опасаясь недовольства своих врагов и подвергшись нападению жителей Селина, обратились за помощью к карфагенянам и отдали себя и город под их защиту. В Карфагене жители некоторое время обсуждали, какой курс им следует выбрать, и дело встретило большие трудности. С одной стороны, карфагеняне очень хотели завладеть столь удобным для них городом; с другой - они боялись мощи и силы Сиракуз, которые совсем недавно разбили на куски многочисленное войско афинян и стали после столь блестящей победы еще более грозными, чем прежде. Наконец, жажда империи взяла верх, и сегестанцам пообещали помощь.

Вести эту войну поручили Ганнибалу, который в то время был облечен высшим государственным саном, будучи одним из суфетов. Он был внуком Гамилькара, который был побежден Гелоном и убит перед Гимерой, и сыном Гисго, осужденного на изгнание. Он покинул Карфаген, горя желанием отомстить за свою [pg 130] семью и страну и стереть позор последнего поражения. Под его командованием была очень большая армия и флот. Он высадился в месте, называемом Колодец Лилибея, которое дало название городу, построенному впоследствии на том же месте. Первым его предприятием стала осада Селинуса. Атака и оборона были одинаково энергичными, причем женщины проявили решительность и храбрость, превосходящие их пол. Город, после долгого сопротивления, был взят штурмом, а его грабеж достался солдатам. Победитель проявил самые ужасные жестокости, не обращая внимания ни на возраст, ни на пол. Он разрешил бежавшим жителям оставаться в городе после его разрушения и обрабатывать земли при условии, что они будут платить дань карфагенянам. Этот город строился двести сорок два года.

Гимера, которую он осадил и взял штурмом, подвергшись более жестокому обращению, чем Селин, была полностью разрушена через двести сорок лет после основания. Он заставил три тысячи пленников подвергнуться всевозможным унижительным наказаниям и, наконец, убил их всех на том самом месте, где его дед был убит конницей Гелона, чтобы умиротворить и удовлетворить свои маны кровью этих несчастных жертв.

Покончив с этими походами, Ганнибал вернулся в Карфаген, и весь город вышел ему навстречу и принял его с самыми радостными возгласами.

Эти успехи вновь разожгли в карфагенянах желание и возродили задуманный ими план стать хозяевами всей Сицилии.⁶¹⁵ Через три года после этого они во второй раз назначили Ганнибала своим полководцем, а когда он, ссылаясь на свой преклонный возраст, отказался от командования в этой войне, дали ему в лейтенанты Имилькаона, сына Ганно, из той же семьи. Приготовления к этой войне были соразмерны великому замыслу, который вынашивали карфагеняне. Вскоре флот и армия были готовы и отправились в Сицилию. Численность их войска, согласно Тимею, составляла более шестисот тысяч, а согласно Эфору - триста тысяч человек. Противник, со своей стороны, [pg 131] был готов оказать карфагенянам теплый прием. Сиракузяне послали ко всем своим союзникам, чтобы собрать среди них войска, и во все города Сицилии, чтобы призвать их энергично защищать свои свободы.

Агригентум ожидал, что первым почувствует на себе ярость врага. Этот город был чрезвычайно **богат**⁶¹⁶ и сильно укреплен. Он, как и Селинус, находился на том побережье Сицилии, которое обращено к Африке. Соответственно, Ганнибал начал кампанию с осады этого города. Вообразив, что он неприступен только с одной стороны, он направил все свои силы в этот квартал. Он возвел берега и террасы высотой до самых стен и воспользовался для этого мусором и фрагментами гробниц, стоявших вокруг города, которые он снес для этой цели. Вскоре после этого чума поразила армию и уничтожила большое количество солдат и самого генерала. Карфагеняне восприняли это бедствие как наказание богов, которые таким образом отомстили за обиду, нанесенную мертвым, чьи призраки, как многим казалось, ходили перед ними по ночам. Поэтому гробницы больше не разрушали, молебны было приказано совершать по карфагенскому обычаю, ребенка принесли в жертву Сатурну, согласно самому бесчеловечному суеверному обычаю, а множество жертв бросили в море в честь Нептуна.

Осажденные, которые сначала получили ряд преимуществ, в конце концов были настолько подавлены голодом, что все надежды на спасение казались отчаянными, и они решили

оставить город. Для этого была назначена следующая ночь. Читатель, естественно, представит себе горе, которым были охвачены эти несчастные [pg 132] люди, вынужденные покинуть свои дома, свое богатое имущество и свою страну; но жизнь была для них все же дороже всего этого. Никогда не было более печального зрелища. Не говоря уже о других, толпа женщин, заливаясь слезами, тащила за собой своих беспомощных младенцев, чтобы уберечь их от жестокой ярости победителя. Но самым печальным обстоятельством была необходимость оставить позади себя стариков и больных, которые были не в состоянии ни бежать, ни оказывать хоть какое-то сопротивление. Несчастные изгнанники прибыли в Гелу, ближайший город, и там получили все удобства, на которые они могли рассчитывать в том плачевном состоянии, в котором они оказались.

Тем временем Имилькон вошел в город и убил всех, кто в нем находился. Грабеж был чрезвычайно богат, и его можно было ожидать от одного из самых богатых городов Сицилии, насчитывавшего двести тысяч жителей и никогда прежде не подвергавшегося ни осаде, ни, соответственно, разграблению. Здесь было найдено бесчисленное множество картин, ваз и статуй всех видов; горожане обладали изысканным вкусом к вежливым искусствам. Среди прочих диковинок была знаменитая [булла617](#) Фалариса, которую отправили в Карфаген.

Осада Агригентума длилась восемь месяцев. Имилькон заставил свои войска перезимовать в нем, чтобы дать им необходимое пропитание, и покинул этот город (полностью разрушив его) в начале весны. После этого он осадил Гелу и взял ее, несмотря на подмогу, которую принес Дионисий Тиран, захвативший власть в Сиракузах. Имилькон закончил войну договором с Дионисием. По условиям договора карфагеняне, кроме своих древних приобретений в Сицилии, должны были еще владеть страной [сиканийцев618](#), Селинусом, Агригентумом и Гимерой; а также Гела и Камарина, с предоставлением жителям права проживать в своих разрушенных городах при условии уплаты ими дани Карфагену; леонтинцы, мессенцы и все сицилийцы должны сохранять свои собственные законы и [pg 133] свободу и независимость: Наконец, сиракузяне должны по-прежнему подчиняться Дионисию. После заключения этого договора Имилькон вернулся в Карфаген, где чума все еще производила ужасающий хаос.

3600 Г. Н.Э. А. Карф. 412. А. Ром. 344. Ant. J.C. 404.

Дионисий заключил мир с карфагенянами не для того, чтобы получить время для установления своей новой власти и сделать необходимые приготовления к войне, которую он замыслил против них.[619](#) Поскольку он прекрасно понимал, насколько грозно могущество этого государства, он приложил все усилия, чтобы успешно вторгнуться к ним; и его замысел был замечательно поддержан рвением его подданных. Слава этого принца, сильное желание отличиться, прелести наживы и перспектива вознаграждения, которое он обещал тем, кто проявит наибольшее усердие, пригласили со всех сторон в Сицилию самых способных художников и мастеров того времени в мире. Теперь все Сиракузы превратились в огромную мастерскую, в каждой части которой люди делали мечи, шлемы, щиты и военные двигатели, а также готовили все необходимое для строительства кораблей и оснащения флота. Корабли с пятью веслами (или квинкеремы) были изобретены в то время совсем недавно, так как до этого времени использовались только [три620](#). Дионисий одушевлял рабочих своим присутствием, аплодисментами и щедротами, которые он раздавал время от времени, но главным образом своим популярным и увлекательным поведением, которое сильнее, чем любое другое поведение, возбуждало трудолюбие и пыл [рабочих621](#), и он часто позволял тем из них, кто наиболее преуспел в своих искусствах, обедать с ним.

Когда все было готово и в разных странах собрано большое количество войск, он созвал сиракузян, изложил им свой замысел и сообщил, что карфагеняне - враги греков, что они намереваются захватить всю Сицилию, подчинить себе все греческие города и что, если не остановить их продвижение, сиракузяне вскоре сами подвергнутся нападению: что причина, по которой карфагеняне [pg 134] не предпринимали никаких попыток и продолжали бездействовать, заключалась исключительно в ужасных разрушениях, произведенных среди них чумой; это (заметил он) было благоприятной возможностью, которой сиракузяне должны были воспользоваться. Хотя тирания и тиран были одинаково одиозны для Сиракуз, но ненависть, которую народ питал к карфагенянам, преобладала над всеми другими соображениями; и каждый, руководствуясь скорее взглядами заинтересованного политика, чем велениями справедливости, принял речь с аплодисментами. После этого, без малейшей жалобы или объявления войны, Дионисий отдал на растерзание населения людей и владения карфагенян. В то время их было много в Сиракузах, и они торговали там на основании договоров. Простые люди врывались в их дома, грабили их имущество и делали вид, что они имеют достаточные полномочия, чтобы подвергнуть их любому позору и любому наказанию за жестокости, которые они проявили по отношению к коренным жителям страны. И этому ужасному примеру вероломства и бесчеловечности последовал весь остров Сицилия. Это стало кровавым сигналом к войне, которая была объявлена против них. Дионисий, начав таким образом вершить правосудие, (по своему обыкновению) послал в Карфаген депутатов с требованием вернуть всем сицилийским городам их свободу, а в противном случае со всеми карфагенянами, оказавшимися в них, следует обращаться как с врагами. Это известие вызвало в Карфагене всеобщую тревогу, особенно когда они задумались о том, до какого плачевного состояния они доведены.

Дионисий начал кампанию с осады Моти, которая была главным пунктом карфагенян в Сицилии; он так энергично продолжал осаду, что карфагенский адмирал Имилькон не смог снять ее. Он выдвинул вперед свои двигатели, громил город таранами, выдвинул на стену башни высотой в шесть этажей (на колесах) и равной высоты с домами; с них он сильно досаждал осажденным своими катапультами, недавно изобретенными⁶²², которые с огромной силой обрушивали на врага многочисленные залпы стрел и камней. Наконец, город, после долгой и упорной обороны, [pg 135] был взят штурмом, а все его жители преданы мечу, за исключением тех, кто укрылся в храмах. Разграбленный город был оставлен солдатам, и Дионисий, оставив в нем сильный гарнизон и надежного правителя, вернулся в Сиракузы.

В следующем году Имилькон, назначенный одним из суффетов, вернулся в Сицилию с гораздо большим войском, чем прежде.⁶²³ Он высадился в Палермо,⁶²⁴ силой отвоевал Мотию и взял несколько других городов. Окрыленный этими успехами, он двинулся к Сиракузам, намереваясь осадить их; пехота шла по суше, в то время как флот под командованием Маго плыл вдоль побережья.

Прибытие Имилькона повергло сиракузян в большое смятение. Более двухсот кораблей, нагруженных добычей врага и шедших в полном порядке, с триумфом вошли в большую гавань, за ними следовали пятьсот барк. В то же время сухопутная армия, состоявшая, по мнению некоторых авторов, из трехсот тысяч [пеших](#)⁶²⁵ и трех тысяч конных, была замечена марширующей вперед по другую сторону города. Имилькон разбил свою палатку в самом храме Юпитера, а остальная армия расположилась лагерем в двенадцати фурлонгах, или примерно в полутора милях от города. Подойдя к нему, Имилькон предложил сражение жителям, которые не пожелали принять вызов. Имилькон, довольный тем, что добился от сиракузян признания их слабости и своего превосходства, вернулся в свой лагерь, не

сомневаясь, что вскоре овладеет городом, считая его уже определенной добычей, от которой ему не уйти. В течение тридцати дней он опустошал окрестности Сиракуз и разорил всю страну. Он овладел предместьем Акрадина, разграбил храмы Цереры и Прозерпины. Чтобы укрепить свой лагерь, он разрушил гробницы, стоявшие вокруг города, и в том числе гробницу Гелона и его жены Демараты, которая была чрезвычайно величественной.

Но эти успехи были недолгими. Все великолепие этого ожидаемого триумфа исчезло в одно мгновение, и, как говорит историк, [626](#) научил [pg 136] человечество, что самый гордый смертный, рано или поздно поверженный превосходящей силой, будет вынужден признать свою слабость. В то время как Имилькон, овладевший почти всеми городами Сицилии, рассчитывал увенчать свои завоевания взятием Сиракуз, заразная болезнь охватила его армию и произвела в ней страшный хаос. Была середина лета, а жара в тот год стояла необычайная. Заражение началось среди африканцев, и многие из них умирали, не имея возможности получить облегчение. Сначала заботились об умерших; но с каждым днем их становилось все больше, а инфекция распространялась очень быстро, и мертвые лежали непогребенными, а больные не могли получить никакой помощи. Эта чума сопровождалась весьма необычными симптомами: жестокой дизентерией, неистовой лихорадкой, жжением внутренностей, острыми болями во всех частях тела. Зараженные даже впадали в безумие и ярость, набрасываясь на всех, кто попадался им на пути, и разрывая их на куски.

Дионисий не преминул воспользоваться столь благоприятным случаем для нападения на врага. Будучи более чем наполовину побежденными чумой, они оказывали лишь слабое сопротивление. Карфагенские корабли почти все были либо захвачены, либо сожжены. Все жители Сиракуз, старики, женщины и дети, высыпали из города, чтобы посмотреть на событие, которое показалось им чудесным. С воздетыми к небу руками они благодарили богов-покровителей своего города за то, что те отомстили за святость храмов и гробниц, так жестоко нарушенную этими варварами. Наступила ночь, и обе стороны удалились; тогда Имилькон, воспользовавшись этой короткой передышкой, послал к Дионисию с просьбой разрешить ему забрать с собой небольшие остатки его разбитой армии, предложив триста [талантов](#)[627](#), то есть все деньги, которые у него тогда оставались. Но это разрешение можно было получить только для карфагенян, с которыми Имилькон скрылся ночью, а остальных оставил на милость завоевателя.

В таком состоянии этот карфагенский полководец, который за несколько дней до этого был таким гордым и надменным, отступил [pg 137] Сиракуз. Горько сокрушаясь о своей судьбе, а еще больше о судьбе своей страны, он с самой наглой яростью обвинял богов как единственных виновников своих несчастий. "Враги, - продолжал он, - действительно могут радоваться нашим несчастьям, но у них нет причин превозноситься над ними. Мы возвращаемся с победой над сиракузянами, а побеждены только чумой". Больше всего его огорчало то, что он пережил столько доблестных воинов, погибших в бою. "Но, - добавлял он, - в дальнейшем выяснится, из страха ли перед смертью или из желания вернуть на родину жалкие останки моих сограждан, что я пережил гибель столько храбрых товарищей". И действительно, по прибытии в Карфаген, который он нашел переполненным горем и отчаянием, он вошел в свой дом, закрыл двери от горожан и даже от собственных детей, а затем нанес себе смертельный удар в соответствии с практикой, которой язычники ложно придали название мужества, хотя на самом деле это было не что иное, как трусливое отчаяние.

Но на этом бедствия несчастного города не закончились; африканцы, которые всегда питали непримиримую ненависть к карфагенянам, но теперь были доведены до ярости, потому что их соотечественники были оставлены и подверглись убийственному мечу сиракузян,

собрались самым неистовым образом, подняли тревогу, взяли в руки оружие и, захватив Тунис, двинулись прямо на Карфаген, в количестве более двухсот тысяч человек. Горожане теперь считали себя проигравшими. Это новое происшествие было расценено ими как печальное следствие гнева богов, который преследовал виновных несчастных до самого Карфагена. Поскольку его жители, особенно при всех общественных бедствиях, доводили свое суеверие до крайнего предела, их первой заботой было умиротворить оскорбленных богов. Церера и Прозерпина были божествами, о которых до того времени в Африке и не слыхивали. Но теперь, чтобы искупить вину за оскорбление, нанесенное им разграблением их храмов, в их честь были воздвигнуты великолепные статуи; жрецы были выбраны из самых знатных семей города; им были принесены жертвы, согласно греческому ритуалу (если можно так выразиться); словом, не было упущено ничего, что могло бы [pg 138] способствовать умиротворению и умилованию разгневанных богинь. Следующим объектом их забот стала оборона города. К счастью для карфагенян, это многочисленное войско не имело предводителя, но было похоже на тело, не имеющее души; среди них не было видно ни провизии, ни военных машин, ни дисциплины, ни субординации: каждый ставил себя генералом или претендовал на независимость от остальных. Поэтому в армии возникли разногласия, а голод усиливался с каждым днем, и люди из нее разошлись по своим домам, избавив Карфаген от страшной тревоги.

Карфагеняне не пали духом, но продолжали свои предприятия на Сицилии. Маго, их полководец и один из суфетов, проиграл великую битву, в которой был убит. Карфагенские вожди потребовали мира, который был заключен при условии, что они освободят всю Сицилию и оплатят расходы на войну. Они притворились, что принимают условия, но, сославшись на то, что не в их власти сдать города, не получив предварительно приказа от своей республики, добились столь длительного перемирия, что дали им время, достаточное для отправки в Карфаген. Воспользовавшись этим перерывом, они собрали и обучили новые войска, генералом которых был назначен Маго, сын того, кто был недавно убит. Он был очень молод, но обладал большими способностями и репутацией. Как только он прибыл в Сицилию, по истечении срока перемирия, он дал Дионисию сражение, в котором Лептинес,⁶²⁸ один из генералов последнего, был убит, а до четырнадцати тысяч сиракузян остались лежать мертвыми на поле. В результате этой победы карфагеняне заключили почетный мир, по которому они получили в свое распоряжение все, что имели в Сицилии, и даже несколько крепостей; кроме того, тысячу талантов,⁶²⁹ которые были выплачены им для покрытия расходов на войну.

Примерно в это время в Карфагене был издан закон, по которому его жителям запрещалось учиться писать или говорить на греческом языке⁶³⁰, чтобы лишить их возможности переписываться [pg 139] с врагом, как устно, так и письменно. Поводом к этому послужило вероломство одного карфагенянина, который написал Дионисию по-гречески, чтобы дать ему совет об отходе армии из Карфагена.

Вскоре Карфагену пришлось бороться с другим бедствием.⁶³¹ Чума распространилась в городе и произвела ужасный хаос. Панические страхи и приступы безумия внезапно охватили несчастных; они выбегали из своих домов с мечом в руке, как будто враг взял город, и убивали или ранили всех, кто попадался им на пути. Африканцы и сардинцы охотно воспользовались бы этой возможностью, чтобы сбросить столь ненавистное для них иго; но и те и другие были подчинены и приведены к подданству. В это же время Дионисий с теми же целями предпринял предприятие в Сицилии, которое оказалось столь же неудачным. Через некоторое время после этого он умер⁶³², и его сменил сын того же имени.

Мы уже упоминали о первом договоре, который карфагеняне заключили с римлянами. Был еще один, который, согласно Орозию, был заключен в 402 году от основания Рима, а значит, примерно в то время, о котором мы сейчас говорим. Этот второй договор был почти таким же, как и первый, за исключением того, что жители Тира и Утики были явно включены в него и присоединились к карфагенянам.

3656 Г. Н.Э. А. Carth. 498. А. Rom. 400. Ant. J.C. 348.

После смерти старшего Дионисия Сиракузы были вовлечены в большие смуты.⁶³³ Изгнанный Дионисий Младший восстановил себя силой оружия и проявлял там большую жестокость. Одна часть граждан обратилась за помощью к Ицету, тирану леонтинцев, по происхождению сиракузянину. Это показалось карфагенянам [pg 140] очень благоприятной возможностью захватить всю Сицилию, и они послали туда мощный флот. В такой ситуации те из сиракузян, кто больше всего любил свою страну, прибегли к помощи коринфян, которые часто помогали им в опасностях; кроме того, из всех греческих народов они были самыми убежденными врагами тирании и самыми ярыми и щедрыми защитниками свободы. Поэтому коринфяне послали к ним Тимолеона, человека с большими заслугами, который проявил свое рвение к общественному благосостоянию, освободив свою страну от тирании за счет собственной семьи. Он отплыл всего с десятью кораблями и, прибыв в Регий, счастливой хитростью ускользнул от бдительности карфагенян, которые, получив от Ицета сведения о его плавании и замысле, хотели перехватить его на пути в Сицилию.

Под командованием Тимолеона было не более тысячи воинов, и все же с этой горсткой людей он смело отправился на помощь Сиракузам. Его небольшая армия увеличивалась по мере продвижения вперед. Сиракузяне находились в отчаянном положении и были совершенно безнадешны. Они видели карфагенян хозяевами порта, Ицета - города, а Дионисия - цитадели. К счастью, по прибытии Тимолеона Дионисий, не имея другого убежища, отдал цитадель в его руки со всеми находящимися в ней силами, оружием и боеприпасами и с его помощью бежал в [Коринф](#)⁶³⁴. Тимолеон через своих эмиссаров искусно представлял иностранным солдатам, которые (по той ошибке в конституции Карфагена, о которой мы уже говорили) составляли главную силу армии Маго и большую часть которых составляли греки, что поразительно видеть, как греки прилагают усилия, чтобы сделать варваров хозяевами Сицилии, откуда они через очень короткое время перейдут в Грецию. Ибо разве могли они вообразить, что карфагеняне [pg 141] зашли так далеко не иначе, как с целью утвердить Ицета тираном Сиракуз? Такие разговоры, распространявшиеся среди солдат Маго, вызвали у полководца сильное беспокойство; и так как ему нужен был только предлог, чтобы удалиться, он был рад, что поверили, будто его войска собираются предать его и дезертировать; поэтому он отплыл со своим флотом из гавани и направился к Карфагену. После его ухода Ицет не смог долго продержаться против коринфян, и теперь они полностью овладели городом.

Маго, по прибытии в Карфаген, был подвергнут доносу, но он предотвратил исполнение вынесенного ему приговора, добровольно уйдя из жизни. Его тело повесили на виселице и выставили на всеобщее обозрение. В Карфагене были собраны новые силы, и в Сицилию был отправлен более мощный флот, чем прежний.⁶³⁵ Он состоял из двухсот военных кораблей и тысячи транспортов, а армия насчитывала до семидесяти тысяч человек. Они высадились в Лилибее под командованием Гамилькара и Ганнибала и решили первыми напасть на коринфян. Тимолеон не стал ждать, а вышел им навстречу. Но Сиракузы были в таком смятении, что из всех сил, находившихся в городе, за ним последовали только три

тысячи сиракузян и четыре тысячи наемников, да и из них тысяча дезертировала на марше, испугавшись опасности, с которой им предстояло столкнуться. Тимолеон, однако, не пал духом, а, призвав оставшиеся силы мужественно выступить за безопасность и свободу своих союзников, повел их против врага, чье место встречи, как ему сообщили, находилось на берегу маленькой реки Кримис. При первом размышлении казалось безумием нападать на столь многочисленную армию противника, имея всего четыре или пять тысяч пеших и тысячу конных; но Тимолеон, зная, что храбрость, дополненная благоразумием, превосходит численность, положился на мужество своих солдат, которые, казалось, были готовы скорее умереть, чем сдаться, и с горячностью требовали, чтобы их повели против врага. Событие оправдало его взгляды и надежды. Произошло сражение; карфагеняне были разбиты, и около десяти тысяч из них были убиты, причем три тысячи [pg 142] были карфагенскими гражданами, что наполнило их город трауром и величайшим смятением. Их лагерь был взят, а вместе с ним и огромные богатства, и множество пленных.

Тимолеон, одновременно с сообщением об этой победе в Коринф, отправил туда самое лучшее оружие, найденное среди [награбленного](#)⁶³⁶. Ибо он желал, чтобы его город вызывал одобрение и восхищение всех людей, когда они увидят, что только Коринф среди всех греческих городов украсил свои лучшие храмы не трофеями Греции и приношениями, окрашенными кровью граждан, вид которых мог только сохранить печальное воспоминание об их потерях, а оружием варваров, которое, благодаря прекрасным надписям, показывало одновременно мужество и религиозную благодарность тех, кто их завоевал. Эти надписи гласили: "Коринфяне и их полководец Тимолеон, освободив греков, поселившихся в Сицилии, от карфагенского ига, повесили это оружие в своих храмах в знак вечного признания благосклонности и доброты богов".

После этого Тимолеон, оставив наемные войска на карфагенских территориях, чтобы они их разорили и уничтожили, вернулся в Сиракузы. Прибыв туда, он изгнал тысячу солдат, которые дезертировали от него, и не стал мстить, а приказал им покинуть Сиракузы до захода солнца.

За этой победой, одержанной коринфянами, последовал захват множества городов, что вынудило карфагенян запросить мира.

Как видимость успеха заставляла карфагенян энергично собирать мощные армии на суше и на море, а процветание побуждало их нагло и жестоко пользоваться победой, так и их мужество падало в непредвиденных испытаниях, надежды на новые ресурсы исчезали, а их покорные души снисходительно просили четвертовать самого незначительного врага и без чувства стыда принимали самые тяжелые и унижительные условия. Среди них были следующие: они должны владеть только землями, лежащими за рекой [Галик](#)⁶³⁷; предоставить всем туземцам [pg 143] свободу уйти в Сиракузы со своими семьями и имуществом; и не продолжать союз и не вести переписку с тиранами этого города.

Примерно в это время, по всей вероятности, в Карфагене произошел памятный случай, о котором рассказывает Юстин.⁶³⁸ Ганно, один из самых могущественных граждан, задумал захватить республику, уничтожив весь сенат. Для осуществления этого кровавого плана он выбрал день, когда его дочь должна была выйти замуж; по этому случаю он задумал пригласить сенаторов на развлечение и там всех их отравить. Заговор был раскрыт, но Ханно обладал таким влиянием, что правительство не решилось наказать столь отвратительное преступление; магистраты довольствовались лишь тем, что предотвратили его, издав указ, запрещающий слишком пышные свадьбы и ограничивавший расходы на них. Видя, что его уловка потерпела поражение, Ханно решил применить открытую силу и для этого вооружил

всех рабов. Однако его снова обнаружили, и он, чтобы избежать наказания, удалился с двадцатью тысячами вооруженных рабов в сильно укрепленный замок, где попытался, но безуспешно, вовлечь в свой мятеж африканцев и короля Мавритании. После этого он был взят в плен и доставлен в Карфаген; там, после бичевания, ему выкололи глаза, сломали руки и бедра; его предали смерти в присутствии народа, а тело, все изорванное полосами, повесили на гиббете. Его дети и все его родственники, хотя и не участвовали в его вине, разделили его наказание. Все они были приговорены к смерти, чтобы не осталось ни одного человека из его семьи, который мог бы подражать его преступлению или мстить за его смерть. Таков был нрав карфагенян; всегда суровые и жестокие в своих наказаниях, они доводили их до крайности и распространяли даже на невинных, не проявляя ни малейшего внимания к справедливости, умеренности или благодарности.

Теперь я перехожу к войнам, которые вели карфагеняне, как в самой Африке, так и в Сицилии, против Агафокла и которые велись в течение нескольких лет⁶³⁹.

[pg 144]

A.M. 3685. A. Carth. 527. A. Rom. 429. Ant. J.C. 319.

Этот Агатокл был сицилийцем, незнатного происхождения и низкого достатка.⁶⁴⁰ Поддержанный сначала силами карфагенян, он вторгся в Сиракузы и сделался их тираном. В период становления его власти карфагеняне держали его в узде, а Гамилькара, их вождь, заставил его согласиться на договор, который восстановил спокойствие на Сицилии. Но вскоре он нарушил его пункты и объявил войну самим карфагенянам, которые под руководством Гамилькара одержали над ним блестящую победу⁶⁴¹ и заставили его затвориться в Сиракузах. Карфагеняне преследовали его и осадили этот важный город, взятие которого позволило бы им завладеть всей Сицилией.

Агатокл, чьи силы значительно уступали их силам и которого, к тому же, покинули все его союзники, презиравшие его ужасные жестокости, задумал столь дерзкий и, судя по всему, неосуществимый замысел, что даже после счастливого исполнения он все равно кажется почти невероятным. Этот замысел заключался в том, чтобы сделать Африку местом военных действий и осадить Карфаген в то время, когда он не мог ни защищаться в Сицилии, ни выдерживать осаду Сиракуз. Его глубокая скрытность в исполнении этого замысла столь же удивительна, как и сам замысел. Он никому не сообщал о своих мыслях по этому поводу, а довольствовался заявлением, что нашел безошибочный способ избавить сиракузян от грозящей им опасности; что им остается только терпеливо переносить в течение короткого времени неудобства осады; те же, кто не может примириться с этим решением, могут свободно покинуть город. Его покинули только шестнадцать сотен человек. Он оставил там своего брата Антандера с войсками и провизией, достаточными для того, чтобы тот мог обеспечить надежную оборону. Он отпустил на свободу всех рабов, достигших [pg 145] возраста, позволяющего носить оружие, и, обязав их принести клятву, присоединил к своим войскам. Он взял с собой только пятьдесят талантов,⁶⁴² чтобы обеспечить свои текущие нужды, будучи уверенным, что найдет во вражеской стране все необходимое для пропитания. Поэтому он отплыл с двумя своими сыновьями, Архагатом и Гераклидом, не сообщив никому, куда он намерен направить свой курс. Все, кто находился на борту его флота, полагали, что он направляется либо в Италию, либо в Сардинию, чтобы разграбить эти страны или опустошить те берега Сицилии, которые принадлежали врагу. Карфагеняне,

удивленные столь неожиданным отплытием, попытались помешать ему, но Агатокл ускользнул от их преследования и направился к главному океану.

О своем замысле он узнал только после того, как высадился в Африке. Там, собрав свои войска, он в нескольких словах рассказал им о мотивах, побудивших его к этой экспедиции. Он представил, что единственный способ освободить их страну - это перенести войну на территорию их врагов: что он повел их, привыкших к войне и обладающих бесстрашным нравом, против врагов, размягченных и изнеженных легкостью и роскошью: что туземцы страны, угнетенные игом рабства, столь же жестокого и бесславного, толпами побегут к ним при первой же вести об их прибытии: что смелость их попытки приведет в замешательство карфагенян, не ожидавших увидеть врага у своих ворот; словом, что никакое предприятие не может быть более выгодным и почетным, чем это; поскольку все богатство Карфагена станет добычей победителей, чья храбрость будет восхваляться и восхищаться последними потомками. Солдаты вообразили себя уже хозяевами Карфагена и встретили его речь аплодисментами и восклицаниями. Лишь одно обстоятельство заставило их поволноваться - затмение солнца, которое произошло как раз в тот момент, когда они отплывали. В те времена даже самые цивилизованные народы мало понимали причину этих необычных явлений природы и извлекали из них (с помощью своих прорицателей) суеверные и произвольные предположения, которые часто либо приостанавливали, либо ускоряли более важные [pg 146] предприятия. Однако Агатокл оживил поникшее мужество своих солдат, заверив их, что эти затмения всегда предвещают какие-то мгновенные перемены, а значит, удача покидает Карфаген и переходит к ним.

Найдя своих солдат в хорошем расположении духа, он почти в то же время предпринял второе предприятие, еще более смелое и опасное, чем первое, - переправить их в Африку; для этого он сжег все корабли своего флота. Многие причины побудили его к столь отчаянному поступку. У него не было ни одной хорошей гавани в Африке, где его корабли могли бы лежать в безопасности. Поскольку карфагеняне были хозяевами моря, они не преминули бы немедленно овладеть его флотом, не способным оказать ни малейшего сопротивления. Если бы он оставил столько рук, сколько было необходимо для защиты, то ослабил бы свою армию (которая в лучшем случае была незначительной) и лишил бы ее возможности извлечь какую-либо выгоду из этой неожиданной диверсии, успех которой полностью зависел от быстроты и энергичности исполнения. Наконец, он хотел поставить своих солдат перед необходимостью побеждать, не оставляя им иного убежища, кроме победы. Для принятия такого решения требовалось немалое мужество. Он уже подготовил всех своих офицеров, которые были полностью преданы его службе и принимали все впечатления, которые он им давал. Затем он внезапно вошел в собрание с короной на голове, одетый в великолепную одежду, с видом и поведением человека, который собирается совершить какую-то религиозную церемонию, и обратился к собравшимся: "Когда мы, - говорит он, - покинули Сиракузы и были сильно преследуемы врагом, в этой роковой необходимости я обратился к Церере и Прозерпине, божествам-покровителям Сицилии, и обещал, что если они избавят нас от этой неминуемой опасности, я сожгу все наши корабли в их честь при нашей первой высадке здесь. Поэтому помогите мне, о воины, исполнить мой обет, ибо богини легко возместят нам эту жертву". В то же время, взяв в руки пламя, он поспешил на борт своего корабля и поджег его. То же самое сделали все офицеры, а за ними с радостью последовали и солдаты. Трубы зазвучали [pg 147] со всех сторон, и вся армия отозвалась радостными криками и восклицаниями. Вскоре флот был уничтожен. У солдат не было времени обдумать сделанное им предложение. Всех их торопил слепой и порывистый пыл; но когда они немного опомнились и, окинув мысленным взором огромное пространство океана, отделявшее их от собственной страны, увидели себя в стране врага

без малейшего шанса или средства выбраться из нее, печальная и меланхоличная тишина сменила шум радости и восклицаний, который еще минуту назад был таким всеобщим в армии.

И снова Агатокл не оставил времени на размышления. Он направил свою армию к месту, называемому Великим городом, которое было частью владений Карфагена. Страна, через которую они шли к этому месту, представляла собой самую восхитительную и приятную перспективу в мире. По обе стороны виднелись большие луга, орошаемые прекрасными ручьями и покрытые бесчисленными стадами всевозможного скота; загородные дома, построенные с необычайным великолепием; восхитительные аллеи, засаженные оливковыми и всевозможными фруктовыми деревьями; сады огромных размеров, ухоженные с тщательностью и изяществом, которые радовали глаз. Такая перспектива оживила солдат. Полные отваги, они двинулись к Великому городу, который взяли с мечом в руках и обогатились за счет его разграбления, которое полностью отошло к ним. Тунис оказал столь же незначительное сопротивление, а ведь он находился недалеко от Карфагена.

Карфагеняне пришли в сильную тревогу, когда стало известно, что враг находится в стране, и продвигались вперед поспешными маршами. Прибытие Агафокла заставило карфагенян сделать вывод, что их армия перед Сиракузами была разбита, а флот потерян. Народ в беспорядке сбежался на большую площадь города, а сенат собрался в спешке и в беспорядке. Сразу же они стали обсуждать, как сохранить город. У них не было готовой армии, чтобы противостоять врагу, и надвигающаяся опасность не позволяла им ждать прибытия тех сил, которые могли быть собраны в стране и среди союзников. Поэтому, после того как было выслушано несколько различных мнений, было решено вооружить горожан. Численность собранных таким образом войск [pg 148] составляла сорок тысяч пеших, тысячу конных и две тысячи вооруженных колесниц. Ханно и Бомилькар, хотя и разделенные между собой семейными ссорами, тем не менее, были объединены в командовании этими войсками. Они немедленно выступили навстречу врагу и, увидев его, выстроили свои силы в боевой порядок. У Агафокла⁶⁴³ было не более тринадцати или четырнадцати тысяч человек. Был дан сигнал, и завязался упорный бой. Ханно со своей священной когортой (цветком карфагенских войск) долго выдерживал ярость греков, а иногда даже ломал их ряды; но наконец, заваленный ливнем камней и покрытый ранами, он упал замертво на поле боя. Бомилькар мог бы изменить ход событий, но у него были личные причины не добиваться победы для своей страны. Поэтому он счел нужным отступить с войсками под своим командованием, а за ним последовала вся армия, которая таким образом была вынуждена оставить поле боя Агатоклу. Преследуя врага некоторое время, он вернулся и разграбил карфагенский лагерь. В нем было найдено двадцать тысяч пар оков, которыми карфагеняне снабдили себя, будучи твердо уверенными, что возьмут много пленных. Результатом этой победы стало взятие большого количества крепостей и дезертирство многих коренных жителей страны, которые присоединились к победителю.

Этот поход Агафокла в Африку, несомненно, породил у Сципиона замысел совершить подобное же покушение на ту же республику и с того же места.⁶⁴⁴ Поэтому в своем ответе Фабию, приписывавшему его замысел сделать Африку местом войны, он не забыл упомянуть пример Агафокла, как пример в пользу своего предприятия, и показать, что часто нет другого способа избавиться от врага, который слишком сильно давит на нас, как перенести войну в его собственную страну; и что люди гораздо более храбры, когда они действуют в наступлении, чем когда они стоят только в обороне.

В то время как карфагеняне подвергались ожесточенным атакам своих врагов, к ним прибыли послы из Тира.⁶⁴⁵ Они пришли просить их о помощи против Александра Македонского, который был на грани взятия их города, который он давно осаждал. Крайнее положение, в которое попали их соотечественники (так они их называли), тронуло карфагенян не меньше, чем собственная опасность. Хотя они и не могли оказать им помощь, но, по крайней мере, считали своим долгом утешить их; они послали тридцать своих главных граждан, чтобы выразить свое огорчение по поводу того, что они не могут выделить им войска из-за нынешнего плачевного положения их собственных дел. Тирийцы, лишившись единственной надежды, которая у них оставалась, тем не менее не унывали; они передали своих жен, ⁶⁴⁶детей и стариков на попечение этих депутатов и, избавившись от всякого беспокойства в отношении людей, которые были им дороже всего на свете, задумались о решительной обороне, готовые к самому худшему, что могло случиться. Карфагеняне приняли эту пострадавшую компанию со всеми возможными знаками дружелюбия и оказали гостям, столь дорогим и достойным сострадания, все услуги, которых они могли бы ожидать от самых ласковых и нежных родителей.

Квинт Курций относит это посольство из Тира к карфагенянам к тому времени, когда сиракузяне опустошали Африку и подошли к самым воротам Карфагена. Но поход Агафокла в Африку не может совпадать по времени с осадой Тира, которая произошла более чем за двадцать лет до него.

В то же время Карфаген был озабочен тем, как выпутаться из трудностей, которыми он был окружен. Нынешнее несчастливое положение республики считалось следствием гнева богов, и он был признан справедливым, особенно отношении двух божеств, по отношению к которым карфагеняне были небрежны в исполнении некоторых обязанностей, предписанных их религией, и которые когда-то соблюдались с большой точностью. В Карфагене существовал обычай (появившийся вместе с самим городом) ежегодно отправлять в Тир (материнский город [pg 150]) десятую часть всех доходов республики в качестве подношения Гераклу, покровителю и защитнику обоих городов. Владения и, соответственно, доходы Карфагена значительно увеличились, доля же бога, напротив, уменьшилась, и они были далеки от того, чтобы отдать ему всю десятую часть. В связи с этим их охватило беспокойство: они открыто и публично признались в своей неискренности и святотатственной алчности и, чтобы искупить свою вину, отправили в Тир множество подарков и небольшие святилища своих божеств из золота, стоимость которых достигала огромной суммы.

Еще одно нарушение религии, которое для их бесчеловечного суеверия казалось столь же вопиющим, как и первое, доставляло им не меньше беспокойства. В древности детей из лучших семей Карфагена приносили в жертву Сатурну. Теперь они упрекали себя в том, что не воздали богу почестей, которые, по их мнению, ему причитались, а также в том, что применили к нему обман и нечестные действия, заменив в своих жертвоприношениях детей рабов или нищих, купленных для этой цели, на благородно рожденных. Чтобы искупить вину за столь ужасное нечестие, в жертву этому кровожадному богу было принесено двести детей первого ранга; и около трехсот человек, чувствуя это ужасное пренебрежение, добровольно принесли себя в жертву, чтобы умиротворить гнев богов изливанием своей крови.

После этих жертв Гамилькару в Сицилию были отправлены депеши с известием о том, что произошло в Африке, и одновременно с просьбой о немедленной помощи. Он приказал депутатам хранить строжайшее молчание о победе Агафокла и распространил противоположное сообщение, что тот потерпел полное поражение, все его силы перебиты, а весь флот захвачен карфагенянами; в подтверждение этого сообщения он показал

тщательно присланные ему утюги с кораблей, которые якобы были захвачены. В Сиракузах нисколько не сомневались в правдивости этого сообщения; большинство было за [капитуляцию](#)⁶⁴⁷, когда в порт прибыла галера с тридцатью веслами, [pg 151] построенная в спешке Агатоклом, и через большие трудности и опасности пробилась к осажденным. Весть о победе Агафокла мгновенно облетела город и вернула жителям бодрость и решимость. Гамилькар предпринял последнюю попытку взять город штурмом, но был отбит с потерями. Тогда он снял осаду и отправил пять тысяч человек на помощь своей бедствующей стране. Через некоторое [время](#)⁶⁴⁸, возобновив осаду и надеясь застать сиракузян врасплох, напав на них ночью, его замысел был раскрыт; попав живым в руки врага, он был предан смерти с самыми изысканными пытками.⁶⁴⁹ Голова Гамилькара была немедленно отправлена Агатоклу, который, подойдя к лагерю врага, привел его в общее смятение, показав ему голову этого генерала, что свидетельствовало о плачевном положении его дел в Сицилии.

К этим внешним врагам добавился внутренний, которого следовало опасаться, как более опасного, чем [другие](#)⁶⁵⁰; это был Бомилькар, их генерал, который в то время занимал первый пост в Карфагене. Он уже давно подумывал о том, чтобы установить в Карфагене свою власть и добиться ее, и полагал, что нынешние беспорядки дают ему желанную возможность. Поэтому он вошел в город и, подкрепленный небольшим числом граждан, которые были соучастниками его восстания, и телом иностранных солдат, провозгласил себя тираном и показал себя таковым в буквальном смысле, перерезав горло всем гражданам, которых он встречал на улицах. В городе сразу же начались волнения, и сначала думали, что враг захватил его вероломством; но когда стало известно, что все эти беспорядки вызвал Бомилькар, молодые люди взялись за оружие, чтобы дать отпор тирану, и с вершук домов обрушили на головы его солдат целые залпы дротиков и камней. Увидев армию, шедшую в строю против него, он отступил со своими войсками на возвышенность, намереваясь [pg 152] энергичную оборону и продать свою жизнь как можно дороже. Чтобы не проливать кровь горожан, было объявлено всеобщее помилование для всех без исключения, кто сложит оружие. Они сдались после этого провозглашения, и все воспользовались им, кроме Бомилькара, своего вождя: карфагеняне, не нарушив клятвы, приговорили его к смерти и привязали к кресту, где он претерпел самые изысканные мучения. С креста, как с трибуны, он томил народ, считая себя вправе упрекать его в несправедливости, неблагодарности и вероломстве, что он и сделал, перечислив многих прославленных полководцев, чьи заслуги они вознаградили бесславной смертью. Произнося эти упреки, он скончался на кресте.⁶⁵¹

Агатокл привлек на свою сторону могущественного царя [Киринеи](#)⁶⁵² по имени Офелла, чье честолюбие он польстил самыми пышными надеждами, дав ему понять, что, довольствуясь Сицилией, он оставит Офелле империю в Африке. Но поскольку Агатокл не гнушался совершать самые ужасные преступления, если считал, что они способствуют его интересам, легковверный принц не успел отдать себя и свое войско в его власть, как тот, проявив чернейшее коварство, убил его, чтобы армия Офеллы была полностью в его власти. Теперь многие народы вступили в союз с Агатоклом, и несколько крепостей были гарнизонырованы его войсками. Видя, что дела в Африке идут в гору, он счел нужным позаботиться о делах в Сицилии; поэтому он отплыл туда, оставив командование армией своему сыну Архагату. Его слава и весть о его победах летели впереди него. При известии о его прибытии в Сицилию многие города восстали против него; но плохие новости вскоре вернули его в Африку. Его отсутствие совершенно изменило ход событий, и все его усилия были не в состоянии вернуть их в прежнее состояние. Все его крепости сдались врагу; африканцы [pg 153] покинули его; часть его войск была потеряна, а оставшиеся не могли выступить против карфагенян; у него не было возможности переправить их в Сицилию, так как у него не было кораблей, а враги были хозяевами на море: Он не мог надеяться ни на мир, ни на договор с варварами,

поскольку нанес им столь возмутительное оскорбление тем, что первым осмелился высадиться в их стране. В такой ситуации он думал только о собственной безопасности. После многих приключений этот подлый дезертир из своей армии и вероломный предатель собственных детей, оставленных им на произвол разочарованных солдат, скрылся от грозивших ему опасностей и прибыл в Сиракузы с небольшим числом последователей. Его солдаты, увидев, что их предали, убили его сыновей и сдались врагу. Сам он вскоре умер, и жестокой смертью закончилась его жизнь⁶⁵³, оскверненная самыми черными преступлениями.

К этому периоду можно отнести еще одно происшествие, о котором рассказывает Юстин.⁶⁵⁴ Слава о завоеваниях Александра заставила карфагенян опасаться, что он может подумать о том, чтобы повернуть свои руки в сторону Африки. Катастрофическая судьба Тира, откуда они вели свое происхождение и который он так недавно разрушил; строительство Александрии на границе Африки и Египта, как будто он намеревался сделать ее городом, соперничающим с Карфагеном; непрерывные успехи этого принца, чьи амбиции и удача были безграничны; все это справедливо встревожило карфагенян. Чтобы оправдать свои намерения, Гамилькар по имени Роданус, притворившись, что был изгнан из своей страны по наущению врагов, отправился в лагерь Александра, которому его представил Парменион, и предложил ему свои услуги. Царь принял его милостиво и имел с ним несколько бесед. Гамилькар не преминул передать своей стране все сведения, которые он время от времени делал о замыслах Александра. Тем не менее, по возвращении в Карфаген, после смерти Александра [pg 154], его сочли предателем своей страны по отношению к этому принцу, и, соответственно, предали смерти по приговору, который в равной степени демонстрировал неблагодарность и жестокость его соотечественников.

A.M. 3727. A. Carth. 569. A. Rom. 471. Ant. J.C. 277.

Теперь я расскажу о войнах карфагенян в Сицилии во времена Пирра, царя Эпира.⁶⁵⁵ Римляне, которым были неизвестны замыслы этого честолюбивого князя, чтобы укрепиться против любых его покушений на Италию, возобновили свои договоры с карфагенянами, которые, со своей стороны, не меньше боялись его перехода в Сицилию. К пунктам предыдущих договоров было добавлено обязательство о взаимной помощи в случае нападения Пирра на одну из договаривающихся сторон.

Предвидение римлян оказалось вполне обоснованным: Пирр обратил оружие против Италии и одержал множество побед.⁶⁵⁶ Карфагеняне, в связи с последним договором, сочли себя обязанными помочь римлянам и, соответственно, послали им флот из шести десятков кораблей под командованием Маго. Этот генерал на аудиенции перед сенатом сообщил о том интересе, который его начальники проявили к войне, которую, как они слышали, вели против римлян, и предложил им свою помощь. Сенат поблагодарил карфагенян за столь любезное предложение, но в настоящее время счел нужным отказаться от него.

Через несколько дней после этого [Maro](#)⁶⁵⁷ отправился к Пирру под предлогом посредничества Карфагена для прекращения его ссоры с римлянами, а на самом деле для того, чтобы узнать его планы в отношении Сицилии, куда, по общему мнению, он собирался вторгнуться. Карфагеняне боялись, что Пирр или римляне вмешаются в дела этого острова и перебросят туда войска для его завоевания. И действительно, сиракузяне, которых карфагеняне уже некоторое время осаждали, настойчиво обращались за помощью к Пирру. У этого принца была особая причина отстаивать их интересы: он женился на Ланассе, дочери Агафокла, от которой у него был сын Александр. Наконец он отплыл из Тарентума, прошел пролив, [pg 155] и прибыл в Сицилию. Сначала его завоевания были столь

стремительны, что он оставил карфагенянам на всем острове лишь один город Лилибеум. Он осадил его, но, встретив энергичное сопротивление, был вынужден снять осаду; не говоря уже о том, что неотложные дела заставили его вернуться в Италию, где его присутствие было совершенно необходимо. Не меньше было и на Сицилии, которая после его отъезда вернулась в повиновение своим прежним хозяевам. Таким образом, он потерял этот остров с той же быстротой, с какой завоевал его. Отплывая, он оглянулся на Сицилию и воскликнул, обращаясь к окружавшим его [людям](#)⁶⁵⁸: "Какое прекрасное поле [битвы](#)⁶⁵⁹ мы оставляем карфагенянам и римлянам!" Его предсказание вскоре оправдалось.

После его отъезда главная власть в Сиракузах была передана Иеро, который впоследствии получил имя и достоинство царя благодаря общему голосованию граждан; настолько сильно было его правление. Он был назначен вести войну с карфагенянами и получил ряд преимуществ перед ними. Но теперь общие интересы объединили их против нового врага, который начал появляться в Сицилии и справедливо тревожил обоих: это были римляне, которые, сокрушив всех врагов, до сих пор применявших оружие в самой Италии, теперь были достаточно сильны, чтобы вытеснить их из нее и заложить там основу той огромной власти, которой они впоследствии достигли и которую, вероятно, они уже тогда задумали. Сицилия была слишком удобна для них, чтобы не принять решение обосноваться в ней. Поэтому они с нетерпением ухватились за эту возможность проникнуть в нее, что привело к разрыву между ними и карфагенянами и послужило поводом для первой Пунической войны. Об этом я расскажу подробнее, изложив причины той войны.

[pg 156]

Глава II. История Карфагена от первой Пунической войны до его разрушения.

План, который я наметил, не позволяет мне вдаваться в точные подробности войн между Римом и Карфагеном, поскольку это относится скорее к римской истории, которую я не намерен затрагивать, разве что мимоходом и от случая к случаю. Поэтому я расскажу лишь о тех фактах, которые дадут читателю справедливое представление о республике, чья история лежит передо мной, ограничившись теми деталями, которые касаются главным образом карфагенян и их важнейших операций в Сицилии, Испании и Африке: тема сама по себе достаточно обширная.

Я уже отмечал, что с момента первой Пунической войны до разорения Карфагена прошло сто восемнадцать лет. Все это время можно разделить на пять частей или интервалов.

I. Первая Пуническая война длилась двадцать четыре года.

II. Интервал между первой и второй Пунической войной также составляет двадцать четыре года.

III. Вторая Пуническая война длилась семнадцать лет.

IV. Интервал между второй и третьей - сорок девять лет.

V. Третья Пуническая война, закончившаяся разрушением Карфагена, продолжалась всего четыре года и несколько месяцев.

Итого: 118 лет.

3724 Г. Н.Э. А. Карф. 566. А. Ром. 468. Ant. J.C. 280.

Статья I. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА. Первая Пуническая война возникла по следующей причине. Некоторые кампанские солдаты, состоявшие на службе у сицилийского тирана Агафокла, войдя в Мессину в качестве друзей, вскоре убили часть горожан, изгнали остальных, женились на их женах, захватили их имущество и остались единственными хозяевами этого важного города.⁶⁶⁰ Тогда они приняли название мамертинцев. В подражание им и при их содействии римский легион таким же жестоким образом расправился с городом Регием, лежащим прямо напротив Мессины, по другую сторону пролива. Эти два вероломных города, поддерживая друг друга, в конце концов стали грозными для своих соседей; особенно Мессина, которая стала очень сильной, [pg 157] и доставляла большие неудобства и беспокойство как сиракузянам, так и карфагенянам, которые владели частью Сицилии. Как только римляне избавились от врагов, с которыми так долго боролись, и особенно от Пирра, они задумали наказать преступление своих граждан, которые почти десять лет назад так жестоко и вероломно обосновались в Регию. Взяв город, они перебили во время штурма большую часть жителей, которые, подстрекаемые отчаянием, сражались до последнего вздоха: осталось всего триста человек, которых доставили в Рим, высекли плетью и публично обезглавили на форуме. Цель, которую преследовали римляне, устраивая эту кровавую казнь, заключалась в том, чтобы доказать своим союзникам их собственную искренность и невиновность. Регию был немедленно возвращен его законным владельцам. Мамертинцы, значительно ослабленные как разрушением города-союзника, так и потерями, которые они понесли от сиракузян, недавно поставивших во главе себя Гиеро, решили, что пришло время позаботиться о собственной безопасности. Но среди них возникли разногласия: одна часть сдала цитадель карфагенянам, а другая призвала на помощь римлян и решила отдать им город.

Дело обсуждалось в римском сенате, где, будучи рассмотрено во всех его аспектах, оно оказалось сопряжено с определенными трудностями.⁶⁶¹ С одной стороны, считалось, что это подло и недостойно римской добродетели - открыто защищать предателей, чье вероломство было точно таким же, как у регийцев, которых римляне недавно наказали с такой образцовой суровостью. С другой стороны, было крайне важно остановить продвижение карфагенян, которые, не удовлетворившись своими завоеваниями в Африке и Испании, стали хозяевами почти всех островов Сардинского и Гетрурийского морей и наверняка заполучили бы в свои руки всю Сицилию, если бы им позволили овладеть Мессиной. Оттуда в Италию путь был очень коротким, и оставлять вход открытым означало в некотором роде приглашать врага прийти сюда. Эти причины, хотя [pg 158] и были столь вескими, не смогли убедить сенат выступить в пользу мамертинцев; и, соответственно, мотивы чести и справедливости возобладали в данном случае над интересами и политикой.

А.М. 3741. А. Карф. 583. А. Ром. 485. Ant. J.C. 263.

Но народ не был столь щепетилен; на собрании, созванном по этому поводу, было решено, что мамертинцам следует оказать помощь.⁶⁶² Консул Аппий Клавдий немедленно отправился вперед со своим войском и смело переправился через пролив, после того как с помощью хитроумной уловки ему удалось ускользнуть от бдительности карфагенского полководца. Карфагеняне, частично искусством, частично силой, были изгнаны из цитадели, и город был немедленно сдан консулу. Карфагеняне повесили своего полководца за то, что он так трусливо сдал цитадель, и приготовились осаждать город всеми своими силами. Иеро присоединился к ним со своими. Но консул, победив их по отдельности, снял осаду и с

удовольствием опустошил соседние земли, так как враг не осмелился встретиться с ним лицом к лицу. Это была первая экспедиция, которую римляне совершили из Италии.

Сомнительно⁶⁶³, что мотивы, побудившие римлян предпринять эту экспедицию, были очень честными и в точности соответствовали правилам строгой справедливости. Как бы то ни было, их проход в Сицилию и помощь, которую они оказали жителям Мессины, можно назвать первой ступенью, по которой они поднялись на ту высоту славы и величия, которой достигли впоследствии.

А.М. 3743. А. Ром. 487.

Иеро, примирившись с римлянами и заключив с ними союз, карфагеняне направили все свои помыслы на Сицилию и послали туда многочисленные армии.⁶⁶⁴ Агригентум был их военным городом, который, подвергшись нападению римлян, был ими завоеван, после того как они осаждали его семь месяцев и выиграли одно сражение.

Несмотря на преимущество этой победы и завоевание столь важного города, римляне понимали, что пока карфагеняне будут оставаться хозяевами на море, приморские места на острове всегда будут на их стороне, [pg 159] и не в их силах когда-либо изгнать их из Сицилии.⁶⁶⁵ Кроме того, они с неохотой смотрели на то, как Африка наслаждается глубоким спокойствием в то время, когда Италия подвергается частым вторжениям врагов. Теперь они впервые задумали обзавестись флотом и поспорить с карфагенянами за морскую империю. Затея была смелой и внешне необдуманной, но она свидетельствует о мужестве и великодушии римлян. В то время у них не было ни одного судна, которое они могли бы назвать своим; корабли, на которых они переправили свои войска в Сицилию, были позаимствованы у их соседей. Они были неопытны в морских делах, не имели плотников, знакомых с постройкой кораблей, и не знали даже формы квинкверемов, или галер с пятью скамьями весел, в которых заключалась главная сила флотов того времени. Но, к счастью, за год до этого у берегов Италии была взята одна из них, которая послужила им образцом. Поэтому они с невероятным усердием и рвением принялись за постройку кораблей в том же виде; а тем временем собрали набор гребцов, которых обучили совершенно неизвестному им ранее упражнению и дисциплине следующим образом. На берегу были сделаны скамьи в том же порядке и по той же моде, что и на галерах. Гребцов усаживали на эти скамьи и учили, как если бы они были снабжены веслами, бросаться назад с руками, прижатыми к груди, а затем выбрасывать свое тело и руки вперед одним равномерным движением, как только командир подавал сигнал. За два месяца было построено сто галер с пятью скамьями весел и двадцать с тремя скамьями, и после некоторого времени, проведенного в тренировках гребцов на борту, флот вышел в море и отправился на поиски врага. Командовал им консул Дуиллий.

3745 Г. Н.Э. А. Рим 489.

Римляне, столкнувшись с карфагенянами у побережья Мил, приготовились к **бою**⁶⁶⁶. Поскольку римские галеры, построенные неуклюже и наспех, были не слишком проворны и нелегки в управлении, это неудобство было устранено с помощью машины, изобретенной [pg 160] для этого случая и впоследствии известной под названием *Corvus*,⁶⁶⁷ (Ворон, или Журавль), с помощью которой они захватывали корабли противника, брали их на бордаж и немедленно вступали в ближний бой. Был дан сигнал к бою. Карфагенский флот состоял из ста тридцати судов под командованием Ганнибала.⁶⁶⁸ Сам он находился на борту галеры с семью скамьями весел, принадлежавшей когда-то Пирру. Карфагеняне, презирая врагов, совершенно не знакомых с морским делом, полагали, что само их появление обратит их в бегство, и поэтому смело выступили вперед, почти не рассчитывая на бой, но твердо

представляя, что им предстоит поживиться добычей, которую они уже пожирали глазами. Тем не менее они были несколько удивлены при виде вышеупомянутых двигателей, установленных на носу каждого из вражеских кораблей, которые были для них совершенно новыми. Но их удивление возросло, когда они увидели, что эти двигатели сразу же упали вниз и, будучи с силой брошены на их суда, схватили их, несмотря на все сопротивление. Это изменило форму боя и заставило карфагенян вступить в ближний бой со своими врагами, как если бы они сражались с ними на суше. Они не смогли выдержать натиск римлян: началась страшная бойня, карфагеняне потеряли четыреста кораблей, среди которых была и галера адмирала, а сам он с трудом спасся в маленькой лодке.

Столь значительная и неожиданная победа подняла мужество римлян и, казалось, удвоила их силы для продолжения войны. Необычайные почести были возданы консулу Дуилию, который стал первым римлянином, которому был присужден морской триумф. В его честь был воздвигнут роstralный столб с благородной надписью; этот столб до сих пор стоит в [Риме669](#).

В течение двух последующих лет римляне еще более усилились на море, добившись успеха в нескольких сражениях.[670](#) Но они рассматривали их только как подготовительные работы к задуманному ими великому плану - перенести войну в Африку, [pg 161] и сразиться с карфагенянами в их собственной стране. Последние ничего не боялись больше; чтобы отвести столь опасный удар, они решили сразиться с врагом, каковы бы ни были последствия.

А.М. 3749. A. Rom. 493.

Римляне избрали консулами на этот год М. Атилия Регула и Л. Манлия.[671](#) Их флот состоял из трехсот тридцати судов, на борту которых находилось сто сорок тысяч человек, на каждом судне было триста гребцов и сто двадцать солдат. Карфагеняне, которыми командовали Ганно и Гамилькара, имели на двадцать судов больше, чем римляне, и на столько же больше людей. Два флота сошлись недалеко от Экнома в Сицилии. Никто не мог видеть два таких грозных флота или быть зрителем необычайных приготовлений к бою, не испытывая некоторого беспокойства при виде опасности, угрожавшей двум самым могущественным государствам мира. Поскольку мужество обеих сторон было равным, а силы не отличались большим разбросом, бой был упорным, а победа долгое время сомнительной; но в конце концов карфагеняне были побеждены. Более шестидесяти их кораблей были захвачены врагом, а тридцать потоплены. Римляне потеряли двадцать четыре, ни один из которых не попал в руки врага.

Плодом этой победы, по замыслу римлян, стало их отплытие в Африку, после того как они отремонтировали свои корабли и снабдили их всем необходимым для ведения длительной войны в чужой стране.[672](#) Они благополучно высадились в Африке и начали войну с захвата города под названием Клипея, в котором была удобная гавань. Оттуда, отправив экспресс в Рим, чтобы сообщить о своей высадке и получить приказы от сената, они перешли открытую местность, в которой устроили страшный хаос, уведя целые стада скота и двадцать тысяч пленных.

А. М. 3750. A. Rom. 494.

Тем временем экспресс вернулся с приказами сената, который постановил, чтобы Регул продолжал командовать войсками в Африке с титулом проконсула, а его коллега должен [pg 162] вернуться с большей частью флота и войск, оставив Регулу только сорок судов, пятнадцать тысяч пеших и пятьсот конных. То, что они оставили последнего с таким малым

количеством кораблей и войск, было видимым отказом от тех преимуществ, которые можно было ожидать от этого похода в Африку.

Люди в Риме очень надеялись на храбрость и способности Регула, и радость была всеобщей, когда стало известно, что он продолжает командовать в Африке; он один пострадал из-за этого.⁶⁷³ Когда ему принесли известие об этом, он написал в Рим и в самых решительных выражениях попросил, чтобы ему назначили преемника. Главной причиной было то, что смерть фермера, арендовавшего его землю, дала одному из его наемников возможность унести все орудия обработки, и его присутствие было необходимо для ухода за его маленьким участком земли (всего семь акров), на котором жила вся его семья. Но сенат взял на себя обязательство обрабатывать его земли за государственный счет, содержать его жену и детей и возместить ему убытки, понесенные из-за ограбления его наемника. Трижды счастливый век, когда бедность была в чести и сочеталась с самыми редкими и необычными заслугами и самыми высокими государственными обязанностями! Освободившись от домашних забот, Регул направил все свои помыслы на исполнение долга полководца.

Взяв несколько замков, он осадил Адис, одну из сильнейших крепостей страны.⁶⁷⁴ Карфагеняне, возмущенные тем, что их враги по своему желанию опустошают их земли, наконец вышли на поле боя и двинулись против них, чтобы заставить их снять осаду. С этой целью они расположились на холме, который возвышался над римским лагерем и был удобен для раздражения врага, но в то же время своим положением делал бесполезной одну часть их армии. Ведь сила карфагенян заключалась главным образом в их лошадях и слонах, которые бесполезны только на равнинах. Регул не дал им возможности спуститься с холма, но, чтобы воспользоваться этой существенной ошибкой карфагенских генералов, обрушился на них на этом посту; встретив слабое сопротивление, [pg 163] обратил врага в бегство, разграбил его лагерь и опустошил прилегающую местность. Затем, взяв [Тунис](#)⁶⁷⁵, важный город, который приблизил его к Карфагену, он расположил там свою армию лагерем.

Враги были в крайней тревоге. Все у них складывалось неудачно, их войска были разбиты на море и на суше, и около двухсот городов сдались завоевателю. Кроме того, нумидийцы устроили на своей территории большой хаос, чем даже римляне. Они ежеминутно ожидали осады своей столицы. Их страдания усугублялись множеством крестьян с женами и детьми, которые стекались со всех концов в Карфаген в поисках безопасности, что вызывало тоскливые опасения по поводу голода в случае осады. Регул, опасаясь, что преемник отнимет у него славу его побед, сделал побежденному врагу предложение об уступке, но условия оказались настолько жесткими, что они не могли его выслушать. Поскольку он не сомневался, что скоро станет хозяином Карфагена, он не стал снижать своих требований; но, по увлеченности, которая почти неотделима от большого и неожиданного успеха, он обращался с ними надменно и делал вид, что все, чем он позволил им владеть, должно считаться одолжением; добавив еще одно оскорбление: "Что они должны либо победить, как храбрые люди, либо научиться подчиняться победителю".⁶⁷⁶ Столь грубое и пренебрежительное обращение только разожгло их негодование; [pg 164] и они решили скорее умереть с мечом в руках, чем сделать что-либо, что могло бы умалить достоинство Карфагена.

Доведенные до этой роковой крайности, они получили в самый счастливый момент подкрепление в виде вспомогательных войск из Греции, во главе которых стоял лакедемонянин Ксантипп, получивший образование в Спарте и обучившийся военному искусству в этой знаменитой и превосходной школе. Когда он выслушал обстоятельства последней битвы, которые ему рассказали по его просьбе, ясно представил себе причину ее проигрыша и в совершенстве узнал, в чем заключалась сила Карфагена, он публично заявил

и часто повторял это в присутствии остальных офицеров, что несчастья карфагенян объясняются исключительно неспособностью их полководцев. Наконец эти рассуждения дошли до слуха общественного совета; члены совета были поражены ими и попросили его присутствовать на заседании. Он подкрепил свое мнение столь вескими и убедительными доводами, что просчеты, допущенные генералами, были видны каждому; и так же ясно он доказал, что, ведя себя противоположно первому, они не только обеспечат свои владения, но и изгонят из них врага. Эта речь оживила мужество и надежды карфагенян, и Ксантиппа уговорили и, в какой-то мере, заставили принять командование армией. Когда карфагеняне увидели, как он выстроил свои войска под городом, как выстроил их в боевой порядок, заставил их наступать или отступать по первому сигналу, отходить в порядке и стремительно, словом, выполнять все движения военного искусства, они были поражены и поняли, что самые искусные полководцы, которых до сих пор производил Карфаген, не шли ни в какое сравнение с Ксантиппом.

Офицеры, солдаты и все остальные были вне себя от восхищения; и, что очень необычно, ревность не давала этому сплава; страх перед настоящей опасностью и любовь к своей стране подавляли, без сомнения, все другие чувства. Мрачное оцепенение, охватившее до этого всю армию, сменилось радостью и оживлением. Солдаты с нетерпением ждали, когда их поведут против врага, в твердой уверенности (как они говорили), что [pg 165] победит под руководством их нового вождя и сотрет позор прежних поражений. Ксантипп не дал их пылу угаснуть, а вид врага только разжег его. Когда он приблизился к ним на расстояние чуть более двенадцатисот шагов, то счел нужным созвать военный совет, чтобы, посоветовавшись с карфагенскими полководцами, проявить к ним уважение. Все единодушно согласились с его мнением, после чего было решено дать врагу сражение на следующий день.

Карфагенская армия состояла из двенадцати тысяч пеших, четырех тысяч конных и около сотни слонов. Войско римлян, как можно догадаться по предыдущему рассказу (ведь Полибий не упоминает здесь их численность), состояло из пятнадцати тысяч пеших и трехсот конных.

Должно быть, это благородное зрелище - видеть перед собой две такие армии, не перегруженные численностью, но состоящие из храбрых воинов и под командованием очень способных генералов, вступивших в бой. В таких бурных боях, где с обеих сторон участвуют две или три сотни тысяч человек, неизбежно возникает путаница; и трудно среди тысячи событий, в которых случай, как правило, играет большую роль, чем совет, выявить истинные заслуги полководцев и настоящие причины победы. Но в таких сражениях, как это перед нами, ничто не ускользает от любопытства читателя; ведь он ясно видит диспозицию двух армий; воображает, что почти слышит приказы, отдаваемые генералами; следит за всеми движениями армии; может указать на недостатки, допущенные с обеих сторон; и таким образом квалифицирован, чтобы с уверенностью определить причины, которыми обусловлена победа или поражение. Успех этого сражения, каким бы незначительным он ни казался из-за малого числа сражающихся, должен был, тем не менее, решить судьбу Карфагена.

Диспозиция обеих армий была следующей. Ксантипп выставил всех своих слонов впереди. Позади них, на некотором расстоянии, он расположил карфагенскую пехоту в один корпус или фалангу. Иностранные войска, находившиеся на карфагенской службе, были размещены, одна часть из них справа, между фалангой и конницей, а другая, состоявшая из легковооруженных солдат, во взводах, во главе двух крыльев кавалерии.

На стороне римлян, поскольку они больше всего опасались слонов, Регул для защиты от них расставил своих легковооруженных солдат в линию перед легионами. В тылу их он расположил когорты одну за другой, а коней - на крыльях. Таким образом, растянув фронт главного сражения, чтобы придать ему большую глубину, он, по словам Полибия, принял справедливую меру предосторожности против слонов; но он не предусмотрел неравенства своей кавалерии, которая значительно уступала по численности вражеской.

Выстроившись таким образом, обе армии ждали только сигнала. Ксантипп приказывает слонам идти вперед, чтобы прорвать ряды противника, а двум крыльям кавалерии - атаковать римлян во фланг. В то же время последние, бряцая оружием и крича на манер своей страны, устремляются на врага. Их кавалерия недолго выдерживала натиск, так сильно уступая карфагенянам. Пехота левого крыла, чтобы избежать атаки слонов и показать, как мало они боятся наемников, составлявших правое крыло врага, атакует его, обращает в бегство и преследует до самого лагеря. Те из первых рядов, кто противостоял слонам, были разбиты и растоптаны ногами, после того как доблестно сражались; остальная же часть главного корпуса некоторое время стояла крепко, благодаря своей большой глубине. Но когда тыл, атакованный вражеской конницей, был вынужден повернуться лицом к ней и принять ее, а те, кто прорвался через слонов, встретили фалангу карфагенян, которая еще не вступила в бой и приняла их в хорошем порядке, римляне были разбиты со всех сторон и полностью разгромлены. Большая часть из них была раздавлена насмерть огромным весом слонов, а остальные, стоявшие в рядах, были насквозь прострелены стрелами вражеских коней. Лишь небольшое число бежало; поскольку они находились на открытой местности, лошади и слоны убили большую часть из них. Пятьсот или около того человек, ушедших с Регулом, были взяты в плен вместе с ним. Карфагеняне потеряли в этой битве восемьсот наемников, которые противостояли левому крылу римлян; из последних спаслись только две тысячи, которые, преследуя правое крыло противника, вырвались из [pg 167] схватки. Все остальные, за исключением Регула и тех, кто был взят с ним в плен, остались лежать мертвыми на поле боя. Две тысячи человек, избежавшие резни, отступили в Клипею и спаслись почти чудом.

Карфагеняне, разделившись с мертвыми, с триумфом вошли в Карфаген, ведя за собой несчастного Регула и пятьсот пленников. Их радость была тем сильнее, что всего за несколько дней до этого они видели себя на краю гибели. Мужчины и женщины, старики и молодежь, толпились в храмах, чтобы воздать благодарность бессмертным богам; несколько дней были полностью посвящены празднествам и ликованиям.

Ксантипп, внесший столь значительный вклад в эти счастливые перемены, имел мудрость вскоре после этого удалиться, опасаясь, что его слава, доселе незапятнанная, после первого пыла может незаметно угаснуть и оставить его незащищенным от укулов зависти и клеветы, которые всегда опасны, но особенно в чужой стране, когда человек стоит один, без друзей и связей, лишенный всякой поддержки.

Полибий говорит нам, что отъезд Ксантиппа был связан с другим образом, и обещает рассказать об этом в другом месте: но эта часть его истории до нас не дошла. Мы читаем у [Аппиана](#)⁶⁷⁷, что карфагеняне, возбужденные подлой и отвратительной завистью к славе Ксантиппа и не в силах вынести мысли о том, что они должны быть обязаны Спарте за свою безопасность, под предлогом того, чтобы с честью проводить его и его сопровождающих в его собственную страну с многочисленным конвоем кораблей, отдали частный приказ, чтобы все они были преданы смерти во время пути; как будто вместе с ним они могли навсегда похоронить в волнах память о его заслугах и их ужасной неблагодарности к [нему](#)⁶⁷⁸.

"Эта битва, - говорит Полибий, [679](#) - хотя и не столь значительная, как многие другие, все же может дать очень полезные наставления; а это, - добавляет этот автор, - самая большая польза, которую можно извлечь из изучения истории".

Во-первых, стоит ли кому-либо уповать на свою удачу после того, как он рассмотрел судьбу Регула? Этот полководец, наглый от победы, неумолимый к побежденным, не желающий их слушать, через несколько дней после победы увидел себя побежденным и попал к ним в плен. Ганнибал навел Сципиона на те же мысли, когда увещевал его не ослепляться успехами своего оружия. Регул, сказал он, был бы записан как один из самых редких примеров доблести и счастья, если бы после победы, одержанной в этой самой стране, он даровал нашим отцам мир, о котором они просили. Но если не ставить границ его амбициям и наглости успеха, то чем больше он процветал, тем бесславнее было его [падение](#)[680](#).

Во-вторых, здесь в полной мере проявляется истинность изречения Еврипида: "Одна мудрая голова стоит многих рук". [681](#) Один человек здесь меняет весь расклад дел. С одной стороны, он разбивает войска, которые считались непобедимыми; с другой - возрождает мужество города и армии, которые он застал в смятении и отчаянии.

Именно так, как замечает Полибий, следует использовать изучение истории. Ибо есть два способа [pg 169] получения улучшений и наставлений: первый - на собственном опыте, второй - на опыте других людей; гораздо разумнее и полезнее совершенствоваться на чужих неудачах, чем на своих собственных.

Я возвращаюсь к Регулу, чтобы на этом закончить то, что относится к нему; Полибий, к нашему большому разочарованию, больше не упоминает об этом [полководце](#)[682](#).

A. M. 3755. A. Rom. 499.

После нескольких лет заключения он был послан в Рим, чтобы предложить обмен пленными. [683](#) Его обязали дать клятву, что он вернется в случае неудачи. Затем он ознакомил сенат с предметом своего путешествия; и когда они предложили ему свободно высказать свое мнение, он ответил, что не может больше делать это как сенатор, потеряв и это качество, и качество римского гражданина с того времени, как попал в руки врагов; но он не отказался предложить свои мысли как частное лицо. Это было очень деликатное дело. Всех трогали несчастья столь великого человека. "Ему нужно было только, - говорит Цицерон, - произнести одно [pg 170] слово, и оно вернуло бы ему свободу, поместье, достоинство, жену, детей и страну"; но это слово показалось ему противоречащим чести и благополучию государства. Поэтому он прямо заявил, что об обмене пленными не следует и думать: такой пример будет иметь гибельные последствия для республики: что граждане, так подло сдавшие оружие врагу, недостойны даже малейшего сострадания и не способны служить своей стране; что, что касается его самого, то, поскольку он был уже в преклонных годах, его смерть следует считать пустяком; в то время как в их руках было несколько карфагенских генералов, находящихся в расцвете лет и способных оказать своей стране великие услуги в течение многих лет. Сенат с трудом согласился на столь щедрый и беспримерный совет. Итак, прославленный изгнанник покинул Рим, чтобы вернуться в Карфаген, не смущаясь ни глубокой скорбью своих друзей, ни слезами жены и детей, хотя он слишком хорошо знал, какие тяжкие муки ему уготовлены. [684](#) И действительно, как только враги увидели, что он вернулся, не добившись обмена пленниками, они подвергли его всем пыткам, какие только могла изобрести их варварская жестокость. Они заточили его на долгое время в мрачную темницу, откуда (отрезав ему веки) сразу же вынесли на солнце, когда его лучи испускали

сильнейший жар. Затем его поместили в некое подобие сундука, утыканного гвоздями, острия которых ранили его, не давая ему ни минуты покоя ни днем, ни ночью. Наконец, после долгих мучений, когда он вечно бодрствовал в этой ужасной пытке, его безжалостные враги прибили его к кресту, что было их обычным наказанием, и оставили умирать на нем. Таков был конец этого великого человека. Его враги, лишив его нескольких дней, а может быть, и лет жизни, навлекли на себя вечное бесчестие.

Удар, полученный римлянами в Африке, не обескуражил их.⁶⁸⁵ Они сделали еще большие приготовления, чем прежде, чтобы возместить свои потери; в следующую кампанию они вывели в море триста шестьдесят судов. Карфагеняне вышли навстречу им с двумястами кораблями, но были [pg 171] разбиты в сражении у берегов Сицилии, и сто четырнадцать их кораблей достались римлянам. Последние отплыли в Африку, чтобы забрать тех немногих солдат, которые спаслись от преследования врага после поражения Регула; они энергично защищались в Клупее,⁶⁸⁶ где их безуспешно осаждали.

Здесь мы снова удивляемся тому, что римляне после столь значительной победы и с таким большим флотом отправились в Африку, чтобы привести оттуда лишь небольшой гарнизон; тогда как они могли бы попытаться завоевать ее, поскольку Регул с гораздо меньшими силами почти завершил ее.

По возвращении римлян настигла буря, которая почти уничтожила весь их флот.⁶⁸⁷ Подобное несчастье постигло их и в следующем году.⁶⁸⁸ Однако они утешились этой двойной потерей, одержав победу над Асдрубалом, у которого они захватили около ста сорока слонов. Эта новость, доставленная в Рим, наполнила весь город радостью; не только потому, что сила вражеской армии значительно уменьшилась из-за потери слонов, но главным образом потому, что эта победа вдохнула новую храбрость в сухопутные войска, которые после поражения Регула не решались вступить в бой; так велик был ужас, которым эти грозные животные наполняли умы всех солдат. Поэтому было решено приложить еще больше усилий, чтобы, по возможности, закончить войну, которая продолжалась четырнадцать лет. Два консула отплыли с флотом из двухсот кораблей и, прибыв в Сицилию, задумали осадить Лилибеум. Это был самый сильный город, которым владели карфагеняне, и потеря его повлекла бы за собой потерю всех частей острова и открыла бы римлянам свободный проход в Африку.

Читатель поймет, что при штурме и обороне этого места было проявлено величайшее рвение.⁶⁸⁹ Имилькон был там губернатором с десятью тысячами регулярных войск, не считая жителей; а Ганнибал, сын Гамилькара, вскоре привел ему еще столько же из Карфагена; он с [pg 172] самым неустрашимым мужеством пробил себе путь через вражеский флот и благополучно прибыл в порт.

Римляне не теряли времени. Приведя в движение свои двигатели, они сбили несколько башен таранами; с каждым днем они продвигались вперед, что внушало осажденным, которые теперь были тесно прижаты, некоторые опасения. Губернатор ясно видел, что для спасения города не остается иного пути, кроме как расстрелять двигатели осаждающих. Поэтому, подготовив свои силы к этому предприятию, он отправил их на рассвете с факелами в руках, поленницей и всякими горючими веществами и одновременно атаковал все двигатели. Римляне приложили все усилия, чтобы отбить их, и схватка была очень кровавой. Каждый человек, как нападавший, так и оборонявшийся, стоял на своем посту и предпочитал скорее умереть, чем покинуть его. Наконец, после долгого сопротивления и страшной резни осажденные подали сигнал к отступлению и оставили римлян во владении своими сооружениями. Закончился этот конфликт, Ганнибал ночью высадился на берег и,

скрыв от врага свой отъезд, отплыл в Дрепанум, где карфагенянами командовал Адгербал. Дрепанум был выгодно расположен, имел удобный порт и находился в ста двадцати фуртах от Лилибея, и карфагеняне всегда очень хотели сохранить его.

Римляне, воодушевленные успехом, возобновили атаку с еще большей энергией, чем прежде; осажденные не решались предпринять вторую попытку сжечь свои машины, так сильно они были удручены неудачным успехом первой. Но внезапно поднялся яростный ветер, и несколько наемных солдат представили губернатору, что сейчас им представилась благоприятная возможность поджечь двигатели осаждающих, тем более что ветер дул против них; они предложили себя для этого предприятия. Предложение было принято, и, соответственно, они были снабжены всем необходимым. Через мгновение огонь охватил все двигатели, и римляне не могли его потушить, потому что пламя мгновенно распространялось повсюду, ветер нес искры и дым прямо им в глаза, так что они не могли видеть, где применить [pg 173] помощь; в то время как их враги ясно видели, куда направлять удары и бросать огонь. Это происшествие заставило римлян потерять всякую надежду на то, что они смогут взять это место силой. Поэтому они превратили осаду в блокаду, возвели вокруг города сильную линию контрудара и, рассредоточив свою армию по всем окрестностям, решили со временем осуществить то, что, как им казалось, они совершенно не могли сделать никаким другим способом.

Когда в Риме узнали о результатах осады Лилибея и потере части войск, граждане, отнюдь не унывающие от этих дурных вестей, казалось, воспрянули духом.⁶⁹⁰ Каждый стремился быть первым в списке; так что за очень короткое время была собрана десяти тысячная армия, которая, переправившись через пролив, отправилась по суше на соединение с осаждающими.

А.М. 3756. А. Ром. 500.

В то же время консул П. Клавдий Пульхер задумал напасть на Адгербала в Дрепануме.⁶⁹¹ Он считал себя уверенным, что сможет удивить его, поскольку после потерь, понесенных римлянами при Лилибее, враг не мог представить, что они снова отважатся выйти в море. Окрыленный этими надеждами, он отплыл со своим флотом ночью, чтобы лучше скрыть свой замысел. Но ему пришлось столкнуться с активным полководцем, от бдительности которого он не мог ускользнуть и который даже не дал ему времени выстроить корабли в боевую линию, а энергично обрушился на него, пока его флот находился в беспорядке и смятении. Карфагеняне одержали полную победу. Из римского флота спаслись только тридцать судов, которые, находясь в компании с консулом, бежали вместе с ним и скрылись вдоль побережья наилучшим образом. Все остальные, числом четыреста тринадцать, с людьми на борту, были захвачены карфагенянами, за исключением нескольких солдат, спасшихся при крушении своих судов. Эта победа в равной степени продемонстрировала благоразумие и доблесть Адербала, а также позор и бесчестие римского консула.

Юний, его коллега, не был ни более благоразумен, ни более удачлив, чем он сам, но из-за своего дурного поведения потерял весь свой флот.⁶⁹² Стремясь искупить свою вину каким-нибудь [pg 174] значительным действием, он вступил в тайную переписку с жителями Эриксы,⁶⁹³ и таким путем добился сдачи города. На вершине горы стоял храм Венеры Эриксыны, который, безусловно, был самым красивым и самым богатым из всех сицилийских храмов. Город стоял немного ниже вершины этой горы, и добраться до него можно было только по очень длинной и труднопроходимой дороге. Юний расположил часть своих войск на вершине, а остальные - у подножия горы, полагая, что теперь ему нечего бояться; но Гамилькар, по имени Барка, отец знаменитого Ганнибала, нашел способ проникнуть в город,

который лежал между двумя лагерями врага, и там укрепился. С этого выгодного поста он непрерывно досаждал римлянам в течение двух лет. Трудно представить, как карфагеняне могли защищаться, когда их атаковали и с вершины, и с подножия горы, а провизию они могли получать только из маленького порта, который был единственным открытым для них. В подобных предприятиях способности и благоразумная храбрость полководца проявляются не хуже, а может быть, и лучше, чем при победе в сражении.

В течение пяти лет с обеих сторон не было совершено ничего запоминающегося.⁶⁹⁴ Римляне предполагали, что только их сухопутные войска смогут закончить осаду Лилибея, но, видя, что она затягивается сверх их ожиданий, они вернулись к своему первому плану и предприняли чрезвычайные усилия, чтобы снарядить новый флот. Государственная казна была на исходе, но недостаток средств восполнялся за счет рвения отдельных людей, так горяча была любовь, которую римляне питали к своей стране. Каждый человек, в зависимости от своих обстоятельств, вносил свой вклад в общие расходы; под государственную гарантию он без малейшего стеснения давал деньги на экспедицию, от которой зависели слава и безопасность Рима. Один человек оборудовал корабль за свой счет, другой - за счет взносов двух или трех человек, так что за очень короткое время двести кораблей были готовы к отплытию".

А.М. 3763. A. Rom. 507.

Командование было передано консулу Лутацию, который немедленно вышел в море. [pg 175] Флот противника отступил в Африку: поэтому консул без труда занял все выгодные посты в окрестностях Лилибея; предвидя, что вскоре ему придется сражаться, он не упустил никаких мер предосторожности, чтобы обеспечить успех, и использовал промежуток времени для тренировки своих солдат и моряков на море.

Вскоре ему сообщили о приближении карфагенского флота под командованием Ганно, который высадился на небольшом острове Хиера, расположенном напротив Дрепанума. Он намеревался добраться до Эрикса, не обнаруженного римлянами, чтобы снабдить тамошнюю армию; подкрепить свои войска и взять на борт Барку, чтобы тот помог ему в ожидаемом сражении. Но консул, подозревая о его намерении, был заранее с ним; собрав все свои лучшие силы, он отплыл к небольшому острову *Эгуса*⁶⁹⁵, который лежал недалеко от другого. Он ознакомил своих офицеров с намерением напасть на врага на следующий день. На рассвете он приготовился к бою: к сожалению, ветер благоприятствовал врагу, и он колебался, давать ли ему сражение. Но, учитывая, что карфагенский флот, разгрузившись от провизии, станет легче и будет более пригоден для действий, а кроме того, значительно усилится благодаря силам и присутствию Барки, он сразу же принял решение и, несмотря на плохую погоду, направился прямо к врагу. У консула были отборные силы, умелые моряки и отличные корабли, построенные по образцу галеры, недавно захваченной у врага, которая была самой совершенной из когда-либо виденных. Карфагеняне, напротив, были лишены всех этих преимуществ. Поскольку они уже несколько лет были полными хозяевами на море, а римляне ни разу не осмелились с ними столкнуться, они относились к ним с величайшим презрением и считали себя непобедимыми. При первом же сообщении о том, что враг в движении, карфагеняне вывели в море флот, снаряженный в спешке, что явствовало из всех его обстоятельств: солдаты и моряки были наемниками, недавно набранными, без малейшего опыта, решимости или рвения, поскольку воевать они собирались не за свою страну. Это вскоре проявилось в ходе сражения. Они не выдержали первой [pg 176] атаки. Пятьдесят их кораблей были потоплены, а семьдесят захвачены со всеми экипажами.

Остальные, при благоприятном ветре, который поднялся как нельзя лучше, добрались до маленького острова, откуда они отплыли. В плен попало около десяти тысяч человек. Консул немедленно отплыл в Лилибею и присоединил свои силы к осаждающим.

Когда весть об этом поражении пришла в Карфаген, она вызвала тем большее удивление и ужас, что ее меньше всего ожидали. Сенат, однако, не потерял мужества, хотя и видел, что не в силах продолжать войну. Поскольку римляне теперь были хозяевами на море, карфагеняне не могли отправлять ни провиант, ни подкрепления в сицилийскую армию. Поэтому Барке, тамошнему генералу, был немедленно отправлен экспресс, уполномочивающий его действовать так, как он сочтет нужным. Барка, пока у него оставалось хоть немного надежды, сделал все, что можно было ожидать от самого бесстрашного мужества и самой совершенной мудрости. Но теперь, не имея больше никаких средств, он отправил к консулу депутацию, чтобы договориться о мире. "Благоразумие, - говорит Полибий, - состоит в том, чтобы уметь сопротивляться и уступать в нужный момент". Лутаций не мог не чувствовать, как римляне устали от войны, которая истощила их и людей, и деньги; в его памяти были свежи ужасные последствия неумолимого и неосмотрительного упрямства Регула. Поэтому он безропотно подчинился и продиктовал следующий договор.

Между Римом и Карфагеном будет заключен мир (если римский народ одобрит его) на следующих условиях: Карфагеняне эвакуируют всю Сицилию; не будут больше воевать ни с Иеро, ни с Сиракузянами, ни с их союзниками: Они должны вернуть римлянам без выкупа всех пленных, которых они у них отняли, и выплатить им в течение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра.⁶⁹⁶ Читателю стоит [pg 177] отметить, между прочим, простые, точные и ясные термины, в которых выражен этот договор, который в столь короткий срок согласовывает интересы двух могущественных республик и их союзников, как на море, так и на суше.

Когда эти условия были привезены в Рим, народ, не одобряя их, отправил десять комиссаров в Сицилию, чтобы завершить дело. Они не внесли никаких изменений в суть [договора](#)⁶⁹⁷, только сократили срок выплаты, уменьшив его до десяти лет: к оговоренной сумме была добавлена тысяча талантов, которые должны были быть выплачены немедленно; карфагеняне должны были покинуть все острова, расположенные между Италией и Сицилией. Сардиния не была включена в этот договор, но они отказались от нее по другому договору, который был заключен через несколько лет после этого.

3763 Г. Н.Э. A. Carth. 605. A. Rom. 507. Ant. J.C. 241.

Так завершилась война, одна из самых долгих в истории, поскольку она продолжалась двадцать четыре года без перерыва. Упорство в споре за империю было одинаковым с обеих сторон: одинаковая решимость, одинаковое величие души, как в разработке, так и в осуществлении проектов, были заметны с обеих сторон. Карфагеняне имели преимущество в знании военно-морского дела, в умении строить корабли и управлять ими, в опыте и способностях лоцманов, в знании берегов, мелей, дорог и ветров, а также в неисчерпаемом фонде богатств, который обеспечивал все расходы на столь долгую и упорную войну. Римляне не обладали ни одним из этих преимуществ; но их мужество, рвение к общественному благу, любовь к своей стране и благородное стремление к славе восполняли все остальные недостатки. Мы поражены тем, что народ, столь неопытный в военно-морском деле, не только противостоял народу, который был более искусен в этом деле и более силен, чем любой из тех, кто когда-либо существовал прежде, но даже одержал несколько побед над ним на море. Никакие трудности и беды не могли их обескуражить. Они, конечно, и не подумали бы о мире при тех обстоятельствах, при которых карфагеняне его потребовали.

Одна [pg 178] неудачная кампания удручает последних, в то время как римлян не сотрясает череда таких кампаний.

Что касается солдат, то между римлянами и карфагенянами не было никакого сравнения: первые бесконечно превосходили их в храбрости. Среди полководцев, командовавших в этой войне, Гамилькар по фамилии Барка, несомненно, был самым выдающимся по храбрости и благоразумию.

Ливийская война, или Против наемников.⁶⁹⁸ За войной, которую карфагеняне вели против римлян, сразу же последовала другая,⁶⁹⁹ которая, хотя и продолжалась гораздо меньше, была бесконечно опаснее, поскольку велась в самом сердце республики и сопровождалась такой жестокостью и варварством, какие едва ли можно найти в истории; я имею в виду войну, которую карфагеняне были вынуждены вести против своих наемных войск, служивших им в Сицилии, и которая обычно называется Африканской или Ливийской войной.⁷⁰⁰ Она продолжалась всего три с половиной года, но была очень кровопролитной. Поводом для нее послужило следующее:

Как только был заключен договор с [римлянами](#)⁷⁰¹, Гамилькар, переведя в Лилибею войска, находившиеся в Эриксе, сложил с себя полномочия и оставил Гисго, правителю этого места, заботу о перевозе этих войск в Африку. Гисго, словно предвидя, что произойдет, отправил их не всех сразу, а небольшими отдельными партиями, чтобы те, кто пришел первыми, могли расплатиться с ними и отправить домой до прибытия остальных. Такое поведение свидетельствовало о большой предусмотрительности и мудрости, но в Карфагене его не поддержали. Поскольку республика была истощена расходами на долгую войну и выплатой римлянам около ста тридцати тысяч фунтов при подписании мира, с войсками не расплачивались по мере их прибытия; было решено дожидаться остальных, надеясь получить от них (когда они соберутся все вместе) отсрочку по уплате части долга. Это была первая оплошность.

Здесь мы обнаруживаем гений государства, состоящего из купцов, которые знают полную стоимость денег, но мало [pg 179] знакомы с услугами солдат; которые торгуются за кровь, как если бы она была предметом торговли, и всегда идут на самый дешевый рынок. В такой республике, когда необходимость удовлетворена, о заслугах больше не вспоминают.

Эти солдаты, большинство из которых прибыли в Карфаген, давно привыкшие к развратной жизни, вызвали большие беспорядки в городе; чтобы исправить ситуацию, офицерам было предложено отправить их всех в соседний городок под названием Сикка и там снабжать их всем необходимым для пропитания до прибытия остальных их товарищей, а затем со всеми ними рассчитаться и отправить домой. Это была вторая оплошность.

Третье - отказ позволить им оставить в Карфагене свой багаж, жен и детей, как они того желали, и принуждение их перевезти их в Сикку, тогда как, останься они в Карфагене, они были бы в некотором роде заложниками.

Собравшись все вместе в Сикке, они принялись (не имея другого занятия) подсчитывать задолженность по жалованью, которая, по их мнению, была гораздо больше, чем им действительно причиталось. К этому подсчету они добавили могущественные обещания, которые были даны им в разное время, чтобы побудить их исполнить свой долг; и сделали вид, что их тоже следует внести в счет. Ганно, который в то время был губернатором Африки и был послан к ним от магистратов Карфагена, предложил им согласиться на некоторое уменьшение их задолженности и довольствоваться получением части, учитывая великое бедствие, в которое попало государство, и его нынешние несчастные обстоятельства.

Читатель легко догадается, как было воспринято такое предложение. Повсюду слышались жалобы, ропот, подстрекательские и наглые крики. Войска, состоявшие из разных народов, незнакомых друг с другом, были неспособны услышать доводы разума, когда однажды взбунтовались. Испанцы, галлы, лигурийцы, жители Балеарских островов, греки, большей частью рабы или дезертиры, и очень большое количество африканцев составляли эти наемные войска. Охваченные яростью, они немедленно [pg 180] распались, направились к Карфагену (их было до двадцати тысяч) и расположились лагерем в Тунисе, неподалеку от этой метрополии.

Карфагеняне слишком поздно поняли свою ошибку. Не было ни одной покорности, до которой бы они не опустились, чтобы успокоить этих измученных солдат, которые, со своей стороны, использовали все хитрости, которые только можно было придумать, чтобы вымогать у них деньги. Получив один пункт, они тут же прибегали к новой хитрости, чтобы обосновать новое требование. Если их жалование выходило за рамки заключенного с ними соглашения, они все равно требовали возмещения убытков, которые, как они утверждали, понесли из-за гибели лошадей, из-за чрезмерной цены, которую в определенное время они платили за хлеб и кукурузу; и все равно настаивали на обещанном им вознаграждении. Так как ничего нельзя было решить, карфагеняне с большим трудом убедили их прислушаться к мнению какого-нибудь полководца, командовавшего в Сицилии. В результате они остановились на Гисго, который всегда был очень приемлем для них. Этот полководец мягко и вкрадчиво побеседовал с ними, напомнил им о том, как долго они находились на карфагенской службе, о значительных суммах, которые они получили от республики, и удовлетворил почти все их требования.

Договор был уже близок к заключению, когда два мятежника подняли шум во всех частях лагеря. Один из них был Спендий Капуанский, который был рабом в Риме и бежал к карфагенянам. Он был высок и смел. Страх попасть в руки своего бывшего хозяина, который, по обычаю, должен был его повесить, побудил его разорвать соглашение. Его поддержал некто [Мато702](#), который принимал самое активное участие в составлении заговора. Эти двое представили африканцам, что как только их товарищей выпишут и отправят домой, они, оставшись одни в своей стране, [pg 181] падут жертвой ярости карфагенян, которые отомстят им за общий мятеж. Этого было достаточно, чтобы привести их в ярость. Они немедленно выбрали Спендия и Мато в качестве своих вождей. Никакие уговоры не были услышаны, а тот, кто предлагал их, немедленно предавался смерти. Они вбежали в палатку Гисго, разграбили ее, забрав деньги, предназначенные для оплаты войск, и потащили в тюрьму самого полководца со всеми его приближенными, после чего обошлись с ними с величайшими оскорблениями. Все города Африки, в которые они послали депутатов, чтобы те увещевали их вернуть свободу, перешли к ним, за исключением Утики и Гиппакры, которые они немедленно осадили.

Никогда прежде Карфаген не подвергался такой неминуемой опасности. Граждане по отдельности получали средства к существованию из ренты или доходов от своих земель, а государственные расходы - из дани, выплачиваемой Африкой. Но все это сразу же прекратилось, и (что гораздо хуже) было обращено против них. Они оказались без оружия и сил, как морских, так и сухопутных, без всех необходимых приготовлений для поддержания осады или оснащения флота, и, в довершение всех бед, без всякой надежды на помощь извне, от своих друзей или союзников.

В некотором смысле они могли бы вменить себе в вину бедственное положение, в которое они попали. Во время последней войны они обращались с африканскими народами с величайшей жестокостью, облагая их непомерной данью, при взимании которой не

учитывалась бедность и крайняя нищета; а к губернаторам, таким как Ханно, относились с тем большим уважением, чем более сурово они взимали эту дань. Поэтому не потребовалось больших усилий, чтобы убедить африканцев принять участие в этом восстании. По первому же сигналу оно вспыхнуло и вмиг стало всеобщим. Женщины, которые часто, с глубочайшей скорбью, видели, как их мужей и отцов тащили в тюрьму за неуплату, были более возмущены, чем мужчины; и с удовольствием отдавали все свои украшения на расходы войны; так что вожди мятежников, выплатив все, что обещали солдатам, оказались еще в изобилии: [pg 182] поучительный урок, говорит Полибий, для министров, как следует обращаться с народом; ведь он учит их смотреть не только на текущий случай, но и распространять свои взгляды на будущее.

Карфагеняне, несмотря на свое бедственное положение, не унывали, а предпринимали самые невероятные усилия. Командование армией было передано Ганно. Войска собирались на суше и на море, как конные, так и пешие. Все граждане, способные носить оружие, были собраны; наемники были приглашены со всех концов; все корабли, оставшиеся у республики, были переоборудованы.

Мятежники обнаруживали не меньший пыл. Мы уже рассказывали, что они взяли в осаду два единственных города, которые отказались присоединиться к ним. Теперь их армия увеличилась до семидесяти тысяч человек. Взяв из нее отряды для ведения осады, они разбили свой лагерь в Тунисе и таким образом держали Карфаген в своеобразной блокаде, наполняя его вечной тревогой и часто подступая к самым его стенам как днем, так и ночью.

Ганно выступил на помощь Утике и получил значительное преимущество, которое, если бы он правильно им воспользовался, могло бы оказаться решающим: но, войдя в город и только отвлекшись, наемники, отступившие на соседний холм, поросший деревьями, услышав, как беспечен враг, набросились на него; нашли солдат, разбежавшихся во все стороны; взяли и разграбили лагерь и захватили все запасы, привезенные из Карфагена для помощи осажденным. Это была не единственная ошибка, допущенная Ганно, а ошибки в такие критические моменты бывают самыми роковыми. На смену ему был назначен Гамилькар по имени Барка. Этот полководец соответствовал представлениям о нем, и первым его успехом стало то, что он заставил мятежников снять осаду Утики. Затем он выступил в поход против их армии, стоявшей лагерем под Карфагеном, разбил часть ее и захватил почти все выгодные посты. Эти успехи возродили мужество карфагенян.

Прибытие молодого нумидийского дворянина, по имени Наравас, который из уважения к личности и заслугам Барки присоединился к нему с двумя тысячами нумидийцев, оказало большую услугу [pg 183] этому полководцу. Воодушевленный этим подкреплением, он обрушился на мятежников, зажавших его в долине, убил десять тысяч из них и взял четыре тысячи в плен. Молодой нумидиец сильно отличился в этой битве. Барка взял в свои войска столько пленных, сколько желали поступить на службу, а остальным дал свободу идти, куда им заблагорассудится, при условии, что они никогда больше не возьмут в руки оружие против карфагенян; в противном случае каждый из них, если будет взят, должен быть предан смерти. Такое поведение доказывает мудрость этого генерала. Он считал это лучшим решением, чем крайняя суровость. И действительно, когда речь идет о множестве мятежников, большая часть которых была привлечена уговорами самых вспыльчивых или страхом перед самыми яростными, милосердие редко не приносит успеха.

Спендий, вождь мятежников, опасаясь, что эта поразительная мягкость Барки может вызвать дезертирство среди его войск, решил, что единственное средство, которое ему остается, чтобы предотвратить это, - нанести какой-нибудь сильный удар, который лишит их всякой

надежды когда-либо примириться с врагом. С этой целью, прочитав им несколько выдуманных писем, в которых ему сообщали о тайном замысле некоторых из их товарищей и Гисго вызвать его из тюрьмы, где он так долго содержался, он привел их к варварскому решению убить его и всех остальных пленников; и любой человек, который осмелился бы дать более мягкий совет, был немедленно принесен в жертву их ярости. Таким образом, несчастного генерала и семьсот пленников, находившихся с ним в заключении, вывели на передний край лагеря, где первой жертвой пал Гисго, а затем и все остальные. Им отрубили руки, перебили бедра, а тела, еще дышащие, бросили в яму. Карфагеняне послали глашатая потребовать их останки, чтобы отдать им последнюю печальную дань, но получили отказ; глашатаю также было сказано, что всякого, кто осмелится прийти с подобным поручением, постигнет участь Гисго. И действительно, мятежники немедленно пришли к единодушному решению обращаться со всеми карфагенянами, которые попадут им в руки, таким же варварским образом; кроме того, они постановили, что если кто-либо из их союзников [pg 184] будет захвачен, то после отсечения рук он должен быть отправлен обратно в Карфаген. Это кровавое решение было исполнено с особой точностью.

Карфагеняне только-только начали выдыхаться и приходиться в себя, как ряд несчастных случайностей вновь поверг их в новую опасность. Среди их генералов возникли разногласия, а провизия, в которой они крайне нуждались, доставленная к ним морем, была унесена штормом. Но самым острым несчастьем, которое они почувствовали, было внезапное отступление двух единственных городов, которые до этого момента сохраняли верность и во все времена нерушимо держались за государство. Это были Утика и Гиппакра. Эти города без малейшего повода или даже притворства сразу же перешли на сторону мятежников и, охваченные яростью и гневом, убили губернатора вместе с гарнизоном, посланным им на помощь, и дошли в своей бесчеловечности до того, что отказались от своих мертвых тел в пользу карфагенян, которые потребовали их обратно для погребения.

Окрыленные таким успехом, повстанцы осадили Карфаген, но были вынуждены немедленно снять его. Тем не менее они продолжали войну. Собрав в одно тело все свои войска и войска союзников (всего до пятидесяти тысяч человек), они следили за передвижениями армии Гамилькара, но тщательно держались на холмах и не спускались на равнину, потому что там враг имел бы слишком большое преимущество перед ними из-за своих слонов и кавалерии. Гамилькар, более искусный в военном искусстве, чем они, никогда не подвергался ни одному из их нападений; но, пользуясь их упущениями, часто лишал их постов, если их солдаты хоть немного отступали, и преследовал их тысячью способов. Тех из них, кто попадал в его руки, он бросал на съедение диким зверям. Наконец, он застал их врасплох в тот момент, когда они меньше всего этого ожидали, и запер их на посту, который был расположен так, что выбраться из него было невозможно. Не решаясь на битву и не имея возможности уйти, они начали укреплять свой лагерь и окружили его рвами и окопами. Но враг среди них, гораздо более грозный, довел их до крайности: это был [pg 185] голод, который так свирепствовал, что они наконец съели друг друга; Божественное Провидение, говорит Полибий, таким образом отомстило им за варварскую жестокость, которую они проявили к другим. Теперь у них не оставалось никаких средств, и они слишком хорошо знали, какие наказания их ждут, если они попадут живыми в руки врага. После таких кровавых сцен, которые они разыграли, они не помышляли о мире или о том, чтобы прийти к соглашению. Они обратились за помощью к своим войскам, стоявшим в Тунисе, но безуспешно. Тем временем голод усиливался с каждым днем. Сначала они съели своих пленников, затем рабов, а теперь остались только их сограждане. Их вожди, не в силах больше противостоять жалобам и крикам толпы, которая грозила устроить им резню, если они не сдадутся, сами отправились к Гамилькару, получив от него безопасную дорогу.

Условия договора заключались в том, что карфагеняне должны выбрать десять человек из числа мятежников и поступить с ними так, как они сочтут нужным, а остальных уволить, выдав каждому только по одному костюму одежды. Когда договор был подписан, сами вожди были арестованы и задержаны карфагенянами, которые в этом случае явно показали, что не гордятся своей добросовестностью и искренностью. Мятежники, услышав, что их вожди схвачены, и ничего не зная о договоре, заподозрили, что их предали, и тут же взялись за оружие. Но Гамилькар, окружив их, вывел вперед своих слонов и либо растоптал их всех под ногами, либо разрубил на куски, а их было до сорока тысяч.

Следствием этой победы стало сокращение почти всех городов Африки, которые тут же вернулись к своей верности. Гамилькар, не теряя времени, двинулся на Тунис, который с самого начала войны был прибежищем мятежников и местом их вооружения. Он занял его с одной стороны, а Ганнибал, который был с ним в одной команде, осадил его с другой. Затем, подойдя к стенам и приказав установить кресты, он повесил Спендия на одном из них, а его товарищей, схваченных вместе с ним, на остальных, где они все и скончались. Мато, другой вождь, командовавший в городе, ясно видел [pg 186] этого, что его самого может ожидать; и по этой причине был гораздо более внимателен к своей собственной защите. Понимая, что Ганнибал, будучи уверенным в успехе, очень небрежен во всех своих действиях, он предпринял вылазку, напал на его кварталы, убил многих его людей, взял несколько пленных, среди которых был и сам Ганнибал, и разграбил его лагерь. Затем, сняв Спендия с креста, он поставил на его место Ганнибала, заставив его претерпеть невыразимые мучения, и принес в жертву вокруг тела Спендия тридцать граждан первого сорта в Карфагене, как многочисленные жертвы его мести. Из этого можно сделать вывод, что между враждующими сторонами существовало взаимное подражание, кто из них превзойдет другого в актах самой варварской жестокости.

Барка, находившийся в это время в отдалении, долго не мог получить известие о несчастье своего коллеги; кроме того, дорога, пролежавшая между двумя лагерями, была непроходимой, и он не мог поспешить к нему на помощь. Это катастрофическое происшествие вызвало большое смутнение в Карфагене. Читатель, возможно, заметил, что в ходе этой войны постоянно происходили перемены - процветание и невзгоды, безопасность и страх, радость и горе; так разнообразны и непостоянны были события с обеих сторон.

В Карфагене сочли целесообразным предпринять одно смелое усилие. Поэтому все молодые люди, способные носить оружие, были призваны на службу. Ганно был послан присоединиться к Гамилькару, а тридцать сенаторов получили задание призвать этих генералов от имени республики забыть прошлые ссоры и принести свои обиды в жертву благу своей страны. Это было немедленно исполнено; они взаимно обнялись и искренне примирились друг с другом.

С этого времени карфагенянам сопутствовал успех во всех делах, и Мафо, который в каждой последующей попытке терпел поражение, наконец счел себя обязанным рискнуть сражением, а это было как раз то, чего хотели карфагеняне. Предводители обеих сторон воодушевили свои войска, как идущие на битву, которая навсегда решит их судьбу. Завязалось сражение. Победа не заставила себя долго ждать, так как мятежники повсеместно сдавали позиции, африканцы были почти все убиты, а остальные сдались. Мато был взят живым [pg 187] и доставлен в Карфаген. Вся Африка сразу же вернулась к своей верности, за исключением двух вероломных городов, которые недавно подняли восстание; однако и они вскоре были вынуждены сдаться по собственному желанию.

И вот победоносная армия вернулась в Карфаген и была встречена криками радости и поздравлениями всего города. Мато и его воинов, украсивших общественный триумф, повели на казнь; мучительной и бесславной смертью закончилась жизнь, оскверненная самыми черными предательствами и беспримерными варварствами. Так завершилась война с наемниками, продолжавшаяся три года и четыре месяца. По словам Полибия, она послужила вечным уроком для всех народов: не нанимать в свои армии больше наемников, чем граждан, и не полагаться в защите своего государства на людей, не связанных с ним ни интересами, ни привязанностью.

До сих пор я намеренно не обращал внимания на такие операции в Сардинии, которые происходили в то время, о котором я говорю, и которые в некоторой степени зависели от войны, ведущейся в Африке против наемников, и были ее результатом. Они демонстрируют те же жестокие методы поощрения мятежа; те же эксцессы жестокости; как будто ветер донес тот же дух раздора и ярости из Африки в Сардинию.

Когда туда дошли вести о том, что Спендий и Мато творят в Африке, наемники на этом острове тоже сбросили иго, подражая этим поджигателям. Они начали с убийства Бостара, своего полководца, и всех карфагенян под его началом. Был послан преемник, но все силы, которые он с собой взял, перешли на сторону мятежников; генерала повесили на кресте и по всему острову предали мечу всех карфагенян, заставив их терпеть невыразимые мучения. Затем они осадили один за другим все города и вскоре овладели всей страной. Но из-за вражды, возникшей между ними и местными жителями, наемники были полностью изгнаны с острова и укрылись в Италии. Так карфагеняне потеряли Сардинию, остров, имевший для них огромное значение из-за своей протяженности, плодородия и большого количества жителей.

[pg 188]

Римляне, со времени заключения договора с карфагенянами, вели себя по отношению к ним очень справедливо и умеренно. Небольшая ссора из-за нескольких римских купцов, которые были захвачены в Карфагене за то, что снабжали врага провизией, немного спровоцировала их. Но эти купцы были восстановлены по первой жалобе, поданной в карфагенский сенат; римляне, гордившиеся своей справедливостью и щедростью во всех случаях, вернули карфагенянам былую дружбу, служили им по мере сил, запретили своим купцам снабжать провизией любой другой народ и даже отказались выслушать предложения сардинских повстанцев, когда те предложили им завладеть островом.

Но эти угрызения совести и деликатность постепенно сошли на нет, и выгодное свидетельство Цезаря (в "Саллюстии") об их честности и простодушии не может быть с полным основанием применено здесь:⁷⁰³ "Хотя, - говорит он, - во время всех Пунических войн карфагеняне, как в мирное время, так и во время перемирия, совершили ряд отвратительных действий, римляне никогда не могли (как бы ни была привлекательна возможность) быть убеждены отплатить за такие действия; они больше заботились о своей собственной славе, чем о мести, которую они могли бы справедливо совершить над такими вероломными врагами."

A.M. 3767. A. Carth. 609. A. Rom. 511. Ant. J.C. 237.

Наемники, которые, как было замечено, отступили в Италию, привели наконец римлян к решению отплыть в Сардинию, чтобы стать ее хозяевами. Карфагеняне были сильно огорчены этим известием, ссылаясь на то, что они имеют более справедливое право на Сардинию, чем римляне; поэтому они были готовы быстро и справедливо отомстить тем, кто побудил жителей этого острова взяться за оружие против них. Но римляне, притворившись, что эти приготовления были сделаны не против Сардинии, а против их государства, объявили войну карфагенянам. Последние, совершенно истощенные во всех отношениях и едва начавшие дышать, были не в состоянии

поддерживать войну. Поэтому [pg 189] необходимость времени должна была быть удовлетворена, и они были вынуждены уступить более могущественному сопернику. После этого был заключен новый договор, по которому они уступили Сардинию римлянам и обязались выплатить двенадцать сотен талантов, чтобы предотвратить войну, которая им угрожала. Эта несправедливость римлян стала истинной причиной второй Пунической войны, о чем будет рассказано далее.

Вторая Пуническая война.⁷⁰⁴ Вторая Пуническая война, о которой я сейчас расскажу, - одна из самых памятных в истории и заслуживает внимания любознательного читателя, если принять во внимание смелость замыслов, мудрость, использованную для их осуществления, упорные усилия двух соперничающих наций и готовые ресурсы, которые они нашли в самый низкий период своей удачи; разнообразие необычных событий и неопределенный исход столь долгой и кровопролитной войны; или, наконец, собрание самых совершенных образцов во всех видах достоинств; и самые поучительные уроки, которые встречаются в истории, как в отношении войны, так и в отношении политики или правительства. Никогда два более могущественных или, по крайней мере, более воинственных государства или народа не вели войны друг против друга; и никогда эти государства не поднимались на более возвышенную ступень власти и славы. Рим и Карфаген, несомненно, были в то время двумя первыми государствами мира. Уже испытав свои силы в первой Пунической войне и тем самым проверив мощь друг друга, они прекрасно знали, на что способны. В этой второй войне судьба оружия была настолько уравновешена, а успех настолько перемешан с превратностями и разновидностями, что торжествовала та сторона, которая больше других подвергалась опасности быть уничтоженной. Как ни велики были силы этих двух народов, можно сказать, что их взаимная ненависть была еще сильнее. Римляне, с одной стороны, не могли без негодования смотреть на то, как побежденные осмеливаются нападать на них; а карфагеняне, с другой стороны, были возмущены столь же хищным и жестоким обращением, которое, как они утверждали, они получили от победителя.

План, который я изложил, не позволяет мне вдаваться в точные подробности этой войны, очагами которой были Италия, Сицилия, [pg 190] Испания и Африка, и которая имеет еще более тесную связь с римской историей, чем та, которую я сейчас пишу. Поэтому я ограничусь, главным образом, теми событиями, которые связаны с карфагенянами, и постараюсь, насколько смогу, дать читателю представление о гении и характере Ганнибала, который, возможно, был величайшим воином, которым могла похвастаться античность.

Прежде чем говорить об объявлении войны между римлянами и карфагенянами, я считаю необходимым объяснить истинные причины ее возникновения и указать, какими путями готовился этот разрыв между этими двумя народами, прежде чем он открыто разразился.

По словам [Полибия](#)⁷⁰⁵, тот человек грубо ошибался бы, если бы считал взятие Ганнибалом Сагунтума истинной причиной второй Пунической войны. Сожаление карфагенян о том, что они так покорно отдали Сицилию по договору, завершившему первую Пуническую войну; несправедливость и жестокость римлян, которые воспользовались смутой в Африке, чтобы лишить карфагенян Сардинии и наложить на них новую дань; Успехи и завоевания последних в Испании были истинными причинами нарушения договора, на что [Ливий](#)⁷⁰⁶ (соглашаясь здесь с Полибием) намекает в нескольких словах в начале своей истории второй Пунической войны.

И действительно, Гамилькар, по имени Барка, был крайне раздражен последним договором, которому карфагеняне вынуждены были подчиниться по необходимости; поэтому он задумал принять справедливые, хотя и отдаленные меры, чтобы нарушить его при первой же благоприятной возможности.

Когда беды в Африке были утихомирены, его отправили в экспедицию против [нумидийцев707](#) , в которой, дав новые доказательства своей храбрости и способностей, его заслуги возвели в ранг командующего армией, которая должна была действовать в Испании. Ганнибал, [pg 191] своего сына, которому в то время было всего девять лет, с величайшей настойчивостью умолял его присутствовать при этом [событии708](#) ; и для этого применил все успокаивающие средства, столь обычные для детей его возраста и имеющие такую силу над нежным отцом. Гамилькар не мог ему отказать и, заставив его поклясться на алтарях, что он объявит себя врагом римлян, как только возраст позволит ему это сделать, взял сына с собой.

Гамилькар обладал всеми качествами, которые присущи великому полководцу. К непобедимой храбрости и непревзойденному благоразумию он добавил увлекательное и вкрадчивое поведение. За очень короткое время он покорил большую часть народов Испании либо ужасом своего оружия, либо своим увлекательным поведением, и, пробыв там девять лет, закончил жизнь достойно своего возвышенного характера, славно погибнув с оружием в руках за дело своей страны.

А.М. 3776. А. Ром. 520.

Карфагеняне назначили преемником Асдрубала, его зятя.[709](#) Этот полководец, чтобы укрепить свои позиции в стране, построил город, который благодаря выгодному положению, удобной гавани, укреплениям и роскоши, вызванной большой торговлей, стал одним из самых значительных городов в мире. Он был назван Новым Карфагеном, а в наши дни известен под именем Карфагена.

По нескольким шагам этих двух великих полководцев можно было понять, что они обдумывали какой-то могущественный замысел, который всегда был у них на виду, и закладывали свои планы на большом расстоянии, чтобы привести его в исполнение. Римляне понимали это и упрекали себя за леность и оцепенение, ввергшие их в некую летаргию, в то время как враг стремительно одерживал победы в Испании, которые однажды могли быть обращены против них. Они были бы рады напасть на них открытой силой и вырвать свои завоевания из их рук; но страх перед другим (не менее грозным) врагом, галлами, которых они ожидали вскоре увидеть у своих ворот, удерживал их от проявления своего негодования. Поэтому они прибегли к переговорам и заключили с Асдрубалом договор [pg 192] , в котором, не обращая внимания на остальную Испанию, ограничились включением статьи, по которой карфагенянам не разрешалось совершать завоевания за Ибером.

Асдрубал тем временем продолжал свои [завоевания710](#) , стараясь, однако, не выходить за пределы, установленные договором; но, не жалея усилий, чтобы завоевать вождей нескольких народов вежливым и участливым поведением, он продвигал интересы Карфагена все же больше методами убеждения, чем силой оружия. Но, к несчастью, после восьмилетнего правления Испанией он был вероломно убит галлом, который так варварски отомстил ему за личную [обиду711](#).

А.М. 3783. А. Рим. 530.

За три года до своей смерти он написал в Карфаген письмо с просьбой прислать к нему Ганнибала, которому тогда было двадцать два года.[712](#) Это предложение встретило некоторые трудности, поскольку сенат был разделен на две могущественные фракции, которые со времен Гамилькара стали придерживаться противоположных взглядов в управлении и делах государства. Одну фракцию возглавлял Ганно, чье происхождение, заслуги и рвение к общественному благосостоянию давали ему большое влияние на общественные обсуждения. Эта фракция при каждом удобном случае предлагала заключить безопасный мир и сохранить завоевания в

Испании, считая их более предпочтительными, чем неопределенные события дорогостоящей войны, которая, как они предвидели, однажды приведет к разорению Карфагена. Другая фракция, называемая барцинианской, поскольку она поддерживала интересы Барки и его семьи, к авторитету и влиянию, которыми она давно пользовалась в городе, добавила репутацию, которую ей создали громкие подвиги Гамилькара и Асдрубала, и открыто заявила о своей готовности к войне. Когда требование Асдрубала стало обсуждаться в сенате, Ганно представил опасность столь ранней отправки в бой молодого человека, который уже обладал всем надменным и властным нравом своего отца; [pg 193] и которого, таким образом, лучше долго и тщательно держать под наблюдением магистратов и властью законов, чтобы он научился послушанию и скромности, которая должна научить его не считать себя выше всех остальных людей. В заключение он сказал, что боится, что эта искра, которая в то время разгоралась, однажды разгорится до пожара. Его уговоры не были услышаны, так что фракция барциниан получила перевес, и Ганнибал отправился в Испанию.

В момент прибытия туда он привлек к себе взоры всей армии, которой показалось, что в нем возродился Гамилькар, его отец. Казалось, что из его глаз бьет тот же огонь; та же воинственная сила проявлялась в воздухе его лица, с теми же чертами и привлекательной походкой. Но еще больше его привлекали личные качества. Он обладал почти всеми талантами, которые присущи великому человеку. Его терпение в труде было непобедимым, его сдержанность - удивительной, его мужество в величайших опасностях - бесстрашным, а его присутствие духа в пылу сражения - восхитительным; и, что еще более удивительно, его нрав и склад ума были настолько гибкими, что природа сформировала его в равной степени для командования или подчинения; так что было сомнительно, кому он был дороже - солдатам или генералам. Он провел три кампании под командованием Асдрубала.

А.М. 3784. А. Carth. 626. А. Rom. 528.

После смерти этого полководца голоса армии и народа единодушно возвели Ганнибала в верховное командование.⁷¹³ Не знаю, не тогда ли или примерно тогда же республика, чтобы усилить его влияние и власть, назначила его одним из своих суфетов, первого государственного достоинства, которое иногда присваивалось полководцам. Это обстоятельство мы заимствовали из жизни Корнелия [Непоса](#)⁷¹⁴, который, говоря о преторстве, пожалованном Ганнибалу по возвращении в Карфаген и заключении мира, утверждает, что это произошло через двадцать два года после того, как он был назначен [царем](#)⁷¹⁵.

Как только Ганнибал стал полководцем, он, словно ему была отведена Италия [pg 194] и он уже тогда был назначен воевать с римлянами, тайне обратил все свои взгляды на эту сторону и не терял времени, боясь, что ему помешает смерть, как его отцу и шурину. В Испании он взял несколько сильных городов и покорил множество народов; и хотя испанцы значительно превосходили его по численности (их армия насчитывала до ста тысяч человек), он так разумно выбрал время и место, что полностью разгромил их. После этой победы все покорило его оружие. Но он все еще не осаждал [Сагунтум](#)⁷¹⁶, тщательно избегая любого повода для разрыва с римлянами, пока не предпринял все шаги, которые считал необходимыми для столь важного предприятия, в соответствии с советом, данным ему его отцом. Он особенно старался заручиться расположением граждан и союзников и завоевать их доверие, щедро выделяя им большую долю награбленного у врага и неукоснительно выплачивая все их [долги](#)⁷¹⁷ - мудрый шаг, который никогда не перестает приносить свои плоды в подходящее время.

Сагунтинцы, понимая опасность, которая им угрожала, сообщили римлянам о ходе завоеваний Ганнибала.⁷¹⁸ После этого последние назначили депутатов и приказали им отправиться и

ознакомиться с положением дел на месте; они также велели им изложить свои жалобы Ганнибалу, если это будет сочтено нужным, а если он откажет в справедливости, то пусть они отправляются прямо в Карфаген и подают те же жалобы.

Тем временем Ганнибал осадил Сагунтум, предвидя, что взятие этого города принесет большие выгоды. Он был убежден, что это лишит римлян всех надежд на продолжение войны в Испании; что это новое завоевание закрепит те, которые он уже совершил; что поскольку за его спиной не останется врагов, его поход будет более [pg 195] безопасным и неохранным; что в нем он найдет достаточно денег для осуществления своих замыслов; что разграбление города воодушевит его солдат и заставит их следовать за ним с большим рвением; что, наконец, трофеи, которые он отправит в Карфаген, завоюют ему расположение горожан. Движимый этими мотивами, он продолжал осаду с максимальной энергией. Он сам подавал пример своим войскам, присутствовал при всех работах и подвергал себя величайшим опасностям.

Вскоре в Рим пришла весть о том, что Сагунтум осажден. Но римляне, вместо того чтобы поспешить на помощь, теряли время в бесплодных спорах и столь же бесплодных депутациях. Ганнибал послал римским депутатам известие, что ему недосуг их выслушать; тогда они отправились в Карфаген, но не встретили там лучшего приема: барцинская фракция одержала верх над жалобами римлян и всеми уговорами Ганно.

Во время всех этих путешествий и переговоров осада продолжалась с большой энергией. Теперь сагунтинцы были доведены до последней крайности и испытывали нужду во всех вещах. После этого было предложено соглашение; но условия, на которых оно было предложено, оказались настолько суровыми, что сагунтинцы не смогли заставить себя принять их. Прежде чем дать окончательный ответ, главные сенаторы, принеся на рыночную площадь свое золото и серебро, а также золото и серебро из государственной казны, бросили их в зажженный для этой цели костер, а затем сами бросились в него головой вперед. В то же время башня, которую долгое время штурмовали таранами, с ужасным шумом рухнула, и карфагеняне вошли в город через пролом, вскоре стали его хозяевами и изрубили на куски всех жителей, которые были в возрасте и могли носить оружие. Но, несмотря на пожар, карфагенянам досталась очень большая добыча. Ганнибал не оставлял себе ни части трофеев, полученных в результате побед, а использовал их исключительно для осуществления своих предприятий. Так, Полибий замечает, что взятие Сагунтума пошло ему на пользу, так как пробудило пыл его солдат видом богатой добычи, которую они только что получили, и надеждами на еще большую; и примирило всех главных лиц Карфагена [pg 196] с Ганнибалом, благодаря большим подаркам, которые он сделал им из добытого.

Словами не выразить той скорби и оцепенения, с которыми в Риме встретили меланхолическое известие о взятии и жестокой судьбе [Сагунтума](#)⁷¹⁹. Сострадание к этому несчастному городу, стыд за то, что не смогли оказать помощь столь верным союзникам, справедливое негодование против карфагенян, виновников всех этих бедствий; сильная тревога, вызванная успехами Ганнибала, которого римляне, как им казалось, уже видели у своих ворот; Все эти чувства вызвали столь сильное волнение, что в первые минуты своего волнения римляне не могли прийти ни к какому решению, ни сделать ничего, кроме как поддаться потоку своей страсти и принести потоки слез в память о городе, который пал жертвой своей нерушимой [верности](#)⁷²⁰ римлянам и был предан их безотчетной лени и неосмотрительным промедлением. Когда они немного пришли в себя, было созвано народное собрание, и единогласно было принято решение о войне против карфагенян.

Чтобы не было никаких церемоний, в Карфаген были посланы депутаты, чтобы узнать, был ли Сагунтум осажден по приказу республики, и если да, то объявить войну; если же осада была

предпринята исключительно по приказу Ганнибала, то потребовать, чтобы он был выдан [римлянам](#)⁷²¹. Депутаты, видя, что сенат не дает прямого ответа на их требования, один из них, взяв в руки откинутый край своей мантии, сказал: "Я приношу сюда, - говорит он надменным тоном, - либо мир, либо войну; выбор остается за вами". Сенат отвечает, что оставляет выбор за ним: "Тогда я даю вам войну", - говорит он, разворачивая свою мантию. "И мы, - отвечали карфагеняне с той же надменностью, - так же сердечно принимаем ее и с той же бодростью намерены ее вести". Так началась вторая Пуническая война.

Если причиной этой войны следует считать взятие Сагунтума, то вся вина, говорит [Полибий](#)⁷²², лежит на карфагенянах, которые не могли ни под каким благовидным предлогом осадить город, находившийся в союзе с Римом и, как таковой, включенный в договор, запрещавший одной стороне вести войну против союзников другой. Но если проследить происхождение этой войны выше и отнести ее к тому времени, когда карфагеняне были лишены римлянами Сардинии и на них была так необоснованно наложена новая дань, то следует признать, продолжает Полибий, что поведение римлян совершенно неоправданно по этим двум пунктам, как основанное только на насилии и несправедливости; И если бы карфагеняне, не прибегая к двусмысленным и легкомысленным притязаниям, прямо потребовали удовлетворения этих двух претензий и, получив отказ, объявили войну Риму, то в этом случае разум и справедливость были бы полностью на их стороне.

Интервал между завершением первой и началом второй Пунической войны составил двадцать четыре года.

3787 Г. Н.Э. А. Carth. 629. А. Rom. 531. Ant. J.C. 217.

Начало Второй Пунической войны. Когда война была решена и объявлена с обеих сторон, Ганнибал, которому тогда было двадцать шесть или двадцать семь лет, прежде чем он открыл свой великий замысел, счел необходимым обеспечить безопасность Испании и Африки.⁷²³ С этой целью он перебросил войска из одной страны в другую, так что африканцы служили в Испании, а испанцы - в Африке. К этому его побудило убеждение, что эти солдаты, находясь на расстоянии от своих стран, будут лучше служить и сильнее привяжутся к нему, поскольку станут своего рода заложниками верности друг друга. Силы, которые он оставил в Африке, составляли около сорока тысяч человек, двенадцать сотен из которых были кавалерией. Испанские войска насчитывали около пятнадцати тысяч человек, из которых две тысячи пятьсот пятьдесят были конными. Командование испанскими войсками он передал своему брату Асдрубалу с флотом из примерно шестидесяти кораблей для охраны побережья; в то же время он дал ему самые мудрые указания относительно его поведения, будь то в отношении испанцев или римлян, если они нападут на него.

Ливий отмечает, что Ганнибал, прежде чем отправиться в эту [pg 198] экспедицию, отправился в Кадис, чтобы исполнить некоторые обеты, которые он дал Геркулесу; и что он связал себя новыми обетами, чтобы добиться успеха в войне, которую он начинал. Полибий в нескольких словах дает [нам](#)⁷²⁴ очень четкое представление о расстоянии между несколькими местами, через которые Ганнибал должен был пройти на пути в Италию. От Нового Карфагена, откуда он отправился в путь, до Ибера было две тысячи двести вёрст.⁷²⁵⁷²⁶ От Ибера до Эмпориума, небольшого приморского города, отделяющего Испанию от галлов, по словам Страбона,⁷²⁷ было шестнадцать сотен вёрст.⁷²⁸ От Эмпориума до перевала Роны - шестнадцать сотен фурлонгов.⁷²⁹ От перевала Роны до Альп - четырнадцать сотен фурлонгов.⁷³⁰ От Альп до равнин Италии - двенадцать сотен фурлонгов.⁷³¹ Таким образом, от Нового Карфагена до равнин Италии было восемь тысяч фурлонгов.⁷³²

Ганнибал задолго до этого предусмотрительно ознакомился с природой и положением мест, через которые ему предстояло [пройти](#)⁷³³ ; узнал, как галлы относятся к римлянам; покорил своей щедростью их вождей, которые, как он знал, были очень жадны до [золота](#)⁷³⁴ ; обеспечил себе расположение и верность одной части народов, через страну которых пролегал его поход. Он не знал, что переход через Альпы будет сопряжен с большими трудностями; но он знал, что они не являются непреодолимыми, и этого было достаточно для его цели.

Ганнибал начал свой поход ранней весной из Нового Карфагена, где он зимовал.⁷³⁵ Его армия насчитывала тогда более ста тысяч человек, из которых двенадцать тысяч составляла конница, и у него было около сорока слонов. Переправившись через Ибер, он вскоре покорил несколько народов, противостоявших ему в походе, и потерял в этой экспедиции значительную часть своей армии. Он оставил Ханно командовать всей страной [pg 199] , лежащей между Ибером и Пиренейскими холмами, с одиннадцатью тысячами человек, которые были назначены охранять багаж тех, кто должен был следовать за ним. Он уволил еще столько же, отправив их в свои страны; таким образом он обеспечил себе их расположение, когда ему понадобится пополнение, а остальным дал надежду на то, что им будет позволено вернуться, когда они этого захотят. Он миновал Пиренейские холмы и продвинулся до берегов Роны во главе пятидесяти тысяч пеших и девяти тысяч конных; грозная армия, но не столько по численности, сколько по доблести составлявших ее воинов; воины, прослужившие несколько лет в Испании и научившиеся военному искусству под началом самых умелых капитанов, которыми когда-либо мог похвастаться Карфаген.

Переход через Рону.⁷³⁶ Ганнибал, находясь в четырех днях пути от устья Роны, попытался переправиться через нее, так как река в этом месте занимала только ширину своего русла.⁷³⁷ Он скупил все корабли и небольшие суда, какие только мог встретить, которых у жителей было великое множество, так как они занимались торговлей. Кроме того, он с большим усердием построил огромное количество лодок, маленьких судов и плотов. Прибыв на место, он обнаружил, что галлы расположились лагерем на противоположном берегу и готовы оспаривать проход. Атаковать их спереди не было никакой возможности. Поэтому он приказал значительному отряду своих войск под командованием Ханно, сына Бомилькара, перейти реку выше; а чтобы скрыть от врага свой поход и задуманный им план, он обязал их отправиться в путь ночью. Все прошло так, как он задумал, и на следующий день они перешли [реку](#)⁷³⁸ без малейшего сопротивления.

Остаток дня они провели, освежаясь, а ночью бесшумно двинулись навстречу врагу. Утром, когда были поданы условленные сигналы, Ганнибал приготовился к переправе. Часть его лошадей, полностью запряженных, была посажена в лодки, чтобы их всадники, высадившись, могли сразу же броситься на врага. Остальные [pg 200] лошади поплыли по обе стороны лодок, из которых один человек держал уздечки трех или четырех. Пехота переправлялась через реку либо на плотках, либо в маленьких лодках, а также в своеобразных гондолах, которые представляли собой лишь стволы деревьев, которые они сами делали полыми. Большие лодки выстроились в линию в верхней части канала, чтобы разбить силу волн и облегчить проход остальным частям небольшого флота. Когда галлы увидели его надвигающимся на реку, они, по своему обычаю, издали ужасные крики и вой, и, столкнув свои заступы над головами, один против другого, выпустили в них целый ливень дротиков. Но как же они были поражены, когда услышали позади себя сильный шум, увидели, что их палатки горят, а сами они атакованы и спереди, и сзади. Теперь у них не оставалось иного способа спастись, кроме бегства, и они отступили в свои деревни. После этого остальные войска спокойно и без сопротивления переправились через реку.

Только слоны доставили много хлопот. На следующий день их переправили следующим образом. С берега реки был сброшен плот, двести футов в длину и пятьдесят в ширину; он был крепко

привязан к берегу большими канатами и полностью засыпан землей, так что слоны, обманутые его видом, думали, что находятся на твердой земле. От этого первого плота перешли ко второму, построенному в той же форме, но только сто футов в длину, и прикрепленному к первому цепями, которые легко отвязывались. На первый плот сажали слонов-самок, за ними следовали самцы; когда они садились на второй плот, его отвязывали от первого и с помощью небольших лодок буксировали к противоположному берегу. После этого его отправили обратно за теми, кто остался позади. Некоторые падали в воду, но в конце концов они благополучно добрались до берега, и ни один слон не утонул.

Марш после битвы при Роне. Два римских консула в начале весны отправились в свои провинции⁷³⁹: П. Сципион - в Испанию с шестьюдесятью кораблями, двумя римскими легионами, четырнадцатью тысячами пеших и двенадцатью сотнями конных союзников; Тиберий Семпроний - в Сицилию с [pg 201] сотней и шестьюдесятью кораблями, двумя легионами, шестнадцатью тысячами пеших и восемнадцатью сотнями конных союзников. Римский легион состоял на тот момент из четырех тысяч пеших и трехсот конных. Семпроний сделал чрезвычайные приготовления в Лилибее, портовом городе на Сицилии, намереваясь переправиться прямо в Африку. Сципион был так же уверен, что застанет Ганнибала в Испании и сделает эту страну местом военных действий. Но он был сильно удивлен, когда по прибытии в Марсель ему сообщили, что Ганнибал находится на берегу Роны и готовится переправиться через нее. Тогда он выделил триста лошадей, чтобы осмотреть позицию врага; Ганнибал выделил пятьсот нумидийских лошадей для той же цели; во время этого некоторые из его солдат были заняты тем, что перегоняли слонов.

В это же время он в присутствии всей своей армии дал аудиенцию одному из князей той части Галлии, которая расположена у реки По, который через переводчика заверил его от имени своих подданных, что его прибытия ждут с нетерпением, что галлы готовы присоединиться к нему и выступить против римлян, а сам он предложил провести свою армию через места, где они встретят обильный запас провизии. Когда принц удалился, Ганнибал в речи, обращенной к своим войскам, чрезвычайно превознес эту депутацию от галлов, справедливо похвалил храбрость, которую его войска проявили до сих пор, и призвал их до последнего сохранять свою репутацию и славу. Воины, вдохновленные новым пылом и мужеством, все сразу подняли руки и заявили о своей готовности следовать за ним, куда бы он ни направил свой путь. Поэтому он назначил следующий день для похода и, принеся обеты и обратившись с мольбами к богам о безопасности своих войск, отпустил их, желая, чтобы они приняли необходимые прохладительные напитки.

В это время вернулись нумидийцы. Они встретили и схватились с римским отрядом: конфликт был очень упорным, а резня - большой, учитывая малочисленность сражающихся. Сто шестьдесят римлян остались мертвыми на месте, а более двухсот их врагов. Но честь этой стычки выпала [pg 202] римлянам; нумидийцы отступили и оставили им поле боя. Это первое действие было истолковано как [предзнаменование](#)⁷⁴⁰ судьбы всей войны и, казалось, обещало римлянам успех, который, однако, будет дорого куплен и сильно оспариваться. С обеих сторон те, кто уцелел в этой схватке и занимался разведкой, вернулись, чтобы сообщить своим генералам о том, что они обнаружили.

Ганнибал, как он и заявлял, на следующий день отступил и, пройдя через Галлию, двинулся на север; не потому, что это был кратчайший путь к Альпам, а только потому, что, ведя его от моря, он предотвращал встречу со Сципионом и тем самым способствовал осуществлению его замысла - направить все свои силы в Италию, не ослабив их сражением.

Хотя Сципион шел с максимальной быстротой, он достиг места, где Ганнибал перешел Рону, только через три дня после того, как отправился от нее. Отчаявшись догнать его, он вернулся к

своему флоту и вернулся на корабль, решив ждать Ганнибала у подножия Альп. Но чтобы не оставлять Испанию беззащитной, он отправил туда своего брата Кнея с большей частью войска, чтобы тот выступил против Асдрубала, а сам немедленно отправился в Геную, намереваясь противопоставить армию, находившуюся в Галлии, у По, армии Ганнибала.

Последний, после четырехдневного марша, прибыл на своеобразный остров, образованный [слиянием741](#) двух рек, которые соединяют свои потоки в этом месте. Здесь он был избран третейским судьей между двумя братьями, оспаривавшими право на царство. Тот, кому Ганнибал уступил его, снабдил всю свою армию провизией, одеждой и оружием. Это была страна [pg 203] аллоброгов, под этим именем назывался народ, который сейчас населяет округ Женевы, [742](#) Вьенны и Гренобля. Его поход почти не прерывался, пока он не добрался до Дюранса, а оттуда без всякого сопротивления достиг подножия Альп.

Переход через Альпы... Вид этих гор, вершины которых, казалось, касались неба и были покрыты снегом, и где взору не представало ничего, кроме нескольких жалких домиков, разбросанных тут и там на острых вершинах недоступных скал; ничего, кроме скудных стад, почти погибших от холода, и волосатых людей дикого и свирепого вида; это зрелище, скажу я, вновь вызвало ужас, который наводила далекая перспектива, и леденило страхом сердца [солдат743](#). Когда они начали подниматься вверх, то увидели горцев, которые ухватились за самые высокие скалы и были готовы противостоять их прохождению. Поэтому они были вынуждены остановиться. Если бы горцы, говорит Полибий, только затаились в засаде и, дав войскам Ганнибала запутаться в сложном проходе, внезапно напали на них, карфагенская армия была бы безвозвратно потеряна. Ганнибал, узнав, что они держат эти посты только днем, а покидают их вечером, овладел ими ночью. Галлы, вернувшись рано утром, были очень удивлены, обнаружив, что их посты находятся в руках врага, но все же не пали духом. Привыкнув взбираться на эти скалы, они напали на карфагенян, находившихся на марше, и преследовали их со всех сторон. Последние были вынуждены одновременно и вступать в бой с врагом, и бороться с труднопроходимыми горными тропами, на которых они едва могли устоять. Но наибольший беспорядок вносили лошади и тягловые животные, нагруженные поклажей; они, напуганные криками и воем галлов, которые страшным эхом разносились по горам, а иногда и раненые горцами, налетали на солдат и увлекали их за собой вниз по обрывам, окаймлявшим дорогу. Ганнибал, понимая, что одной только потери багажа достаточно, чтобы уничтожить его армию, бросился на помощь своим войскам, оказавшимся в таком затруднительном положении, и, обратив врага в бегство, продолжил свой поход без помех и опасностей и подошел к замку, который был самой важной крепостью во всей стране. Он овладел им и всеми соседними деревнями, в которых нашел большое количество кукурузы и скота, достаточное, чтобы прокормить армию три дня.

После довольно спокойного похода карфагенянам предстояло столкнуться с новой опасностью. Галлы, желая воспользоваться несчастьями своих соседей, пострадавших из-за противодействия прохождению войск Ганнибала, пришли засвидетельствовать свое почтение генералу, принесли ему провизию, предложили быть его проводниками и оставили заложников в качестве залога своей верности. Однако Ганнибал не слишком доверял им. Слоны и лошади шли впереди, а сам он следовал с основной массой пеших, бдительно следя за всеми. Вскоре они подошли к очень узкому и труднопроходимому проходу, над которым возвышалась возвышенность, где галлы устроили засаду. Они внезапно бросились на карфагенян со всех сторон, обрушивая на них камни огромных размеров. Армия была бы полностью разбита, если бы Ганнибал не предпринял необычайных усилий, чтобы вывести ее из этого затруднения.

Наконец, на девятый день они достигли вершины Альп. Здесь армия остановилась на два дня, чтобы отдохнуть и освежиться после усталости, после чего продолжила свой поход. Поскольку на дворе стояла осень, за последнее время выпало большое количество снега, покрывшего все

дороги, что вызвало смятение в войсках и сильно их обескуражило. Ганнибал заметил это и, остановившись на холме, с которого открывался вид на всю Италию, показал им плодородные [равнины](#)⁷⁴⁴, орошаемые рекой По, к которым они уже почти подошли, добавив, что им осталось сделать еще одно усилие, прежде чем они доберутся до них. Он представил им, что одна-две битвы положат славный конец их трудам и обогатят их навеки, подарив им владение столицей Римской империи. Эта речь, наполненная такими [pg 205] приятными надеждами и подкрепленная видом Италии, вдохнула в удрученных солдат новые силы и бодрость. Поэтому они продолжили свой марш. Но дорога была еще более извилистой и трудной, чем прежде; а поскольку теперь они шли под уклон, трудности и опасности возрастали. Ибо пути были узкими, крутыми и скользкими в большинстве мест, так что солдаты не могли ни удержаться на ногах во время марша, ни оправиться, когда делали неверный шаг, но спотыкались и били друг друга.

Теперь они подошли к месту, хуже которого еще не встречали. Это был путь, естественно, очень изрезанный и скалистый, который, будучи еще более усугубленным недавним оползнем земли, заканчивался страшной пропастью глубиной более тысячи футов. Здесь кавалерия остановилась. Ганнибал, удивленный этой внезапной остановкой, подбежал к этому месту и увидел, что продвигаться вперед войскам действительно невозможно. Поэтому он стал прокладывать кружной путь, но и это оказалось невыполнимым. Так как на старом снегу, который затвердел от долгого лежания, лежал новый, не очень глубокий, то ноги, погружаясь в него, сначала находили твердую опору; Но этот снег вскоре растворился под шагами передовых отрядов и тягловых животных, и солдаты шли по льду, который был настолько скользким, что у них не было твердой опоры, и где, если они делали хоть малейший неверный шаг или пытались спастись руками или коленями, не было ни сучьев, ни корней, за которые можно было бы ухватиться. Кроме того, лошади, с силой упираясь ногами в лед, чтобы не провалиться, не могли вытащить их обратно, а попадали как в джин. Поэтому они были вынуждены искать другой выход.

Ганнибал решил разбить свой лагерь и дать своим войскам несколько дней отдыха на вершине этого холма, имевшего значительную протяженность; после того как они расчистят землю и уберут весь старый и новый снег, что было делом огромного труда. Затем он приказал прорубить тропу в самой скале, и эта работа велась с удивительным терпением и усердием. Чтобы открыть и расширить этот путь, все деревья в округе были срублены и свалены вокруг скалы, после чего их подожгли. Ветер, по [pg 206] удаче, дул сильно, и вскоре вспыхнуло яростное пламя, так что скала засверкала, как угли, которыми она была окружена. Тогда Ганнибал, если верить Ливию (Полибий ничего не говорит об этом), вылил на камень большое количество [уксуса](#)⁷⁴⁵, который, попав в жилы камня, растрескавшиеся от сильного жара огня, прокалил и размягчил его. Таким образом, взяв с собой большой компас, чтобы облегчить спуск, они прорубили вдоль скалы проход, открывший свободный проход для войск, багажа и даже для слонов. На эту работу было потрачено четыре дня, в течение которых носильные животные умирали от голода: в этих горах, погребенных под вечными снегами, для них не было пищи. Наконец они попали в возделанные и плодородные места, где было много корма для лошадей и всевозможной пищи для солдат.

Когда Ганнибал вступил в Италию, его армия была не столь многочисленна, как при выходе из Испании, где, как мы видели, она насчитывала около шестидесяти тысяч человек.⁷⁴⁶ Во время похода она понесла большие потери либо в сражениях, которые пришлось вести, либо при переправе через реки. При отходе от Роны она все еще состояла из тридцати восьми тысяч пеших и более восьми тысяч конных. Поход через Альпы уничтожил почти половину этого числа; таким образом, у Ганнибала осталось всего двенадцать тысяч африканцев, восемь тысяч пеших испанцев и шесть тысяч конных. Этот отчет он сам приказал выгравировать на столбе у мыса под названием Лациниум. Прошло пять с половиной месяцев с момента его первого выхода из Нового Карфагена,

включая две недели, которые он потратил на поход через Альпы, когда он установил свои штандарты на равнинах По, у входа в Пьемонт. На дворе был сентябрь.

Первой его заботой было дать своим войскам отдых, которого они очень хотели. Когда он убедился, что они готовы к [pg 207] действиям, жители территорий [Турина](#)⁷⁴⁷ отказались заключить с ним союз, он выступил в поход и расположился лагерем перед их главным городом; взял его за три дня и предал мечу всех, кто ему противостоял. Этот поход навел на варваров такой ужас, что все они добровольно пришли и сдались по собственному желанию. Так же поступили бы и остальные галлы, если бы их не устрасил ужас перед римским оружием, которое теперь приближалось. Поэтому Ганнибал решил, что ему нельзя терять времени, что в его интересах совершить поход в эту страну и попытаться совершить какой-нибудь великий подвиг, который мог бы внушить доверие тем, кто склонен присоединиться к нему.

Быстрое продвижение Ганнибала сильно встревожило Рим и вызвало крайнее смятение во всем городе. Семпронию было приказано покинуть Сицилию и поспешить на помощь своей стране, а П. Сципион, другой консул, форсированным маршем двинулся навстречу врагу, переправился через По и разбил свой лагерь у Тицина.⁷⁴⁸

Битва кавалерии у Тицина.⁷⁴⁹ Армии были в поле зрения, и генералы каждой стороны обратились к своим солдатам с речью, прежде чем вступить в бой.⁷⁴⁹ Сципион, рассказав своим войскам о славе их страны и достижениях их предков, заметил им, что победа в их руках, поскольку им предстоит сразиться только с карфагенянами, народом, который так часто терпел от них поражения, а также вынужден был быть их данником в течение двадцати лет и давно привык быть почти их рабами: что преимущество, которое они получили над цветком карфагенской лошади, является верным предзнаменованием их успеха в течение всей остальной войны: что Ганнибал во время похода через Альпы незадолго до этого потерял лучшую часть своей армии, а те, кто остался в живых, были измождены голодом, холодом и усталостью; что одного взгляда римлян было достаточно, чтобы обратить в бегство кучу солдат, которые были похожи скорее на призраков, чем на людей: словом, победа стала необходима не только для того, чтобы обезопасить Италию, [pg 208] но и для спасения самого Рима, судьбу которого решала нынешняя битва, поскольку у этого города не было другой армии, чтобы противостоять врагу.

Ганнибал, чтобы его слова произвели более сильное впечатление на грубые умы своих солдат, говорит с ними глазами, прежде чем обратиться к их ушам; и не пытается убедить их аргументами, пока не тронет их следующим зрелищем. Он вооружает некоторых пленников, захваченных им в горах, и заставляет их сражаться по двое на виду у его армии, обещая наградить победителей свободой и богатыми подарками. То, с какой готовностью эти варвары вступают в бой по этим мотивам, дает Ганнибалу повод показать своим солдатам живое представление об их нынешнем состоянии, которое, лишая их всякой возможности вернуться назад, ставит их перед необходимостью либо победить, либо умереть, чтобы избежать бесконечных бед, уготованных тем, кто окажется настолько подлым и трусливым, чтобы подчиниться римлянам. Он показывает им величие их награды: завоевание всей Италии, разграбление богатого и изобильного города Рима, блестящая победа и бессмертная слава. Он презрительно отзывается о римской державе, ложный блеск которой, по его мнению, не должен был ослеплять таких воинов, как они, прошедших от столпов Геркулеса, через самые свирепые народы, в самый центр Италии. Что касается его самого, то он не желает сравнивать себя со Сципионом, полководцем, прослужившим всего шесть месяцев: он сам, почти родившийся, по крайней мере, воспитанный в палатке отца Гамилькара; покоритель Испании, Галлии, жителей Альп и, что еще более важно, покоритель самих Альп. Он возбуждает их негодование против дерзости римлян, осмелившихся требовать, чтобы он сам и остальные, взявшие Сагунтум, были отданы им; возбуждает их ревность

против нестерпимой гордыни этих властолюбивых повелителей, возомнивших, что все должно им повиноваться и что они вправе устанавливать законы для всего мира.

После этих речей обе стороны готовятся к бою. Сципион, перекинув мост через Тицин, двинул свои войска [pg 209] по нему. Два дурных [предзнаменования750](#) привели его армию в смятение и ужас. Что касается карфагенян, то они были воодушевлены самой смелой отвагой. Ганнибал воодушевляет их свежими обещаниями; расколов камнем череп ягненка, которого он приносил в жертву, он молит Юпитера разбить на куски его голову, если он не даст своим солдатам обещанных им наград.

Сципион выставляет в первой линии войска, вооруженные стрелковым оружием, и галльских коней, а вторую линию формирует из цветков конницы конфедератов и медленно продвигается вперед. Ганнибал выступил со всей своей кавалерией, в центре которой разместил всадников с уздечками, а на флангах - нумидийских [всадников751](#), чтобы окружить врага. Офицеры и конница, желая вступить в бой, начинают атаку. Легковооруженные солдаты Сципиона при первой атаке едва успели выпустить дротики, как, испугавшись карфагенской конницы, хлынувшей на них, и опасаясь, как бы их не растоптали ногами лошади, уступили дорогу и отступили через промежутки между эскадронами. Бой продолжался долгое время с одинаковым успехом. Многие воины с обеих сторон разошлись, так что сражение велось как между пехотой, так и между конницей. Тем временем нумидийцы окружили противника, зашли в тыл легковооруженным войскам, которые поначалу избежали атаки кавалерии, и растоптали их ногами своих лошадей. Центр римских войск до этого сражался очень храбро. Многие были убиты с обеих сторон, и еще больше - со стороны карфагенян. Но римские войска были приведены в беспорядок нумидийцами, напавшими на них с тыла, и особенно раной, полученной консулом, которая лишила его возможности продолжать бой. Однако этот полководец был спасен из рук врага благодаря храбрости своего сына, которому тогда было всего семнадцать лет, и который впоследствии был удостоен фамилии Африкан за то, что положил славный конец этой войне.

[pg 210]

Консул, хотя и был опасно ранен, отступил в полном порядке и был доставлен в свой лагерь конным отрядом, который прикрыл его своим оружием и телами; остальная армия последовала за ним. Он поспешил к По, которую перешел со своей армией, а затем разрушил мост, тем самым не дав Ганнибалу догнать его.

По общему мнению, этой первой победой Ганнибал был обязан своей кавалерии; с тех пор считалось, что главная сила его армии заключается в лошадях, и поэтому римлянам следовало бы избегать больших открытых равнин, таких, как между По и Альпами.

Сразу же после битвы при Тицине все соседние галлы, похоже, стали спорить, кто первым подчинится Ганнибалу, снабдит его боеприпасами и запишется в его армию. Именно это, как заметил Полибий, и побудило этого мудрого и искусного полководца, несмотря на малочисленность и слабость его войска, рискнуть на битву, на которую он был вынужден решиться из-за невозможности отступить, когда бы он этого ни пожелал; ведь ничто, кроме битвы, не заставило бы галлов объявить ему, что помощь - единственное убежище, которое у него тогда оставалось.

Битва при Требии. Консул Семпроний по приказу сената вернулся из Сицилии в Ариминум. [752](#) Оттуда он двинулся к Требии, небольшой реке Ломбардии, которая впадает в По немного выше Плаценции, где соединил свои силы со Сципионом. Ганнибал продвигался к лагерю римлян, от которого его отделяла только эта небольшая река. Армии, лежавшие так близко друг от друга, давали повод к частым стычкам, в одной из которых Семпроний во главе конного корпуса получил

некоторое преимущество над отрядом карфагенян, очень незначительное, но, тем не менее, очень усилившее хорошее мнение этого генерала о своих заслугах.

Этот незначительный успех показался ему полной победой. Он хвастался тем, что победил врага в том же бою, в котором был повержен его коллега [pg 211] , и что тем самым возродил мужество удрученных римлян. Теперь, решительно настроившись как можно скорее перейти к решающему сражению, он счел нужным ради приличия посоветоваться со Сципионом, который, как он выяснил, был совершенно иного мнения, чем он сам. Сципион заявил, что если зимой дать время на дисциплинирование новых войск, то они будут гораздо лучше готовы к службе в предстоящей кампании; что галлы, непостоянные от природы, незаметно отшатнутся от Ганнибала; что, как только его раны заживут, его присутствие может оказаться полезным в столь важном деле; словом, он убедительно просил его не предпринимать никаких дальнейших действий.

Эти доводы, хотя и столь справедливые, не произвели на Семпрония никакого впечатления. Он видел себя во главе шестнадцати тысяч римлян и двадцати тысяч союзников, не считая конницы (число, которое в те времена составляло полноценную армию), когда оба консула соединили свои силы. Войска противника составляли примерно столько же. Он счел ситуацию чрезвычайно благоприятной для себя. Он публично заявил, что все офицеры и солдаты желают сражения, кроме своего коллеги, чей разум, как он заметил, больше страдал от раны, чем тело, не мог по этой причине вынести известий о сражении. Но все же, продолжал Семпроний, справедливо ли позволять всей армии падать духом и томиться вместе с ним? Чего еще мог ожидать Сципион? Неужели он льстил себя надеждой, что третий консул и новая армия придут ему на помощь? Такие выражения он употреблял и среди солдат, и даже в палатке Сципиона. Приближалось время выборов новых генералов, и Семпроний боялся, что преемника пришлют раньше, чем он положит конец войне; поэтому он считал, что должен воспользоваться болезнью своего коллеги, чтобы обеспечить себе всю честь победы. Так как, по словам Полибия, он не обращал внимания на время, подходящее для действий, а только на то, которое, по его мнению, соответствовало его собственным интересам, он не мог не принять неверных мер. Поэтому он приказал своей армии готовиться к битве.

Ганнибал желал именно этого; он считал непреложным, что полководцу, вступившему в чужую страну или [pg 212] ту, которой владеет враг, и замыслившему нечто великое, не остается иного убежища, как постоянно возбуждать ожидания своих союзников какими-то новыми подвигами. Кроме того, зная, что ему придется иметь дело с только что набранными и неопытными войсками, он хотел воспользоваться пылом галлов, которые очень хотели сражаться, и отсутствием Сципиона, который из-за раны не мог присутствовать в битве. Поэтому Маго было приказано с двумя тысячами человек, конных и пеших, расположиться в засаде на крутом берегу небольшого ручья, протекавшего между двумя лагерями, и укрыться среди густого кустарника. Засада часто бывает безопаснее на ровной открытой местности, но полной зарослей, как это было в данном случае, чем в лесу, потому что в таком месте меньше шансов быть заподозренным. После этого он приказал отряду нумидийской конницы переправиться через Требию с приказом продвинуться с рассветом до самых границ вражеского лагеря, чтобы спровоцировать их на бой, а затем отступить и снова перейти реку, чтобы увлечь за собой римлян. То, что он предвидел, сбылось. Пламенный Семпроний немедленно направил против нумидийцев всю свою конницу, а затем шесть тысяч легковооруженных воинов, за которыми вскоре последовала вся остальная армия. Нумидийцы бросились в бегство; римляне преследовали их с большим рвением и переправились через Требию без сопротивления, но не без больших трудностей: им пришлось переходить реку вброд до самых подмышек, которая была залита потоками, обрушившимися ночью с соседних гор. Дело было в день зимнего солнцестояния, то есть в декабре. В тот день выпал снег, и холод был очень пронзительным. Римляне покинули свой лагерь, не приняв ни малейших мер

предосторожности; карфагеняне же, по приказу Ганнибала, обильно поели и попили в своих палатках, подготовили коней, натерлись маслом и надели доспехи у костра.

Таким образом, они были готовы к началу боя. Римляне доблестно защищались в течение значительного времени, хотя и были наполовину измождены голодом, усталостью и холодом; но их конница была наконец разбита и обращена в бегство карфагенян, которые значительно превосходили их по численности и силе. Пехота также вскоре была в большом беспорядке. Солдаты, сидевшие в засаде, выскочив в нужное время, внезапно бросились им в тыл и довершили разгром. Более десяти тысяч человек решительно пробивались через галлов и африканцев, которых они страшно перебили; но поскольку они не могли ни помочь своим друзьям, ни вернуться в лагерь, так как путь к нему был отрезан нумидийскими конями, рекой и дождем, они в полном порядке отступили в Плацентию. Большинство оставшихся погибли на берегу реки, растоптанные слонами и лошадьми. Те, кому удалось спастись, присоединились к вышеупомянутому отряду. На следующую ночь Сципион также удалился в Плаценцию. Карфагеняне одержали полную победу, а их потери были незначительны, если не считать того, что большое количество их лошадей погибло от холода, дождя и снега, а из всех их слонов они спасли только одного.

В Испании римляне добились большего успеха в этой и следующей [кампании](#)⁷⁵³, так как Кн. Сципион расширил свои завоевания до реки [Ибер](#)⁷⁵⁴, победил Ганно и взял его в плен.

Ганнибал воспользовался случаем, пока находился в зимних кварталах, чтобы освежить свои войска и завоевать расположение туземцев.⁷⁵⁵ Для этого, объявив пленникам, которых он взял у союзников римлян, что он пришел не для того, чтобы вести с ними войну, а чтобы вернуть италийцам свободу и защитить их от римлян, он отправил их всех домой, не требуя ни малейшего выкупа.

Не успела закончиться зима, как он отправился в [Тоскану](#)⁷⁵⁶, куда поспешил по двум важным причинам: во-первых, чтобы избежать дурных последствий, которые могли бы возникнуть из-за недоброжелательности галлов, уставших от долгого пребывания карфагенской армии на их территории и не желающих нести все бремя войны, в которую они вступили не иначе, как для того, чтобы перенести ее в страну их общего врага: во-вторых, чтобы каким-нибудь смелым подвигом повысить репутацию своего оружия в умах [pg 214] всех жителей Италии, доведя войну до самых ворот Рима; и в то же время оживить свои войска и галлов, своих союзников, грабежом вражеских земель. Но во время похода через Апеннины его настигла страшная буря, которая уничтожила огромное количество его людей. Холод, дождь, ветер и град, казалось, сговорились погубить его, так что усталость, которой подверглись карфагеняне при переходе через Альпы, показалась им менее ужасной, чем та, которую они испытывали сейчас. Поэтому он вернулся в Плаценцию, где снова сразился с Семпронием, вернувшимся из Рима. Потери с обеих сторон были почти равны.

Пока Ганнибал находился в этих зимних кварталах, ему пришла в голову настоящая карфагенская хитрость.⁷⁵⁷ Он был окружен переменчивыми и непостоянными народами: дружба, которую он с ними заключил, была совсем недавней. У него были основания опасаться перемены их настроения и, следовательно, покушения на его жизнь. Поэтому, чтобы обезопасить себя, он заказал перуки и одежду, подходящую для каждого возраста. Из них он иногда носил то одно, то другое; и так часто маскировался, что не только те, кто видел его лишь мимолетно, но даже его близкие знакомые едва могли узнать его.

В Риме Кн. Ганнибал, получив совет, что последний продвинулся уже до Арретия, города в Тоскане, решил как можно скорее отправиться и вступить с ним в бой. Ему показали два пути, и он выбрал самый короткий, хотя и самый трудный, более того, почти непроходимый, из-за болота, через которое ему пришлось идти. Здесь армия испытала невероятные трудности. В течение четырех дней и трех ночей они шли по полпути в воде и, как следствие, не могли ни на минуту уснуть. Сам Ганнибал, ехавший на единственном оставшемся у него слоне, с трудом пробирался вперед. Из-за долгого недосыпания и густых испарений, которые выдыхались из этого болотистого места, а также нездоровья, вызванного временем года, у него выпал один глаз.

Битва при Фрасимене.⁷⁵⁹ Таким образом, Ганнибал почти [pg 215] неожиданно вышел из этого опасного положения и, освежив свои войска, выступил в поход и разбил свой лагерь между Арретией и Фесулеей, в самой богатой и плодородной части Тосканы. Первым делом он попытался выяснить нрав Фламиния, чтобы использовать его слабые стороны, которые, по словам Полибия, должны быть главным занятием полководца. Ему сказали, что Фламиний был очень самодоволен, смел, предприимчив, опрометчив и любил славу. Чтобы еще больше ввергнуть его в эти крайности, к которым он был склонен от природы⁷⁶⁰, он воспламенил его буйный дух, разорив и спалив всю страну на его глазах.

Фламиний был не в том состоянии, чтобы бездействовать в своем лагере, даже если бы Ганнибал лежал неподвижно. Но когда он увидел, что территории его союзников опустели на его глазах, он решил, что это будет бесчестно по отношению к нему, если он позволит Ганнибалу бесконтрольно разграбить Италию и даже дойти до самых стен Рима, не встретив никакого сопротивления. Он с презрением отверг благоразумные советы тех, кто советовал ему дождаться прибытия своего коллеги и довольствоваться пока прекращением опустошительных действий врага.

Тем временем Ганнибал все еще продвигался к Риму, имея по левую руку Кортону, а по правую - Фрасименское озеро. Когда он увидел, что консул следует за ним, намереваясь дать ему сражение, чтобы остановить его на марше; заметив, что местность удобна для сражения, он подумал только о том, чтобы сделать приготовления к нему. Озеро Фрасимен и Кортонские горы образуют очень узкое дефиле, ведущее в большую долину, с обеих сторон окаймленную холмами значительной высоты и закрытую у выхода крутым труднодоступным холмом. На этот холм Ганнибал, пересекши долину, пришел и расположился лагерем с основной частью своей армии; разместив свою легковооруженную пехоту в засаде на холмах справа, а часть своей конницы - за холмами слева, почти до самого входа в дефиле, через который должен был пройти Фламиний. Соответственно, этот полководец, который очень охотно следовал за ним с намерением сразиться с ним, подойдя к [pg 216] дефиле у озера, был вынужден остановиться, потому что наступила ночь; но он вошел в него на следующее утро с рассветом.

Ганнибал позволил ему продвинуться со всеми своими силами более чем на половину долины и, увидев римский авангард довольно близко от себя, дал сигнал к бою и приказал своим войскам выйти из засады, чтобы атаковать врага одновременно со всех сторон. Читатель может догадаться, в каком замешательстве были римляне.

Они еще не успели выстроиться в боевой порядок и привести в готовность оружие, как оказались атакованы спереди, сзади и во фланг. В одно мгновение все ряды были приведены в беспорядок. Фламиний, оставшийся один неустрашимым в таком всеобщем смятении, воодушевляет своих солдат и рукой, и голосом, призывая их прорубить себе мечом проход в гуще врагов. Но из-за царившей повсюду суматохи, страшных криков врагов и поднявшегося тумана его не было ни видно, ни слышно. Однако когда римляне увидели, что окружены со всех сторон, либо врагом, либо озером, невозможность спасти свою жизнь бегством пробудила в них мужество, и обе стороны начали бой с удивительной враждебностью. Ярость их была столь велика, что ни один

солдат в обеих армиях не заметил землетрясения, которое произошло в той стране и погребло под руинами целые города. В этой суматохе, когда Фламиний был убит одним из инсубрийских галлов, римляне начали сдавать позиции и, наконец, окончательно обратились в бегство. Многие, пытаясь спастись, прыгали в озеро; другие, направляясь к горам, попадали в руки врага, которого старались избежать. Только шесть тысяч человек прорубили себе путь через завоевателей и отступили в безопасное место, но на следующий день были взяты в плен. В этой битве погибло пятнадцать тысяч римлян, а около десяти тысяч бежали в Рим разными дорогами. Ганнибал отправил латинян, которые были союзниками римлян, обратно в их страну, не потребовав ни малейшего выкупа. Он приказал разыскать тело Фламиния, чтобы похоронить его, но найти его не удалось. После этого он разместил свои войска в кварталах, где можно было подкрепиться, и устроил торжественные [pg 217] похороны тридцати своих главных офицеров, погибших в сражении. Всего он потерял пятнадцать сотен человек, большинство из которых были галлами.

Сразу же после этого Ганнибал отправил в Карфаген курьера с известием о своих успехах в Италии. Это вызвало величайшую радость в настоящем, породило самые многообещающие надежды на будущее и оживило мужество всех горожан. Теперь они с невероятным рвением готовились отправить в Италию и Испанию все необходимые подмоги.

Рим же, напротив, был охвачен всеобщей скорбью и тревогой, как только претор произнес с трибуны следующие слова: "Мы проиграли великую битву". Сенат, не заботясь ни о чем, кроме общественного благополучия, решил, что в случае столь великого бедствия и столь неотвратимой опасности необходимо прибегнуть к экстраординарным средствам. Поэтому они назначили диктатором Квинта Фабия, человека, который отличался не только мудростью, но и родовитостью. В Риме существовал обычай, согласно которому с момента назначения диктатора прекращалась всякая власть, за исключением власти народных трибунов. М. Минуций был назначен его конным генералом. Наступил второй год войны.

Поведение Ганнибала в отношении Фабия.⁷⁶¹ После битвы при Фрасимене [Ганнибал](#), не считая нужным идти прямо на Рим, довольствовался тем, что приводил страну в запустение. Он пересек Умбрию и Пиценум и после десятидневного марша прибыл в Адрию.⁷⁶² В этом походе ему досталась очень значительная добыча. Из непримиримой вражды к римлянам он приказал предать мечу всех, кто способен носить оружие; не встречая нигде препятствий, он продвинулся до Апулии, грабя страны, лежавшие на его пути, и неся опустошение везде, куда бы он ни пришел, чтобы вынудить народы отказаться от союза с римлянами и показать всей Италии, что сам Рим, теперь уже совершенно подавленный, уступил ему победу.

Фабий, за которым следовал Минуций с четырьмя легионами, выступил из Рима на поиски врага, но с твердой решимостью [pg 218] не дать ему ни малейшего преимущества, не продвинуться ни на шаг, пока он предварительно не разведает все места; не рисковать сражением, пока не будет уверен в успехе.

Как только обе армии оказались в поле зрения, Ганнибал, чтобы утешить римские войска, предложил им сражение, продвинувшись почти до самых укреплений их лагеря. Но, обнаружив, что там все спокойно, он отступил; внешне он винил трусость врагов, которых упрекал в том, что они наконец-то утратили доблесть, столь естественную для их предков; но внутренне он расстроился, обнаружив, что ему приходится иметь дело с полководцем, столь отличным по характеру от Семпрония и Фламиния, и что римляне, окрыленные поражением, наконец-то выбрали полководца, способного противостоять Ганнибалу.

С этого момента он понял, что диктатор будет грозен для него не смелостью своих атак, а благоразумием и регулярностью своего поведения, что может сильно озадачить и смутить его. Единственное обстоятельство, которое он теперь хотел знать, - хватит ли у нового генерала

твердости неуклонно следовать плану, который он, казалось, наметил. Поэтому он старался поколебать его решимость различными движениями, которые он предпринимал, опустошая земли, грабя города, сжигая деревни и поселки. В одно время он с величайшей поспешностью разбивал свой лагерь, а в другое останавливался в какой-нибудь долине в стороне от общего пути, чтобы проверить, не сможет ли он застать его врасплох на равнине. Однако Фабий все еще держал свои войска на холмах, не теряя Ганнибала из виду; он никогда не приближался настолько, чтобы вступить в бой, и все же держался на таком расстоянии, которое могло бы дать ему возможность ускользнуть от него. Он никогда не позволял своим солдатам выходить из лагеря, разве что на фураж, и то без многочисленного конвоя. Если он и вступал в бой, то только в незначительных стычках, причем очень осторожно, так что его войска всегда имели преимущество. Таким поведением он незаметно возродил мужество солдат, которое было полностью подавлено потерей трех сражений, и позволил им, как и прежде, полагаться на свою доблесть и удачу.

Ганнибал, получив огромную добычу в Кампании, где он прожил значительное время, покинул эту страну, чтобы [pg 219] не расходовать запасы провизии, которые он приберег на зимний сезон. Кроме того, он не мог больше оставаться в стране садов и виноградников, которые скорее приятны глазу, чем полезны для пропитания армии; в стране, где он был бы вынужден устраивать свои зимние жилища среди болот, камней и песков; в то время как римляне черпали бы обильные припасы из Капуи и самых богатых частей Италии. Поэтому он решил обосноваться в другом месте.

Фабий, естественно, предполагал, что Ганнибал будет вынужден возвращаться тем же путем, что и пришел, и что он сможет легко досадить ему во время похода. Для начала он бросил значительную часть войск в Казилинум и таким образом обезопасил этот небольшой городок, расположенный на Вультурне, который отделял территории Фалернума от Капуи: затем он выделил четыре тысячи человек, чтобы захватить единственный проход, через который Ганнибал мог выйти; а затем, соответствии со своим обычаем, расположился с остатками армии на холмах, примыкающих к дороге.

Карфагеняне прибывают и разбивают лагерь на равнине у подножия гор. И вот хитрый карфагенянин попадает в ту же ловушку, которую он расставил для Фламиния при Фрасименском дефиле; казалось, ему уже не выбраться из этого затруднения, так как оставался только один выход, которым римляне владели. Фабий, считая себя уверенным в своей добыче, только и делал, что придумывал, как ее захватить. Он льстил себя, и не без видимой вероятности, надеждой положить конец войне одним сражением. Тем не менее он счел нужным отложить атаку до следующего дня.

Ганнибал понял, что его собственные хитрости теперь используются против него.⁷⁶³ Именно в такие моменты полководцу требуется необычайное присутствие духа и стойкость, чтобы видеть опасность в ее предельных масштабах, не испытывая при этом ужаса, и находить верные и мгновенные решения, не раздумывая. Немедленно карфагенский полководец собрал две тысячи волов и приказал привязать к их рогам небольшие связки виноградных веток. Ближе к ночи, приказав поджечь ветки, он [pg 220] волов с силой погнал на вершину холма, где расположились римляне. Как только эти существа почувствовали пламя, боль привела их в ярость, они разлетелись во все стороны и подожгли все кусты и заросли, которые встречались на их пути. Этот отряд нового вида поддерживало большое количество легковооруженных солдат, которым было приказано занять вершину горы и напасть на врага, если он встретится с ними. Все произошло так, как и предвидел Ганнибал. Римляне, охранявшие дефиле, увидев пожары на возвышающихся над ними холмах и решив, что это Ганнибал спасается бегством при свете факелов, оставили свой пост и побежали в горы, чтобы воспрепятствовать его проходу. Основная часть армии, не зная, что и

думать об этой суматохе, и сам Фабий, не смея шелохнуться, пока темно, опасаясь неожиданности, ждут возвращения дня. Ганнибал воспользовался случаем, провел свои войска с добычей через дефиле, которое теперь не охранялось, и вызволил свою армию из западни, в которой, будь Фабий чуть энергичнее, она была бы либо уничтожена, либо, по крайней мере, сильно ослаблена. Славно, когда человек обращает свои ошибки себе на пользу и делает их подспорьем для своей репутации.

Карфагенская армия вернулась в Апулию, все еще преследуемая и преследуемая римлянами. Диктатор, вынужденный отправиться в Рим в связи с некоторыми религиозными церемониями, перед отъездом убедительно попросил своего конного генерала не вступать в бой во время его отсутствия. Однако Минуций не внял ни его советам, ни уговорам; при первой же возможности, пока часть войск Ганнибала занималась фуражировкой, он напал на остальных и получил некоторое преимущество. Он немедленно отправил в Рим сообщение об этом, как о значительной победе. Весть об этом, а также о том, что произошло незадолго до этого при переходе через дефиле, вызвала жалобы и ропот против медлительности и робкой осмотрительности Фабия. Одним словом, дело зашло так далеко, что римский народ наделил своего конного генерала равным с ним авторитетом, что было неслыханно прежде. Диктатор был в дороге, когда получил совет об этом: ведь он покинул Рим, чтобы не быть свидетелем того, что замышлялось [pg 221] против него. Однако его постоянство не было поколеблено. Он прекрасно понимал, что, хотя его власть в командовании была разделена, его мастерство в военном искусстве не было таким.⁷⁶⁴ Это вскоре стало очевидным.

Минуций, возгордившись от преимущества, которое он получил над своим коллегой, предложил, чтобы каждый из них командовал поочередно день или даже более длительное время. Но Фабий отверг это предложение, поскольку оно подвергло бы опасности всю армию под командованием Минуция. Поэтому он решил разделить войска, чтобы в его силах было сохранить хотя бы ту часть, которая выпадет на его долю.

Ганнибал, полностью осведомленный обо всем, что происходило в римском лагере, обрадовался, узнав о раздоре между двумя полководцами. Поэтому он расставил ловушку для опрометчивого Минуция, который с головой окунулся в нее, и напал на врага на возвышенности, где была скрыта засада. Но вскоре его войска были приведены в беспорядок, и он уже был на грани того, чтобы быть разрубленным на части, когда Фабий, встревоженный внезапными криками раненых, громко воззвал к своим солдатам: "Поспешим на помощь Минуцию: вырвем победу у врага и потребуем от наших сограждан признания их вины". Эта помощь была очень своевременной и заставила Ганнибала отступить. Последний, удаляясь, сказал, что "туча, долго висевшая на вершине горы, наконец, разорвалась с громким треском и вызвала сильную бурю". Столь важная и своевременная услуга, оказанная диктатором, открыла глаза Минуцию. Он признал свою ошибку, немедленно вернулся к исполнению своего долга и послушанию и показал, что иногда гораздо лучше знать, как искупить вину, чем не совершать ее.

Положение дел в Испании.⁷⁶⁵ В начале этой кампании Кн. Сципион, внезапно напав на карфагенский флот под командованием Гамилькара, разгромил его и захватил двадцать пять кораблей с большим количеством богатых трофеев. Эта победа заставила римлян понять, что они должны быть особенно внимательны [pg 222] делам Испании, поскольку Ганнибал мог черпать из этой страны значительные запасы как людей, так и денег. Поэтому они отправили туда флот, командование которым было поручено П. Сципиону, который после прибытия в Испанию, присоединившись к своему брату, оказал содружеству очень большую услугу. До этого времени римляне никогда не осмеливались выходить за пределы Эбро. Они довольствовались тем, что завоевали дружбу народов, расположенных между этой рекой и Италией, и подтверждали ее

союзами; но при Публии они перешли Эбро и перенесли свое оружие гораздо дальше вглубь страны.

Обстоятельством, которое больше всего способствовало развитию их дел, стало предательство испанца в Сагунтуме. Ганнибал оставил там детей из самых знатных семей Испании, которых он взял в качестве заложников. Абелокс, так звали этого испанца, уговорил Бостара, правителя города, отправить этих молодых людей обратно в их страну, чтобы таким образом сильнее привязать жителей к карфагенским интересам. Это поручение было возложено на него самого. Но он отнес их римлянам, которые затем передали их своим родственникам и таким приемлемым подарком приобрели их дружбу.

А.М. 3789. А. Рим. 533.

Битва при Каннах.⁷⁶⁶ Следующей весной К. Теренций Варро и Л. Эмилий Паулюс были избраны консулами в Риме. В этой кампании, которая была третьей по счету во второй Пунической войне, римляне сделали то, что никогда не практиковалось ранее, а именно: составили армию из восьми легионов, каждый из которых состоял из пяти тысяч человек, не считая союзников. Ведь, как мы уже отмечали, римляне никогда не собирали только четыре легиона, каждый из которых состоял примерно из четырех тысяч пеших и трехсот конных.⁷⁶⁷ Они никогда, за исключением самых важных случаев, не формировали их из пяти тысяч одних и четырехсот других. Что касается войск союзников, то их пехота была равна легионам, но конных у них было в три раза больше. Каждый из консулов имел обычно половину войск союзников и два легиона, чтобы они могли действовать отдельно; и очень редко все [pg 223] эти войска использовались одновременно и в одном походе. Здесь же у римлян было не четыре, а восемь легионов, настолько важным казалось им это дело. Сенат даже счел нужным, чтобы два консула предыдущего года, Сервилий и Аттилий, служили в армии в качестве проконсулов; но последний не мог отправиться в бой по причине своего преклонного возраста.

Варро, отправляясь из Рима, открыто заявил, что при первой же возможности обрушится на врага и положит конец войне, добавив, что она никогда не будет прекращена, пока во главе римских армий стоят такие люди, как Фабий. Преимущество, которое он получил над карфагенянами, из которых было убито около семнадцати сотен, значительно усилило его смелость и высокомерие. Что касается Ганнибала, то он рассматривал эту потерю как реальное преимущество, будучи убежденным, что она послужит приманкой для опрометчивости консула и подтолкнет его к битве, которой он очень хотел. Впоследствии стало известно, что у Ганнибала было так мало провизии, что он не смог бы продержаться и десяти дней. Испанцы уже подумывали о том, чтобы покинуть его. Так бы и пришел конец Ганнибалу и его армии, если бы удача не подбросила ему на пути некоего Варро.

Обе армии, часто перемещаясь с места на место, вышли навстречу друг другу у Канн, небольшого городка в Апулии, расположенного на реке Ауфидус. Поскольку Ганнибал расположился лагерем на ровной открытой местности, а его кавалерия значительно превосходила римскую, Эмилий не счел нужным вступать в бой в таком месте. Он хотел заманить врага в такое место, где пехота могла бы принять самое активное участие в сражении. Но его коллега, не имевший опыта, придерживался противоположного мнения. Таковы неудобства разделенного командования; ревность, несходство темпераментов или разнообразие взглядов редко не приводят к раздору между двумя генералами.

Некоторое время войска с каждой стороны довольствовались легкими стычками. Но, наконец, в один прекрасный день, когда командование перешло к Варро (оба консула сменяли друг друга), с обеих сторон началась подготовка к сражению. С Эмилием не советовались, но, хотя он крайне

не одобрял поведение [pg 224] своего коллеги, поскольку не в его силах было его предотвратить, он всячески поддерживал его.

Ганнибал, заставив своих солдат заметить, что, имея превосходство в коннице, они не могли бы расположиться на лучшем месте для сражения, если бы это было предоставлено их выбору: "Возвращайтесь, - говорит он, - поблагодарите богов за то, что они привели сюда врага, чтобы вы могли одержать над ним победу; поблагодарите и меня за то, что я поставил римлян перед необходимостью вступить в бой". Разве после трех великих побед, одержанных подряд, воспоминания о твоих собственных деяниях не вдохновляют тебя на мужество? В прежних сражениях вы стали хозяевами открытой местности; но в этом вы овладеете всеми городами и, смею сказать, всеми богатствами и силой римлян. Нам нужны не слова, а действия. Я уповаю на богов, что ты скоро увидишь, как мои обещания будут выполнены".

Обе армии были очень неравны по численности. У римлян, включая союзников, было четыреста тысяч пеших и чуть больше шести тысяч конных; у карфагенян - сорок тысяч пеших, хорошо дисциплинированных, и десять тысяч конных. Правым крылом римлян командовал Эмилий, левым - Варро, а в центре расположился Сервилий, один из консулов прошлого года. Ганнибал, обладавший искусством обращать все случаи к выгоде, расположился так, чтобы ветер [Vulturnus768](#), поднимающийся в определенное время, во время боя дул прямо в лицо римлянам и покрывал их пылью; Затем, держась реки Ауфидус слева и разместив свою конницу во флангах, он сформировал свой главный корпус из испанской и галльской пехоты, которую поставил в центре, с половиной африканских тяжеловооруженных пехотинцев справа и слева, на одной линии с кавалерией. Выстроив таким образом свою армию, он поставил себя во главе испанской и галльской пехоты и, вытеснив их из строя, двинулся в бой, округляя фронт по мере приближения к противнику и расширяя фланги в форме полумесяца, чтобы не оставлять промежутка между своим главным корпусом и [pg 225] остальной частью строя, состоявшей из тяжеловооруженной пехоты, которая не двигалась со своих позиций.

Вскоре начался бой, и римские легионы, находившиеся на флангах, увидев, что их центр подвергся мощной атаке, выдвинулись вперед, чтобы ударить во фланг противнику. Главный отряд Ганнибала, оказав мужественное сопротивление и обнаружив, что его яростно атакуют со всех сторон, сдался, будучи подавленным числом, и отступил через промежуток, оставленный им в центре линии. Римляне преследовали их с нетерпением, но два крыла африканской пехоты, свежие, хорошо вооруженные и в полном порядке, внезапно повернули к пустому пространству, в которое римляне, уже утомленные, бросились в беспорядке, и энергично атаковали их с обеих сторон, не давая им времени оправиться и не оставляя им места, чтобы подтянуться. Тем временем оба крыла конницы, разгромив значительно уступавших им римлян и оставив для преследования разбитых и рассеянных эскадронов лишь столько сил, сколько было необходимо, чтобы не дать им собраться, выдвинулись вперед и ударили в тыл римской пехоте, которая, будучи окружена со всех сторон конными и пешими врагами, была рассечена на части, сражаясь с беспримерной храбростью. Эмилий, покрытый ранами, полученными в бою, был впоследствии убит неприятельским отрядом, которому он не был известен; с ним были два квестора, один и двадцать военных трибунов, многие из которых были консулами или преторами, Сервилий, один из прошлогодних консулов, Минуций, бывший конный генерал Фабия, и четыреста сенаторов. В этой битве пало более семидесяти тысяч [человек769](#); карфагеняне, столь великие в своей [ярости770](#), не прекращали бойни, пока Ганнибал в самом пылу ее не окликнул их несколько раз: "Остановитесь, солдаты, пощадите побежденных". Десять тысяч человек, оставленных для охраны лагеря, после битвы сдались в плен. Консул Варро удалился в Венусию, имея всего семьдесят лошадей; около четырех тысяч человек бежали в [pg 226] соседние города. Таким образом, Ганнибал остался хозяином поля; этой, как и предыдущими победами, он был обязан в первую

очередь превосходству своей кавалерии над римской. Он потерял четыре тысячи галлов, пятнадцать сотен испанцев и африканцев и две сотни лошадей.

Махарбал, один из карфагенских генералов, посоветовал Ганнибалу идти без потери времени прямо на Рим, пообещав ему, что в течение пяти дней они будут сидеть в Капитолии. Ганнибал отвечает, что это дело требует зрелого размышления; "Я вижу, - отвечает Махарбал, - что боги не наделили одного и того же человека всеми талантами. Ты, Ганнибал, умеешь завоевывать, но не умеешь наилучшим образом использовать победу" ⁷⁷¹.

Утверждается, что эта задержка спасла Рим и империю. Многие авторы, в том числе и Ливий, обвиняют Ганнибала в этой ошибке. Но другие, более сдержанные, не склонны осуждать без очевидных доказательств столь знаменитого полководца, который в остальном своем поведении никогда не был лишен ни благоразумия, чтобы выбрать лучшие методы, ни готовности привести свои замыслы в исполнение. Кроме того, они склонны положительно судить о нем на основании авторитета или, по крайней мере, молчания Полибия, который, рассказывая о памятных последствиях этой знаменитой битвы, говорит, что карфагеняне были твердо убеждены, что овладеют Римом при первом же нападении; Но он не упоминает, как это могло быть осуществлено, поскольку город был очень густонаселенным, воинственным, сильно укрепленным и защищался гарнизоном из двух легионов; он также нигде не дает ни малейшего намека на то, что такой проект был осуществим или что Ганнибал поступил неправильно, не попытавшись привести его в исполнение.

И действительно, если мы рассмотрим вопрос более узко, то обнаружим, что, согласно общепринятым нормам ведения войны, он не мог быть осуществлен. Несомненно, что вся пехота Ганнибала перед битвой насчитывала всего сорок тысяч человек; а поскольку шесть тысяч из них были убиты во время сражения и, несомненно, еще больше ранены и искалечены, то [pg 227] могло остаться только шесть или семь с двадцатью тысячами пеших, пригодных к службе; Этого количества было недостаточно, чтобы взять такой большой город, как Рим, через который протекала река; не было и возможности атаковать его, потому что у них не было ни двигателей, ни боеприпасов, ни всего остального, что необходимо для осады. За неимением всего этого Ганнибал, даже после победы при Фрасимене, неудачно попытался взять [Сполетум](#)⁷⁷², а вскоре после битвы при Каннах был вынужден осадить небольшой [город](#)⁷⁷³, ничем не примечательный и не обладающий большой силой. Нельзя отрицать, что если бы он потерпел неудачу в этом случае, то можно было бы ожидать только безвозвратной гибели. Однако, чтобы составить справедливое суждение об этом вопросе, человек должен быть солдатом, причем солдатом, возможно, тех времен. Это старый спор, по которому никто, кроме тех, кто прекрасно разбирается в военном искусстве, не должен высказывать свое мнение.

Вскоре после битвы при Каннах Ганнибал отправил в Карфаген своего брата Маго с известием о своей победе и одновременно с требованием помощи, чтобы иметь возможность положить конец войне.⁷⁷⁴ По прибытии Маго произнес перед полным составом сената возвышенную речь, в которой восхвалял подвиги своего брата и показывал, какие большие преимущества он получил перед римлянами. А чтобы дать более живое представление о величии победы, обращаясь в некоторой степени к глазам, он высыпал на середину сената [бушель](#)⁷⁷⁵ золотых колец, снятых с пальцев тех представителей римской знати, которые пали в битве при Каннах. В заключение он потребовал денег, провизии и свежих войск. Все зрители были охвачены необычайной радостью; тогда Имилькон, большой сторонник Ганнибала, полагая, что теперь у него есть удобный случай оскорбить Ганно, вождя противоположной фракции, спросил его, все ли он еще недоволен войной, которую они ведут против римлян, и выступает ли за то, чтобы Ганнибал выдал [pg 228]

им? Ганно, не обнаружив ни малейшего волнения, ответил, что он все еще того же мнения; и что победы, которыми они так хвастаются (предполагая их реальными), не могут доставить ему радости, но только в той мере, в какой они должны быть подчинены выгодному миру: тогда он взялся доказать, что могучие подвиги, на которых они так настаивают, были полностью химерическими и воображаемыми. "Я разбил на куски, - говорит он (продолжая речь Маго), - римскую армию: пришлите мне войска - чего еще вы можете просить, если вы побеждены? Я дважды захватывал вражеский лагерь, полный (несомненно) всякого провианта; пришлите мне провиант и деньги... Мог бы ты говорить иначе, если бы потерял свой лагерь?" Затем он спросил Маго, перешел ли кто-нибудь из латинских народов на сторону Ганнибала и делали ли ему римляне какие-либо предложения о мире? На это Маго ответил отрицательно: "Тогда я понимаю, - ответил Ганно, - что мы продвинулись не дальше, чем когда Ганнибал впервые высадился в Италии". Отсюда он сделал вывод, что не следует посылать ни людей, ни денег. Но фракция Ганнибала, господствовавшая в то время, не обратила внимания на напоминания Ганно, которые рассматривались лишь как следствие предрассудков и ревности; и, соответственно, были отданы приказы о немедленном сборе людей и денег, которые требовались Ганнибалу. Маго немедленно отправился в Испанию, чтобы собрать в этой стране двадцать четыре тысячи пеших и четыре тысячи конных; но впоследствии эти сборы были остановлены и отправлены в другой квартал; так стремилась противоположная фракция противостоять замыслам полководца, к которому они питали крайнее отвращение. В Риме бежавшего [консула](#)⁷⁷⁶ благодарили за то, что он не отчаивался в сохранении государства; в Карфагене люди почти гневались на Ганнибала за то, что он одержал победу. Но Ганно никогда не мог простить ему преимуществ, которые он получил в этой войне, потому что он начал ее вопреки своим советам. Таким образом, ревнуя о чести собственного мнения больше, чем о благе своей страны, и будучи большим врагом для карфагенского полководца, чем для римлян, он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить будущий успех и сделать бесполезным то, что уже было завоевано.

[pg 229]

Ганнибал занимает зимние покои в Капуе.⁷⁷⁷ Битва при Каннах подчинила Ганнибалу самые могущественные народы Италии, перетянула на его сторону Græcia Magna,⁷⁷⁸ с городом Тарентумом, и таким образом отбила у римлян их древнейших союзников, среди которых капуанцы занимали первое место. Этот город, благодаря плодородию почвы, выгодному положению и благословениям долгого мира, возвысился до огромного богатства и могущества. Роскошь и страсть к удовольствиям (обычные спутники богатства) развратили умы всех его граждан, которые, в силу своей природной склонности, были слишком склонны к сладострастию и излишествам.

[Ганнибал](#)⁷⁷⁹ выбрал этот город для своего зимнего пристанища. Именно здесь солдаты, выдержавшие самые тяжкие испытания и отважившиеся на самые грозные опасности, были повержены изобилием и роскошью, в которые они погрузились с тем большим рвением, что до этого были им чужды. Их мужество настолько ослабло в этом завораживающем уединении, что все их последующие усилия были обусловлены скорее славой и блеском их прежних побед, чем их нынешней силой. Когда Ганнибал вывел свои войска из города, их можно было принять за других людей, а не за тех, кто так недавно входил в него. Привыкшие за зимний сезон к удобным жилищам, к легкости и изобилию, они уже не могли переносить голод, жажду, долгие марши, вахты и прочие тяготы войны; не говоря уже о том, что всякое послушание, всякая дисциплина были полностью отброшены.

По этому поводу я привожу только цитаты из Ливия. Если принять его мнение по этому вопросу, то пребывание Ганнибала в Капуе было большим недостатком в его поведении; и он утверждает, что этот полководец совершил бесконечно большую ошибку, чем когда он пренебрег походом прямо

на Рим после битвы при [pg 230] Cannæ. Ведь эта задержка, [780](#) - говорит Ливий, - может показаться лишь замедлением победы, в то время как этот последний проступок сделал его абсолютно неспособным когда-либо победить врага. Одним словом, как впоследствии справедливо заметил Марцелл, Капуя была для карфагенян и их полководца тем же, чем [Канны](#) [781](#) были для римлян. Там погибли их боевой гений, их любовь к дисциплине, там сразу же исчезла их былая слава и почти несомненные надежды на будущую славу. И действительно, с этого момента дела Ганнибала быстрыми шагами продвигались к своему упадку; фортуна говорила в пользу благоразумия, и победа, казалось, теперь примирилась с римлянами.

Не знаю, есть ли у Ливия основания приписывать все эти роковые последствия восхитительной обители Капуи. Если мы внимательно изучим все обстоятельства этой истории, то едва ли сможем убедить себя в том, что тот небольшой прогресс, который впоследствии был достигнут оружием Ганнибала, следует приписать его зимовке в Капуе. Это, конечно, могло быть одной из причин, но весьма незначительной: а храбрость, с которой войска Ганнибала впоследствии побеждали армии консулов и преторов; города, которые они брали даже на глазах у римлян; то, что они так энергично поддерживали свои завоевания и оставались четырнадцать лет после этого в Италии, несмотря на римлян: все эти обстоятельства могут побудить нас поверить, что Ливий слишком много внимания уделяет прелестям Капуи.

Настоящей причиной упадка Ганнибала было то, что он не получал необходимых рекрутов и помощи из Карфагена. После выступления Маго карфагенский сенат счел [необходимым](#) [782](#) для продолжения завоеваний в Италии отправить туда значительное подкрепление в виде нумидийских коней, сорока слонов и тысячи талантов, а также нанять в Испании двадцать тысяч пеших и четыре тысячи конных для подкрепления своих армий в Испании и Италии. Тем не менее, Маго смог получить приказ только на двенадцать тысяч пеших и две тысячи пятьсот конных: [783](#) и даже когда он [pg 231] только собирался идти в Италию с этим подкреплением, столь сильно уступающим обещанному, он получил отказ и был отправлен в Испанию. Таким образом, Ганнибал после этих грандиозных обещаний не получил ни пехоты, ни кавалерии, ни слонов, ни денег; он был вынужден полагаться на свои собственные силы. Его армия сократилась до двадцати шести тысяч пеших и девяти тысяч конных. Как мог он с такой незначительной армией захватить в стране врага все выгодные посты, внушить трепет своим новым союзникам, сохранить старые завоевания и сформировать новые, а также удерживать поле боя с преимуществом против двух армий римлян, которые пополнялись каждый год? Такова была истинная причина упадка дел Ганнибала и гибели карфагенян. Если бы сохранилась часть, в которой Полибий касается этого вопроса, мы, несомненно, обнаружили бы, что он делает больший акцент на этой причине, чем на роскошных удовольствиях Капуи.

A.M. 3790. A. Rom. 534.

Сделки, связанные с Испанией и Сардинией. [784](#) Два Сципиона все еще продолжали командовать в Испании, и их оружие значительно продвинулось вперед, когда Асдрубал, который, казалось, один мог справиться с ними, получил приказ из Карфагена отправиться в Италию на помощь своему брату. Перед тем как покинуть Испанию, он обратился к сенату, чтобы убедить его в крайней необходимости прислать вместо себя полководца, способного выступить против римлян. Поэтому Имилькон был отправлен туда с войском, а Асдрубал отправился в поход вместе с ним, чтобы присоединиться к брату. Не успела весть о его отъезде стать известной, как большая часть Испании была захвачена Сципионами. Эти два генерала, воодушевленные столь значительным успехом, решили, если возможно, помешать ему покинуть Испанию. Они учитывали опасность, которой подвергнутся римляне, если, будучи не в состоянии противостоять одному Ганнибалу, они будут атакованы двумя братьями во главе двух мощных армий. Поэтому они преследовали Асдрубала и, настигнув этого полководца, заставили его сражаться против его склонности.

Асдрубал был побежден, и, не имея возможности продолжить свой поход в Италию, он [pg 232] обнаружил, что ему невозможно безопасно оставаться в Испании.

Карфагеняне не добились большого успеха в Сардинии. Задумав воспользоваться некоторыми мятежами, которые они разжигали в этой стране, они потеряли двенадцать тысяч человек в сражении с римлянами, которые взяли еще большее число пленных, среди которых были Асдрубал, по фамилии Кальв, Ганно и [Maro785](#), отличавшиеся как своим рождением, так и военными подвигами.

A. M. 3791. A. Rom. 535.

Неудачный успех Ганнибала. Осада Капуи и Рима.[786](#) Со времени пребывания Ганнибала в Капуе дела карфагенян в Италии уже не поддерживали их прежней репутации. М. Марцелл, сначала как претор, а затем как консул, внес большой вклад в этот переворот. Он при каждом удобном случае преследовал армию Ганнибала, захватывал его кварталы, заставлял его устраивать осады и даже победил его в нескольких схватках, так что его стали называть мечом Рима, как раньше Фабия называли его пряжкой.

A.M. 3793. A. Rom 537.

Но больше всего карфагенский полководец страдал от того, что Капуя была осаждена римлянами. Поэтому, чтобы сохранить свою репутацию среди союзников, энергично поддерживая тех, кто занимал главенствующее положение в этом городе, он поспешил на помощь этому городу, выдвинул свои силы, напал на римлян и провел несколько сражений, чтобы заставить их снять осаду.

A.M. 3794. A. Rom. 538.

Наконец, видя, что все его меры потерпели поражение, он поспешно двинулся к Риму, чтобы устроить мощную диверсию. Он не терял надежды, что, если ему представится возможность во время первого оцепенения взять штурмом какую-нибудь часть города, он сможет отвлечь римских полководцев со всеми их силами от осады Капуи на помощь своей столице; по крайней мере, он льстил себе, что если ради продолжения осады они разделят свои силы, то их слабость может дать повод либо капуанцам, либо ему самому вступить с ними в бой и разгромить их. Рим был удивлен, но не растерян. Один из сенаторов [pg 233] предложил отозвать все войска на помощь Риму; [Фабий787](#) заявил, что с их стороны было бы позорно испытывать ужас и менять свои меры при каждом движении Ганнибала. Поэтому они довольствовались тем, что отзывали из осады только часть армии и одного из полководцев, проконсула К. Фульвия. Ганнибал, произведя некоторые опустошения, выстроил свою армию в боевой порядок перед городом, и консул сделал то же самое. Обе стороны готовились показать себя в битве, за которую должен был поплатиться Рим, когда сильная буря заставила их разойтись. Не успели они вернуться в свои лагеря, как лицо небес стало спокойным и безмятежным. Впоследствии подобное происходило часто, так что Ганнибал, полагая, что в этом событии есть что-то сверхъестественное, говорил, по словам Ливия, что [иногда788](#) его собственная воля, а иногда фортуна не позволят ему взять Рим.

Но больше всего его удивило и напугало известие о том, что в то время, когда он стоял лагерем у одних ворот Рима, у других ворот римляне отправляли рекрутов для армии в Испанию, а земля, на которой был разбит его лагерь, была продана, несмотря на это обстоятельство, за полную стоимость. Столь неприкрытое презрение ужалило Ганнибала до глубины души; поэтому он, напротив, выставил на аукцион лавки золотых дел мастеров вокруг Форума. После этой бравады он удалился, а на своем марше разграбил богатый храм богини Феронии.[789](#)

Капуя, предоставленная сама себе, продержалась совсем недолго. После того как те из ее сенаторов, которые приложили главную руку к восстанию и, следовательно, не могли ожидать от римлян четверти, предали себя поистине трагической смерти,⁷⁹⁰ [pg 234] город сдался по собственному желанию. Успех этой осады, которая по счастливым последствиям оказалась решающей и полностью восстановила превосходство римлян над карфагенянами, показал в то же время, насколько грозной была сила [римлян](#)⁷⁹¹, когда они взялись наказать своих вероломных союзников, и насколько слабой была защита, которую Ганнибал мог предоставить своим друзьям в то время, когда они больше всего в ней нуждались.

A. M. 3793. A. Rom. 537.

Поражение и смерть двух Сципионов в Испании.⁷⁹² Положение дел в Испании сильно изменилось. У карфагенян в этой стране было три армии: одна под командованием Асдрубала, сына Гисго, вторая - Асдрубала, сына Гамилькара, и третья - под командованием Маго, который присоединился к первому Асдрубалу. Два Сципиона, Кней и Публий, были за то, чтобы разделить свои силы и напасть на врага по отдельности, что и стало причиной их гибели. Они договорились, что Кней с небольшим числом римлян и тридцатью тысячами кельтиберийцев должен выступить против Асдрубала, сына Гамилькара, а Публий с остальными силами, состоящими из римлян и италийских союзников, должен выступить против двух других полководцев.

Публий был побежден первым. К двум полководцам, которым он должен был противостоять, присоединился Масинисса, воодушевленный победой над Сифаксом, а вскоре за ним последовал Индибилис, могущественный испанский принц. Армии сошлись в поединке. Римляне, атакованные со всех сторон сразу, оказывали храброе сопротивление, пока во главе их был их генерал; но как только он пал, те немногие войска, которые избежали резни, спаслись бегством.

Три победоносные армии немедленно отправились на поиски Кнеуса, чтобы положить конец войне его поражением. Он [pg 235] был уже более чем наполовину побежден из-за дезертирства своих союзников, которые все его бросили; и оставил римским генералам это важное [наставление](#)⁷⁹³, а именно: никогда не позволять, чтобы их собственные силы превышали по численности чужеземные. Он догадался, что его брат был убит, а его армия разбита, увидев такое большое количество врагов. Он пережил его ненадолго и был убит во время сражения. Этих двух великих людей одинаково оплакивали их граждане и союзники, а Испания глубоко переживала их потерю из-за справедливости и умеренности их поведения.

Казалось, что теперь эти обширные страны неизбежно будут потеряны, но доблесть Л. Марция,⁷⁹⁴ рядового офицера конного ордена, сохранила их для римлян. Вскоре после этого туда был послан младший Сципион, который жестоко отомстил за смерть своего отца и дяди и вернул дела римлян в Испании в прежнее цветущее состояние.

A. M. 3798. A. Rom. 542.

Поражение и смерть Асдрубала.⁷⁹⁵ - Одно непредвиденное поражение разрушило все меры и уничтожило все надежды Ганнибала в отношении Италии. Консулами этого года, одиннадцатого по счету во время второй Пунической войны (для краткости я опускаю несколько событий), были К. Клавдий Нерон и М. Ливий. Последний имел своей провинцией Цизальпинскую Галлию, где он должен был противостоять Асдрубалу, который, как сообщалось, готовился перейти Альпы. Первый командовал в стране брутиев и в Лукании, то есть на противоположной оконечности Италии, и там же готовился выступить против Ганнибала.

Переход через Альпы не доставил Асдрубалу особых хлопот, поскольку брат расчистил ему путь, и все народы были расположены принять его. Через некоторое время после этого он отправил

курьеров к Ганнибалу, но они были перехвачены. Из их писем Нерон узнал, что Асдрубал спешит присоединиться к своему брату в Умбрии. В таком важном [pg 236] случае, когда на карту была поставлена безопасность Рима, он счел себя вправе отступить от установленных [правил796](#) своего долга ради благополучия своей страны. Вследствие этого, по его мнению, следовало нанести такой смелый и неожиданный удар, который мог бы навести ужас на врага; он отправился в поход, чтобы присоединиться к своему коллеге, дабы они могли неожиданно атаковать Асдрубала объединенными силами. Этот замысел, если тщательно изучить все его обстоятельства, не должен быть поспешно обвинен в безрассудстве. Не дать двум братьям соединить свои армии - значит спасти государство. Даже если бы Ганнибалу сообщили об отсутствии консула, он мало чем бы рисковал. Из своей армии, состоявшей из сорока двух тысяч человек, он отобрал для собственного отряда всего семь тысяч, которые, правда, были цветком его войска, но, в то же время, весьма незначительной его частью. Остальные остались в лагере, который был выгодно расположен и сильно укреплен. Можно ли было предположить, что Ганнибал нападет на сильный лагерь, обороняемый тридцатью пятью тысячами человек, и возьмет его силой?

Нерон отправился в путь, не поставив своих солдат в известность о своем намерении. Когда он продвинулся настолько далеко, что о нем можно было сообщить без всякой опасности, он сказал им, что ведет их к уверенной победе: что на войне все зависит от репутации; что один только слух об их прибытии приведет в замешательство все меры карфагенян; и что вся честь этой битвы выпадет на их долю.

Они выступили в поход с необычайным усердием и ночью присоединились к другому консулу, но не стали разбивать отдельные лагеря, чтобы лучше навязываться врагу. Вновь прибывшие войска присоединились к войскам Ливия. Армия претора Порция расположилась лагерем рядом с армией консула, и утром состоялся военный совет. Ливий считал, что лучше дать войскам несколько дней, чтобы освежиться; Нерон же просил его не губить промедлением предприятие, успех которого могла обеспечить только оперативность, и воспользоваться ошибкой врага, как отсутствующего, так и присутствующего. Этот совет был выполнен, и, соответственно, был дан сигнал к [pg 237] сражению. Асдрубал, выдвинувшись в первые ряды, по ряду обстоятельств обнаружил, что прибыли свежие войска; он не сомневался, что они принадлежат другому консулу. Это заставило его предположить, что его брат понес значительные потери, и в то же время опасаться, что он слишком поздно пришел к нему на помощь.

После этих размышлений он дал сигнал к отступлению, и его армия в большом беспорядке начала маршировать. Наступила ночь, а его проводники разбежались, и он не знал, в какую сторону идти. Он шел наугад, вдоль берегов реки [Метавр797](#), и уже готовился переправиться через нее, когда на него надвинулись три армии противника. В такой ситуации он увидел, что ему не избежать схватки, и поэтому сделал все, что можно было ожидать от ума и храбрости великого полководца. Он занял выгодный пост и расположил свои силы на узком месте, что дало ему возможность расположить левое крыло (самую слабую часть его армии) таким образом, чтобы его нельзя было ни атаковать спереди, ни атаковать во фланг; и придать своему главному сражению и правому крылу большую глубину, чем фронту. После такой поспешной диспозиции своих сил он расположился в центре и первым двинулся в атаку на левое крыло противника, прекрасно понимая, что все поставлено на карту и что он должен либо победить, либо умереть. Битва длилась долго и упорно оспаривалась обеими сторонами. Асдрубал особенно отличился в этом сражении, добавив новую славу к той, которую он уже приобрел рядом блестящих действий. Он повел своих солдат, дрожащих и совершенно удрученных, против врага, превосходящего их и числом, и решимостью. Он воодушевлял их своими словами, поддерживал своим примером, угрозами и угрозами пытался вернуть тех, кто бежал; пока, наконец, видя, что победа объявлена за римлянами, и будучи не в силах пережить потерю стольких тысяч человек, покинувших свою

страну, чтобы последовать за судьбой, он сразу же бросился в середину римской когорты и там погиб, достойный сына Гамилькара и брата Ганнибала.

Это была самая кровопролитная битва карфагенян за всю войну, и, если рассматривать смерть полководца или резню карфагенских войск, ее можно рассматривать как возмездие за битву при Каннах. Карфагеняне потеряли пятьдесят пять тысяч человек⁷⁹⁸, шесть тысяч были взяты в плен. Римляне потеряли восемь тысяч. Они так устали убивать, что какой-то человек сказал Ливию, что он может легко разрубить на куски летящее тело врага: "Хорошо бы, - говорит он, - чтобы некоторые остались в живых, чтобы они могли донести карфагенянам весть об этом поражении".

Нерон отправился в поход в ту самую ночь, которая последовала за сражением. В каждом месте, где он проходил, его встречали крики радости и громкие восклицания, а не страх и тревога, которые вызвало его появление. Он прибыл в свой лагерь на шестой день. Голова Асдрубала, брошенная в лагерь карфагенян, сообщила Ганнибалу о несчастной судьбе его брата. Ганнибал понял, что этим жестоким ударом судьба Карфагена пошатнулась: "Все кончено, - говорит он⁷⁹⁹, - я больше не буду посылать в Карфаген триумфальные послания. Потеряв Асдрубала, я разом лишился всех своих надежд, всей своей удачи". После этого он удалился в пределы страны брутиев, где собрал все свои силы, которым было очень трудно прокормиться, так как из Карфагена им не присылали провизию.

А. М. 3799. А. Рим. 543.

Сципион завоевывает всю Испанию. Назначен консулом и отплывает в Африку. Ганнибал отозван.⁸⁰⁰ Судьба оружия не была более благосклонна к карфагенянам в Испании. Благоразумная энергичность молодого Сципиона вернула римские дела в этой стране к прежнему цветущему состоянию, как до этого мужественная медлительность Фабия в Италии. Три карфагенских полководца в Испании, Асдрубал, сын Гиско, Ганно и Маго, были [pg 239] разбиты римлянами в нескольких сражениях со своими многочисленными армиями, и Сципион, наконец, овладел Испанией и полностью подчинил ее римской власти. Именно в это время Масинисса, очень могущественный африканский князь, перешел на сторону римлян, а Сифакс, напротив, на сторону карфагенян.

3800 Г. Н.Э. А. Рим. 544.

По возвращении в Рим Сципион, которому на тот момент было тридцать лет, был провозглашен консулом. Его коллегой стал П. Лициний Красс. Сципиону была выделена Сицилия с разрешением переправиться в Африку, если он сочтет это удобным. Он отправился в свою провинцию со всей возможной стремительностью, в то время как его коллега должен был командовать в стране, куда удалился Ганнибал.

Взятие Нового Карфагена, где Сципион проявил все благоразумие, мужество и способности, которых можно было ожидать от величайших полководцев, и завоевание всей Испании были более чем достаточны для того, чтобы обессмертить его имя; но он рассматривал их лишь как многочисленные ступени, по которым он должен был подняться к более благородному предприятию: это было завоевание Африки. Соответственно, он переправился туда и сделал ее местом ведения войны.

Опустошение страны, осада Утики, одного из сильнейших городов Африки, полное поражение двух армий под командованием Сифакса и Асдрубала, чей лагерь был сожжен Сципионом, а затем взятие в плен самого Сифакса, который был самым мощным ресурсом, оставшимся у карфагенян, - все это заставило их, наконец, обратиться к миру. Для этой цели они направили тридцать своих главных сенаторов, которые были выбраны из того влиятельного органа в

Карфагене, называемого советом ста. Войдя в палатку римского полководца, все они распростерлись на земле (таков был обычай их страны) и в выражениях великой покорности обратились к нему, обвиняя Ганнибала как виновника всех их бедствий и обещая от имени сената беспрекословное повиновение всему, что римляне сочтут нужным предписать. Сципион ответил, что, хотя он пришел в Африку не для мира, а для завоевания, он все же предоставит им мир при условии, что они выдадут римлянам всех пленных и дезертиров; что они отзовут свои армии из Италии и Галлии; никогда больше не ступать в Испанию; покинуть все острова между Италией и Африкой; отдать победителю все свои корабли, за исключением двадцати; отдать римлянам пятьсот тысяч бушелей пшеницы, триста тысяч ячменя и заплатить пятнадцать тысяч талантов: что если эти условия их устроят, то они, по его словам, могут отправить послов в сенат. Карфагеняне притворно согласились, но это было сделано лишь для того, чтобы выиграть время, пока Ганнибал не вернется. Тогда карфагеняне заключили перемирие и немедленно отправили депутатов в Рим, а заодно и экспресс к Ганнибалу, чтобы приказать ему вернуться в Африку.

3802 Г. Н. Э. А. Rom. 516.

Он находился тогда, как уже отмечалось, в крайней части Италии. Здесь он получил приказ из Карфагена, который он не мог выслушать без стонов и почти без слез; он был разгневан почти до безумия, видя, что вынужден покинуть свою добычу. Никогда изгнанный человек⁸⁰¹ не проявлял столько сожаления, покидая родную страну, как Ганнибал, уходя из страны врага. Он часто обращал свои взоры к Италии, обвиняя богов и людей в своих несчастьях и призывая тысячу проклятий, говорит Ливий⁸⁰², на себя за то, что после битвы при Каннах не направил своих солдат прямо в Рим, пока они еще обагрялись кровью его граждан.

В Риме сенат, весьма недовольный отговорками карфагенских депутатов в оправдание своей республики и нелепым предложением, которое они сделали от ее имени, присоединиться к договору Лутатия, счел нужным передать решение всего дела Сципиону, который, находясь на месте, мог лучше всех судить, каких условий требует благосостояние государства.

Примерно в то же время Октавий претор, плывший из Сицилии в Африку с двумя сотнями грузовых судов, был атакован близ Карфагена неистовой бурей, которая рассеяла весь его флот. Горожане, не желая, чтобы столь богатая добыча ускользнула от них, [pg 241] настойчиво требовали, чтобы карфагенский флот отплыл и захватил его. Сенат, после слабого сопротивления, подчинился. Асдрубал, выйдя из гавани, захватил большую часть римских кораблей и привел их в Карфаген, хотя перемирие еще действовало.

Сципион послал депутатов в карфагенский сенат, чтобы пожаловаться на это, но на них мало кто обратил внимание. Приближение Ганнибала возродило их мужество и вселило в них большие надежды. Депутатам даже грозило жестокое обращение со стороны населения. Поэтому они потребовали конвой, который был предоставлен, и два корабля республики отправились к ним. Но магистраты, которые были категорически против мира и намеревались возобновить войну, отдали частный приказ Асдрубалу (который находился с флотом возле Утики) напасть на римскую галеру, когда она прибудет в реку Баград недалеко от римского лагеря, где конвою было приказано покинуть их. Он подчинился приказу и выслал две галеры против послов, которым все же удалось бежать, но с трудом и опасностью.

Это послужило новым поводом для войны между двумя народами, которые теперь были более оживлены, или, скорее, более раздражены, один против другого, чем когда-либо: римляне - из желания отомстить за столь черное вероломство, а карфагеняне - из убеждения, что теперь им не стоит ожидать мира.

В это же время в лагерь прибыли Лелий и Фульвий, обладавшие всей полнотой власти, которой сенат и народ Рима наделили Сципиона, в сопровождении карфагенских депутатов. Поскольку карфагеняне не только нарушили перемирие, но и преступили закон народов, явившись с римскими послами, естественно было ожидать, что они прикажут схватить карфагенских депутатов в качестве возмездия. Однако [Сципион⁸⁰³](#), более внимательный к тому, чего требовало римское великодушие, чем вероломство карфагенян, чтобы не отступать ни от принципов и [pg 242] максимум своих соотечественников, ни от своего характера, уволил депутатов, не причинив им ни малейшего вреда. Столь поразительный пример умеренности, да еще в такой момент, привел карфагенян в ужас и даже заставил их покраснеть, а самого Ганнибала заставил составить еще более высокое представление о полководце, который бесчестным действиям своих врагов противопоставил лишь прямоту и величие души, что было более достойно восхищения, чем все его военные достоинства.

Тем временем Ганнибал, по настоятельной просьбе своих сограждан, продвинулся вперед по стране и, прибыв в Заму, которая находится в пяти днях пути от Карфагена, разбил там свой лагерь. Оттуда он разослал лазутчиков, чтобы наблюдать за положением римлян. Сципион, схватив их, не стал наказывать, а лишь велел провести их по римскому лагерю, чтобы они могли точно его осмотреть, а затем отправил обратно к Ганнибалу. Последний прекрасно знал, откуда исходит столь благородное заверение. После странных неудач, с которыми он столкнулся, он уже не надеялся, что фортуна снова будет благосклонна. В то время как все побуждали его к сражению, сам он помышлял лишь о мире. Он льстил себе, что условия его будут более почетными, поскольку он стоял во главе армии, а судьба оружия еще могла показаться неопределенной. Поэтому он послал просить о встрече со Сципионом, которая была согласована, а время и место назначены.

А.М. 3803. А. Ром. 547.

Интервью между Ганнибалом и Сципионом в Африке, за которым последовало сражение.[804 Эти](#) два полководца, которые были не только самыми прославленными в своем возрасте, но и достойными быть причисленными к самым знаменитым принцам и воинам, которые когда-либо жили, встретившись в назначенном месте, некоторое время пребывали в глубоком молчании, как будто они были поражены и испытывали взаимное восхищение при виде друг друга. Наконец Ганнибал заговорил, и после того, как он самым искусным и деликатным образом похвалил Сципиона, он очень живо описал опустошительность войны и те бедствия, в которые она вовлекла как победителей, так и побежденных. Он призвал его не ослепляться великолепием своих побед. Он [pg 243] ему, что, как бы ни был он успешен до сих пор, он должен, однако, помнить о непостоянстве фортуны: что, не заходя далеко за примерами, он сам, который тогда с ним разговаривал, был ярким тому доказательством: что Сципион в это время был тем же, кем Ганнибал был при Фрасимене и Каннах; что он должен был лучше, чем он сам, воспользоваться случаем и согласиться на мир, раз уж в его власти предложить его условия. В заключение он заявил, что карфагеняне охотно отдадут римлянам Сицилию, Сардинию, Испанию и все острова между Африкой и Италией; что они должны быть вынуждены, поскольку такова воля богов, ограничиться Африкой; в то время как они должны видеть, как римляне распространяют свои завоевания на самые отдаленные области и обязывают все народы подчиняться их законам.

Сципион ответил немногословно, но не менее достойно. Он упрекнул карфагенян в вероломстве, в том, что они разграбили римские галеры до истечения срока перемирия. Только им и их несправедливости он приписывал все бедствия, которые принесли две войны. Поблагодарив Ганнибала за наставления, которые он дал ему в отношении неопределенности человеческих событий, он в заключение пожелал ему готовиться к битве, если только он не предпочтет принять

уже предложенные условия; к которым (как он заметил) будут добавлены некоторые другие, чтобы наказать карфагенян за нарушение перемирия.

Ганнибал не смог заставить себя принять эти условия, и полководцы удалились друг от друга, решив решить судьбу Карфагена генеральным сражением. Каждый полководец призывал свои войска к доблестному сражению. Ганнибал перечислял победы, одержанные им над римлянами, полководцев, которых он убил, армии, которые он разрубил на части. Сципион представил своим солдатам завоевание обеих Испаний, свои успехи в Африке и признание врагов в своей слабости, когда они пришли просить мира. Все это он [говорил](#)⁸⁰⁵ тоном завоевателя. Никогда еще мотивы не были столь сильны, чтобы побудить войска к галантному поведению. [pg 244] Этот день должен был завершить славу одного или другого полководца и решить, кому - Риму или Карфагену - предписывать законы всем остальным народам.

Я не берусь описывать ни порядок битвы, ни доблесть войск с обеих сторон. Читатель, естественно, предположит, что два столь опытных генерала не забыли ни одного обстоятельства, которое могло бы способствовать победе. Карфагеняне после упорного боя были вынуждены бежать, оставив на поле битвы двадцать тысяч человек, и столько же пленных досталось римлянам. Ганнибал спасся в суматохе и, войдя в Карфаген, признал, что он безвозвратно повержен и что у горожан не осталось другого выхода, как согласиться на мир на любых условиях. Сципион осыпал Ганнибала хвалебными эпитетами, в первую очередь за его умение использовать преимущества, за то, как он выстроил армию и отдавал приказы во время боя; он утверждал, что Ганнибал в этот день превзошел самого себя, хотя успех не соответствовал его доблести и поведению.

Что касается его самого, то он хорошо знал, как извлечь выгоду из победы и того оцепенения, в которое он привел врага. Он приказал одному из своих лейтенантов направить сухопутную армию к Карфагену, а сам приготовился вести туда флот.

Не успел он отойти от города, как ему навстречу попалось судно, покрытое лентами и оливковыми ветвями, на котором находились десять самых значительных лиц государства в качестве послов, просивших его о помиловании. Однако он отпустил их, не дав никакого ответа, и велел им явиться к нему в Тунис, где он должен остановиться. Депутаты Карфагена, числом тридцать человек, явились к нему в назначенное место и в самых покорных выражениях потребовали мира. Тогда он созвал совет, большинство членов которого высказались за то, чтобы освободить Карфаген и обойтись с его жителями самым суровым образом. Но соображения о времени, которое должно пройти, прежде чем столь сильно укрепленный город будет взят, и опасения Сципиона, что пока он будет занят в осаде, ему назначат преемника, заставили его проявить милосердие.

Мир, заключенный между карфагенянами и [pg 245] римлянами. Конец Второй Пунической войны.⁸⁰⁶ Условия мира, продиктованные Сципионом карфагенянам, гласили: "Карфагеняне должны оставаться свободными, сохранять свои законы, свои территории и города, которыми они владели в Африке до войны; они должны отдать римлянам всех дезертиров, рабов и пленных, принадлежавших им; все свои корабли, кроме десяти трирем; всех слонов, которые у них тогда были, и чтобы они больше не готовились к войне - чтобы они не вели войны ни в Африке, ни даже в этой стране, не получив предварительно разрешения на это от римского народа - вернуть Масиниссе все, чего они лишили его или его предков - снабжать римских помощников деньгами и кукурузой, пока их послы не вернутся из Рима - выплатить римлянам десять тысяч эвбейских [талантов](#)⁸⁰⁷ серебра в пятьдесят ежегодных платежей; и дать сто заложников, которых должен был назначить Сципион. А чтобы у них было время послать в Рим, он согласился предоставить им перемирие при условии, что они вернут корабли, захваченные во время предыдущего, без чего они не должны были рассчитывать ни на перемирие, ни на мир".

Когда депутаты вернулись в Карфаген, они представили сенату условия, продиктованные Сципионом. Но они показались Гисго настолько невыносимыми, что, поднявшись, он произнес речь, чтобы отговорить своих граждан от принятия мира на столь позорных условиях. Ганнибал, спровоцированный спокойствием, с которым был выслушан такой оратор, взял Гисго за руку и стащил его с места. Поведение, столь возмутительное и далекое от нравов такого свободного города, как Карфаген, вызвало всеобщий ропот. Сам Ганнибал был раздосадован, когда задумался о своем поступке, и тут же [pg 246] принес извинения за него. "Поскольку я покинул ваш город в девять лет и вернулся в него только после тридцати шести лет отсутствия, у меня было достаточно свободного времени, чтобы научиться военному искусству, и я льщу себя тем, что немного в нем усовершенствовался. Что же касается ваших законов и обычаев, то неудивительно, что я их не знаю, и поэтому прошу вас проинструктировать меня в них". Затем он подробно рассказал о том, что им необходимо заключить мир. Он добавил, что они должны благодарить богов за то, что те побудили римлян заключить с ними мир даже на таких условиях. Он указал им на то, как важно объединить их мнения и не дать народу возможности своими разногласиями взять дело такого рода под свой контроль. Весь город согласился с его мнением, и, соответственно, мир был принят. Сенат удовлетворил Сципиона в отношении отвоеванных им кораблей и, заключив перемирие на три месяца, отправил послов в Рим.

Эти карфагеняне, все почтенные годами и достоинствами, были немедленно приняты на аудиенцию. Первым выступил Асдрубал по прозвищу Гедус, который все еще оставался непримиримым врагом Ганнибала и его фракции; оправдав, насколько это было в его силах, жителей Карфагена, списав разрыв на честолюбие некоторых лиц, он добавил, что если бы карфагеняне прислушались к его советам и советам Ганно, то они смогли бы предоставить римлянам мир, о котором те теперь вынуждены просить. "Но, - продолжал он, [808](#) - мудрость и процветание очень редко встречаются вместе. Римляне непобедимы, потому что никогда не ослепляются удачей. И было бы удивительно, если бы они действовали иначе. Успех ослепляет только тех, для кого он нов и необычен; тогда как римляне настолько привыкли завоевывать, что почти нечувствительны к очарованию победы; и можно сказать к их славе, что они расширили [pg 247] свою империю в некоторой степени больше благодаря гуманности, которую они проявили к побежденным, чем благодаря самому завоеванию". Другие послы говорили более настойчивым тоном и рассказывали о бедственном положении, в которое должен был прийти Карфаген, и о величии и могуществе, от которых он отпал.

Сенат и народ, одинаково склоняясь к миру, предоставили Сципиону все полномочия для его заключения; оставили условия на усмотрение полководца и разрешили ему отвести армию назад после заключения договора.

Послы попросили разрешения войти в город, чтобы выкупить некоторых из своих пленников, и нашли около двухсот человек, которых хотели выкупить. Но сенат отправил их к Сципиону с приказом вернуть их без всякого денежного вознаграждения, если будет заключен мир.

Карфагеняне, по возвращении своих послов, заключили мир со Сципионом на условиях, которые он сам же и предписал. Затем они передали ему более пятисот кораблей, все из которых он сжег на виду у Карфагена; печальное зрелище для жителей этого злосчастного города! Он отрубил головы союзникам с латинским именем и повесил всех римских граждан, которые сдались ему как дезертиры.

Когда истек срок уплаты первой дани, установленной договором, поскольку средства правительства были истощены этой долгой и дорогостоящей войной, трудность взимания столь большой суммы повергла сенат в глубокую печаль, и многие не могли удержаться даже от слез. Ганнибал по этому поводу, как говорят, смеялся; а когда Асдрубал Гедус упрекнул его за то, что он

оскорбляет свою страну в несчастье, которое он на нее навлек, "если бы можно было увидеть мое сердце, и так же ясно, как мой лик; вы бы тогда обнаружили, что этот смех, который так оскорбляет, исходит не от неумеренной радости, а от ума, почти отвлеченного общественными бедствиями. Но разве этот смех более неуместен, чем ваши неподобающие слезы? Тогда, стало быть, вы должны были плакать, когда у вас бесславно отняли оружие, сожгли корабли и запретили участвовать во внешних войнах. [pg 248] Это был смертельный удар, который поверг нас на землю. Мы воспринимаем общественное бедствие лишь постольку, поскольку имеем к нему личное отношение; а потеря наших денег вызывает у нас самую острую печаль. Поэтому, когда наш город стал добычей победителя, когда он остался безоружным и беззащитным среди стольких могущественных народов Африки, которые в то время вышли на поле боя, не было слышно ни стога, ни вздоха. Но теперь, когда вас призывают внести индивидуальный вклад в налог, налагаемый на государство, вы стенаете и сетуете, как будто все потеряно. Увы! Я только желаю, чтобы предмет сегодняшней скорби не показался вам вскоре наименьшим из ваших несчастий".

Закончив все дела, Сципион отправился в путь, чтобы вернуться в Италию. Он прибыл в Рим через толпы людей, которых любопытство собрало вместе, чтобы посмотреть на его поход. Ему был присужден самый великолепный триумф, который когда-либо видел Рим, и этому великому человеку была присвоена фамилия Африканский; эта честь до тех пор была неизвестна, ни один человек до него не брал на себя имя побежденного народа. Так завершилась вторая Пуническая война, длившаяся семнадцать лет.

A.M. 3804. A. Kart. 646. A. Rom. 548. Ant. J.C. 200.

Краткое размышление о правительстве Карфагена во время Второй Пунической войны. В заключение изложения деталей, относящихся ко Второй Пунической войне, я приведу размышления [Полибия809](#), которые покажут разницу между двумя содружествами - Римом и Карфагеном. Можно утверждать, что в начале второй Пунической войны и во времена Ганнибала Карфаген находился в упадке. Цветок его молодости и бодрости уже уменьшился. Он начал падать со своего возвышенного пика могущества и склонялся к гибели, в то время как Рим был тогда в расцвете сил и стремительно шел к завоеванию вселенной. Причину упадка одного и подъема другого Полибий выводит из различий в форме правления, установленной в этих государствах в то время, о котором мы сейчас говорим. В Карфагене простой народ захватил власть над государем [pg 249] в отношении государственных дел, и к советам древних людей или магистратов больше не прислушивались; все дела решались интригами и заговорами. Не стоит обращать внимания на хитрости, которые враждебная Ганнибалу фракция применяла в течение всего времени его командования, чтобы сбить его с толку; один только случай сожжения римских судов во время перемирия, вероломный поступок, к которому простой народ вынудил сенат приложить свое имя и помощь, является доказательством утверждения Полибия. Напротив, в это самое время римляне с величайшим почтением относились к своему сенату, то есть к органу, состоящему из величайших мудрецов, а их стариков слушали и почитали как оракулов. Хорошо известно, что римский народ очень ревностно относился к своей власти, особенно в том, что касалось избрания магистратов. Столетие молодых людей, которые по жребию должны были подавать первый голос, определявший все остальные, выдвинуло двух консулов.[810](#) На недвусмысленный протест Фабия,[811](#) который представил народу, что в бурю, подобную той, с которой тогда боролся Рим, следует выбирать самых способных лоцманов для управления государственным судном, столетие вернулось к своему голосованию и выдвинуло других консулов. Полибий делает вывод, что народ, руководствующийся благоразумием стариков, не мог не одержать верх над государством, которое управлялось исключительно легкомысленной толпой. И действительно, римляне под руководством мудрых советов своего сената в конце концов добились превосходства в войне в

целом, хотя и потерпели поражение в нескольких конкретных столкновениях; они утвердили свою власть и величие на гибели своих соперников.

Интервал между Второй и Третьей Пунической войной Этот интервал, хотя и достаточно значительный по своей продолжительности, поскольку он занял более пятидесяти лет, мало примечателен с точки зрения событий, связанных с Карфагеном. Их можно свести к двум темам, одна из которых связана с личностью Ганнибала, а другая - с определенными разногласиями [pg 250] между карфагенянами и нумидийским царем Масиниссой. Мы рассмотрим обе эти темы по отдельности, но не очень подробно.

РАЗДЕЛ. I. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГАННИБАЛА. Когда вторая Пуническая война была закончена мирным договором, заключенным со Сципионом, Ганнибалу, как он сам отметил в карфагенском сенате, было сорок пять лет. То, что нам предстоит рассказать об этом великом человеке, охватывает промежуток в двадцать пять лет.

После заключения мира Ганнибал, по крайней мере в первое время, пользовался большим уважением в Карфагене, где с честью и орденами исполнял первые государственные обязанности. Он возглавлял карфагенские войска в некоторых войнах против [африканцев](#)⁸¹², но римляне, которым само имя Ганнибала внушало беспокойство, не могли видеть его с оружием в руках без неудовольствия, подавали жалобы по этому поводу, и, соответственно, он был отозван в Карфаген.

По возвращении он был назначен претором, что, по-видимому, было очень значительной должностью и давало большие полномочия. Таким образом, Карфаген станет для него новым театром, на котором он проявит достоинства и качества, совершенно отличные от тех, которыми мы до сих пор восхищались, и которые завершат картину этого выдающегося человека.

Горячо желая вернуть дела своей пострадавшей страны в прежнее счастливое состояние, он был убежден, что двумя самыми мощными методами, способствующими процветанию государства, являются точное и равное распределение справедливости среди всех его подданных в целом и скрупулезная верность в управлении государственными финансами. Первое, сохраняя равенство между гражданами и обеспечивая им такую восхитительную, ничем не нарушаемую свободу под защитой законов, которая полностью обеспечивает их честь, жизнь и имущество, теснее объединяет людей в содружестве и крепче привязывает их к государству, которому они обязаны сохранением всего, что им наиболее дорого и ценно. Последняя, благодаря [pg 251] верному управлению государственными доходами, своевременно обеспечивает различные нужды и потребности государства; держит в резерве неистощимые ресурсы для внезапных чрезвычайных ситуаций и предотвращает обременение народа новыми налогами, которые становятся необходимыми из-за чрезмерного изобилия и которые главным образом способствуют тому, что люди питают отвращение к правительству".

Ганнибал с большой тревогой наблюдал за нарушениями, которые проникали как в отправление правосудия, так и в управление финансами. После того как его назначили претором, его любовь к регулярности и порядку заставляла его беспокоиться о каждом отклонении от него и побуждала его прилагать все усилия для его восстановления; он отважился попытаться исправить это двойное злоупотребление, которое влекло за собой бесчисленное множество других, не опасаясь ни враждебности старой фракции, которая выступала против него, ни новой вражды, которую его ревность к республике должна была обязательно навлечь на него.

Судьи безнаказанно занимались самыми вопиющими [вымогательствами](#)⁸¹³. Они были такими же мелкими тиранами, которые произвольно распоряжались жизнями и состояниями граждан; не было ни малейшей возможности положить конец их несправедливости, потому что они занимали

свои должности пожизненно и взаимно поддерживали друг друга. Ганнибал, будучи претором, вызвал в свой трибунал чиновника, принадлежавшего к судейской коллегии, который открыто злоупотреблял своей властью. Ливий сообщает нам, что он был квестором. Этот чиновник, принадлежавший к противоположной Ганнибалу фракции и уже принявший на себя всю гордость и надменность судей, в число которых он должен был войти по истечении срока своих полномочий, дерзко отказался подчиниться вызову. Ганнибал был не в том настроении, чтобы безропотно терпеть подобное оскорбление. Поэтому он приказал схватить его и привести в народное собрание. Там, не удовлетворившись тем, что направил свое негодование на одного чиновника, он подверг импичменту всю судейскую коллегию, чья невыносимая и тираническая гордыня не была сдержана ни страхом перед законами, ни почтением к магистратам. И поскольку Ганнибал понял, [pg 252] что его выслушали с удовольствием, и что самые низкие и незначительные из людей обнаружили по этому случаю, что они больше не в состоянии выносить наглую гордость этих судей, которые, казалось, замыслили их свободы, он предложил закон (который, соответственно, был принят), в котором говорилось, что новые судьи должны выбираться ежегодно; с оговоркой, что никто не должен оставаться в должности больше этого срока. Этот закон, одновременно с дружбой и уважением народа, навлек на него ненависть большей части вельмож и дворянства.

Он попытался провести еще одну реформу, которая создала ему новых врагов, но принесла большую честь.⁸¹⁴ Общественные доходы либо растрачивались по небрежности тех, кто ими распоряжался, либо расхищались главными людьми города и магистратами; так что, не имея денег для выплаты ежегодной дани римлянам, карфагеняне собирались взыскать ее с народа в целом. Ганнибал, вникая в подробности государственных доходов, приказал представить ему точную смету их; поинтересовался, как они были использованы, каковы занятия и обычные расходы государства; И, обнаружив в результате этого расследования, что государственные средства в значительной степени расхищены мошенничеством должностных лиц, которые ими распоряжались, он объявил и пообещал в полном собрании народа, что, не облагая частных лиц никакими новыми налогами, республика впредь будет в состоянии выплачивать дань римлянам; и он сдержал свое слово. Крестьяне, чьи грабежи и насильственные действия он публично разоблачил, привыкшие до сих пор нажираться на трофеях своей страны, горячо **воскликали**⁸¹⁵ против этих постановлений, как будто из их рук вырвали их собственное имущество, а не те суммы, которые они награбили у населения.

Отступление и смерть Ганнибала.⁸¹⁶ Эта двойная реформация злоупотреблений вызвала большой шум против Ганнибала. Его враги беспрестанно писали главным людям или их [pg 253] друзьям в Рим, чтобы сообщить им, что он ведет тайную разведку с Антиохом, царем Сирии; что он часто получает от него курьеров; и что этот принц в частном порядке отправил к Ганнибалу агентов, чтобы согласовать с ним меры для ведения задуманной им войны: Что, как некоторые животные бывают настолько свирепы, что их невозможно приручить, так и этот человек был столь буйного и непримиримого нрава, что не мог смириться, а потому рано или поздно снова вспыхнул бы. К этим сведениям прислушались в Риме; а поскольку предыдущая война была начата и продолжена почти исключительно Ганнибалом, они казались более вероятными. Однако Сципион решительно воспротивился насильственным мерам, которые сенат собирался принять после получения этих сведений, считая унижением для достоинства римского народа поддерживать ненависть и обвинения врагов Ганнибала, поддерживать своим авторитетом их несправедливые страсти и упрямо преследовать его даже в самом сердце его страны, как будто римляне недостаточно смирили его, изгнав с поля боя и заставив сложить оружие.

Но, несмотря на эти благоразумные уговоры, сенат назначил трех уполномоченных отправиться с жалобами в Карфаген и потребовать, чтобы Ганнибал был выдан им. По прибытии в город

Ганнибал, хотя и прикидывался, что есть и другие мотивы, прекрасно понимал, что цель - только он сам. Наступил вечер, и он взошел на борт корабля, который тайно приготовил для этой цели; при этом он сокрушался о судьбе своей страны больше, чем о своей собственной. *Sæpiùs patriæ quàm suorum*⁸¹⁷ *eventus miseratus*. Это было на восьмой год после заключения мира. Первым местом, где он высадился, был Тир, где его приняли как в своей второй стране и оказали ему все почести, полагающиеся за его возвышенные заслуги.

A.M. 3812. A. Rom. 556.

Пробыв здесь несколько дней, он отправился в Антиохию, которую недавно покинул царь, и оттуда ждал его в Эфесе. Прибытие столь знаменитого полководца доставило царю [pg 254] большое удовольствие и не в малой степени способствовало его решимости вступить в войну с Римом, ибо до сих пор он проявлял колебания и неуверенность в этом вопросе. В этом городе один философ, которого считали величайшим оратором Азии, имел неосторожность произнести перед Ганнибалом длинную речь об обязанностях полководца и правилах военного искусства.⁸¹⁸ Эта речь очаровала всю аудиторию. Но когда Ганнибала спросили его мнение о ней, он сказал: "Я видел в своей жизни много старых болванов, но этот превосходит их всех"⁸¹⁹.

Карфагеняне, справедливо опасаясь, что бегство Ганнибала непременно навлечет на них оружие римлян, прислали им совет, что Ганнибал удалился к Антиоху.⁸²⁰ Римляне были очень встревожены этим известием, и царь мог бы обратить его себе на пользу, если бы знал, как правильно им воспользоваться.

Первый совет, который Ганнибал дал ему в это время и который он часто повторял впоследствии, состоял в том, чтобы сделать Италию местом ведения войны.⁸²¹ Он требовал сто кораблей, одиннадцать или двенадцать тысяч сухопутных войск и предлагал взять на себя командование флотом; перейти в Африку, чтобы вовлечь карфагенян в войну; а затем совершить наступление на Италию, во время которого сам царь должен оставаться в Греции со своей армией, постоянно держа себя в готовности перейти в Италию, когда это будет удобно. Это было единственное, что следовало сделать, и царь поначалу очень одобрил это предложение.

Ганнибал считал целесообразным подготовить своих друзей в Карфагене, чтобы сильнее вовлечь их в свои взгляды.⁸²² Передача информации с помощью писем не только небезопасна, но они могут дать лишь несовершенное представление о вещах, [pg 255] и никогда не бывают достаточно конкретными. Поэтому он отправил в Карфаген надежного человека с подробными инструкциями. Этот человек прибыл в город с трудом, но о его делах догадались. За ним следили и следили, и, наконец, был отдан приказ о его поимке. Однако он усыпил бдительность своих врагов и сбежал ночью, разложив в нескольких общественных местах бумаги, в которых полностью излагался повод его путешествия. Сенат немедленно отправил совет об этом римлянам.

A.M. 3813. A. Rom. 557.

Виллий, один из депутатов, отправленных в Азию, чтобы выяснить положение дел и, по возможности, раскрыть истинные замыслы Антиоха, нашел Ганнибала в Эфесе.⁸²³ Он имел с ним много бесед, нанес ему несколько визитов и всячески старался выказать особое уважение к нему по любому поводу. Но главной его целью было вызвать подозрение и ослабить доверие к нему со стороны царя, в чем он слишком преуспел.⁸²⁴

Некоторые авторы утверждают, что Сципион участвовал в этом [посольстве](#)⁸²⁵, и даже рассказывают о разговоре, который этот генерал имел с Ганнибалом. Они рассказывают, что римлянин спросил его, кто, по его мнению, является величайшим полководцем, который когда-

либо жил, и тот ответил, что Александр Великий, потому что с горсткой македонцев он победил бесчисленные армии и занес свои завоевания в такие отдаленные страны, что казалось едва ли возможно для любого человека пройти так далеко. Когда после этого его спросили, кому он присвоил второе звание, он ответил: Пирру: Потому что этот царь первым понял искусство разбивать лагерь с пользой для дела; ни один полководец никогда не выбирал более разумно свои посты, не умел лучше расставлять войска и не был более ловок в завоевании расположения чужеземных солдат; так что даже жители Италии больше желали иметь его [pg 256] своим правителем, хотя и иностранцем, чем сами римляне, которые так давно обосновались в их стране. Сципион спросил его, кого он считает третьим, на что Ганнибал без колебаний присвоил это звание себе. Тут Сципион не смог удержаться от смеха: "Но что бы ты сказал, - продолжал Сципион, - если бы победил меня?" "Я бы, - ответил Ганнибал, - поставил себя выше Александра, Пирра и всех полководцев, которых когда-либо создавал мир". Сципион не остался равнодушным к столь изысканной и тонкой лести, которой он никак не ожидал и которая, не оставляя ему соперника, как бы намекала, что ни один полководец не достоин сравнения с ним.

Ответ, рассказанный [Плутархом](#)⁸²⁶, менее остроумен и не столь вероятен. У этого автора Ганнибал ставит Пирра на первое место, Сципиона - на второе, а себя - на третье.

Ганнибал, зная о холодности, с которой Антиох принял его со времени его переговоров с Виллием или Сципионом, некоторое время не обращал на это внимания и, казалось, не замечал этого.⁸²⁷ Но наконец он счел целесообразным объяснить с царем и свободно открыть ему свои мысли. "Ненависть (говорит он), которую я питаю к римлянам, известна всему миру. Я связал себя с ними клятвой с самого нежного младенчества. Именно эта ненависть заставляла меня орудовать мечом против Рима в течение тридцати шести лет. Именно она, даже во времена мира, изгнала меня из родной страны и заставила искать убежища в ваших владениях. Навеки ведомый той же страстью, если мои надежды здесь не оправдаются, я отправлюсь во все уголки земного шара и подниму все народы против римлян. Я ненавижу их и буду ненавидеть вечно; и знаю, что они питают ко мне не меньшую враждебность. До тех пор, пока ты будешь сохранять решимость выступить против них, ты можешь причислить Ганнибала к числу своих лучших друзей. Но если другие советы склонят тебя к миру, я заявляю тебе раз и навсегда: обращай за советом к другим, а не ко мне". Такая речь, идущая от сердца и выражающая величайшую искренность, поразила царя и, казалось, сняла все его подозрения; теперь он решил отдать Ганнибалу командование частью своего флота.

[pg 257]

Но какой хаос лезть не способна произвести при дворах и в умах принцев! Антиоху сказали, "что с его стороны было бы неосмотрительно так доверять Ганнибалу, изгнаннику, карфагенянину, чья удача или гений могли бы предложить ему в один день тысячу различных проектов: что, кроме того, эта самая слава, которую Ганнибал приобрел на войне и которую он считал своим особым наследством, слишком велика для человека, который сражается только под чужими знаменами: что никто, кроме царя, не должен быть полководцем и руководителем войны, и что только он один должен привлекать к себе взоры и внимание всех людей; тогда как если бы Ганнибал был нанят, то ему (чужеземцу) приписывалась бы слава всех успехов." "Нет умов, - говорит Ливий по этому поводу, - более склонных к зависти, чем те, чьи заслуги ниже их рождения и достоинства; такие люди всегда ненавидят добродетели и достоинства в других, только по этой причине, потому что они чужды и чужды им самим". Это наблюдение полностью подтвердилось в данном случае. Антиоха взяли на слабо; низкая и подлая зависть, свойственная маленьким умам, погасила в этом монархе все великодушные чувства. Теперь Ганнибал был пренебрег и отброшен в сторону: однако он сильно отомстил Антиоху за неудачный успех этого принца и показал, как несчастен тот царь, чья душа доступна зависти, а уши открыты для ядовитых намеков льстецов.

На состоявшемся через некоторое время совете, куда Ганнибал был допущен для проформы, он, когда пришла его очередь говорить, старался главным образом доказать, что Филипп Македонский должен на любых условиях заключить союз с Антиохом, что было не так трудно, как можно было бы [представить](#)⁸³⁰. "Что касается военных действий, - говорит Ганнибал, - то я неизменно придерживаюсь своего первого мнения; и если бы к моим советам прислушались раньше, то Тоскана и Лигурия сейчас были бы в огне, а Ганнибал (это имя наводит ужас на римлян) - в Италии. Пусть я не очень сведущ в других делах, но удачи и неудачи, которые я встречал, должны [pg 258] обязательно научить меня в достаточной мере вести войну против римлян. Теперь мне ничего не остается, как дать тебе совет и предложить свои услуги. Пусть боги даруют успех всем твоим начинаниям!" Речь Ганнибала была встречена овациями, но ни один из его советов не был приведен в исполнение.

Антиох, навязанный и убаюканный своими льстецами, оставался спокойным в Эфесе, после того как римляне изгнали его из [Греции](#)⁸³¹, ни разу не подумав, что они когда-нибудь вторгнутся в его владения. Ганнибал, который теперь был восстановлен в правах, постоянно уверял его, что война скоро переместится в Азию и что он скоро увидит врага у своих ворот; что он должен решиться либо отречься от своего трона, либо энергично противостоять народу, посягнувшему на мировую империю. Эти рассуждения в какой-то мере пробудили короля от летаргии и побудили его сделать несколько слабых попыток. Но так как его поведение было неустойчивым, то, понеся множество значительных потерь, он был вынужден закончить войну позорным миром, одним из пунктов которого было то, что он должен выдать Ганнибала римлянам. Однако тот не дал ему возможности привести это в исполнение, а удалился на остров Крит, чтобы там обдумать, какой курс ему лучше выбрать.

Богатства, которые он привез с собой и о которых узнали жители острова, должны были стать его гибелью.⁸³² Ганнибал никогда не был скуден на хитрости, и сейчас ему представился случай применить их, чтобы спасти и себя, и свои сокровища. Он наполнил несколько сосудов расплавленным свинцом, а сверху покрыл их золотом и серебром. Их он поместил в храм Дианы в присутствии нескольких критян, которым, по его словам, он доверил все свои сокровища. Затем вокруг храма была выставлена сильная стража, и Ганнибал вышел на полную свободу, полагая, что его богатства находятся в безопасности.

А.М. 3820. А. Ром. 564.

Но он спрятал их в полых статуях из меди,⁸³³ которые всегда носил с собой. И вот, воспользовавшись благоприятным случаем, чтобы [pg 259] скрыться, он бежал ко двору Пруссия, царя [Вифинии](#)⁸³⁴.

Из истории следует, что он пробыл некоторое время при дворе этого князя, который вскоре вступил в войну с Евменом, царем Пергама, признанным другом римлян. С помощью Ганнибала войска Пруссия одержали несколько побед на суше и на море.

В морском бою он применил необычную хитрость.⁸³⁵ Поскольку флот противника состоял из большего числа кораблей, чем его, он прибег к хитрости. Он положил в глиняные сосуды всевозможных змей и приказал бросить эти сосуды в корабли противника. Его главной целью было уничтожить Эвмена, а для этого нужно было выяснить, на каком корабле он находится. Ганнибал выяснил это, отправив лодку под предлогом передачи ему письма. Добившись своего, он приказал командирам соответствующих судов направить атаку главным образом на корабль Эвмена. Они послушались и взяли бы его, если бы он не опередил своих преследователей. Остальные корабли Пергама стойко выдержали бой, пока в них не были брошены глиняные сосуды. Сначала они только смеялись над этим и очень удивлялись, что против них применяют такое оружие. Но когда они увидели себя окруженными змеями, которые выпрыгивали из этих

сосудов, когда те разлетались на куски, их охватил ужас, они в беспорядке отступили и уступили победу врагу.

A.M. 3882. A. Rom. 566.

Казалось бы, столь важные услуги навсегда обеспечили Ганнибалу беспрепятственное убежище при дворе этого князя.⁸³⁶ Однако римляне не хотели, чтобы он спокойно находился там, а направили к Прусию К. Фламинина с жалобой на защиту, которую он оказывал Ганнибалу. Последний легко догадался о мотивах этого посольства и поэтому не стал дожидаться, пока у врагов появится возможность выдать его. Сначала он попытался обезопасить себя бегством, но, увидев, что семь тайных выходов, которые он устроил в своем дворце, захвачены солдатами Прусия, который, вероломно предав своего гостя, желал заставить [pg 260] свой двор римлянам; Он приказал принести ему яд, который долго хранил для этого печального случая, и, взяв его в руку, сказал: "Освободим римлян от беспокойства, которое их так долго мучило, раз у них не хватило терпения дождаться смерти старика. Победа, которую одержит Фламинин над человеком, обезоруженным и преданным, не сделает ему большой чести. Этот единственный день станет вечным свидетельством великого вырождения римлян. Их отцы послали Пирру уведомление, чтобы он остерегался предателя, который намеревался отравить его, и это в то время, когда этот принц воевал с ними в самом центре Италии; но их сыновья послали человека консульского достоинства, чтобы он поднял дух Прусия, нечестиво убив того, кто является не только его другом, но и гостем." Призвав проклятия на Прусия и обратившись к богам, покровителям и защитникам священных прав гостеприимства, он проглотил яд⁸³⁷ и умер в возрасте семидесяти лет.

Этот год был знаменателен смертью трех великих людей, Ганнибала, Филопемена и Сципиона, которых объединяло то, что все они умерли за пределами своей родины, смертью, мало соответствующей славе их деяний. Двое первых умерли от яда: Ганнибал был предан своими солдатами, а Филопемени, взятый в плен в битве с мессенцами и брошенный в темницу, был вынужден проглотить яд. Что касается Сципиона, то он изгнал себя, чтобы избежать несправедливого преследования, которое велось против него в Риме, и закончил свои дни в некой безвестности.

Характер и восхваление Ганнибала... Это было бы подходящим местом для представления прекрасных качеств Ганнибала, который принес столько славы Карфагену. Но поскольку я уже пытался обрисовать его характер в другом месте,⁸³⁸ а также дать справедливое представление о нем, проведя сравнение между ним и [pg 261] Сципионом, я считаю себя избавленным от необходимости приводить его хвалебные речи в этом месте.

Люди, посвятившие себя профессии оружейника, не могут тратить слишком много времени на изучение этого великого человека, которого лучшие судьи рассматривают как самого совершенного генерала почти во всех отношениях, когда-либо созданного миром.

За все семнадцать лет, что длилась война, ему приписывают только две ошибки: во-первых, то, что сразу после битвы при Каннах он не направил свою победоносную армию в Рим, чтобы осадить этот город; во-вторых, то, что во время зимовки в Капуе он ослабил и умерил их мужество: ошибки, которые лишь показывают, что великие люди не во всем таковы;⁸³⁹ *summi enim sunt, homine tamen*; и которые, возможно, можно отчасти оправдать.

Но за этими двумя ошибками скрывается множество блестящих качеств Ганнибала! Как обширны были его взгляды и замыслы, даже в самые нежные годы! Какое величие души! Какая неустрашимость! Каким присутствием духа он должен был обладать, чтобы уметь даже в огне и жару действий обратить все на пользу! С каким удивительным умом он должен был управлять

умами людей, чтобы среди такого множества народов, составлявших его армию, которые часто испытывали недостаток в деньгах и провизии, в его лагере ни разу не вспыхнуло восстание ни против него самого, ни против его генералов! С какой справедливостью, с какой умеренностью он должен был вести себя по отношению к своим новым союзникам, чтобы довести их до такого состояния, чтобы они были нерушимо связаны с его службой, хотя он был вынужден заставить их нести почти все тяготы войны, размещая на них свою армию и взимая контрибуцию в их странах! Короче говоря, насколько плодотворным должен был быть его опыт, чтобы в течение стольких лет вести войну в отдаленной стране, несмотря на жестокое противодействие со стороны могущественной фракции дома, которая отказывала ему во всех поставках и мешала ему во всех случаях; Можно утверждать, что Ганнибал на протяжении всей этой войны казался единственной опорой государства и душой каждой части империи [pg 262] карфагенян, которые никогда не могли считать себя побежденными, пока Ганнибал не признался, что сам был таковым.

Но наше знакомство с Ганнибалом будет очень несовершенным, если мы будем рассматривать его только во главе армий. Те сведения, которые мы узнаем из истории о тайных переговорах, которые он вел с Филиппом Македонским, о мудрых советах, которые он давал Антиоху, царю Сирии, о двойной реформе, которую он ввел в Карфагене в отношении управления государственными доходами и отправления правосудия, доказывают, что он был великим государственным деятелем во всех отношениях. Его гений был настолько превосходен и универсален, что охватывал все сферы государственного управления; и настолько велики были его природные способности, что он мог с блеском выполнять все различные функции. Ганнибал так же блистал в кабинете министров, как и в поле; он одинаково умел выполнять как гражданские, так и военные обязанности. Одним словом, он соединил в своем лице различные таланты и достоинства всех профессий, меча, платья и финансов.

Он был немного образован, и хотя он был занят военным трудом и участвовал в стольких войнах, он, однако, находил досуг для занятий литературой.⁸⁴⁰ Несколько умных реплик Ганнибала, дошедших до нас, показывают, что он обладал большим запасом природного остроумия; и он улучшил его путем самого учтивого образования, которое только можно было дать в то время и в такой республике, как Карфаген. Он неплохо говорил по-гречески и даже написал несколько книг на этом языке. Его наставником был лакедемонянин по имени Сосилий, который вместе с Филением, другим лакедемонянином, сопровождал его во всех походах. Оба они взялись написать историю этого прославленного воина.

Что касается его религии и нравственного поведения, то он вовсе не был таким распутником и нечестивцем, каким его представляет Ливий:⁸⁴¹ "жестокий до бесчеловечности, более вероломный, чем карфагенянин; невзирая на правду, на честность, на священные узы клятвы; бесстрашный перед богами и совершенно лишенный религии". *Inhumana crudelitas, perfida plusquam Punica; nihil veri, nihil sancti, nullus deum metus, nullum jusjurandum, nulla* [pg 263] *religio*. Согласно Полибию⁸⁴², он отклонил варварское предложение, сделанное ему перед вступлением в Италию, которое заключалось в том, чтобы есть человеческую плоть, в то время как его армия испытывала абсолютную нехватку провизии. Через несколько лет после этого он не стал обращаться с варварством, как ему советовали, с мертвым телом Семпрония Гракха, которое ему прислал Маго, а устроил его похороны в присутствии всей армии⁸⁴³. Мы видели, как он во многих случаях проявлял величайшее почтение к богам; и Юстин⁸⁴⁴, который копирует Трога Помпея, автора, заслуживающего доверия, отмечает, что он всегда проявлял необыкновенную умеренность и постоянство в отношении большого количества женщин, взятых им во время столь долгой войны; так что никто не мог бы предположить, что он родился в Африке, где недержание является преобладающим пороком этой страны. *Pudicitiamque eum tantam inter tot captivas habuisse, ut in Africa natum quivis negaret.*

Его пренебрежение к богатству в то время, когда у него было столько возможностей обогатиться за счет грабежа городов, которые он штурмовал, и народов, которые он покорял, показывает, что он знал истинное и подлинное использование богатства, которое должен делать полководец, а именно: завоевывать расположение своих солдат и привязывать союзников к своим интересам, оказывая им благодеяния в соответствующих случаях и не скупясь на награды: качество очень важное и в то же время редкое для полководца. Деньги Ганнибал использовал только для покупки успеха; он был твердо убежден, что человек, стоящий во главе дела, в достаточной степени вознаграждается славой, полученной в результате победы.

Он всегда вел очень регулярную и строгую [жизнь](#)⁸⁴⁵ ; даже в мирное время и в середине Карфагена, когда он был облечен первым саном города, нам говорят, что он никогда не откидывался на ложе во время еды, как это было принято в те века, и что он пил очень мало вина. Такая регулярная и равномерная жизнь может послужить славным [pg 264] примером для наших командиров, которые часто включают в число привилегий войны и обязанностей офицеров содержание роскошных столов и роскошную жизнь.

Однако я не претендую на то, чтобы полностью оправдать Ганнибала от всех ошибок, в которых его обвиняют. Хотя он обладал целым набором самых возвышенных качеств, нельзя отрицать, что он имел некоторый оттенок пороков своей страны, и что трудно оправдать некоторые действия и обстоятельства его жизни. Полибий отмечает,⁸⁴⁶ что Ганнибал был обвинен в скупости в Карфагене и в жестокости в Риме. Он добавляет по этому же поводу, что мнения людей о нем сильно разделились, и неудивительно, что, поскольку он нажил себе столько врагов в обоих городах, они рисовали его в невыгодных тонах. Но Полибий считает, что, хотя и следует считать само собой разумеющимся, что все недостатки, в которых его обвиняют, правдивы, они объясняются не столько его характером и склонностями, сколько трудностями, с которыми он был окружен в ходе столь долгой и трудоемкой войны, и тем благодушием, которое он был вынужден проявлять к генералам, чья помощь была ему совершенно необходима для осуществления различных предприятий, и которых он не всегда мог сдерживать, как и солдат, сражавшихся под их началом.

РАЗДЕЛ. II. РАЗДОРЫ МЕЖДУ КАРФАГЕНЯНАМИ И МАСИНИССОЙ, ЦАРЕМ НУМИДИИ. Среди условий мира, заключенного с карфагенянами, было одно, которое гласило, что они должны вернуть Масиниссе все территории и города, которыми он владел до войны; кроме того, Сципион, в награду за рвение и верность, проявленные этим монархом по отношению к римлянам, присоединил к его владениям Сифакс. Этот подарок впоследствии стал поводом для споров и ссор между карфагенянами и нумидийцами.

Эти два принца, Сифакс и Масинисса, оба были царями Нумидии, но правили разными народами. Подданные Сифакса назывались Масесулами, а их столицей была Кирта. Подданные Масиниссы были Массили: но лучше [pg 265] их называть нумидийцами, что было общим для них обоих. Их главная сила заключалась в коннице. Они всегда ездили без седел, а некоторые даже без уздечек, отчего [Вергилий](#)⁸⁴⁷ называет их Numidæ infræni.

В начале второй Пунической [войны](#)⁸⁴⁸ Сифакс перешел на сторону римлян, Гала, отец Масиниссы, чтобы помешать карьере столь могущественного соседа, счел за благо присоединиться к карфагенянам и отправил против Сифакса мощную армию под командованием своего сына, которому в то время было всего семнадцать лет. Сифакс, будучи побежденным в битве, в которой, как говорят, он потерял тридцать тысяч человек, бежал в Мавританию. Однако впоследствии ситуация сильно изменилась.

Масинисса после смерти отца часто оказывался на грани [гибели](#)⁸⁴⁹ ; его изгнал из царства узурпатор; его активно преследовал Сифакс; ему каждый миг грозила опасность попасть в руки

врагов; у него не было ни сил, ни денег, ни всех ресурсов. В то время он находился в союзе с римлянами и был другом Сципиона, с которым имел беседу в Испании. Несчастья не позволили ему оказать большую помощь этому полководцу. Когда Лелий прибыл в Африку, Масинисса присоединился к нему с несколькими лошадьми и с тех пор нерушимо поддерживал римские интересы. Сифакс, напротив, женившись на знаменитой Софонисбе, дочери Асдрубала, перешел на сторону карфагенян.⁸⁵⁰

Судьба этих двух принцев снова изменилась, но теперь перемена была окончательной.⁸⁵¹ Сифакс проиграл великую битву и был взят живым врагом. Масинисса, победитель, осадил Кирту, его столицу, и взял ее. Но в этом городе он встретился с большей опасностью, чем в поле, и это была Софонисба, перед чарами и ласками которой он не смог устоять. Чтобы закрепить за собой эту принцессу, он женился на ней, но через несколько дней после этого был вынужден послать ей дозу яда в качестве свадебного подарка; это был единственный способ, который он смог придумать, чтобы сдержать обещание, данное своей королеве, и уберечь ее от власти римлян.

[pg 266]

Это было значительной ошибкой, которая не могла не обескуражить народ, столь ревностно относящийся к своей власти; но этот молодой принц славно загладил свою вину, оказав впоследствии Сципиону значительные услуги. Мы заметили, что после поражения и взятия Сифакса владения этого принца были отданы ему [самому](#)⁸⁵², и карфагеняне были вынуждены вернуть все, чем он владел до этого. Это послужило поводом для разделения, о котором мы сейчас расскажем.

Предметом спора стала территория, расположенная на берегу моря, у меньшего Сиртиса.⁸⁵³ Страна была очень богатой, а почва - чрезвычайно плодородной; доказательством тому служит тот факт, что один только город Лептис, принадлежавший к этой территории, ежедневно платил карфагенянам дань в размере одного таланта. Масинисса захватил часть этой территории. Каждая из сторон отправила в Рим своих депутатов, чтобы те изложили перед сенатом интересы своих начальников. Сенат счел нужным послать Сципиона Африканского с двумя другими комиссарами для рассмотрения спора на месте. Однако они вернулись, не придя ни к какому решению, и оставили дело в том же неопределенном состоянии, в котором нашли его. Возможно, они действовали таким образом по приказу сената, получив частные инструкции отдать предпочтение Масиниссе, который в то время владел этим районом.

A.M. 3823. A. Rom. 567.

Через десять лет после этого новые комиссары были назначены для рассмотрения того же дела, они действовали так же, как и прежние, и оставили все без [решения](#)⁸⁵⁴.

A.M. 3833. A. Rom. 577.

Через некоторое время карфагеняне вновь обратились в сенат с жалобой, но с большей настойчивостью, чем [прежде](#)⁸⁵⁵. Они заявили, что помимо земель, которые оспаривались вначале, Масинисса за два предыдущих года лишил их около семидесяти городов и крепостей; их руки были связаны той статьей последнего договора, которая запрещала им вести войну с кем-либо из союзников римлян: что они не могут больше выносить наглость, скупость и жестокость этого князя: что они были направлены в Рим с тремя просьбами, [pg 267] (одну из которых они желали, чтобы немедленно выполнили), а именно. Либо чтобы дело было рассмотрено и решено сенатом; либо, во-вторых, чтобы им было позволено отразить силу силой и защищаться оружием; Или, наконец, если благосклонность возобладает над справедливостью, они попросят римлян раз

и навсегда указать, какие из карфагенских земель они хотели бы отдать Масиниссе, чтобы в будущем они знали, на что им рассчитывать, и чтобы римский народ проявил некоторую умеренность в их пользу в то время, когда этот принц не ставит иных границ своим притязаниям, кроме своей ненасытной алчности. В заключение депутаты умоляли римлян, что если у них есть какие-либо причины для жалоб на карфагенян после заключения последнего мира, то они сами их накажут, а не будут отдавать их на волю необузданного каприза князя, благодаря которому их свобода стала шаткой, а жизнь невыносимой. Закончив свою речь, пронзенные горем, проливая потоки слез, они упали ниц на землю; это зрелище тронуло всех присутствующих и вызвало яростную ненависть к Масиниссе. Присутствовавший при этом Гулусса, его сын, на вопрос, что он должен ответить, ответил, что отец не давал ему никаких поручений, не зная, что на него может быть возложено какое-либо дело. Он только хотел, чтобы сенат подумал, что обстоятельством, навлекшим на него всю эту ненависть со стороны карфагенян, была нерушимая верность, с которой он всегда был на стороне римлян. Сенат, выслушав обе стороны, ответил, что они склонны оказать справедливость любой стороне, которой она причитается: что Гулусса должен немедленно отправиться с их приказами к своему отцу, которому тем самым было велено немедленно послать депутатов с карфагенянами; что они сделают все, что в их силах, чтобы служить ему, но не в ущерб карфагенянам: что было бы справедливо сохранить древние пределы и что римляне отнюдь не собирались лишать карфагенян во время мира тех территорий и городов, которые были оставлены им по договору. Затем депутаты обеих держав были отпущены с обычными подарками.

[pg 268]

Но все эти заверения были лишь словами.⁸⁵⁶ Совершенно очевидно, что римляне ни разу не попытались удовлетворить карфагенян и не сделали им ни малейшей справедливости; они затянули дело, чтобы дать Масиниссе время утвердиться в своей узурпации и ослабить своих врагов.

A.M. 3848. A. Rom. 592.

Для рассмотрения дела на месте была послана новая депутация, одним из уполномоченных которой был Катон.⁸⁵⁷ По прибытии они спросили стороны, готовы ли они подчиниться их решению. Масинисса с готовностью подчинился. Карфагеняне ответили, что у них есть правила, которых они придерживаются, и что это договор, заключенный Сципионом, и пожелали, чтобы их дело было рассмотрено со всей возможной строгостью. Поэтому они не могли прийти ни к какому решению. Депутаты осмотрели всю страну и нашли ее в очень хорошем состоянии, особенно город Карфаген; они были удивлены, что после такого бедствия он так скоро снова возвысился до такого могущества и величия. Депутаты, вернувшись, не преминули ознакомить с этим обстоятельством сенат и заявили, что Рим никогда не сможет быть в безопасности, пока существует Карфаген. С этого времени, какое бы дело ни обсуждалось в сенате, Катон всегда добавлял к своему мнению следующие слова: "И я прихожу к выводу, что Карфаген должен быть разрушен". Этот серьезный сенатор не давал себе труда доказывать, что пустая зависть к растущему могуществу соседнего государства является достаточным основанием для разрушения города, противоречащего верности договоров. С другой стороны, Сципион Назика считал, что разрушение этого города повлечет за собой разрушение всего государства; ведь тогда римляне, не имея соперников, которых можно было бы опасаться, оставят древнюю суровость своих нравов и предадутся роскоши и удовольствиям, неизменным губителям самых процветающих империй.

Тем временем в Карфагене начались раздоры.⁸⁵⁸ Народная фракция, которая теперь стала превосходить фракцию грандов и сенаторов, отправила сорок граждан в изгнание и связала народ клятвой никогда не допускать даже малейшего упоминания об отзыве этих изгнанников. Они

удалились в [pg 269] двор Масиниссы, который отправил Гулусса и Миципса, двух своих сыновей, в Карфаген, чтобы просить об их отзыве. Однако ворота города были закрыты против них, а один из них был тщательно преследуем Гамилькаром, одним из генералов республики. Это дало повод к новой войне, и, соответственно, с обеих сторон были собраны армии. Произошло сражение, зрителем которого стал младший Сципион, впоследствии разрушивший Карфаген. Он был послан Лукуллом, который вел войну в Испании и под началом которого тогда служил Сципион, к Масиниссе, чтобы получить от этого монарха слонов. Во время всего боя он стоял на соседнем холме и был удивлен, увидев, что Масинисса, которому тогда было около восьмидесяти лет, сидит (по обычаю своей страны) на лошади без седла; он перебегал с места на место, как молодой офицер, и выдерживал самые тяжелые испытания. Бой был очень упорным и продолжался с утра до ночи, но в конце концов карфагеняне сдались. Сципион говорил потом, что присутствовал на многих сражениях, но ни на одном не получил такого удовольствия, как на этом; никогда прежде он не видел, как сражается столь грозное войско, без всякой опасности и неприятностей для себя. И, будучи весьма сведущ в сочинениях Гомера, он добавил, что до его времени лишь двое имели удовольствие быть зрителями такого действия: Юпитер с горы Иды и Нептун из Самофракии, когда греки и троянцы сражались перед Троей. Я не знаю, может ли зрелище ста тысяч мужчин (а их было так много), убивающих друг друга, доставить истинное удовольствие; и согласуется ли такое удовольствие с чувствами гуманности, столь естественными для человечества.

После окончания битвы карфагеняне обратились к Сципиону с просьбой прекратить их спор с Масиниссой.⁸⁵⁹ Он выслушал обе стороны, и карфагеняне согласились уступить территорию Эмпория,⁸⁶⁰ которая была [pg 270] первой причиной спора, выплатить Масиниссе двести талантов серебра вниз и еще восемьсот - в те сроки, которые будут оговорены. Но Масинисса настаивал на возвращении изгнанников, а карфагеняне не желали соглашаться на это предложение, поэтому они не пришли ни к какому решению. Сципион, отвесив комплименты и поблагодарив Масиниссу, отправился в путь со слонами, за которыми его послали.

Царь, сразу же после окончания битвы, заблокировал лагерь противника, разбитый на холме, куда не могли подойти ни войска, ни провиант.⁸⁶¹ В этот промежуток времени из Рима прибыли депутаты с приказом от сената решить ссору, если царь будет побежден; в противном случае оставить ее нерешенной и дать царю самые твердые заверения в продолжении их дружбы; и они выполнили последнее предписание. Тем временем в лагере врага с каждым днем усиливался голод, и, чтобы усугубить их бедствия, за ним последовала чума, которая произвела ужасающий хаос. Доведенные до последней крайности, они сдались Масиниссе, пообещав выдать дезертиров, выплатить ему пять тысяч талантов серебра за пятьдесят лет и восстановить изгнанников, несмотря на их клятвы в обратном. Все они подчинились позорной церемонии перехода под [иго](#)⁸⁶² и были уволены, получив лишь по одному костюму одежды на каждого. Гулусса, чтобы отомстить за плохое обращение, которое, как мы уже отмечали, он встретил, послал против них конницу, от которой они, из-за своей слабости, не могли ни убежать, ни устоять. Так что из пятидесяти восьми тысяч человек в Карфаген вернулось очень мало.

A.M. 3855. A. Carth. 697. A. Rom. 599. Ant. J.C. 149.

Третья Пуническая война, менее значительная, чем две предыдущие, по количеству и размаху сражений, и по продолжительности, которая составила всего четыре года, была еще более примечательной по успеху и событиям, так как закончилась полным разорением и уничтожением Карфагена.

[pg 271]

Жители этого города с момента своего последнего поражения знали, чего им следует опасаться от римлян, которые неизменно проявляли к ним большую недоброжелательность, как только те обращались к ним по поводу их споров с Масиниссой.⁸⁶³ Чтобы предотвратить последствия этого, карфагеняне постановлением сената объявили Асдрубала, генерала армии, и Карфалона, командующего [вспомогательными](#)⁸⁶⁴ силами, виновными в государственной измене, поскольку они были авторами войны против царя Нумидии. Затем они отправили депутацию в Рим, чтобы узнать, какое мнение сложилось в республике об их последних действиях и что от них требуется. Депутатам холодно ответили, что дело сената и народа Карфагена - знать, какое удовлетворение причитается римлянам. Вторая депутация не принесла им более ясного ответа, и они впали в величайшее уныние; охваченные сильнейшим ужасом от воспоминаний о своих прошлых страданиях, они воображали, что враг уже у их ворот, и представляли себе все ужасные последствия долгой осады и взятия города мечом в руки.

Тем временем в Риме сенат обсуждал, какие меры следует принять, и возобновились споры между Катонем Старшим и Сципионом Насиком, которые придерживались совершенно разных мнений по этому [вопросу](#)⁸⁶⁵. Первый, вернувшись из Африки, в самых решительных выражениях заявил, что нашел Карфаген не истощенным людьми и деньгами, как предполагали римляне, и не в слабом и покорном состоянии, а, напротив, переполненным энергичными молодыми людьми, изобилующим огромным количеством золота и серебра, огромными складами оружия и всех военных запасов, и настолько надменным и самоуверенным из-за этой силы, что их надежды и амбиции не имели границ. Далее рассказывается, что, закончив свою речь, он бросил из-под лаптя своей мантии на середину сената несколько африканских смокв, и, когда сенаторы восхищались их красотой и величиной, он сказал: "Знайте, - говорит он, - что прошло всего три дня [pg 272] с тех пор, как эти смоквы были собраны. Таково расстояние между врагом и нами "⁸⁶⁶.

У Катона и Насики были свои причины голосовать так, как они [голосовали](#)⁸⁶⁷. Насика, заметив, что народ поднялся на такую высоту дерзости, которая привела его к всевозможным излишествах; что его процветание раздуло в нем гордыню, которую не в силах был обуздать сам сенат; и что их власть стала настолько огромной, что они были способны силой втянуть город в любой безумный замысел, который они могли бы предпринять; Насика, говоря я, наблюдая это, желал, чтобы они продолжали бояться Карфагена, чтобы это могло служить сдерживающим фактором для их дерзкого поведения. Ведь, по его мнению, карфагеняне были слишком слабы, чтобы покорить римлян, и в то же время слишком сильны, чтобы они считали их презренными. Что касается Катона, то он считал, что, поскольку его соотечественники от успеха стали надменными и наглыми и с головой погрузились в распутство любого рода, ничто не может быть опаснее, чем иметь в качестве соперника и врага город, который до сих пор был могущественным, но стал, даже благодаря своим несчастьям, более мудрым и предусмотрительным, чем когда-либо; и не устранить полностью страх жителей перед иностранной державой, поскольку в своих собственных стенах они имели все возможности предаваться излишествах любого рода.

Отбросив на мгновение законы справедливости, я предоставляю читателю самому определить, кто из этих двух великих людей рассуждал наиболее справедливо, в соответствии с правилами разумной политики и истинными интересами государства. Одно несомненное обстоятельство: все историки отмечают, что в поведении и управлении римлян сразу после разорения Карфагена произошла ощутимая [перемена](#)⁸⁶⁸: порок больше не проникал в Рим робко и как бы исподтишка, а появлялся с обнаженным лицом и с поразительной быстротой захватывал [pg 273] все порядки республики: что сенаторы, плебеи, словом, все сословия, предались роскоши и сладострастию, без умеренности и чувства приличия, что привело, как и должно было неизбежно, к гибели государства". "Первый Сципион, - говорит Патеркул, говоря о римлянах, - заложил основы их будущего величия; последний же своими завоеваниями открыл дверь для всякой

роскоши и распущенности. Ибо после полного разрушения Карфагена, из-за которого Рим был вынужден вечно стоять на чеку, оспаривая империю у этого города, разврат нравов уже не медлил, а сразу достиг крайней степени разврата".

Как бы то ни было, сенат решил объявить войну карфагенянам; причины или предлоги для этого были следующие: они держали корабли вопреки условиям договора; они отправили армию из своих территорий против принца, который был в союзе с Римом, и с сыном которого они плохо обращались, в то время, когда его сопровождал римский [посол](#)⁸⁷⁰.

A.M. 3856. A. Rom. 600.

Случай, который очень удачно произошел в то время, когда римский сенат обсуждал дело Карфагена, несомненно, во многом способствовал принятию этого решения.⁸⁷¹ Это было прибытие депутатов из Утики, которые пришли, чтобы отдать себя, свое имущество, свои земли и свой город в руки римлян. Ничто не могло произойти более своевременно. Утика была вторым городом Африки, очень богатым, с таким же просторным и удобным портом; она находилась в шестидесяти фуртах от Карфагена, так что могла послужить оружейным пунктом при нападении на этот город. Римляне больше не колебались, а официально объявили войну. Двум консулам - М. Манилию и Л. Марцию Цензорину - было приказано отправиться в путь как можно скорее. Они получили тайный приказ от сената не заканчивать войну иначе, как разрушением Карфагена. Консулы немедленно покинули Рим и остановились в Лилибее на Сицилии. У них был значительный [pg 274] флот, на борту которого находилось четыреста тысяч пеших и около четырех тысяч конных.

Карфагеняне еще не были знакомы с решениями, принятыми в Риме.⁸⁷² Ответ, полученный от их депутатов, только усилил их опасения: "Дело карфагенян - рассмотреть, какое удовлетворение им причитается".⁸⁷³ Это заставило их не знать, как поступить. Наконец они послали новых депутатов, которых наделили всеми полномочиями действовать так, как они сочтут нужным; и даже (до чего их не могли заставить опуститься прежние войны) объявить, что карфагеняне отдают себя и все, чем владеют, на волю и волю римлян. Это, согласно смыслу положения, *se suaque eorum arbitrio permittere*, означало беспрекословное подчинение власти римлян и признание себя их вассалами. Тем не менее, они не ожидали большого успеха от этой снисходительности, хотя она и была столь унижительна; поскольку, поскольку утильцы были с ними заранее, это обстоятельство лишило их достоинства готового и добровольного подчинения.

По прибытии в Рим депутатам сообщили, что объявлена война и что армия отправляется в путь. Римляне отправили в Карфаген курьера с постановлением сената и сообщением о том, что римский флот отплыл. Поэтому у депутатов не было времени на раздумья, они отдали себя и все, чем владели, римлянам. Вследствие такого поведения им ответили, что, поскольку они наконец-то сделали правильный шаг, сенат даровал им свободу, право пользоваться своими законами и всеми своими территориями и другими владениями, как государственными, так и частными, при условии, что в течение тридцати дней они отправят в Лилибеум в качестве заложников триста молодых карфагенян первого достоинства и будут выполнять приказы консулов. Это последнее условие вызвало у них невыразимую тревогу, но беспокойство, в котором они находились, не позволило им дать ни малейшего ответа или потребовать объяснений; да это и не имело бы никакого смысла. [pg 275] Поэтому они отправились в Карфаген и там рассказали о своем посольстве.

Все статьи договора были чрезвычайно суровы по отношению к карфагенянам; но молчание римлян в отношении городов, о которых не было сказано в уступках, которые этот народ готов был сделать, сильно озадачило их.⁸⁷⁴ Но им оставалось только подчиниться. После многих прежних и недавних потерь, которые понесли карфагеняне, они были не в состоянии

противостоять такому врагу, раз уж не смогли противостоять Масиниссе. Войска, провизия, корабли, союзники - словом, не хватало всего, а надежды и бодрости - больше, чем всего остального.

Они не сочли нужным ждать, пока истекут отпущенные им тридцать дней, а сразу же отправили своих заложников, надеясь смягчить врага готовностью к повиновению, хотя и не смели льстить себе надеждой встретить благосклонность по этому случаю. Эти заложники были цветком и единственной надеждой самых благородных семейств Карфагена. Никогда еще зрелище не было столь трогательным; теперь не было слышно ничего, кроме криков, не было видно ничего, кроме слез, и все места оглашались стонами и причитаниями. Но больше всего поражали матери, которые, обливаясь слезами, рвали свои всклокоченные волосы, били себя по груди и, словно горе и отчаяние сбили их с толку, кричали так, что могли бы вызвать сострадание у самых диких. Но гораздо более скорбной была сцена, когда наступил роковой момент разлуки; когда, проводив своих дорогих детей на корабль, они долго прощались с ними, убежденные, что больше никогда их не увидят; омывали их своими слезами; обнимали их с величайшей нежностью; жадно сжимали в своих объятиях; не могли заставить себя расстаться с ними, пока их не заставили уйти, что было более тяжело и мучительно, чем если бы их сердца были вырваны из груди. Заложников, прибывших в Сицилию, перевезли оттуда в Рим, а консулы сказали депутатам, что когда они прибудут в Утику, то ознакомят их с распоряжениями республики.

При таком положении дел ничто не может быть более тягостным [pg 276], чем состояние неопределенности, которое, не вдаваясь в подробности, дает повод уму представлять себе все беды.⁸⁷⁵ Как только стало известно, что флот прибыл в Утику, депутаты отправились в римский лагерь, давая понять, что они прибыли от имени республики, чтобы получить приказы, которым они готовы подчиниться. Консул, похвалив их добрый нрав и послушание, приказал им передать ему без обмана и промедления все свое оружие. Они согласились, но попросили его подумать о том, в какое печальное состояние он их привел, в то время как Асдрубал, чья ссора с ними была вызвана не чем иным, как их полным подчинением приказам римлян, продвигался почти до их ворот с двадцатитысячной армией. Им ответили, что римляне все уладят.

Этот приказ был немедленно приведен в исполнение.⁸⁷⁶ В лагерь прибыл длинный обоз, нагруженный всеми военными принадлежностями, вывезенными из Карфагена: двести тысяч полных комплектов доспехов, несметное множество дротиков и копьев, две тысячи машин для стрельбы дротиками и камнями.⁸⁷⁷ Затем последовали депутаты Карфагена в сопровождении самых почтенных сенаторов и жрецов, которые пришли специально, чтобы попытаться побудить римлян к состраданию в этот критический момент, когда их приговор должен был быть оглашен, а их судьба - стать необратимой. Цензорин, консул, поскольку именно он все это время говорил, на мгновение приподнялся при их появлении и выразил некоторую доброту и расположение к ним, но внезапно принял серьезное и суровое выражение лица: "Я не могу, - говорит он, - не похвалить готовность, с которой вы исполняете приказы сената. Они приказали мне передать вам, что по их воле и желанию вы должны покинуть Карфаген, который они решили разрушить, и удалиться в любую другую часть ваших владений, которую вы сочтете нужной, если она будет находиться на расстоянии восьмидесяти [стадий](#)⁸⁷⁸ от моря".

Как только консул произнес этот зловещий указ, среди карфагенян не было слышно ничего, кроме [pg 277] жалобных криков и воя.⁸⁷⁹ Будучи теперь в некотором роде пораженными громом, они не знали, где они находятся и что делают; они катались в пыли, разрывая свои одежды, и не могли выразить свое горе иначе, чем прерывистыми вздохами и глубокими стонами. Немного придя в себя, они подняли руки с видом просителей, обращаясь то к богам, то к римлянам, умоляя их о милости и справедливости к народу, который вскоре будет доведен до крайней степени отчаяния. Но поскольку и боги, и люди были глухи к их горячим мольбам, они вскоре сменили их на упреки

и порицания, призывая римлян вспомнить, что существуют такие существа, как божества-мстители, чей суровый взор всегда открыт на вину и предательство. Сами римляне не могли удержаться от слез при столь трогательном зрелище, но их решение было непоколебимо. Депутаты не смогли добиться даже того, чтобы исполнение этого приказа было приостановлено до тех пор, пока у них не появится возможность вновь предстать перед сенатом и попытаться, если возможно, отменить его. Они были вынуждены немедленно отправиться в путь и доставить ответ в Карфаген.

Народ ждал их возвращения с таким нетерпением и ужасом, которые невозможно выразить словами.⁸⁸⁰ Едва ли им удалось пробиться сквозь толпу, стекавшуюся вокруг них, чтобы услышать ответ, который был слишком сильно написан на их лицах. Когда они вошли в сенат и объявили о варварских приказах римлян, всеобщий крик возвестил народу об их судьбе; и с этого момента во всех частях города не было видно и слышно ничего, кроме воя и отчаяния, безумия и ярости.

Читатель разрешит мне на мгновение прервать ход истории, чтобы поразмышлять о поведении римлян. Очень жаль, что фрагмент Полибия, где рассказывается об этой депутации, заканчивается именно на самой интересной части этого повествования. Одно короткое размышление столь рассудительного автора я бы оценил гораздо выше, чем длинные речи, которые Аппиан приписывает депутатам и консулу. Я никогда не поверю, [pg 278] что такой рациональный, рассудительный и справедливый человек, как Полибий, мог одобрить действия римлян в данном случае. Мы не обнаруживаем здесь, на мой взгляд, ни одной из тех черт, которые отличали их в древности; того величия души, той прямооты, того полного отвращения ко всем подлым ухищрениям, мошенничеству и самозванству, которые, как где-то сказано, не составляли части римского нрава; *Minimè Romanis artibus*. Почему римляне не напали на карфагенян открытой силой? Почему они должны были прямо заявить в договоре (самом торжественном и священном), что предоставляют им полное пользование своими свободами и законами, и в то же время оговорить некоторые частные условия, которые оказались полным разорением для обоих? Зачем им скрывать под скандальным пропуском слова "город" в этом договоре коварный замысел разрушить Карфаген, как будто под прикрытием такой двусмысленности они могли бы уничтожить его по справедливости. Короче говоря, почему римляне сделали свое последнее заявление только после того, как в разное время вымогали у карфагенян заложников и оружие, то есть пока не сделали их абсолютно неспособными не подчиняться их самым произвольным приказам? Разве не очевидно, что Карфаген, несмотря на все поражения и потери, хотя он был ослаблен и почти истощен, все еще внушал римлянам ужас и что они были убеждены, что не в состоянии покорить его силой оружия? Очень опасно обладать такой властью, чтобы безнаказанно совершать несправедливость, да еще и с перспективой выиграть от этого. Опыт всех веков показывает, что государства редко идут на несправедливость, когда думают, что она будет способствовать их выгоде.

Благородный характер, который Полибий придает ахейцам, сильно отличается от того, что практиковалось здесь.⁸⁸¹ Этот народ, говорит он, далекий от использования хитрости и обмана по отношению к своим союзникам, чтобы увеличить свою власть, не считал себя вправе использовать их даже против своих врагов, считая только те победы прочными и славными, которые были одержаны мечом в руке, благодаря мужеству и храбрости. В том же месте он признает, что среди римлян тогда остались лишь очень слабые следы древнего великодушия их предков; [pg 279] и считает себя обязанным (как он заявляет) сделать это замечание в противовес максиме, которая была очень распространена в его время среди лиц, занимавшихся управлением государством, которые воображали, что искренность несовместима с хорошей политикой; и что невозможно преуспеть в управлении государственными делами, как в войне, так и в мире, не прибегая в некоторых случаях к мошенничеству и обману.

Теперь я возвращаюсь к своей теме.⁸⁸² Консулы не спешили идти на Карфаген, не подозревая, что им есть чего опасаться от этого города, поскольку он был теперь разоружен. Жители воспользовались этой задержкой, чтобы занять оборонительную позицию, единодушно решив не покидать город. Они назначили генералом за стенами Асдрубала, во главе двадцати тысяч человек, к которому были посланы депутаты с просьбой забыть ради его страны о несправедливости, которую ему причинили из-за страха перед римлянами. Командование войсками в пределах стен было передано другому Асдрубалу, внуку Масиниссы. Затем они с невероятной быстротой принялись за изготовление оружия. Храмы, дворцы, открытые рынки и площади превратились в многочисленные арсеналы, где мужчины и женщины работали день и ночь. Каждый день изготавливалось сто сорок щитов, триста мечей, пятьсот пик или копьев, тысяча стрел и огромное количество двигателей для их выпуска; а поскольку им нужны были материалы для изготовления веревок, женщины обрезали свои волосы и в изобилии обеспечивали свои потребности по этому случаю.

Масинисса был очень недоволен римлянами, потому что после того, как он чрезвычайно ослабил карфагенян, они пришли и стали пожирать плоды его победы, не поставив его в известность о своем замысле, что вызвало некоторую холодность между ними.⁸⁸³

В этот промежуток времени консулы продвигались к городу, чтобы осадить его.⁸⁸⁴ Поскольку они ожидали не что иное, как энергичное сопротивление, невероятная решимость и мужество осажденных привели их в крайнее изумление.

Карфагеняне постоянно совершали самые смелые вылазки, [pg 280] чтобы отбить осаждающих, сжечь их двигатели и преследовать их фуражиров. С одной стороны город атаковал Цензорин, с другой - Манилий. Сципион, впоследствии прозванный Африканом, служил тогда трибуном в армии и отличался от остальных офицеров не только благоразумием, но и храбростью. Консул, под началом которого он воевал, совершил множество ошибок, отказавшись следовать его советам. Этот молодой офицер вызволил войска из нескольких опасностей, в которые их ввергло безрассудство командиров. Знаменитый офицер по имени Фамеас, который был генералом вражеской кавалерии и постоянно преследовал фуражиров, не осмеливался оставаться на поле боя, когда наступала очередь Сципиона поддерживать их; настолько он умел держать войска в порядке и располагать их с выгодой для себя. Столь великая и всеобщая слава поначалу возбудила против него некоторую зависть; но поскольку он вел себя во всех отношениях с величайшей скромностью и сдержанностью, эта зависть вскоре сменилась восхищением; так что, когда сенат послал в лагерь депутатов, чтобы узнать о состоянии осады, вся армия единодушно дала ему самые высокие оценки; солдаты, а также офицеры, да и сами генералы, в один голос превозносили заслуги молодого Сципиона: Так необходимо, чтобы человек приглушал, если можно так выразиться, блеск своей восходящей славы милой и скромной осанкой; и не возбуждал ревности надменным и самодовольным поведением, поскольку это, естественно, пробуждает гордыню в других и делает одиозной даже самую добродетель!

A.M. 3857. A. Rom. 601.

Примерно в то же время Масинисса, обнаружив, что его конец приближается, послал просить Сципиона о визите, чтобы тот наделил его всеми полномочиями распоряжаться, как он сочтет нужным, своим царством и имуществом в интересах своих детей.⁸⁸⁵ Но по прибытии Сципиона он обнаружил, что этот монарх мертв. Масинисса с предсмертным вздохом велел им беспрекословно следовать указаниям Сципиона, которого он назначил им в качестве отца и опекуна. Я не буду больше рассказывать о семье и потомстве Масиниссы, потому что это слишком сильно прервало бы историю Карфагена.

[pg 281]

Высокое уважение, которое Фамеас питал к Сципиону, побудило его оставить карфагенян и перейти на сторону римлян.⁸⁸⁶ Таким образом, он присоединился к ним с более чем двумя тысячами лошадей и впоследствии оказал большую услугу при осаде.

Кальпурний Пизон, консул, и Л. Манцин, его лейтенант, прибыли в Африку в начале весны.⁸⁸⁷ Во время этой кампании не было совершено ничего примечательного. Римляне даже несколько раз терпели поражения и медленно вели осаду Карфагена. Осажденные же, напротив, воспряли духом. Их войска значительно увеличились, они ежедневно получали новых союзников и даже отправили экспресс в Македонию к поддельному Филиппу⁸⁸⁸, который выдавал себя за сына Персея и в то время вел войну с римлянами, чтобы увещевать его продолжать ее энергично и обещать снабдить его деньгами и кораблями.

Эти новости вызвали в Риме некоторое беспокойство.⁸⁸⁹ Люди начали сомневаться в успехе войны, которая с каждым днем становилась все более неопределенной и более важной, чем представлялось вначале. Насколько они были недовольны усердием полководцев и осуждали их поведение, настолько же единодушно они аплодировали молодому Сципиону и превозносили его редкие и необычные достоинства. Его привезли в Рим, чтобы выставить кандидатом в эдилы. Как только он появился в собрании, его имя, лицо, репутация, общее убеждение, что он предназначен богами для окончания третьей Пунической войны, как первый Сципион, его дед по усыновлению, закончил вторую; эти обстоятельства произвели очень сильное впечатление на народ, и, хотя это противоречило закону и поэтому вызывало сопротивление древних людей, вместо эдильства, которое

A. M. 3858. A. Rom. 602.

народ, пренебрегая законами, присудил ему консульство и назначил Африку его провинцией, не бросая, как обычно, жребия о провинциях и как требовал Друз, его коллега.

[pg 282]

Как только Сципион закончил набор рекрутов, он отправился в Сицилию и вскоре прибыл в Утику.⁸⁹⁰ Он прибыл очень вовремя за Манцином, лейтенантом Пизона, который опрометчиво занял пост, где был окружен врагом; и был бы разрублен на куски в то же утро, если бы новый консул, который по прибытии узнал об опасности, которой он подвергался, ночью высадил свои войска и с величайшей скоростью отплыл к нему на помощь.

Первой заботой Сципиона после прибытия было восстановление дисциплины в войсках, которой, как он обнаружил, совершенно пренебрегли.⁸⁹¹ Не было ни малейшей регулярности, субординации или послушания. Не было ни малейшей регулярности, субординации или послушания, кроме грабежей, пиршеств и развлечений. Он изгнал из лагеря всех бесполезных людей, определил качество провизии, которую должны были привозить кузнецы, и не разрешал ничего, кроме того, что было простым и пригодным для солдат, тщательно запрещая все лакомства и роскошь.

После того как он ввел эти правила, которые не стоили ему много времени и усилий, потому что он сам подавал пример, он убедился, что все, кто был под его началом, были солдатами, и тогда он приготовился энергично вести осаду. Приказав своим войскам снабдить себя топорами, рычагами и лестницами, он привел их глубокой ночью, без малейшего шума, в район города, называемый Мегара; приказав им внезапно поднять общий крик, он атаковал его с большой энергией. Враги, не ожидавшие ночного нападения, сначала пришли в ужас; однако они защищались так мужественно, что Сципион не смог одолеть стены. Но, заметив оставленную башню, которая стояла за городом, недалеко от стен, он отрядил туда отряд смелых и

решительных воинов, которые с помощью [понтон892](#) перебрались из башни на стены, а оттуда в Мегару, ворота которой они выломали. Сципион тотчас же вошел в нее и изгнал врагов с этого поста; те, напуганные этим неожиданным нападением и думая, что весь город взят, бежали в цитадель, где их преследовали даже те войска, которые стояли лагерем без [pg 283] города, оставив свой лагерь перед римлянами и считая необходимым для себя бежать в безопасное место.

Прежде чем я продолжу, следует немного рассказать о положении и размерах Карфагена, в котором в начале войны с римлянами проживало семьсот тысяч жителей.[893](#) Он стоял на дне залива, окруженный морем, и имел форму полуострова, чья шея, то есть перешеек, соединявший его с континентом, была двадцать пять стадий, или лига с четвертью в ширину. Полуостров имел триста шестьдесят стадий, или восемнадцать лиг в окружности. С западной стороны от него отходила длинная полоса земли шириной в полстадиона или двенадцать сажений, которая, вдаваясь в море, отделяла его от болота и была со всех сторон ограждена скалами и одной стеной. С южной стороны, по направлению к континенту, где стояла цитадель под названием Бирса, город был окружен тройной стеной высотой в тридцать локтей, не считая парапетов и башен, которыми он был обнесен по всему периметру на равных расстояниях, каждый интервал составлял четыреста сорок сажений. Каждая башня была высотой в четыре этажа, а стояла - в два; они были арочными, и в нижней части были стены, чтобы вместить триста слонов с их кормом, а над ними - конюшни для четырех тысяч лошадей и чердаки для их корма. Кроме того, здесь было достаточно места, чтобы разместить двадцать тысяч пеших и четыре тысячи конных. Все это помещалось только в стенах. Только в одном месте стены были слабыми и низкими, и это был запущенный угол, который начинался от вышеупомянутой горловины земли и простирался до гаваней, которые находились на западной стороне. Их было две, которые сообщались друг с другом, но имели только один вход, шириной в семьдесят футов, закрытый цепями. Первая была предназначена для купцов и имела несколько отдельных помещений для моряков. Вторая, или внутренняя, гавань предназначалась для военных кораблей, посреди которой стоял остров Котон, окруженный, как и гавань, большими причалами, в которых были отдельные [вместилища894](#) для укрытия от непогоды двухсот двадцати кораблей; над ними находились магазины или склады, где хранилось все, что [pg 284] необходимо для вооружения и оснащения флотов. Вход в каждое из этих хранилищ был украшен двумя мраморными колоннами ионического ордера. Таким образом, и гавань, и остров представляли собой с каждой стороны по две великолепные галереи. На этом острове находился дворец адмирала, а поскольку он стоял напротив устья гавани, то с него можно было наблюдать за всеми делами на море, хотя никто не мог видеть, что происходит во внутренней части гавани. Купцы, таким же образом, не могли видеть военных людей: два порта были разделены двойной стеной, и каждый из них имел свои ворота, которые вели в город, не проходя через другую гавань. Таким образом, Карфаген можно разделить на три части:[895](#) гавань, которая была двойной и называлась иногда Котон, от маленького острова с таким названием: цитадель, называемая Бирса: город, называемый так, где жили жители, который лежал вокруг цитадели и назывался Мегара.

На [рассвете896](#) [Асдрубал897](#), видя позорное поражение своих войск, чтобы отомстить римлянам и в то же время лишить жителей всякой надежды на приют и помилование, привел всех взятых им римских пленников на стены, на виду у всего войска. Там он подверг их самым изысканным пыткам: выколол им глаза, отрезал носы, уши и пальцы, сдираал кожу с тела железными граблями или бородами, а затем сбрасывал их вниз головой с вершины крепостных стен. Такое бесчеловечное обращение наполнило карфагенян ужасом: однако он не пощадил даже их, а убил многих сенаторов, которые осмелились выступить против его тирании.

[Сципион898](#) , оказавшись абсолютным хозяином перешейка, сжег покинутый врагом лагерь и построил новый для своих войск. Он был квадратной формы, окружен большими и глубокими окопами и огорожен мощными частоколами. Со стороны, обращенной к карфагенянам, он построил стену высотой в двенадцать футов, окруженную на должном расстоянии башнями и редутами; а на средней башне он возвел [pg 285] очень высокий деревянный форт, откуда было видно все, что делалось в городе. Эта стена была равна всей ширине перешейка, то есть двадцати пяти стадиям.[899](#) Неприятель, находившийся на расстоянии выстрела из лука, приложил все усилия, чтобы остановить эту работу; но поскольку вся армия трудилась над ней день и ночь без перерыва, она была закончена за двадцать четыре дня. Сципион извлек из этой работы двойную выгоду: во-первых, его войска были размещены более безопасно и удобно, чем раньше: во-вторых, он лишил осажденных провизии, которую теперь можно было доставить только морем, что было сопряжено со многими трудностями, как потому, что море в этом месте часто бывает очень бурным, так и потому, что римский флот держал строгий караул. Это оказалось одной из главных причин голода, который вскоре разразился в городе. Кроме того, Асдрубал распределил привезенное зерно только среди тридцати тысяч человек, служивших ему, мало заботясь о том, что будет с остальными жителями.

Чтобы еще больше огорчить их недостатком провизии, Сципион попытался заделать устье гавани молом, начиная с вышеупомянутого участка земли, который находился рядом с гаванью.[900](#) Осажденные сначала смотрели на эту попытку как на смешную и, соответственно, оскорбляли рабочих; но, наконец, видя, что они каждый день делают поразительные успехи, они начали бояться и принимать такие меры, которые могли бы, если возможно, сделать попытку безуспешной. Все, вплоть до женщин и детей, принялись за работу, но так скрытно, что Сципион смог узнать от пленников только то, что они слышали сильный шум в гавани, но не знали его причины. Наконец, когда все было готово, карфагеняне неожиданно открыли новый выход на другой стороне гавани и появились в море с многочисленным флотом, который они как раз тогда построили из старых материалов, найденных в их магазинах. Обычно считается, что если бы они напали на римский флот напрямую, то непременно захватили бы его; поскольку такой попытки не ожидалось, а все люди были заняты в других местах, карфагеняне [pg 286] оказались бы без гребцов, солдат и офицеров. Но гибель Карфагена, говорит историк, была предрешена. Поэтому, нанеся римлянам лишь оскорбление или браваду, они вернулись в гавань.

Через два дня после этого они выдвинули свои корабли, решив сражаться всерьез, и обнаружили, что враг готов к бою.[901](#) Это сражение должно было определить судьбу обеих сторон. Конфликт был долгим и упорным, каждая из сторон прилагала максимум усилий: одна - чтобы спасти свою страну, доведенную до последней крайности, другая - чтобы завершить свою победу. Во время боя карфагенские бригадины, бежавшие под большими римскими кораблями, иногда разбивали на куски их кормы, а иногда - рули и весла; а когда на них нападали, они отступали с удивительной быстротой и сразу же возвращались в строй. Наконец, после того как обе армии с равным успехом сражались до захода солнца, карфагеняне сочли нужным отступить, но не потому, что считали себя побежденными, а для того, чтобы снова начать бой на следующий день. Часть кораблей, не имея возможности быстро войти в гавань, так как устье ее было слишком узким, укрылась под очень просторной террасой, пристроенной к стенам для выгрузки товаров, со стороны которой во время этой войны был возведен небольшой вал, чтобы враги не могли завладеть ею. Здесь бой возобновился с еще большей силой, чем прежде, и продолжался до поздней ночи. Карфагеняне сильно пострадали, и те немногие корабли, которым удалось спастись, отплыли в город, чтобы укрыться. Наступило утро, Сципион напал на террасу и занял ее, хотя и с большим трудом; после этого он устроил там ночлег, укрепился на ней и построил кирпичную стену, близкую к городской и такой же высоты. Когда она была закончена, он приказал четырем тысячам человек взобраться на ее вершину и обрушить с нее на врага нескончаемый ливень дротиков и стрел, что принесло

большую пользу; поскольку обе стены были одинаковой высоты, почти каждый дротик попадал в цель. Так закончилась эта кампания.

В зимние месяцы Сципион старался одолеть вражеские войска без [города902](#), которые очень [pg 287] преследовали колонны, привозившие ему провизию, и защищали те, что отправлялись к осажденным. С этой целью он атаковал соседний форт, называемый Неферис, где они укрывались. Во время последней акции более семидесяти тысяч врагов, как солдат, так и крестьян, которые были завербованы, были разрублены на куски; и форт был взят с большим трудом, после того как выдержал осаду в течение двух и двадцати дней. За взятием этого форта последовала сдача почти всех опорных пунктов в Африке, что в значительной степени способствовало взятию самого Карфагена, в который с тех пор было почти невозможно доставить провизию.

A. M. 3859. A. Rom. 603.

Ранней весной Сципион одновременно атаковал гавань под названием Котон и [цитадель903](#). Овладев стеной, окружавшей этот порт, он бросился на большую площадь города, находившуюся рядом с ним, откуда вел подъем к цитадели по трем улицам, на каждой из которых стояли дома, с вершин которых на римлян сыпались дротики, и они были вынуждены, прежде чем продвинуться дальше, форсировать дома, к которым пришли первыми, и расположиться в них, чтобы выбить оттуда врага, сражавшегося из соседних домов. Бой, который велся с верхушек и во всех частях домов, продолжался шесть дней, в течение которых была совершена ужасная резня. Чтобы расчистить улицы и освободить место для войск, римляне крюками оттаскивали в сторону тела тех жителей, которые были убиты или выброшены вниз головой из домов, и бросали их в ямы, причем большая часть из них была еще жива и задыхалась. В этом труде, продолжавшемся шесть дней и столько же ночей, солдаты время от времени получали свежие порции, без которых они бы совсем выдохлись. Сципион был единственным человеком, который не сомкнул глаз за все это время; он отдавал приказы во всех местах и почти не давал себе отдыха, чтобы хоть немного подкрепиться.

Были все основания полагать, что осада продлится еще долго и вызовет большое количество крови.[904](#) Но на седьмой день появилась компания людей в [pg 288] позе и привычке сторонников, которые не требовали никаких других условий, кроме того, чтобы римляне пощадили жизни всех, кто захочет покинуть цитадель: эта просьба была удовлетворена, исключение составили только дезертиры. Соответственно, вышло пятьдесят тысяч мужчин и женщин, которых отправили в поле под сильной охраной. Дезертиры, которых было около девятисот человек, обнаружив, что им не дают покоя, укрепились в храме Эскулапа с Асдрубалом, его женой и двумя детьми; хотя их число было невелико, они могли продержаться там долгое время, поскольку храм стоял на очень высоком холме, на скалах, подъем к которым проходил по шестидесяти ступеням. Но наконец, измученные голодом и бдением, подавленные страхом и видя, что их гибель близка, они потеряли всякое терпение и, покинув нижнюю часть храма, удалились на самый верхний этаж, решив не покидать его иначе как с жизнью.

Тем временем Асдрубал, желая спасти свою жизнь, спустился к Сципиону, неся в руке оливковую ветвь, и бросился к его ногам. Сципион тут же показал его дезертирам, которые, охваченные яростью и гневом при виде его, изрекли миллионы проклятий в его адрес и подожгли храм. Пока он разгорался, жена Асдрубала, одевшись как можно пышнее и расположившись с двумя детьми на виду у Сципиона, обратилась к нему с громким голосом: "Я не призываю, - говорит она, - проклятий на твою голову, о римлянин, ибо ты лишь воспользовался привилегией, разрешенной законами войны; но пусть боги Карфагена и ты в согласии с ними покарают, согласно его заслугам,

лживого негодяя, предавшего свою страну, своих богов, свою жену и своих детей!" Затем она обращается к Асдрубалу: "Вероломный негодяй, - говорит она, - ты, подлеший из людей! Этот огонь скоро поглотит и меня, и моих детей; а что касается тебя, недостойного полководца Карфагена, то уходи, чтобы не видеть торжества твоего завоевателя, и терпи, на виду у всего Рима, мучения, которых ты так справедливо заслуживаешь!" Не успела она произнести эти слова, как, схватив своих детей, перерезала им горло, бросила их в огонь, а затем бросилась в него сама; в этом ей подражали все дезертиры.

[pg 289]

Что касается [Сципиона](#)⁹⁰⁵, то когда он увидел этот знаменитый город, который процветал семьсот лет и мог сравниться с величайшими империями по протяженности своих владений на море и на суше, по могуществу армии, флота, слонов и богатства; Карфагеняне даже превосходили другие народы своим мужеством и величием души, так как, несмотря на то, что они были лишены оружия и кораблей, они целых три года терпели все тяготы и бедствия долгой осады; видя, говоря я, этот город полностью разрушенным, историки рассказывают, что он не мог отказаться от своих слез по поводу несчастной судьбы Карфагена. Он размышлял о том, что города, народы и империи подвержены революциям не меньше, чем отдельные люди; что подобная печальная участь постигла в древности столь могущественную Трои, а в более поздние времена - ассирийцев, медяков и персов, чьи владения когда-то были столь велики, и совсем недавно - македонцев, чья империя была столь славна во всем мире. Полный этих скорбных мыслей, он повторил следующие стихи Гомера:

"Ἑοσεται ἦμαρ, ὅταν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρή,

Καὶ Πρίαμος, καὶ λαὸς εὐμμελίῳ Πριάμοιο.

Il. δ. 164, 165.

Настанет день, тот великий день возмездия.

Когда гордая слава Трои в прах рассыплется,

Когда падет власть Приама и сам Приам,

И все поглотит одна великая гибель.

Поуп.

Тем самым он осудил будущую судьбу Рима, в чем сам признался Полибию, пожелавшему, чтобы Сципион объяснился по этому поводу.

Если бы истина просветила его душу, он открыл бы то, чему нас учит Писание, что "из-за неправедных дел, обид и богатства, полученного обманом, царство переходит от одного народа к другому".⁹⁰⁶ Карфаген разрушен, потому что его скупость, вероломство и жестокость достигли своего предела. Такая же участь постигнет и Рим, когда его роскошь, честолюбие, гордость и несправедливые узурпации, скрытые под напускной и обманчивой демонстрацией справедливости и добродетели, вынудят Господа, распорядителя империй, преподать вселенной важный урок его падения.

[pg 290]

A.M. 3859. A. Carth. 701. A. Rom. 603. Ant. J.C. 145.

Взяв таким образом Карфаген, Сципион несколько дней отдавал его добычу (за исключением золота, серебра, статуй и других подношений, которые должны были находиться в храмах) своим солдатам.⁹⁰⁷ Затем он наградил их несколькими военными наградами, а также офицеров, двое из которых особенно отличились, а именно: Тиб Гракх и Кай Фанний, который первым взобрался на стены. После этого, украсив небольшой корабль (отличный мореплаватель) добычей врага, он отправил его в Рим с вестью о победе.

В то же время он пригласил жителей Сицилии прийти и завладеть картинами и статуями, которые карфагеняне разграбили во время прежних [войн](#)⁹⁰⁸. Когда он вернул гражданам Агригентума знаменитого быка [Фалариса](#)⁹⁰⁹, он сказал им, что этот бык, который был одновременно памятником жестокости их древних царей и снисходительности их нынешних государей, должен был заставить их задуматься, что для них выгоднее - жить под игом сицилийцев или под властью римлян.

Выставив на продажу часть карфагенских трофеев, он под страхом жесточайших наказаний приказал своей семье не брать и даже не покупать ничего из них; так тщательно он старался отвести от себя и всех, кто ему принадлежал, малейшее подозрение в скупости.

Когда весть о взятии Карфагена была доставлена в Рим, народ предался неумеренной радости, как будто общественное спокойствие не было обеспечено до этого момента.⁹¹⁰ В их памяти пронеслись все бедствия, которые карфагеняне обрушили на них в Сицилии, Испании и даже в Италии в течение шестнадцати лет вместе; за это время Ганнибал разграбил четыреста городов, уничтожил в разных схватках триста тысяч человек и довел сам Рим до крайнего предела. При воспоминании об этих прошлых бедствиях люди в [pg 291] Риме спрашивали друг друга, правда ли, что Карфаген лежит в пепле. Люди всех сословий и степеней с энтузиазмом соревновались в том, кто должен выказать наибольшую благодарность богам; и граждане в течение многих дней были заняты исключительно торжественными жертвоприношениями, публичными молитвами, играми и зрелищами.

По окончании этих религиозных обрядов сенат отправил десять комиссаров в Африку, чтобы совместно со Сципионом определить судьбу и состояние этой страны на будущее время.⁹¹¹ Их первой заботой было разрушить все, что еще оставалось от Карфагена.⁹¹² Рим,⁹¹³ хотя и был владычицей почти всего мира, не мог считать себя в безопасности, пока существовало хотя бы название Карфагена. Верно и то, что лютая ненависть, разжигаемая долгими и кровопролитными войнами, длится до тех пор, пока не исчезнет всякий повод для страха; и не прекращается до тех пор, пока не исчезнет объект, который ее вызывал. От имени римлян был отдан приказ, чтобы она никогда больше не была заселена, и были произнесены страшные проклятия в адрес тех, кто, вопреки этому запрету, попытается отстроить какие-либо ее части, особенно те, которые называются Бирса и Мегара. Тем временем все, кто желал, были допущены к осмотру Карфагена: Сципион был очень доволен, что люди могут посмотреть на печальные руины города, который осмелился соперничать с Римом за империю.⁹¹⁴ Далее комиссары постановили, что те города, которые во время этой войны присоединились к врагу, должны быть отторгнуты, а их территории отданы римским союзникам; в частности, они предоставили гражданам Утики всю страну, лежащую между Карфагеном и Гиппоном. Все остальное они сделали данником и превратили в римскую провинцию, куда ежегодно посылали претора.

Уладив все дела, Сципион вернулся в Рим, куда въехал с триумфом.⁹¹⁵ Такого великолепия [pg 292] еще никогда не видели; все было представлено только статуями, редкими, бесценными картинами и другими диковинами, которые карфагеняне в течение многих лет собирали в других странах; не говоря уже о деньгах, привезенных в государственную казну, которые достигали огромных сумм.

Несмотря на все меры предосторожности, которые были приняты, чтобы помешать восстановлению Карфагена, менее чем через тридцать лет после этого, еще при жизни Сципиона, один из Гракхов, чтобы задобрить народ, взялся основать его заново и привел для этой цели колонию из шести тысяч [граждан](#)⁹¹⁶. Сенат, узнав, что рабочие были напуганы многими несчастливыми предзнаменованиями в то время, когда они очерчивали границы и закладывали фундамент нового города, приостановил бы попытку; но трибун, не будучи слишком щепетильным в религиозных вопросах, продолжил работу, несмотря на все эти плохие предзнаменования, и закончил ее через несколько дней. Это была первая римская колония, которая когда-либо была отправлена из Италии.

Вероятно, там были построены только хижины, поскольку нам [рассказывают](#)⁹¹⁷, что когда Марий удалился сюда, бежав в Африку, он жил в нищете среди развалин Карфагена, утешаясь видом столь поразительного зрелища; он сам служил в какой-то мере утешением для этого злосчастного города.

Аппиан [рассказывает](#)⁹¹⁸, что Юлий Цезарь после смерти Помпея, переправившись в Африку, увидел во сне армию, состоящую из огромного числа солдат, которые со слезами на глазах звали его; пораженный видением, он записал в карманной книге возникший у него по этому случаю план восстановления Карфагена и Коринфа: Но вскоре после этого заговорщики убили Августа Сезара, его приемного сына, который нашел эту записку среди своих бумаг и отстроил Карфаген на том месте, где он стоял раньше, чтобы на него не обрушились проклятия, которые были произнесены во время его разрушения в адрес тех, кто посмеет его отстроить.

[pg 293]

Я не знаю, какое основание имеет Аппиан для этой истории; но мы читаем у [Страбона](#)⁹¹⁹, что Карфаген и Коринф были отстроены в одно и то же время Сезаром, которому он дает имя бога, под которым немного раньше он явно подразумевал Юлия Сезара;⁹²⁰ а [Плутарх](#)⁹²¹ в жизни этого императора прямо приписывает ему основание этих двух колоний и замечает, что одно из примечательных обстоятельств в этих двух городах состоит в том, что поскольку оба они были взяты и разрушены в одно и то же время, они также в одно и то же время были отстроены и заново заселены. Как бы то ни было, Страбон утверждает, что в его время Карфаген был таким же густонаселенным, как и любой другой город Африки, а при последующих императорах он становился столицей Африки. После этого он просуществовал около семисот лет в великолепии, но в конце концов был настолько полностью разрушен сарацинами в начале седьмого века, что в настоящее время в стране не известно ни его названия, ни малейших его следов.

Отступление о манерах и характере второго Сципиона Африканского. Сципион, разрушитель Карфагена, был сыном знаменитого Павла Эмилия, покорившего Персея, последнего царя Македонии, и, следовательно, внуком того Павла Эмилия, который погиб в битве при Каннах. Он был усыновлен сыном великого Сципиона Африканского и назван Сципионом Эмилианом; имена двух семей были объединены в соответствии с законом об усыновлении. Он с одинаковым блеском поддерживал достоинство обоих домов всеми качествами, которые могут придать честь мечу и платью.⁹²² Вся его жизнь, говорит историк, будь то поступки, мысли или слова, была достойна высшей похвалы. Он особенно отличился (хвалебный отзыв, который в настоящее время редко можно применить к людям военной профессии) своим изысканным вкусом к вежливой литературе и всем наукам, а также необыкновенным уважением, которое он проявлял к ученым людям. Всем известно, что он был автором комедий Теренция, самых вежливых и изящных произведений, которыми могли похвастаться римляне. Нам [pg 294] рассказывают о [Сципионе](#)⁹²³, что ни один человек не мог более счастливо сочетать отдых и деятельность, ни проводить часы досуга с большей деликатностью и вкусом: таким образом, он был разделен между оружием и

книгами, между военными трудами в лагере и мирными занятиями в кабинете; в которых он либо упражнял свое тело в военных трудах, либо свой ум в изучении наук. Этим он показывал, что ничто не делает большей чести выдающемуся человеку, какого бы качества или профессии он ни был, чем украшение его ума знаниями. Цицерон, рассказывая о Сципионе, [говорит](#)⁹²⁴, что тот всегда держал в руках труды Ксенофонта, столь известные благодаря содержащимся в них основательным и превосходным наставлениям, как в отношении войны, так и политики.

Таким изысканным вкусом к учености и наукам он был обязан прекрасному образованию, которое Паулюс Эмилий дал своим детям.⁹²⁵ Он отдал их в обучение самым искусным мастерам во всех искусствах и не жалел на это никаких средств, хотя его обстоятельства были очень стесненными: Сам П. Эмилий присутствовал на всех их уроках так часто, как позволяли дела государства; таким образом, он стал их главным наставником.

Близкий союз между Полибием и Сципионом положил конец возвышенным качествам, которые, благодаря превосходству его гения и нрава, а также превосходному образованию, уже были предметом восхищения.⁹²⁶ Полибий с большим количеством ахейцев, в верности которых римляне подозревали во время войны с Персеем, был задержан в Риме, где его заслуги вскоре стали причиной того, что его общество было желанным для всех людей высшего сословия в этом городе. Сципион, едва достигнув восемнадцати лет, полностью посвятил себя Полибию и считал величайшим счастьем своей жизни возможность получать наставления от столь великого мастера, чье общество он предпочитал всем суетным и праздным развлечениям, которые обычно так манят молодых людей.

Первой заботой Полибия было внушить Сципиону отвращение [pg 295] тем не менее опасным и позорным удовольствиям, к которым так сильно пристрастилась римская молодежь; большая часть ее была уже развращена и испорчена роскошью и разнузданностью, которые богатство и новые завоевания привнесли в Рим. Сципион, в течение первых пяти лет пребывания в столь превосходной школе, добился в ней наибольших успехов; и, презирая насмешки и пагубные примеры ровесников, на него даже в то время смотрели как на образец благоразумия и мудрости.

Отсюда легко и естественно переходили к щедрости, благородному пренебрежению богатством и похвальному его использованию; все эти добродетели, столь необходимые для людей с выдающимся происхождением, Сципион довел до самого возвышенного уровня, как явствует из некоторых примеров такого рода, описанных Полибием, которые в высшей степени достойны нашего восхищения.

[Эмилия](#)⁹²⁷, жена первого Сципиона Африканского и мать того, кто усыновил Сципиона, упомянутого здесь Полибием, завещала последнему после своей смерти большое состояние. Эта дама, помимо бриллиантов и драгоценностей, которые носят женщины ее высокого положения, владела огромным количеством золотых и серебряных сосудов, используемых при жертвоприношениях, несколькими великолепными экипажами и значительным количеством рабов обоих полов; все это соответствовало роскоши дома, в который она вышла замуж. После ее смерти Сципион передал все эти богатые владения своей матери Папирии, которая, будучи разведена за долгое время до этого с Павлом Эмилием и не имея обстоятельств поддерживать достоинство своего рождения, жила в большой безвестности и никогда не появлялась на собраниях и общественных церемониях. Но когда она вновь посетила их с роскошным поездом, эта благородная щедрость Сципиона оказала ему большую честь, особенно в глазах дам, которые обсуждали ее во всех своих разговорах, и в городе, жителей которого, как говорит Полибий, нелегко было уговорить расстаться со своими деньгами.

Не меньшее восхищение вызвал Сципион и по другому поводу. Он был обязан, в связи с наследством, перешедшим к нему после смерти бабушки, выплатить в три разных раза двум

дочерям Сципиона, его деда по усыновлению, [pg 296] половину их долей, что составило 50 000 французских крон.⁹²⁸ Когда срок выплаты первой суммы истек, Сципион отдал все деньги в руки банкира. Тиберий Гракх и Сципион Назика, женившийся на двух сестрах, думая, что Сципион ошибся, пришли к нему и заметили, что по законам он должен был выплатить эту сумму за три года и в три разных срока. Юный Сципион ответил, что прекрасно знает, что предписывают законы на этот случай; что они действительно могут исполняться с наибольшей строгостью по отношению к чужакам, но друзья и родственники должны относиться друг к другу с более великодушной простотой; и поэтому он хотел, чтобы они получили всю сумму. Они были так восхищены щедростью своего родственника, что, возвращаясь домой, ^{упрекали}⁹²⁹ себя за узкий образ мышления в то время, когда они были самой большой фигурой и пользовались самым высоким уважением среди всех семей в Риме. Этот великодушный поступок, говорит Полибий, вызывал тем большее восхищение, что ни один человек в Риме, не согласившийся заплатить 50 000 крон раньше срока, не заплатил бы и тысячу до истечения времени платежа.

Из того же благородного духа через два года после смерти отца Паулус Эмилий передал своему брату Фабию, не столь богатому, как он сам, ту часть отцовского имущества, которая причиталась ему (Сципиону) (в сумме более трехсот тысяч ^{крон}⁹³⁰), чтобы не было столь большой разницы между его состоянием и состоянием его брата.

Этот Фабий, желая после смерти отца устроить представление гладиаторов в честь его памяти (как было принято в ту эпоху) и не имея возможности оплатить расходы по этому случаю, которые составляли очень большую сумму, Сципион сделал ему подарок в пятнадцать ^{тысяч}⁹³¹ крон, чтобы покрыть по крайней мере половину расходов на это.

Великолепные подарки, которые Сципион сделал своей матери Папирии, по закону и справедливости вернулись к нему после ее смерти; а его сестры, по обычаю тех времен [pg 297] , не имели на них ни малейшего права. Тем не менее Сципион решил, что с его стороны было бы бесчестно, если бы он снова взял их себе. Поэтому он передал своим сестрам все, что подарил их матери, что составило весьма значительную сумму, и этим новым доказательством своего славного пренебрежения к богатству и нежной дружбы, которую он питал к своей семье, заслужил аплодисменты всего города.

Эти различные благодеяния, которые в совокупности составили огромную сумму, кажется, приобрели еще больший блеск от возраста, в котором он их дарил, - он был еще очень молод; и еще больше от обстоятельств времени, когда они были представлены, а также от любезной и услужливой манеры поведения, которую он принимал по этим случаям.

Случаи, о которых я здесь рассказал, настолько противоречат нормам нашего времени, что можно было бы опасаться, что читатель сочтет их просто риторическими изысками историка, предвзято относящегося к своему герою; если бы не было хорошо известно, что преобладающей чертой Полибия, от которого они произошли, является искренняя любовь к истине и полное отвращение к преклонению любого рода. В том самом отрывке, откуда взято это отношение, он счел нужным быть немного осторожным, где он излагает добродетельные поступки и редкие качества Сципиона; И он замечает, что поскольку его труды должны были изучать римляне, которые были прекрасно знакомы со всеми подробностями жизни этого великого человека, он не мог не быть осужден ими, если бы решился выдвинуть какую-либо ложь; оскорбление, которому вряд ли подвергнет себя автор, который так мало заботится о своей репутации, особенно если от этого не будет никакой пользы для него.

Мы уже отмечали, что Сципион никогда не предавался модному разврату и излишествам, которым так предавалась молодежь в Риме. Но это самоотречение от всех пагубных удовольствий было в достаточной мере компенсировано его крепким здоровьем, которым он наслаждался всю

оставшуюся жизнь и которое позволяло ему вкушать удовольствия гораздо более чистого и возвышенного рода и совершать великие деяния, стяжавшие ему столько славы.

Охота, которая была его любимым занятием, также [pg 298] очень способствовала укреплению его конституции, а также позволяла ему переносить самые тяжелые испытания. Македония, куда он отправился вслед за отцом, дала ему возможность в полной мере удовлетворить свою страсть в этом отношении; ведь погоня, которая была обычным развлечением македонских монархов, была отложена на несколько лет из-за войн, Сципион нашел там невероятное количество дичи всех видов. Паулюс Эмилий, стремясь обеспечить своему сыну всевозможные добродетельные удовольствия, чтобы отвлечь его ум от тех, которые запрещает разум, предоставил ему полную свободу предаваться любимому виду спорта в течение всего времени, пока римские войска находились в этой стране после победы над Персеем. Прославленный юноша проводил часы досуга в занятиях, которые так хорошо соответствовали его возрасту и склонностям, и был столь же успешен в этой невинной войне против зверей Македонии, как и его отец в той, которую он вел против жителей этой страны.

Именно по возвращении Сципиона из Македонии он встретился с Полибием в Риме и завязал с ним тесные дружеские отношения, которые впоследствии были столь благотворны для нашего молодого римлянина и оказали ему впоследствии почти столько же чести, сколько все его завоевания. Из истории мы узнаем, что Полибий жил вместе с двумя братьями. Однажды, когда они со Сципионом остались вдвоем, последний, не стесняясь, пожаловался ему, но в самых мягких и нежных выражениях, что в их разговорах за столом он всегда обращается к своему брату Фабию, а к нему - никогда. "Я понимаю, - говорит он, - что такое равнодушие вызвано тем, что ты, как и все наши граждане, считаешь меня невнимательным молодым человеком и совершенно не соответствующим вкусу, который сейчас преобладает в Риме, поскольку я не посвящаю себя занятиям адвокатурой и не культивирую грацию ораторского искусства. Но как мне это сделать? Мне постоянно говорят, что римляне ждут от дома Сципионов генерала, а не оратора. Признаюсь тебе (прости за искренность, с которой я излагаю свои мысли), что твоя холодность и равнодушие меня очень огорчают". Полибий, удивленный столь неожиданным обращением, дал Сципиону самый любезный ответ и заверил прославленного юношу, что хотя он обычно обращается к своему брату, но это не [pg 299] из неуважения к нему, а только потому, что Фабий был старшим; не говоря уже о том (продолжал Полибий), что, зная, что у вас одна душа, я полагал, что обращаюсь к обоим, когда говорил с кем-либо из вас. Затем он заверил Сципиона, что тот полностью в его власти: что в науках, к которым он обнаружил счастливейший гений, у него будет достаточно возможностей совершенствоваться в них благодаря большому числу ученых греков, ежедневно приезжавших в Рим; но что касается военного искусства, которое было его профессией и любимым занятием, он (Полибий) может быть ему немного полезен. Не успел он произнести эти слова, как Сципион в восторге схватил его за руку: "О! Когда же, - говорит он, - я увижу тот счастливый день, когда, отрешившись от всех других занятий и живя со мной, ты станешь моим другом настолько, что направишь все свои усилия на улучшение моего понимания и регулирование моих привязанностей? Тогда я буду считать себя достойным своих прославленных предков". С этого времени Полибий, обрадованный тем, что столь молодой человек произносит столь благородные слова, стал особенно предан нашему Сципиону, который впоследствии оказывал ему такое же почтение, как если бы он был его отцом.

Однако Сципион почитал Полибия не только как превосходного историка, но ценил его гораздо больше и извлекал из него гораздо больше пользы, как умелого воина и глубокого политика. Поэтому он советовался с ним по любому поводу и всегда прислушивался к его советам, даже когда сам находился во главе своей армии; согласовывал с Полибием наедине все операции

кампании, все передвижения войск, все предприятия против врага и меры, необходимые для обеспечения их успеха.

Одним словом, было принято считать,⁹³² что наш прославленный римлянин не совершал ни одного великого или хорошего поступка, не будучи обязанным Полибию; и даже не совершал ошибки, кроме тех случаев, когда он действовал, не посоветовавшись с ним.

Я прошу читателя извинить это длинное отступление, которое может показаться чуждым моей теме, поскольку я пишу не римскую историю. Однако оно показалось мне настолько хорошо приспособленным к общей цели, которую я ставлю перед собой в этой работе, а именно [pg 300] воспитанию и совершенствованию ума молодежи, что я не мог не ввести его сюда, хотя и чувствовал, что это не совсем подходящее место. И действительно, эти примеры показывают, как важно, чтобы молодые люди получали либеральное и добродетельное образование, и какую огромную пользу они извлекают, встречаясь и общаясь в раннем возрасте с заслуженными людьми; ведь именно на этих основах были построены слава и известность, сделавшие Сципиона бессмертным. Но прежде всего, каким благородным примером для нашего века (в котором самые незначительные и даже пустяковые заботы часто порождают вражду и неприязнь между братьями и сестрами и нарушают мир в семьях) является щедрое бескорыстие Сципиона, который, когда у него была возможность послужить своим родственникам, не задумывался о том, чтобы одарить их самыми большими суммами! Этот замечательный отрывок Полибия ускользнул от меня, поскольку не был включен в фолиант его сочинений. Он, разумеется, относится к той книге, где, рассуждая о вкусе к солидной славе, я упомянул о презрении, с которым древние относились к богатству, и о том, как прекрасно они его использовали. Поэтому я счел себя обязанным по этому случаю вернуть молодым студентам то, что я не мог не упрекнуть себя за то, что упустил в других книгах.

История семьи и потомства Масиниссы... Я обещал, закончив то, что касается Карфагенской республики, вернуться к истории семьи и потомства Масиниссы. Этот фрагмент истории составляет значительную часть истории Африки и поэтому не совсем чужд моему предмету.

A. M. 3857. A. Rom. 601.

С тех пор как Масинисса выступил на стороне римлян при первом Сципионе, он всегда придерживался этого почетного союза с почти беспримерным рвением и верностью.⁹³³ Видя, что его конец приближается, он написал проконсулу Африки, под началом которого тогда сражался младший Сципион, с просьбой прислать к нему римлянина, добавив, что он умрет с удовлетворением, если только сможет умереть в его объятиях, сделав его исполнителем своей воли. Но, полагая, что он умрет раньше, чем сможет получить это утешение, он послал за женой и детьми и обратился к ним со следующими словами: "Я не знаю [pg 301] другого народа, кроме римлян, и среди этого народа нет другой семьи, кроме семьи Сципионов. Сейчас, на исходе лет, я уполномочиваю Сципиона Эмилиана распоряжаться в абсолютном порядке всем моим имуществом и разделить мое царство между моими детьми. Я требую, чтобы все, что Сципион укажет, было исполнено с такой же точностью, как если бы я сам назначил это своей волей". Произнеся эти слова, он испустил последний вздох, будучи старше девяноста лет.

В молодости этот принц претерпевал странные превратности судьбы, был лишен своего королевства, вынужден бегать из провинции в провинцию и тысячу раз подвергал свою жизнь опасности⁹³⁴. Поддерживаемый, говорит историк, божественной защитой, он впоследствии, до самой своей смерти, был благосклонен к постоянному процветанию, не нарушаемому никакими зловещими случайностями: он не только вернул свое собственное королевство, но и добавил к нему королевство Сифакса, своего врага; и распространив свои владения от Мавритании до Кирены, он стал самым могущественным принцем во всей Африке. До самого своего ухода из

жизни он отличался отменным здоровьем и бодростью, что, несомненно, объяснялось его крайней воздержанностью и тем, что он старался не допускать переутомления. Хотя ему было девяносто лет, он выполнял все упражнения, которыми занимались молодые [мужчины](#)⁹³⁵, и всегда ездил без седла; Полибий отмечает (это обстоятельство сохранил [Плутарх](#)⁹³⁶), что на следующий день после великой победы над карфагенянами Масиниссу видели сидящим у дверей своей палатки и поедающим кусок коричневого хлеба.

Он оставил пятьдесят четыре сына, из которых только трое были законными: Миципса, Гулусса и Мастанабал.⁹³⁷ Сципион разделил царство между этими тремя, а остальным дал значительные владения; но двое последних вскоре умерли, и Миципса стал единственным обладателем этих обширных владений. У него было два сына, Адербал и Гиемпсал, и вместе с ними он воспитал в своем дворце Югурту, своего племянника, сына Мастанабала, и заботился о нем [pg 302] так же, как о своих собственных детях.⁹³⁸ Этот последний принц обладал несколькими выдающимися качествами, которые снискали ему всеобщее уважение. Югурта, отличавшийся прекрасным телосложением и красотой, тонким умом и твердым рассудком, не предавался, как это обычно делают молодые люди, жизни в роскоши и удовольствиях. Он упражнялся с ровесниками в беге, верховой езде и метании копья; и хотя он превосходил всех своих товарищей, не было ни одного из них, кто бы не любил его. Единственным его развлечением была погоня, но это была погоня за львами и другими дикими зверями. В довершение ко всему он преуспевал во всех делах и очень мало говорил о себе: *Plurimum facere, et minimum ipse de se loqui*.

Заслуги, столь заметные и общепризнанные, начали вызывать у Микипса некоторое беспокойство. Он видел себя на закате жизни, а своих детей совсем маленькими. Он знал, как далеко может зайти честолюбие, когда речь идет о короне, и что человек с талантами, значительно уступающими талантам Югурты, может быть ослеплен столь блестящим соблазном, особенно в сочетании с такими благоприятными обстоятельствами.⁹³⁹ Поэтому, чтобы устранить конкурента, столь опасного для его детей, он дал Югурте командование войсками, которые отправил на помощь римлянам, осаждавшим в то время Нумантию под командованием Сципиона. Зная, что Югурта движим самой героической храбростью, он льстил себе, что, вероятно, бросится навстречу опасности и погибнет. Однако он ошибся. К неустрашимой храбрости юного принца добавилось величайшее присутствие духа, и, что очень редко встречается у людей его возраста, он сохранил нечто среднее между робкой предусмотрительностью и порывистой опрометчивостью.⁹⁴⁰ В этой кампании он завоевал уважение и дружбу всей армии. Сципион отправил его обратно к дяде с рекомендательными письмами и самыми благоприятными отзывами [pg 303] о его поведении, дав ему весьма благоразумный совет относительно курса, который ему следовало бы выбрать; ибо, хорошо зная людей, он, по всей вероятности, обнаружил в этом принце искры честолюбия, которые, как он опасался, однажды разгорятся в пламя.

Микипса, довольный тем, что ему прислали высокую характеристику племянника, изменил свое поведение по отношению к нему и решил, если возможно, завоевать его расположение добротой. Поэтому он усыновил его и по своему завещанию сделал наследником вместе с двумя своими сыновьями. Когда он обнаружил, что его конец приближается, он послал за всеми тремя и попросил их приблизиться к его постели, где в присутствии всего двора он напомнил Югурте обо всей своей доброте к нему; призвав его во имя богов защищать и оберегать во всех случаях его детей, которые, будучи прежде связаны с ним узами крови, теперь стали его братьями по его (Микипса) щедрости. Он сказал [ему](#)⁹⁴¹, что не оружие и не сокровища составляют силу королевства, а друзья, которых завоевывают не оружием и не золотом, а настоящими услугами и нерушимой верностью. Где же, говорит он, мы можем найти лучших друзей, чем наши братья? И как может человек, ставший врагом своим родственникам, доверять чужакам или полагаться на них? Он увещевал своих сыновей оказывать Югурте величайшее почтение и спорить с ним не

иначе, как стараясь сравняться, а если возможно, и превзойти его возвышенные заслуги. В заключение он попросил их навсегда сохранять нерушимую привязанность к римлянам и считать их своими благодетелями, покровителями и господами. Через несколько дней после этого Миципса скончался.

A.M. 3887. A. Rom. 631.

Югурта вскоре сбросил маску и начал с того, что избавился от Гиемпсала, который высказывался в его адрес с большой свободой, и поэтому заставил его убить. Этот кровавый поступок слишком наглядно доказал Адербалу то, чего он сам, естественно, опасался.

A.M. 3888. A. Rom. 632.

Нумидия разделилась и встала на сторону двух братьев. Каждая из сторон собирает мощные армии. Адгербал, потеряв большую часть [pg 304] своих крепостей, был побежден в битве и вынужден сделать Рим своим убежищем. Однако это не вызвало у Югурты особого беспокойства, поскольку он знал, что деньги в этом городе всеильны. Поэтому он отправил туда депутатов с приказом подкупить главных сенаторов. На первой аудиенции, куда их ввели, Адгербал рассказал о том несчастном положении, в котором он оказался, о несправедливости и варварстве Югурты, об убийстве брата, о потере почти всех своих крепостей; но больше всего он упирал на повеление своего умирающего отца - полностью довериться римлянам, заявив, что дружба этого народа будет для него и его королевства более надежной опорой, чем все войска и сокровища во вселенной. Его речь была очень длинной и чрезвычайно патетической. Депутаты Югурты ответили лишь следующее: что Гиемпсал был убит нумидийцами из-за своей большой жестокости; что Адгербал был агрессором, но, будучи побежденным, пришел предъявлять претензии, потому что не совершил всех желаемых эксцессов; что их государь просит сенат составить мнение о его поведении и поступках в Африке на основании того, что он показал в Нумантии, и уделять больше внимания его действиям, чем обвинениям его врагов. Но эти послы тайно использовали красноречие, гораздо более распространенное, чем слова, которое не оказалось безрезультатным. Все собрание было за Югурту, за исключением нескольких сенаторов, которые не были настолько лишены чести, чтобы быть развращенными деньгами. Сенат пришел к такому решению: из Рима должны быть посланы комиссары, чтобы разделить провинции поровну на месте между двумя братьями. Читатель, естественно, предположит, что Югурта не скупился на свои сокровища по этому случаю; раздел был произведен в его пользу, и при этом сохранялась видимость справедливости.

Этот первый успех Югурты усилил его мужество и смелость. Он напал на своего брата открытой силой, и пока тот терял время на отправку депутаций к римлянам, он взял штурмом несколько крепостей, продолжил свои завоевания и, победив Адгербала, осадил его в Кирте, столице его царства. В этот промежуток времени [pg 305] из Рима прибыли послы с приказом от имени сената и народа к двум царям сложить оружие и прекратить все военные действия. Югурта, заявив, что с глубочайшим почтением и покорностью подчинится велениям римского народа, добавил, что не верит в их намерение помешать ему защитить собственную жизнь от коварных ловушек, которые расставил для нее его брат. В заключение он сказал, что немедленно отправит послов в Рим, чтобы сообщить сенату о своем поведении. Этим туманным ответом он уклонился от их приказа и даже не позволил депутатам дожидаться Адербала.

Хотя последний был так тесно блокирован в своей столице, он все же⁹⁴² нашел средства послать в Рим, чтобы просить помощи римлян против своего брата, который осаждал его пять месяцев и намеревался лишить его жизни. Некоторые сенаторы считали, что против Югурты следует

немедленно объявить войну, но его влияние все же возобладало, и римляне приказали отправить посольство, состоявшее из сенаторов самого высокого ранга, среди которых был Эмилий Скавр, человек развратный, имевший большой авторитет среди знати и скрывавший самые черные пороки под благовидным видом добродетели. Югурта сначала пришел в ужас, но затем нашел возможность уклониться от их требований и, не придя ни к какому выводу, отправил их обратно. После этого потерявший всякую надежду Адербал сдался под условием сохранения своей жизни; тем не менее, он был немедленно убит вместе с большим количеством нумидийцев.

Но хотя большая часть жителей Рима была поражена ужасом от этой новости, деньги Югурты снова обеспечили ему защитников в сенате. Однако народный трибун К. Меммий, человек деятельный и ненавидевший аристократию, убедил народ не терпеть такого ужаса [pg 306]

A. M. 3894. A. Rom. 683. Ant. J.C. 110.

преступление, которое должно остаться безнаказанным; и вот, объявив войну против Югурты, консул Кальпурний Бестия был назначен для ее ведения.⁹⁴³ Он был наделен прекрасными качествами, но все они были испорчены и стали бесполезными из-за его жадности. Скавр отправился вместе с ним. Сначала они взяли несколько городов, но взятки Югурты помешали этим завоеваниям, а сам [Скавр⁹⁴⁴](#), который до сих пор выражал сильнейшую вражду к этому князю, не смог противостоять столь мощному нападению. Поэтому был заключен договор; Югурта притворно подчинился римлянам, и тридцать слонов, несколько лошадей и весьма незначительная сумма денег были переданы квестору.

Но теперь негодование народа в целом на Рим проявилось самым сильным образом. Трибун Меммий разжигал их своими речами. Он приказал назначить Кассия, который был претором, к Югурте и уговорить его прибыть в Рим под поручительство римлян, чтобы в его присутствии было произведено расследование, кто из людей брал взятки. Соответственно, Югурта был вынужден прибыть в Рим. Вид его еще больше разозлил народ; но трибун, подкупленный, затянул заседание и в конце концов распустил его. Нумидийский принц, внук Масиниссы, по имени Массива, находившийся в это время в городе, получил совет добиваться царства Югурты; дойдя до слуха последнего, он устроил ему покушение в центре Рима. Убийца был схвачен и передан гражданскому магистрату, а Югурте было приказано покинуть Италию. Покидая город, он несколько раз оглядывался на него и говорил: "Рим продал бы себя, если бы на него нашелся покупатель; а если бы таковой нашелся, он был бы неминуемо разорен"⁹⁴⁵.

И вот война разгорелась с новой силой. Сначала из-за лени, а может быть, и попустительства консула Альбина она шла очень медленно; Но потом, когда он вернулся в Рим, чтобы провести [pg 307] общественные собрания,⁹⁴⁶ римская армия, по неумелости его брата Аулуса, зашедшая в дефиле, откуда невозможно было выбраться, бесславно сдалась врагу, который заставил римлян подчиниться церемонии перехода под иго и обязался покинуть Нумидию через десять дней.

Читатель, естественно, представляет себе, в каком свете рассматривался в Риме столь позорный мир, заключенный без авторитета народа. Они не могли льстить себе надеждой на успех в этой войне, пока ведение ее не было поручено консулу Л. Метеллу.⁹⁴⁷ Ко всем прочим достоинствам, присущим великому полководцу, он добавил совершенное пренебрежение к богатству - качество, крайне необходимое против такого врага, как Югурта, который до сих пор всегда побеждал скорее с помощью денег, чем меча. Но африканский монарх нашел Метелла столь же непобедимым в этом, как и во всех других отношениях.

Поэтому он был вынужден рисковать своей жизнью и проявлять максимум храбрости из-за недостатка средств, которые теперь начали его подводить. Таким образом, он проявил себя удивительным образом и показал в этой кампании все, что можно было ожидать от мужества, способностей и внимания прославленного полководца, которому отчаяние придает новые силы и открывает новые перспективы: он, однако, не добился успеха, потому что ему противостоял консул, который не допускал даже самой незначительной ошибки и никогда не упускал возможности воспользоваться преимуществом противника.

Больше всего Югурту волновало, как обезопасить себя от предателей. С тех пор как ему сообщили, что Бомилькар, которому он доверял больше всего, задумал покуситься на его жизнь, он не знал покоя. Он не считал себя в безопасности нигде; все, как днем, так и ночью, как гражданин, так и иностранец, вызывали у него подозрение, и самые черные ужасы вечно сидели в его голове. Он никогда не сомкнул глаз сна, разве что украдкой; и часто менял постель в неподобающей его званию манере. Иногда, встав [pg 308] дремоты, он выхватывал меч и издавал громкие крики; так сильно его преследовал страх, доводивший его почти до бешенства.

Марий был лейтенантом Метелла. Его безграничное честолюбие побудило его попытаться тайно умалить характер своего полководца в умах своих солдат; став вскоре его признанным врагом и клеветником, он, наконец, с помощью самых грубых и вероломных приемов добился того, что вытеснил Метелла и выдвинул себя в его комнате для ведения войны против Югурты⁹⁴⁸. Какой бы силой духа ни обладал Метелл в других случаях, он был совершенно подавлен этим непредвиденным ударом, который даже заставил слезы вытечь из его глаз и вынудил его произнести такие выражения, которые были совершенно недостойны столь великого человека. В поведении Мариуса было что-то очень мрачное и гнусное, что показывает честолюбие в его исконных и подлинных красках и свидетельствует о том, что оно гасит в тех, кто предается ему, всякое чувство чести и порядочности.

А.М. 3898. A. Rom. 642.

Метелл, старательно избегая человека, чей вид он не мог вынести, прибыл в Рим и был принят там со всеобщим одобрением. Ему был объявлен триумф и присвоена фамилия Нумидикус.

Я подумал, что будет уместно оставить для римской истории особый рассказ о событиях, произошедших в Африке при Метелле и Мариусе, которые очень подробно описаны Саллюстом в его замечательной истории Югурты. Поэтому я поспешу перейти к завершению этой войны.

Югурта был сильно удручен своими делами и прибегнул к помощи Бокха, царя Мавритании, на дочери которого он женился. Эта страна простирается от Нумидии до берегов Средиземного моря напротив Испании.⁹⁴⁹ Римское имя в ней почти не было известно, а народ был совершенно незнаком римлянам. Югурта внушил своему тестю, что если он допустит завоевание Нумидии, то его царство, несомненно, будет вовлечено в ее гибель; тем более что римляне, заклятые враги монархии, [pg 309], казалось, поклялись уничтожить все престолы во вселенной. Поэтому он уговорил Бокха вступить с ним в союз и, соответственно, в разных случаях получал от этого царя весьма значительные подмоги.

Эта конфедерация, скрепленная с обеих сторон лишь интересами, никогда не была прочной, а последнее поражение, которое потерпел Югурта, разом разорвало все ее связи. Теперь Бокх задумал предать своего зятя римлянам. Для этого он попросил Мариа прислать ему надежного человека. Силла, который был офицером необыкновенных достоинств и служил

под его началом в качестве квестора, считался вполне подходящим для этих переговоров. Он не побоялся отдать себя в руки варварского царя и, соответственно, отправился к его двору. Прибыв на место, Бокх, который, как и остальные его соотечественники, не гордился своей искренностью и постоянно вынашивал новые планы, стал рассуждать, не будет ли в его интересах отдать Силлу Югурту. Он долго колебался в этой неопределенности и противоречивых чувствах, и внезапные перемены, которые проявлялись в его лице, в воздухе и во всем его облике, ясно показывали, как сильно был затронут его разум. В конце концов, вернувшись к своему первому замыслу, он заключил соглашение с Силлой и отдал в его руки Югурту, который был немедленно отправлен к Марию.

Силла, говорит [Плутарх950951](#) , вел себя в этом случае как молодой человек, охваченный сильной жадой славы, сладости которой он только начал вкушать. Вместо того чтобы приписать полководцу, под началом которого он сражался, всю честь этого события, как того требовал его долг и как должно быть нерушимой максимой, он оставил большую часть ее себе и сделал кольцо, которое всегда носил, где был изображен принимающим Югурту из рук Бокха; и это кольцо он использовал в качестве своей печати. Но Марий был так возмущен подобным оскорблением, что никогда не мог простить его; и это обстоятельство породило непримиримую ненависть между [pg 310] этими двумя римлянами, которая впоследствии вспыхнула с такой яростью и стоила республике столько крови.

A.M. 3901. A. Rom. 615. Ant. J.C. 103.

Марий въехал в Рим с триумфом,[952](#) явив римлянам такое зрелище, что они едва ли могли поверить, что видят его, когда оно проходило перед их глазами; я имею в виду Югурту в цепях; столь грозного врага, при жизни которого они не смели льстить себя надеждами, что смогут положить конец этой войне; столь хорошо его мужество поддерживалось хитростью и уловками, а его гений был столь плодovit в поиске новых методов, даже когда его дела были в самом отчаянном положении. Нам рассказывают, что Югурта растерялся, когда шел на триумф; что после окончания церемонии его бросили в тюрьму; и что ликторы так стремились завладеть его одеянием, что разорвали его на несколько частей и оторвали кончики его ушей, чтобы достать богатые драгоценности, которыми они были украшены. В таком состоянии он был брошен, совершенно голый, в глубокую темницу, где провел шесть дней, борясь с голодом и страхом смерти, сохраняя сильное желание жить до последнего вздоха; конец, продолжает Плутарх, достойный его злых деяний: Югурта всегда считал, что для удовлетворения своего честолюбия можно совершить самые большие преступления: неблагодарность, вероломство, черное предательство и бесчеловечное варварство.

Джуба, король Мавритании, оказал столько чести вежливой литературе и наукам, что я не могу без умысла опустить его в истории рода Масиниссы, которому его отец, которого также звали Джуба, был правнуком и внуком Гулуссы. Старший Джуба отличился во время войны между Сезаром и Помпеем своей нерушимой привязанностью к партии последнего.

A.M. 3959. A. Rom. 703.

Он покончил с собой после битвы при Фапсе, в которой его войска и войска Сципиона потерпели полное поражение. Его сын Джуба, тогда еще ребенок, был отдан завоевателю и стал одним из самых ярких украшений его триумфа. Из истории явствует, что Джуба получил благородное образование в Риме, где он приобрел такое разнообразие знаний, что впоследствии сравнился с самыми учеными [pg 311] среди

A.M. 3974. A. Rom. 719. Ant. J.C. 30.

греков. Он не покидал этот город до тех пор, пока не вступил во владение владениями своего отца. Август вернул ему их, когда после смерти Марка Антония провинции империи оказались в его полном распоряжении. Юба, благодаря мягкости своего правления, завоевал сердца всех своих подданных, которые из чувства благодарности за счастье, которым они наслаждались во время его правления, причислили его к числу своих богов. Павсаний рассказывает о статуе, которую афиняне воздвигли в его честь. Действительно, было справедливо, чтобы город, который во все века был посвящен Музам, публично засвидетельствовал свое почтение царю, который так ярко проявил себя среди ученых. Суидас приписывает этому принцу⁹⁵³ несколько работ, из которых до наших дней дошли лишь фрагменты. Он написал историю Аравии, древности Ассирии и римлян, историю театров, живописи и художников, природы и свойств различных животных, грамматики и других подобных предметов; каталог всего этого приводится в краткой диссертации аббата Севина о жизни и трудах младшего [Джубы⁹⁵⁴](#), откуда я и извлек эти несколько сведений.

[pg 312]

Книга третья. История ассирийцев.

Глава I. Первая империя ассирийцев.

РАЗДЕЛ. I. Продолжительность империи Ассирийская империя, несомненно, была одной из самых могущественных в мире. Относительно ее продолжительности в основном преобладают два мнения. Одни авторы, как Ктесий, чье мнение придерживается Юстин, считают, что она просуществовала тринадцать сотен лет: другие сокращают ее до пятисот двадцати, о чем говорит Геродот. Уменьшение или, возможно, прерывание власти, произошедшее в этой огромной империи, могло послужить поводом для такого расхождения во мнениях, а возможно, и в какой-то мере примирить их.

История тех ранних времен настолько туманна, памятники, донесшие ее до нас, настолько противоречат друг другу, а системы [современников⁹⁵⁵](#) по этому вопросу настолько различны, [pg 313] что трудно составить какое-либо мнение о ней, как определенное и неоспоримое. Но там, где нет уверенности, я полагаю, разумный человек удовлетворится вероятностью; и, на мой взгляд, человек вряд ли может быть обманут, если он сделает Ассирийскую империю равной по древности с городом Вавилоном, ее столицей. Из Священного Писания мы узнаем, что он был построен Нимродом, который, несомненно, был великим завоевателем и, по всей вероятности, первым и самым древним из всех, кто когда-либо претендовал на это звание.

Вавилоняне, как писал Аристотелю Каллистен, философ из дружины [Александра⁹⁵⁶](#), считали себя по меньшей мере 1903 годами, когда этот принц с триумфом вошел в Вавилон; таким образом, их происхождение восходит к 1771 году мира, то есть к 115 годам после потопа. Это исчисление соответствует нескольким годам, в течение которых, как мы

предполагаем, Нимрод основал этот город. Действительно, это свидетельство Каллистена, поскольку оно не согласуется ни с какими другими рассказами о той империи, не считается учеными достоверным; но соответствие, которое мы находим между ним и Священным Писанием, должно заставить нас принять его.

На этом основании я думаю, что мы можем допустить, что Нимрод был основателем первой Ассирийской империи, которая просуществовала с большей или меньшей степенью размаха и славы в течение 1450 лет⁹⁵⁷, со времен Нимрода до времени Сарданапала, последнего царя, то есть с 1800 года до 3257 года мира.

Нимрод. 1800 Г. Н.Э. Ант. И.К. 2204.

Нимрод. То же, что и Белус⁹⁵⁸, которому впоследствии поклонялись как богу под этим именем.

Он был сыном Хуса, внуком Хама и правнуком Ноя. Писание говорит, что он был "сильным охотником пред Господом".⁹⁵⁹ Занимаясь этим трудоемким и опасным делом, он преследовал две цели: во-первых, завоевать расположение людей, избавив их от ярости [pg 314] и страха перед дикими зверями; Вторая цель заключалась в том, чтобы приучить молодых людей к труду и лишениям, приучить их к использованию оружия, привить им дисциплину и послушание, чтобы в надлежащее время, после того как они привыкнут к его приказам и овладеют оружием, он мог использовать их для других целей, более серьезных, чем охота.

В древней истории мы находим некоторые следы этой хитрости Нимрода, которого писатели путают с Нином, его сыном: у Диодора есть такие слова:⁹⁶⁰ "Нинус, древнейший из ассирийских царей, упоминаемых в истории, совершал великие деяния. Будучи от природы воинственным и стремясь к славе, проистекающей из доблести, он вооружил значительное число юношей, таких же храбрых и энергичных, как он сам; долго тренировал их в трудовых упражнениях и лишениях и таким образом приучил их терпеливо переносить тяготы войны и встречать опасности с мужеством и бесстрашием".

То, что тот же автор добавляет⁹⁶¹, что Нинус вступил в союз с царем арабов и объединил с ним свои силы, является частью древней традиции, которая сообщает нам, что сыновья Хуса, и, как следствие, братья Нимрода, поселились в Аравии, вдоль Персидского залива, от Хавилы до океана; и жили достаточно близко к своему брату, чтобы оказывать ему помощь или получать ее от него. И то, что тот же историк далее говорит о Нине, что он был первым царем ассирийцев, в точности согласуется с тем, что Писание говорит о Нимроде, "что он начал быть могущественным на земле"; то есть он приобрел себе поселения, построил города, покорил своих соседей, объединил разные народы под одной и той же властью, с помощью одинакового управления и одинаковых законов, и сформировал их в одно государство; которое по тем ранним временам имело значительную протяженность, хотя и было ограничено реками Евфратом и Тигром; и которое в последующие века постепенно делало новые приобретения и в конце концов распространило свои завоевания очень далеко.

"Столицей его царства", - говорится в Писании⁹⁶², - "был Вавилон". Большинство светских историков приписывают [pg 315] основание Вавилона Семирамиде,⁹⁶³ другие - Белу. Очевидно, что и те, и другие ошибаются, если говорят о первом основателе этого города; ведь он обязан своим началом не Семирамиде и не Нимроду, а глупому тщеславию тех людей, о которых говорится в Писании,⁹⁶⁴ которые хотели построить башню и город, чтобы сделать свою память бессмертной.

Иосиф [сообщает965](#) , основываясь на свидетельстве сивиллы (которая, должно быть, была очень древней и чьи выдумки нельзя вменить в вину неосторожному рвению христиан), что боги повалили башню стремительным ветром или сильным ураганом. Если бы это было так, то смелость Нимрода должна была бы быть еще большей, чтобы отстроить город и башню, которые сам Бог низверг с такими следами своего недовольства. Но в Писании ничего подобного не сказано; весьма вероятно, что здание оставалось в том состоянии, в котором оно находилось, когда Бог положил конец работе, спутав языки; и что башня, освященная Белусом, о которой рассказывает [Геродот966](#) , была именно той башней, которую сыны человеческие притворились вознести к облакам.

Вероятно также, что этот нелепый замысел был разрушен столь поразительной диковинкой, автором которой не мог быть никто, кроме самого Бога, и все покинули место, нанесшее Ему обиду; и что Нимрод был первым, кто впоследствии обнес его стенами, поселил в нем своих друзей и единомышленников и покорил тех, кто жил вокруг него, положив начало своей империи в этом месте, но не ограничивая ее столь узким кругом: *Fuit principium regni ejus Babylon*. Другие города, о которых Писание говорит в том же месте, находились в земле Шинар, что, несомненно, было провинцией, метрополией которой стал Вавилон.

Из этой страны он перешел в страну, которая носит название Ассирия, и построил там Ниневию: *De terrâ illâ egressus est Assur, et ædificavit Nineven.*[967](#) Именно в таком смысле многие ученые люди понимают слово Ассур, рассматривая его как название провинции, а не первого человека, который владел [pg 316] ею, как если бы это было, *egressus est in Assur*, в Ассирии. И это кажется наиболее естественной конструкцией по многим причинам, которые нет необходимости перечислять в этом месте. Страна Ассирия описывается в одном из [пророков968](#) , в частности, как земля Нимрода: *Et pascent terram Assur in gladio, et terram, Nimrod in lanceis ejus; et liberabit ab Assur, cùm venerit in terram nostram*. Он получил свое название от Ассура, сына Шема, который, несомненно, поселился там с семьей и, вероятно, был изгнан или подчинен узурпатором Нимродом.

Этот завоеватель, овладев провинциями [Ассура969](#) , не опустошал их, как тиран, а наполнил городами и сделался столь же любим своими новыми подданными, как и прежними; так что [историки970](#) , которые не вникали в суть этого дела, решили, что он использовал ассирийцев для завоевания вавилонян. Среди прочих городов он построил один, более крупный и великолепный, чем остальные, который назвал Ниневией, по имени своего сына Нинуса, чтобы увековечить его память. Сын, в свою очередь, из почтения к отцу желал, чтобы те, кто служил ему как своему царю, почитали его как своего бога и побуждали другие народы оказывать ему такое же поклонение. Ибо очевидно, что Нимрод - это знаменитый Белус вавилонян, первый царь, которого народ обожествил за его великие деяния и который указал другим путь к тому бессмертию, которое, как считается, могут даровать человеческие приобретения.

Я намерен говорить о могучей силе и величии городов Вавилона и Ниневии при царях, которым профашистские авторы приписывают их строительство, потому что Писание почти ничего не говорит на эту тему. Это молчание Писания, столь мало удовлетворяющее наше любопытство, может стать поучительным уроком для нашего благочестия. Святой автор поместил перед нами Нимрода и Авраама как бы в одном поле зрения; и, похоже, он специально поставил их так близко друг к другу, чтобы мы видели в первом пример того, что вызывает восхищение и желание у людей, а во втором - того, что приемлемо и [pg 317] угодно Богу. Эти два [человека971](#) , столь непохожие друг на друга, являются первыми двумя и главными гражданами двух разных городов, построенных по разным мотивам и с разными

принципами; один - самолюбие и желание временных выгод, доведенное до презрения к Божеству; другой - любовь к Богу, доведенная до презрения к самому себе.

Нинус.

Нинус. Я уже отмечал, что большинство профанных авторов считают его первым основателем Ассирийской империи и по этой причине приписывают ему большую часть деяний его отца Нимрода или Белуса.

Задумав расширить свои завоевания, он первым делом подготовил войска и офицеров, способных содействовать его замыслам.⁹⁷² Получив мощную помощь от соседей-арабов, он выступил в поход и за семнадцать лет завоевал огромную территорию от Египта до Индии и Бактрианы, на которые он тогда не рискнул напасть.

По возвращении, прежде чем приступить к новым завоеваниям, он задумал увековечить свое имя строительством города, соответствующего величию его власти; он назвал его Ниневией и построил на восточном берегу Тигра.⁹⁷³ Возможно, он не более чем завершил дело, начатое его отцом. Его целью, говорит Диодор, было сделать Ниневию самым большим и благородным городом в мире и лишить тех, кто пришел после него, возможности когда-либо построить или надеяться построить такой город. Он не обманулся в своих ожиданиях, ибо никогда ни один город не достигал такого величия и великолепия, как этот: он был сто пятьдесят стадий (или восемнадцать миль три четверти) в длину и девяносто стадий (или одиннадцать миль с четвертью) в ширину, и, следовательно, представлял собой продолговатый квадрат. Его окружность составляла четыреста восемьдесят стадий, или шестьдесят миль. По этой причине мы находим у пророка Ионы слова: "Ниневия была чрезвычайно великим городом, в трех днях пути"⁹⁷⁴, что следует понимать как [pg 318] всю окружность, или компас города.⁹⁷⁵ Стены ее были высотой в сто футов и такой толщины, что три колесницы могли легко проехать по ним в одну сторону. Они были укреплены и украшены пятнадцатью сотнями башен высотой в двести футов.

Завершив эту грандиозную работу, он возобновил поход против бактрийцев. Его армия, согласно рассказу Ктесия, состояла из семнадцати сотен тысяч пеших, двухсот тысяч конных и около шестнадцати тысяч колесниц, вооруженных косами. Диодор добавляет, что это не должно казаться невероятным, поскольку, не говоря уже о бесчисленных армиях Дария и Ксеркса, один только город Сиракузы во времена Дионисия Тирана предоставил сто двадцать тысяч пеших и двенадцать тысяч конных, а также четыреста хорошо оснащенных и снабженных судов. А немного раньше времени Ганнибала Италия, включая граждан и союзников, смогла отправить на поле боя около миллиона человек. Нинус овладел множеством городов и наконец осадил Бактрию, столицу страны. Здесь, вероятно, все его попытки потерпели бы неудачу, если бы не усердие и помощь Семирамиды, жены одного из его начальников, женщины необычайно мужественной и не подверженной слабостям своего пола. Она родилась в Аскалоне, городе в Сирии. Думаю, нет нужды пересказывать рассказ Диодора о ее рождении и о том, как чудесным образом ее выхаживали и воспитывали голуби, поскольку сам историк считает это лишь сказочной историей. Именно Семирамида подсказала Нину, как напасть на цитадель, и с ее помощью он взял ее, став хозяином города, в котором нашел огромные сокровища. Муж Семирамиды покончил с собой, чтобы предотвратить последствия угроз и гнева царя, который вспылал к жене неистовой страстью, и Нинус женился на ней.

После возвращения в Ниневию у него родился от нее сын, которого он назвал Ниньяс. Вскоре после этого он умер, оставив царице управление царством. Она, в честь его [pg 319]

памяти, воздвигла великолепный памятник, который оставался еще долгое время после разрушения Ниневии.

Я не нахожу ни малейшей доли правды в том, что некоторые авторы рассказывают о том, как Семирамида взошла на трон.⁹⁷⁶ Согласно им, заполучив главных людей государства и привязав их к своим интересам своими благодеяниями и обещаниями, она с большой настойчивостью просила царя передать в ее руки власть на пять дней. Он поддался на ее уговоры, и всем провинциям империи было приказано подчиняться Семирамиде. Эти приказы были исполнены, но слишком точно для несчастного Нинуса, который был предан смерти, либо сразу, либо после нескольких лет заключения.

Семирамида.

СЕМИРАМИДА. Эта царица все свои помыслы направила на то, чтобы обессмертить свое имя и покрыть ничтожность своего происхождения величием своих предприятий.⁹⁷⁷ Она решила превзойти всех своих предшественников в великолепии и с этой целью взялась за строительство могучего Вавилона,⁹⁷⁸ в котором она задействовала два миллиона человек, собранных из всех провинций ее огромной империи. Некоторые из ее преемников пытались украсить этот город новыми произведениями и украшениями. Здесь я расскажу обо всех них вместе, чтобы дать читателю более ясное и четкое представление об этом грандиозном городе.

Основные работы, которые сделали Вавилон таким знаменитым, - это городские стены, набережные и мост, озеро, берега и каналы, сделанные для осушения реки, дворцы, висячие сады и храм Белуса; работы такого удивительного великолепия, что их трудно охватить. Д-р Придо, рассмотрев этот предмет с большим размахом и образованностью, должен только скопировать, или, скорее, сократить его.

I. Стены.⁹⁷⁹ Вавилон стоял на большой равнине, на очень тучной и богатой земле.⁹⁷⁹ Аваилы были во всех отношениях велики. Толщина их [pg 320] составляла восемьдесят семь футов, высота - триста пятьдесят, а длина - четыреста восемьдесят аршин, что составляет шестьдесят наших миль. Эти стены были выстроены вокруг города в форме точного квадрата, каждая сторона которого составляла сто двадцать футов⁹⁸⁰, или пятнадцать миль, в длину, и все они были сложены из больших кирпичей, скрепленных битумом - клейкой слизью, выделяющейся из земли в той стране, которая скрепляет гораздо сильнее и прочнее, чем раствор, и вскоре становится гораздо тверже, чем сами кирпичи или камни, которые она скрепляет.

Снаружи эти стены были окружены огромным рвом, полным воды и выложенным с обеих сторон кирпичом. Земля, вырытая из него, послужила кирпичом, из которого были построены стены; поэтому из огромной высоты и ширины стен можно сделать вывод о величине рва.

На каждой стороне этой большой площади было двадцать пять ворот, то есть всего сто, и все они были сделаны из цельной меди; поэтому, когда Бог обещает Киру завоевание Вавилона, он говорит ему⁹⁸¹, что разобьет перед ним медные ворота. Между каждыми двумя воротами было по три башни, еще четыре - по четырем углам этой большой площади, и по три - между каждым из этих углов и следующими воротами по обе стороны; каждая из этих башен была на десять футов выше стен. Но это следует понимать только в тех частях стены, где башни были необходимы.

От двадцати пяти ворот на каждой стороне этой большой площади шли двадцать пять улиц по прямой линии к воротам, которые находились прямо напротив них, на противоположной стороне; таким образом, общее число улиц было пятьдесят, каждая длиной в пятнадцать миль, из которых двадцать пять шли в одну сторону, а двадцать пять - в другую, прямо пересекая друг друга под прямым углом. Кроме них, было еще четыре полуулицы, которые имели дома только с одной стороны, а с другой - стену; эти улицы обходили четыре стороны города рядом со стенами и были каждая шириной в двести футов; остальные - около ста пятидесяти. Эти улицы, таким образом, пересекались друг с другом, и весь [pg 321] город был разрезан на шестьсот семьдесят шесть квадратов, каждый из которых был по четыре фурунга с половиной с каждой стороны, то есть две мили с четвертью в окружности. Вокруг этих площадей, со всех сторон по направлению к улице, стояли дома (которые не примыкали друг к другу, а имели пустое пространство между собой), построенные в три или четыре этажа и украшенные всевозможными украшениями по направлению к улицам.⁹⁸² Пространство внутри в середине каждой площади также было все пустое, используемое для дворов, садов и других подобных целей; так что Вавилон был больше внешне, чем в действительности, почти половина города была занята садами и другими возделанными землями, как нам говорит К. Курций.

II. Набережные и мост... Ветвь реки Евфрат пересекала город с севера на юг⁹⁸³; по обе стороны реки была набережная и высокая стена, построенная из кирпича и битума, такой же толщины, как и стены, опоясывающие город. В этих стенах, напротив каждой улицы, ведущей к реке, были медные ворота, а от них спуск по ступеням к реке, для удобства жителей, которые переправлялись с одного берега на другой в лодках, не имея другого способа переправиться через реку до постройки моста. Медные ворота всегда были открыты днем и закрыты на ночь.

Мост не уступал ни одному из других сооружений ни по красоте, ни по великолепию; он был длиной в фут⁹⁸⁴ и шириной в тридцать футов, построен с удивительным искусством, чтобы восполнить недостаток фундамента на дне реки, которое было сплошь песчаным. Арки были сложены из огромных камней, скрепленных между собой цепями из железа и расплавленного свинца. Прежде чем приступить к строительству моста, они повернули русло реки и проложили его насухо, имея при этом и другую цель, помимо более удобной укладки фундамента, о чем я расскажу ниже. И поскольку все было подготовлено заранее, то и мост, и набережные, которые я уже описал, были построены в этот промежуток времени.

III. Озеро, рвы и каналы, сделанные для осушения [pg 322] реки.- Эти работы, предметы восхищения искусных людей во все века, были все же более полезны, чем великолепны.⁹⁸⁵ В начале лета, когда солнце растапливает снег на горах Армении, возникает огромное количество воды, которая, впадая в Евфрат в июне, июле и августе, переполняет его берега и вызывает такое же наводнение, как Нил в Египте. Чтобы предотвратить ущерб, который город и страна получали от этих наводнений, на очень значительном расстоянии выше города были прорублены два искусственных канала, которые повернули течение этих вод в Тигр, прежде чем они достигли Вавилона.⁹⁸⁶ А чтобы еще больше обезопасить страну от опасности наводнений и удержать реку в ее русле, по обе стороны реки возвели огромные берега, построенные из кирпича, скрепленного битумом, которые начинались у истоков искусственных каналов и тянулись ниже города.⁹⁸⁷

Чтобы облегчить проведение этих работ, необходимо было повернуть русло реки, для чего к западу от Вавилона было вырыто огромное искусственное озеро, сорок миль в квадрате,⁹⁸⁸ сто шестьдесят в поперечнике, глубиной тридцать пять футов, по Геродоту, и семьдесят пять, по Мегасфену. В это озеро вся река была обращена искусственным каналом, прорубленным

с западной стороны, до тех пор, пока вся работа не была закончена, и тогда она стала течь в своем прежнем русле. Но чтобы Евфрат во время своего усиления не переполнил город через ворота по бокам, это озеро с каналом от реки было сохранено. Вода, поступавшая в озеро во время переполнения, хранилась в нем весь год, как в общем резервуаре, на благо страны, чтобы в удобное время выпускаться через шлюзы для полива земель под ним. Таким образом, озеро в равной степени защищало страну от наводнений и делало ее плодородной. Я рассказываю о чудесах Вавилона в том виде, в каком они дошли до нас от древних; но есть [pg 323] некоторые из них, которые едва ли можно постичь или поверить, и к ним относится огромная протяженность озера, которое я только что описал.

Берос, Мегасфен и Абиден, цитируемые Иосифом и Евсевием, считают Навуходоносора автором большинства этих сооружений; Геродот же приписывает мост, две набережные реки и озеро Нитокрис, невестке этого монарха. Возможно, Нитокрис могла бы закончить то, что ее отец оставил несовершенным после своей смерти, и тогда историк мог бы отдать ей честь за все начинание.

IV. Дворцы и висячие сады. [989](#) На двух концах моста стояли два дворца, которые сообщались между собой сводом, построенным под руслом реки, когда оно было сухим. Старый дворец, стоявший на восточной стороне реки, занимал тридцать фулонгов (или три мили с тремя четвертями) в диаметре; рядом с ним находился храм Белуса, о котором мы вскоре расскажем. Новый дворец, стоявший на западной стороне реки, напротив другого, занимал шестьдесят фулонгов (или семь миль с половиной) в окружности. Он был окружен тремя стенами, одна в другой, со значительными промежутками между ними. Эти стены, как и стены другого дворца, были украшены бесконечным разнообразием скульптур, изображавших все виды животных, вплоть до живых. Среди прочих была любопытная охотничья фигура, на которой Семирамида верхом на коне метала копье в леопарда, а ее муж Нинус пронзал льва.

В этом последнем дворце находились висячие сады, столь знаменитые у греков. [990](#) Они занимали площадь в четыреста футов с каждой стороны и были выполнены в виде нескольких больших террас, одна над другой, пока их высота не сравнялась с высотой городских стен. Подъем с террасы на террасу осуществлялся по лестнице шириной в десять футов. Вся громада поддерживалась огромными арками, поднятыми на другие арки, одна над другой, и укреплена стеной, окружающей ее со всех сторон, толщиной в двадцать два фута. На вершине арок сначала были уложены большие плоские камни, шестнадцать футов в длину и четыре в ширину; поверх них лежал слой тростника, смешанного с большим количеством [pg 324] битума, на котором лежали два ряда кирпичей, тесно скрепленных между собой гипсом. Все это было покрыто толстыми листами свинца, на которых лежала форма сада. И все это было сделано для того, чтобы влага из плесени не уходила через арки. Земля, уложенная здесь, была настолько глубокой, что в ней могли укорениться самые большие деревья; ими были покрыты террасы, а также все другие растения и цветы, которые должны были украшать прогулочный сад. На верхней террасе находился двигатель или что-то вроде насоса, с помощью которого вода набиралась из реки, и оттуда поливался весь сад. В промежутках между несколькими арками, на которых покоилось все это сооружение, находились большие и великолепные апартаменты, очень светлые и с прекрасным видом.

Амитис, жена Навуходоносора, будучи воспитана в Мидии (ведь она была дочерью Астиагеса, царя этой страны), была в большом восторге от гор и лесистой местности этой страны. [991](#) И поскольку она желала иметь нечто подобное в Вавилоне, Навуходоносор, чтобы удовлетворить ее, воздвиг это грандиозное сооружение: Диодорас рассказывает о том же, но без указания лиц.

V. Храм Белуса.⁹⁹² [Еще одним](#) великим произведением в Вавилоне был храм Белуса, который стоял, как я уже упоминал, рядом со старым дворцом. Он был наиболее примечателен огромной башней, которая возвышалась в его середине. При основании, согласно Геродоту, он представлял собой квадрат в футлонг с каждой стороны, то есть полмили во всем компасе, и (согласно Страбону) он был также в футлонг высотой. Он состоял из восьми башен, построенных одна над другой, плавно уменьшаясь к вершине, за что Страбон называет его пирамидой. Не только утверждается, но и доказывается, что эта башня намного превосходила по высоте величайшие пирамиды Египта. Поэтому у нас есть все основания полагать, как утверждает [Бохарт](#)⁹⁹³, что это та самая башня, которая была построена там во время смешения языков; и тем более, что это подтверждается [pg 325] несколькими профанными авторами, что эта башня была построена из кирпича и битума, как, согласно Писанию, была построена Вавилонская башня. Подъем на вершину осуществлялся по лестнице, расположенной снаружи вокруг нее; то есть, возможно, в боковой части внешней стены был легкий наклонный подъем, который, поворачиваясь очень медленно по спирали восемь раз вокруг башни снизу вверх, имел такой же вид, как если бы было восемь башен, поставленных друг на друга. В этих разных этажах находилось множество больших комнат с арочными крышами, поддерживаемыми колоннами. Над всем этим, на вершине башни, находилась обсерватория, благодаря которой вавилоняне стали более сведущими в астрономии, чем все другие народы, и за короткое время достигли в ней того большого прогресса, который приписывается им в истории.

Но главным назначением этой башни было поклонение богу Белусу или Ваалу, а также нескольким другим божествам; по этой причине в разных частях башни было множество часовен. Богатство этого храма статуями, столами, кадилницами, чашами и другими священными сосудами из чистого золота было огромным. Среди прочих изображений было одно высотой в сорок футов, которое весило тысячу вавилонских талантов. Вавилонский талант, согласно Поллуксу в его "Ономастиконе", содержал семь тысяч аттических драхм, и, следовательно, был на шестую часть больше аттического таланта, который содержит всего шесть тысяч драхм.

По подсчетам Диодора, богатства, содержащиеся в этом храме, в сумме составляли шесть тысяч триста вавилонских талантов золота.

Шестая часть от шести тысяч трехсот равна тысяче пятидесяти; следовательно, шесть тысяч триста вавилонских талантов золота эквивалентны семи тысячам тремстам пятидесяти аттическим талантам золота.

Теперь семь тысяч триста пятьдесят аттических талантов серебра стоят до двух миллионов и ста тысяч фунтов стерлингов. Пропорция между золотом и серебром у древних считалась десять к одному, поэтому семь тысяч триста пятьдесят аттических талантов золота составляют более одного и двадцати миллионов стерлингов.

Этот храм простоял до времен [Ксеркса](#)⁹⁹⁴, но он, вернувшись из греческой экспедиции, полностью разрушил его, предварительно разграбив все его огромные богатства. Александр, вернувшись в Вавилон из индийского похода, задумал отстроить его заново и для этого нанял десять тысяч человек, чтобы избавить его от мусора; но после того как они трудились здесь два месяца, Александр умер, и это положило конец начинанию.

Таковы были основные работы, прославившие Вавилон; большую их часть профаны приписывают Семирамиде, к истории которой пора вернуться.

Когда она завершила все эти великие начинания, она решила проехать по нескольким частям своей империи⁹⁹⁵ и, где бы она ни появлялась, оставляла памятники своего великолепия многими благородными сооружениями, которые она возводила либо для удобства, либо для украшения своих городов; она особенно заботилась о том, чтобы вода поступала по акведукам в те места, где она была нужна, и чтобы сделать дороги удобными, прорезая горы и засыпая долины. Во времена Диодора во многих местах еще можно было увидеть памятники с ее именем.

Власть, которую эта царица имела над своим народом, кажется очень необычной, поскольку мы видим, что одно ее присутствие способно утихомирить мятеж.⁹⁹⁶ Однажды, когда она одевалась, ей принесли весть о беспорядках в городе. Тогда она немедленно вышла из дома с полуодетой головой и не возвращалась до тех пор, пока беспорядки не были полностью утихомирены. В память об этом поступке была воздвигнута статуя, изображающая ее в том самом положении и одежде, которые не помешали ей отправиться на службу.

Не удовлетворившись обширными владениями, оставленными ей мужем, она расширила их, завоевав большую часть Эфиопии. Находясь в этой стране, она имела любопытство посетить храм Юпитера Аммона, чтобы спросить у оракула, сколько ей осталось жить. Согласно Диодору, она получила ответ, что не умрет, пока ее сын Ниньяс не сговорится против нее, и что после ее смерти одна часть Азии воздаст ей божественные почести.

Ее величайшая и последняя экспедиция была направлена против Индии; по этому [pg 327] случаю она собрала бесчисленную армию из всех провинций своей империи и назначила Бактру местом сбора. Поскольку сила индийцев заключалась главным образом в огромном количестве слонов, она приказала снарядить множество верблюдов в виде слонов, надеясь обмануть врага. Говорят, что Персей долгое время спустя использовал ту же хитрость против римлян, но ни один из них не преуспел в этом деле. Индийский царь, заметив ее приближение, отправил послов спросить, кто она такая и по какому праву, не получив от него никакого вреда, из распутства напала на его владения; добавив, что ее дерзость вскоре понесет заслуженное наказание. Скажи своему господину (ответила королева), что через некоторое время я сама дам ему знать, кто я такая. Она немедленно направилась к реке⁹⁹⁷, от которой получила свое название страна, и, приготовив достаточное количество лодок, попыталась пройти через нее со своей армией. Их проход долго оспаривали, но после кровопролитной битвы она обратила врагов в бегство. Более тысячи их лодок были потоплены, а более ста тысяч человек взяты в плен. Воодушевленная этим успехом, она двинулась прямо в страну, оставив позади шестьдесят тысяч человек для охраны лодочного моста, который она построила через реку. Этого как раз и добивался король, который бежал, намереваясь вызвать ее на бой в самом сердце своей страны. Как только он решил, что она продвинулась достаточно далеко, он повернулся лицом к ней, и произошла вторая схватка, более кровавая, чем первая. Поддельные слоны не смогли долго выдержать натиск настоящих: они разгромили ее армию, сокрушая все, что попадалось им на пути. Семирамида сделала все, что было в ее силах, чтобы сплотить и ободрить свои войска, но тщетно. Царь, видя, что она вовлечена в бой, выступил навстречу ей и ранил ее в два места, но не смертельно. Стремительность ее коня вскоре унесла ее за пределы досягаемости врагов. Когда ее люди собрались на мосту, чтобы переправиться через реку, многие из них погибли из-за беспорядка и неразберихи, неизбежных в таких случаях. Когда те, кто мог спастись, благополучно переправились, она разрушила [pg 328] мост и тем самым остановила врага; царь же, повинувшись оракулу, отдал приказ своим войскам не переходить реку и не преследовать Семирамиду дальше. Царица, совершив обмен пленными в Бактре, вернулась в свои владения лишь с одной третью своей армии, которая (по словам Ктесия)

состояла из трех миллионов пеших и пятисот тысяч конных, кроме верблюдов и колесниц, вооруженных для войны, которых у нее было очень много. Я не сомневаюсь, что этот рассказ сильно преувеличен, или же в нем есть какая-то ошибка в цифровых обозначениях. Она и Александр после нее были единственными, кто когда-либо осмеливался перенести войну за пределы реки Инд.

Должен признаться, меня несколько озадачивает трудность, которая может быть поставлена против необычных вещей, связанных с Нином и Семирамидой, поскольку они, кажется, не согласуются со временем, столь близким к потопу: я имею в виду такие огромные армии, такую многочисленную конницу, столько колесниц, вооруженных косами, и такие огромные сокровища из золота и серебра; все это, кажется, относится к более позднему времени. То же самое можно сказать и о великолепии зданий, приписываемых им. Вероятно, греческие историки, пришедшие через столько веков после них, обманутые сходством имен, незнанием хронологии и сходством одного события с другим, могли приписать более древним князьям то, что относилось к более поздним; или приписать одному ряд подвигов и предприятий, которые следовало бы разделить на несколько, сменяющих друг друга.

Через некоторое время после своего возвращения Семирамида обнаружила, что ее сын замышляет против нее, а один из ее главных офицеров предложил ему свою помощь. Тогда она вспомнила оракул Юпитера Аммона и, полагая, что ее конец близок, не подвергая никакому наказанию офицера, который был взят под стражу, добровольно отреклась от престола, передала управление страной в руки сына и удалилась из поля зрения людей, надеясь, что ей вскоре воздадут божественные почести в соответствии с обещанием оракула. И действительно, нам рассказывают, что ассирийцы поклонялись ей в виде голубя. Она прожила шестьдесят два года, из которых царствовала сорок два.

[pg 329]

В "Мемуарах Академии изящных искусств" [998](#) есть две научные диссертации об Ассирийской империи, и особенно о правлении и деяниях Семирамиды.

[Юстин999](#) говорит о Семирамиде, что после смерти мужа, не решившись ни передать управление сыну, который был тогда еще слишком молод, ни открыто взять его на себя, она правила под именем и по обычаю Ниниаса, и что, процарствовав таким образом более сорока лет, страстно полюбив собственного сына, она попыталась склонить его к исполнению своих преступных желаний и была им убита: Все это, говорю я, настолько лишено всякой видимости истины, что продолжать опровергать это было бы только потерей времени. Однако следует признать, что почти все авторы, рассказывающие о Семирамиде, дают нам лишь невыгодное представление о ее целомудрии.

Не исключено, что славное правление этой царицы отчасти побудило Платона в его "Содружестве" [1000](#) утверждать, что женщины, как и мужчины, должны быть допущены к управлению государственными делами, командованию армиями и управлению государствами; и, как необходимое следствие, должны обучаться тем же упражнениям, что и мужчины, как для развития тела, так и для развития ума. Он не исключает и тех упражнений, в которых было принято сражаться обнаженными, [утверждая1001](#), что добродетель пола будет достаточным прикрытием для них.

Остается только удивляться, что философ, столь рассудительный в других отношениях, открыто борется с самыми распространенными и самыми естественными правилами скромности и приличия, добродетелями, которые являются главным украшением женского

пола, и так настойчиво настаивает на принципе, достаточно опровергнутом постоянной практикой всех веков и почти всех народов мира.

Аристотель, более мудрый в этом отношении, чем его учитель Платон, не делая ни малейшей несправедливости по отношению к реальным достоинствам и основным качествам пола, с большой рассудительностью [указал1002](#) на различные цели, к которым предназначены мужчина и женщина, исходя из различных качеств тела и ума, которыми они наделены Автором природы, который дал одному силу тела и [pg 330] неустрашимость ума, чтобы он мог переносить самые большие трудности и сталкиваться с самыми неизбежными опасностями; В то время как другая, напротив, обладает слабой и нежной конституцией, сопровождаемой природной мягкостью и скромной робостью, которые делают ее более подходящей для сидячей жизни и располагают ее к тому, чтобы держаться в пределах дома и заниматься благоразумной и трудолюбивой экономией.

Ксенофонт придерживается того же мнения, что и [Аристотель1003](#) , и, чтобы выделить занятие жены, которая ограничивается домом, сравнивает ее с пчелиной матерью, обычно называемой королевой-пчелой, которая одна управляет и руководит всем ульем, распределяет все их занятия, поощряет их деятельность, руководит строительством их маленьких ячеек, заботится о питании и пропитании своей многочисленной семьи; регулирует количество меда, предназначенного для этой цели, и в определенные и подходящие сезоны посылает за границу новые рои в колониях, чтобы облегчить и разогнать улей от его лишних обитателей. Вместе с Аристотелем он отмечает разницу в телосложении и склонностях, специально созданную Автором природы между мужчиной и женщиной, чтобы указать каждому из них на их надлежащие и особые должности и функции.

Это распределение, отнюдь не унижая и не умаляя женщину, на самом деле служит ее пользе и чести, вверяя ей своего рода домашнюю империю и правительство, управляемое только мягкостью, разумом, справедливостью и доброй природой; и давая ей частые случаи скрывать самые ценные и превосходные качества под неоценимым покровом скромности и покорности. Ибо следует покорно признать, что во все времена и при всех условиях были женщины, которые своими реальными и весомыми достоинствами выделялись над своим полом; равно как и бесчисленные случаи мужчин, которые своими недостатками позорили свой. Но это лишь частные случаи, которые не являются правилом и не должны превалировать над установлениями, заложенными в природе и предписанными самим Творцом.

Ниньяс.

Ниньяс. [1004](#) Этот принц ничем не походил на тех, от кого он получил свое рождение и чей трон он [pg 331] унаследовал. Всецело поглощенный своими удовольствиями, он затворился в своем дворце и редко показывался своему народу. Чтобы удержать их на службе, он всегда держал в Ниневии определенное количество регулярных войск, ежегодно поставляемых из нескольких провинций его империи, по истечении срока которых их сменяло такое же количество других войск на тех же условиях; царь ставил во главе их командира, на верность которого он мог положиться. Он использовал этот метод, чтобы у офицеров не было времени завоевывать расположение солдат и составить заговор против него.

Его преемники на протяжении тридцати поколений следовали его примеру и даже превзошли его в праздности. Их история совершенно неизвестна, от нее не осталось и следа.

A.M. 2092. Ant. J.C. 1912.

Во времена Авраама Писание говорит об Амрафаиле, царе Шинара, страны, где находился Вавилон, который вместе с двумя другими князьями последовал за Хедорлаомером, царем эламитов, чьим данником он, вероятно, был, в войне, которую тот вел против пяти царей земли Ханаанской.

2513 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1491.

Именно под управлением этих бездействующих князей Сесострис, царь Египта, распространил свои завоевания так далеко на Востоке. Но поскольку его власть была недолгой и не была поддержана его преемниками, Ассирийская империя вскоре вернулась к своему прежнему состоянию.

2820 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1184.

Платон, любопытный наблюдатель древностей, считает, что царство Троя во времена Приама зависело от Ассирийской империи.¹⁰⁰⁵ А Ктесий говорит, что Тевтам, двадцатый царь после Ниния, послал значительное войско на помощь троянцам под предводительством Мемнона, сына Тифона, в то время, когда Ассирийская империя просуществовала более тысячи лет; что точно соответствует времени, в которое я положил основание этой империи. Но молчание Гомера о столь могущественном народе, который, должно быть, был хорошо известен, делает этот факт весьма сомнительным. И надо признать, что все, что относится к временам древней [pg 332] истории ассирийцев, сопряжено с большими трудностями, в которые мой план не позволяет мне войти.

Пул. А.М. 3233. Ant. J.C. 771.

Пул. Писание сообщает нам, что Пул, царь Ассирии, придя в землю Израиля, получил от Менахема, царя десяти колен, тысячу талантов серебра, чтобы заручиться его помощью и закрепить его на своем [престоле](#)¹⁰⁰⁶.

Предполагается, что этот Пул - царь Ниневии, который покался вместе со всем своим народом по проповеди Ионы.

Он также считается отцом Сарданапала, последнего царя ассирийцев, называемого, по обычаю восточных народов, Сарданпулом, то есть Сарданом, сыном Пула.

Сарданапал.

САРДАНАПАЛ. Этот принц превзошел всех своих предшественников в женолюбии, роскоши и трусости.¹⁰⁰⁷ Он никогда не выходил из своего дворца, но все свое время проводил в обществе женщин, одевался и красился, как они, и работал, как они, на дистрафе. Все свое счастье и славу он видел в обладании огромными сокровищами, в пиршествах и разгуле, в предании себя самым постыдным и преступным удовольствиям. Он приказал начертать на своей могиле два стиха, в которых говорится, что он унес с собой все, что ел, и все удовольствия, которыми наслаждался, а все остальное оставил после себя.

Hæc habeo quæ edi, quæque exaturata libido

*Hausit: at illa jacent multa et præclara relictæ.*¹⁰⁰⁸

Эпитафия, говорит Аристотель, подходящая для свиньи.

Арбаций, правитель Медии, найдя возможность проникнуть во дворец и своими глазами увидев Сарданапала посреди его позорного сераля; разгневанный таким зрелищем и не в силах вынести, что столько храбрых мужчин должны подчиняться принцу, более мягкому и

развратному, чем сами женщины, немедленно составил заговор [pg 333] против него. В него вошли Белесис, правитель Вавилона, и некоторые другие. При первых же слухах об этом восстании царь спрятался в глубине своего дворца. После этого он был вынужден выйти на поле боя с собранными силами и сначала одержал три победы над врагом, но затем был побежден и преследуем до ворот Ниневии, где и затворился, надеясь, что мятежники не смогут взять город, так хорошо укрепленный и снабженный провизией на значительное время: осада оказалась действительно очень продолжительной. Древний оракул объявил, что Ниневия никогда не будет взята, если река не станет врагом города. Эти слова воодушевили Сарданапала, так как он считал это невозможным. Но когда он увидел, что Тигр сильным разливом обрушил двадцать [стадий1009](#) городской стены и тем самым открыл проход для врага, он понял смысл оракула и счел себя потерянным.

A.M. 3257. Ant. J.C. 747.

Однако он решил умереть таким образом, чтобы, по его мнению, покрыть позором свою скандальную и унижительную жизнь. Он приказал сложить в своем дворце кучу дров и, поджег ее, сжег себя, своих евнухов, женщин и сокровища. Афиней считает, что эти сокровища составляли тысячу мириад талантов золота, [1010](#) и в десять раз больше талантов серебра, что, не считаясь ни с чем другим, является суммой, превосходящей всякое доверие. В одной мириаде содержится десять тысяч; а одна мириада талантов серебра стоит тридцать миллионов французских денег, или около одного миллиона четырехсот тысяч фунтов стерлингов. Человек теряется, если пытается подсчитать всю стоимость; это побуждает меня полагать, что Афиней, должно быть, сильно преувеличил в своих расчетах; однако мы можем быть уверены, исходя из его рассказа, что сокровища были огромны.

Плутарх в своем втором трактате, [1011](#) посвященном восхвалению Александра Македонского, где он рассматривает, в чем состоит истинное величие принцев, после того как показал, что оно не может проистекать ни из чего, кроме их личных заслуг, подтверждает это двумя совершенно разными примерами, взятыми из истории ассирийцев, которой мы сейчас занимаемся. Семирамида и [pg 334] Сарданапал (говорит он) управляли одним и тем же царством; у обоих был один и тот же народ, одна и та же территория, одни и те же доходы, одни и те же силы и количество войск; но у них не было ни одинакового расположения, ни одинаковых взглядов. Семирамида, возвысившись над своим полом, построила великолепные города, снарядила флоты, вооружила легионы, покорила соседние народы, проникла в Аравию и Эфиопию, донесла свое победоносное оружие до пределов Азии, посеяв повсюду ужас и страх. Сарданапал же, словно полностью отрекшись от своего пола, проводил все свое время в сердце своего дворца, постоянно окруженный компанией женщин, чье платье и даже манеры он перенял, вместе с ними занимаясь веретеном и дистафом, ничего не понимая и не делая, кроме прядения, еды и питья и погрязая во всяких бесстыдных удовольствиях. Поэтому после смерти ему была воздвигнута статуя, изображавшая его в позе танцора, с надписью, в которой он обращался к зрителям с такими словами Ешьте, пейте и веселитесь; все остальное - ничто: надпись, очень подходящая к эпитафии, которую он сам приказал поместить на своем [памятнике1012](#).

Плутарх в этом месте судит о Семирамиде, как почти все светские историки о славе завоевателей. Но если мы хотим разобраться в ситуации, то разве безграничное честолюбие этой царицы было менее повинно, чем беспутная распущенность Сарданапала? Какой из этих двух пороков принес больше вреда человечеству?

Мы не должны удивляться тому, что Ассирийская империя пала под властью такого принца; но, несомненно, это произошло только после того, как она прошла через различные

увеличения, уменьшения и революции, характерные для всех государств, даже самых великих, в течение нескольких веков. Эта империя просуществовала более 1450 лет.

Из развалин этой огромной империи образовались три значительных царства: Меды, которые Арбаций, главный глава заговора, восстановил в правах; Вавилон ассирийцев, который был отдан Белесису, правителю этого города; и Ниневия ассирийцев, первый царь которой носил имя Нинус Младший.

[pg 335]

Чтобы понять историю второй Ассирийской империи, которая очень туманна и о которой историки мало что говорят, следует, и даже совершенно необходимо, сравнить то, что говорят о ней профашистские авторы, с тем, что нам сообщает о ней Священное Писание; чтобы с помощью этого двойного света мы могли получить более ясное представление о двух империях - Ниневийской и Вавилонской, которые некоторое время были отдельными и самостоятельными, а затем объединились и смешались вместе. Сначала я расскажу об этой второй ассирийской империи, а затем вернусь к царству мидов.

Глава II. Вторая Ассирийская империя, Ниневийская и Вавилонская.

Вторая Ассирийская империя продолжалась двести десять лет, считая с того года, когда Кир, ставший абсолютным владыкой Востока после смерти своего отца Камбиза и тестя Киаксара, издал знаменитый эдикт, по которому иудеям разрешалось вернуться в свою страну после семидесятилетнего плена в Вавилоне.

Белесис. 3257 Г. Н.Э. Ant. J.C. 747.

Цари Вавилона.1013 - **Белесис**. Он тот же, что и Набонассар, с правления которого началась знаменитая астрономическая эпоха в Вавилоне, названная по его имени *Æra of Nabonassar*. В Священном Писании он называется Баладан. Он царствовал всего двенадцать лет, и ему наследовал его сын:

Меродах-Баладан.

МЕРОДАХ-БАЛАДАН. Это тот самый князь, который отправил послов к царю Езекии, чтобы поздравить его с выздоровлением, о чем мы поговорим ниже.1014 После него царствовало еще несколько вавилонских царей,1015 с историей которых мы совершенно не знакомы. Поэтому я перейду к царям Ниневии.

Тиглат-Пилесер. 3257 Г. Н.Э. Ant. J.C. 747.

Цари Ниневии - ТИГЛАТ-ПИЛЕСЕР. Это имя дано в Священном Писании царю, который, как предполагается, был первым, кто воцарился в Ниневии после разрушения древней Ассирийской империи. Илиан называет его Филгамом.1016 Говорят, что он принял имя Нина младшего, чтобы почтить и [pg 336] отличить свое правление именем столь древнего и прославленного царя.

Ахаз, царь Иудеи,1017 чья неисправимая нечестивость не могла быть изжита ни божественными милостями, ни наказаниями, оказавшись одновременно под ударом царей

Сирии и Израиля, ограбил храм, забрав часть золота и серебра, и отправил их Тиглату-Пилесеру, чтобы купить его помощь; кроме того, он обещал ему стать его вассалом и платить ему дань. Ассирийский царь, обнаружив столь благоприятную возможность присоединить Сирию и Палестину к своей империи, с готовностью принял предложение. Продвигаясь по этому пути с многочисленным войском, он победил Рецина, взял Дамаск и положил конец царству, воздвигнутому там сирийцами, как предсказывал Бог через своих пророков Исаию и [Амоса1018](#). Оттуда он выступил в поход против Пеаха и захватил все, что принадлежало Израильскому царству за Иорданом, а также всю Галилею. Но он заставил Ахаза дорого заплатить за свою защиту, требуя от него такие непомерные суммы денег, что для их уплаты он был вынужден не только истощить свои собственные сокровища, но и забрать все золото и серебро из храма. Таким образом, этот союз лишь истощил Иудейское царство и привел в его окрестности могущественных царей Ниневии, которые впоследствии стали многочисленными орудиями в руках Божьих для наказания Его народа.

Шалманезер. 3276 Г. ПО СТАРОМУ СТИЛЮ. Ант. J.C. 728.

ШАЛМАНЕЗЕР. Сабак, эфиоп, которого Писание называет Со, овладев Египтом, вступил в союз с ним, царь Самарии Хошеа, надеясь таким образом сбросить ассирийское иго. [1019](#) С этой целью он вышел из зависимости от Шалманезера, отказавшись платить ему дань и делать обычные подарки.

Шалманезер, чтобы наказать его за самонадеянность, выступил против него с сильным войском и, покорив всю равнинную страну, заключил его в Самарии, где держал в осаде три года; по окончании этого срока он взял город, заковал Хошею в цепи и бросил его в темницу до конца его дней; увел народ [pg 337] в плен и поселил его в Хале и Хаборе, городах мидийских. Таким образом, Израильское царство, или царство десяти колен, было уничтожено, как часто угрожал Бог через своих пророков. Это царство, со времени его отделения от царства Иуды, просуществовало около двухсот пятидесяти лет.

Именно в это время Товит с Анной, женой, и сыном Товией был уведен в плен в Ассирию, где стал одним из главных чиновников царя [Шалманезера1020](#).

Шалманезер умер, процарствовав четырнадцать лет, и ему наследовал его сын:

Сеннахериб. 3287 Г. Н.Э. Ant. J.C. 717.

СЕННАХЕРИБ. В Писании его также называют [Саргоном1021](#).

Как только этот князь утвердился на троне, он вновь потребовал дань, которую его отец взимал с Езекии. Получив отказ, он объявил ему войну и вошел в Иудею с мощным войском. Езекия, опечаленный разграблением своего царства, отправил к нему послов с просьбой о мире на любых условиях, которые тот укажет. Сеннахериб, казалось, успокоился, заключил с ним договор и потребовал очень большую сумму золота и серебра. Святой царь истощил все сокровища храма и свою казну, чтобы выплатить ее. Ассириец, не обращая внимания ни на клятвы, ни на договоры, продолжал войну и продвигал свои завоевания энергичнее, чем когда-либо. Ничто не могло противостоять его силе, и из всех сильных мест Иудеи ни одно не осталось не взятым, кроме Иерусалима, который также был доведен до крайнего предела. В этот самый [момент1022](#) Сеннахерибу сообщили, что Тирхака, царь Эфиопии, который объединил свои силы с силами царя Египта, идет на помощь осажденному городу. Вопреки прямому повелению Божьему, а также настоятельным просьбам Исаии и Езекии, главные люди Иерусалима не требовали никакой иностранной помощи. Ассирийский князь немедленно выступил навстречу приближающемуся врагу, написав письмо Езекии, полное

хулы на Бога Израиля, которого, как он нагло хвастался, он быстро победит, как победил всех богов других народов, окружавших его. Короче говоря, он поверг в смятение египтян, [pg 338] и преследовал их даже в их собственной стране, которую он опустошил, и вернулся, нагруженный добычей.

Вероятно, именно во время отсутствия Сеннахериба, которое было довольно долгим, или, по крайней мере, за некоторое время до него, Езекия заболел и был чудесным образом [исцелен](#)¹⁰²³; и тогда (в знак того, что Бог исполнил данное им обещание исцелить его настолько совершенно, что в течение трех дней он сможет посещать храм) тень солнца на циферблате дворца отошла на десять градусов назад. Меродах-Баладан, царь Вавилона, узнав о чудесном исцелении царя Езекии, отправил к нему послов с письмами и подарками, чтобы поздравить его с этим событием и ознакомиться с чудом, которое произошло в стране в это время, в связи с тем, что солнце отступило на десять градусов назад. Езекия был очень чувствителен к чести, оказанной ему этим принцем, и очень хотел показать послам свои богатства и сокровища, которыми он обладал, и позволить им увидеть все великолепие своего дворца. С человеческой точки зрения в этом поступке не было ничего, кроме дозволенного и похвального; но в глазах верховного судьи, бесконечно более проницательных и тонких, чем наши, этот поступок обнаружил скрытую гордость и тайное тщеславие, которыми была оскорблена его праведность. Поэтому он тут же сообщил царю через своего пророка Исайю, что богатства и сокровища, которые он с такой пышностью демонстрировал послам, однажды будут перевезены в Вавилон, а его дети будут взяты туда, чтобы стать слугами во дворце этого монарха. Тогда это было совершенно невероятно; ведь Вавилон в то время, о котором мы говорим, был в дружбе и союзе с Иерусалимом, о чем свидетельствует то, что он отправил туда послов; Иерусалиму, похоже, было чего бояться, кроме Ниневии, чье могущество в то время было грозным и которая полностью объявила против нее. Но судьба этих двух городов должна была измениться, и слово Божье исполнилось буквально.

Но вернемся к Сеннахерибу. [1024](#) Разорив [pg 339] Египет и взяв огромное количество пленных, он вернулся со своей победоносной армией, расположился лагерем перед Иерусалимом и осадил его заново. Казалось, город был неизбежно потерян: он был без средств к существованию и без надежды на спасение от рук людей; но у него был могущественный покровитель на небесах, чьи ревнивые уши слышали нечестивые хулы, произнесенные царем Ниневии против Его священного имени. За одну ночь сто восемьдесят пять тысяч человек из его армии погибли от меча ангела-губителя. После столь страшного удара этот мнимый царь царей (так он себя называл), этот триумфатор народов и покоритель даже богов, был вынужден вернуться в свою страну с жалкими остатками своего войска, покрытый позором и смятением: Он пережил свое поражение не более чем на несколько месяцев, только для того, чтобы открыто признаться в своем преступлении Богу, чье верховное величие он осмелился оскорбить, и который теперь, выражаясь словами Писания, "вдевает кольцо в нос и узду в рот", как дикого зверя, заставил его вернуться в таком униженном и страдающем состоянии через те самые страны, которые за некоторое время до этого видели его таким надменным и властным.

По возвращении в Ниневию, разгневанный своим позором, он обращался со своими подданными самым жестоким и тираническим образом. Больше всего его ярости досталось иудеям и израильтянам, которых он ежедневно истреблял в огромных количествах, приказывая оставлять их тела на улицах и не позволяя никому их хоронить. [1025](#) Товит, чтобы избежать его жестокости, был вынужден скрываться некоторое время и терпеть конфискацию всего своего имущества. Короче говоря, дикий нрав царя стал настолько

невыносим для его собственной семьи, что два его старших сына составили против него заговор и убили его в [храме1026](#) , в присутствии его бога Нисроха, когда он лежал перед ним распростертый. Но эти два принца, вынужденные после этого отцеубийства бежать в Армению, оставили царство Эсархаддону, своему младшему брату.

Эсархаддон. 3294 Г. Н.Э. Ant. J.C. 710.

ЭСАРХАДДОН. Мы уже отмечали, что после Меродаха-Баладана в Вавилоне сменилась череда царей, о которых история не сохранила ничего, кроме имен. [1027](#) Царский род угас, [pg 340] наступило восьмилетнее междуцарствие, полное бед и волнений. Эсархаддон, воспользовавшись моментом, стал хозяином Вавилона и, присоединив его к своим прежним владениям, тринадцать лет царствовал над двумя объединенными империями.

Воссоединив с Ассирийской империей Сирию и Палестину, отторгнутые от нее в предыдущее царствование, он вошел в землю Израиля, где взял в плен всех, кто там остался, и увел их в Ассирию, за исключением незначительного числа тех, кто ускользнул от его преследования. Но чтобы страна не превратилась в пустыню, он отправил колонии идолопоклонников, выведенных из стран за Евфратом, поселиться в городах Самарии. Тогда исполнилось предсказание [Исаии1028](#) : в течение трехсот пяти лет Ефрем будет сокрушен, и не будет более народом. Именно столько времени прошло между предсказанием и событием, и тогда народ Израиля действительно перестал быть видимой нацией, а то, что от него осталось, смешалось с другими народами.

Этот князь, овладев землей Израиля, послал некоторых своих военачальников с частью войска в Иудею, чтобы подчинить себе и эту страну. [1029](#) Эти военачальники победили Манассию и, взяв его в плен, привели к Эсархаддону, который заковал его в цепи и отвел с ним в Вавилон. Но Манассия, успокоив гнев Божий искренним и живым покаянием, получил свободу и вернулся в Иерусалим.

Тем временем колонии, которые были посланы в Самарию на место ее древних жителей, были сильно поражены львами. [1030](#) Вавилонский царь, узнав, что причиной этого бедствия было то, что они не поклонялись Богу страны, приказал послать к ним израильского священника из числа пленников, приведенных из той страны, чтобы научить их поклонению Богу Израиля. Но эти идолопоклонники сделали не больше, чем признали истинного Бога среди своих древних божеств, и поклонялись ему вместе со своими ложными божествами. Это развращенное поклонение продолжалось и впоследствии и было главным [pg 341] источником неприязни, которую иудеи питали к самаритянам.

Эсархаддон, после тридцати девяти лет благополучного правления ассирийцами и тринадцати - вавилонянами, был сменен своим сыном:

Саосдухин. 3335 Г. Н.Э. Ant. J.C. 669.

САОСДУХИН. Этот князь называется в Писании Навуходоносором, это имя было общим для вавилонских царей. Чтобы отличить его от других, он назван Навуходоносором Первым.

В это время Товит был еще жив и жил среди других пленников в Ниневии. [1031](#) Предчувствуя приближение своего конца, он предсказал своим детям внезапное разрушение этого города, о котором в то время не было ни малейшего представления. Он посоветовал им покинуть город, пока не наступила гибель, и уйти, как только похоронят его и его жену.

"Близится гибель Ниневии, - говорит добрый старец, - не оставайтесь здесь больше, ибо я вижу, что нечестие города приведет к его гибели". Последние слова очень примечательны:

"нечестие города приведет к его гибели". Люди склонны приписать гибель Ниневии какой-либо другой причине, но Святой Дух учит нас, что истинной причиной гибели была ее несправедность, как это будет и с другими государствами, подражающими ее преступлениям.

Навуходоносор победил царя медян в битве, [1032](#) сражаясь на двенадцатом году своего правления на равнине Рагау, взял Экбатану, столицу своего царства, и с триумфом вернулся в Ниневию. Когда мы перейдем к истории медов, мы расскажем об этой победе более подробно.

Сразу после этого похода Вифулию осадил Олоферн, один из полководцев Навуходоносора, и было совершено знаменитое предприятие Юдифи.

Сарак. 3356 Г. Н.Э. Ant. J.C. 648.

САРАКУС, иначе называемый Хиналаданом. Этот принц сменил Саосдухина; [1033](#) и, сделавшись презренным для своих подданных своей женоподобностью и тем, что мало заботился о своих владениях, Набополассар, вавилонянин по происхождению и генерал его армии, узурпировал [pg 342] эту часть Ассирийской империи и правил ею один и двадцать лет.

Набополассар. 3378 Г. Н.Э. Ant. J.C. 626.

НАБОПОЛАСАР. Этот принц, чтобы сохранить свой узурпированный суверенитет, заключил союз с Киаксаресом, царем мидян. Совместными усилиями они осадили и взяли Ниневию, убили Сарака и полностью разрушили этот великий город. Об этом великом событии мы расскажем подробнее, когда перейдем к истории медов. С этого времени город Вавилон стал единственной столицей Ассирийской империи.

Вавилоняне и мидяне, разрушив Ниневию, стали настолько грозными, что навлекли на себя зависть всех соседей. Нехо, царь Египта, был так встревожен их могуществом, что, чтобы остановить их продвижение, отправился к Евфрату во главе мощной армии и совершил несколько значительных завоеваний. Об этой экспедиции и ее последствиях см. в истории [египтян1034](#).

Набополассар, [обнаружив1035](#), что после взятия Нехо Кархемиша вся Сирия и Палестина восстали против него, и ни возраст, ни немощи не позволяли ему лично отправиться на их восстановление, сделал своего сына Набуходоносора своим партнером в империи и послал его с войском вернуть эти страны в их прежнее подчинение.

А.М. 3398. Ant. J.C. 606.

С этого времени евреи начинают отсчитывать годы Навуходоносора, то есть с конца третьего года Иехонии, царя Иуды, или, скорее, с начала четвертого. Но вавилоняне исчисляют правление этого царя только со смерти его отца, которая произошла двумя годами позже.

Навуходоносор II.

НАВУХОДОНОСОР II. Этот принц разбил армию Нехо у Евфрата и вновь захватил Кархемиш. [1036](#) Оттуда он двинулся в Сирию и Палестину и присоединил эти провинции к своим владениям.

Он также вошел в Иудею, осадил Иерусалим и взял его. [1037](#) Он заковал Иехонию в цепи, намереваясь увести его в Вавилон; но, будучи тронут его раскаянием [pg 343] и несчастьем, восстановил его на престоле. Большое количество иудеев, а среди них и некоторые дети царской семьи, были уведены в плен в Вавилон, туда же были перевезены все сокровища

царского дворца и часть священных сосудов храма. Так свершился суд, о котором пророк Исаия возвестил царю Езекии. От этой знаменитой эпохи, которая пришлась на четвертый год правления Иехонии, царя Иудеи, мы должны отсчитывать пленение иудеев в Вавилоне, так часто предсказываемое Иеремией. Даниил, которому тогда было всего двенадцать лет¹⁰³⁸, был уведен в плен среди остальных, а Иезекииль - через некоторое время после него.

В конце пятого года Иехонии умер Набополассар, царь вавилонский, процарствовав один и двадцать лет.¹⁰³⁹ Как только его сын Навуходоносор получил известие о его смерти, он со всей стремительностью отправился в Вавилон, выбрав ближайший путь через пустыню, лишь с небольшой свитой, оставив большую часть армии со своими генералами, чтобы они привели в Вавилон пленников и трофеи. По прибытии он принял власть из рук тех, кто бережно хранил ее для него, и таким образом унаследовал все владения своего отца, включавшие Халдею, Ассирию, Аравию, Сирию и Палестину, над которыми, по словам Птолемея, он царствовал сорок три года.

3401 Г. Н.Э. Ant. J.C. 603.

На четвертом году царствования ему приснился сон¹⁰⁴⁰, от которого он сильно испугался, хотя и не мог вызвать его в памяти. Тогда он обратился к мудрецам и прорицателям своего царства, требуя, чтобы они рассказали ему о сути его сна. Все они ответили, что раскрыть его не в их силах, и самое большее, что они могут сделать, - это дать толкование его сна, когда он им его расскажет. Поскольку абсолютные князья не привыкли встречаться с возражениями, а хотят, чтобы им во всем повиновались, Навуходоносор, решив, что они поступили с ним неискренне, впал в ярость и приговорил их всех к смерти. Даниил и трое его спутников были включены в приговор, как [pg 344] причисленные к мудрецам. Но Даниил, предварительно обратившись к Богу, пожелал быть представленным царю, которому и открыл всю суть своего сна. "То, что ты видел, - говорит он ему, - было изображение огромной величины и страшного лица. Голова его была из золота, грудь и руки из серебра, живот и бедра из меди, а ноги частью из железа, частью из глины". И когда царь внимательно смотрел на это видение, вот из горы безрукой высечен камень, и камень этот ударил образ по ногам его и раздробил их; весь образ был разбит в прах, а камень сделался великою горою и наполнил всю землю". Рассказав сон, Даниил дал царю его толкование, показав ему, что он означает три великие империи, которые должны были прийти на смену ассирийской: Персидскую, Греческую и Римскую, или (по мнению некоторых) империю преемников Александра Македонского. "После сих царств (продолжает Даниил) Бог небесный поставит царство, которое никогда не разрушится; и царство сие не останется другим народам, но разрушит и поглотит все сии царства, и будет стоять вечно". Этим Даниил ясно предсказал Царство Иисуса Христа. Царь, восхищенный и изумленный, после того как признал и громко заявил, что Бог израильтян действительно Бог богов, возвел Даниила на самые высокие должности в царстве, сделал его начальником над всеми мудрецами, правителем всей провинции Вавилоня и одним из главных владык совета, который всегда присутствовал при дворе. Три его друга также были удостоены почестей и сана.

В это время Иехония восстал против вавилонского царя, чьи генералы, находившиеся в Иудее, выступили против него и совершили всевозможные враждебные действия в этой стране.¹⁰⁴¹ "Он спал с отцами своими" - вот все, что говорит Писание о его смерти. Иеремия пророчествовал, что о нем не будут ни сожалеть, ни оплакивать, а "похоронят с погребением осла, влекут и бросают за ворота Иерусалима": это, несомненно, исполнилось, хотя неизвестно, каким образом.

Иехония¹⁰⁴² унаследовал и трон, и беззаконие своего отца. Наместники Навуходоносора продолжали блокаду Иерусалима, но через три месяца он сам пришел во главе своего войска и стал хозяином города. Он разграбил храм и царский дворец, отобрав все их сокровища, и отправил их в Вавилон вместе со всеми оставшимися золотыми сосудами, которые Соломон сделал для храма; он также увел огромное количество пленников, среди которых были царь Иехония, его мать, жены, все начальники и великие люди его царства. Вместо Иехонии он посадил на трон своего дядю Маттанию, которого иначе называли Седекией.

Этот князь был так же мало религиозен и благополучен, как и его предки.¹⁰⁴³ Заключив союз с фараоном, царем Египта, он нарушил клятву верности, данную им вавилонскому царю. Тот вскоре наказал его за это и немедленно осадил Иерусалим. Прибытие царя Египта во главе армии дало осажденным проблеск надежды, но радость их была очень недолгой: египтяне были разбиты, а завоеватель вернулся в Иерусалим и возобновил осаду, которая продолжалась около двенадцати месяцев.

3415 Г. Н.Э. Ant. J.C. 589.

Наконец город был взят штурмом, и началась страшная резня. Два сына Седекии были, по приказу Навуходоносора, убиты на глазах у отца вместе со всеми вельможами и главными людьми Иудеи. Самому Седекии выкололи оба глаза, надели на него оковы и отвезли в Вавилон, где он был заключен в темницу до самой смерти. Город и храм были разграблены и сожжены, а все укрепления разрушены.

По возвращении Навуходоносора в Вавилон после успешной войны с Иудеей он приказал сделать золотую статую высотой ¹⁰⁴⁴ **шестьдесят**¹⁰⁴⁵ локтей, собрал всех великих людей царства на празднование ее посвящения и велел всем своим подданным поклониться ей, угрожая бросить тех, кто откажется, в раскаленную печь. По этому случаю три молодых еврея, Анания, Мисаил, [pg 346] и Азария, которые с непобедимым мужеством отказались исполнить нечестивый указ царя, были чудесным образом сохранены среди пламени. Царь, сам ставший свидетелем этого удивительного чуда, издал указ, согласно которому всем людям под страхом смерти запрещалось говорить что-либо дурное о Боге Анании, Мисаила и Азарии. Кроме того, он возвел этих трех молодых людей в ранг самых высоких почестей и должностей.

На двадцать первом году своего царствования, четвертом после разрушения Иерусалима, Навуходоносор снова отправился в Сирию и осадил Тир, в то время как его царем был Итобал. Тир был сильным и богатым городом, никогда не подчинявшимся никакой иностранной власти и пользовавшимся в то время большой славой благодаря своей торговле, благодаря которой многие из его жителей стали подобны многим князьям по богатству и великолепию.¹⁰⁴⁶ Он был построен сидонянами за двести сорок лет до Иерусалимского храма. Ибо когда Сидон был взят филистимлянами из Аскалона, многие из его жителей бежали на кораблях и основали город Тир. По этой причине в книге Исаии он назван "дочерью Сидона"¹⁰⁴⁷. Но дочь вскоре превзошла мать в величии, богатстве и могуществе. Поэтому в то время, о котором мы говорим, она была в состоянии тринадцать лет противостоять монарху, игу которого подчинились все остальные страны Востока.

Только после столь долгого перерыва Набуходоносор стал хозяином Тира. [1048](#) Его войска терпели невероятные лишения, так что, по выражению пророка, "каждая голова была облысевшей, а каждое плечо ободраным". [1049](#) Прежде чем город был доведен до последней крайности, его жители удалились с большей частью своего имущества на соседний остров в полумиле от берега, где построили новый город, название и слава которого уничтожили память о старом, который с тех пор стал просто деревней, сохранив название древнего Тира.

Навуходоносор и его войско подверглись величайшему изнурению во время столь долгой и трудной [осады](#) [1050](#) и не нашли [pg 347] в этом месте ничего, что могло бы вознаградить их за ту услугу, которую они оказали Всемогущему Богу (по выражению пророка) в исполнении Его мести этому городу, чтобы возместить им ущерб, Богу было угодно пообещать устами Иезекииля, что он даст им трофеи Египта. И действительно, вскоре после этого они завоевали эту страну, о чем я более подробно рассказывал в истории [египтян](#) [1051](#).

Когда этот князь счастливо завершил все свои войны и пребывал в состоянии совершенного мира и спокойствия, он приложил последнюю руку к строительству или, скорее, к украшению Вавилона. Читатель может найти у [Иосифа](#) [1052](#) описание великолепных сооружений, приписываемых этому монарху несколькими писателями. Я уже упоминал большую часть из них в описании этого величественного города.

В то время как казалось, что ничего не нужно для полного счастья этого князя, страшный сон нарушил его покой и наполнил его великой [тревогой](#) [1053](#). "Он увидел посреди земли дерево, высота которого была велика; дерево росло и было сильно, и высота его достигала до неба, и вид его до края земли. Листья его были красивы, и плодов много, и было в нем мясо для всех: звери полевые имели тень под ним, и птицы небесные обитали в ветвях его, и всякая плоть питалась от него. Тогда сошел с неба Наблюдатель и Святой и воскликнул: срубите дерево, и обрежьте ветви его, и потрясите листья его, и разбросайте плоды его; звери пусть уйдут из-под него, и птицы - с ветвей его. А пень от корней его оставьте в земле, даже с полосой железной и медной, в нежной траве полевой, и пусть он будет омочен росой небесною, и пусть будет удел его со зверями в траве земной. Да изменится сердце его от сердца человеческого, и дано будет ему сердце звериное, и да пройдут над ним семь времен". Это дело по указу наблюдателей и по требованию слова святых, чтобы живые знали, что Всевышний правит в царстве людей и дает его, кому хочет, и ставит над ним самых низких из людей".

Царь, справедливо напуганный этим страшным сном, посоветовался [pg 348] всеми своими мудрецами и магами, но безрезультатно. Он был вынужден прибегнуть к помощи Даниила, который объяснил сон и применил его к самому царю, ясно объявив ему, что "он должен быть изгнан из общества людей на семь лет, должен быть низведен до состояния и общения с полевыми зверями и питаться травой, как вол; однако царство его будет сохранено за ним, и он снова займет свой трон, когда научится знать и признавать, что всякая власть свыше и приходит с неба". После этого он увещевал его покончить с грехами праведностью, а с беззакониями - милосердием к бедным".

Все это сбылось с Навуходоносором, как и предсказывал пророк. По истечении двенадцати месяцев, прогуливаясь по своему дворцу и любясь красотой и великолепием своих построек, он сказал: "Разве это не великий Вавилон, который я построил для дома царства, по могуществу моей силы и для чести моего величия?" Разве тайный порыв самодовольства и тщеславия в принце при виде столь благородных сооружений, возведенных им самим, показался бы нам столь преступным? И все же, едва эти слова вырвались из его уст, как голос сошел с небес и огласил приговор: "В тот же час разумение его отступило от него; он

был отторгнут от людей и питался травой, как волы, и тело его было влажно от росы небесной, и волосы его стали как перья орлиные, а ногти как когти птичьи".

По истечении назначенного времени он пришел в себя и обрел разум: "Он возвел очи свои к небу (говорит Писание) и благословил Всевышнего; он восхвалял и почтил Того, Кто живет вовеки, Чье владычество вечно, и Царство Его из рода в род". Исповедуя, что "все жители земли - ничто перед Ним, и что Он поступает по Своей воле в воинстве небесном и среди жителей земли, и никто не может остановить Его руку или сказать Ему: "Что Ты делаешь?"". Теперь он вернул себе прежний облик и форму. Его придворные отправились искать его; он был восстановлен на своем троне и стал более великим и могущественным, чем когда-либо. Проникнутый самой сердечной благодарностью, он [pg 349] торжественным указом повелел опубликовать по всей территории своих владений, какие удивительные и чудесные вещи совершил Бог в его лице.

Через год после этого он умер, процарствовав сорок три года, считая от смерти своего отца. Он был одним из величайших монархов, когда-либо царствовавших на Востоке. Ему наследовал его сын:

Эвиль-Меродах. 3441 Г. Н.Э. Ant. J.C. 563.

Злой Меродах. Как только он сел на престол, он выпустил Иехонию, царя Иуды, из темницы, где тот находился около семи и тридцати [лет1054](#).

В царствование этого лукавого Меродаха, которое длилось всего два года, ученые относят разоблачение Даниилом обмана, совершаемого жрецами Бела; невинную хитрость, с помощью которой ему удалось уничтожить дракона, которому поклонялись как богу; и чудесное избавление того же пророка из логова львиного, куда его привел пророк Аввакум.

Злой Меродах настолько осквернил себя своим распутством и другими экстравагантными поступками, что его собственные родственники составили против него заговор и предали его смерти. [1055](#)

Нериглиссор. А.М. 3444. Ant. J.C. 560.

Вместо него воцарился НЕРИГЛИССОР, муж его сестры и один из главных заговорщиков.

Сразу же по вступлении на престол он начал большие приготовления к войне с [медянами1056](#), что заставило Киаксара послать за Киром из Персии, чтобы помочь ему. Эта история будет более подробно описана далее, где мы узнаем, что этот принц был убит в битве на четвертом году своего правления.

Лабороосоарход. 3448 Г. Н.Э. Ant. J.C. 556.

На престол вступил ЛАБОРОСОАРХОД, его сын. Это был очень злой князь. Родившись с самыми порочными наклонностями, он беззастенчиво потворствовал им, когда получил корону; как будто он был наделен суверенной властью только для того, чтобы иметь привилегию безнаказанно совершать самые позорные и варварские поступки. Он царствовал всего девять месяцев; его собственные подданные, сговорившись против него, предали его смерти. Его преемником был:

[pg 350]

Лабинит, или Набонид. 3449 Г. Н.Э. Ant. J.C. 555.

Лабинит, или Набонид. У этого князя были и другие имена, в Писании - Белшаззар. С полным основанием предполагается, что он был сыном Злодея-Меродаха от его жены Нитокрис и, следовательно, внуком Навуходоносора, которому, согласно пророчеству Иеремии, должны были подчиниться народы Востока, а также его сын и его внук после него: "Все народы будут служить ему, и сыну его, и сыну сына его, до самого времени земли его" [1057](#).

Нитокрис - та царица, которая воздвигла в Вавилоне так много знатных сооружений. [1058](#) По ее приказу над одними из самых замечательных ворот города был поставлен ее собственный памятник с надписью, отговаривающей ее преемников от прикосновения к заложенным в нем сокровищам без крайней и неотложной необходимости. Гробница оставалась закрытой до правления Дария, который, вскрыв ее, вместо огромных сокровищ, о которых он обольщался, обнаружил лишь следующую надпись:

ЕСЛИ БЫ У ТЕБЯ НЕ БЫЛО НЕУТОЛИМОЙ ЖАЖДЫ ДЕНЕГ И САМОЙ ПОДЛОЙ, СКУПОЙ ДУШИ, ТЫ БЫ НИКОГДА НЕ ВСКРЫЛ ПАМЯТНИКИ МЕРТВЫХ".

В первый год царствования Вельшазара Даниилу было видение четырех зверей, которые представляли четыре великие монархии и царство Мессии, которое должно было прийти им на смену [1059](#). В третий год того же царствования ему было видение овна и козла, предвещавшее разрушение Персидской империи Александром Македонским и гонения, которые Антиох Епифан, царь Сирии, должен был обрушить на иудеев. [1060](#) В дальнейшем я выскажу некоторые соображения по поводу этих пророчеств и расскажу о них подробнее.

Когда враги осаждали Вавилон, Белшаззар устроил большое развлечение для всего своего двора по случаю некоего праздника, который ежегодно отмечался с великим ликованием. [1061](#) Радость этого праздника была сильно нарушена видением, а еще больше - объяснением, которое Даниил дал царю. На стене был написан приговор, что его [pg 351] царство отнимается у него и отдается Медам и Персам. В ту же ночь город был взят, а Вельшаззар убит.

3468 Г. Н.Э. Ant. J.C. 536.

Так закончилась Вавилонская империя, просуществовавшая двести десять лет после разрушения великой Ассирийской империи.

Об обстоятельствах осады и взятия Вавилона будет рассказано в истории Кира.

Глава III. История царства мидов.

3257 Г. Н.Э. Ant. J.C. 747.

Говоря о разрушении древней Ассирийской империи, я заметил, что Арбаций, генерал мидийской армии, был одним из главных авторов заговора против Сарданапала; некоторые авторы считают, что он сразу же стал властелином Мидии и многих других провинций и принял титул царя. Геродот не придерживается этого мнения. Я расскажу, что этот знаменитый историк говорит по этому поводу.

Ассирийцы, которые в течение многих веков владели Азиатской империей, начали ослаблять свое могущество из-за восстания нескольких народов. [1062](#) Медяне сначала сбросили их иго и некоторое время сохраняли свободу, которую они приобрели благодаря своей доблести;

но эта свобода превратилась в разнузданность, а их правительство не было хорошо установлено, и они впали в анархию, которая была хуже, чем их прежнее подчинение. Несправедливость, насилие и грабежи царили повсюду, потому что не было никого, кто обладал бы достаточной властью, чтобы сдерживать их, или достаточной властью, чтобы наказывать преступников. Но все эти беспорядки в конце концов побудили народ установить форму правления, которая сделала государство более процветающим, чем когда-либо прежде.

В то время народ медов был разделен на шесть племен. Почти весь народ жил в деревнях, когда Дехокс, сын Фраортеса, медянин по происхождению, возвел государство в монархию. Этот человек, видя большие беспорядки, царившие во всей Медии, решил воспользоваться этими бедами и сделать так, чтобы они послужили к возведению его в царское достоинство. [pg 352] Он пользовался большой репутацией в своей стране и производил впечатление человека, который не только постоянен в своем поведении, но и обладает всем благоразумием и справедливостью, необходимыми для управления другими.

Как только он задумал занять трон, он постарался сделать так, чтобы хорошие качества, которые были замечены в нем, стали заметны как никогда: он преуспел в этом настолько, что жители деревни, где он жил, сделали его своим судьей. На этом посту он вел себя очень благоразумно, и все его заботы имели успех, которого от них ожидали; ведь он привел жителей этой деревни к трезвой и регулярной жизни. Жители других деревень, которые из-за постоянных беспорядков не могли жить спокойно, наблюдая за порядком, который Дехос ввел в месте, где он председательствовал в качестве судьи, стали обращаться к нему и назначать его арбитром в своих спорах. Слава о его справедливости росла с каждым днем, и все, у кого было какое-либо важное дело, обращались к нему, рассчитывая найти у Дехоса ту справедливость, которую они не могли встретить нигде больше.

Когда он обнаружил, что продвинулся в своих замыслах настолько далеко, что счел подходящим моментом пустить в ход свои последние двигатели для достижения цели. Поэтому он отошел от дел, притворившись, что слишком утомлен множеством людей, которые обращались к нему со всех сторон; и не стал больше исполнять обязанности судьи, несмотря на все уговоры тех, кто желал общественного спокойствия. Всякий раз, когда к нему обращались, он отвечал, что его собственные домашние дела не позволяют ему заниматься делами других людей.

Разнузданность, которую некоторое время сдерживало благоразумное управление Дехокиса, стала преобладать как никогда, как только он отстранился от управления делами; и зло возросло до такой степени, что медяки были вынуждены собраться и обсудить, как положить конец общественным беспорядкам.

Честолюбие бывает разное: одно буйное и стремительное, несущее все как бы штормом, не колеблясь ни перед какими жестокостями и убийствами: другое, более мягкое, как то, о котором мы говорим, создает видимость умеренности и справедливости, работает исподтишка (если можно употребить это [pg 353] выражение) и все же достигает своей цели так же уверенно, как и другое.

Дежос, видя, что все идет по его плану, отправил своих эмиссаров в собрание, предварительно проинструктировав их о том, как они должны действовать. Когда стали предлагаться способы остановить ход общественных бедствий, эти эмиссары, выступая в свою очередь, заявили, что, если не изменить полностью облик республики, их страна станет непригодной для жизни; что единственное средство исправить нынешние беспорядки - избрать короля, который должен иметь власть сдерживать насилие и издавать

законы для управления страной. Тогда каждый человек сможет спокойно и безопасно заниматься своими делами, тогда как несправедливость, царящая сейчас во всех частях, быстро заставит народ покинуть страну. Это мнение было в целом одобрено, и вся компания была убеждена, что нельзя придумать более действенного средства для излечения нынешнего зла, чем преобразование государства в монархию. Оставалось только выбрать короля, и размышления по этому поводу были недолгими. Все сошлись на том, что в Мидии нет человека, способного управлять государством так, как Дехос; поэтому он был немедленно с общего согласия избран королем.

Если мы хоть немного поразмыслим над первым установлением королевств в любую эпоху и в любой стране, то обнаружим, что поддержание порядка и забота об общественном благе были изначальной целью монархии. Действительно, не было бы никакой возможности установить порядок и мир, если бы все люди были настроены на независимость и не подчинялись власти, которая отнимает у них часть их свободы, чтобы сохранить остальное. Человечество должно быть вечно в состоянии войны, если оно всегда будет стремиться к господству над другими или отказываться подчиняться сильнейшему. Ради собственного спокойствия и безопасности они должны иметь хозяина и соглашаться подчиняться ему. Таково человеческое происхождение правительства. И Писание учит нас, что Божественное Провидение не только позволило осуществить этот проект и привести его в исполнение, но и осватило его немедленным сообщением своей собственной [силы](#)¹⁰⁶³.

[pg 354]

Нет ничего более благородного и великого, чем видеть частного человека, выдающегося своими достоинствами и добродетелями, приспособленного своими прекрасными талантами к самым высоким занятиям, но по склонности и скромности предпочитающего жизнь в безвестности и уединении: чем видеть, как такой человек искренне отказывается от сделанного ему предложения царствовать над целым народом и, наконец, соглашается подвергнуться трудам правления, не руководствуясь никакими другими мотивами, кроме того, чтобы быть полезным своим согражданам. Его первая позиция, в которой он заявляет, что знаком с обязанностями и, следовательно, с опасностями, связанными с государственной властью, показывает, что у него душа более возвышенная и великая, чем само величие; или, говоря более справедливо, душа, превосходящая все амбиции: ничто не может показать его настолько достойным этой важной обязанности, как мнение, которое он имеет о том, что он не является таковым, и его страх оказаться неспособным к ней. Но когда он великодушно жертвует собственным спокойствием и удовлетворением ради благополучия и спокойствия общества, очевидно, что он понимает, что в этой суверенной власти есть действительно хорошего или действительно ценного; а именно то, что она ставит человека в условия, когда он может стать защитником своей страны, обеспечить ей многие преимущества и исправить различные беды; заставить закон и справедливость процветать, принести добродетель и честность в репутацию, установить мир и изобилие: И он утешает себя за заботы и хлопоты, которым подвергается, перспективой многих выгод, вытекающих из них для общества. Таким правителем был Нума в Риме; такими были и некоторые другие императоры, которых народ счел необходимым принудить принять верховную власть.

Следует признать (я не могу не повторить этого), что нет ничего благороднее и выше такого нрава. Но надеть маску скромности и добродетели, чтобы удовлетворить свое честолюбие, как это сделал Дежоке; внешне казаться тем, кем человек не является внутренне; на время отказаться, а затем с видимым отвращением принять то, чего человек искренне желает и чего он добивался тайными, подпольными методами; В этом двуличии столько подлости, что

оно неизбежно снижает наше мнение о человеке и чрезвычайно портит блеск тех хороших качеств, которыми он обладает в других отношениях".

[pg 355]

Dejoces. A.M. 3294. Ant. J.C. 710.

ДЕЙОКЕС царствовал пятьдесят три года.¹⁰⁶⁴ Взойдя на трон, он постарался убедить народ, что тот не ошибся в выборе его для восстановления порядка. Сначала он решил, что его царское достоинство будет сопровождаться всеми знаками, которые могли бы внушить благоговение и уважение к его персоне. Он обязал своих подданных построить для него великолепный дворец в назначенном месте. Этот дворец он сильно укрепил и выбрал из своего народа таких людей, которые, по его мнению, лучше всего подходили на роль его стражей, поскольку они были преданы его интересам и он рассчитывал на их верность.

Обеспечив таким образом свою безопасность, он занялся облагораживанием и цивилизацией своих подданных, которые, привыкнув жить в деревне, почти без законов и управления, приобрели нравы и манеры дикарей. С этой целью он велел им построить город, самостоятельно наметив место и окружность стен. Этот город был окружен семью отдельными стенами, расположенными таким образом, что крайняя из них не мешала видеть парапет второй, вторая - третьей, и так во всех остальных. Расположение места было чрезвычайно благоприятным для такого замысла, так как оно представляло собой правильный холм, подъем которого был одинаков со всех сторон. В последнем, самом маленьком, корпусе находился дворец царя со всеми его сокровищами; в шестом, соседнем с ним, было несколько квартир для проживания чиновников его дома; а промежуточные помещения между другими стенами были предназначены для проживания народа: первый, самый большой корпус был размером с Афины. Этот город назывался Экбатана.

Вид его был великолепен и красив, ибо, помимо расположения стен, которые образовывали своего рода амфитеатр, различные цвета, в которые были окрашены несколько парапетов, создавали восхитительное разнообразие.

После того как город был достроен, и Дейокс заставил часть медяков поселиться в нем, он обратил все свои мысли на составление законов для блага государства. Но, будучи убежден, что величие царей более всего почитается ^{вдали}¹⁰⁶⁵, он стал держаться на расстоянии от своего народа; был почти недоступен и, как бы, невидим для своих подданных, не позволяя им говорить или сообщать ему о своих делах, а только по прошениям и при посредничестве своих чиновников. И даже те, кто имел привилегию приблизиться к нему, не могли ни смеяться, ни плевать в его присутствии.

Этот искусный государственный деятель действовал таким образом, чтобы лучше закрепить за собой владение короной. Ибо, имея дело с людьми еще нецивилизованными и не очень хорошо разбирающимися в истинных достоинствах, он боялся, что слишком близкое знакомство с ним может вызвать презрение и послужить поводом для заговоров и заговоров против растущей власти, на которую обычно смотрят недоброжелательно и недовольно. Но, оставаясь таким образом скрытым от глаз народа и давая о себе знать только мудрыми законами, которые он издавал, и строгой справедливостью, которую он старался соблюдать по отношению к каждому, он приобрел уважение и почтение всех своих подданных.

Говорят, что из глубины своего дворца он видел все, что делалось в его владениях, с помощью своих эмиссаров, которые приносили ему отчеты и сообщали обо всех сделках. Таким образом, ни одно преступление не ускользало от внимания принца и строгости

закона, а наказание, наступающее на пятки преступнику, держало нечестивцев в страхе и останавливало насилие и несправедливость.

Возможно, во время его правления все в какой-то степени и происходило подобным образом: Но нет ничего более очевидного, чем огромные неудобства, неизбежно вытекающие из обычая, введенного Дехосом и которому подражали остальные восточные властители; обычая, я имею в виду, жить скрытно в своем дворце, управлять с помощью шпионов, рассеянных по всему его королевству, полагаться исключительно на их искренность в отношении правды фактов; не допускать, чтобы истина, жалобы угнетенных и справедливые доводы невинных доходили до него иным путем, кроме как по чужим каналам, то есть от людей, склонных к предрассудкам или развращенности; людей, которые пресекали все пути для возражений или возмещения ущерба и которые были [pg 357] способны сами совершить величайшую несправедливость, с тем большей легкостью и уверенностью, что их беззаконие останется нераскрытым, а значит, и безнаказанным. Но помимо всего прочего, как мне кажется, именно это стремление принцев сделать себя невидимыми показывает, что они осознают свои ничтожные заслуги, которые избегают света и не осмеливаются выдержать испытание близким рассмотрением.

Дехос был настолько занят гуманизацией и смягчением нравов, а также принятием законов для хорошего управления своим народом, что никогда не предпринимал никаких действий против своих соседей, хотя его правление было очень долгим, так как он умер только после того, как процарствовал пятьдесят три года.

Фараортес. 3347 Г. Н.Э. Ant. J.C. 657.

ФРАОРТЕС царствовал двадцать два года. [1066](#) После смерти Дехоса его преемником стал его сын Фраортес, называемый иначе Афраартес, [1067](#). Одно только сходство этих двух имен заставляет поверить, что это тот самый царь, которого в Писании называют Арфаксадом: но у этого мнения есть много других веских оснований для поддержки, как можно увидеть в ученой диссертации отца Монфокона, которой я здесь очень активно пользовался. Отрывок из Иудифи о том, что Арфаксад построил очень сильный город и назвал его [Экбатаной](#) [1068](#), ввел в заблуждение большинство авторов и заставил их поверить, что Арфаксад должен быть Дехосом, который, несомненно, был основателем этого города. Но в греческом тексте Юдифи, который Вульгата переводит как *ædificavit*, говорится только, что Арфаксад пристроил новые здания к Экбатане. [1069](#) А что может быть естественнее, чем то, что, если отец не довел до конца столь значительное дело, сын должен приложить к нему последнюю руку и внести те дополнения, которых не хватало?

Фраортес, будучи очень воинственным и не довольствуясь Медийским царством, оставленным ему отцом, напал на [персов](#) [1070](#) и, победив их в решающей битве, подчинил их своей империи. Затем, усиленный их войсками, он нападал на другие соседние народы, один за другим, пока не стал хозяином почти всей Верхней Азии, которая охватывает все, что лежит к северу от горы Тавр, от Меди до реки Халис. [pg 358] Довольный таким успехом, он решился направить оружие против ассирийцев, в то время, правда, ослабленных восстанием нескольких народов, но все же очень сильных самих по себе. Навуходоносор, их царь, иначе называемый Саосдухином, собрал в своей стране большую армию и отправил послов к нескольким другим народам [Востока](#) [1071](#), чтобы попросить их о помощи. Все они с презрением отказали ему и бесславно обошлись с его послами, давая понять, что больше не боятся империи, которая раньше держала большую часть из них в рабском подчинении.

Король, разгневанный таким наглым обращением, поклялся своим троном и правлением, что отомстит всем этим народам и предаст их всех мечу. Тогда он приготовился к битве с теми

силами, которые у него были, на равнине Рагау. Там произошло большое сражение, которое оказалось роковым для Фраортеса. Он был разбит, его конница бежала, колесницы были опрокинуты и приведены в беспорядок, и Навуходоносор одержал полную победу. Воспользовавшись поражением и смятением медян, он вошел в их страну, взял их города, продвинулся в своих завоеваниях до Экбатаны, взял штурмом башни и стены и отдал город на разграбление своим воинам, которые разграбили его и лишили всех украшений.

Несчастный Фраортес, бежавший в горы Рагау, попал в руки Набуходоносора, который жестоко расстрелял его дротиками. После этого он вернулся в Ниневию со всем своим войском, которое было еще очень многочисленным, и в течение четырех месяцев только и делал, что пировал и развлекался с теми, кто сопровождал его в этом походе.

В книге Юдифи мы читаем, что царь Ассирии послал Голоферна с мощным войском, чтобы отомстить тем, кто отказал ему в помощи; Прогресс и жестокость этого полководца, общее смятение всего народа, мужественная решимость израильтян противостоять ему в уверенности, что их Бог защитит их, крайность, в которую была доведена Вифулия и весь народ, чудесное освобождение города благодаря мужеству и поведению [pg 359] храброй Юдифи и полное уничтожение ассирийской армии - все это описано в той же книге.

Киаксарес I. 3869 г. н.э. Ant. J.C. 635.

КИАКСАРЕС I царствовал сорок лет. [1072](#) Этот принц вступил на престол сразу после смерти своего отца. Он был очень храбрым и предприимчивым принцем и знал, как извлечь выгоду из позднего разгрома ассирийской армии. Сначала он хорошо устроился в своем Медийском царстве, а затем завоевал всю Верхнюю Азию. Но больше всего ему хотелось напасть на Ниневию, чтобы отомстить за смерть своего отца, разрушив этот великий город.

Ассирийцы вышли навстречу ему, имея лишь остатки той великой армии, которая была уничтожена перед Вифулией. Завязалась битва, в которой ассирийцы потерпели поражение и были отброшены в Ниневию. Киаксар, одержав победу, осадил город, который неизбежно должен был попасть в его руки, но еще не наступило время, когда Бог решил наказать город за его преступления и бедствия, которые он навлек на свой народ, а также на другие народы. Он был избавлен от нынешней опасности следующим образом.

Грозная армия скифов из окрестностей Палус-Меотиса вытеснила киммерийцев из Европы и до сих пор преследует их под предводительством царя Мадиса. Киммерийцы нашли способ спастись от скифов, которые продвинулись до Мидии. Киаксарес, узнав об этом вторжении, снял осаду Ниневии и выступил со всеми своими силами против этой могучей армии, которая, подобно стремительному потоку, собиралась переполнить всю Азию. Обе армии сошлись, и мидийцы были побеждены. Варвары, не найдя других препятствий на своем пути, захватили не только Мидию, но и почти всю Азию. После этого они двинулись в Египет, откуда Псаммитий отвлек их путь подарками. Затем они вернулись в Палестину, где некоторые из них разграбили храм Венеры в Аскалоне, самый древний из храмов, посвященных этой богине. Некоторые из скифов поселились в Вифшане, [pg 360] городе в колоне Манассии, по эту сторону Иордана, который от них впоследствии был назван Скифополем.

Скифы в течение двадцати восьми лет были хозяевами Верхней Азии, а именно двух Армий, Каппадокии, Понта, Колхиды и Иберии; в течение этого времени они сеяли опустошение везде, куда бы ни пришли. Медяне не могли избавиться от них иначе, как с помощью опасной хитрости. Под предлогом укрепления союза, который они заключили между собой, они пригласили большую их часть на общий пир, который был устроен в каждой семье.

Каждый хозяин пира напоил своих гостей, и в таком состоянии скифы расправились с ними. После этого мидийцы вернули себе утраченные провинции и вновь расширили свою империю до берегов Халиса, который был их древней границей на запад.

Оставшиеся скифы, которых не было на этом празднике, узнав о расправе над своими соплеменниками, бежали в Лидию к царю Халиатту, который принял их с большим радушием. [1073](#) Это послужило поводом для войны между двумя князьями. Киаксарес немедленно направил свои войска к границам Лидии. В течение пяти лет произошло много сражений, почти с равным преимуществом обеих сторон. Но битва, состоявшаяся на шестом году, была очень примечательна из-за затмения солнца, которое произошло во время боя, когда день внезапно превратился в темную ночь. Фалес, милезиец, предсказал это затмение. Медяне и лидийцы, находившиеся тогда в пылу сражения, одинаково напуганные этим непредвиденным событием, которое они рассматривали как знак гнева богов, немедленно отступили с обеих сторон и заключили мир. Посредниками выступили Сиеннис, царь Киликии, и [Навуходоносор1074](#), царь Вавилона. Чтобы сделать его более прочным и нерушимым, оба царя пожелали скрепить его узами брака и договорились, что Халиаттес должен отдать свою дочь Ариенис за Астиагеса, старшего сына Киаксара.

Очень примечательна манера этих людей заключать союз [pg 361] друг с другом. Помимо других церемоний, общих с греками, у них была еще и такая: обе договаривающиеся стороны делали надрезы на своих руках и слизывали кровь друг друга".

А.М. 3378. Ant. J.C. 626.

Первой заботой Киаксара, как только он снова обрел мир, было возобновить осаду Ниневии, которую он был вынужден снять из-за вторжения скифов. [1075](#) Набополассар, царь Вавилона, с которым он недавно заключил особый союз, объединился с ним в лигу против ассирийцев. Объединив свои силы, они осадили Ниневию, взяли ее, убили царя Сарака и полностью разрушили этот могущественный город.

За сто лет до этого Бог предсказал через своих пророков, что он отомстит этому нечестивому городу за кровь своих рабов, которой его цари питались, как хищные львы; что он сам пойдет во главе войск, которые придут осаждать его; что он наведет на них ужас и смятение; что он отдаст стариков, матерей и их детей в безжалостные руки солдат; что все сокровища города попадут в руки жадных и ненасытных грабителей; что сам город будет разрушен так полностью и окончательно, что от него не останется ни малейшего следа; и что люди будут спрашивать впоследствии: "Где стоял гордый город Ниневия?"

Но давайте послушаем слова самих пророков: Горе городу кровавому, - восклицает Наум, - он весь полон лжи и [грабежа1076](#), - тот, кто разорвет его на куски, встанет перед лицом [твоим1077](#) ... Господь грянет отомстить за жестокости, причиненные Иакову и Израилю. Я уже слышу шум бича и грохот колес, и скачущих коней, и мчащихся колесниц. [1078](#) Всадник поднимает и меч, и сверкающее копье. Щит могучих людей его - красный; доблестные люди - в багрянице. [1079](#) Они покажутся факелами, они побегут, как молния. Бог ревнив; Господь мстит и неистовствует. [1080](#) Горы трясутся от него, и холмы тают, [pg 362] и земля горит от его присутствия: кто устоит пред гневом его? и кто устоит в ярости гнева его? Вот, Я против тебя, говорит Господь Саваоф: Я лишу тебя всех украшений твоих. [1081](#) Возьмите серебро, возьмите золото, ибо нет конца богатству и славе из всего приятного убранства. [1082](#) Она пуста, и не имеет места, и опустошена. Ниневия разрушена; она низвергнута; она опустела. Ворота рек будут открыты, и [дворец1083](#) будет разрушен. [1084](#) И Хуззаба уведут в плен; она будет поднята, и служанки ее поведут ее, как голуби, которые будут говорить на груди своей. Я вижу множество убитых и множество трупов; и нет конца трупам их; они спотыкаются о

трупы свои. [1085](#) Где жилище львов и места кормления молодых львов, где ходил лев, даже старый лев, и львиные детеныши, и никто не устрашал их; где лев разрывал на куски сыновей своих и душил львиц своих, и наполнял ямы свои добычею и норы свои хищением: [10861087](#) Господь разрушит Ассур. [1088](#) Он обезлюдит город, который был так прекрасен, и обратит его в землю, куда не приходит человек, и в пустыню. Он станет местом обитания диких зверей, и ночные птицы будут скрываться в нем. Вот, говорят, видите тот гордый город, который был так величествен и так возвышен; который говорил в сердце своем: я единственный город, и кроме меня нет другого. Все, проходящие мимо нее, будут насмехаться над ней, оскорблять ее шипением и презрительными жестами".

Обе армии обогатились за счет ниневийских трофеев, а Киаксарес, продолжая свои победы, стал хозяином всех городов Ассирийского царства, кроме Вавилона и Халдеи, которые принадлежали Набополассару.

После этого похода Киаксарес умер и оставил свои владения сыну Астиагу.

АСТИАГЕС царствовал тридцать пять лет. Этот принц называется в [pg 363]

Астиагес. 3409 Г. Н.Э. Ant. J.C. 595.

Писание Ахасуэра. Хотя его правление было очень долгим, не менее тридцати пяти лет, мы не имеем никаких сведений о нем в истории. У него было двое детей, имена которых известны: Киаксарес от своей жены Ариенис и Мандан от предыдущего брака. При жизни отца он выдал Мандану замуж за Камбиса, сына Ахемена, царя Персии: от этого брака произошел Кир, который родился всего через год после рождения своего дяди Киаксареса. Последний стал преемником своего отца в царстве медов.

КИАКСАРЕС II. Это тот самый принц, которого Писание называет Дарием Мединским.

Кир, захватив Вавилон вместе со своим дядей Киаксаром, оставил его под своим управлением. После смерти своего дяди и отца Камбиза он объединил царство медян и персов в одно: поэтому в дальнейшем они будут рассматриваться только как одна империя. Я начну историю этой империи с правления Кира; в нее войдет и то, что известно о правлении двух его предшественников, Киаксара и Астиага. Но прежде я расскажу о Лидийском царстве, поскольку Крёс, его царь, сыграл значительную роль в событиях, о которых я буду рассказывать.

Глава IV. История лидийцев.

Царей, которые первыми правили лидийцами, Геродот называет Атиадами, то есть потомками Атиса. [1089](#) Они, говорит он нам, произошли от Лида, сына Атиса; и Лид дал название лидийцев этому народу, который до этого времени назывался меонийцами.

На смену Атиадам пришли Гераклиды, или потомки Геракла, которые владели этим царством в течение пятисот пяти лет.

2781 Г. Н.Э. Ant. J.C. 1223.

Арго, правнук Алкея, сына Геракла, был первым из Гераклидов, правивших в Лидии.

Кандаулы.

Последним был Кандаул. Этот принц был женат на даме изысканной красоты и, будучи увлечен своей страстью к ней, постоянно хвастался ее прелестями [pg 364] перед другими. Ничто не могло помочь ему, кроме того, чтобы Гигес, один из его начальников, увидел и оценил их своими глазами; как будто собственного знания мужа о них было недостаточно для его счастья, или красота его жены была бы нарушена его молчанием. ¹⁰⁹⁰ Король с этой целью тайно поместил Гигеса в удобном месте; но, несмотря на эту предосторожность, королева заметила его, когда он удалился, но не обратила на это никакого внимания. Полагая, как пишет историк, что самое ценное сокровище женщины - ее скромность, она решила отомстить за нанесенную ей обиду и, чтобы наказать мужа, совершила еще большее преступление. Возможно, тайная страсть к Гигесу сыграла в этом поступке не меньшую роль, чем обида за нанесенное ей бесчестье. Как бы то ни было, она послала за Гигесом и обязала его искупить свое преступление либо собственной смертью, либо смертью короля, по его выбору. После нескольких безрезультатных уговоров он решился на последнее и, убив Кандаула, стал хозяином своей королевы и трона.

3286 Г. Н.Э. Ant. J.C. 718.

Таким образом, царство перешло из рода Гераклидов в род Мермнадов.

В это время жил поэт Архилох, который, как сообщает нам Геродот, рассказал об этом приключении Гигеса в своих стихах.

Я не могу не упомянуть в этом месте о том, что, по словам Геродота, среди лидийцев и почти всех других варваров считалось постыдным и позорным даже появляться нагим. Эти следы скромности, встречающиеся у язычников, должны считаться ценными. ¹⁰⁹¹ Нас уверяют, что у римлян сын, достигший зрелого возраста, никогда не ходил в баню со своим отцом, равно как и зять со своим тестем; и эта скромность и благопристойность рассматривались ими как предписанные законом природы, нарушение которого было преступным. Удивительно, что среди нас наши магистраты не заботятся о предотвращении этого беспорядка, который в центре Парижа, в сезон [pg 365] купания, безнаказанно совершается открыто; беспорядка, столь явно противоречащего правилам приличия, столь опасного для молодых людей обоих полов и столь сурово осуждаемого самим язычеством.

Платон рассказывает историю Гигеса иначе, чем Геродот. ¹⁰⁹² Он говорит нам, что Гигес носил кольцо, камень которого, повернутый к нему, делал его невидимым; таким образом, он имел преимущество видеть других, не будучи видимым сам; и что с помощью этого кольца, при согласии царицы, он лишил Кандаула жизни и трона. Это, вероятно, означает, что для осуществления своего преступного замысла он использовал все уловки и хитрости, которые в мире называют тонкой и изысканной политикой, которая проникает в самые тайные цели других, не делая ни малейшего открытия для себя. История, объясненная таким образом, несет в себе большую видимость правды, чем то, что мы читаем у Геродота.

Цицерон, рассказав эту басню о знаменитом кольце Гигеса, добавляет, что если бы у мудрого человека было такое кольцо, он не стал бы использовать его для каких-либо злых целей, потому что добродетель рассматривает то, что почетно и справедливо, и не имеет повода для тьмы. ¹⁰⁹³

Гигес. А.М. 3286. Ant. J.C. 718.

ГИГЕС царствовал тридцать восемь лет. ¹⁰⁹⁴ Убийство Кандаула вызвало смуту среди лидийцев. Обе стороны, не желая ссориться, договорились передать дело на решение дельфийского оракула, который вынес решение в пользу Гигеса. Царь сделал большие

подарки дельфийскому храму, что, несомненно, предшествовало ответу оракула и оказало на него немалое влияние. Среди прочих ценных вещей Геродот упоминает шесть золотых кубков весом в тридцать талантов, что составляет около миллиона французских денег, то есть около сорока восьми тысяч фунтов стерлингов.

Как только он мирно овладел тронem, он начал войну с Милетом, Смирной и Колофоном, тремя могущественными городами, принадлежавшими соседним государствам.

Процарствовав тридцать восемь лет, он умер, и ему наследовал его сын

Ардис, который царствовал сорок девять лет. [1095](#) Это было в царствование [pg 366] Ардиса.

Ардис. А.М. 3334. Ant. J.C. 680.

Именно при этом князе киммерийцы, изгнанные из своей страны кочевниками-скифами, пришли в Азию и взяли город Сарды, за исключением цитадели.

Садиятты. 3373 Г. Н.Э. Ant. J.C. 631.

САДИАТТ царствовал двенадцать лет. [1096](#) Этот князь объявил войну милезийцам и осадил их город. В те времена осады, которые обычно были не более чем блокадами, проходили очень медленно и длились много лет. Этот царь умер, не дождавшись окончания осады Милета, и его сменил сын.

Халиаттес. 3385 Г. Н.Э. Ant. J.C. 619.

ХАЛИАТТЕС царствовал пятьдесят семь лет. [1097](#) Это тот самый царь, который вел войну с Киаксаресом, царем Медии. Он также изгнал киммерийцев из Азии. Он напал на города Смирну и Клазомены и взял их. Он энергично продолжал войну с милезийцами, начатую его отцом, и продолжил осаду их города, которая длилась шесть лет при его отце и столько же при нем. В конце концов она закончилась следующим образом: Халиаттес, получив ответ от дельфийского оракула, отправил в город посла, чтобы предложить перемирие на несколько месяцев. Милетский тиран Фрасибул, узнав о его приходе, приказал принести на общественный рынок всю кукурузу и другие продукты, собранные им и его подданными для своего пропитания, и велел горожанам по сигналу, который должен быть дан, прийти в общее настроение пиршества и веселья. Все было исполнено в соответствии с его приказом. Лидийский посол по прибытии был крайне удивлен, увидев такое изобилие на рынке и такое веселье в городе. Его господин, которому он рассказал об увиденном, пришел к выводу, что его затея уменьшить город голодом никогда не удастся, предпочел мир столь очевидно бесплодной войне и немедленно снял осаду.

Крезус. 3442 Г. Н.Э. Ant. J.C. 562.

КРЁЗ. Само его имя, ставшее пословицей, навеивает мысли о безмерном богатстве. Богатство этого принца, если судить о нем только по подаркам, которые он сделал храму в Дельфах, должно быть, было чрезмерно велико. Большинство из этих подарков все еще можно было увидеть во времена [pg 367] Геродота, и их стоимость составляла несколько миллионов. Мы можем частично объяснить сокровища этого князя некоторыми шахтами, которые он имел, расположенными, согласно Страбону, между Пергамом и [Атарной](#) [1098](#), а также маленькой рекой Пактол, песок которой был золотым. Но во времена Страбона эта река уже не имела такого преимущества.

Что очень удивительно, такое изобилие не ослабило и не смягчило мужества Крёза. [1099](#) Он считал недостойным принца проводить время в праздности и удовольствиях. Со своей

стороны, он постоянно воевал, совершил несколько завоеваний и расширил свои владения за счет присоединения всех прилегающих провинций, таких как Фригия, Мисия, Пафлагония, Вифиния, Памфилия и все страны карийцев, ионийцев, дорийцев и эолийцев. Геродот отмечает, что он был первым завоевателем греков, которые до этого момента никогда не подчинялись иностранной власти. Несомненно, он имеет в виду греков, поселившихся в Малой Азии.

Но что еще более необычно в этом принце, хотя он был так безмерно богат и так великий воин, все же его главным увлечением были литература и науки. Его двор был обычной резиденцией тех знаменитых ученых, которых так почитала античность и которые получили название семи мудрецов Греции.

Солон, один из самых знаменитых среди них, установив новые законы в Афинах, решил, что может отсутствовать несколько лет и с пользой провести это время в путешествиях. [1100](#) Он отправился в Сарды, где его приняли так, как подобает репутации столь великого человека. Царь, сопровождаемый многочисленной свитой, явился во всей своей царственной пышности и великолепии, одетый в самые великолепные одежды, которые были сплошь украшены золотом и сверкали бриллиантами. Несмотря на новизну этого зрелища для Солона, он, похоже, не был ничуть тронут им и не произнес ни одного слова, которое обнаружило бы хоть малейшее удивление или восхищение; напротив, здравомыслящие люди могли бы достаточно понять по его поведению, что он смотрел на всю эту внешнюю пышность как на признак маленького ума, который не знает, в чем состоит истинное [\[pg 368\]](#) величие и достоинство. Такая холодность и безразличие, проявленные Солоном при первом приближении, не дали царю составить благоприятное мнение о своем новом госте.

После этого он приказал показать ему все свои сокровища, великолепные апартаменты и дорогую мебель, словно рассчитывая множеством изящных сосудов, драгоценностей, статуй и картин победить равнодушие философа. Но все это было не про царя, и Солон пришел посетить именно царя, а не стены и покои его дворца. Он не собирался судить о царе или оценивать его достоинства по этим внешним признакам, но по себе и своим личным качествам. Если бы мы сегодня судили по тому же правилу, то нашли бы многих наших великих людей жалкими, голыми и заброшенными.

Когда Солон все увидел, его привели обратно к царю. Тогда Крёс спросил его, кого из людей во всех своих странствиях он нашел самым настоящим счастливым? "Один Теллус, - ответил Солон, - гражданин Афин, очень честный и добрый человек, который, прожив все свои дни без нужды, всегда видел свою страну в процветающем состоянии, оставил детей, пользующихся всеобщим уважением, имел удовольствие видеть детей этих детей и, наконец, славно погиб, сражаясь за свою страну".

Подобный ответ, в котором золото и серебро не принимались во внимание, показался Крёзусу странным невежеством и тупостью. Однако, польстившись на то, что он должен быть причислен хотя бы ко второй степени счастья, он спросил его: "Кто из всех, кого он видел, был следующим по счастью после Теллуса?" Солон ответил: "Клеобис и Битон, два брата из [Аргоса1101](#) , которые оставили после себя совершенный образец братской привязанности и уважения, которое дети оказывают своим родителям. В один из торжественных праздников, когда их мать, жрица Юноны, должна была отправиться в храм, волею, которые должны были ее везти, не были готовы, оба сына взяли за ярмо и потащили колесницу своей матери к храму, который находился на расстоянии более пяти миль. Все матери в округе, восхищенные, поздравляли жрицу с тем, что она стала матерью таких сыновей. Она же, в порыве радости [\[pg 369\]](#) и благодарности, убедительно просила богиню наградить ее детей

лучшим, что небо может дать человеку. Ее молитвы были услышаны. Когда жертвоприношение закончилось, оба ее сына уснули в самом храме и там же [умерли](#)¹¹⁰² в мягкой и мирной дреме. В честь их благочестия жители Аргоса поставили им статуи в храме в Дельфах".

"Что же, - говорит Крёз, тоном, показывающим его недовольство, - ты не причисляешь меня к числу счастливых?" Солон, не желая ни льстить, ни раздражать его еще больше, спокойно ответил: "Царь Лидии, помимо многих других достоинств, боги даровали нам, грекам, дух умеренности и сдержанности, который породил среди нас простую, народную философию, сопровождаемую некоторой великодушной свободой, лишенной гордости и показности, а потому не слишком подходящую для царских дворов: Эта философия, учитывая, какому бесконечному количеству превратностей и случайностей подвержена жизнь человека, не позволяет нам ни превозноситься благополучием, которым мы наслаждаемся сами, ни восхищаться счастьем других, которое, возможно, окажется лишь преходящим или поверхностным." Отсюда он взял повод представить ему далее: "Жизнь человека редко превышает семьдесят лет, которые составляют в общей сложности шесть тысяч двести пятьдесят дней, из которых нет двух совершенно одинаковых; так что грядущее время есть не что иное, как череда различных случайностей, которые невозможно предвидеть. Поэтому, по нашему мнению, - продолжал он, - ни один человек не может считаться счастливым, кроме того, чье счастье Бог сохраняет до конца его жизни: что касается других, которые постоянно подвергаются тысяче опасностей, то их счастье мы считаем столь же неопределенным, как корона для человека, который все еще участвует в сражении, но еще не одержал победы". Произнеся эти слова,¹¹⁰³ Солон удалился, чем только разжалобил Крёза, но не исправил его.

Эзоп, автор басен, находился тогда при дворе этого принца, который был очень любезен с ним. Он был обеспокоен тем, как неприветливо обращаются с Солоном, и [pg 370] сказал ему в качестве совета: "Солон, мы должны либо вообще не приближаться к князьям, либо говорить то, что им приятно". "Скажи лучше, - ответил Солон, - что мы должны либо вообще не приближаться к ним, либо говорить то, что им на пользу "¹¹⁰⁴.

Во времена Плутарха некоторые ученые считали, что эта беседа между Солоном и Крёзом не согласуется с датами хронологии. Но поскольку эти даты весьма неопределенны, этот благоразумный автор не счел, что это возражение должно возобладать против авторитета нескольких заслуживающих доверия писателей, которыми подтверждается эта история.

То, что мы сейчас рассказали о Крёзе, представляет собой очень естественную картину поведения королей и великих людей, которые в большинстве своем соблазняются лестью, и в то же время показывает нам два источника, из которых обычно проистекает эта слепота. Первый - это тайная склонность всех людей, особенно великих, принимать похвалу без всяких предосторожностей и благосклонно судить обо всех, кто ими восхищается и проявляет безграничную покорность и покладистость по отношению к их нравам. Другое дело, что между лестью и искренней привязанностью или разумным уважением существует большое сходство, которое иногда подделывается так точно, что самые мудрые могут быть обмануты, если не будут очень бдительны.

Крёс, если судить о нем по тому, каким он предстает в истории, был очень хорошим князем, достойным уважения во многих отношениях. Он обладал большим добродушием, приветливостью и человечностью. Его дворец былместилищем остроумных и образованных людей, что свидетельствует о том, что он сам был человеком образованным и имел вкус к наукам. Его слабость заключалась в том, что он придавал слишком большое

значение богатству и великолепию, считал себя великим и счастливым пропорционально своему имуществу, принимал царскую пышность и великолепие за истинное и основательное величие и питал свое тщеславие чрезмерными почестями тех, кто стоял перед ним в некотором роде в знак обожания.

Те ученые мужи, те умники и другие придворные, что окружали этого принца, ели за его столом, участвовали в его удовольствиях, [pg 371] разделяли его доверие и обогащались за счет его щедрости и либеральности, заботились о том, чтобы не отбить вкус принца, и никогда не думали обмануть его в отношении его ошибок или ложных идей. Напротив, они стремились укрепить их в нем, постоянно превознося его как самого богатого принца своего века и никогда не говоря ни о его богатстве, ни о великолепии его дворца иначе как в выражениях восхищения и восторга; потому что они знали, что это верный способ угодить ему и заручиться его благосклонностью. Ведь лесть - это не что иное, как торговля фальшью и ложью, основанная, с одной стороны, на интересе, а с другой - на тщеславии. Лестец желает продвинуться по службе и сколотить состояние; принц, которого хвалят и восхищаются, потому что он сам себе первый лестец и носит в себе более тонкий и лучше приготовленный яд, чем тот, который дает ему любое преклонение.

Это изречение Эзопа, который раньше был рабом и до сих пор сохранил в себе дух и характер рабства, хотя и покрыл его лаком, как искусный придворный; это его изречение, которое рекомендовало Солону: "Не приближаться к царям и не говорить того, что им приятно", показывает нам, какими людьми Крёз наполнил свой двор и какими средствами он изгнал из своего присутствия всякую искренность, честность и долг. Вследствие этого, как мы видим, он не мог вынести той благородной и великодушной свободы в философе, которой он должен был бы придавать безграничное значение; так бы он и поступил, если бы понимал ценность друга, который, привязавшись к личности, а не к состоянию принца, имеет смелость говорить ему неприятные истины; истины, невкусные и горькие для самолюбия в настоящее время, но которые могут оказаться очень полезными и полезными в будущем. *Dis illis, non quod volunt audire, sed quod audisse semper volent.* Это слова самого Сенеки, в которых он пытается показать, какую большую пользу может принести принцу верный и искренний друг; а то, что он добавляет далее, кажется, специально написано для Крёза: "Дай ему, - говорит он, [1105](#) - полезный совет. Пусть хоть слово [pg 372] правды однажды достигнет этих ушей, вечно питаемых и развлекаемых лестью. Вы спросите меня, какую услугу можно оказать человеку, достигшему высшей точки счастья? Научить его не надеяться на свое процветание; избавить его от тщетной уверенности в своей силе и величии, будто они будут существовать вечно; дать ему понять, что все, что принадлежит фортуне и зависит от нее, так же непостоянно, как и она сама; и что между самым высоким подъемом и самым несчастным падением часто проходит всего лишь мгновение".

У него было два сына, один из которых, немой, был для него вечным предметом скорби; другой, по имени Атис, отличался всеми хорошими качествами и был его великим утешением и отрадой. Однажды ночью отцу приснился сон, который произвел сильное впечатление на его разум: этот его любимый сын должен был погибнуть от железа. Это стало новым источником тревоги и беспокойства, и было принято решение убрать с дороги юного принца все железные предметы, такие как партизаны, копья, копьеметы и т. д. До него не упоминались ни армии, ни войны, ни осады. Но вот однажды в окрестностях города должен был состояться необычный охотничий поединок для убийства дикого кабана, который совершал большие опустошения. Все молодые лорды двора должны были присутствовать на этой охоте. Атис очень убедительно просил отца разрешить ему присутствовать хотя бы в качестве зрителя. Царь не мог отказать ему в этой просьбе, но поручил его заботам одного

благоразумного молодого принца, который укрылся при его дворе и которого звали Адраст. И вот этот самый Адраст, целясь копьем в кабана, по несчастью, убил Атиса. Невозможно выразить ни горе отца, узнавшего об этом роковом происшествии, ни горе несчастного принца, невинного автора убийства, который искупил свою вину кровью, пронзив себя в грудь собственным мечом на погребальной груди несчастного Атиса.

Два года по этому случаю прошли в глубоком трауре, [1107](#) [pg 373] мысли страдающего отца были полностью заняты понесенной им утратой. Но растущая репутация и выдающиеся качества Кира, который начал заявлять о себе, пробудили его от летаргии. Он решил, что должен положить конец могуществу персов, которое увеличивалось с каждым днем. Поскольку он был очень религиозен, то никогда не решался на какое-либо предприятие, не посоветовавшись с богами. Но чтобы не действовать вслепую и иметь возможность составить определенное мнение о полученных ответах, он хотел заранее убедиться в истинности оракулов. Для этого он послал гонцов ко всем самым знаменитым оракулам Греции и Африки с приказом узнать у каждого из них, что делает Крёс в такой-то день и час, о которых договорились заранее. Его приказ был пунктуально выполнен, и из всех оракулов ни один не дал правдивого ответа, кроме дельфийского. Ответ был дан в греческих стихах гекзаметром и, по сути, сводился к следующему: "Я знаю число песчинок на морском берегу и меру необъятности океана. Я слышу немых и тех, кто еще не научился говорить. Сильный запах черепахи, сваренной в меди, вместе с овечьей плотью достиг моих ноздрей, медь внизу, медь вверху". И действительно, царь, думая придумать нечто такое, о чем нельзя было бы догадаться, в назначенный день и час занялся тем, что сварил черепаху и ягненка в медном горшке, у которого была медная крышка. Святой Остин в нескольких местах замечает, что Бог, чтобы наказать слепоту язычников, иногда позволял дьяволам давать ответы, соответствующие истине.

Крёз, убедившись в правдивости бога, с которым он собирался посоветоваться, принес в его честь три тысячи жертв и приказал переплавить бесконечное количество сосудов, треножников и золотых столов, превратив их в золотые слитки, числом сто семнадцать, чтобы пополнить сокровища храма в Дельфах. Каждый из этих слитков весил не менее двух талантов; кроме того, он сделал еще несколько подарков: среди прочих Геродот упоминает золотого льва, весившего десять талантов, и два сосуда необычайной величины, один из золота, весивший восемь талантов с половиной и двенадцать мин; другой из серебра, вмещавший шестьсот [pg 374] мер, называемых амфорами. Все эти и многие другие подарки, которые для краткости я опускаю, можно было увидеть во времена Геродота.

Посланцам было приказано посоветоваться с богом по двум вопросам: во-первых, стоит ли Крёзусу начинать войну с персами; во-вторых, если да, то нужна ли ему помощь каких-либо вспомогательных войск. По первому вопросу оракул ответил, что если он выступит с оружием против персов, то ниспровергнет великую империю; по второму - что ему лучше заключить союзы с самыми могущественными государствами Греции. Он снова обратился к оракулу, чтобы узнать, как долго продлится его империя. Ответ гласил, что она будет существовать до тех пор, пока мул не овладеет тронem Меди; это он расценил как заверение в вечной продолжительности своего царства.

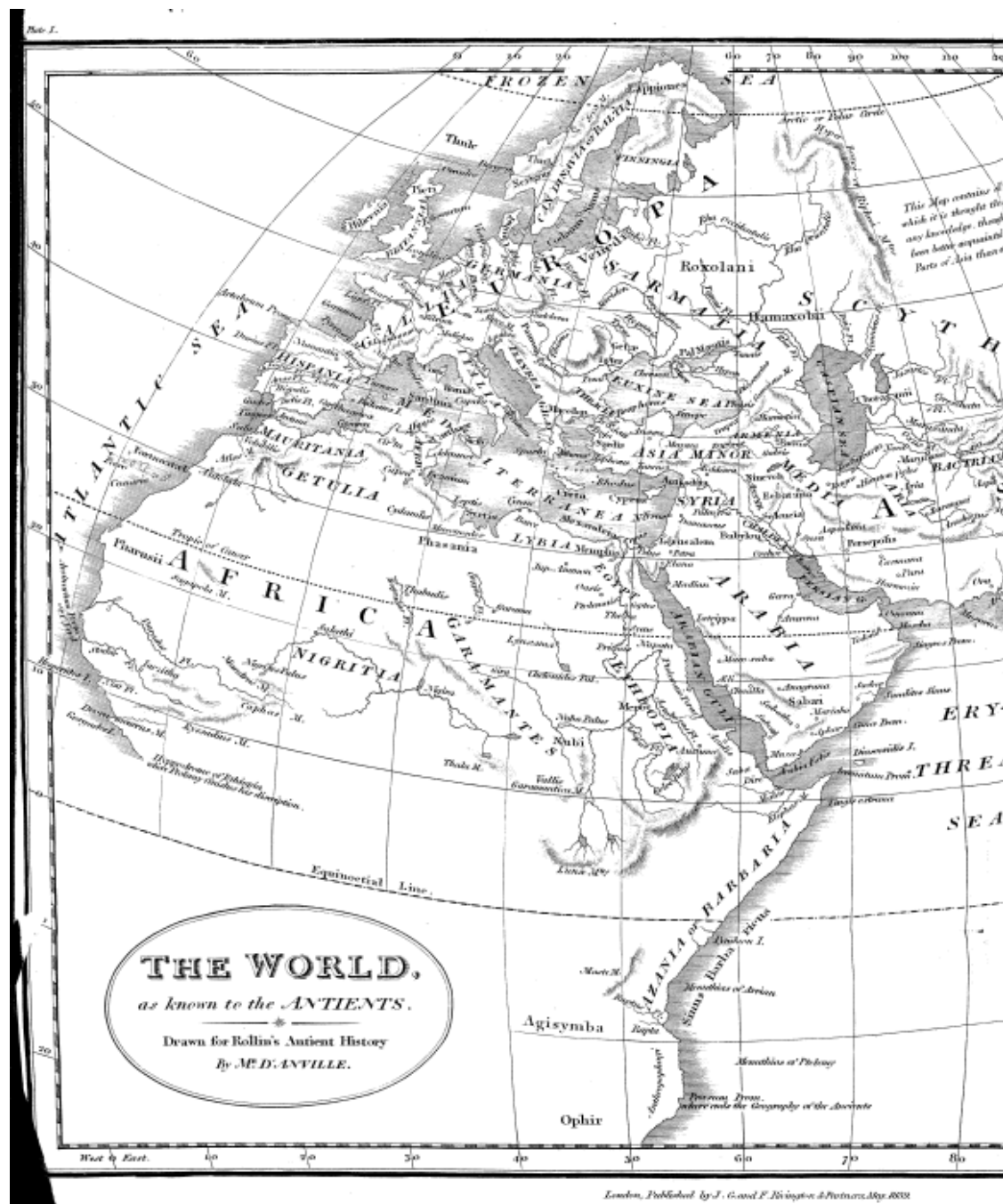
Следуя указаниям оракула, Крёс вступил в союз с афинянами, во главе которых в то время стоял Писистрат, и с лакедемонянами, которые, бесспорно, были двумя самыми могущественными государствами Греции.

Некий лидиец, уважаемый за свое благоразумие, дал Крёзу по этому случаю очень разумный [совет](#) [1108](#). "О принц, - сказал он ему, - почему ты думаешь направить оружие против такого

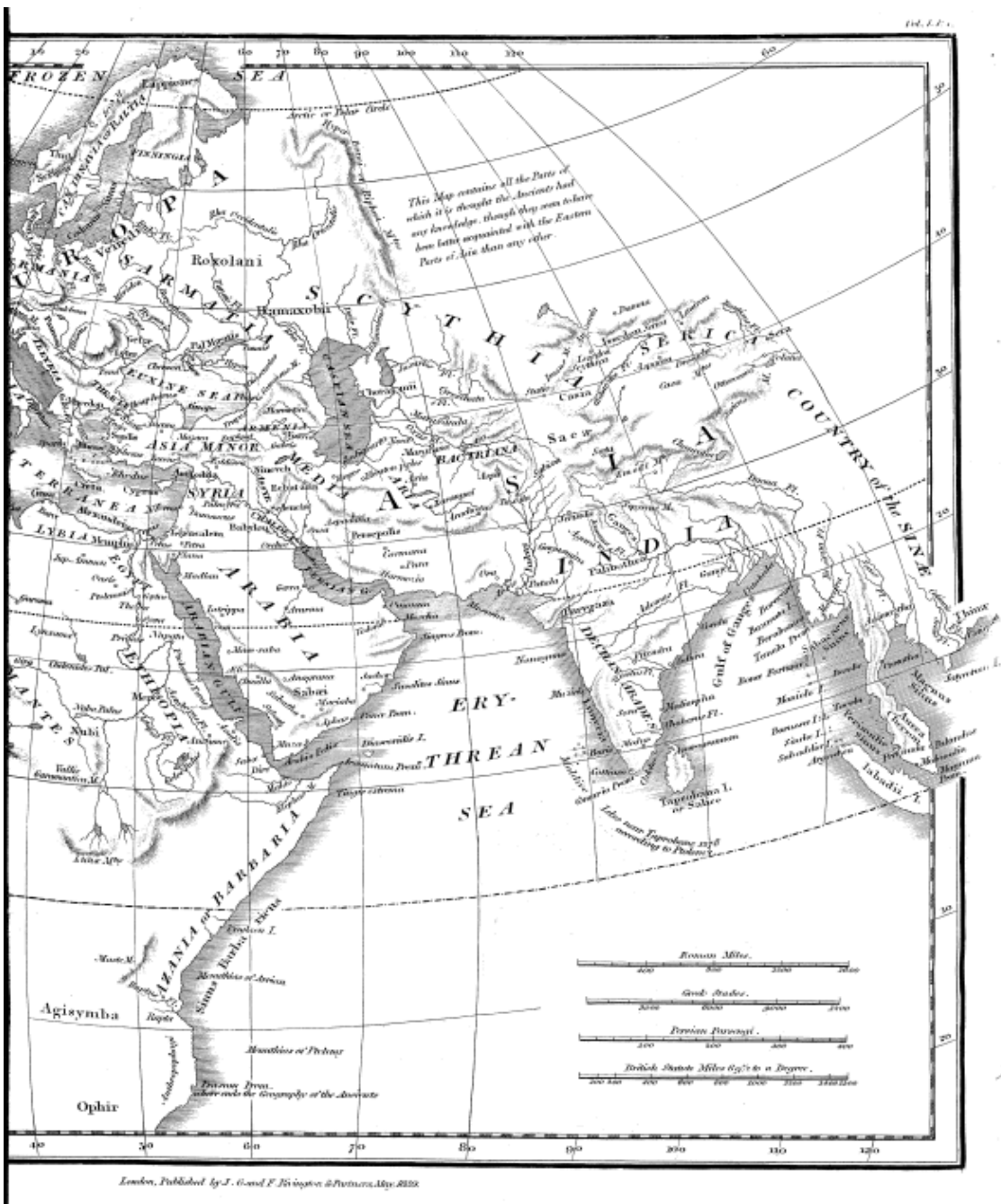
народа, как персы, которые, родившись в дикой, труднопроходимой стране, с младенчества приучены ко всякого рода лишениям и усталости, которые, будучи грубо одеты и грубо накормлены, могут довольствоваться хлебом и водой; которым абсолютно чужды все прелести и удобства жизни; которым, одним словом, нечего терять, если вы их завоюете, и нечего приобретать, если они завоюют вас; и которых будет трудно изгнать из нашей страны, если они однажды вкусят ее сладости и преимущества? Поэтому, чтобы не думать о начале войны с ними, мы должны, по моему мнению, благодарить богов за то, что они не вложили в головы персов мысль напасть на лидийцев". Но Крёс принял решение и не собирался от него отступать.

То, что осталось от истории Крёза, можно найти в истории Кира, к которой я сейчас приступаю.

Карты.

Карта I, часть А.

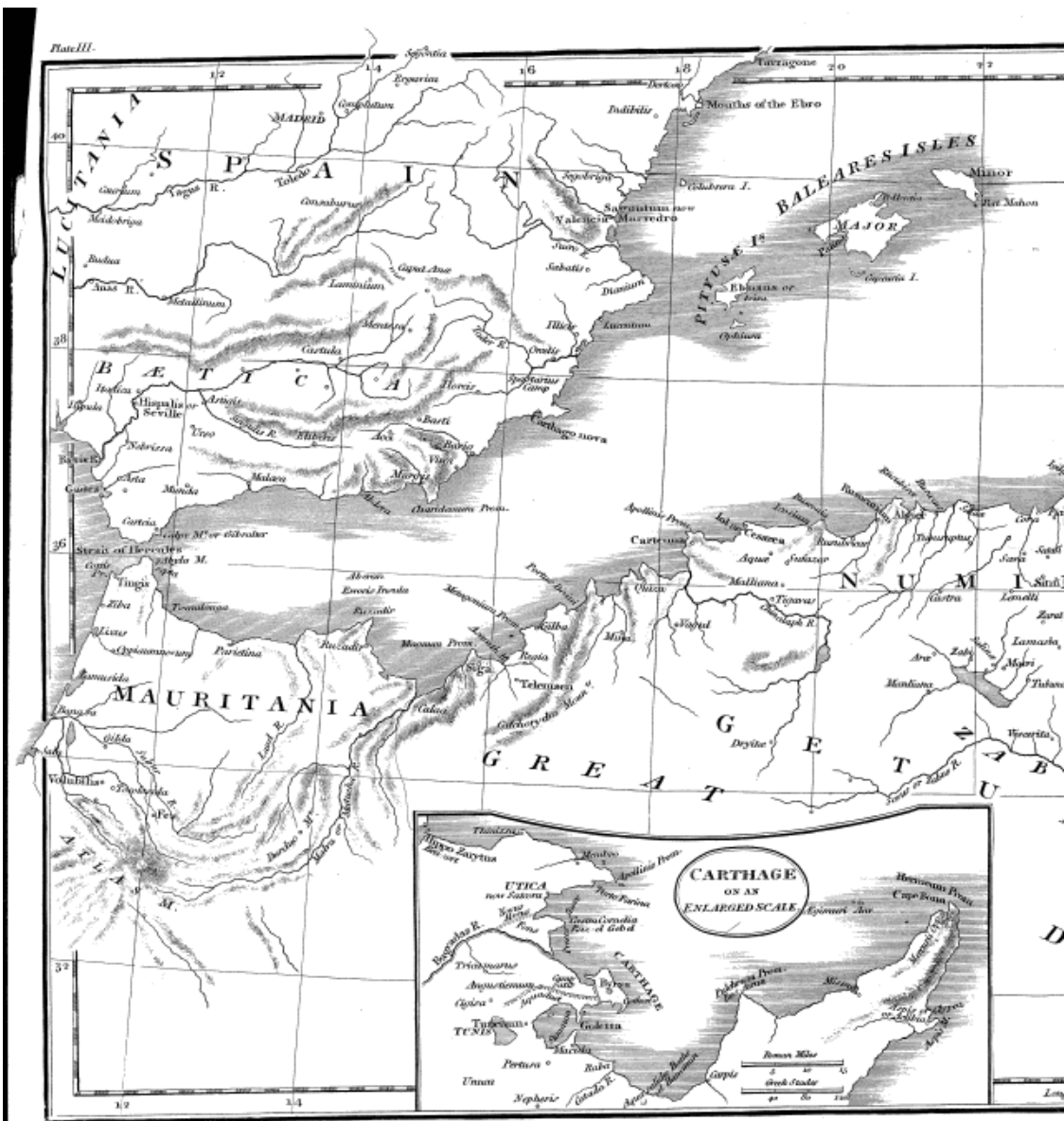
Планшет I, часть В.

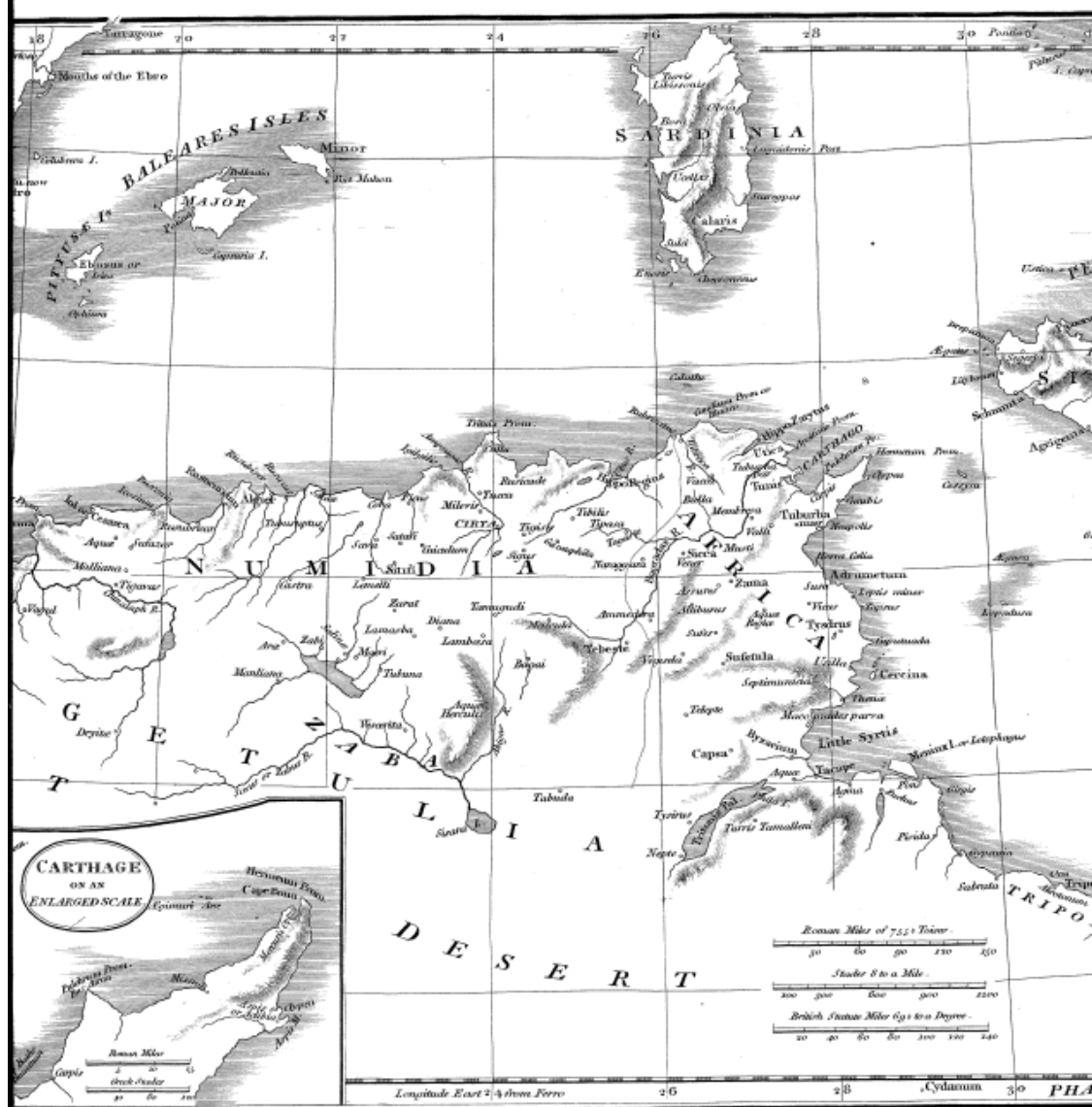
Карта II, часть А.

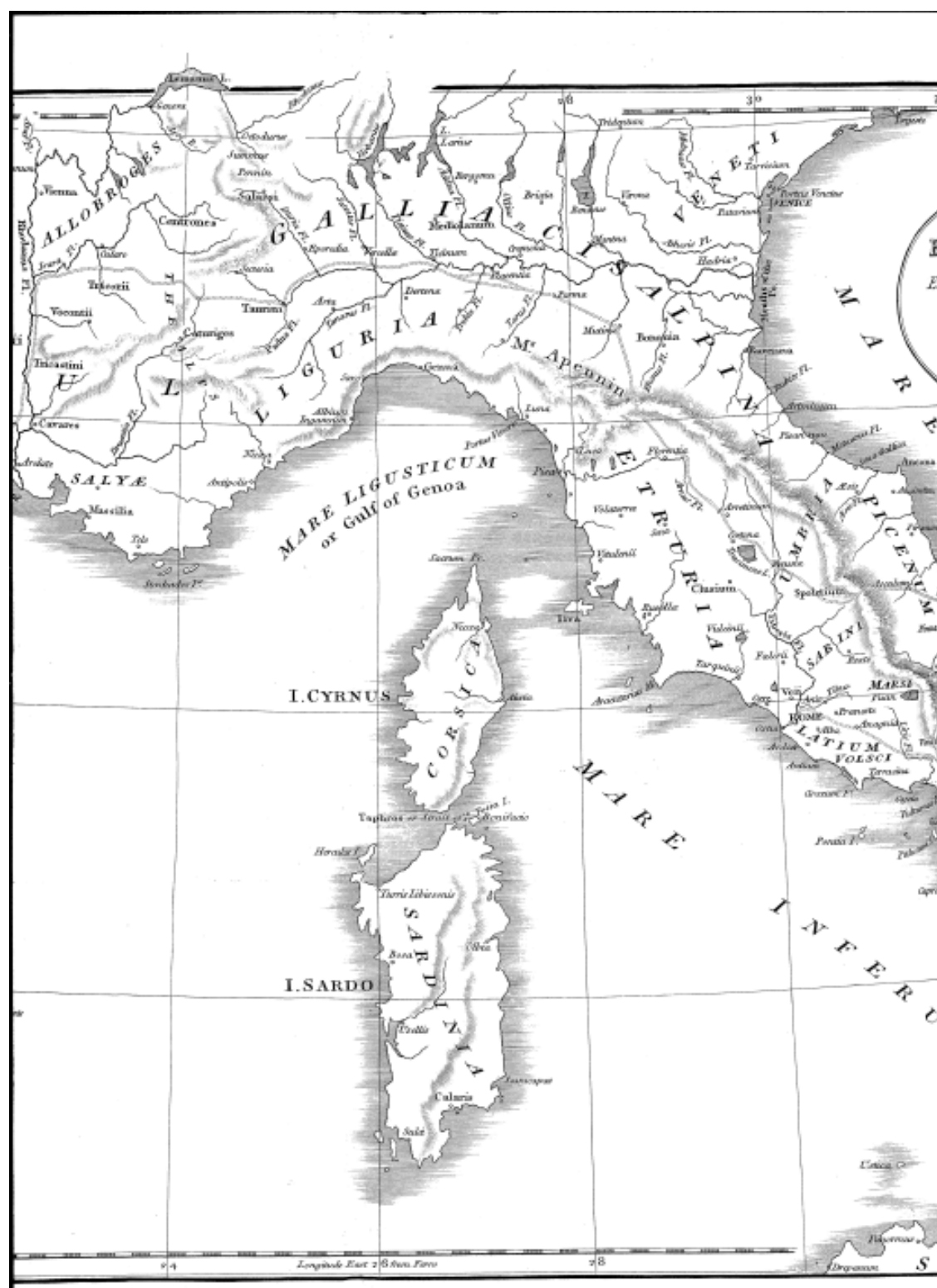
Пластина II, часть В.

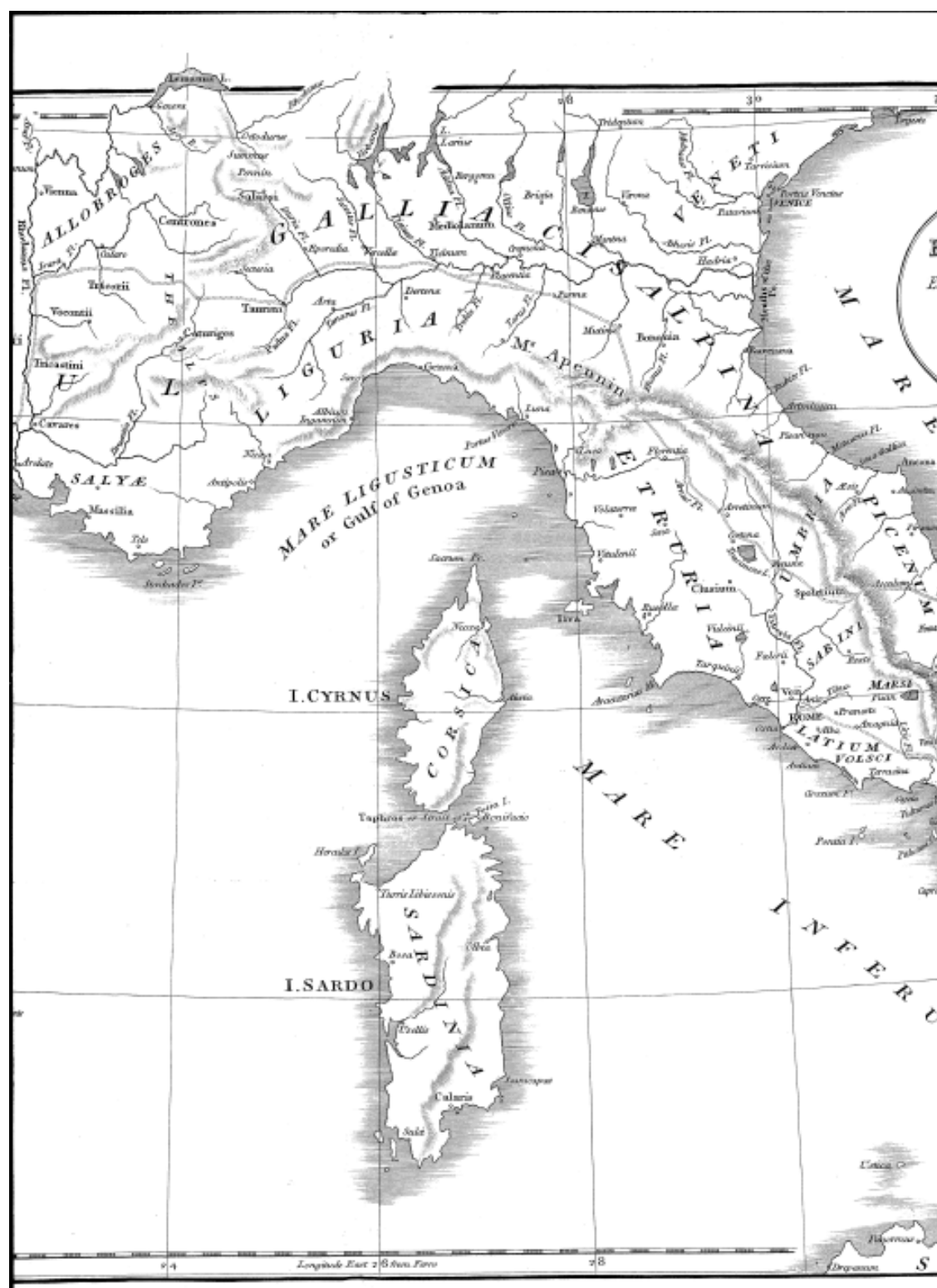
Планшет III, часть А.

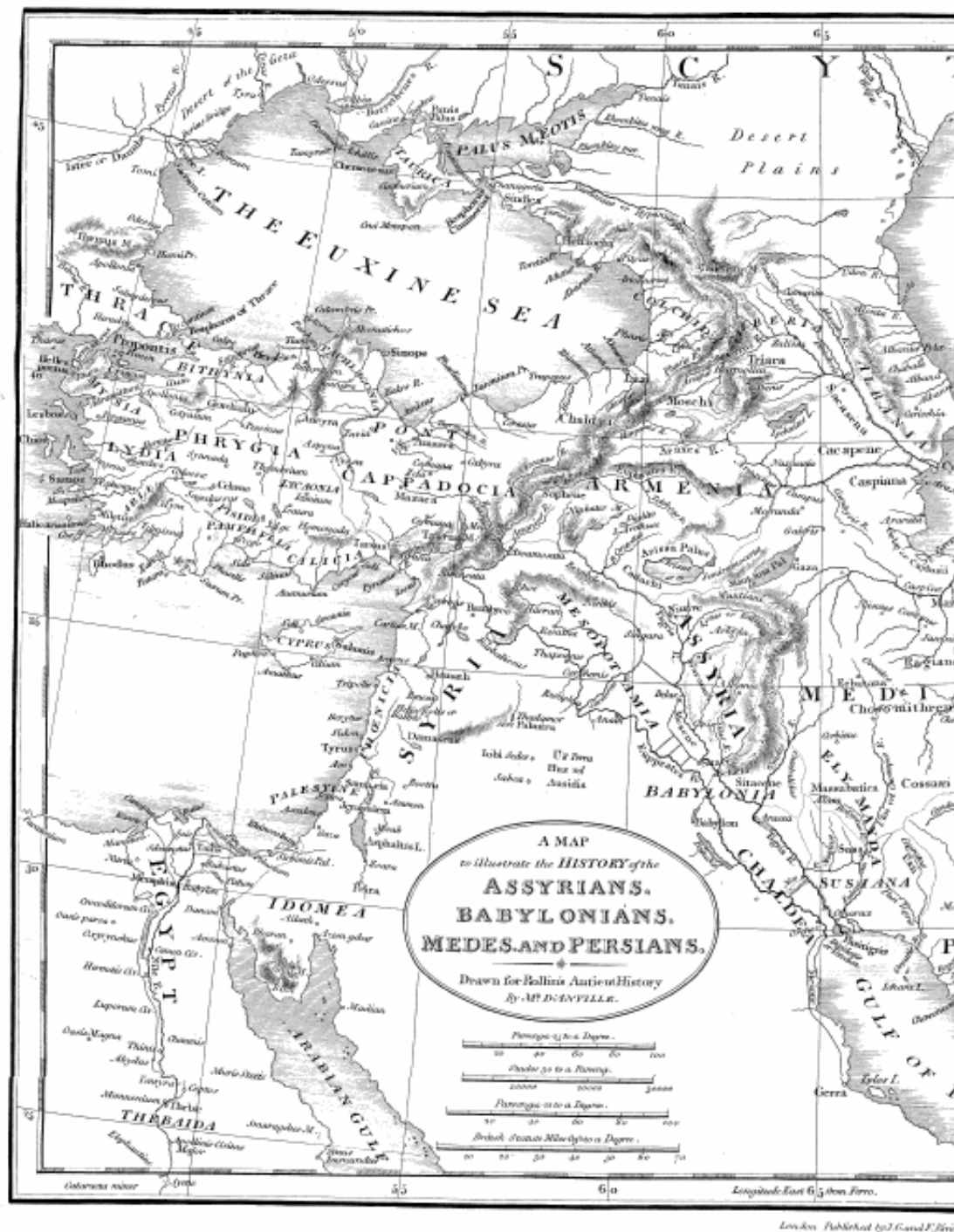
Пластина III, часть В.

Пластика IV, часть В.

Пластика IV, часть В.

Пластика V, часть A.

СНОСКИ

1.

О методе преподавания и изучения Belles Lettres и т. д. т. iii и iv.-Транс.

2.

Pietate ac religione, atque hâc unâ sapientiâ quòd deorum immortalium numine omnia regi gubernarique perspeximus, omnes gentes nationesque superavimus. Orat. de Arusp. resp. n. 19.- Trans.

3.

Ecclus. x. 8

4.

Сами древние, по словам Пиндара (Olymp. Od. vii.), сохранили некоторую идею, что рассеяние людей не было следствием случайности, но что они были расселены по разным странам по назначению Провидения.- Перев.

5.

Быт. xi. 8, 9.

6.

"Когда Всевышний разделил народы и отделил сынов Адама, он установил границы народов по числу сынов Израиля" (которых он имел в виду). Это одно из толкований (которое кажется очень естественным), которое дается этому отрывку. Втор. xxxii. 8.-Транс.

7.

Ecclus. xxxvi. 17, xxxix. 19.

8.

Деяния xv. 18.

9.

Я выведу вас из-под бремени Египтян и избавлю вас от рабства их. Исход vi. 6. Из железной печи, даже из Египта. Втор. iv. 20.-Перевод.

10.

Ис. v. 26, 30, x. 28, 34, xiii. 4, 5.

11.

Сеннахериб.

12.

Там же. x. 13, 14.

13.

Исаия x. 5.

14.

Ibid. ver. 7.

15.

Ibid. ver. 12.

16.

Так как ярость твоя против меня и гнев твой дошли до ушей моих, то я вложу крючок мой в нос твой и узду мою в уста твои, и обращаю тебя назад тем путем, которым ты пришел". 2 Царств хіх. 28.-Транс.

17.

Иезек. ххі. 19, 23.

18.

Там же. ххvi. ххvii. ххviii.

19.

Иезек. ххviii. 2.

20.

Там же. ххix. 18, 20.

21.

Дан. iv. 1-34.

22.

Этот инцидент более подробно описан в истории египтян в царствование Амасиса.

23.

Там же, iv. 30.

24.

Дан. iv. 31, 32.

25.

Так говорит Господь помазаннику Своему, Киру, правую руку которого Я держу, чтобы покорить пред ним народы, и развяжу чресла царей, чтобы отворить пред ним двустворчатые ворота, и ворота не будут затворены.

Я пойду пред тобою и сделаю кривые места прямыми; медные ворота разобью на части, железные перебью.

И дам тебе сокровища тьмы и сокровенные богатства тайных мест, чтобы ты познал, что Я, Господь, Который назовет *тебя* по имени твоему, *есть* Бог Израилев". Иса. xlv. 1-3.-Транс.

26.

Ис. xlv. 13, 14.

27.

Там же. 13, 4.

28.

Там же. 4, 5.

29.

Дан. iv. 7, 9.

30.

Ἐδυνήθη ἐπιθυμίαν ἐμβαλεῖν τοσαύτην τοῦ πάντας αὐτῷ χαρίζεσθαι, ὥσι ἀεὶ τ' αὐτοῦ γνώμη ἀξιοῦν κυβερνᾶσθαι.-Trans.

31.

Дан. vii.

32.

Иезек. xix. 3, 7.

33.

Иосиф. 1. iii. с. 46.

34.

Быт. i. 2.

35.

Ibid. vi. 11.

36.

Psal. cxliv. 15.

37.

Laus ipsa, quâ Platonem vel Platonicos seu Academicos philosophos tantum extuli, quantum impios homines non oportuit, non immerito mihi displicuit; præsertim quorum contra errores magnæ defendenda est Christiana doctrina. Отступление. 1. i. с. 1.-Trans.

38.

Id in quoque corrigendum, quod pravum est; quod autem rectum est, approbandum. De Bapt. cont. Donat. 1. vii. с. 16.-Trans.

39.

Lib. v. с. 19, 21 и др.

40.

De Civitate Dei, 1. v. с. 19.

41.

Vol. iv. p. 385.

42.

Это замечательно сделал г-н Роллин в нескольких томах своей "Древней истории".

43.

Метод преподавания и изучения Belles Lettres и т. д. Английский перевод (в четырех томах) этой превосходной критической работы был впервые напечатан для А. Бетсворта и К. Хитча в Патерностер-Роу.-Переводы.

44.

Arborum flos, est pleni veris indicium, et anni renascentis; flos gaudium arborum. Tunc se novas, aliasque quàm sunt, ostendunt, tunc variis colorum picturis in certamen usque luxuriant. Sed hoc negatum plerisque. Non enim omnes florent, et sunt tristes quædam, quæque non sentiant gaudia annorum; nec ullo flore exhilarantur, natalesve pomorum recursus annuos versicolori nuntio promittunt. Plin. Hist. Nat. 1. xvi. с. 25.-Trans.

45.

Как фиговые деревья.-Транс.

46.

Монс. Боссюэ.-Перевод.

47.

Прежние издания этого труда были напечатаны в десяти томах.-Транс.

48.

Xenoph. in Cyrop. 1. i. p. 25, 27.-Trans.

49.

Quos ad fastigium nujus majestatis non ambitio popularis, sed spectata inter bonos moderatio provebebat. Justin, 1. i. c. 1.-Trans.

50.

Fines imperii tueri magis quàm proferre mos erat. Intra suam cuique patriam regna finiebantur. Justin, 1. i. c. 1.-Trans.

51.

Domitis proximis, cum accessione virium fortior ad alios transiret, et proxima quæque victoria instrumentum sequentis esset, totius orientis populos subegit. Юстин, 1. i. c. 1.-Trans.

52.

Sit hoc jam à principio persuasum civibus: dominos esse omnium rerum ac moderatores deos, eaque quæ geruntur eorum geri judicio ac numine; eosdemque optimè de genere hominum mereri; et, qualis quisque sit, quid agat, quid in se admittat, quâ mente, quâ pietate religiones colat, intueri; piorumque et impio rem habere rationem-Ad divos adeunto castè. Pietatem adhibento, opes amovento. Cic. de leg. l. ii. n. 15, 19.-Trans.

53.

Manner of Teaching, &c. vol. i.-Trans.

54.

Ἀθήνη.- Перев.

55.

Οὐχὶ προειρημένον ἡμερῶν ἀριθμὸν ἀγνεύειν μόνον, ἀλλὰ τὸν βίον ὅλον ἡγνευκέναι. Demost. in extrema Aristocratia.-Trans.

56.

Vol. ii. c. 3. § 2.-Транс.

57.

Ληνός.

58.

Дионисий.

59.

Козлов приносили в жертву, потому что они портили виноградники.

60.

От этой ярости вакханалий эти праздники получили название Оргия, Ὀργή, ира, ярость.-
Перев.

61.

Πάσαν ἔθεασάμην τὴν πόλιν περὶ τὰ Διονύσια μεθύουσαν. Lib. i. de leg. p. 637.-Trans.

62.

Liv. 1. xxxix. n. 8, 18.

63.

Nihil in speciem fallacius est quàm prava religio, ubi deorum numen prætenditur sceleribus. Liv. xxxix. n. 16.-Trans.

64.

Multa eximia divinaque videntur Athenæ tuæ peperisse, atque in vitam hominum attulisse; tum nihil melius illis mysteriis, quibus ex agresti immanique vitâ, exculti ad humanitatem et mitigati sumus, initiaque ut appellatur, ita re vera principia vitæ cognovimus. Cic. 1. ii. de leg. n. 36.

Teque Ceres, et Libera, quarum sacra, sicut opiniones hominum ac religiones ferunt, longè maximis atque occultissimis ceremoniis continentur: à quibus initia vitæ atque victùs, legum, morum, mansuetudinis, humanitatis exempla hominibus et civitatibus data ac dispertita esse dicuntur. Cic. in Verr. de supplic. n. 186.-Trans.

65.

Οἷδεν Ἐλευσὶν ταῦτα, καὶ οἱ τῶν σιωπῶντων καὶ σιωπῆς; ὄντων ἄξιον ἐτόπται. Orat de sacr. lumin.-Trans.

66.

Δαδοῦχος.

67.

Κῆρυξ.

68.

Βασιλεὺς .

69.

Ἐπιμελήται

70.

Ἱεροποιοὶ.

71.

Диоген. Laërt. l. vi. p. 389.

72.

Liv. l. xxxi. n. 14.

73.

Est et fideli tuta silentio
Merces. Vetabo, qui Cereris sacrum
Vulgârit arcana, sub iisdem

Sit trabibus, fragilemque mecum
Solvat phaselum.

Hor. Od. 2. l. iii.

Безопасен молчаливый язык, который никто не может упрекнуть.
Верный секрет заслуживает славы;
Под одной крышей со мной пусть не отдыхает он,
Кто "тайны Цереры" раскрывает;
На одном хрупком судне мы не выйдем в море,
И не искушать ветры расправленными парусами.

-Транс.

74.

Lib. i. p. 26, 71.

75.

Tardaue Eleusinæ matris volventia plaustra.

Virg. Georg. l. i. ver. 163.

Мистическая машина элевсинской матери медленно катится...

-Trans.

76.

Herod. l. viii. c. 65.

77.

Lib. ix. p. 305.

78.

Plut. in vit. Alex. p. 671.

79.

Зосим. Hist. l. iv.

80.

Sympos. l. ii. quæst. 3. p. 635.

81.

Errabat multis in rebus antiquitas: quam vel usu jam, vel doctrinâ, vel vetustate immutatam videmus. Retinetur autem et ad opinionem vulgi, et ad magnas utilitates reip. mos, religio, disciplina, jus augurum, collegii auctoritas. Nec verò non omni supplicio digni P. Claudius, L. Junius consules, qui contra auspicia navigârunt. Parendum enim fuit religioni, nec patrius mos tam contumaciter repudiandus Divin. l. ii. n. 70, 71.-Trans.

82.

К верхушкам дубов были прикреплены определенные инструменты, которые, будучи раскачаны ветром или каким-либо другим способом, издавали сбивчивый звук. Сервий замечает, что одно и то же слово в фессалийском языке означает голубя и пророчицу, что дало повод для баснословной традиции о говорящих голубях. Эти медные тазы легко было

заставить звучать какими-то тайными средствами и придать путаным и невнятным нотам то значение, которое им было угодно.-Trans.

83.

Pausan. l. ix. p. 602, 604.

84.

Plut. de gen. Socr. p. 590.

85.

Ирод, l. i. c. 157. Strab. l. xiv p. 634.

86.

Тацит. Annal. l. ii. c. 54.

87.

Lib. xiv. p. 427, 428.

88.

Кориум.

89.

Проφήται.

90.

Ἀνίκητος εἶ, ὧ παῖ.-Транс.

91.

-Cui talia fanti

Ante fores, subitò non vultus, non color unus,

Non comptæ mansere comæ: sed pectus anhelum,

Et rabie fera corda tument; majorque videri,

Nec mortale sonans: afflata est numine quando

Jam propiore dei.

Virg. Æn. l. vi. v. 46-51.-Trans.

92.

Среди различных знаков, которые Бог дал нам в Писании, чтобы мы могли отличить Его оракулы от оракулов дьявола, ярость или безумие, приписываемое Вергилием пифии, et rabie fera corda tument, является одним из них. Это Я, говорит Бог, показываю ложность предсказаний прорицателей и наделяю тех, кто прорицает, движениями ярости и безумия; или, согласно Иса. xlv. 25: "Который расстраивает знамения лжеца и делает прорицателей безумными". Вместо этого пророки истинного Бога постоянно давали божественные ответы ровным и спокойным тоном голоса и с благородным спокойствием в поведении. Другим отличительным признаком является то, что деймоны произносили свои оракулы в тайных местах, окольными путями и в неизвестности пещер, тогда как Бог произносил свои оракулы открыто и перед всем миром. "Я не говорил втайне, в темном месте земли", Иса. xlv. 19. "Я не говорил втайне от начала", Иса. xlviii. 16. Таким образом, Бог не позволил дьяволу подражать Своим оракулам, не навязав ему условий, которые могли бы отличить истинное вдохновение от ложного" -Транс.

93.

Lib. v.

94.

Ἑγγαστρίμυθος.

95.

Quòd si aliquis dixerit multa ab idolis esse prædicta; hoc sciendum, quòd semper mendacium junxerint veritati, et sic sententias temperârint, ut, seu boni seu mali quid accidisset, utrumque possit intelligi. Hieronym. in cap. xlii. Isaïæ. Он приводит два примера - Крѣза и Пирра.-Trans.

96.

Одним из способов обращения к оракулу были запечатанные письма, которые клали на алтарь бога нераспечатанными.-Trans.

97.

Macrob. l. i. Saturnal. c. 23.

98.

Omnis spiritus ales. Hoc et angeli et dæmones. Igitur momento ubique sunt; totus orbis illis locus unus est: quid ubi geratur tam facilè sciunt, quàm enuntiant. Velocitas divinitas creditur, quia substantia ignoratur.-Cæterùm testudinem decoqui cum carnibus pecudis Pythius eo modo renunciavit, quo suprâ diximus. Momento apud Lydiam fuerat. Tertul in Apolog.-Trans.

99.

Plut. in Demosth. p. 854.

100.

Tertull. in Apolog.

101.

Lib. de verà sapient., c. 27.

102.

Tam barbaros, tam immanes fuisse homines, ut parricidium suum, id est tetrum atque execrabile humano generi facinus, sacrificium vocarent. Cùm teneras atque innocentes animas, quæ maximè est ætas parentibus dulcior, sine ullo respectu pietatis extinguerunt, immanitatemque omnium bestiarum, quæ tamen fœtus suos amant, seritate superarent. O dementia insanabilem! Quid illis isti dii ampliùs facere possent si essent iratissimi, quàm faciunt propitii? Cùm suos cultores parricidiis inquinant, orbitatibus mactant, humanis sensibus spoliant. Lactant. l. i. c. 21.-Trans.

103.

Ирод, л. ii. с. 180; л. v. с. 62.

104.

Около 44 428 л. стерлингов.-Транс.

105.

Ibid. l. i. с. 50, 51.

106.

Около 33 500 л. стерлингов.-Транс.

107.

Diod. l. xvi p. 453.

108.

Около 1 300 000 л.-Транс.

109.

Plut. de Pyth. orac. p. 401.

110.

Vol. iii.

111.

Приводится несколько причин для этого названия.

112.

Pausan. l. ii. p. 88.

113.

Апиум.

114.

Ирод. l. viii. c. 26.

115.

Παπαί, Μαρδόνιε, κόιους ἐπ' ἄνδρας ἤγαγες μαχησομένους ἡμέας, οἳ οὐ περ' χρημάτων τὸν ἀγῶνα ποιεῦνται, ἀλλὰ περὶ ἀρετῆς.-Trans.

116.

Plin. l. xvi. c. 4.

117.

Pausan. l. v. p. 297.

118.

Pausan. l. vi. p. 382.

119.

Olympiorum victoria, Græcis consulatus ille antiquus videbatur. Tuscul. Quæst. l. ii. n. 41.-Trans.

120.

Olympionicam esse apud Græcos propè majus fuit et gloriosius quàm Romæ triumphâsse. Pro Flacco, n. 31.-Trans.

121.

-Palmaque nobilis

Terrarum dominos evehit ad deos.

Od. i. l. i.

Sive quos Elea domum reducit

Palma cœlestes

Od. ii. l. i.-Trans.

122.

Art. Poet. v. 412.

123.

Nempe enim et Athletæ segregantur ad strictiorem disciplinam, ut robori ædificando vacent; continentui à luxuriâ, à cibis lætioribus, à potu jucundiore; coguntur, cruciantur, fatigantur. Tertul. ad Martyr.-Trans.

124.

Люди, занятые на этой должности, назывались Aiptæ.-Trans.

125.

Dolus an virtus, quis in nocte requirat?-Trans.

126.

Быт. xxxii. 24.

127.

Captat pedes primùm, luctator dolosus est.-Trans.

128.

Илиада. l. xxiii v. 708 и др. Овидий. Metam. l. ix. v. 31, &c. Phars. l. iv. v. 612. Stat. l. vi. v. 847.

129.

Диоскои. Idyl. xxii. Аргонавтика, л. ii. Энеида, л. v. Фиваида, л. vii. Аргонавт. л. iv.

130.

Πᾶν κράτος.

131.

Quid tam distortum et elaboratum, quàm est ille Discobolos Myronis? Quintil. l. ii. c. 13.-Trans.

132.

Стадий был мерой расстояния у греков и составлял, согласно Геродоту, l. ii. c. 149, шестьсот футов в длину. Плиний говорит, l. ii. c. 23, что он был шестьсот двадцать пять. Этих двух авторов можно примирить, если учесть разницу между греческой и римской стопой; кроме того, длина стадиона варьируется в зависимости от разницы времен и мест.-Trans.

133.

Hom. lv. in Matth. c. 16.-Trans.

134.

-Tunc ritè citatos

Explorant, acuuntque gradus, variasque per artes

Instimulant docto languentia membra tumultu.

Poplite nunc flexo sidunt, nunc lubrica forti

Pectora collidunt plausu; nunc ignea tollunt

Crura, brevemque fugam nec opino fine reponunt.

Stat. Theb. l. vi v. 587 и др.

Они пытаются, они пробуждают свою скорость, используя различные искусства;

Их вялые конечности они побуждают к действиям.

Теперь с согнутыми окороками, среди тренирующейся толпы,

Они сидят; теперь напрягают легкие и громко кричат.
Теперь короткий полет с огненными шагами они прослеживают,
И с внезапной остановкой прекращают мимическую гонку.

-Транс.

135.

Plin. l. vii. c. 20.

136.

57 лиг.

137.

60 лиг.

138.

Ирод. л. vi. c. 106.

139.

30 лиг.

140.

Более 53 лиг.

141.

Вал. Мах. l. v. c. 5.

142.

67 лиг.

143.

С ним были только проводник и один офицер.

144.

Nec omnes Numidæ in dextro locati cornu, sed quibus desultorum in modum binos trahentibus equos, inter acerrimam sæpe pugnam, in recentem equum ex fesso armatis transultare mos erat; tanta velocitas ipsis, tamque docile equorum genus est. Liv. l. xxiii.-Trans.

145.

Plut. in Alex. p. 666.

146.

Metaque fervidis Evitata rotis. Horat. Od. i. 1. i.

Голем, которого избегают горящие колеса.

-Trans.

147.

Hom. Il. l. xxiii. v. 334, &c.

148.

Plut. in Alex. p. 666.

149.

Ibid. in Themist. p. 124.

150.

Ibid. in Alcib. p. 196.

151.

Pausan. l. iii. p. 172.

152.

Ibid. p. 188.

153.

Ibid. p. 172.

154.

Ibid. l. v. p. 309.

155.

Pausan. l. vi. p. 344.

156.

Sympos. l. viii. quæst. 4.

157.

Plut. in Alcib. p. 196.

158.

Lib. i. p. 3.

159.

Diog. Laërt. in Solon, p. 37.

160.

Около 11 л.

161.

Около 2л.

162.

Cic. de Orat. l. ii. n. 352, 353. Phæd. l. ii. fab. 24. Quintil. l. xi. c 2.

163.

Lib. vi. p. 368.

164.

Лукиан. in vit. Demonact. p. 1014.

165.

Это был Демонакс, знаменитый философ, учеником которого был Лукиан. Он процветал в царствование Марка Аврелия.

166.

Plut. in Quæst. Rom. p. 273.

167.

Ὅτι τοῦ χρόνου τὰ σεμεῖα τῆς πρὸς τοὺς πολεμίους διαφορᾶς ἀμαυροῦντος, αὐτοὺς ἂν λαμβάνειν καὶ καινοποιεῖν ἐπιφθονόν ἐστι καὶ φιλαπεχθῆμον.-Trans.

168.

Plut. in Lacon. Apophthegm. p. 211.

169.

Lucian. in Herod. p. 622.

170.

Plut. de vit Orat. p. 836.

171.

Diod. l. xiv. p. 318.

172.

Ibid. l. xv. p. 384.

173.

Attica anus Theophrastum, hominem alioqui disertissimum, annotatâ unius affectatione verbi, hospitem dixit. Quint. l. viii. c. 1.-Trans.

174.

Илиан, l ii. c. 8.

175.

Boileau, Art. Poët. chant. iii.

176.

Ignotum tragicæ genus invenisse camœnæ
Dicitur, et plaustis vexisse poemata Thespis,
Quæ canerent agerentque peruncti fœcibus ora.

Hor. de Art. Poët.

Когда Феспис впервые представил трагическую Музу,
Грубыми были актеры, а сцена - телегой,
Где мерзкие лица, измазанные вином,
Пугали детей и веселили толпу.

Роском. Искусство поэта.

-Транс.

177.

Буало, Искусство. Поэт. песнопения. iii.

178.

Plut. in Solon p. 95.

179.

Post hunc personæ pallæque repertor honestæ
Æschylus, et modicis instravit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.

Hor. de Art. Poët.

Это увидел Эсхил (с негодованием),
И построил сцену, нашел приличное платье,
Вызвал чародеев (в цивильном обличье),
И научил людей, как говорить и как действовать.

Роском. Искусство поэта.-Транс.

180.

Буало, ст. Поэт.

181.

Actoris partes chorus officiumque virile
Defendat, neu quid medios intercinat actus,
Quod non proposito conducatur, et hæreat apté.
Ille bonis faveatque, et concilietur amicis,
Et regat iratos, et amet peccare timentes.
Ille dapes laudet mensæ brevis; ille salubrem
Justitiam, legesque, et apertis otia portis.
Ille tegat commissa, deosque precetur et oret,
Ut redeat miseris, abeat fortuna superbis.

Hor. de Art. Poët.

Хор должен обеспечивать то, что нужно действию,
И имеет щедрую и мужественную партию; Сдерживает дикую ярость, любит жесткую
честность,
И строгое соблюдение беспристрастных законов,
Трезвость, безопасность и мир,
И просит богов повернуть слепое колесо Фортуны,
Чтоб возвысить несчастных и низвергнуть гордецов;
Но ничего не должно петься между действиями,
А только то, что как-то способствует сюжету.

Роском. Искусство поэта. перевод.

182.

Том iv.

183.

Манера преподавания и т. д. Том iv.

184.

Quo meliùs nostri illi senes, qui personatum, ne Roscium quidem, magnoperé laudabant. Lib. iii.
de Orat. n. 221.-Trans.

185.

Sententiis densus, et in iis quæ à sapientibus sunt, penè ipsis est par. Quintil. l. x. c. 1.-Trans.

186.

Cui (Euripidi) tu quantum credas nescio; ego certè singulos ejus versus singula testimonia puto. Epist. viii. l. 14. ad Famil.-Trans.

187.

Ipse autem socer (Cæsar) in ore semper Græcos versus Euripidis de Phœnissis habebat, quos dicam ut potero, inconditè fortasse, sed tamen ut res possit intelligi:

Nam, si violandum est jus, regnandi gratià
Violandum est; aliis rebus pietatem colas.

Capitalis Eteocles, vel potiùs Euripides, qui id unum, quod omnium sceleratissimum fuerat, exceperit. Offic. l. iii. n. 82.-Trans.

188.

Plut. in vit. x. orat. p. 841.

189.

Не знаю, подходит ли идея "канала, плавно текущего через восхитительные сады" для обозначения характера Софокла, который отличается благородством, величием и возвышенностью. Мне кажется, что образ стремительного и быстрого потока, чьи волны, благодаря силе их движения, громко шумят и слышны издалека, более подходит для этого поэта.

190.

Tragædias primus in lucem Æschylus protulit: sublimis et gravis, et grandiloquus sæpe usque ad vitium; sed rudis in plerisque et incompositus. Quintil. l. x. c. 1.-Trans.

191.

Корнель и Расин.-Транс.

192.

Φόβος καὶ ἔλεος.

193.

Homo sum: humani nihil à me alienum puto. Ter.-Trans.

194.

Successit vetus his comœdia non sinc multâ Laude. Hor. in Art. Poët.-Trans.

195.

Плут.

196.

Птицы.

197.

Рыцари.

198.

Мир.

199.

Quem illa non attigit, vel potiùs quem non vexavit? Esto, populares homines, improbos, in remp. seditiosos, Cleonem, Cleophontem, Hyperbolum læsit: patiamur-Sed Periclem, cùm jam suæ civitati maximâ auctoritate plurimos annos domi et belli præfuisset, violari versibus, et eos agi in scenâ, non plùs decuit, quam si Plautus noster voluisset, aut Nævius, P. et Cn. Scipioni, aut Cæcilius M. Catoni maledicere. Ex fragm. Cic. de Rep. l. iv.-Trans.

200.

Aristophan. in Acharn.

201.

Eupolis, atque Cratinus, Aristophanesque poëtæ,
Atque alii, quorum comœdia prisca virorum est,
Si quis erat dignus describi, quòd malus, aut fur,
Quòd mœchus foret, aut sicarius, aut alioqui
Famosus; multâ cum libertate notabant.

Hor. Sat. iv. l. i.

С сатирической яростью Аристофана,
Когда древняя комедия веселила век,
Или остроумие Эвполиса или Кратина,
И других, что вселицензионные поэмы писали;
Ни один, достойный быть показанным, не избежал сцены,
Ни плут публичный, ни вор возвышенный;
Взрослый преступник был выведен на чистую воду;
Тайный убийца трепетно таился в ночи;
Порок играл сам с собой, и каждая честолюбивая искра;
Все смело отмечены знаком поэта.

-Перевод.

202.

Antiqua comœdia sinceram illam sermonis Attici gratiam propè sola retinet. Квинтилий.

203.

Nimium risûs pretium est, si probitatis impendio constat. Quintil. l. vi. c. 3.-Trans.

204.

Non pejus duxerim tardi ingenii esse, quàm mali. Quintil. l. i. c. 3.-Trans.

205.

Boileau, Art. Poet., chant. iii.

206.

Atque ille quidem omnibus ejusdem operis auctoribus abstulit nomen, et fulgore quodam suæ claritatis tenebras obduxit. Quintil. l. x. c. 1.-Trans.

207.

Quidam, sicut Menander, justiora posterorum quàm suæ ætatis, judicia sunt consecuti. Quintil. l. iii. c. 6.-Trans.

208.

Memoirs of the Acad. of Inscript. &c. vol i. p. 136, &c.

209.

Strab. l. ix. p. 395. Herod. l. viii. c. 65.

210.

Ὅρχεῖσθαι.

211.

Неизвестно, было ли это произведение написано до или после смерти Сократа.

212.

Plut. in Aristid. p. 320.

213.

Плут. в Philipœm. p. 362.

214.

Cic. in Orat. pro. Sext. n. 120, 123.

215.

O ingratifici Argivi, inanes Graii, immemores beneficij,
Exulare sivistis, sivistis pelli, pulsum patimini.

-Trans.

216.

Cic. ad Attic. l. ii. Epist. 19. Val. Max. l. vi. c. 2.

217.

Юстин, l. vi. c. 9.

218.

Plut. de glor. Athen. p. 349.

219.

Плут. Sympos. l. vii. quæst. vii. p. 719.

220.

Ἀμαρτάνουσιν Ἀθηναῖοι μεγάλα. τὴν σπουδὴν εἰς τὴν παιδίαν καταναλίσκοντες, τοῦτεστι μεγάλων ἀποστόλων δαπάνας καὶ στρατευμάτων ἐφύδια καταχορηγοῦντες εἰς τὸ θέατρον.-Trans.

221.

Quibus rebus effectum est, ut inter otia Græecorum, sordidum et obscurum antea Macedonum nomen emergeret; et Philippus, obses triennio Thebis habitus, Epaminondæ et Pelopidæ virtutibus eruditus, regnum Macedoniæ, Græciæ et Asiæ cervicibus, velut jugum servitutis, imponeret. Just. l. vi. c. 9.-Trans.

222.

Atheniensium res gestæ, sicuti ego existimo, satis amplæ magnificæque fuerunt verùm aliquanto minores tamen, quàm famâ feruntur. Sed quia provenire ibi scriptorum magna ingenia, per terrarum orbem Atheniensiam facta pro maximis celeorantur. Ita eorum, quæ fecere, virtus tanta habetur, quantum eam verbis potuere extollere præclara ingenia. Sallust. in Bell. Catilin.-Trans.

223.

In Cim. p. 479, 480.

224.

Ἑλλείμματα μᾶλλον ἀρετῆς τινος ἢ κακίας πόνηρεύματα.-Trans.

225.

Habet in picturâ speciem tota facies. Apelles tamen imaginem Antigoni latere tantùm altero ostendit, ut amissi oculi deformitas lateret. Quintil. l. ii. c. 13.-Trans.

226.

Exequi sententias haud institui, nisi insignes per honestum, aut notabili dedecore: quod præcipuum munus annalium reor, ne virtutes sileantur, utque pravis dictis factisque ex posteritate et infamiâ motus sit. Тацит. Annal. l. iii. c. 65.-Trans.

227.

Lib. vi. c. 52.

228.

Lib. viii. p. 365. Plut. in Lycurg. p. 40.

229.

Plut. in Lycurg. p. 40.

230.

Herod. l. i. c. 82.

231.

Pausan. l. iv. p. 216-242. Юстин, l. iii. c. 4.

232.

Pausan. l. iv. p. 225, 226.

233.

Ibid. l. iv. 227-234.

234.

Diod. l. xv. p. 378.

235.

Et regnata petam Laconi rura Phalanto. Hor. Od. vi. l. 2.-Trans.

236.

Pausan. l. iv. p. 234, 235. Diod. in Frag.

237.

Pausan. l. iv. p. 235, 241.

238.

Мемуары Академии надписей, т. ii. с. 84-113.-Перевод.

239.

Clem. Alex. in Protrep. p. 20. Euseb. in Præp. l. iv. c. 16.

240.

Pausan. l. iv. p. 241-242.

241.

Ibid. p. 242, 261. Юстин, l. iii. c. 5.

242.

Cùm per complures annos gravia servitutis verbera, plerumque ac vincula, cæteraque captivitatis mala perpassi essent, post longam pænarum patientiam bellum instaurant. Юстин, l. iii. c. 5.-Trans.

243.

По мнению нескольких историков, в первой Мессенской войне участвовал еще один Аристомен. Diod. l. xv. p. 378.-Trans.

244.

Plat. l. i. de Legib. p. 629. Plut. in Agid. et Cleom. p. 805.

245.

Tyrtæusque mares animos in martia bella
Versibus exacuit.

Hor. in Art. Poët.-Trans.

246.

Lib. v. p. 310.-Trans.

247.

Strab. l. xii. p. 534.

248.

Diod. l. xvi. p. 465. Юстин, l. viii. c. 6. Plut. in Pyrrho.

249.

Quanto doctior majoribus, tanto et gratiori populo fuit. Юстин, l. xvii. c. 3.-Trans.

250.

Юстин, l. xvi. c. 3-5. Diod. l. xv. p. 390.

251.

Heraclienses honestiorem beneficii, quàm ultionis occasionem rati, instructos commeatibus auxiliisque aimittunt; bene agrorum suorum populationem impensam existimantes, si, quos hostes habuerant, amicos reddidissent. Justin.-Trans.

252.

l. xvi. p. 435.

253.

Ibid. p. 478.

254.

Diod. l. xx. p. 833.

255.

Рассказывают, что при Амасисе в Египте было двадцать тысяч населенных городов. Herod 1. ii c. 177.-Trans.

256.

День пути равен двадцати четырем восточным, или тридцати трем английским милям с четвертью.- Перев.

257.

Страбон, 1 xvii. p. 787.

258.

Hom. Il. i. ver. 381.

259.

Strab. 1. xvii. p. 816.

260.

Тацит. Ann. 1. ii. c. 60.

261.

Путешествия Тевенота.

262.

Lib. xvii. p. 805.

263.

P. 816.

264.

Germanicus alus quoque miraculis intendit animum, quorum præcipua fuere Memnonis saxea effigies, ubi radiis solis icta est, vocalem sonum reddens, &c. Tacit Annal. 1. ii. c. 61.-Trans.

265.

Thevenot.

266.

L. xvii. p. 807.

267.

Diod. lib. i. p. 37.

268.

Следует раз и навсегда отметить, что египетский локоть, по мнению г-на Гривза, составлял 1 фут 9 дюймов и примерно 3/4 нашей меры -Транс.

269.

Plin. l. xxxvi. c. 8, 9.

270.

Plin. l. xxxvi. c. 9.

271.

Плоты - куски плоского дерева, сложенные вместе для перевозки грузов по рекам.

272.

Herod. l. ii c. 124 и др. Diod. l. i. p. 39-41. Plin. lib. xxxvi. c. 12.

273.

Около 200 000 фунтов стерлингов -Trans.

274.

Страбон упоминает усыпальницу, lib. xvii. p. 808.-Транс.

275.

Diod. lib. i. p. 40.

276.

Lib. xxxvi. c. 12.

277.

Herod. l. ii. c. 148. Diod. l. i. p. 42. Plin. l. xxxvi. c. 13. Strab. l. xvii. p. 811.

278.

Æneid, l. v. ver. 588, &c.

279.

l. vi. ver. 27, &c.

280.

Herod. l. ii. c. 140. Strab. l. xvii. p. 787. Diod. l. i p. 47. Plin. l. v. c. 9. Pomp. Mela, l. i.

281.

См. Herod. et Diod. Плиний почти согласен с ними.-Trans.

282.

Mela, l. i.

283.

Восемьдесят пять стадий.-Транс.

284.

11 250 фунтов стерлингов.-Транс.

285.

Сенека (Nat. Quæst. l. iv. c. 2.) приписывает эти стихи Овидию, но они принадлежат Тибуллу.-Trans.

286.

Excipiunt eum (Nilum) cataractæ, nobilis insigni spectaculo locus.-Illic excitatis primùm aquis, quas sine tumultu leni alveo duxerat, violentus et toriens per malignos transitus prosilit, dissimilis sibi-tandemque eluctatus obstantia, in vastam altitudinem subito destitutus cadit, cum ingenti circumjacentium regionum strepitu; quem perferre gens ibi à Persis collocata non potuit, obtusis

assiduo fragore auribus, et ob hoc sedibus ad quietiora translatis. Inter miracula fluminis incredibilem incolarum audaciam accepi. Bini parvula navigia conscendunt, quorum alter navem regit, alter exhaurit. Deinde multum inter rapidam insaniam Nili et reciprocos fluctus volutati, tandem tenuissimos canales tenent, per quos angusta rupium effugiunt: et cum toto flumine effusi navigium ruens manu temperant, magnoque spectantium metu in caput nixi, cum jam adploraveris, mersosque atque obrutos tantâ mole credideris, longè ab eo in quem ceciderant loco navigant, tormenti modo missi. Nec mergit cadens unda, sed planis aquis tradit. Senec. Nat. Quæst. l. iv. c. 2.-Trans.

287.

Herod. l. ii. c. 19-27. Diod. l. i. p. 35-39. Senec. Nat. Quæst. l. iv. 1 & 2.

288.

Lib. xvii. p. 789.

289.

Herod. l. ii. c. 19. Diod. l. i. p. 32.

290.

Justum incrementum est cubitorum xvi. Minores aquæ non omnia rigant: ampliores detinent tardius recedendo. Hæ serendi tempora absumunt solo madente: illæ non dant sitiente. Utrumque reputat provincia. In duodecim cubitis famem sentit, in tredecim etiamnum esurit: quatuordecim cubita hilaritatem afferunt, quindecim securitatem, sexdecim delicias. Plin. l. v. c. 9.-Trans.

291.

Jul. Epist. 50.

292.

Diod. l. i. p. 33.

293.

Lib. xvii. p. 817.

294.

Сократ. l. i. c. 18. Sozom. l. v. c. 3.

295.

Lib. i. p. 30. & lib. v. p. 313.

296.

Cum cæteri amnes abluant terras et eviscerent; Nilus adeò nihil exedit nec abradit, ut contrà adjiciat vires.-Ita juvat agros duabus ex causis, et quòd inundat, et quòd oblimat. Senec. Nat. Quæst. l. iv. c. 2.-Trans.

297.

Vol. ii.

298.

Multiformis sapientia. Εφ. iii. 10.

299.

Βρομ. xi. 10-13.

300.

Illa facies pulcherrima est, cùm jam se in agros Nilus ingessit. Latent campi, opertæque sunt valles: oppida insularum modo extant. Nullum in mediterraneis, nisi per navigia, commercium est: majorque est lætitia in gentibus, quo minus terrarum suarum vident. Senec. Nat. Quæst. l. iv. c. 2.-Trans.

301.

Herod. l. ii. c. 158. Strab. l. xvii. p. 804. Plin l. vi. c. 29. Diod. l. i p. 29.

302.

Plutar. de Isid. p. 354.

303.

Strab. l. xvii. p. 805. Herod l. ii. c. 73. Plin. l. x. c. 2. Тацит. Ann. l. vi. c. 28.

304.

Sat. vi.

305.

Vir bonus tam citò nec fieri potest, nec intelligi-tanquam Phœnix, semel anno quingentesimo nascitur. Ep. 40.-Trans.

306.

Od. iii. l. iv.

307.

Strab. l. xvii. p. 805.

308.

Или Myos Hormos.-Trans.

309.

Strab. l. xvi. p. 781.

310.

2 Sam. viii. 14.

311.

1 Kings ix. 26.

312.

За одно плавание он получил 450 талантов золота, 2 Chron. viii. 18, что составляет три миллиона двести сорок тысяч фунтов стерлингов. Prid. Connect., vol. i. ad ann. 740, not.-Trans.

313.

Strab. l. xvi. p. 481.

314.

Часть I. i. p. 9.

315.

Strab. l. xvii. p. 791. Plin. l. xxxvi. c. 12.

316.

Восемьсот тысяч крон, или 180 000 фунтов стерлингов.

317.

Magno animo Ptolemæi regis, quòd in eà permiserit Sostrati Cnidii architecti structuræ nomen inscribi. Plin.-Trans.

318.

De scribend. Hist. p. 706.

319.

Ne Alexandrinis quidem permittenda deliciis. Quintil.-Trans.

320.

Квартал или отдел города Александрии.-Транс.

321.

Plut. in Cæs. p. 731. Сенека, de Tranquill. Amm. с. 9.

322.

Деяния vii. 22.

323.

Diod. l. i. p. 63, &c.

324.

De Isid. et Osir. p. 354.

325.

Plat. in Tim. p. 656.

326.

Diod. l. i. p. 70.

327.

Pag. 69.

328.

Там же.

329.

Там же.

330.

Там же.

331.

Ирод. л. ii. с. 136

332.

По этому закону вся усыпальница должника переходила во власть кредитора, который переносил тело отца в свой дом: должник, отказывавшийся исполнить свое обязательство, лишался права погребения как в усыпальнице отца, так и в любой другой; и пока он жил, ему

не разрешалось хоронить никого из его потомков. Μηδὲ αὐτῷ ἐκείνῳ τελευτήσαντι εἶναι ταφῆς κυρῆσαι-μήτ' ἄλλον μηδένα τὸν ἑαυτοῦ ἀπὸ γενόμενον θάψαι. Herod.-Trans.

333.

Diod. l. i. p. 71.

334.

Ibid. p. 72.

335.

Diod. l. i. p. 22.

336.

Herod. l. ii. c. 20.

337.

Быт. xlvii. 26.

338.

Ирод. л. ii. с. 60.

339.

Ibid. с. 39.

340.

Diod. l. i. p. 88.

341.

Plut. de Isid. et Osir. p. 354.

342.

Plut. Sympos. l. iv. p. 670

343.

Id. de Isid. p. 355.

344.

Или египетский аист.

345.

De Nat. Deor. l. i. n. 82. Tusc. Quæst. l. v. n. 78.

346.

Herod. l. ii. c. 65.

347.

Diod. l. i. p. 74. 75.

348.

Herod. l. iii. c. 27, &c. Diod. l. i. p. 76. Plin. l. viii. c. 46.

349.

Плиний утверждает, что ему не разрешалось превышать определенный срок лет, и он был утоплен в колодце жрецов. Non est fas eum certos vitæ excedere annos, mersumque in sacerdotum fonte enecant. Nat. Hist. l. viii. c. 46.-Trans.

350.

Выше 11 250 л. стерлингов.-Транс.

351.

Quis nescit, Volusi Bithynice, qualia demens
Ægyptus portenta colat? Crocodilon adorat
Pars hæc: illa pavet saturam serpentibus Ibin.
Effigies sacri nitet aurea Cercopithecî,
Dimidio magicæ resonant ubi Memnone chordæ,
Atque vetus Thebe centum jacet obruta portis.
Illic cœruleos, hic piscem fluminis, illic
Oppida tota canem venerantur, nemo Dianam.
Porrum et cœpe nefas violare, ac frangere morsu.
O sanctas gentes, quibus hæc nascuntur in hortis
Numina!

Ювен. Sat. xv.-Trans.

352.

Диодор утверждает, что в его время расходы составили не менее ста тысяч крон, или 22 500 фунтов стерлингов. Lib. i. p. 76.-Trans.

353.

Imag.

354.

Diod. l. i. p. 77 и т. д.

355.

Ipsi qui irridentur Ægyptii, nullam belluam nisi ob aliquam utilitatem, quam ex eâ caperent, consecraverunt. Cic. lib. i. De Nat. Deor. n. 101.-Trans.

356.

Который, по словам Геродота, превышает 17 локтей в длину: l. ii. c. 68.-Trans.

357.

P. 382.

358.

P. 377 и 378.

359.

Рим. i. ver. 22, 25.

360.

Том. v. стр. 25, 26.

361.

Ирод. л. ii. c. 85 и т. д.

362.

Около 137л. 10s. sterling.-Trans.

363.

Diod. l. i. p. 81.

364.

Двенадцать арур. Египетская арура составляла 10 000 квадратных локтей, что равнялось трем рудам, двум пергам, 55-1/4 квадратным футам нашей меры.-Транс.

365.

По-гречески οἶνου τέσσαρες ἀρουστῆρες означает определенное количество вина или любой другой жидкости: другие, учитывая этимологию слова ἀρουστῆρ, перевели его haustum, ведро, как Лукреций, lib. v. 51, третьи - haustus, сквозняк или порция. Геродот говорит, что это пособие выдавалось только двум тысячам стражников, которые ежегодно присутствовали при царях. Lib. ii. c. 168.-Trans.

366.

Lib. i. p. 67.

367.

Herod. l. ii. c. 164, 168.

368.

Cant. i. 8. Isa. xxxvi. 9.

369.

Diod. p. 76.

370.

Ψυχῆς ἰατρεῖον.-Транс.

371.

Не покажется удивительным, что египтяне, которые были самыми древними наблюдателями небесных движений, должны были прийти к этому знанию, если учесть, что лунный год, используемый греками и римлянами, хотя он кажется таким неудобным и нерегулярным, все же предполагал знание солнечного года, такое, какое Диодор Сикулус приписывает египтянам. При вычислении интеркаляций с первого взгляда становится ясно, что те, кто впервые разделил год таким образом, не были невежественны, что к тремстам шестидесяти пяти дням нужно было добавить несколько часов, чтобы идти в ногу с солнцем. Их единственная ошибка заключалась в предположении, что не хватало всего шести часов, тогда как требовалось добавить еще почти одиннадцать минут.-Trans.

372.

Lib. ii. c. 84.

373.

Diod. l. i. p. 73.

374.

Τὴν δὲ μουσικὴν νομίζουεῖν οὐ μόνον ἄχρηστον ὑπάρχειν, ἀλλὰ καὶ βλαβερὰν, ὥς αἱ ἐκθηλύνουσιν τὰς τῶν ἀνδρῶν ψυχάς.-Trans.

375.

Diod. l. i. pp. 67, 68.

376.

Или Ham.-Trans.

377.

Diod. l. i. p. 67.

378.

Tom. ii. p. 64.

379.

Lib. x. c. 54.

380.

Свинопасы, в частности, пользовались дурной славой во всем Египте, поскольку они ухаживали за столь нечистыми животными. Геродот (l. ii. c. 47.) рассказывает, что им не разрешалось входить в египетские храмы, и ни один мужчина не отдавал им свою дочь в жены -Транс.

381.

Ксифилин. в Apophthegm. Tib. Cæs. Κείρεσθαί μου τὰ πρόβατα, ἀλλ' οὐκ ἀπαξύρεσθαι βούλομαι.

382.

Plin. l. xiii. c. 11.

383.

Папирус был разделен на тонкие чешуйки (на которые он естественно распадался), которые были разложены на столе и смочены клейкими водами Нила, после чего спрессованы и высушены на солнце.-Trans.

384.

Postea promiscuè patuit usus rei, quâ cons ... immortalitas hominum.-Chartæ ... maxime humanitas constat in memoriâ.-Trans.

385.

Plin. l. xix. c. 1.

386.

Isa. xiv. 9.

387.

Exod. ix. 31.

388.

Plin. lib. xix. c. 1.

389.

Proximus Byssino mulierum maximè deliciis genito: inventum jam est etiam [scilicet Linum] quod ignibus non absumetur, vivum id vocant, ardentisque in focis conviviorum ex eo vidimus mappas, sordibus exustis splendescentes igni magis, quàm possent aquis: i.e. Теперь обнаружен лен, который устойчив против насилия огня; он называется живым льном; и мы видели салфетки из него, светящиеся в огне наших столовых, и получающие блеск и чистоту от пламени, которые не могла бы дать никакая вода.-Транс.

390.

Иезек. xxvii. 7.

391.

Των δ οστις λωτοιο φαγοι μελιηδεα καρπον,
Ουκ ετ απαγγελιαι παλιν ηθελεν, ουδε νεεσθαι.
Μη πω τις λωτοιο φαγων, νοστοιο λαθηται.

Odyss. ix. ver. 94, 95, 102.

-Транс.

392.

Ægyptus frugum quidem fertilissima, sed ut propè sola iis carere possit, tanta est ciborum ex herbis abundantia. Plin. l. xxi. c. 15.-Trans.

393.

Numb. xi. 4, 5.

394.

Исход. xvi. 3.

395.

Inundatione, id est, ubertate regio fraudata, sic opem Cæsaris invocavit, ut solet amnem suum.-Trans.

396.

Percrebuerat antiquitùs urbem nostram nisi opibus Ægypti ali sustentarique non posse. Superbiebat ventosa et insolens natio, quòd victorem quidem populum pasceret tamen, quòdque in suo flumine, in suis manibus, vel abundantia nostra vel fames esset. Refudimus Nilo suas copias. Recepit frumenta quæ miserat, deportatasque messes revexit.-Trans.

397.

Nilus Ægypto quidem sæpe. sed gloriæ nostræ nuaquam largior fluxit.-Trans.

398.

Иезек. xxix. 3, 9.

399.

Быт. xii. 10-26.

400.

Diod. l. i. p. 41.

401.

Историк из Киринеи.

402.

Каноническая хроника сэра Джона Маршама. Отец Пезрон; Диссертации Ф. Турнемина, аббата Севина и т. д.-Транс.

403.

Или Хэм.

404.

Или Куш, Быт. х. 6.

405.

Следы его старого названия (Месраим) до сих пор сохранились у аравийцев, которые называют его Месре; по свидетельству Плутарха, он назывался χημία, Хемия, путем легкого превращения Чамии, а это означает Чам или Хам -Транс.

406.

Herod. l. ii. p. 99. Diod. l. i. p. 42.

407.

Diod. l. i. pp. 44, 45.

408.

Три тысячи двести мириад Минæ.

409.

См. "Хронологию" сэра Исаака Ньютона, с. 30.

410.

Diod. p. 46.

411.

Быт. xii. 10-20.

412.

Lib. xxxvi. c. 2.

413.

Юстин приписывает этот дар небес мастерству Иосифа в магических искусствах: *Cum magicas ibi artes (Egypto) solerti ingenio percepisset, &c.-Trans.*

414.

Исход. i. 8.

415.

Heb. *urbes thesaurorum*. LXX. *urbes munitas*. Эти города были назначены для хранения, как в хранилище, кукурузы, масла и других продуктов Египта. *Vatab.-Trans.*

416.

Исход. i. 11, 13, 14.

417.

Это имя имеет большое сходство с именем Фараон, которое было обычным для египетских царей.-Транс.

418.

Lib. iii. p. 74.

419.

Herod. l. ii. c. 102, 110. Diod. l. i. pp. 48, 54.

420.

Τὰ νοήματα ἐκμενσώθηναι, lib. xii. c. 4.

421.

2 Chron. viii. 9. Но из сынов Израилевых Соломон не сделал себе слуг для работы.

422.

150 стадий, около 18 миль по-английски.-Транс.

423.

Тацит. Ann. l. ii. c. 60.

424.

Legebantur indicta gentibus tributa-haud minùs magnifica quàm nunc vi Parthorum aut potentiâ Romanâ jubentur - На столбах были начертаны дани, налагаемые на побежденные народы, которые не уступали тем, что ныне выплачиваются парфянской и римской державам.-Trans.

425.

Читатель может ознакомиться по этому вопросу с двумя научными диссертациями аббата Ренодо, помещенными во втором томе "Истории Академии надписей" -Транс.

426.

Шестнадцать букв, привезенных Кадмом в Грецию, - это α, β, γ, δ, ε, ι, κ, λ, μ, ν, ο, π, ρ, σ, τ, υ. Паламед при осаде Трои, т. е. на двести пятьдесят лет позже Кадма, добавил четыре следующих: ξ, θ, φ, χ; а Симонид, спустя много времени, придумал четыре других, а именно: η, ω, ζ, ψ.-Trans.

427.

Herod. l. ii. c. 111. Diod. l. i. p. 54.

428.

Я не считаю себя обязанным вступать здесь в дискуссию, которая была бы сопряжена с очень сложными трудностями, если бы я попытался примирить серию или преемственность царей, приведенную Геродотом, с мнением архиепископа Ашера. Этот последний полагает, вместе со многими другими учеными людьми, что Сесострис - сын того египетского царя, который утонул в Красном море, чье правление, следовательно, должно было начаться в год мира 2513, и продолжаться до года 2547, так как оно длилось тридцать три года. Если допустить пятьдесят лет правления сына Ферона, то между Фероном и Протеем, который, согласно Геродоту, был непосредственным преемником первого, останется интервал более двухсот лет, поскольку Протей жил во время осады Трои, которая, по словам Ашера, была взята An. Mun. 2820. Я не знаю, было ли его почти полное молчание о египетских царях после Сесостриса вызвано его ощущением этой трудности. Я предполагаю, что между Фероном и Протеем был большой промежуток времени; соответственно, Диодор (lib. i. p. liv.) заполняет его большим количеством царей; то же самое следует сказать и о некоторых следующих царях.-Trans.

429.

Ирод. l. ii. c. 112, 120.

430.

Ὡς τῶν μεγάλων ἀδικημάτων μεγάλαι εἰσὶ καὶ αἱ τιμωρίαι παρὰ τῶν Θεῶν.-Trans.

431.

L. ii. c. 121, 123.

432.

Ирод. l. ii. c. 124, 128. Diod. l. i. p. 57.

433.

Herod. l. ii. p. 139. 140. Diod. p. 58.

434.

Herod. l. ii. c. 136.

435.

Остальная часть надписи, как мы находим ее у Геродота, состоит в том, что люди, опустив длинные шесты на дно озера, вытащили кирпичи (πλίνθος εἵρυσαν) из грязи, которая к ним прилипла, и придали мне такую форму.-Транс.

436.

1 Царств iii. 1.

437.

1 Царств xi. 40. и xii.

438.

2 Хрон. xii. 1-9.

439.

В английской версии Библии говорится: The Lubims, the Sukkiims, and the Ethiopians.-Trans.

440.

Или: из царств земных.- Перев.

441.

2 Chron. xiv. 9-13.

442.

Herod. l. ii. c. 137. Diod, l. i. p. 59.

443.

2 Kings xvii. 4.

444.

Ἐς ἐμέ τις ὀρέων. εὐσεβης ἔστω-Trans.

445.

Гл. xvii.

446.

Вульгата называет этот город Александрией, которой еврейский язык дал имя Но-Амон, потому что Александрия была построена на месте, где она стояла. Дин Прайдо, вслед за Бохартом, считает, что это были Фивы, называвшиеся Диосполисом. Действительно, египетский Амон тождественен Юпитеру. Но Фивы - это не то место, где впоследствии была построена Александрия. Возможно, там был другой город, который также назывался Но-Амон.-Trans.

447.

Нахум iii. 8, 10.

448.

Ирод. л. ii. с. 142.

449.

Afric. apud Syncel. p. 74. Diod l. i. p. 59.

450.

Herod. l. ii. с. 147, 152.

451.

Он был одним из двенадцати.

452.

Ирод. л. ii. с. 153, 154.

453.

Этот переворот произошел примерно через семь лет после пленения Манассии, царя Иудеи.- Перев.

454.

Lib. i. p. 61.

455.

Herod. l. ii. с. 157.

456.

Isa. xx. 1.

457.

Ирод. л. i. с. 105.

458.

Ирод. л. ii. с. 2, 3.

459.

В английской версии Писания он называется Нехо.

460.

Ирод. л. ii. с. 158.

461.

Если учесть, что на каждый стадион приходится 625 футов (или 125 геометрических шагов), то расстояние составит 118 английских миль, что чуть больше трети мили. Геродот говорит, что этот проект был впоследствии приведен в исполнение Дарием Персидским, b. ii. с. 158.- Trans.

462.

Herod. l. iv. с. 42.

463.

Иосиф. Antiq. l. x. с. 6. 2 Царств, xxiii. 29, 30. 2 Chron. xxxv. 20-25.

464.

2 Царств, xxiii. 33, 35. 2 Chron. xxxvi. 1, 4.

465.

Еврейский серебряный талант, по мнению д-ра Камберленда, эквивалентен 353 л. 11s. 10-1/2d. Таким образом, 100 талантов в английских деньгах составляют 35 359 фунтов стерлингов 7s. 6d. Золотой талант, согласно тому же источнику, составляет 5075 л. 15s. 7-1/2d., таким образом, сумма всей дани составила 40 435l. 3s. 1-1/2d.-Trans.

466.

Lib. ii c. 159.

467.

Megiddo.-Trans.

468.

С тех пор как Соломон своим храмом сделал Иерусалим общим местом поклонения для всего Израиля, он отличался от остальных городов эпитетом *Святой* и в Ветхом Завете назывался Эр Хаккодеш, то есть город святости, или святой город. Это название он носил на монетах, а на шекеле была надпись Jerusalem Kedusha, то есть Иерусалим святой. В конце концов Иерусалим для краткости был опущен, и осталась только Кедуша. Во времена Геродота преобладал сирийский язык, и Кедуша, путем изменения в этом диалекте ш на т, стала Кедутой; а Геродот придал ей греческое окончание, и она стала писаться Κάδουτις или Кадитис. Prideaux's Connection of the Old and New Testament, ol. i. part i. p. 80, 81. 8vo. Edit.-Trans.

469.

Иер. xlv. 2.

470.

2 Царств, xxiv. 7.

471.

A rivo Ægypti.

472.

Эта маленькая египетская речка, так часто упоминаемая в Писании как граница Палестины с Египтом, была не Нилом, а небольшой речкой, которая, протекая по пустыне, лежащей между этими двумя народами, была в древности общей границей обоих. Так простиралась земля, обещанная потомкам Авраама и разделенная между ними по жребию. Быт. xv. 18. Иис. xv. 4.-Trans.

473.

Ирод. л. ii. c. 160.

474.

Herod. c. 160.

475.

Иер. xlv. 30.

476.

Herod. l. ii. c. 161. Diod. l. i. p. 62.

477.

Ezek. xxix. 3.

478.

Иезек. xvii. 15.

479.

Иса. xxxi. 1, 3.

480.

Иезек. xxix. 2, 3, 4.

481.

Иезек. xxix. 8, 9.

482.

Гл. xxix. xxx. xxxi. xxxii.

483.

Иер. xxxvii. 6, 7.

484.

Ирод. л. ii. с. 161 и др. Diod. l. i. p. 62.

485.

Лысина на головах вавилонян была вызвана давлением их шлемов, а обгоревшие плечи - тем, что они носили корзины с землей и большие куски дерева, чтобы соединить Тир с континентом. Лысина сама по себе была знаком рабства, а в сочетании с облупленными плечами показывает, что армия завоевателя выполняла даже самые подневольные работы во время этой памятной осады.-Транс.

486.

Для лучшего понимания этого отрывка нам следует знать, что Навуходоносор перенес невероятные лишения при осаде Тира; и что когда тирийцы увидели, что их вплотную атакуют, вельможи погрузили себя и свое богатейшее имущество на корабли и удалились на другие острова. Поэтому, когда Навуходоносор взял город, ему нечем было возместить труды, понесенные во время осады. S. Jerom.-Trans.

487.

Гл. xxix. 18, 19, 20.

488.

Иерем. xliii. 12.

489.

Herod. l. ii. с. 163, 169. Diod. l. i. p. 62.

490.

Ezek. xxx. 22.

491.

Иезек. xxx. 24.

492.

Иезек. xxx. 25.

493.

Вер. 14, 17.

494.

Я привел названия этих городов в том виде, в каком они даны в нашей английской версии. На полях напечатано: против Зоана - Танис; против Сина - Пелузиум; против Авена - Гелиополис; против Фибесета - Пубастум (Бубастус); под этими названиями они упоминаются в оригинальном французском переводе М. Роллина.

495.

Иерем. xlv. 30.

496.

Иезек. xxx. 13

497.

Иерем. гл. xliii. xlv.

498.

В Тим.

499.

Ирод. л. ii. с. 172.

500.

Ирод. л. ii. с. 73.

501.

Локоть равен одному футу и почти десяти дюймам. См. выше.

502.

Или, 58 125 л. стерлингов.

503.

Ἐπῆρξε δὲ καὶ Ἑλλήνων τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ, καταβὰς δὲ ἐπὶ Θάλατταν, καὶ Κυπρίῳ καὶ Αἰγυπτίῳ, p. 5. edit. Hutchinsoni.-Trans.

504.

Бохарт, часть II. л. ii. с. 16.

505.

Первая сцена пятого акта, переведенная на латынь Пети во второй книге его "Рассуждений".

506.

Ирод. l. iii. с. 17-19.

507.

Polyb. 944. Q. Curt. l. iv. с. 2, 3.

508.

Liv. l. xxi. n. 1. Ibid. n. 21.

509.

Liv. l. xxiii. n. 1.

510.

Lib. vii. p. 502.

511.

Apolog. c. 23.

512.

В Псалме xcvi.

513.

Иер. vii. 18. и xlv. 17-25.

514.

Plut. de Superstit. p. 171.

515.

Παρειστήκει δὲ ἡ μήτηρ ἄτευκτος καὶ ἀστένακτος, и т. д. Жестокая и безжалостная мать стояла в стороне, как безучастный зритель; стон или слеза, упавшая с ее лица, "были бы наказаны штрафом", и все равно ребенок должен был быть принесен в жертву. Plut. de Superstitione.-Trans.

516.

Tertul. in Apolog.

517.

Minut. Felix.

518.

Q. Curt. l. iv. c. 5.

519.

Из "Апологии" Тертуллиана следует, что этот варварский обычай преобладал в Африке еще долго после разрушения Карфагена. Infantes penès Africam Saturno immolabantur palàm usque ad proconsulatum Tiberii, qui eosdem sacerdotes in eisdem arboribus templi sui obumbratricibus scelerum votivis crucibus exposuit, teste militiâ patriæ nostræ, quæ id ipsum munus illi proconsuli functa est, i.e. Детей публично приносили в жертву Сатурну вплоть до проконсульства Тиберия, который вешал жрецов, приносивших жертвы, на деревьях, заслонявших их храм, как на многочисленных крестах, поднятых для искупления их преступлений, свидетелями чего являются ополченцы нашей страны, которые были исполнителями этой казни по приказу этого проконсула. Тертул. Apolog. c. 9. Два ученых человека расходятся во мнениях относительно проконсула и времени его правления. Салмасий признается в своем незнании того и другого, но отвергает авторитет Скалигера, который вместо proconsulatum читает proconsulem Tiberii, и считает, что Тертуллиан, когда писал свою Апологию, забыл его имя. Как бы то ни было, несомненно, что память об инциденте, о котором рассказывает Тертуллиан, была тогда недавней, и, вероятно, свидетели его не так давно умерли.-Trans.

520.

Plut. de serâ vindic. deorum, p. 552.

521.

Herod. l. vii. c. 167.

522.

In ipsos quos adolebat sese præcipitavit ignes, ut eos vel cruore suo extingueret, quos sibi nihil profuisse cognoverat. S. Amb.-Trans.

523.

Cûm peste laborarent, cruentâ sacrorum religione et scelere pro remedio usi sunt. Quippe homines ut victimas immolabant, et impuberes (quæ æ ætas etiam hostium misericordiam provocat) aris admovebant, pacem deorum sanguine eorum exposcentes, pro quorum vitâ dii maximè rogari solent. Юстин, l. xviii. c. 6. Галлы, как и германцы, приносили в жертву мужчин, если верить Дионисию и Тациту.

524.

Lib. xx. p. 756.

525.

De Superstitione, p. 169-171.

526.

Idem. in Camill. p. 132.

527.

De Superstitione.

528.

De Rep. l. ii. c. 11.

529.

Она озаглавлена: Carthago, sive Carthaginensium Respublica, &c. Francofurti ad Oderam, ann. 1664.-Trans.

530.

Polyb. l. iv. p. 493.

531.

Это имя происходит от слова, которое у евреев и финикийцев означает судьи. Шофетим.- Перев.

532.

Ut Romæ consules, sic Carthagine quotannis annui bini reges creabantur. Corn Nep. in vitâ Annibalis, c. 7. Великий Ганнибал был одним из суффетов.

533.

Senatum itaque Suffetes, quod velut consulare imperium apud eos erat, voca verunt. Liv. l. xxx. n. 7.-Trans.

534.

Cum Suffetes ad jus dicendum consedisent. Id. l. xxxiv. n. 62.-Trans.

535.

Lib. xxxiii. n. 46, 47.

536.

Arist. loc. cit.

537.

Lib. xv. p. 706, 707.

538.

Polyb. l. vi. p. 494

539.

Lib. ix. c. 2.

540.

Justin l. xix.

541.

Lib. x. p. 824 edit Gionov.

542.

Lib. xxvi. n. 51. Lib xxx. n. 16.

543.

М. Роллин мог бы обратить внимание на некоторых гражданских чиновников, которые были учреждены в Карфагене с полномочиями, подобными цензорам Рима, чтобы проверять нравы граждан. Главный из этих чиновников забрал у Гамилькара, отца Ганнибала, красивого юношу по имени Асдрубал, доложив, что Гамилькар был более знаком с этим юношей, чем это соответствует скромности. *Erat prætereà cum eo [Amilcare] adolescens illustiis et formosus Hasdrubal, quem nonnulli diligi turpiùs quàm par erat, ab Amilcare, loquebantur.*-Quo factum est ut à præfecto morum Hasdrubal cum eo vetaretur esse. Corn. Nep. in vitâ Amalcaris.-Trans.

544.

Παρὰ Καρχηδονίοις οὐδὲν αἰσχρὸν τῶν ἀνηκόντων πρὸς κέρδας. Polyb. l. vi. p. 497.-Trans.

545.

Lib. iv. p. 312 и др.

546.

Diod. l. iv. p. 312, &c.

547.

Lib. iii. p. 147

548.

25 000 драхм. Аттическая драхма, по мнению д-ра Бернарда, равна 8-1/4 д. Английские деньги, следовательно, 25 000=859l. 7s. 6d.-Trans.

549.

Как Сифакс и Масинисса.

550.

Король Массилийцев в Африке.

551.

Непос, in vitâ Annibalis.

552.

Cic. l. i. De Orat. n. 249. Plin. l. xviii. c. 3.

553.

Эти книги были написаны Маго на пуническом языке и переведены на греческий Кассием Дионисием из Утики, с чьей версии, как мы можем предположить, и был сделан латинский перевод.-Trans.

554.

Voss. de Hist. Gr. l. iv.

555.

Plut. de fort. Alex. p. 328. Diog. Laërt. in Clitom.

556.

Clitomachus, homo et acutus ut Pœnus et valdè studiosus ac diligens. Academ. Quæst. l. iv. n. 98.-Trans.

557.

Tusc. Quæst. l. lii. n. 54.

558.

Suet. in vit. Terent.

559.

Factum senatûs consultum ne quis postea Carthaginensis aut literis Græcis aut sermoni studeret; ne aut loqui cum hoste, aut scribere sine interprete posset. Юстин, l. xx. c. 5. Юстин объясняет причину этого закона изменнической перепиской между неким Суниатом, могущественным карфагенянином, и Дионисием, тираном Сицилии; первый в письмах на греческом языке (которые впоследствии попали в руки карфагенян) сообщил тирану о войне, затеянной против него его страной, из ненависти к полководцу Ганно, которому он был врагом -Trans.

560.

Quàm volumus licèt ipsi nos amemus, tamen nec numero Hispanos, nec robore Gallos, nec calliditate Pœnes, &c. sed pietate ac religione, &c. omnes gentes nationesque superavimus. De Arusp. Resp. n. 19.-Trans.

561.

Carthaginenses fraudulentum et mendaces-multis et variis mercatorum advenarumque sermonibus ad studium fallendi quæstûs cupiditate vocabantur. Cic. Orat. ii. in Rull. n. 94.-Trans.

562.

Magistratus senatum vocare, populus in curiæ vestibulo fremere, ne tanta ex oculis manibusque amitteretur præda. Consensus est ut, &c. Liv. l. xxx. n. 24.-Trans.

563.

Один горец пообещал жителям Карфагена открыть им их самые тайные мысли, если они придут в назначенный день, чтобы выслушать его. Когда все собрались, он сказал им, что они желают покупать дешево и продавать дорого. Совесть каждого признала свою вину в этом обвинении, и конюх был удален под аплодисменты и смех. *Vili vultis emere, et carè vendere; in quo dicto levissimi scenici omnes tamen conscientias invenerunt suas, eique vera et tamen improvisa dicenti admirabili favore plauserunt.* S. August. l. xiii. de Trinit. c. 3.-Trans.

564.

Plut. de gen. Rep. p. 799.

565.

Lib. xxii. n. 61.

566.

Utica et Carthago, ambæ inclytæ, ambæ à Phoenicibus conditæ; illa fato Catonis insignis, hæc suo. Помпон. Mel. c. 67. Утика и Карфаген, оба знаменитые, оба построенные финикийцами; первый прославлен судьбой Катона, последний - своей собственной.-Trans.

567.

Наш соотечественник Хауэл пытается примирить три различных рассказа об основании Карфагена следующим образом. Он говорит, что город состоял из трех частей: Котона, или порта и прилегающих к нему зданий, которые, по его мнению, были построены первыми; Мегары, построенной следом, и в связи с Котоном называемой Новым городом, или Карфадой; и Бирсы, или цитадели, построенной последней из всех, и, вероятно, Дидоной.

Котон, по мнению Аппиана, был построен за пятьдесят лет до взятия Трои; Мегара, по мнению Евсевия, была построена через сто девяносто четыре года; Бирса, по мнению Менандра (цитируется Иосифом), была построена через сто шестьдесят шесть лет после Мегары.-Trans.

568.

Liv. Epit. l. ii.

569.

Юстин, l. xviii. c. 4-6. App. de bello Pun. p. 1. Strab. l. xvii. p. 832. Paterc. l. i. c. 6.

570.

120 Stadia. Strab. l. xiv. p. 687.-Trans.

571.

Некоторые авторы утверждают, что Дидона обманула туземцев, желая купить у них для своего поселения лишь столько земли, сколько занимала бычья шкура. Просьбу сочли слишком умеренной, чтобы отказать ей. Тогда она разрежала шкуру на мельчайшие нити и с их помощью обнесла большой участок земли, на котором построила цитадель под названием Бырса. Но эта история о шкуре обычно опровергается учеными; они отмечают, что еврейское слово *Bosra*, означающее укрепление, дало начало греческому слову *Byrsa*, которое является названием цитадели Карфагена.-Trans.

572.

Картха Хадат или Хадта.- Перев.

573.

Effodêre loco signum, quod regia Juno
 Monstrârat, caput acris equi; nam sic fore bello
 Egregiam, et facilem victu per secula gentem.

Virg. Æn. l. i. ver. 447.

Тирийцы высадились возле этой святой земли,
 И раскопав здесь землю, нашли благое знамение:
 Из-под земли они извлекли голову коня,
 Чтобы предречь их рост и будущую судьбу:
 Этот судьбоносный знак дала их основательница Юнона,
 О земле плодородной и народе храбром.

Dryden.-Trans.

574.

История, более подробно изложенная у Юстина (l. xviii. c. 6.) такова: Иарбас, царь мавританцев, послав за десятью главными карфагенянами, потребовал Дидону в жены, угрожая объявить ей войну в случае отказа: Послы, побоявшись передать послание Иарбаса, сказали ей (с пунийской честностью), "что он хочет, чтобы ему прислали человека, способного цивилизовать и облагородить себя и своих африканцев; но что нет никакой возможности найти карфагенянина, который был бы готов оставить свои родные места и родню ради общения с варварами, которые были так же дики, как самые дикие звери." Тут царица с негодованием прервала их и спросила, "не стыдно ли им отказываться от жизни, которая может быть полезной для их страны, которой они обязаны даже своей жизнью?" Затем они передали послание царя и предложили ей "взять с них пример и пожертвовать собой ради благополучия своей страны". Дидо, попав в ловушку, со слезами и причитаниями призвала Сихея и ответила, что "пойдет туда, куда позовет ее судьба ее города". По истечении трех месяцев она взшла на роковую сваю и при последнем вздохе сказала зрителям, что идет к своему мужу, как они ей приказали.-Транс.

575.

Юстин, l. xix. c. 1.

576.

Юстин, l. xix. c. 2.

577.

Afri compulsi stipendium urbis conditæ Carthageniensibus remittere. Justin, l. xix. c 2.-Trans.

578.

Sallust. de bello Jugurth. n. 77. Valer. Max. l. v. c. 6.

579.

Эти алтари не стояли во времена Страбона. Некоторые географы считают Аркадию городом, который в древности назывался Philænorum Aræ; другие полагают, что это была Наина или Таин, расположенная немного западнее Аркадии, в заливе Сидра.-Trans.

580.

Strab. l. v. p. 224. Diod. l. v. p. 296.

581.

Liv. l. xxviii. n. 37.

582.

Diod. l. v. p. 298. и l. xix. p. 742. Liv. loco citato.

583.

Liquescit excussa glans fundâ, et attritu aeris, velut igne, distillat. i.e. Шар, брошенный из пращи, растворяется; и, от трения воздуха, бежит, как будто расплавленный огнем. Senec. Nat. Quæst. l. ii. c. 57.-Trans.

584.

Strab. l. iii. p. 167.

585.

Бохарт выводит название этих островов из двух финикийских слов: Baal-jare, или мастер искусства пращи. Это укрепляет авторитет Страбона, утверждающего, что жители научились своему искусству у финикийцев, которые когда-то были их хозяевами. Σφενδονῆται ἄριστοι λέγονται-ἐξότε Φοίνικες κατέσχον τὰς νήσους. И это еще более вероятно, если учесть, что и евреи, и финикийцы преуспели в этом искусстве. Балеарские пращи могли раздражать врага как вблизи, так и на расстоянии. На войне каждый пращник носил их по три штуки. Одна висела на шее, вторая - на поясе, а третью носили в руке. К этому позвольте мне добавить еще два замечания (не относящиеся к данной цели, но связанные с этими островами), которые, надеюсь, не будут неинтересными для читателя. Первое: эти острова были некогда настолько заражены кроликами, что жители их обращались в Рим либо за помощью против них, либо желая получить новые жилища, ἐκβάλλεσθαι γὰρ ὑπὸ τῶν ζώων τέτων, поскольку эти существа выгнали их из старых. См. Strab. Plin. l. viii. c. 55. Второе замечание заключается в том, что эти островитяне были не только искусными пращниками, но и превосходными пловцами, каковыми они являются и по сей день, по свидетельству нашего соотечественника Биддольфа, который в своих "Путешествиях" сообщает нам, что, будучи зажатым возле этих островов, из одного из них к нему выплыла женщина с корзиной фруктов на продажу -Trans.

586.

Клювер, т. ii. с. 2.

587.

Гвадалквивир.

588.

Strab. l. iii. p. 171.

589.

Strab. l. iii. p. 139-142.

590.

Севилья.

591.

Дуэро.

592.

Гвадиана.

593.

Таррагона.

594.

Барселона.

595.

Эбро.

596.

Lib. v. p. 312.

597.

Юстин, l. xlv. c. 5. Diod. l. v. p. 300.

598.

Lib. iii. p. 158.

599.

Такое разделение Британии замедлило и в то же время облегчило ее завоевание римлянами.
Dum singuli pugnant universi vincuntur. Tacit.-Trans.

600.

Hispania, prima Romanis inita Provinciarum quæ quidem continentis sint, postrema omnium perdomita est. Liv. l. xxviii. p. 12.-Trans.

601.

Polyb. l. iii. p. 192. l. i. p. 9.

602.

Пассаро.

603.

Il Faro.

604.

Мыс Буэо.

605.

Strab. l. vi. p. 267.

606.

Это вычисления Страбона; но, должно быть, в цифровых знаках допущена ошибка, и то, что он тут же присовокупляет, служит доказательством этой ошибки. Он говорит, что человек, у которого хорошее зрение, мог бы с берегов Сицилии сосчитать суда, вышедшие из порта Карфагена. Возможно ли, чтобы глаз мог видеть так далеко, как на 60 или 75 лиг? Таким образом, этот отрывок Страбона должен быть исправлен. Путь от Лилибея до Африки составляет всего 25 лиг.

607.

Polyb. l. iii. p. 245, et seq. edit. Гронов.

608.

Причиной этого ограничения, по мнению Полибия, было нежелание карфагенян дать римлянам знать о странах, лежащих южнее, чтобы этот предприимчивый народ не узнал об их тщетности. Polyb. l. iii. p. 247. edit. Gronov.-Trans.

609.

Idem, p. 246.

610.

Diod. l. xi. p. 1, 16, & 22.

611.

Этот город называется по-латыни Panormus.

612.

Кроме 300 спартанцев, с Леонидом в этой памятной битве сражались и погибли феспийцы, жители Беотии, числом 700 человек. Herod. l. vii. c. 202-222.-Trans.

613.

Аттический серебряный талант, по мнению д-ра Бернарда, равен 206l. 5s., следовательно, 2000 талантов - это 412,500l.-Trans.

614.

Diod. l. xiii. p. 169-171. 179-186.

615.

Diod. l. xiii. p. 201-203. 206-211. 226-231.

616.

Сами надгробные памятники свидетельствуют о великолепии и роскоши этого города, украшенного статуями птиц и лошадей. Но богатство и безграничная щедрость Геллия, одного из его жителей, почти невероятны. Он развлекал народ зрелищами и пирами, а во время голода не дал горожанам умереть с голоду: он давал порции бедным девицам и спасал несчастных от нужды и отчаяния: он построил дома в городе и в деревне специально для размещения чужестранцев, которых обычно увольнял с красивыми подарками. Пятьсот потерпевших кораблекрушение граждан Гелы, обратившись к нему, получили щедрое пособие; каждый мужчина получил плащ и пальто из своего гардероба". Diod. l. xiii. Валер. Max. l. iv. c. ult. Философу Эмпедоклу, родившемуся в Агригентуме, принадлежит памятное высказывание о своих согражданах: Что агригентинцы каждый день растрачивают свои деньги так чрезмерно, как будто ожидают, что они никогда не иссякнут; и строят с такой основательностью и великолепием, как будто думают, что будут жить вечно" -Trans.

617.

Этот бык с другими захваченными здесь трофеями был впоследствии возвращен агригенам Сципионом при взятии Карфагена во время третьей Пунической войны. Cic. Orat. iv. in Verrem. c. 33.-Trans.

618.

Сиканийцы и сицилийцы в древности были двумя разными народами.-Trans.

619.

Diod. l. xiv. p. 268-278.

620.

Триремы.

621.

Honos alit artes.

622.

Любопытный читатель найдет очень подробный рассказ об этом в кн. ххii. ст. ii. разд. ii.-
Транс.

623.

Diod. l. xiv. p. 279-295. Юстин, l. xix. с. 2, 3.

624.

Panormus.-Trans.

625.

Некоторые авторы говорят о тридцати тысячах футов, что более вероятно, поскольку флот, блокировавший город на море, был таким грозным.-Транс.

626.

Диодор.

627.

Около 61 800 л. английских денег.-Транс.

628.

Этот Лептинес был братом Дионисия.-Транс.

629.

Около 206 000 л.-Транс.

630.

Юстин, l. xx. с. 5.

631.

Diod. l. xv. p. 344.

632.

Это тот самый Дионисий, который пригласил Платона к своему двору, а затем, обидевшись на его свободу, продал его в рабство. Некоторые философы прибыли из Греции в Сиракузы, чтобы выкупить своего брата, и, сделав это, они отправили его домой с полезным уроком: философы должны очень редко или очень услужливо общаться с тиранами. Этот принц был учен и пытался прослыть поэтом, но не смог получить это имя на Олимпийских играх, куда он послал свои стихи, чтобы их повторил его брат Теарид. Для Диониса было бы счастьем, если бы афиняне не были лучшего мнения о его поэзии; ведь когда они объявили его победителем, когда его стихи повторяли в их городе, он был поднят до такой степени радости и неводержанности, что и то и другое вместе убило его; и таким образом, возможно, подтвердилось предсказание оракула, что он должен умереть, когда победит своих ставленников.-Trans.

633.

Diod. l. xvi. p. 459-472. Polyb. l. iii. p. 178. Плут. в Тимоле.

634.

Здесь он сохранил некоторое подобие своей прежней тирании, став школьным учителем и поддерживая дисциплину в отношении мальчиков, когда уже не мог тиранить мужчин. Он был образован, и однажды стал учеником Платона, которого он снова пригласил в Сицилию, несмотря на недостойное обращение с ним отца Дионисия. Филипп, царь Македонский, встретив его на улицах Коринфа и спросив, как ему удалось потерять столь значительное княжество, оставленное ему отцом, ответил, что отец действительно оставил ему наследство, но не удачу, которая сохранила и его, и это... Впрочем, удача не нанесла ему большого вреда, заменив его на нарах, с которых она подняла его отца.

635.

Plut. p. 248-250.

636.

Plut. p. 248-250.

637.

Эта река находится недалеко от Агригентума. Диодор и Плутарх называют ее Lycus, но это, как полагают, ошибка.

638.

Юстин, l. xvi. c. 4.

639.

Diod. l. xix. p. 651-656-710-712-737-743-760. Юстин, l. ii. c. 1-6.

640.

По мнению большинства историков, он был сыном гончара, но все допускают, что он занимался ремеслом. Исходя из неясности его рождения и положения, Полибий выдвигает аргумент, доказывающий его способности и таланты, в противовес клевете Тимея. Но больше всего он восхваляет Сципиона. Этому прославленного римлянина спросили, кто, по его мнению, был наиболее благоразумен в ведении своих дел и наиболее благоразумно смел в исполнении своих замыслов; он ответил: Агатокл и Дионисий. Polyb. l. xv. p. 1003. edit. Гронов. Однако, пусть его способности были сколь угодно велики, они были превзойдены его жестокостями.

641.

Битва происходила у реки и города Гимеры.-Транс.

642.

50 000 французских крон, или 11 250 фунтов стерлингов.-Транс.

643.

Агатокл, не имея оружия для многих своих солдат, снабдил их подделками, которые хорошо смотрелись на расстоянии. И, видя, что его войска обескуражены при виде вражеских коней, он выпустил на волю множество сов, (которых закупил для этой цели в частном порядке), что его солдаты восприняли как предзнаменование и уверенность в победе. Diod. l. xx. p. 754.-Trans.

644.

Liv. l. xxvii. n. 43.

645.

Diod. l. xvii. p. 519. Quint. Curt. l. iv. c. 3.

646.

Τῶν τέκνων καὶ γυναικῶν μέρος, некоторые из их жен и детей. Diod. l. xvii. p. 519.-Trans.

647.

А самым передовым из всех остальных был Антандр, брат Агафокла, оставленный командиром в его отсутствие; он был так напуган сообщением, что стремился к сдаче города и изгнал из него восемь тысяч жителей, придерживавшихся противоположного мнения.- Транс.

648.

Diod. p. 767-769.

649.

Его жестоко пытали до самой смерти, и так его постигла участь, которую его сограждане, обиженные его поведением на Сицилии, вероятно, уготовили ему на родине. Он был слишком грозен, чтобы на него напали во главе его армии; поэтому голоса сената (какими бы они ни были), согласно обычаю, были брошены в сосуд, который тут же закрыли, приказав не открывать его, пока он не вернется и не сбросит свою комиссию. Юстин, l. xxii. c. 3.-Trans.

650.

Diod. p. 779-781. Юстин, l. xxii. c. 7.

651.

Казалось бы, невероятно, чтобы кто-то мог настолько восторжествовать над муками креста, чтобы рассуждать связно; если бы Сенека не уверял нас, что некоторые настолько презирали и оскорбляли его муки, что презрительно плевали на зрителей. Quidam ex patibulo suos spectatores conspuerunt. De vitâ beatâ, c. 19.-Trans.

652.

Diod. p. 777-779-791-802. Юстин, l. xxii. c. 7, 8

653.

Его отравил некий Мейнон, с которым он неестественно обошелся. От воздействия яда у него выпали зубы, а все тело было истерзано сильнейшими мучительными болями. К этому поступку Менона подтолкнул Архагат, внук Агафокла, которого он хотел лишить престола в пользу другого своего сына Агафокла. Перед смертью он вернул народу демократию. Примечательно, что Юстин (точнее, Трог) и Диодор расходятся во всех существенных моментах истории этого тирана -Trans.

654.

Юстин, l. xxi. c. 6.

655.

Polyb. l. iii. p. 250. edit. Гронов.

656.

Иустин, л. xviii. c. 2.

657.

Idem.

658.

Plut. in Pyrrh. p. 398.

659.

Οἷαν ἀπολείπομεν, ὧ φίλοι, Καρχηδονίοις καὶ Ῥωμαίοις παλαίστραν. Греческое выражение прекрасно. Действительно, Сицилия была своего рода Палестрой, где карфагеняне и римляне упражнялись в войне и в течение многих лет, казалось, играли друг с другом роль борцов. В английском языке, как и во французском, нет слова для выражения греческого термина.

660.

Polyb. l. i. p. 8. edit Gronov.

661.

Polyb. l. i. p. 12-15. edit. Гронов.

662.

Фронтин.

663.

Шевалье Фолар рассматривает этот вопрос в своих замечаниях о Полибии, l. i. p. 16.-Trans.

664.

Polyb. l. i. p. 15-19.

665.

Id. p. 20.

666.

Polyb. l. i. p. 22.

667.

Polyb. l. i. p. 22.

668.

Человек, отличный от великого Ганнибала.

669.

Эти столбы назывались Rostratæ, от клювов кораблей, которыми они были украшены; Rostra.-Trans.

670.

Polyb. l. i. p. 24.

671.

Polyb. l. i. p. 25.

672.

Id. p. 30.

673.

Val. Max. l. iv. c. 4.

674.

Polyb. l. i. p. 31-36.

675.

В промежутке между отъездом Манлия и взятием Туниса мы должны поместить памятную битву Регула и всей его армии со змеей такого огромного размера, что сказочная змея Кадма едва ли может с ней сравниться. История этой змеи была изящно описана Ливием, но теперь она утеряна. Валерий Максим, однако, частично восполняет эту потерю; в последней главе своей первой книги он приводит рассказ об этом чудовище от самого Ливия: "Он [Ливий] говорит, что на берегу Брагады (африканской реки) лежала змея столь огромных размеров, что она не давала всей римской армии подойти к реке. Несколько солдат были погребены в широких пещерах ее брюха, а многие придавлены насмерть спиральными объемами ее хвоста. Кожа змеи была непробиваема для дротиков, и только после многократных попыток камни, пущенные из военных машин, наконец, убили ее. Затем змея явила римским когортам и легионам зрелище, более страшное, чем даже сам Карфаген. Потоки реки окрасились его кровью, а зловоние от его гнилой туши заразило всю прилегающую территорию, так что римская армия была вынуждена отступить. Шкура длиной в сто двадцать футов была отправлена в Рим, и, если верить Плинию, ее можно было увидеть (вместе с челюстной костью того же чудовища в храме, где они были впервые отложены) еще во время Нумантинской войны.-Trans.

676.

Δεῖ τοὺς ἀγαθοὺς ἢ νικᾶν, ἢ εἶκεν τοῖς ὑπερέχουσιν. Diod. Eclog. l. xxiii. c. 10.-Trans.

677.

De Bell. Pun. p. 30.

678.

Этот вероломный поступок, о котором рассказывает Аппиан, может быть правдой, если учесть характер карфагенян, которые, безусловно, были жестоким и вероломным народом. Но если это правда, то стоит задуматься, зачем Полибию откладывать для другого случая рассказ о происшествии, которое здесь как нельзя кстати, поскольку оно завершает сразу и характер, и жизнь Ксантиппа. Поэтому его молчание в этом месте заставляет меня думать, что он намеревался снова вывести Ксантиппа на сцену и представить его читателю в ином свете, чем тот, в котором он представлен Аппианом. К этому позвольте добавить, что карфагеняне не проявили большой глубины политики, приняв такой способ его уничтожения, когда предлагалось столько других, менее достойных порицания. В этом плане, разработанном для его уничтожения, не только он сам, но и все его последователи должны были быть убиты, без притворства даже бури или потери одного карфагенянина, чтобы прикрыть или оправдать совершение такого ужасного преступления.-Trans.

679.

Lib. i. p. 36, 37.

680.

Inter pauca felicitatis virtutisque exempla M. Atilius quondam in hac eadem terrâ fuisset, si victor pacem petentibus dedisset patribus nostris. Sed non statuendo tandem felicitati modum, nec cohibendo efferentem se fortunam, quanto altius elatus erat, eo foediùs corrui. Liv. l. xxx. n. 30.-Trans.

681.

Ὡς ἔν σοφὸν βούλευμα τὰς πολλὰς χεῖρας νικά. Возможно, в этом месте будет неуместно обратить внимание (поскольку об этом было забыто ранее) на ошибку ученого Казобона в его переводе отрывка Полибия, касающегося Ксантиппа. Отрывок таков: Ἐν οἷς καὶ Ξάνθιππὸν τινα Λακεδαιμόνιον ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς μετεχηκότα, καὶ τριβὴν ἐν τοῖς πολεμικοῖς ἔχοντα σύμμετρον. Которое, таким образом, переведено Казобоном: In queis [militibus sc. Græciâ allatis] Xanthippus quidam fuit Lacedæmonius, vir disciplinâ Laconicâ imbutus, et qui rei militaris usum mediocrem habebat. Тогда как, согласуясь со всем характером и поведением Ксантиппа, я считаю, что смысл этого отрывка таков: "человек, сформированный спартанской дисциплиной и соразмерно [не умеренно] искусный в военном деле" -Транс.

682.

Это молчание Полибия предосудило многих ученых людей против многих историй о варварском обращении с Регулом после того, как он был захвачен карфагенянами. М. Роллин больше не говорит об этом вопросе; поэтому я изложу читателю суть того, что выдвигается против общего мнения римских писателей (как историков, так и поэтов) и Аппиана по этому вопросу. Во-первых, утверждается, что Полибий прекрасно понимал, что рассказ об этих жестокостях был ложным; и поэтому, чтобы не обесчестить римлян, противореча столь общему мнению, он предпочел умолчать о Регуле после его пленения, чем нарушить правду истории, за которой он был столь строгим наблюдателем. Это мнение еще больше укрепляется (говорят противники этой веры) фрагментом Диодора, в котором говорится, что жена Регула, возмущенная смертью мужа в Карфагене, вызванной, как она думала, варварскими обычаями, убедила своих сыновей отомстить за судьбу отца, жестоко расправившись с двумя карфагенскими пленниками (как полагают, Бостаром и Гамилькаром), захваченными в морском бою против Сицилии после несчастья Регула и отданными ей в руки для выкупа мужа. Один из них умер от тяжести заточения, а другой, благодаря заботе сената, который не одобрял жестокости, выжил и поправился. Такое обращение с пленниками и недовольство сената по этому поводу составляют третий аргумент или предположение против истинности этой истории о Регуле, которое аргументируется следующим образом. Регул умирает в плену по воле природы, а его жена, лишившись надежды выкупить его путем обмена пленников, обращается с ними с величайшим варварством, поскольку уверена в дурном обращении, которому подвергся Регул. Сенат, разгневанный на нее за это, чтобы придать некоторую окраску ее жестокости, распространил среди своих знакомых и родственников информацию о том, что ее муж умер так, как об этом принято говорить. Это, как и все другие сообщения, постепенно росло, и, в силу национальной ненависти между карфагенянами и римлянами, последние легко и охотно поверили. Насколько это убедительно против свидетельств двух таких авторитетных авторов, как Цицерон и Сенека (не говоря уже о поэтах), остается на усмотрение читателя.- Trans.

683.

Appian, de Bella Pun. p. 2, 3. Cic. de Off. l. iii. n. 99, 100. Aul. Gel. l. vi. c. 4. Senec. Ep. 99.

684.

Horat. l. iii. Od. 3.

685.

Polyb. l. i. p. 37.

686.

Или Клипея.

687.

Polyb. l. i. p. 38-40.

688.

P. 41, 42.

689.

Ibid. l. i. p. 44-50.

690.

Polyb. p. 50.

691.

Ibid. p. 51.

692.

Ibid. p. 54-59.

693.

Город и гора в Сицилии.

694.

Polyb. l. i. p. 59-62.

695.

Эти острова также называются Эгатами.-Транс.

696.

Эта сумма составляет около шести миллионов ста восьмидесяти тысяч французских ливров, или 515 000 л. английских денег.

697.

Polyb. l. iii. p. 182.

698.

Polyb. l. i. p. 65-89.

699.

В том же году, когда закончилась первая Пуническая война.

700.

А иногда ξενικὸν, или война с наемниками.-Транс.

701.

Ibid. p. 66.

702.

Мато был африканцем и свободнорожденным; но поскольку он принимал активное участие в поднятии восстания, уступка погубила бы его. Поэтому, отчаявшись получить помилование, он встал на защиту интересов Спендия с большим рвением, чем любой из мятежников, и сначала внушил африканцам опасность заключения мира, поскольку это оставит их в одиночестве и подвергнет гневу их прежних хозяев. Polyb. p. 98. edit. Gronov.-Trans.

703.

Bellis Punicis omnibus, cum sæpe Carthaginenses et in pace et per inducias multa nefanda facinora fecissent, nunquam ipsi per occasionem talia fecere: magis quod se dignum foret, quàm quod in illos jure fieri posset, quærebant. Sallust. in Bell. Gatilin.-Trans.

704.

Liv. l. xxi. n. 1.

705.

Lib. iii. p. 162-168.

706.

Angebant ingentis spiritûs virum Sicilia Sardiniaque amissæ: Nam et Siciliam nimis celeri desperatione rerum concessam; et Sardiniam inter motum Africæ fraude Romanorum, stipendio etiam superimposito, interceptam. Liv. l. xxi. n. 1.-Trans.

707.

Polyb. l. ii. p. 90.

708.

Polyb. l. iii. p. 167. Liv. l. xxi. n. 1.

709.

Polyb. l. ii. p. 101.

710.

Polyb. l. ii. p. 123. Liv. l. xxi. n. 2.

711.

Убийство было следствием необычайной верности этого галла, чей хозяин пал от руки Асдрубала. Оно было совершено публично, и убийца, схваченный стражниками и подвергнутый пыткам, выражал такое сильное удовлетворение от мысли, что он так успешно осуществил свою месть, что, казалось, высмеивал весь ужас своих мучений. Eo fuit habitu oris, ut superante lætitiâ dolores, ridentis etiam speciem præbuerit. Liv. l. xxi. n. 1.-Trans.

712.

Liv. l. xxi. n. 3, 4.

713.

Polyb. l. iii. p. 168, 169. Liv. l. xxi. n. 3-5.

714.

In vit. Annib. c. 7.

715.

Hic, ut rediit, Prætor factus est, postquam rex fuerat anno secundo et vigesimo.-Trans.

716.

Этот город лежал на карфагенской стороне Ибера, недалеко от устья этой реки, в стране, где карфагенянам разрешалось вести войну, но Сагунтум, как союзник римлян, был исключен из всех военных действий в силу позднего договора.-Trans.

717.

Ibi largè partiendo prædam, stipendia præterita cum fide exsolvendo, cunctos civium sociorumque animos in se firmavit. Liv. l. xxi. n. 5.-Trans.

718.

Polyb. l. iii. p. 170-173. Liv. l. xxi. n. 6-15.

719.

Polyb. p. 174, 175. Liv. l. xxi. n. 16, 17.

720.

Sanctitate disciplinæ, quâ fidem socialem usque ad perniciem suam coluerunt. Liv. l. xxi. n. 7.-Trans.

721.

Polyb. p. 187. Liv. l. xxi. n. 18, 19.

722.

Polyb. l. iii. p. 184, 185.

723.

Polyb. l. iii. p. 187. Liv. l. xxi. n. 21, 22.

724.

Lib. iii. p. 192, 193.

725.

275 миль.

726.

Полибий считает, что расстояние от Нового Карфагена составляет 2600 фурлонгов; следовательно, все число фурлонгов будет равно 8400, или (принимая 625 футов за фурлонг) 944 английским милям, то есть почти одной трети. См. Полибий, изд. Гронов. стр. 267.-Транс.

727.

Lib. iii. p. 199.

728.

200 миль.

729.

200 миль.

730.

175 миль.

731.

150 миль.

732.

1000 миль.

733.

Polyb. l. iii. p. 188, 189.

734.

Audierunt præoccupatos jam ab Annibale Gallorum animos esse: sed ne illi quidem ipsi satis mitem gentem fore, ni subinde anro, cujus avidissima gens est, principum animi concilientur. Liv. l. xxi. n. 20.-Trans.

735.

Polyb. p. 189, 190. Liv. l. xxi. n. 22-24.

736.

Немного выше Авиньона.-Trans.

737.

Polyb. l. iii. p. 270-274. edit. Гронов. Liv. l. xxi. ii. 26-28.

738.

Полагают, что это было между Рокмором и Пон-Сент-Эсприт.-Транс.

739.

Polyb. l. iii. p. 200-202, &c. Liv. l. xxi. n. 31, 32.

740.

Hoc principium simulque omen belli, ut summâ rerum prosperum eventum, ita haud sanè incruentam ancipitisque certaminis victoriam Romanis portendit. Liv. l. xxi. n. 29.-Trans.

741.

Текст Полибия, как он дошел до нас, и текст Ливия помещают этот остров у слияния Саоны и Роны, то есть в той части, где стоит город Лион. Но это явная ошибка. В греческом языке это был Σκῶρας, вместо которого был подставлен ὁ Ἄραρος. Дж. Гроновиус говорит, что он прочитал в рукописи Ливия "Бисарар", что показывает, что мы должны читать *Isara Rhodanusque amnes*, вместо *Arar Rhodanusque*; и что остров, о котором идет речь, образован слиянием реки Исера и Роны. Положение Аллоброгов, о которых здесь говорится, доказывает это со всей очевидностью.-Trans.

742.

В Дофине.-Транс.

743.

Polyb. l. iii. p. 203-208. Liv. l. xxi. n. 32-37.

744.

Из Пьемонта.-Trans.

745.

Многие отвергают этот случай как выдуманный. Плиний отмечает замечательное свойство уксуса: он способен разбивать скалы и камни. *Saxa rumpit infusum, quæ non ruperit ignis antecedens*, l. xxiii. c. 1. Поэтому он называет ее *Succus rerum domitor*, l. xxxiii. c. 2. Дион, рассказывая об осаде Элевтера, говорит, что стены его пали от силы уксуса, l. xxxvi. p. 8. Вероятно, обстоятельство, которое кажется неправдоподобным в данном случае, заключается в том, что Ганнибалу было трудно добыть в тех горах достаточное для этого количество уксуса -Trans.

746.

Polyb. l. iii. p. 209 & 212-214. Liv. l. xxi. c. 39.

747.

Taurini.-Trans.

748.

Небольшая река (сейчас называется Тезино) в Ломбардии.-Trans.

749.

Polyb. l. iii. p. 214-218. Liv. l. xxi. n. 39-47.

750.

Эти два дурных предзнаменования заключались в том, что, во-первых, в лагерь римлян пробрался волк и жестоко растерзал нескольких солдат, не получив ни малейшего вреда от тех, кто пытался его убить; во-вторых, рой пчел сел на дерево возле палатки претория или генерала. Liv. l. xxi. c. 46.-Trans.

751.

Нумидийцы ездили без седла и уздечки.-Транс.

752.

Polyb. l. iii. p. 220-227. Liv. l. xxi. n. 51-56.

753.

Polyb. l. iii. pp. 228, 229. Liv. l. xxi. n. 60, 61.

754.

Или Эбро.-Транс.

755.

Polyb. p. 229.

756.

Liv. l. xxi. n. 58.

757.

Polyb. l. iii. p. 229. Liv. l. xxii. n. 1. Аппиан. в Bell. Annib. p. 316.

758.

Polyb. pp. 230, 231. Liv. l. xxii. n. 2.

759.

Polyb. l. iii. p. 231-238. Liv. l. xxii. n. 3-8.

760.

Apparebat ferociter omnia ac præpioperè acturum. Quóque pronior esset in sua vitia, agitare eum atque irritare Pœnus parat. Liv. l. xxii. n. 3.-Trans.

761.

Polyb. l. iii. p. 239-255. Liv. l. xxii. n. 9-30.

762.

Небольшой город, давший название Адриатическому морю.-Trans.

763.

Nec Annibalem lefellit suis se artibus peti. Liv.-Trans.

764.

Satis fidens haudquaquam cum imperii jure artem imperandi æquatam. Liv. l. xxii. n. 26.-Trans.

765.

Polyb. l. iii. p. 245-250. Liv. l. xxii. n. 19-22.

766.

Polyb. l. iii. p. 255-268. Liv. l. xxii. n. 34-54.

767.

Полибий полагает, что в каждом легионе только двести коней: но И. Липсий считает, что это ошибка либо автора, либо переписчика.-Trans.

768.

Сильный жгучий ветер, дувший с юго-юго-востока, который в этой плоской и песчаной стране поднимал тучи горячей пыли, ослеплял и душил римлян.-Транс.

769.

Ливий сильно преуменьшает число убитых, считая, что их было около сорока трех тысяч. Но скорее следует верить Полибию.-Транс.

770.

Duo maximi exercitus cæsi ad hostium satietatem, donec Annibal diceret militi suo: Parce ferro. Flor. l. 1. c. 6.-Trans.

771.

Тум Махарбал: Non omnia nimirum eidem Dii dedêre. Vincere scis, Annibal, victoriâ uti nescis. Liv. l. xxii. n. 51.-Trans.

772.

Liv. l. xxii. n. 9. Ibid. l. xxiii. n. 18.

773.

Casilinum.-Trans.

774.

Liv. l. xxiii. n. 11-14.

775.

Плиний, l. xxxiii. c. 1, говорит, что в Карфаген было отправлено три бушеля. Ливий замечает, что некоторые авторы считают, что их было три бушеля с половиной; но он считает наиболее вероятным, что был только один, l. xxxiii. n. 12. Флор, l. ii. c. 16, считает, что это два бушеля.

776.

De St. Evremond.

777.

Liv. l. xxiii. n. 4-18.

778.

Cæterùm quum Græci omnem ferè oram maritimam Coloniis suis, è Græciâ deductis, obsiderent, &c. Но после того как греки своими колониями овладели почти всем морским побережьем, эта страна (вместе с Сицилией) стала называться Græcia Magna и т. д. Cluver. Geograph. l. iii. c. 30.-Trans.

779.

Ibi partem majorem hiemis exercitum in tectis habuit; adversùs omnia humana mala sæpe ac diu durantem, bonis inexpertum atque insuetum. Itaque quos nulla mali vicerat vis, perdidere nimia bona ac voluptates immodicæ, et eo impensiùs quo avidiùs ex insolentiâ ineas se merserant. Liv. l. xxiii. n. 18.-Trans.

780.

Illa enim cunctatio distulisse modò victoriam videri potuit, hic error vires ademisse ad vincendum. Liv. l. xxiii. n. 18.-Trans.

781.

Capuam Annibali Cannas fuisse: ibi virtutem bellicam, ibi militarem disciplinam, ibi præteriti temporis famam, ibi spem futuri extinctam. Liv. l. xxiii. n. 45.-Trans.

782.

Liv. l. xxiii. n. 13.

783.

Ibid. n. 32.

784.

Liv. l. xxiii. n. 26-30. и n. 32, 40, 41.

785.

Не брат Ганнибала.

786.

Liv. l. xxiii. n. 41-46. l. xxv. n. 22. l. xxvi. n. 5-16.

787.

Flagitiosum esse terreri ac circumagi ad omnes Annibalis comminationes. Liv. l. xxvi. n. 8.-Trans.

788.

Audita vox Annibalis fertur, Potiundæ sibi urbis Romæ, modò mentem non dari, modò fortunam. Liv. l. xxvi. n. 11.-Trans.

789.

Ферония была богиней рощ, и одна из них, с посвященным ей храмом, находилась у подножия горы Соракт. Страбон, говоря о роще, где поклонялись богине, утверждает, что в ней ежегодно приносились жертвы и что ее почитатели, вдохновленные этой богиней, проходили невредимыми по горящим углям. Сохранилось несколько медалей Августа, на которых эта богиня изображена с короной на голове.-Транс.

790.

Вилий Вирий, глава этого заговора, представив капуанскому сенату суровое обращение, которое его страна может ожидать от римлян, уговорил двадцать семь сенаторов отправиться с ним в его собственный дом, где, съев обильный ужин и согревшись вином, все они выпили яд. Затем, попрощавшись, одни удалились в свои дома, другие остались с Вирием, и все умерли до того, как ворота были открыты для римлян. Liv. l. xxvi. n. 13, 14.-Trans.

791.

Confessio expressa hosti, quanta vis in Romanis ad expetendas pœnas ab infidelibus sociis, et quàm nihil in Annibale auxilii ad receptos in fidem tuendos esset. Liv. l. xxvi. n. 16.-Trans.

792.

Liv. xxv. n. 32-39.

793.

Id quidem cavendum semper Romanis ducibus erit, exemplaue hæc verè pro documentis habenda. Ne ita externis credant auxiliis, ut non plus sui roboris suarumque propriè virium in castris habeant. Liv. n. 33.-Trans.

794.

Он напал на карфагенян, которые разделились на два лагеря и были защищены, как они думали, от немедленного нападения римлян; убил тридцать семь тысяч из них, взял тысячу восьмьсот пленных и унес огромную добычу. Liv. l. xxv. n. 39.-Trans.

795.

Polyb. l. xi. p. 622-625. Liv. l. xxvii. p. 35-51.

796.

Ни одному генералу не разрешалось покидать свою провинцию, чтобы отправиться в чужую.-Trans.

797.

Теперь называется Метаро.-Транс.

798.

Согласно Полибию, потери составили всего десять тысяч человек, а у римлян - две тысячи, l. xi. p. 870, edit. Gronov.-Trans.

799.

Гораций заставляет его говорить так в прекрасной оде, где описывается это поражение:

Carthagini jam non ego nuntios
Mittara superbos. Occidit, occidit
Spes omnis, et fortuna nostri
Nominis, Asdrubale interempto. Lib. iv. Od. 4.-Trans.

800.

Polyb. l. xi. p. 650. & l. xiv. p. 677-687. & l. xv. p. 689-694. Liv. l. xxviii. n. 1-4. 16. 38. 40-46. l. xxix. n. 24-36. l. xxx. n. 20-28.

801.

Rarò quenquam alium patriam exilii causâ relinquentem magis mœstum abiisse ferunt, quàm Annibalem hostium terrâ excedentem. Respexisse sæpe Italiæ littora, et deos hominesque accusantem, in se quoque ac suum ipsius caput execratum. Quòd non cruentum ab Cannensi victoriâ militem Romam duxisset. Liv. l. xxx. n. 20.-Trans.

802.

Ливий полагает, однако, что эта задержка была большой ошибкой Ганнибала, о которой он сам впоследствии сожалел.-Trans.

803.

Ἐσκοπεῖτο παρ' αὐτῷ συλλογιζόμενος, οὐχ οὔτω τί δέον παθεῖν Καρχηδονίους, ὥς τί δέον ἦν πράξει Ῥωμαίους. Polyb. l. xv. p. 965. edit. Гронов.

Quibus Scipio. Etsi nou induciarum modò fides, sed etiam jus gentium in legatis violatum esset; tamen se nihil nec institutis populi Romani nec suis moribus indignum in iis facturum esse. Liv. l. xxx. n. 25.-Trans.

804.

Polyb l. xv. p. 694-703. Liv. l. xxx. n. 29-35.

805.

Celsus hæc corpore, vultuque ita læto, ut vicisse jam crederes, dicebat. Liv. l. xxx. n. 32.-Trans.

806.

Polyb. l. xv. p. 704-707. Liv. l. xxx. n. 36-44.

807.

Десять тысяч аттических талантов составляют тридцать миллионов французских денег. Десять тысяч эвбейских талантов составляют нечто большее, чем двадцать восемь миллионов тридцать три тысячи ливров; потому что, согласно Будею, эвбейский талант эквивалентен пятидесяти шести минам и чему-то большему, тогда как аттический талант стоит шестьдесят минов.

Или иначе, пересчитав на английские деньги:

Согласно Будеусу, эвбейский талант равен 56 минам.

56 мин в пересчете на английские деньги составляют 175 л.

Следовательно, 10 000 эвбейских талантов составляют 1 750 000 ливров.

Таким образом, карфагеняне ежегодно выплачивали 35 000 л.

Этот расчет настолько близок к истине, насколько это вообще возможно; эвбейский талант - это нечто большее, чем 56 мин.-Транс.

808.

Rarò simul hominibus bonam fortunam bonamque mentem dari. Populum Romanum eo invictum esse, quòd in secundis rebus sapere et consulere meminerit. Et herclè mirandum fuisse si aliter facerent. Ex insolentiâ, quibus nova bona fortuna sit, impotentes lætitiæ insanire: populo Romano usitata ac propè obsoleta ex victoriâ gaudia esse; ac plus penè parcendo victis, quàm vincendo, immerium auxisse. Liv. l. xxx n. 42.-Trans.

809.

Lib. vi. p. 493, 494.

810.

Liv. l. xxiv. n. 8, 9.

811.

Quilibet nautarum rectorumque tranquillo mari gubernare potest: Ubi sæva orta tempestas est, ac turbato mari rapitur vento navis, tum viro et gubernatore opus est. Non tranquillo navigamus, sed jam aliquot procellis submersi penè sumus. Itaque quis ad gubernacula sedeat, summâ curâ providendum ac præcavendum nubis est.-Trans.

812.

Corn. Nep. in Annib. c. 7.

813.

Liv. l. xxxiii. n. 46.

814.

Liv. l. xxiii. n. 46, 47.

815.

Tum verò isti quos paverat per aliquot annos publicus peculatus, velut bonis ereptis, non furto eorum manibus extorto, infensi et irati, Romanos in Annibaleim, et ipsos causam odii quærentes, instigabant. Liv.-Trans.

816.

Liv. l. xxiii. n. 45-49.

817.

Вероятно, следует читать suos.-Trans.

818.

Cic. de Orat. l. ii. n. 75, 76.

819.

Hic Pœnus liberè respondisse fertur, multos se deliros senes sæpe vidisse: Sed qui magis quàm Phormio deliraret vidisse neminem. Стобей, Serm. lii. приводит следующий рассказ об этом вопросе: Ἀντίβας ἀκούσας Στοικοῦ τίνος ἐπιχειροῦντος, ὅτι ὁ σοφὸς μόνος στρατηγὸς ἐστὶν, ἐγέλασε, νομίζων ἀδύνατον εἶναι ἐκτὸς τῆς δι' ἔργων ἐμπειρίας τὴν ἐν τοῦτοις ἐπιστήμην ἔχειν. Т.е. Ганнибал, услышав, как стоический философ взялся доказать, что мудрец - единственный полководец, рассмеялся, считая невозможным, чтобы человек обладал каким-либо мастерством в войне, не имея долгой практики в ней.-Транс.

820.

Они сделали еще больше: послали два корабля, чтобы преследовать Ганнибала и вернуть его; распродали его имущество, разорили его дом и публичным указом объявили его изгнанником. Такова была благодарность карфагенян величайшему полководцу, которого они когда-либо имели". Corn. Nep. in vitâ Hannib. c. 7.-Trans.

821.

Liv. l. xxxiv. n. 60.

822.

Ib. n. 61.

823.

Liv. l. xxxv. n. 14. Polyb. l. iii. p. 166, 167.

824.

Полибий представляет это обращение Виллия к Ганнибалу как преднамеренный замысел, чтобы сделать его подозрительным для Антиоха из-за его близости с римлянином. Ливий признает, что дело удалось, как будто так и было задумано; но в то же время он, по вполне очевидной причине, придает другой оборот этому разговору и говорит, что он был затеян не

более чем для того, чтобы успокоить Ганнибала и снять с него все страхи и опасения, которые он мог испытывать из-за римлян -Trans.

825.

Liv. l. xxxv. n. 14. Plut. in vitâ Flamin. &c.

826.

Plut. in Pyrrho, p. 687.

827.

Liv. l. xxxv. n. 19.

828.

Liv. l. xxxv. n. 42, 43.

829.

Nulla ingenia tam prona ad invidiam sunt, quàm eorum qui genus ac fortunam suam animis non æquant: Quia virtutem et bonum alienum oderunt. По-моему, лучше читать ut bonum alienum.-Trans.

830.

Ib. l. xxxvi. n. 7.

831.

Liv. l. xxxvi. n. 41.

832.

Corn. Nep. in Annib. c. 9, 10. Юстин, l. xxxii. c. 4.

833.

Эти статуи были выброшены им в общественном месте как малоценные вещи. Corn. Nep.-Trans.

834.

Corn. Nep. in Annib. c. 10, 11. Юстин, l. xxxiii c. 4.

835.

Юстин, l. xxxii. c. 4. Корн. Неп. in vit. Annib.

836.

Liv. l. xxxix. n. 51.

837.

Плутарх, по своему обыкновению, приписывает ему три разные смерти. Одни, по его словам, рассказывают, "что, обернув плащ вокруг шеи, он велел слуге прижать колени к ягодицам и не выходить, пока не задушит его". Другие говорят, что, подражая Фемистоклу и Мидасу, он пил бычью кровь. Ливий рассказывает, что Ганнибал выпил яд, который всегда носил с собой, и, взяв чашу в руки, воскликнул: "Освободимся" и т. д. In vitâ Flaminini.-Trans.

838.

О методе изучения и преподавания Belles Lettres, т. ii.-Транс.

839.

Квинтилий.-Транс.

840.

Atque hic tantus vir, tantisque bellis districtus, nonnihil temporis tribuit litteris, &c. Corn. Nep in vitá Annib. cap. 13.-Trans.

841.

Lib. xxi. n, 4.

842.

Excerpt. è Polyb. p. 33.

843.

Excerpt. è Diod. p. 282. Liv. l. xxv. n. 17.

844.

Lib. xxxii. c. 4.

845.

Cibi potionisque, desiderio naturali, non voluptate, modus finitus. Liv. l. xxi. n. 4.

Constat Annibalem, nec tum cùm Romano tonantem bello Italia contremuit, nec cùm reversus Carthaginem summum imperium tenuit, aut cubantem cœnâsse, aut plus quàm sextario vini indulsisse. Юстин, l. xxxii. c. 4.-Trans.

846.

Кроме é Polyb. p. 34 & 37.

847.

Æn. l. iv. ver. 41.-Транс.

848.

Liv. l. xxiv. n. 48, 49.

849.

Id. l. xxix. n. 29-34.

850.

Id. l. xxix. n. 23.

851.

Id. l. xxx n. 11, 12.

852.

Liv. l. xxx. n. 44.

853.

Id. l. xxxiv. n. 62.

854.

Id. l. xl. n. 17.

855.

Id. l. xlii. n. 23, 24.

856.

Polyb. p. 951.

857.

App. de bell. Pun. p. 37.

858.

App. p. 38.

859.

App. de bell. Pun. 40.

860.

Эмпорий, или Эмпория, - страна в Африке, на Малом Сиртисе, в которой находился Лептис. Ни одна часть карфагенских владений не была более плодородной, чем эта. Полибий, l. i., говорит, что доходы, получаемые отсюда, были столь значительны, что все их надежды почти основывались на них, ἐν αἷς (т. е. на доходах от Эмпории) εἶχον τὰς μεγίστας ἔλπιδας. Этим объяснялась их вышеупомянутая забота и государственная ревность, чтобы римляне не отплыли за Справедливый мыс, лежащий перед Карфагеном, и не познакомились со страной, которая могла бы побудить их попытаться завоевать ее.-Trans.

861.

App. de bell. Pun. 40.

862.

Ils furent tous passés sous le joug: Sub jugum missi; сооружалось нечто вроде виселицы (из двух вилообразных палок, стоящих вертикально), поперек которой клали копье, под которым должны были пройти побежденные враги. Фестус.-Транс.

863.

Аппиан, p. 41, 42.

864.

Иностранными войсками командовали вожди соответствующих народов, которые все подчинялись карфагенскому офицеру, названному Аппианом Βοήθαρχος.-Транс.

865.

Plut. in vit. Cat. p. 352.

866.

Plin. l. xv. c. 18.

867.

Plut. ibid. in vitâ Cat.

868.

Ubi Carthago, et æmula imperii Romani ab stirpe interiit, Fortuna sævire ac miscere omnia cœpit. Sallust. in bell. Catilin.

Ante Carthaginem deletam populus et senatus Romanus placidè modestèque inter se Remp. tractabant.-Metus hostilis in bonis artibus civitatem retinebat. Sed ubi formido illa mentibus decessit, illicet ea, quæ secundæ res amant, lascivia atquæ superbia incessere. Idem in bello Jugurthino.-Trans.

869.

Potentiae Romanorum prior Scipio viam aperuerat, luxuriae posterior aperuit. Quippe remoto Carthaginis metu, sublatàque imperii aemulà, non gradu, sed praecipiti cursu à virtute descitum, ad vitia transcursum. Vel. Paterc. l. ii. c. 1.-Trans.

870.

App. p. 42.

871.

Там же.

872.

Polyb. excerpt. legat... p. 972

873.

К римлянам.

874.

Polyb. excerpt. legat. p. 972.

875.

Polyb. p. 975. Appian, p. 44-46.

876.

Аппиан, p. 46.

877.

Balistae или Catapultae. -Trans.

878.

Четыре лиги, или двенадцать миль.-Транс.

879.

Appian, p. 46-53.

880.

Аппиан, с. 53, 54.

881.

Polyb. l. xiii. p. 671, 672.

882.

Аппиан, с. 55. Strabo, l. xvii. p. 833.

883.

Аппиан, p. 55.

884.

Аппиан, p. 55-63.

885.

Аппиан, с. 63.

886.

Аппиан, p. 65.

887.

Стр. 66.

888.

Andriscus.-Trans.

889.

Стр. 68.

890.

Аппиан, стр. 69.

891.

Стр. 70.

892.

Разновидность подвижного моста.

893.

Аппиан, стр. 56, 57. Страбон, l. xvii. p. 832.

894.

Νεωσοίκοις, Страбон.-Транс.

895.

Boch. in Phal. p. 512.

896.

Appian, p. 72.

897.

Именно он сначала командовал за городом, но после того, как другой Асдрубал, внук Масиниссы, был предан смерти, он получил командование войсками в стенах -Trans.

898.

Стр. 73.

899.

Четыре мили и три четверти.-Транс.

900.

Аппиан, стр. 74.

901.

Аппиан, с. 75.

902.

Ibid. p. 78.

903.

Аппиан, p. 79.

904.

Ibid. p. 81.

905.

Аппиан, р. 82.

906.

Есclus, х. 8.

907.

Аппиан, с. 83.

908.

Там же.

909.

Quem taurum Scipio cùm redderet Agrigentinis, dixisse dicitur, æquum esse illos cogitare utrum esset Siculis utilius, suisne servire, au populo R. obtemperare, cùm idem monumentum et domesticæ crudelitatis, et nostræ mansuetudinis haberent. Cicer. Verr. vi. n. 73.-Trans.

910.

Там же.

911.

Appian, p. 84.

912.

Мы можем догадаться о размерах этого знаменитого города по тому, что говорит Флор, а именно, что он горел семнадцать дней, прежде чем его удалось полностью уничтожить. Quanta urbs deleta sit, ut de cæteris taceam, vel ignium morâ probari potest: quippe per continuos decem et septem dies vix potuit incendium extinguere. Lib. ii. c. 15.-Trans.

913.

Neque se Roma, jam terrarum orbe superato, securam speravit fore, si nomen usquam maneret Carthaginis. Adeo odium certaminibus ortum, ultra metum durat, et ne in victis quidem deponitur, neque antè invisum esse desinit, quàm esse desiit. Бел. Paterc. l. i. c. 12.-Trans.

914.

Ut ipse locus eorum, qui cum hâc urbe de imperio certârunt, vestigia calamitatis ostenderet. Cic. Agrar. ii. n. 50.-Trans.

915.

Там же.

916.

Appian, p. 85. Plut. in vit. Gracch p. 839.

917.

Marius cursum in Africam direxit, inopemque vitam in tugurio ruinarum Carthaginensium toleravit: cùm Marius aspiciens Carthaginem, illa intuens Marium, alter alteri possent esse solatio. Vel. Paterc. l. ii c. 19.-Trans.

918.

Appian, p. 85.

919.

Strabo, l. xvii. p. 833.

920.

Там же. 831.

921.

Стр. 733.

922.

Scipio Æmilianus, vir avitis P. Africani paternisque L. Pauli virtutibus simillimus, omnibus belli ac togæ dotibus, ingenique ac studiorum eminentissimus seculi sui, qui nihil in vitâ nisi laudandum aut fecit aut dixit aut seusit. Vel. Paterc. l. i. c. 12.-Trans.

923.

Neque enim quisquam hoc Scipione elegantius intervalla negotiorum otio dispunxit: semperque aut belli aut pacis serviit artibus, semper inter arma ac studia versatus, aut corpus periculis, aut animum disciplinis exercuit. Vel. Paterc. l. i. c. 13.-Trans.

924.

Africanus semper Socraticum Xenophontem in manibus habebat. Tusc. Quæst. l. ii. n. 62.-Trans.

925.

Plut. in vit. Æmil. Paul. p. 258.

926.

Excerpt. è Polyb. p. 147-163.

927.

Она была сестрой Павла Эмилия, отца второго Сципиона Африканского.

928.

Или 11 250 фунтов стерлингов.-Транс.

929.

Κατεγνώκοτες τῆς αὐτῶν μικρολογίας.-Trans.

930.

Или: 13 500 л. стерлингов.-Транс.

931.

Или, 5375л. стерлингов.-Транс.

932.

Pausan. in Arcad. l. xiii. p. 505.

933.

Appian, p. 65. Val. Max. l. v. c. 2.

934.

Appian, p. 65.

935.

Цицерон представляет Катона, говоря о крепком телосложении Масиниссы следующим образом: Arbitror te audire, Scipio, hospes tuus Masinissa quæ faciat hodie nonaginta annos natus; cùm ingressus iter pedibus sit, in equum omnino non ascendere; cùm equo, ex equo non

descendere; nullo imbre, nullo frigore adduci, ut capite operto sit; summam esse in eo corporis siccitatem. Itaque exequi omnia regis officia et munera. De Senectute.-Trans.

936.

An seni gerenda sit Resp. p. 791.

937.

Appian ibid. Val. Max. l. v. c. 2.

938.

Вся эта история Югурты взята из Саллюстия (Sallust.-Trans.).

939.

Terrebat eum natura mortalium avida imperii, et praeceps ad explendam animi cupidinem: praeterea opportunitas suae liberorumque aetatis, quae etiam mediocres viros spe praedae transversos agit. Sallust.-Trans.

940.

Ac sanè, quod difficillimum imprimis est, et praelio strenuus erat, et bonus consilio: quorum alterum ex providentiâ timorem, alterum ex audaciâ temeritatem adferre plerumque solet.-Trans.

941.

Non exercitus, neque thesauri, praesidia regni sunt, verum amici: Quos neque armis cogere, neque auro parare queas; officio et fide pariuntur. Quis autem amicior quam frater fratri? aut quem alienum fidum invenies, si tuis hostis fueris? -Trans.

942.

Он выбрал двух самых ловких из тех, кто последовал за ним в Кирту; они, побуждаемые обещанной им большой наградой и жалея его несчастные обстоятельства, взялись ночью пройти через вражеский лагерь к соседнему берегу, а оттуда - в Рим. Ex iis qui unâ Cirtam profugerant, duos maximè impigros delegit: eos, multa pollicendo, ac miserando casum suum, confirmat, ubi per hostium munitiones noctu ad proximum mare, dein Romam pergerent. Sallust.-Trans.

943.

Multae bonaeque artes animi et corporis erant, quas omnes avaritia praepediebat.-Trans.

944.

Magnitudine pecuniae à bono honestoque in pravum abstractus est.-Trans.

945.

Postquam Româ egressus est, fertur saepe tacitus eò respiciens, postremò dixisse. Urbem venalem et maturè perituram, si emptorem invenerit.-Trans.

946.

Для избрания магистратов. Sal.-Trans.

947.

In Numidiam proficiscitur, magmâ spe civium, cum propter artes bonas, tum maximè quòd adversum divitias invictum animum gerebat.-Trans.

948.

Quibus rebus supra bonum atque honestum perculsus, neque lacrymas tenere, neque moderari linguam: vir egregius in aliis artibus, nimis molliter ægritudinem pati.-Trans.

949.

Теперь охватывает Фес, Марокко и т. д.-Транс.

950.

Plut. in vit. Marii.

951.

Οἷα νέος φιλότιμος, ἄρτι δόξης γεγευμένος, οὐκ ἤνεγκε μετρίως τό εὐτύχημα. Plut. Præcept. reip. gerend. p. 806.-Trans.

952.

Plut. in vit. Marii.

953.

In voce Ἰόβας.-Trans.

954.

Том IV "Мемуаров Академии изящных искусств", с. 457.-Перевод.

955.

Те, кому интересно провести более глубокие исследования в этом вопросе, могут прочитать диссертации аббата Банье и месье Фрере об Ассирийской империи в "Мемуарах" Академии изящных искусств; о первой см. т. 3, а о другой - т. 5; а также то, что написал по этому поводу отец Турнемин в своем издании Менохия.-Транс.

956.

Porphyr. apud Simplic. in l. ii. de cœlo.

957.

Здесь я отступаю от мнения архиепископа Ашера, моего обычного гида, относительно продолжительности Ассирийской империи, которая, по его мнению, вместе с Геродотом длилась всего 520 лет; но время, когда жил Нимрод и умер Сарданапал, я беру у него.-Trans.

958.

Белус или Ваал означает Господь.- Перев.

959.

Быт. х. 9.

960.

Lib. ii. p. 90.

961.

Там же.

962.

Gen. х. 10.

963.

Semiramis eam condiderat, vel, ut plerique tradidere, Belus, ejus regia ostenditar. Q. Curt. l. v. c. 1.-Trans.

964.

Gen. xi. 4.

965.

Hist. Jud. l. i. c. 4.

966.

Lib. i. c. 181.

967.

Gen. x. 11.

968.

Мих. v. 6.

969.

Быт. x. 11, 12.

970.

Diod. l. ii. p. 90.

971.

Fecerunt civitates duas amores duo: terrenam scilicet amor sui usque ad contemptum Dei; coelestem verò amor Dei usque ad contemptum sui. S. Aug. de Civ. Dei, l. xiv. c. 28.-Trans.

972.

Diod. l. ii. p. 90-95.

973.

Диодор говорит, что она находилась на берегу Евфрата, и во многих местах говорит о ней так, как будто это было так; но он ошибается.

974.

Ион. iii. 3.

975.

Трудно поверить, что Диодор не говорит о размерах Ниневии с некоторым преувеличением; поэтому некоторые ученые люди уменьшили стадион чуть больше чем наполовину и считают пятнадцать из них римской милей вместо восьми, как обычно считается.-Транс.

976.

Plut. in Mor. p. 753.

977.

Diod. l. ii. p. 95.

978.

Не стоит удивляться, если мы видим, что основание города приписывается разным лицам. Даже среди профанов принято говорить: "Такой-то князь построил такой-то город",

независимо от того, был ли он тем человеком, который первым его основал, или тем, который только украсил или расширил его -Trans.

979.

Herod. l. i. c. 178, 180. Diod. l. ii. p. 95, 96. Q. Curt. l. v. c. 1.

980.

Я излагаю вещи так, как нахожу их у древних авторов, что также сделал декан Придо; но я не могу не верить, что следует сделать большие послабления в том, что они говорят об огромных размерах Вавилона и Ниневии.-Транс.

981.

Иса. xlv. 2.

982.

Quint. Curt. l. v. c. 1.

983.

Herod. l. i. c. 180 и 186. Diod. l. ii. p. 96.

984.

Диодор говорит, что этот мост был длиной в пять фурлонгов, что вряд ли может быть правдой, так как Евфрат был шириной всего в один фурлонг. Strab. l. xvi. p 738.-Trans.

985.

Strab. l. xvi. p. 740. Plin. l. v. c. 26.

986.

Abyd. ap Eus. Præp. Evang. l. ix.

987.

Abyd. ib. Herod. l. i. c. 185.

988.

Автор следует за Геродотом, который делает его площадью в четыреста двадцать фурлонгов, или пятьдесят две мили; но я предпочитаю следовать за деканом Прайдо, который предпочитает рассказ Мегасфена.-Trans.

989.

Diod. l. ii. p. 96, 97.

990.

Ibid. p. 98, 99. Strab. l. xvi. p. 738. Quint. Curt. l. v. c. 1.

991.

Beros. ap. Jos. cont. App. l. i. c. 6.

992.

Herod. l. i. c. 181. Diod. l. ii. p. 98. Strab. l. xvi. p. 738.

993.

Phal part. 1, l. i. c. 9.

994.

Herod. l. i. c. 183. Strab. l. xvi. p. 738. Αρριαν, l. vii. p. 480.

995.

Diod. l. ii. p. 100-108.

996.

Val. Max. l. ix. c. 3.

997.

Indus.-Trans.

998.

Vol. iii. p. 343, &c.

999.

Lib. i. c. 2.

1000.

Lib. v. de Rep. 451-457.

1001.

Ἐπεῖτερ ἀρετὴν ἀντὶ ἱματίων ἀμφιέσονται.

1002.

De cura rei fam. l. i. c. 3.

1003.

De administr. dom. p. 839.

1004.

Diod. l. ii. p. 108.

1005.

De Leg. l. iii. p 685.

1006.

2 Царств xv. 19.

1007.

Diod. l. ii. p. 109-115. Athen. l. xii. p. 529, 530. Just. l. i. c. 3.

1008.

Κεῖν' ἔχω ὅσος' ἔφαγον, καὶ ἐφύβρισα, καὶ μετ' ἔρωτος
τέρπν' ἔπαθον; τὰ δὲ πολλὰ καὶ ὄλβια πάντα λέλειπται.

Quid aliud, inquit Aristoteles, in bovis, non in regis sepulchro, inscriberes? Hæc habere se mortuum dicit, quæ ne vivus quidem diutiùs habebat, quàm fruebatur. Cic. Tusc. Quæst. l. v. n. 101.-Trans.

1009.

Две мили с половиной.-Транс.

1010.

Около четырнадцатисот миллионов стерлингов.-Транс.

1011.

Паг. 335, 336.

1012.

Ἔσθις, πῖνε, ἀφροδισιάζε; τ' ἄλλα δὲ ἐδέεν.

1013.

2 Царств хх. 12.

1014.

Там же.

1015.

Сap. Ptol.

1016.

Lib. xii. hist. anim. с. 21. Castor apud Euseb. Chron. p. 49.

1017.

2 Царств хvi. 7 и т. д.

1018.

Ис. viii. 4. Ам. i. 5.

1019.

2 Царств хvii.

1020.

Тов. 1.

1021.

Ис. хх. 1. 2 Царств хviii. и хix.

1022.

2 Царств хix. 9.

1023.

2 Цар. хх. 2 Хрон. ххii. 24-31.

1024.

2 Царств хix. 35-57.

1025.

Товит i. 18-24

1026.

2 Царств хix. 37.

1027.

Сap. Ptol.

1028.

Ис. vii. 8.

1029.

2 Chron. xxxiii. 11, 13.

1030.

2 Цар. xvii. 25-41.

1031.

Товит xiv. 5-13.

1032.

Иудифь i. 5, 6.

1033.

Alex. Polyhist.

1034.

Pag. 70.

1035.

Beros. apud Joseph. Antiq. l. x. c. 11. & con. Ap. l. i.

1036.

Иер. xlv. 2. 2 Цар. xxiv. 7.

1037.

Дан. i. 1-7. 2 Хрон. xxxvi. 6, 7.

1038.

Некоторые считают, что в это время ему было восемнадцать лет.

1039.

Can. Ptol. Beros. apud Joseph. Antiq. l. x. c. 11. & con. Ap. l. x.

1040.

Дан. ii.

1041.

2 Цар. xxiv. 1, 2.

1042.

Ал. Иехонияким. 2 Царств xxiv. 6-18.-Транс.

1043.

2 Царств xxiv. 17-20. и xxv. 1-10.

1044.

Дан. iii.

1045.

Девяносто футов.

1046.

Иезек. xxvi. и xxvii. Ис. xxiii. 8. Иуст. л. xviii. с. 3.

1047.

Ис. xxiii. 12.

1048.

Jos. Ant. l. x. c. 11 & con. Ap. l. i.

1049.

Иезек. xxix. 18, 19.

1050.

Там же. 18-20.

1051.

Страница 84.

1052.

Antiq. l. x. 11.

1053.

Дан. iv.

1054.

2 Цар. xxv. 27-30.

1055.

Берос. Мегастен.

1056.

Сугор. l. i.

1057.

Иер. xxvii. 7.

1058.

Ирод. л. i. с. 185 и др.

1059.

Дан. vii.

1060.

Ibid. viii.

1061.

Ibid. v.

1062.

Herod. l. i. c. 95.

1063.

Рим. xiii. 1, 2.

1064.

Ирод. л. i. с. 96-101.

1065.

major ex [pg 356] longinquo reverentia, Tacit.

1066.

Herod. c. 102.

1067.

Его так называют Евсевий, Chron. Græc и Geor. Syncel.-Trans.

1068.

Юдифь, i. 1.

1069.

Ἐπωκοδόμησε ἐπὶ Ἐκβάτανοις. Юдифь, текст Gr.

1070.

Ирод. л. i. с. 102.

1071.

Греческий текст помещает эти посольства перед битвой.

1072.

Herod. l. i. с. 103-106.

1073.

Herod. l. i. с. 74.

1074.

У Геродота он называется Лабинет.

1075.

Herod. l. i. с. 106.

1076.

Нахум iii. 1.

1077.

ii. 1, 2.

1078.

iii. 2, 3.

1079.

ii. 3, 4.

1080.

i. 2, 5, 6.

1081.

Нахум, iii. 5.

1082.

ii. 9, 10.

1083.

Автор в данном месте переводит это так: "Храм ее разрушен до основания". Но я решил следовать нашей английской Библии, хотя в латинском переводе это *camplum*.-Trans.

1084.

ii. 6.

1085.

iii. 3.

1086.

ii. 11, 12.

1087.

Это благородный образ жестокой алчности ассирийских царей, которые грабили и разграбляли все соседние народы, особенно Иудею, и уносили добычу в Ниневию.

1088.

Зефан. ii. 13-15.

1089.

Ирод. л. i. с. 7-13.

1090.

Non contentus voluptatum suarum tacitâ conscientiâ-proisus quasi silentium damnum pulchritudinis esset. Юстин, л. i. с. 7.-Trans.

1091.

Nostro quidem more cum parentibus puberes filii, cum soceris generi, non lavantur. Retinenda est igitur hujus generis verecundia, præsertim naturâ ipsâ magistrâ et duce. Cic. л. i. de offic. n. 129.

Nadare se nefas esse credebatur. Val. Max. л. ii. с. 1.-Trans.

1092.

Plato de Rep. л. ii. p. 359.

1093.

Hunc ipsum annulum si habeat sapiens, nihilo plus sibi licere putet peccare, quàm si non haberet. Honesta enim bonis viris, non occulta quærentur. Lib. iii, de offic. n. 38.-Trans.

1094.

Herod. л. i. с. 13, 14.

1095.

Ibid. л. i. с. 15.

1096.

Ирод. л. i. с. 16, 22.

1097.

Ibid. с. 21, 22.

1098.

Strab. л. xiii. p. 625. & л. xiv. p. 680.

1099.

Herod. l. i. c. 26-28.

1100.

Ibid. l. i. c. 29-33. Plut. in Sol. p. 93, 94.

1101.

Φιλαδελφούς καὶ φιλομήτορας διαφερόντως ἄνδρας.-Trans.

1102.

Причиной этого может быть усталость при движении колесницы.-Транс.

1103.

Λυπήσας μὲν, οὐ νοουθετήσας δὲ τὸν Κροίσον.-Транс.

1104.

Ὡς Σόλων (ἔφη) τοῖς βασιλεῦσι δεῖ ὥς ἥκιστα ἢ ὥς ἥδιστα ὀμιλεῖν. Καὶ ὁ Σόλων, Μὴ Δί (εἶπεν) ἀλλ' ὥς ἥκιστα ἢ ὥς ἄριστα. Звнящие слова ὥς ἥκιστα ἢ ὥς ἄριστα, которые в оригинале прекрасны, потому что основаны на смысле, не могут быть переведены ни на какой другой язык.-Транс.

1105.

Plenas aures adulationibus aliquando vera vox intret: da consilium utile. Quæris, quid felici præstare possis? Effice, ne felicitati suæ credat. Parum in illum contuleris, si illi semel stultam fiduciam permansuræ semper potentiæ excusseris, docuerisque mobilia esse quæ dedit casus; ac sæpe inter fortunam maximam et ultimam nihil interesse. Sen. de benef. l. vi. c. 33.-Trans.

1106.

Herod. l. i. c. 34-45.

1107.

Ibid. 46-50.

1108.

Herod. l. i. c. 71.